

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

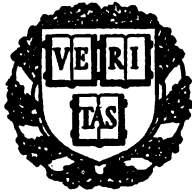
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

CP 378.20 (1871)

Harvard College
Library

FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928
DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910-1928

ПРАВОСЛАВНЫЙ

СОБЕСѢДНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1871.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

Печатать дозволяется.

Ректоръ академіи, протоіерей *А. Владимірскій.*

СЛОВО,

СКАЗАННОЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ АНТОНІЕМЪ, АРХІЕПИСКОПОМЪ КАЗАНСКИМЪ, ПРИ ПОСЪЩЕНІИ ПАСТВЫ ВЪ СЕЛѢ АЛЕКСѢВСКОМЪ, ЛАИШЕВСКАГО УЪЗДА, 13 ЮНЯ 1871 Г. (¹).

Радуюсь и утѣшаюсь я, братіе—обитатели сей богоспасаемой вѣси, что вижу васъ твердо пребывающими во св. православной вѣрѣ, неуклонно держащими св. Церкви Христовой, какъ вѣрныхъ и истинныхъ чадъ ея, добрыхъ и послушныхъ овецъ стада Христова и усердныхъ къ приходскому храму вашему и совершаемымъ въ немъ службамъ Божиимъ и священнодѣйствіямъ служителями алтаря Господня. Отраднo видѣть мнѣ, что и дѣти ваши, учащіяся въ такомъ множествѣ грамотѣ, участвуютъ въ божественныхъ службахъ въ храмѣ семъ не только нелѣнностнымъ присутствіемъ при нихъ, но и чтеніемъ и весьма стройнымъ пѣніемъ на клиросѣ, чѣмъ, конечно, они привлекаютъ на себя обильное благословеніе Божіе и приносятъ оное изъ храма въ дома ваши ко благу вашему и спасенію душъ вашихъ.

(¹) Въ селѣ Алексѣвскомъ есть довольно раскольниковъ. Многіе однакоже изъ зараженныхъ расколомъ были въ храмѣ при служеніи и литургіи и слушали сіе слово.

Но, къ крайнему прискорбію моему, знаю я, что въ вѣси сей, на этой доброй вивѣ Божіей, есть очень немало и недобрыхъ плевель, въ этомъ вѣрномъ стадѣ Христовомъ есть много овецъ заблудшихъ, удалившихся изъ спасительной ограды св. Церкви на распутія пагубнаго раскола, чуждающихся сего своего приходскаго храма, лишающихъ себя благодатнаго общенія вмѣстѣ съ вами въ св. таинствахъ и службахъ Божіихъ, совершаемыхъ законными и дверми входящими служителями и пастырями, и довольствующимися самочинными сборищами на молитву въ неблагословенныхъ и неосвященныхъ мѣстахъ, богопротивно возносимую или вовсе неосвященными лицами, или отънуды прелазящими сюда съ печатію мнимаго священства, святотатственно получаемаго отъ такъ называемой австрійской, лживой и безчинной іерархіи.

О! пора бы симъ жалкимъ заблудшимъ овцамъ познать свои заблужденія, послѣ того, какъ эти заблужденія изъ тмы своей выведены на свѣтъ и обличены со всею ясностію предъ лицомъ истины, послѣ того, какъ лучшіе и разумнѣйшіе изъ ихъ общества уже и познали и исповѣдали сію истину и возвратились съ распутія раскола въ нѣдра матери—Церкви, а остались въ расколѣ развѣ только самые темные невѣжды, или злонамѣренные и своекорыстные обманщики.

Молитесь, прошу васъ, братіе, вѣрные и православные чада сего святаго храма, вмѣстѣ со мною, объ этихъ заблудшихъ вашихъ собратіяхъ, да дастъ и имъ наконецъ Господь придти, иже вѣсть судьбами, въ познаніе истины и возникнуть отъ обдержанной ихъ теперь діавольской сѣти раскольническихъ заблужденій, а между тѣмъ сами вы, *молю васъ словами апостола Павла, тщательно блюдитесь отъ теорлицихъ распри и раздоры, кромѣ ученія, емуже научитесь, и уклонитесь отъ нихъ* (Рим. 16, 17). Тверди бывайте и непоступни ни въ чемъ предъ этими лжеучителями, неразумнѣющими, какъ говорить апо-

столь, *ни яже глаголютъ, ни яже утверждають* (1 Тим. 1, 7). Держитесь неуклонно спасительной ограды Церкви и руководства своихъ пастырей, не отычуды прелѣзшихъ, а дверми вошедшихъ къ вамъ. Ибо внѣ Церкви нѣтъ спасенія: *аще кто Церковь преслушаетъ*, говоритъ Господь Иисусъ Христосъ, *буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Мате. 18, 17). Св. Церковь въ мѣрѣ семъ то же, что былъ Ноевъ ковчегъ въ древнемъ мѣрѣ. Спаслись отъ всемірнаго потопа только тѣ, кои были въ семъ ковчегѣ: такъ и спасутся отъ вѣчной гибели и получатъ жизнь вѣчную только тѣ, кои твердо держатся въ нѣдрахъ св. Церкви.

Не слушайте лживыхъ рѣчей этихъ отщепенцевъ, что будто бы у нихъ, въ ихъ общинахъ, и сохранилась истинная Церковь Христова. Нѣтъ, возлюбленные! Это ложь и обманъ. У нихъ, въ этихъ раскольническихъ общинахъ, нѣтъ и слабаго подобія истинной Церкви. Церковь свою Господь Иисусъ Христосъ создалъ на землѣ для того, дабы она была *свѣтомъ міру*, какъ самъ Онъ сказалъ апостоламъ: *вы есте свѣтъ міра... Тако да просвѣтитъ свѣтъ ваши предъ чловѣки* (Мате. 5, 14, 16); создалъ для того, чтобы она, по реченному Имъ же, была *градомъ верху горы* (Мате. 5, 14), видимымъ для всѣхъ людей, а не скрывающимся гдѣ-либо во тмѣ, за горами, въ дѣбряхъ и ущельяхъ. Но общины раскольническія не любятъ ли, напротивъ, тму паче, нежели свѣтъ, и не скрываются ли онѣ обыкновенно отъ свѣта Божія, отъ свѣта истинны, который невыносимъ для ихъ глазъ? Церкви своей далъ естъ Господь единожды навсегда пастырей и учителей (Еф. 4, 11), непрерывно приѣмлющихъ благодать священства чрезъ рукоположеніе, ведущее начало свое отъ самихъ апостоловъ: но въ раскольническихъ общинахъ гдѣ таковыя пастыри и учителя? Въ Церкви своей Господь Иисусъ Христосъ установилъ таинства и священнодѣйствія, наипаче же свѣтѣйшее таинство тѣла и крови своей, коему повелѣно совершаемо быть до скочанія вѣка (1 Кор. 11, 26),

дабы всѣ истинно вѣрующіе въ Него были причастниками сей пребожественной трапезы, сего непремѣннаго залога жизни вѣчной (Іоан. 6, 51. 53). Но у большей части раскольническихъ общинъ нѣтъ уже таинствъ, нѣтъ причащенія тѣла и крови Христовыхъ, нѣтъ святаго алтаря, ни храма, или же есть мѣста для самочиннаго совершенія молитвъ, но неблагоговѣнныя и неосвященныя, а слѣдовательно небогоугодныя, чуждыя благодати Духа Святаго, дѣйствующей въ св. таинствахъ.

Истинная Церковь Христова, какъ исповѣдуете вы въ символѣ св. вѣры, есть *единая, святая, соборная, апостольская*. Гдѣ же въ раскольническихъ общинахъ эти признаки и качества истинной Церкви? У нихъ, во-первыхъ, нѣтъ никакого *единства* между собою ни въ духѣ вѣры, ни въ духѣ любви Христовой, ни даже въ обрядахъ, коихъ являются они наипаче горячими ревнителями. Они раздѣлены на безчисленные толки, взаимно другъ другу противорѣчащія, взаимно другъ друга ненавидящія. Въ этомъ безчисленномъ множествѣ толковъ они сами себя лишаютъ даже имени, заимствованнаго отъ Христа, а называются именами своихъ расколуучителей, или еще какъ-нибудь иначе, наур. едосѣвцами, поморцами, рябиновцами, нѣтовцами, по Спасову согласію, по австрійскому священству и проч. Гдѣ же тутъ единая Христова Церковь?

Немного есть, далѣе, и *святаго* въ ихъ общинахъ. Свято у нихъ только то, чтò согласно съ православною Церковію. Но сколько за то у нихъ есть къ этому примѣси, отнюдь не имѣющей качества святости! Сколько есть самыхъ нелѣпыхъ мнѣній, искаженныхъ толкованій слова Божія, превращенныхъ изъясненій святоотеческихъ писаній, сколько самыхъ безнравственныхъ и противныхъ здравому смыслу суевѣрій и заблужденій! А главное, чтò лишаетъ общины раскольническія качества святости, есть то, что у нихъ нѣтъ святыхъ таинствъ и истинныхъ сдужбъ Божи-

ихъ, коими только и освѣщаются и спасаются души христіанскія.

Общины раскольническія не могутъ быть названы и *соборными*, т. е. вселенскими, католическими. Ибо осмѣлятся ли утверждать онѣ, что ихъ лживые толки и мнѣнія были когда-либо и есть нынѣ мнѣнія повсюдныя, всеобщія, которыя содержимы были издревле въ мірѣ христіанскомъ и исповѣдуемы святыми и богомудрыми отцами и учителями Церкви, утверждены вселенскими или помѣстными соборами Церкви, знаемы и на востокѣ и на западѣ, у всѣхъ народовъ, исповѣдующихъ Христову вѣру? Нѣтъ, братіе, большая часть ихъ лживыхъ мнѣній лишь недавняго и мѣстнаго — у насъ на Руси — происхожденія гдѣ-либо на поморьѣ, въ иргизскихъ скитахъ, на Веткѣ и под. Самыя главныя и общія ихъ мнѣнія: о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, объ осьми концахъ креста Христова, о двоеніи аллилуія, объ имени Исуса и подоб. никогда не были утверждаемы ни соборами вселенскими, ни древними пастырями и учителями востока и запада, и теперь чужды странамъ, исповѣдующимъ православную вѣру за предѣлами Россіи.

Общины раскольническія, наконецъ, отнюдь не имѣютъ и свойства *апостольской* Церкви. Ибо кого изъ апостоловъ Христовыхъ укажутъ онѣ учителями и проповѣдниками тѣхъ своихъ мнѣній, которыя выдають онѣ за догматы вѣры, за непремѣнныя правила дѣятельности христіанской? Кто изъ апостоловъ напр. научилъ ихъ такъ или иначе слагать персты для знаменія крестнаго, называть сладчайшаго Спасителя нашего Исусомъ, а не Исусомъ, и проч.? Но въ особенности вотъ что отнимаетъ у раскольническихъ общинъ качество апостольской Церкви: нѣтъ у нихъ преемства рукоположенія апостольскаго въ св. таинствѣ священства — этой самой необходимой и живой связи, коею Церковь Христова всѣхъ вѣковъ отъ начала доселѣ связуется во единое нераздѣльное цѣлое, по коей и нынѣ она именно есть апостольская Церковь и пребудетъ таковою до скончанія временъ.

Такъ, возлюбленные братіе, твердо вѣруйте, что истинная Христова Церковь, единая, святая, соборная и апостольская есть только православная Церковь, къ которой вы принадлежите. Будьте же и всегда живыми членами ея, а для сего несомнѣнно вѣруйте и неизмѣнно проповѣдуйте то именно ученіе, какое она возвѣщаетъ вамъ, послушно повинуйтесь ея уставамъ и заповѣдамъ и неуклонно слѣдуйте руководству своихъ пастырей и усердно посѣщайте сей столь благолѣпный храмъ вашъ въ праздники Господни, для участія въ службахъ божественныхъ, для общенія въ св. таинствахъ Церкви, въ чемъ заключается единственный источникъ для освященія и спасенія душъ христіанскихъ.

Молитесь, повторяю, и о заблуждающихъ собратіяхъ вашихъ, да самъ Господь вразумитъ и просвѣтитъ ихъ истиною своею, а сверхъ сего и примѣромъ вашей благочестивой, честной, цѣломудренной, воздержной жизни, вашего усердія къ Церкви Божіей и храму сему, вашего мирнаго и согласнаго въ духѣ любви Христовой взаимнаго житія привлекайте ихъ къ общенію съ вами, а чрезъ васъ и къ общенію съ святою Церковію православною, да содѣлаются и они рано или поздно овцами единой паствы и единаго пастыря—Христа. Аминь.

СПИРИТИЗМЪ

КАКЪ ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНАЯ ДОКТРИНА.

(продолженіе)

III.

Нѣмецкая философія въ лицѣ Шеллинга, Шуберта, Баадера и другихъ помогла мистическому месмеризму, подъ непосредственнымъ вліяніемъ сведенборгіанства, сформироваться въ довольно стройную систему, давъ ему широкую метафизическую и отчасти гносеологическую основу. Превосходство созерцанія надъ мышленіемъ, сонной жизни надъ бодрственною, таинственная непосредственная связь духа съ высшимъ міромъ, процессъ развитія его изъ всеобщей основы,—всѣ эти основоположенія философіи шеллинговой школы, почти цѣликомъ, вошли въ составъ построеній Кернера и ему подобныхъ, отчасти и въ систему Каанье. Съ этой стороны мистическій месмеризмъ разсматриваемаго періода является отраслю нѣмецкаго идеализма, одною изъ многочисленныхъ формъ его; но въ то же время онъ рѣзко выдѣляется изъ этого послѣдняго, потому что краеугольнымъ камнемъ его остаются все-таки открытія Месмера и Пюисегюра. Принципъ, *pervus probandi* его заключается не въ мягкой аксіомѣ тождества бытія и мышленія,

матеріального и духовнаго, какъ въ идеалистической философіи, а въ опытѣ, въ непосредственномъ свидѣтельствѣ чувствъ, приведенныхъ магнетизмомъ въ особенное состояніе. Не сквозь покровъ тѣлесной оболочки, не посредствомъ толкованія символическихъ глаголовъ духа въ природѣ видимой, а лицомъ къ лицу, прямо и непосредственно созерцаетъ сомнамбула истинную сущность всего, истинную природу міра и духа. Потому здѣсь общіе выводы получаются не путемъ силлогизаціи и дедукціи, какъ въ идеалистической философіи, а путемъ сравненія и обобщенія фактовъ магнетическаго опыта, путемъ *наведенія*, какъ въ естествознаніи. Уже у Кернера и Каанье черта эта выступаетъ довольно рельефно, хотя они не придаютъ ей еще особеннаго значенія: они не обращаютъ еще особеннаго вниманія на *методъ* и не имѣютъ ясно сознаваемой претензіи образовать изъ своихъ открытій особый отдѣлъ естествознанія, наряду съ астрономіею, физикою, химіею и т. п. Этотъ пробѣлъ и былъ исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія мистическаго месмеризма, какъ системы міра. Приемъ Кернера и Каанье былъ слишкомъ еще субъективенъ, присутствіе духовъ въ ихъ опытахъ съ сомнамбулами было сокрыто для самихъ экспериментаторовъ и принималось самими ими на вѣру; тѣмъ болѣе для посторонняго наблюдателя оно не имѣло и тѣни очевидности. Для успѣха теоріи нужно было все это исправить и усовершенствовать. Конечно никто изъ месмеристовъ не стремился къ этому сознательно, но было много мотивовъ къ попыткамъ въ этомъ направленіи, и обстоятельства сами собою влекли мистиковъ нечувствительно на этотъ путь. Съ одной стороны, какъ было уже замѣчено, раціонализмъ и отрицаніе въ сорочовыхъ и особенно пятидесятихъ годахъ настоящаго столѣтія получили новую силу, опираясь именно на опытѣ, наблюденіи и блистательныхъ результатахъ, полученныхъ посредствомъ ихъ. Это заставило мистиковъ - месмеристовъ, дѣлавшихъ всегда главною сво-

ею задачею боротьбу съ матеріалистическимъ раціонализмомъ, обратитъ серьезное вниманіе на свой методъ. Съ другой стороны, начавшаяся немедленно реакція противъ новѣйшаго раціонализма со стороны богословія, философіи и даже естествознанія дала благопріятную почву для распространенія и обильный матеріаль для развитія мистическаго месмеризма въ его содержаніи.

Въ гегеліанствѣ нѣмецкая философія разорвала всякую связь съ мистикою, поставивъ опять на первый планъ интеллектуальную, „мозговую жизнь человека“, какъ выражался Кернеръ, къ которой относятся съ такимъ презрѣніемъ мистики. Съ тѣмъ вмѣстѣ она превратилась въ чистѣйшій раціонализмъ и стала въ противорѣчіе не только съ крайнею мистикою, но и съ основными таинственными истинами христіанской вѣры. На первыхъ порахъ, впрочемъ, это не было замѣчено: гегеліанство сдѣлалось господствующимъ и вошло въ тѣсную связь съ протестантскою и даже католическою догматикою. Но скоро изъ него выродилось прямое и открытое отрицаніе христіанскаго откровенія, а за тѣмъ, въ школѣ Фейербаха, и всякой религіи. Гегеліанство легко превратилось въ атеизмъ и крайній матеріализмъ, который и разразился съ небывалою силою, поддерживаемый многочисленными новыми изслѣдованіями и открытіями въ области наукъ естественныхъ, особенно геологіи, химіи и фізіологіи. Матеріализмъ, какъ извѣстно, есть чисто метафизическая теорія и, какъ такой, есть предположеніе, вполнѣ не оправдывающееся и не могущее оправдаться фактами. Оттого серьезные естествоиспытатели, для которыхъ самый незначительный законъ, опирающийся на несомнѣнныхъ и хорошо обследованныхъ фактахъ, дороже сотни самыхъ блистательныхъ гипотезъ и построеній,—такіе естествоиспытатели не могли проповѣдывать матеріализма, хотя, постоянно имѣя дѣло съ матеріей и ея силами, вслѣдствіе естественной ученой односторонности, всегда были нечужды

склонности къ матеріалистическимъ воззрѣніямъ. Но вслѣдъ за Фейербахомъ нашлось много людей, воспитанныхъ на гегеліанской метафизикѣ, чуждыхъ умѣренности и ученой добросовѣстности: они возвели темныя, давнишнія гаданія матеріалистическаго монизма на степень непреложной и новой истины и распространили матеріализмъ посредствомъ большого количества популярныхъ сочиненій. Блистательный успѣхъ этихъ лже-естествоиспытателей въ массѣ полуобразованной читающей публики воодушевилъ ихъ и далъ возможность организовать нѣчто въ родѣ матеріалистической мисси, проникнутой духомъ пропаганды, достигающимъ крайняго фанатизма. Заявивши громко, ясно и открыто отрицаніе всего духовнаго, эти люди не остались въ области теоріи: они потребовали немедленно осуществленія своей теоріи, своего міросозерцанія въ жизни практической, потребовали преобразованія всѣхъ областей жизни и съ тѣмъ вмѣстѣ разрушенія, уничтоженія всего существующаго порядка социальной, умственной и религіозно-нравственной жизни общества: они потребовали уничтоженія алтарей и храмовъ, уничтоженія семейства и государства и т. п. Сочиненія Фейербаха и его друзей Фогта, Молешотта, Бюхнера, Кцольбе читались съ жадностію и производили броженіе умовъ, которое казалось на первыхъ порахъ въ высшей степени опаснымъ. Представители господствующаго порядка вещей—спиритуалисты на первыхъ порахъ не были въ состояніи дать сильный отпоръ матеріализму, потому что этотъ послѣдній затронулъ слишкомъ много сторонъ и выставилъ много новыхъ поразительныхъ фактовъ, которые нелегко было сразу поставить въ гармонію съ спиритуализмомъ и религіею. Нѣкоторые изъ богослововъ не нашли ничего лучше сказать, кромѣ того, что объявили не только всю теорію, но и всѣ факты, приводимые матеріалистами, навожденіемъ дьяво-

ла ⁽¹⁾; философы начали повторять старые стереотипные аргументы, выставившиеся против материалистов времен Платона и Плотина. Но скоро защитники истины ориентировались, разоблачили модную теорию отъ всего привлекательнаго, показали ея пустоту, нелогичность и противорѣчіе съ фактами опыта. Они отыскиали средоточный пунктъ въ новой матеріалистической теоріи—отрицаніе субстанціальности человѣческой души, съ которымъ стоитъ и падаетъ вся матеріалистическая система, и всѣ свои силы направили на отысканіе эмпирическихъ, сообразныхъ съ новѣйшимъ состояніемъ знанія, доказательствъ бытія духа. Завязался длинный и горячій споръ между учеными Германіи, извѣстный подъ именемъ спора „о тѣлѣ и душѣ“ (Ueber Leib und Seele), результатомъ котораго была здѣсь цѣлая литература брошюръ и книгъ въ формѣ ученыхъ изслѣдованій и популярныхъ статей, въ прозѣ и стихахъ. Тоже самое повторилось, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, во Франціи и Англіи. Матеріалисты должны были понизить тонъ и сознаться, что ихъ ученіе далеко не научно и не можетъ почитаться несомнѣнно истиннымъ: всѣ свои возраженія и защиту противъ спиритуализма они должны были свести къ слѣдующему положенію, которое и развивали на разные лады въ своихъ сочиненіяхъ: „можетъ быть у васъ, говорятъ они спиритуалистамъ, ненаучно и нескладно, за то у васъ и совершенно недѣло“ ⁽²⁾. За полемическими сочиненіями, между тѣмъ, со стороны спиритуалистовъ явились обширныя и со-

⁽¹⁾ Одинъ, напр., итальяскій богословъ отрицалъ систему Коперника и серьезно утверждалъ, что геологическіе пласты и окаменѣлости нарочито и съ умысломъ сдѣланы дьяволомъ, чтобы ввести людей въ заблужденіе. См. *La question du surnaturel, par Maignon.*

⁽²⁾ Троицкій. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Москва. 1867 г. 653 стр.

лидныя изслѣдованія Лотце, Вагнера, Германа Фихте, Ульрици и др. Послѣ этихъ трудовъ для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ дѣломъ и безпристрастнаго мыслителя, стало очевиднымъ, что на сторонѣ спиритуализма несравненно болѣе научной силы и достоинства, чѣмъ на сторонѣ матеріализма, что по мѣрѣ накопленія изслѣдованій о духѣ человѣческомъ должны открыться новые и новые факты въ пользу субстанціальности духа и есть большая надежда, что рано или поздно истина эта станетъ выше споровъ и сомнѣній. Правда нѣмецкіе философы защитники спиритуализма не хотѣли остановиться на этомъ неопредѣленномъ результатѣ, хотя и его вполне достаточно для торжества спиритуалистическихъ воззрѣній въ настоящее время: они пытались изобразить самую природу духа, его сокровенную сущность и измѣнить господствующее понятіе духа, кажущееся чисто отрицательнымъ и не дающее, повидимому, никакой опредѣленной идеи, никакого образа, — измѣнить его на болѣе положительное и опредѣленное. Но въ этихъ попыткахъ они неизбежно, по самой сущности дѣла, должны были приблизиться къ матеріализму, или впали въ мистицизмъ и заставили философію нѣмецкую опять подать руку мистическому месмеризму. Ульрици, напр., мыслить духъ, „какъ атомъ, (силою расширенія) наполняющій опредѣленное пространство, обладающій неразрывнымъ протяженіемъ, существующій самъ по себѣ и, однако, недѣлимый, потому что несложный“ (1). Атомъ этотъ обладаетъ даже силою сопротивленія. Легко видѣть, что это ученіе есть какая-то странная смѣсь матеріализма и спиритуализма. Германъ Фихте приближается напротивъ къ мистическому месмеризму. Онъ снабжаетъ духъ матеріальною, тонкою оболочкою, „внутреннимъ тѣломъ“, по его терминологіи. Это внутреннее тѣло электрическо-магнитной природы, имѣетъ

(1) Тѣло и душа. 8 и 29 стр. С. Петербургъ 1869.

форму тѣла внѣшняго, грубаго, которымъ покрывается, какъ магнитъ желѣзными опилками. Тѣло это вѣчно сохраняется и дѣлаетъ духъ опредѣленную простраивенную субстанцію ⁽¹⁾. Подобное же благопріятное для мистическаго месмеризма явленіе произошло и въ области богословія. Богословы преимущественно отстаивали противъ матеріализма истину сотворенія міра Богомъ, истину провиденціальной дѣятельности Божества и тѣсно связанное съ этими истинами ученіе о высокомъ значеніи нашей планеты въ системѣ мірозданія. Это привело ихъ естественно и неизбежно къ вопросу объ обитаемости другихъ планетъ и міровъ, вопросу, который поставленъ былъ еще раціоналистами XVIII вѣка и остался безъ отвѣта. И къ сожалѣнію немногіе изъ нихъ имѣли настолько вѣры въ откровеніе и твердости духа, чтобы отвѣтить на него „не знаю“, потому что ни наука, ни откровеніе не даютъ для рѣшенія его никакихъ опредѣленныхъ данныхъ. Явилась гипотеза, что остальные міры населены высшими духами, ангелами, стоящими, какъ говоритъ слово Божіе, на различныхъ степеняхъ совершенства. Въ основу ея положено было изреченіе Спасителя: *въ дому Отца моего обители многи суть*, и нѣкоторые другія мѣста св. Писанія ⁽²⁾. Но неизбежнымъ логическимъ послѣдствіемъ этой гипотезы должно было быть признаніе тѣлесности и различной тонкости тѣлъ высшихъ духовъ, далѣе признаніе различныхъ ступеней въ состояніи матеріальныхъ міровъ, потомъ мысль о вѣчномъ процессѣ развитія и о существованіи міровыхъ тѣлъ на одной ступени развитія съ землею и слѣдовательно населенныхъ тоже людьми, наконецъ мысль о существованіи тѣлъ низшихъ земли,

(1) Владиславлевъ. Современныя направленія въ наукѣ о душѣ.

(2) I. H. Kurz. Bibel und Astronomie. Eine Darstellung der biblischen Kosmologie und ihrer Beziehung zu den Naturwissenschaften. 5 Edit. 1865. S. 311 sqq.

населенныхъ высшими существами, которыя имѣютъ нѣкогда сдѣлаться людьми. Обставленная такими послѣдствіями логическими гипотеза уже становится ересью, которая осуждена пятымъ вселенскимъ соборомъ въ оригенизмъ, и прямо переходитъ въ теорію міра, выработанную мистическимъ месмеризмомъ. Несмотря на эти крайности и увлеченія въ борьбѣ съ новѣйшимъ матеріализмомъ, спиритуализмъ занялъ весьма твердую позицію, опираясь на строго научномъ, опытномъ изслѣдованіи фактовъ душевной жизни человѣка и на очевидной, все рѣзче и рѣзче обозначающейся особенностяхъ духовныхъ явленій, неотразимо требующей признанія особеннаго самостоятельнаго начала, ихъ производящаго. Но и матеріалисты не потерпѣли окончательнаго пораженія. Сознывая, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, недостатки и пробѣлы своей теоріи, они жалуются на несовершенство химіи и фізіологіи и ждутъ подтвержденія своихъ предположеній отъ новыхъ фактовъ и открытій въ этой области естествознанія. Такимъ образомъ тѣ и другіе ждутъ всего для себя отъ фактовъ—первыя внутренняго, послѣдніе вѣшняго опыта и наблюденія. Лучшіе представители той и другой партіи воздерживаются отъ всякихъ умозрѣній относительно сущности духа и формы его бытія: *sine ira et studio* они продолжаютъ тщательное изслѣдованіе фактовъ, каждый въ своей области. Такая умѣренность и терпѣливость новѣйшихъ представителей науки условливается въ значительной мѣрѣ яснымъ и отчетливымъ повиманіемъ основныхъ законовъ человѣческаго знанія, основныхъ и всеобщихъ условій и законовъ доказательства. Это послѣднее явленіе обязано въ свою очередь существованіемъ въ значительной мѣрѣ распространенію и усиленію началъ такъ называемой *позитивной философіи*. Распространеніе ихъ во всѣхъ слояхъ мыслящаго общества дѣлаетъ невозможными тѣ „ванханалии мысли“, которыя въ текущемъ столѣтіи бросали европейское человѣчество изъ одной крайности въ другую, тотъ безграничный произволь, къ ко-

тому приводило ее исканіе основнаго принципа всего сущаго за предѣлами и помимо опыта и увлекало то въ метафизику матеріализма, то въ метафизику идеализма. Основная идея позитивной философіи есть та, что несомнѣнною, непререкаемою истинною можетъ почитаться только то, что непосредственно и самымъ строгимъ и тщательнымъ образомъ наблюдено посредствомъ вышняго или внутренняго опыта, и далѣе—то, что изъ этихъ наблюденій, съ соблюденіемъ строжайшихъ предосторожностей, выведено на основаніи извѣстныхъ общепризнанныхъ и всеобщихъ законовъ мышленія и познанія: все же остальное принадлежитъ или области фантазіи, или области вѣроятнаго, или же области религіозной вѣры, которой никакъ не исключаетъ правильно понятый позитивизмъ, — напротивъ даетъ ей самый широкій просторъ, полное и законное право на существованіе, какого она не находила ни въ одной изъ главныхъ и болѣе вліятельныхъ философскихъ системъ, даже спиритуалистическихъ (1).

Всѣ, описанныя выше въ общихъ чертахъ, движенія въ интеллектуальной жизни Европы совершались въ высшихъ сферахъ ея, среди людей передовыхъ, жрецовъ науки. Перехода отсюда въ массу образованнаго общества, они значительно видоизмѣнились и

(1) Обыкновенно позитивизмъ почитается враждебнымъ религіи и вообще спиритуалистическому міросозерцанію, его часто отождествляютъ съ матеріализмомъ. Но это совершенно несправедливо и происходитъ оттого, что имѣется въ виду не основная идея позитивизма, а одна изъ его формъ и притомъ самая первоначальная. Основатель позитивизма, извѣстный Огюсть Контъ, былъ дѣйствительно крайній матеріалистъ и нѣкоторые изъ учениковъ его, напр. Литтре, остались вѣрными своему учителю въ этомъ отношеніи. Но другіе пошли далѣе и совершенно вѣрно признали матеріализмъ противорѣчающимъ основнымъ началамъ самого Конта. Съ распространеніемъ въ Германіи, позитивизмъ еще болѣе удалился отъ матеріализма и сдѣлался нейтральною, общою для всѣхъ областей знанія гносеологическою теоріею.

породили новыя тенденціи. Съ одной стороны адепты матеріализма въ средѣ этого общества не хотѣли сдѣлать никакой уступки спиритуализму: для нихъ въ матеріализмъ все было чистѣйшая истина, не требующая дальнѣйшихъ разсужденій, а въ спиритуализмъ все невѣжественныя измышленія, фантазіи и бредни, не стоящія опроверженія. Они почитали умѣренность ученыхъ естествоиспытателей тупостью, трусостью, ренегатствомъ и продолжали свою пропаганду въ духѣ Фогта, Молешотта. Съ другой стороны и спиритуалисты не были довольны своими вождями. Не посвященные во всѣ тайны науки, они не могли понять ихъ умѣренности, считали ее уступкою матеріализму, даже сочувствіемъ ему. Для нихъ было ясно одно, что спиритуалисты-философы не въ состояніи доказать съ несомнѣнностію; не допускающею возраженія, субстанціальность духа, не въ силахъ сразу уничтожить матеріализмъ. Имъ нужно было не простое убѣжденіе въ ненаучности и несостоятельности матеріалистической теории, не простая увѣренность въ абсолютной необходимости признанія особеннаго начала явленій душевной жизни человѣка,—нѣтъ, имъ нужно было осязательное доказательство бытія духа субстанціального и безсмертнаго, такое же осязательное, какъ осязательно доказательство бытія тѣла съ его органами. Они не могли и не хотѣли понять, что это внѣ силъ и способностей нашей природы, насколько она намъ извѣстна, что всѣ принципы сокрыты отъ ограниченнаго человѣческаго ума въ его настоящемъ состояніи, что убѣдиться въ ихъ бытіи можно, по самой сущности нашего ума, только посредственно, косвеннымъ путемъ, что желать противнаго значитъ желать перестать быть человѣкомъ, измѣнить свою природу. Они не хотѣли понять и того, что матеріалисты также не могутъ дать осязательнаго доказательства бытія своей матеріи, матеріи *an sich*, въ ея существѣ, что въ понятіи матеріи еще болѣе, можно сказать, сверхъ опытнаго и въ добавокъ противорѣчиваго, чѣмъ въ поня-

тии духа, что тѣло есть тоже явленіе матеріи, какъ наприѣ. мысль есть явленіе духа, а мысль доступна въ одинаковой мѣрѣ нашему непосредственному наблюденію, какъ и тѣло. Вслѣдствіе этихъ заблужденій они не въ состояніи были видѣть во всей силѣ и недостатки матеріализма; напротивъ, онъ былъ для нихъ проще, понятнѣе и доказательнѣе спиритуализма, потому они боялись его и хотѣли, чтобы спиритуализмъ былъ также простъ и осязателенъ, какъ простъ и осязателемъ имъ казался матеріализмъ. Они по-своему проникнуты были позитивными стремленіями, искали и ждали факта, но понимали фактъ грубо, невѣжественно, можно сказать, матеріалистично, какъ воспріятіе внѣшнихъ чувствъ: говоря прямо, они хотѣли видѣть, слышать, осязать духъ и душу и наивно считали это совершенно возможнымъ и даже *естественнымъ*. Они и не подозрѣвали, что духоявленіе, какъ разрушеніе естественныхъ границъ нашей природы, можетъ быть только дѣйствіемъ всемогущества Того, кто положилъ эти предѣлы, что духоявленіе, какъ такое, всегда сверхъестественно и не можетъ быть инымъ, что естественное духоявленіе есть *contradictio in adjecto*, и такая же химера, какъ, наприѣрѣ, было бы явленіе какому-нибудь физику или химику матеріи въ ея чистомъ видѣ, въ ея независимомъ отъ явленій субстанціальномъ бытіи, въ ея сокровенной природѣ ('). Какъ ни странно такое желаніе, оно весьма естественно у человѣка не получившаго строго научнаго образованія, а учившагося всему понемногу и ничего не знающаго основательно, а такихъ всегда много. Чѣмъ смѣлѣе и открытѣе выступалъ матеріализмъ, тѣмъ сильнѣе у людей этого сорта, не сочувствовавшихъ ему, но не

(') Слово Божіе всюду и утверждаетъ истину духоявленія именно въ этомъ смыслѣ, какъ особенное дѣйствіе Божества съ высокими нравственными цѣлями. Даже явленіе демоновъ представляется всегда здѣсь какъ попущеніе Божіе, а не какъ что-то естественное.

могшихъ ничего ему противопоставить, было желаніе войти самими и поставить матеріалистовъ въ непосредственное общеніе съ міромъ духовнымъ, въ бытіе котораго они вѣрили или, точнѣе, старались вѣрить всѣми силами своей души. Такимъ образомъ къ адептамъ мистическаго месмеризма, поклонникамъ Юнга Штиллинга, Кернера, Каанье, которымъ были привычны, хотя еще въ очень недостаточной формѣ, бесѣды съ духами, и которые готовы были принять всякую новую попытку въ этомъ родѣ, присоединилась, силою обстоятельствъ, громадная масса людей, жаждавшихъ и искавшихъ непосредственнаго откровенія міра духовнаго, и отъ этого откровенія ожидавшихъ спасенія своихъ лучшихъ и дорогихъ убѣжденій, спасенія, наконецъ, человѣчества, которому матеріализмъ грозилъ такимъ страшнымъ потрясеніемъ. Но при этомъ стремленіи, которое коренилось въ недовольствѣ защитниками религіи и спиритуалистической философіи, естественно возникло сочувствіе ко всему, что разрушало эти послѣднія, показывало ихъ мнимое безсиліе и несостоятельность. Оттого люди этого направленія, стараясь защитить вѣру въ міръ духовный и въ откровеніе, съ интересомъ слѣдили за противохристіанскою литературою, склонялись на сторону Баура, Ренана, Штрауса и имъ подобныхъ. Принимал все это во вниманіе, внимательный наблюдатель могъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ съ вѣроятностію ожидать взрыва мистическихъ тенденцій, какого-нибудь мистическаго открытія въ западной Европѣ. Но на этотъ разъ дѣло устроилось сложнѣе. Инициатива движенія, для котораго такъ хорошо была приготовлена почва въ Европѣ, принадлежала сѣверной Америкѣ.

Въ то время, какъ въ умственной жизни стараго свѣта господствовало такое необыкновенное напряженіе, когда одна половина мыслящихъ людей съ вѣрою ожидала поднаго торжества матеріалистическихъ учений, гибели всего мистическаго, всякой спиритуалистической философіи и всякой религіи—предъ востра-

зимою силою факта и опыта, когда другая половина съ полною увѣренностію ожидала, напротивъ, окончательнаго уничтоженія матеріализма, прекращенія самой возможности къ явленію подобнаго ученія на будущее время и ожидала этого тоже отъ фактовъ, понимая ихъ въ большинствѣ случаевъ ненаучно и грубо,—въ это время, въ новомъ свѣтѣ, въ Америкѣ произошелъ одинъ изъ тѣхъ, такъ называемыхъ, ревивалей, которые тамъ повторяются періодически (1) и окончиваются всегда созданиемъ какой-нибудь религіозной секты, одно изъ тѣхъ движеній, которыя періодически охватываютъ тамъ цѣлые округа, штаты и распространяются по всей странѣ, не встрѣчая, въ силу особаго строя сѣверо-американской социальной жизни, нигдѣ препятствія. Это было, впрочемъ, движеніе еще небывалое тамъ, въ которомъ слились все другія движенія, приняли въ большей или меньшей мѣрѣ участіе все секты, общины и даже послѣдователи новыхъ социально-политическихъ доктринъ (сентъ-симонисты, фуръеристы), потому что въ глубинѣ его лежала національная идея,—идея обновленія и возрожденія человечества въ Америкѣ и чрезъ Америку.—Сѣверная Америка есть страна полной религіозной и философской анархіи. Здѣсь нѣтъ общей религіи, нѣтъ національной церкви; здѣсь нѣтъ общаго характеристическаго міросозерцанія, коренящагося въ старыхъ преданіяхъ, здѣсь нѣтъ даже науки, которая въ Европѣ составляетъ особое царство и невидимую силу, дающую санкцію идеямъ частныхъ лицъ. Мысль здѣсь абсолютно свободна и безконтрольна. Если что объединяетъ все секты, все церкви американскія, то это мистицизмъ господствующій въ религіозной жизни. Большинство американскаго населенія состоитъ изъ пуританъ, квакеровъ, методистовъ, еведенборгіанъ и т. п.; огромное участіе, жещивъ въ дѣлахъ религіи еще болѣе усиливаетъ это,

(1) Диксонъ. Новая Америка.

создавшееся случайно направлѣніе, и дѣлаетъ его почти общенациональнымъ, тѣмъ болѣе, что женщины пользуются здѣсь большимъ вліяніемъ и давно стремятся къ самостоятельной дѣятельности въ жизни. Другая общая черта—это глубокое презрѣніе къ старо-европейскому строю, какъ соціальной, такъ и умственной и особенно религіозной жизни. Питаемое мистическимъ произволомъ, это презрѣніе въ дѣлѣ религіи, незамѣтно переходитъ, подъ вліяніемъ рационалистическихъ идей, отъ формы къ содержанию: у многихъ оно превращается въ пренебреженіе къ христіанству, какъ религіи „рабской“ Европы, ко Христу,— „Богу стараго свѣта“⁽¹⁾. Въ Америкѣ постепенно зрѣетъ и овладѣваетъ умами убѣжденіе, что, отвергнувъ и уничтоживъ обветшалыя формы соціальной жизни стараго свѣта, новый свѣтъ долженъ отвергнуть и всѣ формы религіозной жизни, что, создавши свое, новое, небывалое государство, Америка должна создать и новую религію. Религіозный рационализмъ, вытекшій въ Европѣ изъ quasi-научныхъ стремленій и сдѣлавшійся почти исключительнымъ достояніемъ людей болѣе или менѣе ученыхъ, переходя въ Америку, получилъ, такимъ образомъ, національную окраску и становился нечувствительно достояніемъ народа, полуобразованной и даже вовсе необразованной массы. Къ этому нужно еще прибавить, что, при отсутствіи господствующаго направлѣнія въ наукѣ, гонимый въ Европѣ месмеризмъ, нашелъ въ Америкѣ весьма радужный пріемъ, и европейскіе месмеристы всѣхъ направленій вели здѣсь безпрепятственную и дѣятельную пропаганду, вслѣдствіе чего свѣдѣнія о магнитной жидкости, явленіяхъ животнаго магнетизма, сомнамбулизма, ясновидѣнія и т. п. распространены были здѣсь болѣе чѣмъ въ Европѣ по всѣмъ слоямъ об-

(1) Des tables tournantes, etc. par A. de Gasparin. T. II. Paris. 1854.

щества. Все это отразилось на новомъ движеніи, на новомъ ученіи, получившемъ сначала названіе *спиритуализма* или *спиритуалистической философіи*, и дало ему его своеобразную, оригинальную форму опытно-мистической, враждебной христіанству доктрины, которая впрочемъ только перешедши въ Европу получила окончательную обработку, построена въ систему и стала *спиритизмомъ*.

Дѣло началось съ весьма незначительнаго и темнаго факта. Не только въ Америкѣ, но и въ Европѣ, Азій и во всѣхъ странахъ существуетъ множество разсказовъ о таинственномъ безпричинномъ шумѣ и движеніи мебели въ нѣкоторыхъ домахъ. Въ Россіи, напр., едвали найдется городъ или большое селеніе, въ которомъ не было бы дома, подверженнаго такимъ таинственнымъ явленіямъ. Въ западной Европѣ каждый старый замокъ и развалина имѣютъ легенду въ этомъ родѣ. Въ Америкѣ сказанія о подобныхъ явленіяхъ идутъ еще изъ индійскихъ вигвамовъ ⁽¹⁾ и весьма распространены. Общее вѣрованіе народовъ приписываетъ ихъ душамъ умершихъ людей, которые почему-либо не находятъ покоя за гробомъ ⁽²⁾, и поселеніе ихъ въ томъ или другомъ домѣ часто приписывается колдовству, а иногда просто почитается предвѣщаніемъ какого-либо несчастья. Списеръ, первый историкъ спиритскихъ манифестацій ⁽³⁾, за нимъ нѣмецкій историкъ спиритизма Рехенбергъ ⁽⁴⁾ и француз-

⁽¹⁾ Rechenberg. Die Geheimnisse des Tages. Leipzig. 1853. 24 S.

⁽²⁾ Краснокожіе, впрочемъ, приписываютъ ихъ особому духу, котораго называютъ «большой медвѣдь». Ibid.

⁽³⁾ Spicer. Lights and Sounds. London. 1853.

⁽⁴⁾ Полное заглавіе сочиненія его слѣдующее: Die Geheimnisse des Tages. Geschichte und Wesen der klopfender Geister und tanzenden Tische. Ein Blick in das Dunkel der Geisterwelt und das Verborgene Walten ungeachteten Naturkräfte.

скій противоспиритскій писатель Де-Мирвиль ⁽¹⁾ приводятъ цѣлый рядъ болѣе крупныхъ и замѣчательныхъ событій этого рода, записанныхъ исторіею съ 1135 года, и основанныхъ на достойныхъ вѣроятія свидѣтельствахъ. Де-Мирвиль даже самъ наблюдалъ одно изъ этихъ странныхъ явленій, которое случилось въ 1851 году въ домѣ сидевильскаго священника (въ департаментѣ нижней Сены), и описалъ его со всею подробностію ⁽²⁾. Сомнѣваться въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, въ которыхъ изъ описанныхъ упомянутыми писателями, явленій нѣтъ никакой возможности, хотя обстоятельства, при которыхъ они наблюдаются, и духовное состояніе наблюдателей дѣлаютъ большую часть подробностей весьма подозрительными. Въ большей части рассказовъ таинственныя манифестаціи стука и движенія, обличающія присутствіе въ нихъ какой-то разумной и цѣлесообразно дѣйствующей силы, связаны съ опредѣленнымъ мѣстомъ, въ другихъ, напротивъ, съ личностями преимущественно женскаго пола, иногда въ дѣтскомъ еще возрастѣ. Одно изъ такихъ происшествій и послужило въ сороковыхъ годахъ исходнымъ пунктомъ движенія въ Америкѣ, породившаго быстро спиритизмъ. Въ мартѣ 1848 года, въ селеніи штата Нью-Йоркъ, Гайдесвилл (Hudsonville), въ домѣ Джона Фоксъ, вечеромъ послышался странный шумъ, который происходилъ въ спальнѣ комнатѣ семейства: казалось, что тамъ кто-то стучитъ въ полъ и передвигаетъ мебель. Бывшіе дома жильцы немедленно отправились узнать причину этого шума, обыскали весь домъ и не нашли ничего. Когда они дотрогивались до мебели, то ощущали въ ней дрожаніе, по временамъ какъ будто колебался и полъ. На другой вечеръ тоже самое. 21 марта позваны были

⁽¹⁾ Question des esprits, ses progrès dans la science, etc. Paris, 1855. Des esprits et de leurs manifestations fluidiques, etc. Мы имѣемъ 4-е изданіе этого сочиненія, 1658.

⁽²⁾ Des esprits etc. 339—406 pp.

сосѣди и тоже слышали шумъ. Оказалось при этомъ, что и прежній владѣлецъ дома Векманъ еще въ 1846—47 году слышалъ стукъ въ дверь, причины котораго не могъ открыть, но не придавъ этому событію никакого значенія. Описанныя явленія, или, какъ послѣ стали называть, факты подобнаго рода—*манifestации* продолжались, и вотъ какъ сама мистриссъ Фоксъ рассказываетъ о первоначальномъ ходѣ ихъ (1). „Въ пятницу вечеромъ, мы рѣшили, говорить она, лечь раньше обыкновеннаго и не обращать вниманія на шумъ.... Покой былъ намъ необходимъ, потому что, вслѣдствіе нарушенія его въ предшествовавшія ночи, я сдѣлалась почти больною... Но только что я легла, послышался стукъ. Мои дочери (Екатерина и Маргарита), которыя спали въ тойже комнатѣ на другой постели, пытались подражать этому стуку щелканьемъ пальцевъ. И всякій разъ, какъ моя младшая дочь щелкала пальцами нѣсколько разъ, слѣдовало точно такое же количество таинственныхъ ударовъ; когда дѣвочка переставала щелкать, прекращался на время и таинственный стукъ. Въ одинъ изъ такихъ промежутковъ моя старшая дочь сказала, шутя: „сдѣлай то, чтѣ я, — считай разъ, два, три“ и т. д., и при этомъ ударяла одной рукой о другую. Удары, сдѣланные ею, были повторены и навели на нее страхъ. Тогда я сама сказала: „считай до десяти“. Послѣдовало десять ударовъ. Послѣ этого я спросила о числѣ лѣтъ жонжъ дочерямъ. На каждый изъ вопросовъ отвѣтомъ было количество ударовъ, въ точности соответствующее числу лѣтъ. Я спросила за тѣмъ: производитъ ли этотъ стукъ живой человѣкъ, и если да, пусть отвѣтитъ онъ однимъ ударомъ. Отвѣта не послѣдовало, я

(1) Die Geheimnisse des Tages. 35—37 SS. Мы передаемъ во всемъ послѣдующемъ повѣствованіи факты въ томъ видѣ, въ какомъ они рассказываются у спиритскихъ писателей, и относимся къ нимъ совершенно объективно. Критика ихъ будетъ соединена съ критикою всей спиритской системы.

спросила: не духъ-ли онъ, и если да, то пусть отвѣтитъ двумя ударами. Едва я произнесла вопросъ, какъ послѣдовало два удара“. Подобнымъ же образомъ мистриссъ Фоксъ узнала, что стучащій есть духъ убитаго человѣка, что ему 31. годъ, что тѣло его зарыто въ этомъ домѣ и т. д. Такимъ образомъ открытъ былъ самый простой и первоначальный способъ сообщенія съ *духами*, когда имъ благоугодно будетъ заявить свое присутствіе стукомъ. Объяснить то, какимъ образомъ мистриссъ Фоксъ пришла къ мысли, что стучить духъ, весьма легко. Она была суевѣрна и знала хорошо господствующее мнѣніе о подобныхъ событіяхъ. Въ домъ Фоксъ стало являться много любопытныхъ, людей также суевѣрныхъ, какъ и Фоксъ, всѣ слышали стукъ и вступали съ *духомъ* въ бесѣду. При этомъ одному изъ присутствовавшихъ пришла остроумная мысль облегчить сношеніе съ *духомъ* при помощи алфавита. *Духъ* спрошенъ былъ, не станетъ ли онъ во время чтенія алфавита стучать при произнесеніи тѣхъ буквъ, которые составляютъ его имя. Послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ и изъ сочетанія указанныхъ стукомъ буквъ составилось имя — „Чарльзъ Нейнъ“. Впослѣдствіи *духъ* самъ сталъ требовать алфавитъ и это требованіе заявлялъ пятью сильными ударами. Алфавитъ уже не читали, а просто водили карандашомъ или пальцемъ по письменнымъ или печатнымъ буквамъ: *духъ* стучалъ всякій разъ, какъ указывалась такимъ образомъ нужная ему буква. Въ Гайдесвилѣ дальше дѣло не пошло, потому что этотъ Виолемъ спиритизма скоро оставленъ былъ семействомъ Фоксъ, которое сдѣлало изъ своего открытія спекуляцію и перенесло свою дѣятельность въ большіе города Союза. Старшая дочь Фоксъ, вдова Фишъ-Бруунъ жила въ Рочестерѣ. Познакомившись съ чудесными манифестаціями въ домѣ своихъ родителей, она взяла съ собою сестру Маргариту въ Рочестеръ. Скоро въ домѣ Фишъ появился таинственный стукъ, слухъ о немъ распространился по городу и возбудилъ всеобщее вни-

маніе къ манифестаціямъ. Мистриссъ Фишь и миссъ Фоксъ каждый день должны были удовлетворять любопытству большаго числа посѣтителей, разумѣется, за приличное вознагражденіе. Вѣрующихъ въ присутствіе духовъ въ таинственныхъ звукахъ (garrings, knockings) было множество; но немало было сомнѣвающихся, и потому одинъ за другихъ избраны были два комитета для точнѣйшаго обслѣдованія дѣла ⁽¹⁾. Комитеты эти, впрочемъ, не пришли ни къ какому опредѣленному результату и манифестаціи остались таинственнымъ явленіемъ, которое представляло фантазіи легковѣрныхъ людей обширное поле дѣятельности и богатый матеріалъ. Между тѣмъ манифестаціи перешли въ Обернъ, вмѣстѣ съ Екатериною Фоксъ, которая отправилась туда погостить къ роднымъ; скоро они появились въ самомъ Нью-Йоркѣ, куда прибыли Фишь и Маргарита Фоксъ, съ специальною цѣлію познакомить публику съ новыми чудесами и извлечь побольше выгоды изъ своего чудеснаго дара призывать *духовъ*. Толки объ этихъ чудесахъ давно шли уже въ Нью-Йоркѣ и путешественницы встрѣчены были всеобщимъ вниманіемъ. Какъ и въ Рочестерѣ, здѣсь манифестаціи подвергнуты были тщательному изслѣдованію подъ руководствомъ доктора Грисвольда. Между присутствовавшими при опытахъ, если вѣрить Списсеру и Рехенбергу, были знаменитый романистъ Фениморъ Куперъ, историкъ Джорджъ Банкфортъ, докторъ Гукъ и многіе другіе извѣстные и пользующіеся уваженіемъ люди ⁽²⁾. Здѣсь, — на этихъ опытахъ въ первый разъ выступилъ на сцену столъ, которому суждено играть такую важную роль въ распространеніи спиритизма. До того времени Фишь и Маргарита Фоксъ просто садились на диванъ и все общество любопытныхъ, сидя и стоя въ разныхъ мѣстахъ, въ торжественномъ молчаніи ожидало мистификаціи. Въ домѣ

⁽¹⁾ Die Geheimnisse des Tages. 39 S.

⁽²⁾ Ibid. 40 S.

Фишь она начиналась очень скоро. На этотъ разъ дамы приглашены были въ домъ Грисвольда и *духи* на новомъ мѣстѣ заставили себя ждать довольно долго. Собравшіеся ученые мужи, хорошо знакомые съ месмеризмомъ, предложили для ускоренія манифестации сомкнуться около стола въ кругъ. Стукъ послышался тотчасъ же послѣ этой операціи (¹). Съ той поры вошло въ обычай призывать *духовъ* посредствомъ составленія замкнутой живой цѣпи около стола, получившей названіе „магнетическаго круга“ или батареи. Такой кругъ свачала дѣйствовалъ только въ присутствіи кого-нибудь изъ семейства Фоксъ, какъ привилегированныхъ посредниковъ между *духами* и людьми, потому сестры Фоксъ получили наименованіе „медіумовъ“ и положили начало особому учрежденію, которе можно назвать спиритскою іерархіею. Въ дальнѣйшихъ опытахъ столы получили болѣе дѣятельную роль. Они стали двигаться, стучать и, повидимому, духи избрали ихъ специальнымъ орудіемъ для сообщенія съ живыми людьми. Въ 1850 году явился новый медіумъ—мистриссъ Бюшнелль (Buschnell), пользовавшаяся прежде того большою извѣстностію, какъ ясно-видящая сомнамбула высокаго сорта. Она давала опыты духостучанія въ Цинцинатти, Рочестерѣ и Клевландѣ и имѣла громаднѣйшій успѣхъ (²). Въ томъ же году рознесся слухъ о самостоятельной особой манифестации въ городѣ штата Коннектикутъ,—Страффордѣ, въ доль нѣкоего мистера *Фелмса*. Манифестация здѣсь связана была съ мальчикомъ одиннадцати лѣтъ, котораго духи будто-бы поднимали на воздухъ, лишали обуви въ тотъ самый моментъ, какъ онъ хотѣлъ надѣвать ее, и т. п. Въ домѣ невидимыя существа производили страшный стукъ, передвигали и владѣли въ безпорядочную массу мебель, посуду и пр. (³).

(¹) Ibid. 41 S.

(²) Ibid. 50 sqq.

(³) Die Geheimnisse des Tages. 58—65.

многочисленные американскіе сомнамбулы скоро обратились къ духостучавію, дѣло, такимъ образомъ, мало помалу сдѣлалось общимъ и монополія семейства Фоксовъ прекратилась. Въ 1851 году *духи стучащіе* сдѣлали важное приобрѣтеніе, сильно подъявшае ихъ репутацію и кредитъ. Присутствію ихъ въ манифестаціяхъ повѣрилъ человекъ, извѣстный своимъ умомъ, образованностію и пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, судья Эдмондъ изъ Массачузета. Потерявъ жену, онъ, какъ видно изъ разсказа Рехенберга, подвергся умственному расстройству: сталъ слышать голосъ своей покойной жены и за тѣмъ постепенно сдѣлался ясновидящимъ и медиумомъ ⁽¹⁾. При вступленіи Эдмондса въ спиритскій кругъ *духи* почтили его необычайными феноменами. Посредникомъ между испытателями и духами—медиумомъ въ данномъ случаѣ былъ нѣкто мистеръ Гордонъ, имѣвшій способность произвольно погружаться въ мигнитный сонъ. Послѣ стука, движенія мебели, выбиванія такта подъ звуки піано и тому подобныхъ, сдѣлавшихся уже обычными у спиритовъ, манифестацій, въ залѣ потушенъ былъ огонь и присутствующіе увидѣли особаго рода свѣтотыя явленія. Явленія эти представлялись „то въ видѣ блуждающихъ огоньковъ, то въ формѣ свѣтящихся облаковъ, которыя находились въ постояннои движеніи, то въ видѣ звѣздъ, кристалловъ, драгоценныхъ камней“ ⁽²⁾. Присутствовавшіе были увѣрены, что это не что иное, какъ духи. Свѣтовое явленіе продолжалось часа три и произвело на Эдмондса сильное впечатлѣніе. Послѣ этого большой столъ началъ качаться въ разныя стороны, поднялся на воздухъ и наконецъ опрокинулся. Когда его поставили на мѣсто, пришелъ въ движеніе стулъ, который прошелъ галлономъ по всей залѣ и потомъ спокойно сталъ на свое прежнее мѣсто. Въ сосѣдней комнатѣ между тѣмъ была приго-

(1) Ibid. 66 S.

(2) Ibid. 70 S.

товлена коллекція музыкальныхъ инструментовъ, скрипокъ, віолончелей и т. п. Въ эту комнату повели Эдмондса и одна изъ скрипокъ тотчасъ же начала играть сама собою, сопровождаемая выстукиваніемъ такта; затѣмъ заиграли всѣ инструменты заразъ. Въ то же время поднялся на воздухъ звонокъ, лежавшій на полкѣ, позвонилъ надъ ухомъ каждаго изъ присутствовавшихъ, отправился потомъ въ смежную комнату, гдѣ и упалъ съ шумомъ на полъ. За нимъ поднялся другой колокольчикъ и сдѣлалъ тоже самое; наконецъ, пришла въ движеніе головная щетка, сошла съ полки, побывала въ рукахъ каждаго, нѣкоторымъ поправила даже волосы и за тѣмъ спокойно легла на прежнее свое мѣсто. Эдмондсъ былъ вполне убѣжденъ въ присутствіи духовъ; но для большей прочности этого убѣжденія одинъ изъ *духовъ* вынулъ у него изъ кармана платокъ, завязалъ на немъ нѣсколько узловъ и опять положилъ на мѣсто ⁽¹⁾. Еще болѣе чудесъ начали производить *духи* въ присутствіи знаменитаго, извѣстнаго русской читающей публикѣ, Данила Юма, выступившаго въ 1852 году. Они производили оглушительный стукъ, двигали массивныя тѣла, давали присутствовавшимъ на сеансахъ ощупывать свои руки, поднимали самого медиума на воздухъ и д. п. ⁽²⁾. Юмъ въ это время погружался въ магнитный сонъ и самъ дѣлался по убѣжденію спиритовъ орудіемъ *духа*, который водилъ его рукою, говорилъ его языкомъ. Необыкновенная сила манифестацій въ присутствіи Юма сдѣлала его первымъ изъ медиумовъ, которыхъ расплодилось около этого времени въ Америкѣ множество. Духи стучали, двигали мебель и нѣкоторые домашніе приборы, музицировали, поднимали людей на воздухъ и т. п. во всѣхъ концахъ и уголкахъ сѣверо-американскихъ штатовъ. Въ каждомъ городкѣ были магне-

⁽¹⁾ De-Mirville. Des esprits. 515 p. Rechenberg. Die Geheimnisse des Tages. 70—71 SS.

⁽²⁾ Ibid. 74—77.

тические круги, въ каждомъ было нѣсколько медиумовъ, иногда очень много. Въ Филадельфи, напр., насчитывалось до 300 медиумовъ, на всей территоріи штатовъ было ихъ уже около 30,000 (1). Болѣе искусные между ними, какъ Юмъ, путешествовали изъ города въ городъ и собирали обильное количество долларовъ, другіе имѣли постоянное мѣсто жительства, печатали свои адреса и часы сеансовъ въ газетахъ, наряду съ торговыми и другими объявленіями, нѣкоторые имѣли даже вывѣски (2). Среди этой суматохи и общаго увлеченія, никто не обратилъ вниманія на доносъ вѣковой мистриссъ Кульверъ, которая была помощницею Екатерины Фоксъ, знала ея секреты и обличала ее въ фокусничествѣ и обманѣ (3); никто не обратилъ вниманія на явное шарлатанство и обманъ многихъ медиумовъ. Магнетическіе кружки, разсѣянные по всѣмъ городамъ сѣверо-американскихъ штатовъ, получили мало помалу правильную организацію: члены ихъ собирались регулярно въ назначенные дни, производили опыты, составляли протоколы и извѣщали о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ центральное учрежденіе подобнаго рода въ Нью-Йоркѣ, которое имѣло свой специальный журналъ *Spiritual Telegraph* (4).

Преобладающею чертою всего движенія былъ сначала интересъ къ самому чудесному факту, любопытство: медиумы производили стукъ, движеніе мебели и пр. и *духамъ* давались обыкновенно самые пустые вопросы. Организовавшись, оно приняло весьма серьезное направленіе. На первый планъ выступило стремленіе познать міръ духовный новымъ способомъ и сдѣлать изъ этого знанія практическое приложеніе. Медиумовъ стучащихъ замѣнили пишущіе, говорящіе и уже

(1) Ibid.

(2) De Mirville. Des esprits etc.

(3) Geheimnisse des Tages. 46—48 88.

(4) Кромѣ этого журнала издавались спиритуалистами: *The journal of man* и *The Shekinan*.

въ 1850 году между „спиритуалистами“ Америки, какъ называли сначала себя члены магнетическихъ спиритскихъ кружковъ, распространилось важное извѣстiе. Въ Нью-Йоркѣ, въ домѣ мистера Партриджа, ревностнаго спиритуалиста, сильный медиумъ Эдуардъ Фоулеръ (Fowler) будтобы получилъ отъ духовъ приказанiе, положить на ночь листъ бумаги и ждать рукописанiя *духовъ*. На другой день листъ оказался дѣйствительно покрытымъ 43 поднесими *духовъ* подъ пустымъ, впрочемъ, афоризмомъ ⁽¹⁾. Подобнаго рода писанiе *духами* повторилось нѣсколько разъ, и въ одинъ изъ нихъ на листѣ оказался написаннымъ поеврейски 13 стихъ XII главы книги пророка Даниила ⁽²⁾. Спустя нѣсколько времени посредствомъ алфавита духъ сообщилъ слѣдующее: „мы имѣемъ намѣренiе сообщить вамъ ученiе, которое вы должны запечатлѣть въ памяти“. Вслѣдъ за тѣмъ духъ изрекъ, неизвѣстно для чего, поиспански: *debemos amar todo el mundo, aun nuestros enemigos*, т. е. „должно любить всѣхъ, даже враговъ своихъ“. Черезъ нѣсколько дней послѣдовало новое сообщенiе. Духъ, назвавшiй себя Венiаминомъ Франклиномъ, изрекъ при посредствѣ алфавита слѣдующее: „друзья мои! съ радостiю сообщаю вамъ, что прозрѣтъ, съ нѣкотораго времени занимавшiй наше вниманiе, отчасти приведенъ въ исполненiе“. Оказалось изъ дальнѣйшихъ объясненiй, что духъ намекалъ на упомянутое еврейское писанiе. Тогда былъ заданъ вопросъ: „не избрали ли духи еврейское писанiе для того, чтобы возвѣститъ *новую спиритуалистическую эру*“?—„Да“, отвѣчала *духъ* Франклина ⁽³⁾. Легко ви-

(1) Факсимиле этого писанiя напечатано было въ 9 № Spiritual Telegraph. 1851.

(2) Ты же иди и почивай: егда бо днiе суть и часъ во исполненiе скончанiя и воскреснiи и возстаннiи въ жребiи твои въ скончанiе днiа.

(3) Geheime des Tages. 7,9—83.

дѣть, откуда шли эти вопросы. Сведенборгъ, какъ въѣзжающій, предсказывалъ всеобщее распространеніе его ученія и начало новой религіозной эры съ 1852 года (1). Это очень хорошо знали многочисленные послѣдователи его въ Америкѣ, которые отнеслись въ спиритскимъ манифестаціямъ весьма сочувственно (2). Многочисленные месмеристы мистическаго направленія, которое особенно усилилось съ явленіемъ въ 1848 году произведеній Каанье на англійскомъ языкѣ, тоже ждали въ скоромъ времени переворота въ умственной, религіозной и социальной жизни человѣчества. Национальная гордость и упомянутое *prim desiderium* американцевъ—обновить человѣчество, усиливали это ожиданіе и укрѣпляли вѣру въ его исполнимость, и души черезъ медиумовъ, на всѣхъ діалектахъ, начали повторять и развивать мысль о началѣ новой эпохи въ жизни человѣчества. При сильномъ распространеніи мѣтнія, что души обладаютъ тонкимъ тѣломъ электрической природы, мысль о возможности сообщенія съ ними не представляла ничего страннаго и невозможнаго, особенно въ виду быстрого распространенія электрическихъ телеграфовъ, сократившихъ громадную разстоянія. Отчего бы не устроить телеграфъ между небомъ и землею, міромъ духовнымъ и міромъ человѣческимъ? думали многіе, и естественно въ таинственномъ стукѣ, распространившемся повсюду, увидѣли *телеграммы* изъ высшихъ сферъ бытія. Такое воззрѣніе выразилось въ названіи перваго спиритскаго журнала американскаго—*телеграфомъ* (*Spiritual telegraph*) и въ томъ, что патрономъ американскихъ спиритовъ объявленъ Франклинъ, связавшій небесное и земное элек-

(1) Ibid. 189.

(2) Проповѣдникъ сведенборгскаго общества, въѣзжающаго подъ именемъ *New Jerusalem society*, Стюартъ говорилъ длинное слово, въ которомъ словами и фактами свѣд. Нисація доказывалъ возможность манифестацій или матеріальныхъ обнаруженій духовъ. *Geheimnisse des Tages*. 88—99.

тричество, низведші молнію съ неба на землю. Все это казалось тѣмъ болѣе простымъ и естественнымъ, что около того времени въ новой формѣ возродилось ученіе о тончайшей жидкости, въ которой какъ-бы плаваетъ вся вселенная и которая служитъ связующимъ началомъ и общею невидимою средою всего сущаго. Жидкость эта указана ученымъ Рехенбахомъ и названа *одомъ* (od). Теорія Рехенбаха изложена имъ сначала въ ученомъ сочиненіи *Untersuchungen über die Dynamiden des Magnetismus etc.* и возбудила всеобщее вниманіе, особенно въ Америкѣ, когда явилось популярное изложеніе ея въ одо-магнитическихъ письмахъ ⁽¹⁾ тогоже автора. Скоро появилось и объясненіе устройства таинственнаго телеграфа между обитателями земли и невидимыми обитателями высшихъ небесныхъ сферъ, и оказалось, что его устроилъ именно духъ покойнаго Франклина. Въ 1851 году Андрю Джексонъ Дэвисъ, извѣстный въ Америкѣ ясновидящій, еще въ 1847 году возвѣстившій начало возрожденія человечества въ сочиненіи своемъ—*The principles of nature*, издалъ новую книгу—„Философія духовныхъ сношеній или объясненіе новыхъ таинственныхъ явленій“ ⁽²⁾. Между другими диковинками и сумасбродными нелѣпостями здѣсь, между прочимъ, повѣствуетъ, что авторъ 15 января 1851 года вступилъ въ непосредственное общеніе съ духомъ Франклина, который объяснилъ, что инициатива всѣхъ новѣйшихъ открытій міра духовнаго принадлежитъ ему — Франклину, что онъ открылъ послѣ своей смерти „способъ электрическихъ сообщений (la metode électrique de thelegraphes) между обитателями второй сферы и обитателями земли“. „Изслѣдуя, говорить Франклинъ,

⁽¹⁾ Ученіе объ одѣ приведено въ систему, въ большемъ и поразительномъ эрудицію произведеніи Рехенбаха *Der sensitive Mensch und sein Verhalten zum Erde etc.* 1854.

⁽²⁾ Cahagnet. *Encyclopedie magnetique spiritualiste*. T. I. 1854—1855. 21 p.

многочисленныя манифестаціи духовъ у различныхъ сектъ и націй земныхъ, я замѣтилъ, что духи, по временамъ, вступая въ общеніе съ людьми, доселѣ не понимали способа и средства этого сообщенія“. *Духъ Франклина*, по привычкѣ къ ученымъ изслѣдованіямъ, усердно занялся этимъ вопросомъ и нашелъ, что тутъ дѣйствуетъ электричество или панеоя (panthee), какъ онъ выражается. „Я созерцалъ, говоритъ онъ, могучее дѣйствіе этого элемента въ великой нервной системѣ природы, наблюдалъ его переходъ съ одного созвѣздія на другое, съ одной планеты на другую, сообщеніе обитателей высшихъ круговъ съ самыми отдаленными мірами“. Другіе высокоразвитые духи давно дѣлали подобныя же наблюденія, но у нихъ не родилось мысли приложить силы панеои къ установленію постоянныхъ сношеній съ обитателями земли. „Зная, что эти послѣдніе, вслѣдствіе развитія знаній вообще и въ частности знанія электричества, приготовлены достаточно къ устройству такого сообщенія, я, продолжаю духъ Франклина, предложилъ своимъ собратіямъ эту идею“..... Онъ объяснилъ имъ, что на землѣ давно существуетъ мысль о возможности сообщеній съ другими мірами, что особенно подробно она развита Фенелономъ и Чэмингомъ, что если произвести какія-либо необычныя явленія, люди непременно обратятъ вниманіе, займутся ихъ изслѣдованіемъ и, съ своей стороны, примутъ участіе въ устройствѣ небеснаго телеграфа. Съ особеннымъ сочувствіемъ къ дѣлу отнеслись духи нѣмецкіе и подъ руководствомъ Франклина начали производить опыты. Составивъ посредствомъ напряженія воли къ одной цѣли сильную баттарею, они произвели стукъ въ домъ одного ученаго господина; но это ни къ чему не повело. Послѣ многихъ другихъ неудачныхъ попытокъ, духи, наконецъ, направились въ окрестности Оберна и Рочестера и обрадованы были полнымъ успѣхомъ. Въ заключеніе этого курьезнаго сообщенія Франклинъ жалуется на то, что медиумы часто искажаютъ мысли духовъ, но что множество ду-

ховъ теперь на всѣхъ пунктахъ земли съ энтузіазмомъ стараются усовершенствовать способы своихъ сношеній съ людьми (*). Съ своей стороны Дэвисъ предлагаетъ средство облегчить для духовъ ихъ дѣло, — средство это составляютъ магнитическіе цѣпи или круги изъ положительныхъ и отрицательныхъ элементовъ (мужчинъ и женщинъ, сенситивовъ и несенситивовъ). Чѣмъ больше и лучше составленъ будетъ кругъ, тѣмъ сильнѣе могутъ быть дѣйствія духовъ. Чѣмъ между членами его будетъ больше вѣры, взаимной любви и согласія, тѣмъ точнѣе, чище будутъ полученные сообщенія (*). Вредни Дэвиса были приняты съ восторгомъ спиритскими кружками и подтверждены были въ существенныхъ чертахъ вліятельнѣйшимъ изъ спиритовъ Эдмонсомъ, который въ одномъ изъ номеровъ журнала *Shekinah* 1852 года, рассказавши, какъ онъ видѣлъ Пенна, Ньютона, Сведенборга, утверждаетъ, что Франклянь училъ его употребленію ода (пансея Дэвиса) in making spiritual manifestations (въ произведеніи духовныхъ манифестацій) и что онъ видѣлъ и слышалъ, какъ множество духовъ восхваляли Франклина за его остроумное изобрѣтеніе, открывшее новую эру въ жизни земнаго человѣчества (*). Такимъ образомъ американскіе спиритуалисты весьма рано прониклись увѣренностію, что они представители новаго періода въ развитіи человѣчества, органы новаго откровенія. Эта увѣренность ихъ выразилась, между прочимъ, въ поданномъ около того времени адресѣ въ законодательное собраніе штатовъ, въ которомъ, въ самой умѣренной формѣ, поставлялось на видъ, что спиритскія манифестаціи и несомнѣнно - таинственныя силы дѣйствующія въ нихъ въ высшей степени важны для интересовъ человѣческаго рода и „могутъ по-

(*) Cahagnet. Encyclopedie magnetique spiritualiste. T. I. 189—95. 47—58 pp.

(*) Cahagnet. Encyclopedie. T. I. 21—30 pp.

(*) Ibid. 114—117 pp.

вести къ измѣненію условій нашего бытія, къ измѣненію религіи, философіи нашего времени и даже соціального строя“. Въ сущности этотъ адресъ былъ просьбою дать санкцію спиритизму и положить его въ основу американо-американской религіи (1). Адресъ подписанъ 14,000 гражданъ изъ числа самыхъ увѣренныхъ спиритовъ, а за ними была огромная масса слѣпыхъ и фанатическихъ вѣрующихъ, которые не дожидались ни изслѣдованій, ни рѣшеній конгресса и были увѣрены, что они принадлежатъ къ обновленному человѣчеству. Они собирали митинги, говорили проповѣди, планировали новое устройство церкви и государства, новый культъ и т. п. Въ 1852 году было общее собраніе представителей этихъ увлеченныхъ въ Клевландѣ, объявлена новая религія — „религія духовъ“ и организована всемірная пропаганда этой религіи, въ которой обшались принять участіе сами *духи* (2).

Но, хотя религія духовъ и была объявлена существующею и уничтожающею всѣ другія религіи, содержаніе ея было еще чрезвычайно неопредѣленно, ~~шатко~~, безсвязно. Оно на скорую руку кое-какъ сплочено изъ бесѣдъ съ духами въ родѣ слѣдующихъ. — „Имѣетъ ли человѣкъ сознательное бытіе прежде своего рожденія на землѣ“? „Душа существуетъ, но въ безсознательномъ состояніи“. — „Существуютъ ли души, ~~выбьющіе~~ дурное и злонамѣренное вліяніе на дѣйствія и жизнь человѣка“? „Да, но не потому, что они желаютъ дѣлать зло, но вслѣдствіе невѣжества и болѣе грубой своей организаціи“. — „Существуютъ ли такія оставшія землю души людей, которыя не совершенствуются и не облагораживаются“? „Нѣтъ; но у многихъ усовершенствованіе совершается медленно, потому что ихъ первоначальная организація принадлежитъ къ разряду

(1) Figner. Histoire du merveilleux dans les temps modernes. T. IV. Адресъ этотъ почти цѣликомъ приведенъ въ Христианскомъ чтеніи. Июль. 1866: «Спириты и спиритизмъ».

(2) Figner. Histoire du merveilleux etc. T. IV.

очень грубыхъ“. — „Существуютъ ли души, находящіяся въ состояніи страданія и мученія, такъ что самое бытіе для нихъ бремя“? „Безъ сомнѣнія есть такіе, кои испытываютъ нравственныя мученія отъ сознанія, что они не воспользовались даннымъ имъ на землѣ случаемъ къ усовершенствованію“. — „Есть ли души, не имѣющіе никакой надежды когда-либо достигнуть блаженнаго состоянія“? „Нѣтъ. И хотя многіе мучатся очень долго, но въ концѣ концовъ всѣ будутъ блаженными“. — „Находятся ли души умершихъ людей въ болѣе непосредственномъ отношеніи къ Божеству, чѣмъ мы“? „Отшедшія души созерцаютъ все яснѣе и опредѣленнѣе, по мѣрѣ того, какъ совершенствуются“. — „Есть ли въ этомъ состояніи души не вѣрующіе въ Бога“? „Не отрицая бытія Бога, многіе не понимаютъ Его“. — „Значитъ Божество невидимо и въ этой области“? „Богъ всегда невидимъ. Мы воспринимаемъ отъ Него впечатлѣнія, но не видимъ Его“. — „Наша новая способность вступать въ сношеніе съ міромъ духовнымъ не есть ли слѣдствіе измѣненія и облагороженія человѣческаго рода вообще“? „Да, человѣчество сдѣлалось благороднѣе и болѣе способнымъ къ воспріятію впечатлѣній изъ міра духовнаго, чѣмъ прежде“. — „Имѣютъ ли души какой-либо опредѣленный видъ“? „Разумѣется. Ихъ личность никогда не исчезаетъ. Они суть тонкія воздушныя существа, могутъ двигаться по собственному произволу и получать другъ отъ друга впечатлѣнія посредствомъ волнъ воздуха, подобно тому, какъ передается и совершается звукъ“⁽¹⁾. Вотъ почти и все Credo американскихъ спиритовъ описываемаго времени, если прибавить сюда еще вышеизложенную теорію новаго откровенія. И въ послѣдующее

(¹) Geheimnisse des Tages. 187—189. Разговоръ этотъ въ свое время напечатанъ былъ во всѣхъ американскихъ журналахъ и газетахъ и цѣликомъ приводится у Каамье Encyclopedie. T. I 174—176 pp.

время здѣсь не выработалось цѣльной, опредѣленной и стройно сформированной системы ученія. Мало того, „спиритуалистическая философія“ и „религія духовъ“, очевидно здѣсь не пошла далѣе того, что уже выработано было европейскими месмеристами—мистиками: она не сдѣлалась спиритизмомъ въ собственномъ смыслѣ, доктриною не тождественною въ сущности съ ученіемъ Юнга, Штиллинга, Кернера, Каанье, а дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи этого ученія, новымъ, особымъ фазисомъ мистическаго месмеризма. Одна только, глубоко-знаменательная и притомъ чисто національная черта отличаетъ весьма рѣзко американское новое откровеніе отъ европейскаго,—это до послѣдней крайности доведенный деизмъ, абсолютная независимость челоуѣка отъ Божества въ дѣлѣ спасенія. Американскій гражданинъ (Франклинъ) своимъ трудомъ и усиліями по смерти своей, безъ всякаго внушенія и помощи свыше, даетъ своимъ согражданамъ земнымъ новое откровеніе. Развивши до послѣдней степени принципъ самопомощи (*selfhelp*) въ достиженіи счастья на землѣ, американецъ отвергаетъ всякую постороннюю помощь и въ дѣлѣ достиженія вѣчнаго блаженства. Черта эта совершенно сгладилась въ Европѣ, но и въ Америкѣ она тоже не выяснилась надлежащимъ образомъ и не получила широкаго развитія. Въ силу общаго направленія жизни, американцы вообще очень мало заботятся о теоріи и всюду прежде всего берутъ практическую сторону. И въ спиритизмъ—главное для нихъ было ученіе о *новой эрѣ* и вытекающая отсюда необходимость перестроить заново всю жизнь. Такъ главные дѣятели спиритизма въ Америкѣ—женщины прежде всего нацѣли въ новомъ ученіи подтвержденіе еще прежде явившейся тамъ теоріи, что женщина выше мужчины по своей организаціи, что она самою природою предназначена къ непосредственному общенію съ высшимъ міромъ, предназначена къ священству и должна имѣть потому не только одинаковыя съ муж-

чиною правы, но даже больше и т. п. (1). Все это подтверждалось теперь въ глазахъ женщинъ тѣмъ, что открытіе новой спиритуалистической эры принадлежить именно женщинамъ (Фоксъ), что между ними несравненно болѣе медиумовъ, чѣмъ между мужчинами, что и между мужчинами медиумы обладаютъ женоподобною, нѣжною и нервною организаціею и т. д. Мужчины начали мечтать о преобразованіи всего строя общественной жизни и съ самаго начала движенія у спиритовъ выработались уже очень опредѣленные политическо-соціальныя стремленія. Они требовали: даровой раздачи земли всякому, кто ея не имѣетъ, требовали уничтоженія избирательнаго ценса, уничтоженія смертной казни, утвержденія полной свободы торговли и т. п. (2). Довольствуясь, на своихъ митингахъ, самую пустою и часто нелѣпою болтовнею о мирѣ духовномъ, американскіе спириты съ энергіею и умѣньемъ улѣчшали организацію своего общества, или церкви, и выработывали идеаль соціальной жизни. И между тѣмъ, какъ европейскіе спириты склеиваютъ изъ разнообразнѣйшихъ лоскутковъ систематическое построеніе своего ученія, стараются примирать его со всѣми религіями, философіями, полемизируютъ съ своими противниками, дробятся на секты, американскіе спириты созидаютъ изъ себя могучую политическую силу, и открыто стремятся къ уничтоженію всего установившагося порядка и строя жизни (3).

Въ Европу спиритизмъ пришелъ въ самомъ, такъ сказать, сыромъ и необработанномъ видѣ и распространялся съ такою же быстротою, какъ и въ Америкѣ, въ формѣ сначала духостучанія и столоверченія. Въ 1852 году, вѣроятно, по назначенію американскаго

(1) Диксонъ. Новая Америка. С. Петербургъ. 1869. XIX. Въ самой рѣзкой формѣ это воззрѣніе высказано извѣстною Элизой Фаринганъ.

(2) Cahagnet. Encyclopedie. T. I. 110—114 pp.

(3) Диксонъ. Новая Америка. XV гл.

спиритскаго общества, явился въ Лондонѣ медиумъ средней силы, мистриссъ Гэйдень (Hayden), которая скоро нашла adeptовъ въ высшихъ аристократическихъ кружкахъ столицы Англии. Волѣдъ за нею появилось нѣсколько новыхъ медиумовъ въ Ирландіи и скоро ихъ развелось множество въ соединенномъ королевствѣ. О впечатлѣніи, которое произвели здѣсь манифестаціи, можно судить по отзыву одного корреспондента, извѣстившаго въ первый разъ публику „о фокусахъ“ мистриссъ Гэйдень. „Дѣло это, говоритъ онъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто глубоко поразительное и интересное даже для невѣрующаго. При поляхъ, здоровомъ современномъ сознаніи, что все совершается очень естественно, и что мы позволяемъ себя дурачить за наличныя деньги, кажется, что стоишь непосредственно у воротъ загробнаго міра. Тишина въ комнатѣ, незримый стукъ, мѣста котораго никогда нельзя съ точностію опредѣлить, вѣрность отвѣтовъ на предлагаемыя вопросы, которые каждый беретъ изъ своей собственной индивидуальной, никому неизвѣстной жизни, и которыя не произносятся даже вслухъ, самодвигательная сила мебели,—все это вмѣстѣ производитъ такое глубокое, таинственное и романтическое впечатлѣніе, какого не въ состояніи произвести никакое новѣйшее искусство“ (1). Въ 1853 году явился медиумъ и манифестаціи на континентѣ Европы, прежде всего въ Бременѣ. Сестра одного нью-іоркскаго кунца, родомъ бременца, привезла это искусство изъ Америки и сначала показывала своимъ роднымъ, приводя посредствомъ положенія руки въ движеніе столикъ. Такъ какъ американское столоверченіе и стучаніе духовъ извѣстно было здѣсь только по слухамъ и возбуждало сильный интересъ, то знакомые новаго медиума попросили произвести опытъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и подъ ея руководствомъ въ домѣ доктора Андрэ былъ приведенъ въ движеніе массивный столъ. Немедленно объ

(1) Die Geheimnisse des Tages. 143—145 S.

этомъ явилось извѣстiе въ *Ausburger allgemeine Zeitung*, которое заключалось предсказанiемъ, что этотъ фокусъ быстро распространится, что „здѣсь есть материалъ и для серьезнаго и для шутки, для факультетовъ, летучихъ листковъ и Кладдерадача“ (1). Дѣйствительно въ томъ же году въ одинъ вечеръ сидѣлъ за столомъ, составивъ цѣпь и ожидая манифестацiй, цѣпный юридическiй факультетъ въ Гейдельбергѣ и скоро тоже самое производилось повсюду. „Эпидемiя столоверченiя, говоритъ Рехенбергъ, провеслась быстро по всей Германiи: только и рѣчи было всюду, что объ немъ, и на всѣхъ вечернихъ собранiяхъ оно играло главную роль. Всѣ газеты и мѣстные листки наполнены были извѣстiями объ удачныхъ и неудачныхъ, произведенныхъ въ разнообразнѣйшихъ формахъ, опытахъ столоверченiя.... Скоро пришли къ мысли, что можно двигать этимъ способомъ не одни столы“ (2). Начали производиться опыты надъ посудой, коробками, шляпами, фолiантами и все это двигалось подъ влiянiемъ невидимой, таинственной силы. Какъ и въ Америкѣ, здѣсь нашлось много скептиковъ; но весьма многiе серьезно задумались и „увидѣли въ манифестацiяхъ начало, какъ выражается Рехенбергъ, и грубый абрисъ новаго великаго ученiя и откровенiя“ (3). Это были описанные выше, безсильные враги материализма, недовольные научною умѣренностiю ученыхъ философовъ—спиритуалистовъ, тѣ люди, которые, по выраженiю одного изъ нихъ „глубоко *вървали* въ бытiе по смерти, но отдали бы мiръ за то, чтобы *знать* это“ (4). У представителей мистическаго месмеризма уже готово было объясненiе дѣйствiя духа на тѣло и они отнеслись къ новымъ манифестацiямъ сочувственно; но хотѣли сохранить въ тоже время самостоятель-

(1) Die Geheimnisse des Tages. 204.

(2) Ibid. 203—205.

(3) Ibid. 204.

(4) Ibid. 192.

ность и превосходство надъ американскими своими собратіями, теорія которыхъ, впрочемъ, не была имъ известна въ подробности. Оракуль ихъ Іустинусъ Кернеръ въ *Ausburger Zeitung* напечаталъ очень двусмысленное объясненіе, въ которомъ говорилось, что „уже въ давно изданномъ имъ сочиненіи *die Seherin von Prevorst* и въ другихъ находится доказательство того, что онъ прежде частію самъ наблюдалъ эти и имъ подобныя явленія, частію приводилъ въ своихъ сочиненіяхъ наблюденія другихъ,... что, несмотря на пріобрѣтенную имъ репутацію человѣка легковѣрнаго, онъ не раздѣляетъ вѣры американскихъ спиритуалистовъ въ духовъ, которые, по ихъ вызову, за плату, обнаруживаютъ себя въ разговорѣ посредствомъ стука (*in der Sprache des Klopfens*) и феномены столоверченія никакъ не считаетъ ихъ дѣломъ“. Онъ дѣйствительно объясняетъ эти феномены дѣйствіемъ нервно-электрическихъ токовъ невѣсомой матеріи, которою по его теоріи облакается духъ. „Но да будетъ имъ позволено, говорить онъ въ концѣ концовъ, прибавить къ этому, что, съ другой стороны, эта невѣсомая матерія, особенно невѣсомѣйшая изъ нихъ (одъ), служитъ посредникомъ между нашимъ и другимъ міромъ“ (1). Очевидно Кернеръ ничего не имѣлъ противъ обнаруженія духа посредствомъ стука; ему не нравился только меркантильный характеръ медіумовъ и онъ не видѣлъ еще пока выгодъ для своей собственной теоріи въ новомъ способѣ духосообщенія. Спиритизмъ такимъ образомъ и въ Германіи, какъ въ Англіи, не только не пошелъ далѣе американскаго и не выработалъ изъ себя опредѣленной и точной доктрины, но остановился на некоторое время на самой первой и грубой своей формѣ. Причина этого заключается въ томъ, что въ Германіи протестантизмъ пустилъ слишкомъ глубокіе корни и сдѣлался національною религіею. Все

(1) *Die Geheimnisse des Tages*. 205—210.

сколько-нибудь напоминающее католицизмъ и средне-вѣковое суевѣріе нестерпимо для истиннаго нѣмца—протестанта. Спиритизмъ, между тѣмъ, косвенно возстановлялъ чистилище, чудеса и относился на первыхъ порахъ очень сочувственно къ католицизму. Только, когда выяснился его радикализмъ по отношенію не только къ католичеству, но и къ христіанству, онъ нашелъ много сочувствующихъ въ Германіи. А это выяснилось только во Франціи.—Во Франціи спиритизмъ явился въ 1853 году. Извѣстія о *les spiritualistes d'Amérique* являются правда еще въ 1851 году во французскихъ журналахъ ⁽¹⁾, но проходятъ незамѣченными и только тогда, когда *Tischrucken*, *Klopfen* и *Klopfgeister* взволновали всю Германію, отозвалась и Франція. „Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1853 года, пишетъ Де-Мирвиль, великая и на этотъ разъ таинственная армія перешла за Рейнъ, и во всѣхъ большихъ городахъ Франціи—Страсбургѣ, Марсели, Бордо, Тулузѣ и пр., разразилась, какъ ружейный залпъ, эпидемія круженія (*l'épidémie tournante*) и, чтобы вѣрнѣе овладѣть умами людей, напала сначала на коробки, столы, шляпы, тарелки и т. п. Особенно въ Парижѣ всѣ повторяли опыты, сдѣлали изъ нихъ вечернюю забаву (*le passe temps*), водили и сажали въ кругъ своихъ дѣтей и пр.“ ⁽²⁾. Эта забава стала здѣсь извѣстною подъ именемъ *tables tournants*, *tables dansants*, *tables parlants*, *tables divinatrices* и т. п. Вѣрующіе называли все это *le spiritualisme americaine*, *les esprits frappeurs*. А вѣрующихъ здѣсь нашлось безчисленное множество, болѣе чѣмъ въ какой-либо странѣ стараго свѣта. Здѣсь новѣйшій матеріализмъ сдѣлалъ громаднѣйшій успѣхъ во всѣхъ слояхъ общества; здѣсь менѣе всего было средствъ бороться съ нимъ, при отсутствіи серьезнаго научнаго образованія, научнымъ путемъ. Вслѣдствіе

(1) De-Mirville. Des esprits.

(2) Ibid.

этого здѣсь множество людей схватились за вертящіяся и говорящія столы, какъ за очевидное доказательство несостоятельности матеріализма. Далѣе, здѣсь самый матеріализмъ, дойдя до крайности, пришелъ къ мистицизму, къ особому сорту пантеизма и обожанію человѣка въ сен-симонизмѣ, въ *позитивной религіи* ⁽¹⁾ и т. п., и тенденція преобразовать міръ, дать ему новую, совершеннѣйшую религію была на высшей степени развитія. Здѣсь, наконецъ, давно уже мистиками-месмеристами объявлено было, какъ мы видѣли, начало новой религіозной эры, положено было начало новаго культа, организована пропаганда и вр. Легко повѣсть потому, что американскій спиритуализмъ здѣсь достигъ своего апогея и французы исполнили по отношенію къ нему свое обычное дѣло. Они облекли въ стройную, простую, для всѣхъ понятную форму туманныя идеи вѣмцевъ, зрѣвшія съ самаго явленія месмеризма въ Германіи; они смягчили, облагородили, приуменьшили къ разнообразнѣйшимъ вкусамъ крутое реформаторство американскихъ „спиритуалистовъ“. Самая оппозиція, какую встрѣтилъ здѣсь спиритизмъ, послужила ему въ пользу. Многочисленные месмеристы рационалистическаго направленія, сифывшіеся надъ ученіемъ о духахъ, поставили въ рядѣ трудовъ выше всякаго сомнѣнія фактъ движенія столовъ ⁽²⁾. Ультрамонтаны всѣми силами старались доказать присутствіе здѣсь духовъ, хотя, по ихъ мнѣнію, это были демоны. И католическіе

(1) Замѣчательно, что основатель этой странной религіи Огюсть Контъ возвѣстилъ ея начало именно въ 1852 г.: aujourd'hui que les notions des hommes deviennent, говорить онъ, positivistes, la religion devient positiviste aussi. La philosophie positive. Revue № 5. Mars—Avril. 1870.

(2) Въ такомъ направленіи написаны напр. сочиненія: Comment l'esprit vient aux tables. Paris 1854; Manuel elementaire de l'aspirant magnetiseur, par Gentil. Paris 1853; De tables tourmentantes, du surnaturel en general et des esprits, par le Comte Agenor de Gasparin. Paris 1853. и др.

-писатели немало способствовали на первых порах уси-
 лению и распространению спиритизма. Во главѣ ихъ
 стоятъ Де-Муссо (*des Moussesaux*) ⁽¹⁾ и Де-Мирвиль, къ
 трудамъ которыхъ весьма сочувственно отнеслись мно-
 гие богословы и епископы католическіе ⁽²⁾. Они думали
 найти въ этомъ и опроверженіе матеріализма и ослабле-
 ніе самаго спиритизма, не замѣчая, что въ послѣднемъ
 случаѣ ихъ орудіе обоюдоострое, что, допустивши при-
 сутствіе демоновъ на спиритскихъ сеансахъ, они дол-
 жны допустить возможность и присутствія тутъ душъ
 умершихъ людей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже при-
 сутствіе душъ людей святыхъ ⁽³⁾. Такъ, напр., редакторъ
 журнала, въ которомъ печаталъ свои статьи о спери-

(1) Сочиненія его: *La magie au dix-neuvieme siecle; Les mediateurs et les moyens de la magie.*

(2) Извѣстный французскій богословъ Вентура въ письмѣ къ де-Мирвиллю называетъ столоверченіе — *un des plus grands evenements de notre siecle.* Il en sort, объясняетъ онъ, *la justification de l'evangile et de la foi.* По свидѣтельству редактора *Civiltà catolica de-Сюрси*, самъ папа вполне сочувствовалъ идеямъ де-Мирвиля и де-Муссо. *De Mirville. Des esprits etc.* 314 pp.

(3) Католическіе священники занимались нѣрѣдко столоверченіемъ, именно съ цѣлю доказать присутствіе тутъ дьявола. И духи, такъ хитраціе съ спиритами, были передъ ультрамонтанами вообще очень откровенны. Де-Муссо приводитъ такіа бесѣды со столомъ. — «Кто ты?» — «Дьяволъ», отвѣчаетъ столъ. — «Какой?» — «Астаротъ». — «Есть у тебя рога?» — «Есть» — «Сколько?» — «Два». — «Есть у тебя хвостъ?» — «Нѣтъ»... — «Ты искусилъ первую жену?» допрашиваютъ на другомъ сеансѣ. — «Да», отвѣчаетъ столъ. — «Ты самъ или кто-нибудь изъ твоихъ собратій?» — «Я самъ». — «И въ видѣ змѣя?» — «Да». — «Былъ ты въ числѣ бѣсовъ, посланныхъ въ свиное стадо?» — «Да». — «Призываешь ли ты дѣйствительнымъ присутствіе тѣла Христова въ евхаристіи?» — «Призываю». — «Призываешь ли чистилище?» — «Призываю». Одинъ изъ подобныхъ экспериментаторовъ, думая пошутить съ демономъ, набросалъ отвратительное изображеніе его и сказалъ: «вотъ твой портретъ». — Дьяволъ написалъ въ отвѣтъ: «я очень красивъ» (*je sui bien joli*). *A. Gasparin. Tables tournnats. T. II, 479. 483, 501 pp.*

тизмъ де-Муссо;—благочестивый католикъ, наивно дѣ-
 лаетъ такое возраженіе де-Муссо: „нашъ почтенный кор-
 респондентъ, говоритъ онъ, идетъ, кажется, слишкомъ
 далеко. утверждая, что отвѣчающіе черезъ столъ духи
 всегда демоны... Мы знаемъ, что злой духъ принимаемъ
 всѣ возможные образы, даже душъ сватыхъ; но это еще
 не можетъ служить основаніемъ для признанія, что
 умершіе люди не могутъ такимъ путемъ войти въ об-
 щеніе съ живыми“. Если со стороны враговъ своихъ
 спиритизмъ встрѣтилъ во Франціи такую сильную и
 важную поддержку на первыхъ порахъ; то въ обще-
 ствѣ людей одного направленія, представителей мисти-
 ческаго месмеризма, для него готово было множество
 матеріала, много усердныхъ рукъ и головъ. Правда
 Каанье на первыхъ порахъ, какъ и Керверъ въ Гер-
 мани, отнесся несовсѣмъ доброжелательно къ амери-
 канскому духостучанію. Онъ объявилъ прямо, что аме-
 риканцы заимствовали свое новое ученіе изъ его *ar-
 canes de la vie future dévoilée* и только испортили,
 исказали его. Онъ находить, что приглашеніе духовъ
 насильно и притомъ за доллары не можетъ благопрі-
 ятствовать хорошимъ откровеніямъ. Подобнымъ же об-
 разомъ его ревностный помощникъ Делаажъ въ сочи-
 неніи своемъ *L'Eternité dévoilée*, описавши довольно
 юмористически *les tables divinatrices*, говоритъ: „что
 касается насъ, то мы нашли съ помощію сомнамбу-
 лизма драгоцѣннѣйшее изъ сокровищъ, знаніе о за-
 гробной жизни (*la science de l'éternité*) ('). Каанье
 между прочимъ обратился за разъясненіемъ недоумѣ-
 нія къ своему патрону, Сведенборгу, разумѣется чрезъ
 посредство сомнамбулы. Шведскій пророкъ не преми-
 нулъ, какъ всегда, подтвердить воззрѣнія своего по-
 мощника земнаго: онъ объявилъ, что столы вертятся
 дѣйствительно дѣйствіемъ духовъ, но эти духи низша-
 го порядка, малосвѣдущіе, что серьезный духъ не ста-

(') *L' Eternité dévoilée*. Paris 1854. 225 p.

нетъ заниматься такими пустяками ('). Тѣмъ же мѣсто Каанье печаталъ въ своей энциклопедіи всевозможныя спиритскія сообщенія и уже въ 1856 году заговорилъ совершенно другимъ тономъ объ американскихъ спиритуалистахъ: онъ началъ ихъ называть по французски d'Amérique и спиритскія откровенія посредствомъ столовъ и т. п. началъ также выдавать за факты опыта, какъ и сообщенія своихъ сомнамбуль. Второй томъ его энциклопедіи есть уже чисто спиритское произведение ('). Горячка столоверченія и сопряженное съ нею фокуеничество прошли какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ. Медіумы стучащія, производящія вообще главнымъ образомъ физическія дѣйствія, отступили на задній планъ, потому что самый фактъ столоверченія потерялъ свой интересъ новизны, и на первый планъ выступило стремленіе собрать отъ духовъ возможно больше свѣдѣній. Первое мѣсто заняли говорящія и пишущія медіумы, а это были чисто сомнамбулы. Спиритизмъ слился такимъ образомъ и здѣсь съ мистическимъ месмеризмомъ. Вслѣдъ за Каанье обратились къ спиритизму всѣ почти мистики магнетизеры и привели съ собою въ нѣдра спиритизма огромное количество своихъ прежнихъ поклонниковъ. Спиритская литература во Франціи потому сразу приняла большіе размѣры. Делаажъ, Дюдоте, Регаццони, Генкенъ, Робертъ Ованъ, Поль Луизи, баронъ де Гюльденштуббъ, Люи Констанъ, подъ всеводнимъ Элифаса Леви, Журданъ, Поль Ожэ и множество другихъ такъ или иначе защищали спиритизмъ въ своихъ сочиненіяхъ; но большая часть месмеристовъ остались при прежнихъ своихъ воззрѣніяхъ на міръ духовный, какъ и Каанье. Внѣслѣдствіи они выдѣлились изъ спиритовъ, составивъ что-то въ родѣ особой секты, органомъ которой

(') Cahagnet. Encyclopedie. 185—191 pp.

(') Чисто спиритское также, вышедшее въ 1856 году, произведение Каанье: Revelations d'outre-tombe, par les esprits Galiléa, Hypocrate, Franklin etc.

стали исследовать. Особый журнал *Revue spirituelle* издавал главнымъ представителемъ некто Пьераръ (Pierart) (*). Изъ ряда спиритическихъ сочинений этого периода (и особенно интересно произведение Барона де Гюльденштуббе: *La réalité des esprits et le phénomène psychique de leur écriture directe*. Paris 1851 г. Авторъ старается доказать, что спиритическое учение о духѣ не новость, какъ бы самая духосообщенія, что спиритизма есть самая древняя доктрина и составляетъ сущность какъ всѣхъ религій, такъ и религій христіанской. Какъ самое поразительное доказательство истинности бытія духа и истинности спиритскаго учения, авторъ приводитъ дѣянія гдѣ-то рукописный духовъ (67); полученный безъ всякаго посредства между людьми (**). Въ книгѣ находится французскія слова этикъ началъ и между множества безмысленныхъ и неправильныхъ фигуръ, видѣсь также видѣты собственныя ручныя подписи, съ сохраненіемъ особенностей почерка разныхъ умершихъ людей: древняго и новаго міра—

(*) Домашняя бесѣда. 1864. 305, 551 стр.

(**) *Delaage*. L'éternité dévoilée. Paris 1854; *Le monde occulte*. Paris 1856. *Hennrich*. Sauvons le genre humain. *Robert Owen*. L'avant de la face humaine. *Benézet*. Les tables tournantes et le matérialisme. *Eliphas Lévi*. Dogme et rituel de la haute magie. Paris 1856. и др.

(*) Авторъ просто бралъ бумагу и карандашъ, клалъ ихъ сначала у себя въ кабинетъ, потомъ на кладбищахъ около цѣматницъ историческихъ личностей, въ музеѣ около статуй, въ Notre Dame de Paris и т. д., и всегда будтобы безъ всякаго участія живыхъ людей получалось какое-нибудь писаніе: иногда просто имя, напр. Octavianus Augustus (№ 8), Julius Caesar (№ 9); иногда подпись подъ какимъ-либо изреченіемъ, напр. *Εὐχαριστὸς Θεῷ. Ἰωάννης Ἀποστόλος*. Платонъ начертилъ крестъ и надъ нимъ—*Πλάτων*; Пушкинъ написалъ: «Вѣра, надежда, любовь» (№ 45). Нѣкоторые духи написали длинныя стихи, другіе—какимъ-то каракули, называемыя у Гюльденштуббе магическими фигурами. Древнее письмо греческое и латинское поддѣлало очемъ искусно.

Платона, Еврипида, Демосфена, Цицерона, Юлія Цезаря, Рамзеса, Виргилія, апостола Павла, св. Іоанна, Мельхиседека (на греческомъ языкѣ), Гиппократа, Расина, Пушкина и т. п. Заслуживаетъ также вниманія произведеніе Поля Луизи: *Lumière! Esprit et tables tournantes. Revelations médianimiques*. Въ немъ можно видѣть первую попытку привести въ систематическое цѣлое разнообразныя спиритскія воззрѣнія и привести къ единству большую и нестройную массу мѣдиумическихъ сообщеній и откровеній. У Луизи въ первый разъ ученіе о душевереселеніи, или точнѣе о странствованіи души по различнымъ мірамъ и различнымъ тѣламъ, сдѣлано основнымъ и средоточнымъ доказательствомъ спиритизма. Несмотря на обилье трудовъ въ защиту спиритизма, дѣятельность французскихъ спиритовъ была очень разрозненною, а въ другихъ странахъ Европы его стали совершенно забывать, пока не явился человекъ, который посвятилъ всю свою жизнь, всѣ свои силы дѣлу спиритизма, который далъ спиритскому обществу искусную организацію, сталъ во главѣ сначала всѣхъ французскихъ спиритовъ, а потомъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ верховнаго перносвященника и оракула всѣхъ вообще спиритовъ, который далъ спиритизму въ своихъ сочиненіяхъ нѣчто въ родѣ священнаго, если не обязательнаго для всѣхъ спиритовъ, то во всякомъ случаѣ всѣми уважаемаго, кодекса, который связалъ въ одно цѣлое, освѣтилъ одною идеею и привелъ къ единству спиритское ученіе. Человекъ этотъ былъ упомянутый уже нами *Леонъ Инполитъ Ривайль*, родившійся въ Лионѣ 3-го октября 1804 года и получившій весьма порядочное образованіе въ Иверденѣ въ школѣ знаменитаго Песталоцци: онъ знакомъ былъ съ философіею и съ науками естественными—физикою, химіею, сравнительною анатоміею, астрономіею и даже читалъ по нимъ съ 1835 года бесплатные курсы у себя на дому. До 1850 года онъ издалъ много переводныхъ и оригинальныхъ произведеній о педагогіи, которой онъ хотѣлъ сначала по-

святить себя; но за тѣмъ обратился къ спиритизму, увлекся имъ и съ 1858 года выступилъ его главою и сталъ извѣстенъ всей Европѣ, можно сказать, пожалуй, всему свѣту, подъ именемъ *Алана Кардека* ('). Ривайль далъ новую жизнь спиритизму, построивъ изъ него систему, которая принята громаднымъ большинствомъ спиритовъ, которая можетъ быть названа спиритизмомъ по преимуществу. Эта система есть послѣднее слово мистики текущаго столѣтiя, объединяетъ въ себѣ все предыдущее развитiе ея, всѣ ея элементы, которые мы и старались выслѣдить и поставить на видъ для того, чтобы понять и оцѣнить по достоинству спиритскую доктрину.

В. Снегиревъ.

(продолженiе будетъ)

(') *Revue spirite. Mai, 1869.*

ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ВЪ РОССІИ

СО ВРЕМЕНИ РЕФОРМЫ ПЕТРА.

I.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ НА СВЯЩЕННО-И-ЦЕРКОВНО-СЛУЖИТЕЛЬСКІЯ ДОЛЖНОСТИ ВЪ ПРИХОДАХЪ.

Избраніе кандидатовъ на всѣ священно-и-церковно-служительскія должности къ приходскимъ церквамъ въ древней Россіи, какъ извѣстно, принадлежало самимъ прихожанамъ, при чемъ выборъ падалъ не на однихъ только людей духовнаго происхожденія, но на всякаго вообще грамотнаго человѣка, чѣмъ-нибудь понравившагося приходу, безъ различія происхожденія. Между членами приходскихъ причтовъ встрѣчаемъ не только крестьянъ, но въ болѣе древнее время даже рабовъ, и притомъ не отпущенныхъ на волю⁽¹⁾. Такая свобода

(1) О священникахъ изъ рабовъ см. въ граматѣ патр. Германа 1228 г. (Истор. русск. церкви Макара. III, примѣч. 370) и въ правил. собора 1274 г. (Р. достопамят. I, стр. 107. 110—111). Крестьяне посвящались и въ концѣ XVII в., иногда по просьбѣ крѣпостнаго владѣльца, который въ такомъ случаѣ писалъ въ архіерею, чтобы этотъ пожаловалъ—посвятилъ ему въ попы такого-то его крестьянина, напр. Кондрашку Федорова. Вологод. епарх. вѣдом. 1866 г. № 117, стр. 679).

возмущения въ духовное званіе, поддерживаемая приходскими выборами, была легче, когда бы разглядывал, что древняя Русь не успѣла выработать ни основныя ерѣсмѣи въ выборѣ извѣстнаго рода жизни и заветы, ни особенно стѣпенительныхъ требованій для поступленія въ клиръ: относительно спеціальной подготовки въ церковному служебна; независимая нравственность и святость; окончательное въ сиротъ контрольное смѣленіе умѣнны читать и отнасти шить; — вотъ все, чего требовали наши старинные свѣдѣтели отъ своихъ ставленниковъ тогда называемому церковному постанію: и въ самомъ церковному порядку ставленникъ обучался уже при архіерейской домѣ во время исхода; ставленническаго производствѣ. Но само дѣло эта свобода вступленія въ духовное званіе не только не оправдалась, но съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе несоблюдалась. Какъ ни, впрочемъ, были требованія опредѣленны для поступленія въ клиръ, избранными приходомъ болѣею частью не въ состояніи были удовлетворить и ими: Итъ: и въ сиротъ грамоты. Певладія: новгородскаго о ставленникахъ и о томъ о нихъ. Отъ новгородскаго собора: видя: что наша іерархія давно уже находилась въ несостояніе отъ этихъ мужиковъ; которыхъ приходы, новыя: эти къ нимъ „въ помы станы: и слѣ: и мѣторахъ, дѣйствіе по совѣстѣ: и развѣдали благѣ Церкви, дурно: были: никакъ: невозможно. Съ другой: стороны: зависимость іерархическаго прихода къ выборамъ, ревности іерарховъ о благѣ Церкви, не могла не задѣвать и ревности ихъ къ своей собственной іерархической власти. Нечего и говорить, что епархіальныя власти при такихъ обстоятельствахъ имѣли весьма сильныя побужденія позаботиться объ умноженіи и усиленіи своихъ собственныхъ, болѣе испытанныхъ и болѣе надежныхъ кандидатовъ, которыхъ бы имъ можно было посылать на церковныя мѣста по своему собственному избранію. Въ позднѣйшее время такими кандидатами сдѣлались для архіереевъ воспитанники ихъ епархіальныхъ духовныхъ школъ, которыхъ, на

основаніи законовъ Петра, можно было ставити къ приходскимъ даже помимо всякихъ приходскихъ выборовъ. Въ старину, за неизмѣнимъ духовныхъ школъ, мѣсто ихъ питомцевъ могли заступать въ глазахъ архіереевъ одни только дѣти духовенства, которыя, при всей своей необразованности, все-таки казались способнѣе къ занятію церковныхъ мѣстъ, чѣмъ большая часть приходскихъ избранныхъ изъ среды темнаго народа; по крайней мѣрѣ они были люди грамотные, съ дѣтства принимали участіе въ церковномъ богослуженіи вѣстѣ съ своими отцами и очень рано навывали всѣмъ церковнымъ порядкамъ. Какъ ни слаба была власть старинныхъ архіереевъ въ замѣщеніи приходскихъ вакансій⁽¹⁾, все-таки изъ снискати въ пользу дѣтей духовенства не могли не имѣть сильнаго вліянія на ограниченіе широкой свободы приходскихъ выборовъ, тѣмъ болѣе, что интересы іерархіи въ этомъ случаѣ близились съ интересами государства, а отчасти и самихъ приходскихъ общинъ.

По мѣрѣ своего развитія, государство все рѣзче раздѣляло народонаселеніе на классы по службѣ и тяглу и все съ большою силою выставляло свое требованіе, чтобы изъ служилыхъ и тяглыхъ людей никто отъ службы и тягла въ избытокъ не былъ. Еще во времена удѣловъ въ княжескихъ грамотахъ нашимъ святителямъ писалось важное условіе: „а оуть мѡнхъ и данныхъ людей въ попы или дьяконы не остави-

(1) Прихожане нерѣдко вступали въ борьбу съ архіереями, когда эти посылали къ церквамъ своихъ избранныхъ на должности безъ мірскихъ выборовъ, нерѣдко принимали къ себѣ поповъ, или отказывали имъ отъ мѣста безъ всякаго сношенія о томъ съ архіереемъ, такъ что одинъ изъ святителей конца XVII вѣка даже жаловался правительству, что архіерей надъ церквами воли не имѣютъ, владѣютъ церквами мужики, не принимавтъ поповъ, посланныхъ отъ архіерея, и берутъ къ себѣ въ попы за дешевую ругу разныхъ пьяницъ бродячихъ поповъ. (А. истор. V, № 122. Ист. Россіи Солов. т. IX, стр. 447).

ти⁽¹⁾, потому что чрезъ поставленіе въ попы или дьяконы служилый челоѣкъ, даже вмѣстѣ съ потомствомъ, освобождался отъ службы, а тяглый отъ тягла. Съ конца XVI в., когда начала дѣйствовать система всеобщаго прикрепленія горожанъ и крестьянъ къ землѣ и тяглу, поступленіе въ духовное званіе людей постороннихъ одѣлалось еще болѣе стѣнительнымъ. Относительно крестьянъ это отѣненіе стало усиливаться потому, что, кромѣ государства, его старался поддерживать еще помещики и вотчинники, которымъ, разумѣется, было вовсе нежелательно, чтобы ихъ крестьяне освобождались отъ ихъ власти. Съ развитіемъ крѣпостныхъ отношеній въ XVII в. соборъ 1667 г. захотѣлъ нужнымъ распространить на крестьянъ древнее постановленіе не принимать въ духовный чинъ людей несвободнаго состоянія безъ отпущенныхъ отъ господъ, итѣннее до этого силу главнымъ образомъ по отношенію къ рабамъ. На этомъ же соборѣ въ интересахъ крѣпостныхъ владѣльцевъ было опредѣлено, что если крестьянинъ будетъ посвященъ въ попы съ согласія владѣльца, то дѣти его, родившіеся до освобожденія, все-таки должны оставаться въ крестьянствѣ.

Сами приходскія общины, будучи обложены тяглою, тоже имѣли важный интересъ воздерживаться отъ избранія въ духовный чинъ кого-нибудь изъ своихъ членовъ, потому что, по древнему порядку раскладки и взиманія податей и повинностей, должны были сами отбывать эти подати и повинности за всякаго убытлаго челоѣка и за всякую дворовую или земельную пустоту въ своей средѣ. Вѣдѣтвие этого въ XVII в. встрѣчаемъ любопытные примѣры порядныхъ по крайней мѣрѣ въ высшіе члены клира, въ которыхъ тяглый челоѣкъ, рядясь на церковное мѣсто, въ тоже время даетъ обязательство не отниматься на-

(1) Собр. госуд. грам. т. 1, № 13. 16. 21.

чѣмъ отъ своей тяжелой общины и отъ своей старой родни (1). Въ писцовыхъ книгахъ мы постоянно встрѣчаемъ дьячковъ и писарей записанныхъ въ тѣрѣ на ряду съ крестьянами. Такими образомъ при выборѣ кандидатовъ на правдыя мѣста при церквяхъ и приходскимъ общинамъ этого естественно было обращать вниманіе на тѣхъ же людей духовнаго происхожденія, на которыхъ въ вѣсѣ случилъ стола энархическая власть, тѣмъ болѣе, что постоянно видя ихъ участниками въ церковномъ богослуженіи, привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на какихъ-то прирожденныхъ слушателей церкви.

Съ своей стороны и дѣти духовенства, съ дѣтства воспитывая въ себѣ склонность къ церковному служенію, употребляли самыя энергическія усилія съ оглядкой на родныя церковныя мѣста отъ всякаго показательства постороннихъ лицъ. Самая многочисленность этихъ кандидатовъ на церковное служеніе должна была сильно отъвѣщать доступу къ духовнымъ должностямъ для всѣхъ другихъ кандидатовъ. На церковныя должности, сколько жило вѣсѣ священство, церковнослужительскихъ дѣтей, братьевъ, племянниковъ и всякой родни, что ихъ даже некуда было размѣстить; свѣдѣствовало въ кандидатахъ на церковныя мѣста, въ церковную мѣсть для кандидатовъ. Во второй половинѣ XVII в. правительство стало даже стараться уменьшить число этихъ бездомныхъ для него людей, избытковъ изъ службы въ мѣстахъ и предпринимало мѣры къ ихъ разбѣгу (2). Въ вѣсѣ слабѣ были эти мѣры, безвѣстная дѣти духовенства подлѣ нихъ бросались на державныя мѣста съ помѣнной энергіей, подбивали и водкуили въ свою пользу при казанъ, обманывали прѣтеревъ, вообще не разбирали никакихъ средствъ, лишь бы только, по выраженію Регламенту, „вороты въ духовный чинъ“. Доступъ

(1) Ист. Россіи Солов. XIII, стр. 97—98.

(2) Полв. собр. закон. т. I, №№: 228, 260, 291.

къ духовному званію для людей постороннихъ съ-
нимо еще болѣе.

Подъ влияніемъ воиъ священниковъ или убогихъ,
въ ущербъ прежней широкой свободѣ приходскихъ ви-
боровъ, съ весьма давнихъ поръ постепенно развивал-
ся другой порядокъ званія кандидатами церковныхъ
должностей въ приходахъ, — такъ сказать, по преду-
рожденію. Временіи, когда этотъ порядокъ становится
особенно замѣтенъ въ практикѣ, опредѣляетъ вообще
по крайней мѣрѣ въ XVI в. онъ является уже весьма
обыкновеннымъ и распространеннымъ поведеніемъ. Сто-
главный соборъ въ некоторомъ смыслѣ даже узакони-
лъ его. Наприм., выражал свою заботу объ образо-
ваніи духовенства, онъ велитъ священникамъ учить
ихъ дѣтей, дабы имъ, „пришедъ въ возрастъ, достой-
нымъ быти священническаго чину“. Или еще члѣтъ въ
спредѣлѣхъ: „который пошъ или дьяконъ, овдовѣвъ,
и будетъ у него сынъ или зять или братъ или пле-
мянникъ, а на его мѣсто приидеъ и грамотъ гораздъ
и искусенъ, ино его на мѣсто въ попу поставити“ (1);
Въ синодальныхъ книгахъ XVI и XVII в. священникамъ
большую частію значатся уже лица духовнаго проис-
хожденія; при чемъ нередко встрѣчаются такіе при-
ходы, гдѣ очень члѣтятся первоотступившіе священ-
ники, а сынъ вторыхъ; прачевики тоже отцы съ
сыномъ, а иногда и весь прачтъ состоитъ изъ одного
семейства (2). Соборъ 1667 г., вмѣстѣ зримеревъ съ
тѣмъ, что они иногда бѣлы рабабы, поминали; ставлен-
никовъ даже изъ бѣлыхъ крестьянъ въ рабабы; счита-
еть уже нужнымъ сдѣлать имъ званіемъ рабабы, что
они повящали въ попу людей вообще не духовнаго
званія (3). Такимъ образомъ налицо зрительности духо-
внаго служенія является достаточно развитою задолго
до реформы Петра.

(1) А. экз. т. I, № 229.

(2) См. напр. Вѣдск., вѣд. оо. т. I, стр. 27, 30, т. II,
стр. 68, 104.

(3) Дополн. А. П. т. V, стр. 400.

Задолго до реформы стала развиваться наследственность духовнаго служенія и въ болѣе частномъ (смысле, наследственность именно наставничаго церковнаго мѣста, которая должна была уже не только ограничивать широту и свободу приходскихъ выборовъ, но постепенно подрывать и самую практику ихъ вообще. Мы сейчасъ видимъ, что Стегалавъ уже давно говоритъ о передачѣ священно-служительскихъ мѣстъ дѣтямъ, зятямъ, братьямъ и проч. Соборъ 1667 г. употребляетъ самое слово „наследство“: „яко да будутъ (дѣти поповы) достойны въ воспріятіе священства и наследники по нимъ церкви и церковному мѣсту“. Въ XVII в., а можетъ быть и раньше, образовалось общее мнѣніе, которое раздѣляли и духовенство и прихожане, что дѣти и родственники священно-иерархическо-служителей суть самые ближайшіе и законные наследники ихъ мѣстъ. Іерархія поддерживала это мнѣніе въ извѣстныхъ намъ церковныхъ интересахъ; но къ этимъ церковнымъ интересамъ практика не замедлила приобщить и свои житейскіе интересы. Мы должны обратить здѣсь вниманіе на весьма важное явленіе въ жизни духовенства, которое могущественно содѣйствовало развитію наследственности церковныхъ должностей и противъ котораго и правительство и іерархія тѣсно боролись въ теченіе всего XVIII вѣка и даже въ подлѣжащее время. Мы говоримъ о слишкомъ широкомъ развитіи въ прежнее время владѣльческихъ правъ приходскаго духовенства на отводимые ему общинами или частными владѣльцами участки прицерковной земли.

Опредѣляясь къ приходамъ, духовныя лица заключали съ прихожанами формальный договоръ на право владѣнія прицерковною землею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пользовавія церковнымъ доходомъ не только пожизненно, съ правомъ всякаго рода отчужденія, но и потомственно; „то церковное мѣсто съ хоромнымъ строеніемъ и съ доходомъ церковнымъ, писалось въ договорномъ актѣ, продать и заложить“ и проч. Въ

московской епархіи при патріархахъ такой договоръ заключался обычнымъ крѣпостнымъ порядкомъ въ патриаршемъ казенномъ приказѣ и со взятіемъ обыкновенныхъ крѣпостныхъ пошлинъ ⁽¹⁾. Такая владѣльческія отношенія къ церковному мѣсту духовенство успѣло распространить и на самыя церковныя должности; это тѣмъ легче ему было сдѣлать, что, среди крайне-обрядоваго характера нашей старинной религіозности, оно развивало въ себѣ исключительно одно обрядовое значеніе класса требоисправителей, а свое духовное, собственно пастырское, нравственно-просвѣтительное значеніе сознавало весьма слабо и рѣдко, и потому легко привыкло смотрѣть на свое служеніе, какъ на ремесло, источникъ содержанія, доходную статью. Св. Дмитрій ростовскій обличалъ священниковъ своего времени: „что ты приведе въ чинъ овладевательскій? Те ли, дабы спасти себе и нѣтъ? Никакоже, не чтобы прекормити жену и дѣти и домашнія... Разсмотри себе всякъ, о освященный человѣче, что ты мыслилъ еси, проходя въ чинъ духовный. Спасенія ли ради шель еси или ради покорки, чѣмъ бы питать тѣло? Поискалъ Иисуса не для Иисуса, а для хлѣба куса“ ⁽²⁾. Соборъ 1667 г. замѣтилъ, что, вслѣдствіе владѣльческихъ отношеній духовныхъ лицъ къ ихъ должностямъ, самыя церкви дѣлались какою-то частною собственностью ихъ, что нѣкоторые священники успѣвали вразъ овладѣвать такимъ образомъ двумя церквами, нѣкоторые при одной такой владѣлецъ служилъ самъ, а другую продавалъ или отдавалъ въ аренду другому священнику. Отцы собора постарались, какъ можно рѣзче, опредѣлить границу между церковными мѣстами и церковными должностями и положили: „св. церкви священникомъ продавати и корчемствовати нелѣпо есть... Совѣтуемъ убо нынѣ вамъ, прихожаномъ коея-

⁽¹⁾ См. подробности въ Истор. моск. епарх. управл. ч. I, стр. 104—105. прим. 377. и въ Ист. Россіи Солов. т. XIII, 97—98.

⁽²⁾ Сочин. св. Дмитрія. ч. II.

лучше развивалось владѣльческія отношенія гласно-служителей къ церкви, когда онъ самъ же былъ и стропителемъ ея; въ такомъ случаѣ церковь считалась неоспоримою его собственностію и переходила на правахъ собственности въ его родъ; изъ постороннихъ никто не могъ служить при ней, если не покупалъ или другимъ какимъ-нибудь образомъ не приобреталъ на это права у рода, владѣющаго ею (1).

и племянникомъ моимъ — священнику Іоанну и Андрею и Василью Архиповымъ дѣтемъ, и племяннику моему Евдокиму Героееву сыну и прочимъ сродникамъ и иному никому стороны дѣла нѣтъ... И владѣть тѣмъ мѣстомъ, моимъ и своимъ жеребьями, до сей постыжной брату моему Меодію и дѣтемъ его вѣчно. А я строитель Θεодосійъ дѣтей своихъ Каллиника и Тарасія оженилъ и дворы имъ покупилъ, на Москвѣ и пожитками ихъ на дѣламъ, окомъ сего своего перъ мѣста, и проч. Церковь долго оставалась во владѣніи этого рода въ докопѣніи Ивана Архипова и Меодія. Въ 1716 г. Меодійъ въ свою очередь раздѣлилъ свой жеребей дѣтямъ, священникамъ, тойже, церкви, Терентію и Ивану. (Тульск. епарх. вѣдом. 1862 г. стр. 326—330).

(1) Вотъ одинъ любопытный актъ въ подтвержденіе этого, касающійся Богородицево-Рождественской церкви въ г. Бѣлевѣ. Въ 1619 г. попъ Григорій купилъ въ городѣ Бѣлевѣ церковное мѣсто у вдовы, невады, Прасковьи послѣ мужа ея. На этомъ мѣстѣ въ 1630 г. выхито старой церкви мучен. Стефана, онъ устроилъ двѣ церкви Рождства Богородицы и Нерукотвореннаго Образа, которыя и поступили въ его владѣніе. Кромѣ того онъ владѣлъ еще послѣ своего отца церковнымъ Сергіевскимъ мѣстомъ, принадлежавшимъ братомъ, садимъ попомъ Петромъ. Всѣ эти обстоятельства описываются въ приводимомъ актѣ, — раздѣльной намъ поступной грамотѣ 1650 года, которая сохраниена была въ приказѣ Большаго двора въ случаю тяжбы между братьями. Судебное раздѣченіе маѣ, этой раздѣльной, чтобы показать, какъ семейство владѣльцевъ распоряжалось своими церквами. «И въ прощомъ въ 143 (1637) г. пришелъ я (р. Григорій, во время заключенія акта, бывшій уже именуемъ бѣлевскаго Спасскаго монастыря Геласіемъ) къ себѣ во дворъ къ тому мѣсту дѣвчка Игнатія Прохорова, сына попова, и далъ за него, дочери свою Ксемиръ и поставилъ его къ тому мѣсту въ пошы и далъ ему на

Наслѣдственность церковно-приходскихъ должностей унѣла могущественно усилиться даже въ Малой Россіи, гдѣ духовное знаніе оставалось открытымъ для

во свое купленное церковное мѣсто и запись, почему ему тѣмъ мѣстомъ впредь владѣть. И въ прошлымъ же во 155 (1647) г. судомъ Божиимъ того мѣсте вѣта попа Игнатія не стало, а послѣ вѣта моего п. Игнатія пожалована тѣмъ мѣстомъ дочь моя, вдова попадья Ксенія съ дѣтьми и дана ей на то мѣсто государева жалованная грамота. И въ нынѣшнемъ во 158 г. я игум. Геласій да дочь моя Ксенія съ дѣтьми своими, съ сыномъ Васильемъ да съ Аеонасьемъ, да дочерьми своими, съ Анною да съ Ориною Игнатьевыми дѣтьми поступились того своего купленнаго мѣста половины брату своему Сергіевскому попу Петру и дѣтемъ его, попу Митрофану да дьячку Кирилу, и внучатомъ его Петровымъ со всѣмъ церковнымъ строеніемъ и съ книгами... А что въ прошломъ во 121 г. (1613) купилъ отецъ нашъ п. Иванъ Сергіевское мѣсто, которымъ владѣлъ онъ братъ мой п. Петръ, и то мѣсто, церковь и всякое церковное строеніе и съ дворовымъ строеніемъ и съ пашнями и лугами и со всѣмъ угольемъ и съ церковными доходами и съ государевымъ жалованьемъ съ ругою пополамъ же съ дочерью моею и со внучаты владѣть тому брату моему п. Петру и дѣтемъ его и внучатомъ его Петровымъ... И что Стефановскихъ мѣсть есть, пополамъ же. А другою половиною тѣхъ церковныхъ мѣсть (со всѣми доходами и угольями) владѣть дочери моей вдовой попадья Ксенія съ дѣтьми. А церковная всякая служба служить ему Петру, пока мѣсть живъ будетъ; а будетъ его п. Петра судомъ Божиимъ не станетъ, и послѣ его живота служить сыну его попу Митрофану, пока мѣсть внучата мои возмужаютъ и въ попы поступятъ. А до тѣхъ мѣсть ему п. Петру и дѣтемъ его на дочери моей Ксенія и на дѣтехъ ея, а на мѣстѣхъ внучатахъ, поповъ къ обѣимъ мѣстамъ не спрашивать. А церковныхъ доходовъ и проч. владѣть пополамъ же, а не задѣлять ничѣмъ, и церковнымъ строеніемъ промышлять пополамъ же, и государеву подати и митрополитскую дань давати пополамъ же... Мнѣ игум. Геласію и дочери моей и внучатамъ моимъ свою половину тѣхъ Стефановскаго и Сергіевскаго мѣсть вольно продати и дочери моей зятя приняти на свою половину, вольно же ей и въ попы поставити... А будетъ нашъ Сергіевское церковное мѣсто невоз-

всѣхъ и гдѣ приходскіе выборы были развиты въ теченіе всего почти XVIII столѣтія. Она нашла здѣсь крѣпкія опоры въ старинномъ патронатѣ надъ церквами вотчинниковъ и въ правѣ ихъ раздавать въ своихъ вотчинныхъ парохіяхъ всѣ церковныя должности (*jus investiturae*)⁽¹⁾. Въ теченіе всего XVI, XVII и большей части XVIII в. паны владѣли своими вотчинными церквами на обыкновенномъ вотчинномъ правѣ, могли передавать ихъ съ тѣмъ же правомъ другимъ, отдавать въ залогъ своимъ кредиторамъ или передать въ аренду жида, такъ что іерархія лишалась всякой власти надъ вотчинными парохіями. До такихъ же размѣровъ, хотя и съ меньшими злоупотребленіями, развивали право своего патронатства надъ церквами своихъ вотчинъ монастыри и болѣе вліятельныя изъ югозападныхъ братствъ. По праву инвеституры владѣлецъ церкви могъ назначать для служенія при ней, кого ему было угодно, хотя бы наприм. своего холопа, чѣмъ-нибудь ему угодившаго. Избранный кандидатъ получалъ парохію отъ пана или только въ пожизненное кормленіе для себя, или даже съ правомъ отчужденія и передачи ея въ потомство по завѣщанію. Большая часть пановъ, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ,

можно держати, и намъ то мѣсто продать или другъ у друга скупити, какъ цѣна возьметъ». Въ 1655 г. сынъ Петра п. Митрофанъ уступилъ половину своего жеребья при всѣхъ церквахъ зятю своему пону Ивану. Семейный раздѣлъ 1650 г. имѣлъ силу и въ XVIII в. Въ роспискахъ старосты неповсноваго 1718—1715 гг. значится, что церковная дѣль съ означенныхъ церквей собиралась сообразно съ этимъ раздѣломъ по половинамъ. (Тулъск. епарх. вѣд. 1868 г. № 22. Б-Рожд. церковь въ г. Бѣлевѣ).

(1) Послѣдующіе факты касательно ю-зап. Россіи наложены по статьямъ: «Очерки быта малоросс. дух. въ XVIII столѣтіи» (Рук. для сельск. паст. 1861. № 49), «Поврежденіе церк. обрядности въ ю-зап. митрополіи» (тамъ же, 1860 г. № 12), «О книгѣ *Λθος*» (въ № 26), и «Право патронатства» (Подольск. еп. вѣдом. 1870 г. № 4. 6. 7. 8. 11. 12...).

дорого брали съ духовенства за свою выслугу, требуя значительной суммы или барашъ, при опредѣленіи кандидата на парохію, или въ видѣ постоянныхъ ежегодныхъ платежей съ церковнаго дохода, въ видѣ аренды. Касіанъ Сиковичъ (въ своей *Perspectiwa blędow, herezję i zabobnow. sąkwi Russkiey*) рисуетъ самую мрачную картину отношеній духовенства къ паствѣ. Священникъ вотчинной парохіи былъ какое-то доходной статъей: папа, въ которой послѣдній вытягивалъ себѣ деньги по произволу и безъ всякой причины. Замѣчательно, что такая продажа церковныхъ должностей и поборы съ причтовъ были не у однихъ только католиковъ, но весьма часто и у православныхъ.

Парохія, такимъ образомъ стоила очень дорого; цѣлебнотель затрачивалъ на нее свой капиталъ и по мадай; понятно, какъ онъ долженъ былъ смотрѣть на нее. Это была его ответственность, куданная доходная статья, которая должна была кормить его процентами съ затраченнаго на нее капитала. При такомъ порядкѣ внутренняя, духовная сторона церковнаго служенія да того иногда ступшевыалась предъ экономической, что встрѣчались наприи. такіе случаи: по смерти отца поповичъ наслѣдникъ платилъ помѣщику деньги за приходъ и послѣ этого немедленно же занималъ наслѣдственное мѣсто, не дожидаясь согласія архіерея, иногда совершалъ даже и всѣ требы безъ новышешія. Подобные случаи не могли, разумѣется, быть часты, но за то сплошь и рядомъ бывало то, что наслѣдникъ немедленно послѣ смерти своего предѣшетника, безъ всякаго сношенія съ епархіальною властію, нанималъ для совершенія требы какого-нибудь попа въ качествѣ своего викарія, а самъ; хотя и не былъ подвященъ, становился въ отношеніи къ нему чѣмъ-то въ родѣ самостоятельнаго пароха, которому викарій обязанъ былъ во всемъ подчиняться. Священно-служители наслѣдныхъ парохій изъ рода въ родъ передавали преданія или даже акты, что ихъ па-

родня подарены имъ роду таими-то папани, что они наследовали свои мѣста отъ дѣдовъ и прадѣдовъ и имѣютъ право распоряжаться ими, какъ своею полною собственностію. Какъ ни трудно было имъ отстаивать свои наследственные права отъ вліянія приходскихъ громадъ, которыя постоянно не благопріятствовали наследникамъ и настаивали на выборномъ порядкѣ замѣщенія церковныхъ мѣстъ, однако они успѣшно достигали своей цѣли и успѣвали утверждать законность своихъ правъ въ сознаниіи самихъ прихожанъ. Старались удержать свои мѣста за своими наследниками, священники чаще всего прибѣгали для этого къ тому же средству, которое употребляли нѣкогда наши князья, стараясь утвердить наследство своего престола по нисходящей линіи, именно—объявляли своихъ сыновей наследниками еще при своей жизни. Старшій сынъ священника, по ходатайству отца, получалъ обыкновенно при своей церкви мѣсто священника, а потомъ викарнаго священника „на помощь отцевской старости“ и жилъ по прежнему на отцовскихъ харчахъ, ничѣмъ не пользуясь отъ прихода. Паронія, у которой викарій ничего для себя не требовалъ, охотно принимала его къ своей церкви, а потому понеминому привыкала къ нему, какъ къ наследнику, такъ что по смерти отца онъ занималъ его мѣсто уже совершенно безпрепятственно.

Тотъ и другой порядокъ опредѣленія въ церковныя должности, по выбору прихожанъ и по праву наследственному, перешли и въ XVIII вѣкъ. Трудно сказать, который изъ нихъ былъ употребительнѣе и сильнѣе въ практикѣ; на огромномъ пространствѣ Россіи, въ различныхъ мѣстностяхъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій, отношенія между ними были чрезвычайно разнообразны. Все-таки къ концу XVII в. уже ясно можно видѣть, что наследственность церковныхъ мѣстъ рано или поздно должна была непремѣнно восторжествовать надъ выборнымъ порядкомъ. На ее сторонѣ были слишкомъ многочислен-

ные и сильные шансы, тогда как послѣдній держался почти одной только старой привычкой къ нему приходскихъ общинъ, да по мѣстамъ недостаткомъ духовенства. Съ реформой Петра для ея полного торжества открылись новые рѣшительные шансы.

Съ самаго начала XVIII в. начало опредѣленнѣе выявляться сословное раздѣленіе народа, которое стало сильно стѣснять свободу частныхъ лицъ въ выборѣ состоянія и занятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ сильно стѣснило и свободу поступленія въ духовное званіе для постороннихъ лицъ по приходскимъ выборамъ, такъ что эти выборы сами должны были сообразоваться съ порядкомъ наследственнымъ какъ въ общемъ, такъ большею частію и въ частномъ его смыслѣ. Прежде всего по законамъ Петра изъ общей массы народонаселенія выдѣлился городской классъ купцовъ и ремесленныхъ людей съ особеннымъ дѣленіемъ — первыхъ на гильдіи, вторыхъ на цунфты, съ особыми правами, магистратскимъ и ратушнымъ самоуправленіемъ и съ запрещеніемъ выходить въ другія званія ⁽¹⁾. Высшій служилый классъ, не представлявшій прежде высшей внутренней, общесословной связи между своими членами, бывшій какою-то, по выраженію Петра, разсыпанною хряпной, былъ собранъ теперь въ одну цѣльную группу и успѣлъ уже получить даже одно общесословное названіе — „шляхетства“ ⁽²⁾; таблицю о рангахъ, надбѣло опредѣлившей его основною характеръ, обязательною службою, обязательнымъ образованіемъ и иноземнымъ образцомъ и быстро развившимся среди него новизною окладомъ всей жизни шляхетство еще при Петрѣ выдѣлилось изъ массы народонаселенія, какъ особая, не только сословно-юридическая, но и политическая корпорація ⁽³⁾. За тѣмъ ревизія окончательно

(1) Полн. собр. зак. № 1674. 2520. 1717.

(2) Въ первый разъ встрѣчается въ 1712 г. П. С. З. № 2414.

(3) «Дворянство въ Россіи». Ром. Славянск. 1870 с. съ первыхъ страницы.

закрѣпила крестьянъ и замкнула безвыходной: чертою кругъ всѣхъ вообще податныхъ людей, обложенныхъ подушнымъ окладомъ. Послѣ этого духовенство само собою должно было обособиться въ качествѣ отдѣльнаго сословнаго класса и развить въ себѣ давнишніе задатки сословной замкнутости болѣе прежнего. Ревность правительства къ государственному интересу, повторяя старое требованіе, чтобы никто отъ службы и тягла въ избылхъ не былъ, приводила это требованіе въ исполненіе такими энергическими средствами, о которыхъ древняя Русь не имѣла и понятія; для увеличенія массы служагаго и податнаго классовъ она стремилась, какъ можно больше, сократить число и тѣхъ людей, которые по самому происхожденію своему принадлежали къ духовному званію, тѣмъ болѣе не расположена была содѣйствовать умноженію духовенства допущеніемъ возможности переходить въ духовное званіе служилымъ и податнымъ людямъ. Приходскіе выборы естественно должны были ограничиться людьми только духовнаго происхожденія и ближе всего, разумѣется, сосредоточиться на дѣтяхъ мѣстнаго приходскаго духовенства.

Далѣе, со времени реформы, въ качествѣ необходимаго условія для поступленія въ духовную службу; выставлено было настойчивое требованіе извѣстнаго спеціальнаго образованія въ духовныхъ школахъ, которыя повсюду начали заводиться при архіерейскихъ кафедрахъ для обученія дѣтей „въ надежду священства“. По предначертанію Духовнаго Регламента, съ теченіемъ времени, когда школъ „за Божіею помощію“ довольно число покажется, посвящаться въ священно-служители должны были одни только кончившіе школьный курсъ (*). Эти духовныя школы должны были произвести чрезвычайно важную перемену въ порядкѣ занятія церковныхъ мѣстъ. Съ одной стороны

(*)-Реглам. о епископ. п. 9.

онѣ были въ полномъ распоряженіи архіереевъ, даже такъ и назывались ихъ *собственными* школами, — обстоятельство, дававшее епархіальной власти полную возможность распространять свое вліяніе на приходскія мѣста, потому что, заведя у себя школу, архіерей послѣ этого получалъ возможность всегда имѣть подъ рукою своихъ испытанныхъ кандидатовъ на церковныя должности, которыхъ могъ, сообразно съ своими видами, противопоставлять и приходскимъ избранныкамъ, и излишкомъ притязательнымъ наслѣдникамъ. Съ другой стороны, школа вносила въ практику замѣщенія церковныхъ должностей новый принципъ избранія кандидатовъ не по праву наслѣдственному и не по благорасположенію прихожанъ, а по личному достоинству человѣка и степени его подготовки къ будущему служенію. Законы Петра прямо указывали ставить ученыхъ на мѣста, не стѣняясь ни правами наслѣдниковъ, ни выборомъ прихожанъ (1). Такимъ образомъ школа повидимому должна была поколебать и тотъ и другой порядокъ стариннаго поступленія на церковныя должности. Но на самомъ дѣлѣ она имѣла неодинаковое дѣйствіе на нихъ. Приходскіе выборы были дѣйствительно стѣснены, но наслѣдственность духовнаго званія, поддерживаемая и правительствомъ и іерархіей, легко помирилась съ требованіемъ щедраго образованія отъ духовенства на томъ, что школа сдѣлана была обязательною для всѣхъ дѣтей духовенства. Когда наслѣдники церковныхъ мѣстъ сдѣлались учеными, они только еще болѣе усидили свои права и притязанія на эти мѣста. Къ этому присоединилась еще сословная замкнутость семинарскихъ духовныхъ школъ, въ причинѣ которой доступъ къ нимъ, а чрезъ нихъ и въ церковному служенію для постороннихъ сдѣлался почти невозможнымъ.

(1) Тамже, п. 9—10. П. С. З. №№ 3932. 4120. 4190. п. 18.

Высказавъ эти общія положенія, мы напередъ намѣтили тотъ путь, по которому потомъ въ теченіе всего XVIII в. развивался современной порядокъ поступленія на церковно-приходскія должности и выработывалась сословная замкнутость духовенства. Обратимся къ фактамъ и будемъ слѣдить за проявленіями какъ права приходскихъ выборовъ, такъ и наслѣдственности духовнаго служенія, начавши съ перваго, которому суждено было постепенно малиться предъ возрастающей силою послѣдней.

1. ПРИХОДСКІЕ ВЫБОРЫ ЧЛЕНОВЪ КЛИРА.

Приходы не вдругъ уступили свое старинное право и вели долгую борьбу и съ наслѣдниками и съ тѣми кандидатами на церковныя мѣста, которыхъ присылала къ нимъ по своему собственному выбору епархіальная власть. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ теченіе по крайней мѣрѣ первой половины XVIII в., не было никакой надобности для нихъ и въ самой борьбѣ; приходскіе выборы мирно продолжали свою практику во всей ея цѣлости, частію по общему уваженію къ старой памяти и заведенному порядку, частію потому, что не было на лицо ни достаточнаго числа наслѣдниковъ по малочисленности духовенства, ни достаточнаго числа цѣкольниковъ, которые бы могли наполнять открывавшіяся въ приходахъ вакансіи. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ сибирскіе наприм. архіереи сами отказывались отъ назначенія священнослужителей въ приходы, несмотря на просьбы о томъ прихожанъ, и заставляли послѣднихъ самихъ позаботиться о замѣщеніи вакансій при ихъ церквахъ (*). Въ югозападной Россіи архіереймъ долгое время нечего было и думать о распространеніи своего вліянія на приходы, несмотря на сравнительно большее рас-

(*) Иркутск. епарх. вѣдом. 1864 г. № 20.

пространеніе здѣсь школьнаго образованія въ духовенствѣ, потому что здѣшнія приходскія громады, какъ городскія, такъ и сельскія, издавна привыкли принимать живѣйшее участіе во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, получили на эти дѣла громадное вліяніе, во многихъ случаяхъ даже вовсе устранившее власть іерархіи, и уже конечно не могли потерпѣть, чтобы архіерей посылалъ къ нимъ отцевъ пароховъ безъ ихъ выбора и согласія; противодѣйствіе ихъ епархіальной власти было тѣмъ успѣшнѣе, что эта власть не пользовалась поддержкой со стороны власти гражданской. Ограниченія приходскихъ выборовъ прежде всего являются во внутреннихъ епархіяхъ Великороссіи, гдѣ наслѣдственность духовнаго служенія была и безъ того уже такъ сильна, что съ ней постоянно должны были сообразоваться самые выборы, и гдѣ кромѣ того съ самаго начала XVIII столѣтія порядокъ выборовъ подвергнулся регламентаціи правительства и іерархіи.

О порядкѣ и обрядности выборовъ въ Великороссіи мы имѣемъ только краткія свѣдѣнія и притомъ главнымъ образомъ изъ тѣхъ распоряженій духовной и свѣтской власти, которыя отчасти свидѣтельствовали уже объ ослабленіи этихъ выборовъ, а частію направлены были къ ограниченію ихъ старинной свободы и естественности. Изъ нѣкоторыхъ выражений выборныхъ грамотъ видно, что выборъ совершался на сходѣ всѣми прихожанами, которые интересовались этимъ дѣломъ: „и нынѣ мы, приходскіе люди, читаемъ въ началѣ такихъ грамотъ, со всего мірскаго сбора выбрали и излюбили“ и проч. (1). Въ приходяхъ, населенныхъ вотчинными крестьянами, гдѣ сила приходской общины была совершенно парализована властью крѣпостнаго владѣльца, дѣло обходилось безъ схода; выборъ зависѣлъ отъ одной воли владѣльца, такъ что

(1) См. наприм. Архивъ ист. и практ. свѣд. Калачова 1859. IV. «Настольная книга Данил. монаст.» стр. 36. Ирк. еп. вѣдом. 1863 г. № 37. 40 и др.

о согласіи крестьянъ можно было и не спрашивать; челобитная архіерею, въ которой прописывался обыкновенно выборъ, подавалась тоже отъ имени однихъ владѣльцевъ. Вотъ образчикъ такой челобитной начала XVIII в. Она подана помѣщиками села Карагачева и сельца Дыкина св. Димитрію ростовскому: „излюбиди мы — помѣщики — тогоже села Карагачева церкви Рождества пресв. Богородицы попова, сына Василья Леонтьева, чтобъ ему, по твоему архіпастьырскому благословенію, а по нашему излюбю, быть у тойже церкви вторымъ священникомъ въ поможенье отцу своему, потому что тотъ священникъ при старости, и чтобы церкви Божіей безъ пѣнія не быть и душамъ христіанскимъ безъ причастія не помереть. Милостивый государь, преосвящ. Димитрій митрополитъ ростовскій и ярославскій! пожалуй насъ, вели его Василья по своему архіерейскому благословенію поставить въ попы. Смилуйся, пожалуй“ (1).

Въ 1711 г. въ опредѣленіи ставлениковъ на мѣста открылись большіе безпорядки. „Освященному собору и правит. Сенату вѣдомому учинилось, читаемъ въ указѣ этого года отъ 25 апрѣля, отдележе начася по указу великаго государя брать на службу его государеву людей молодыхъ, къ воинскому чину годныхъ, и о томъ услышавше дьячки, пономари и сынове поповскіе и дьяконовскіе, различными коварными и лжесоставными челобитными, похищаютъ себѣ чинъ священства и діаконства неправильно и неправедно, оvoidь лѣтъ подобающихъ такому чину не имуще, оvoidь же въ прибыль въ другіе попы либо въ діаконы посвящающесея“. Соборъ и Сенатъ нашли по этому поводу нужнымъ обратить особенное вниманіе на приходскіе выборы, въ которыхъ видѣли одно изъ главныхъ средствъ предотвратить обманы ставлениковъ. Видно, что эти выборы успѣли потерять много своей

(1) Акт. Семеvскаго. Чтен. о. ист. в архив. 1869. IV. № 68.

прежней силы, успѣли даже обратиться въ простую формальность, которую недобросовѣстному ставленнику, не рассчитывавшему на одобреніе прихожанъ, можно было легко обойти. Соборъ и Сѣнать поставили выборъ прихожанъ въ числѣ необходимыхъ условій для посвященія ставленниковъ и опредѣлили, чтобы выборные списки скрѣплялись непременно рукою поповскаго старосты, который по древнему обычаю долженъ былъ присутствовать на выборахъ въ качествѣ органа епархіальной власти. „Заручнаго челобитья, сказано въ указѣ, опасно смотрѣти, не ложное ли есть и есть ли рука самого помѣщика, есть ли отписка отъ старосты поповскаго, и буде не обрящется, такимъ отказывать. Всякому архіерею въ своей епархіи поразсылать указы къ старостамъ поповскимъ, чтобы отписокъ не давали прежде, неже сами приходъ той увѣдаютъ и крестьянъ допросятъ, угоденъ ли имъ есть той дьячокъ, и какого житія, и на чье мѣсто быть челомъ“ (1).

За тѣмъ право избирать священно-служителей было признано за приходами Д. Регламентомъ. „Когда прихожане или помѣщики, сказано здѣсь, которые живутъ въ вотчинахъ своихъ, изберутъ человека къ церкви своей во священники, то должны въ домошени своемъ засвидѣтельствовать, что оный есть человекъ житія добраго и неподозрительнаго. А которые помѣщики въ тѣхъ своихъ вотчинахъ сами не живутъ, оное свидѣтельство о такихъ людѣхъ подавать людямъ ихъ и крестьяномъ. И въ челобитныхъ писать явннно, какая ему руга будетъ или земля; а избранный бы также приложилъ руку, что онъ тою ругою или землею хочетъ быть доволенъ, и отъ церкви, къ которой посвященъ, не отходить до смерти“. Епископу предоставлялось за тѣмъ испытать такого ставленника; „а ежели оный избранный предъ епископомъ явится въ какомъ подозрѣнн или расколѣ и онаго чина недо-

(1) И. С. З. т. IV, № 2352 п. 6—7.

стойтъ, сіе оставляется въ разсужденіе епископле“ (1). Въ 1722 г. были изданы правила для приходскихъ выборовъ, при чемъ въ выборныхъ спискахъ велѣно подробно обозначать качества избраннаго кандидата, что прихожане „знають его быть добраго человѣка, а имянно не пьяницу, въ домостроеніи своемъ не лѣниваго, не клеветника, не сварливаго, не любодѣйца, не убійцу, въ воровствѣ и обманѣ не обличеннаго, грамотѣ умѣющаго, никакого подозрѣнія раскольническаго за собой не имѣющаго“ (2). Эти правила удерживали полную силу въ теченіи всей первой половины XVIII в. и нѣсколько разъ подтверждались новыми указами. Указомъ св. Синода 1737 года велѣно было при произвожденіи въ священно-и-церковно-служители вносить содержаніе заручныхъ выборовъ въ докладныя выписки о ставленикахъ (3), послѣ чего заручный выборъ постоянно считался однимъ изъ необходимѣйшихъ документовъ и выводился на справку при всякомъ ставленическомъ дѣлѣ. Форма его буквально заимствована изъ правилъ 1722 г. Вотъ наприм. одинъ выборъ 1747 г. воронежской епархіи: „мы именованные согласно выбрали и излюбили къ помянутой вашей Пятницкой приходской церкви на мѣсто умершаго священника Григорія Самсонова оной же приходской церкви діакона Филиппа Алексѣева... А понеже мы именованные оного діакона совершенно знаемъ, что онъ человѣкъ добрый и смиренный, не піяница, въ домостроеніи своемъ не лѣнивый, не клеветникъ; не сварливъ, не любодѣйца, не убійца, въ воровствѣ и обманствѣ не обличенный, грамотѣ и писанію умѣющій, и никакого подозрѣнія раскольническаго за нимъ нѣтъ, и діаконскую должность править безлѣнство и бездорочно. И будучи онъ, діаконъ Филиппъ, у той

(1) Реглам. о мірск. особахъ п. 8.

(2) И. С. З. VI, № 3911. и прибавл. Реглам. № 4022.

(3) И. С. З. № 7204.

нашей приходской церкви священникомъ, какъ и умершій священникъ Григорій, будетъ мирскимъ подавнѣемъ, къ тому же и трудами своими отъ пашни и сѣнныхъ покосовъ доволенъ, понеже при той нашей церкви церковной пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ довольно число, и для того онъ Филиппъ отъ оной нашей приходской церкви по смерть свою къ другой церкви отходить и тѣмъ утруждать ваше преосвященство не будетъ, сего ради онъ диаконъ Филиппъ къ сему нашему доношенію руку приложилъ". Въ концѣ подписи прижаганъ и самого избраннаго ⁽¹⁾. Надзоръ за выборами, сообразно съ опредѣленіемъ 1711 г., принадлежалъ поповскимъ старостамъ, а съ 1744 г. членамъ духовныхъ правленій; безъ засвидѣтельствованія ихъ выборные списки считались недействительными ⁽²⁾.

Богѣ подробныя свѣдѣнія дошли до насъ о порядкѣ приходскихъ выборовъ въ юго-западной Россіи ⁽³⁾. Какъ скоро въ какой-нибудь парохіи опрастывалось вольное, ненаслѣдственное мѣсто священнослужителя, протопопское правленіе посылало туда своего депутата изъ священниковъ своего округа. Этотъ по пріѣздѣ представлялся громадѣ и съ общаго согласія назначалъ день выборовъ. При томъ живомъ участіи, какое юго-западные громады принимали во всѣхъ дѣлахъ своей церкви, выборы имѣли очень оживленный и торжественный характеръ. На нихъ, какъ на приходскій праздникъ, съѣзжалось множество гостей, священниковъ и мірянъ изъ сосѣднихъ селеній; эти, такъ называемые, люди околичныя, какъ извѣстно, испоконъ вѣка играли весьма важную роль во всѣхъ важныхъ

⁽¹⁾ Воронеж. епарх. вѣдом. 1868. стр. 556—557.

⁽²⁾ Ист. моск. епарх. управл. ч. II, кв. I, стр. 69; кв. 2, стр. 29—30.

⁽³⁾ Извлекаемъ эти свѣдѣнія изъ замѣчательной статьи г. Крыжановскаго (Руков. для сельск. паст. 1861 № 49): «Очерки быта малоросс. дух. въ XVIII стол.», составленной по дѣламъ кievскаго консисторскаго архива.

рѣшеніяхъ югозападныхъ громадъ, являлось на сходы въ качествѣ свидѣтелей, постороннихъ судей, совѣтниковъ и т. п. Еще большее оживленіе выборамъ придавало всегдашнее множество и разнообразіе являвшихся на нихъ кандидатовъ. Духовное званіе въ югозападномъ краѣ и въ XVIII в. еще долго оставалось открытымъ для всѣхъ. Выѣстъ съ праздными поповичами и дьяками сосѣднихъ парохій, а также бурсаками кievской академіи, переяславской семинаріи и харьковскаго коллегіума, въ числѣ кандидатовъ на открытывшіяся мѣста всегда были грамотные люди и свѣтскихъ званій, крестьяне, мѣщане и козаки. На каждые выборы являлись кромѣ того и посвященные уже люди, — разныя безмѣстные священно-служители, которыхъ немало бродило по всему краю въ чаяніи свободнаго мѣста и которые въ народѣ извѣстны были подъ названіемъ „дикихъ поповъ“. Тутъ были и святиценыжки, произвольно покинувшіе или продавшіе бѣдную парохію для прискавія другой болѣе кормной, и свлценники, выбитые съ мѣста самими громадами, и безмѣстные священно-служители, купившіе свой санъ въ Молдавіи или Турціи, гдѣ онъ стоилъ очень дешево и гдѣ всегда можно было за извѣстную сумму найти архіерея, чтобы получить отъ него рудоположеніе безъ прихода, какъ говорилось, „на вакансѣ“ или „про запасъ“, пока не отыщется мѣсто, наконецъ священно-служители, бѣжавшіе изъ Польши отъ фанатизма католиковъ и униатовъ, иные съ избитымъ тѣломъ, съ скудными клочками волосъ на головѣ и далеко не полной бородою. Всѣ эти кандидаты всѣми мѣрами заискивали вниманія громады, которую желали пасть, ходили съ поклономъ къ зажиточнѣйшимъ хозяевамъ, раздавали деньги, лошадей, коровъ и другіе дары, каждый день подпивали чернь, разсыпая обѣщанія слушаться громады, почитать парохіянъ, и стараясь подервать довѣріе къ другимъ кандидатамъ. Вся парохія волновалась, пила, шумѣла, разбивалась на партіи до самаго того времени, какъ наступалъ роковой день, назначенный для выборовъ.

Для выборовъ вся громада собиралась при церкви. Депутатъ читалъ передъ нею листъ духовнаго правленія съ дозволеніемъ приступить къ выборамъ и по прочтеніи возглашалъ: „кого volete, панове громада?“ Наступало нѣсколько минутъ обычнаго молчанія, которое такъ необходимо для малороссійской сходки всегда, когда требуется, что называется, діло разжувати. Кандидаты въ это время находились въ самомъ тревожномъ состояніи, посматривая на своихъ патроновъ; нѣкоторые, не утерпѣвъ и пользуясь затишьемъ, выходили въ кругъ, кланялись на всѣ стороны и просили, чтобы ихъ выбрали въ parroхи. При возглашеніи перваго же имени поднимались толки, споры, и толна начинала шумѣть. Въ споры и толки вмѣшивались и люди околичныя, подавая совѣты и высказывая свои свѣдѣнія о кандидатахъ. Кандидаты тоже съ своей стороны спорили, ругались, укоряя другъ друга, чѣмъ могли, и докладывая другъ о другѣ все, что слышали. Выписываемъ жалобу одного кандидата по случаю обиды, причиненной ему на выборахъ въ селѣ Великоселицахъ. Депутатъ, пишетъ онъ въ своей жалобѣ митрополиту Рафину Заборовскому, прочиталъ предъ громадосоудомъ воленіе духовнаго правленія избирать кандидата. Тутъ были многіе священники и свѣтскіе, пріѣхавшіе до громады въ гости. Я выступилъ предъ громадою, поклонился и сказалъ: „прошу и я васъ, панове парохіяне, еже будетъ воля ваша, и меня принять“. Тогда стоявшій тутъ священникъ Дубровскій, пріѣхавшій къ громадѣ, крикнулъ: „а ты чего лѣзешь сюда? Ты продалъ свою parroхію и людей за 700 злотыхъ; а ежели ты станешь, то и тутъ тое сдѣлаешь. Онъ васъ, панове парохіяне, всѣхъ пошродаетъ“. Громада тотчасъ же отказала этому кандидату, хотя онъ дѣйствительно былъ невиненъ въ продажѣ старой parroхіи и людей, когда мѣсто было уже потеряно; доказавъ несправедливость нареканій на него священника Дубровскаго. Послѣ выбора громада провозглашала избраннаго паномъ отцовъ, дѣлила складчину для обзаведенія его на по-

вошь мѣстѣ, а если онъ еще не былъ посвященъ, то снабждала его пособиями на издержки въ каедрѣ, снаряжала подводу и отправляла его „примоваться на вова“.

Описанный здѣсь церемоніаль выборовъ, разумѣется, могъ соблюдаться только тамъ, гдѣ сила громады не была подавлена силою пана. Въ вотчинныхъ селеніяхъ, какъ и въ Великороссіи, выборъ священника, волюгѣ зависѣлъ отъ вотчиннаго владѣльца. Относительно Великороссіи мы видѣли, что при оставленіи новаго священника въ вотчинный приходъ самъ Дукъ Регламентъ предписывалъ спрашивать о согласіи крестьянъ только въ томъ случаѣ, если владѣльцу нѣтъ въ селеніи. Въ юго-западной Россіи ивъ, кому хотѣлъ, тому и отдавалъ парохію, могъ отдать ее даже своему холопу за какія-нибудь холопеція послуги, точно также, какъ это бывало въ старину, въ XVI и XVII в. Наприм. въ 1743 г. графиня Наталья Разумовская просила м. Рафаила Заборовскаго рукоположить ей священникомъ въ село Орловку (нѣжинскаго уѣзда) одного изъ ея лакеевъ Богдановскаго, выставляя въ подтвержденіе его правъ на свящ. санъ то, что „оной Богдановскій, какъ прежде, такъ и понынѣ, ко двору ея благопріятнѣй и во услугахъ вѣрнѣйшій и добропорядочнѣй“. Встрѣчаемъ прикѣры и того, какъ владѣльцы „изгнаноу жгнали безвинно“ нелюбыхъ ивъ священниковъ и отдавали ихъ парохіи другимъ (*).

Избраніе дьякона въ приходъ совершалось гораздо проще. Дьяконовъ вообще было мало какъ въ великорусскихъ, такъ и въ юго-западныхъ приходахъ. По писцовымъ книгамъ видно, что ихъ имѣлъ у себя только немногіе сельскіе приходы даже изъ тѣхъ, при которыхъ было по 2 священника. Дьяконы были своего рода роскошью прихода и держались только въ богатыхъ, главнымъ образомъ городскихъ приходахъ, для

(*) Описан. харьк. епархіи. отд. III, стр. 210.

большаго великолѣпія церковной службы или даже просто изъ соревнованія приходскихъ тузовъ съ тузами другаго прихода. Какъ и теперь, существеннымъ достоинствомъ дьякона былъ громкій басовый голосъ, долженствовавшій потрясать неслишкомъ нѣжное чувство русскаго человѣка и имѣвшій для него совершенно такое же значеніе, какъ большой церковной колоколь; о другихъ достоинствахъ кандидата во дьяконы не спрашивали. Въ царствованіе императрицы Елисаветы нѣкоторые студенты петербургской семинаріи, не имѣвшіе права поступить въ священники за недостиженіемъ законныхъ лѣтъ (30), горько жаловались въ своемъ прошеніи св. Синоду 1747 г., что имъ некуда дѣваться, потому что въ дьячки идти стыдно, а „во дьяконы желаемаго прихожанинъ голосу не достаетъ“⁽¹⁾. Встрѣчаемъ примѣры, что при выборѣ во дьяконы прихожане предпочитали за голосъ какого-нибудь неученаго басстаго дьячка даже предъ студентомъ⁽²⁾. Ищущій дьяконскаго мѣста являлся обыкновенно въ церковь во время какого-нибудь праздничнаго богослуженія, когда можно было ожидать большаго сбора прихожанъ, и старался показать свои таланты въ громкомъ чтеніи апостола и т. п. Послѣ этого онъ отправлялся собирать подписи прихода къ заручному выбору и въ случаѣ удачи вѣхалъ съ заручнымъ спискомъ посвящаться⁽³⁾.—Въ великорусскихъ приходяхъ дьяконы по крайней мѣрѣ получали отъ прихода ругу и др. средства содержанія, которыя обозначались въ заручныхъ спискахъ и придавали дьяконской должности нѣкоторую самостоятельность; въ юго-западныхъ парохіяхъ съ дьякономъ не было никакого договора у прихожанъ о содержаніи; стало быть, выборъ дьякона еще менѣе интересовалъ ихъ, чѣмъ въ

(1) Ист. спб. акад. Чистовича. стр. 50.

(2) Ист. моск. еп. управл. ч. II, кн. 1. прил. 123.

(3) Тамже. См. также Ист. нижег. іерарх. Макарія. стр.

Великороссія! Дьяконъ долженъ былъ служить громадѣ за добровольныя „лазки“ или содержался насчетъ нѣсколькихъ болѣе богатыхъ хозяевъ прихода, которые пожелали его имѣть при церкви; кромѣ того въ дьяконской должности, какъ мы говорили, часто служили сыновья священниковъ—наслѣдники—въ ожиданіи отцовскаго мѣста, живя все время своего дьяконства на отцовскихъ харчахъ. Если въ приходѣ поступалъ какой-нибудь дьяконъ, посвященный прежде, пріемъ его, какъ дѣло совершенно частное, совершался иногда безъ вѣдома не только епархіальной власти или протопопскаго правленія, но даже и мѣстнаго священника, по волѣ одного ктитора и лучшихъ прихожанъ, точно также, какъ теперь совершается наприм. наемъ гѣвческаго хора старостой церкви (1).

Что касается до церковно-служительскихъ вакансій въ приходахъ, то замѣщеніе ихъ еще легче могло обходиться безъ участія епархіальной власти и болѣею частію вполне зависѣло отъ одного выбора прихожанъ, или даже отъ воли одного священника и ктитора церкви. Въ памятникахъ нашей древней церковной жизни мы очень мало встрѣчаемъ фактовъ, которые бы обнаруживали вниманіе нашей іерархіи къ этимъ должностямъ. Едвали не одинъ соборъ 1274 г. удостоилъ вопросъ о клирикахъ подробнаго разсмотрѣнія, издавъ строгія правила объ испытаніи кандидатовъ въ причетники относительно ихъ богослужебной опытности и нравственныхъ качествъ и опредѣливъ значеніе ихъ должности, какъ переходной къ высшимъ степенямъ клира (2). Но его опредѣленія не вошли въ практику. Въ XVI в. Геннадій новгородскій жаловался, что „во всей русской землѣ распространилось беззаконіе: мужики оворные на клиросѣ поютъ и паремью и апостолъ на амбонѣ чтутъ да еще и въ алтарь хо-

(1) Руков. для с. паст. 1861. № 51.

(2) Истор. р. п. Макарія. IV, 288—289. Русск. достоп. т. 1.

дать" (1). Въ XVI и XVII в. встрѣчаются постоянныя жалобы правительствна и іерархіи на крайній упадокъ церковнаго чтенія, пѣнія и вообще церковнаго благочінія, который между прочимъ зависѣлъ отъ неискusstва церковныхъ дьяковъ и пономарей. Опредѣленіе причетника къ мѣсту духовною властью документировалось, такъ называемой, новоявленной памятью и посвященіемъ въ стихарь, при чемъ опредѣляемый испытывался въ чтеніи и пѣніи. Но множество, даже большинство причетниковъ служило безъ стихарей, такъ что должность ихъ дѣлалась какою-то вольнонаемною; она даже не составляла иногда особаго спеціальнаго занятія и званія, а соединялась съ другимъ житейскимъ ремесломъ или званіемъ, наприм. крестьянскимъ. Надобно при этомъ припомнить еще то важное земское значеніе, какое имѣли дьяки въ своихъ приходахъ; они были единственными здѣсь грамотѣями дѣльцами и совершали всѣ общинные акты, записи, купчія, выборные списки, платежныя отписи и т. д. Очень естественно, что общины издавна старались сдѣлать ихъ и дѣйствительно сдѣлали своими выборными людьми наряду со всѣми земскими чинами. Найдуть подходящаго для себя грамотѣя, умѣющаго кстати исправить и церковную службу, напишутъ выборъ и радъ, чтобы онъ о всемъ церковномъ радѣль и смотрѣль накрѣпно, книгъ церковныхъ берегъ, запираль церковъ в колокольную, почиталь священника, слѣшался во всемъ мірекихъ людей и къ письму у всякаго государева и мірекаго дѣла былъ всегда готовъ, жилъ у церкви смирно, не бранничаль и ни за чѣмъ дурнымъ не ходилъ и не промышляль, обязывали его поруками, и онъ тутъ же вступаль въ должность дьяка или пономаря, выговоривъ съ своей стороны извѣстное вознагражденіе за свою службу (2). Если онъ оказывался въ чемъ-

(1) Церк. пѣніе въ Россіи, Разумовскаго. отд. II, стр. 65.

(2) А. юридич. №№ 286. 287. 302. 303.

нибудь неисправнымъ, его отставляли и такимъ же порядкомъ принимали другаго.

Рядомъ съ этимъ порядкомъ опредѣленія низшихъ членовъ клира на мѣста выработался еще другой, бывшій результатомъ тѣхъ подчиненныхъ отношеній, въ какихъ причетники стояли къ священнику. Когда приходская община при опредѣленіи причетника не имѣла въ виду его участія въ земскихъ дѣлахъ, она представляла выборъ кандидата священнику. Такой порядокъ сталъ развиваться особенно подъ конецъ XVII в., когда земская служба дьяковъ была стѣснена дѣятельностью приказныхъ людей. Чѣмъ менѣе общины интересовались выборомъ дьячковъ, тѣмъ болѣе развивалось вліяніе на причетническія мѣста священниковъ. Регламентъ наприм. говоритъ, что священники нарочно старались захватить въ свое распоряженіе всѣ причетническія мѣста при своихъ церквахъ, между прочимъ для того, чтобы наполнять ихъ своей родней, иногда и вѣщше potrzeby (?). Иной поповичъ, по хозяйственному расчету отца, съ раннихъ лѣтъ былъ опредѣляемъ на причетническую службу при своей родной церкви и, постепенно повышаясь, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ проходилъ всѣ степени клира, пока наконецъ не попадалъ на отцовское мѣсто. Вліяніе священниковъ на церковническія мѣста развивалось иногда до того, что приходы начинали уже тяготиться имъ и въ охраненіе своего стариннаго права выборовъ считали нужнымъ включать въ свои договоры съ священниками особое условіе: „а церковниковъ мнѣ (священнику) одному безъ мірскаго вѣдома не принимать и не отказывать“.

Въ XVIII столѣтіи церковнослужительскія мѣста были опредѣлены штатами, епархіальная власть стала обращать большое вниманіе на ихъ замѣщеніе, окружила опредѣленіе причетниковъ формальностями, справ-

(?) Прибавл. Реглам. о священ. п. 27.

жами, допросами, экзаменаціями кандидатовъ, стала требовать, чтобы церковное служеніе не было соединяемо съ занятіями другихъ состояній, кромѣ духовнаго, и принимаемо было людьми свободными (¹),—все это не могло не ослаблять прежней свободы поступленія въ церковно-служители и вольноваемаго характера ихъ служенія. Но и при этихъ обстоятельствахъ мы долго еще встрѣчаемъ совершенно свѣжіе остатки старины. Не говоримъ уже о выборномъ значеніи причетническихъ должностей,—оно сохранялось во всей цѣлости повсюду; обращаемъ вниманіе только на общедоступность причетническаго званія и на замѣщеніе причетническихъ должностей по вольному найму и безъ вѣдома епархіальной власти. Замѣчательно, что въ началѣ XVIII в. само правительство какъ будто вовсе не считало причетниковъ духовными людьми. Наприм. въ 1705 г. оно распространило на нихъ дѣйствіе извѣстныхъ указовъ о бритьѣ бороды наряду со всѣми свѣтскими лицами (²). Потомъ всѣ они наряду съ податными классами облагались при Петрѣ разными сборами и повинностями и едва было не записаны были ревизіею въ подушный окладъ, такъ что св. Синоду въ 1721 и 1722 гг. стоило большихъ усилій исходатайствовать имъ обычныя права духовнаго состоянія (³).

Въ 1722 г. принадлежность церковно-служителей къ духовному званію была утверждена но и послѣ этого церковно-служительскій классъ состоялъ изъ чрезвычайно разнородныхъ людей, принадлежавшихъ къ различнымъ вѣдомствамъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ духовенства было немного. Наприм. въ пе-

(¹) См. ставленіч. дѣла въ Ист. моск. еп. управленія. Нходимы примѣры даже въ Сибири. Иркутск. еп. вѣд. 1863 г. № 38: «Управленіе свят. Иннокентія».

(²) П. С. З. № 2015.

(³) Объ этомъ будетъ сказано ниже. Сюда относятся указы въ П. С. З. VI. 3481. 3802. 3854. 3932. 4035 и др. Собран. постанов. по дух. вѣдом. т. I, № 153.

тербургской губерні въ первой половинѣ XVIII столѣтія не только въ селеніяхъ, но и въ городахъ причетниками при разныхъ церквахъ служили горожане, помѣщичьи крестьяне, грамотные лакеи, гарнизонные солдаты, матросы, таможенные сторожа, фабричные и заводскіе рабочіе и т. д., и притомъ безъ всякихъ указовъ отъ епархіальной власти, по одному выбору прихожанъ и священниковъ, или по распоряженію господъ и разныхъ свѣтскихъ командъ (1). Въ землѣ войска донскаго и въ козацкихъ селеніяхъ Малороссіи причетники считались въ козацкомъ званіи; какъ опредѣленіе ихъ къ церквамъ, такъ и увольненіе зависѣло отъ войсковыхъ начальствъ (2). Подобные же факты встрѣчаемъ и во внутреннихъ областяхъ Россіи, гдѣ и духовенство было многочисленнѣе, и епархіальная власть сильнѣе. Въ настольной книгѣ Данилова переславльскаго монастыря (за 1703—1743 гг.) находимъ наприм. выборъ дьячка 1739 г., произведенный старостою и крестьянами монастырскаго села Романова: „со всего мірскаго сбора выбрали и излюбили“ малолѣтняго сына умершаго дьячка съ тѣмъ, чтобы онъ до своего возраста отправлялъ дьячковскую службу по найму; тутъ же встрѣчаемъ другой образчикъ опредѣленія въ причетники вслѣдствіе договора кандидатовъ съ священникомъ. И въ томъ и другомъ случаѣ дѣло не восходило для окончательнаго утвержденія далѣе властей вотчиннаго монастыря. Замѣчательно также, что въ первомъ случаѣ прихожане выбрали во дьячки человека духовнаго происхожденія, — наследника, и во второмъ священникъ нанялъ во дьячки крестьянскихъ дѣтей (3). Даже въ московской епархіи, гдѣ опредѣленіе

(1) Историко-стат. свѣд. о спб. епарх. Спб. 1869. вып. I, 54. 119. вып. II, 205. 206.

(2) П. С. З. т. X, № 7144. 7331. XII, 9299. 9327. XVII, 12454.

(3) Арх. истор. и практ. свѣд. 1859. кн. IV. стр. 36.

причетниковъ, судя по всему, должно бы было стать въ большую зависимость отъ епархіальной власти, чѣмъ гдѣ-либо, множество причетниковъ служило безъ указовъ, по вольному найму, еще и во второй половинѣ XVIII вѣка. Самые указы или новоявленные памяти выдавались не самими архіереями, а духовныхъ дѣлъ управителями, которымъ такимъ образомъ принадлежало окончательное утвержденіе церковниковъ въ должности. Посвященіе въ стихарь не было въ употребленіи; первый изъ московскихъ архіереевъ сталъ вводить его Платонъ I Малиновскій (1748—1754), вслѣдствіе чего всѣ кандидаты на церковно-служительскія мѣста должны были при немъ являться въ Москву, а не въ уѣздныя только духовныя правленія. Несмотря на это, когда его преемникъ м. Тимоѳей Щербатскій вздумалъ въ 1765 г. обратить вниманіе на причетниковъ, то оказалось, что „не токмо приходскіе священники, но и духовныхъ дѣлъ управители держали при церквахъ своихъ церковниковъ безъ указовъ года по 2 и болѣе“. Консисторія распорядилась сначала брать съ такихъ безуказныхъ церковниковъ денежный штрафъ, потомъ опредѣлила наказывать ихъ нещадно плетью. Но и послѣ этой грозной мѣры м. Платонъ (Левшинъ), при вступленіи своемъ на московскую кафедру въ 1775 г., съ неудовольствіемъ узналъ, что не только въ уѣздахъ, но и въ самой Москвѣ священники для своихъ выгодъ нарочно не замѣщали причетническихъ мѣстъ при своихъ церквахъ, чтобы по старому отдавать ихъ за дешевую плату наемнымъ постороннимъ лицамъ ('). Здѣсь кстати можно припомнить одинъ обычай при опредѣленіи пономарей, существовавшій между прочимъ и въ московской епархіи. Такъ какъ на пономарскія должности особенно много навималось людей постороннихъ, а между тѣмъ пономарямъ поручалось хране-

(') Истор. моск. епарх. упр. ч. I. примѣч. 229. кн. 1 ч. II, стр. 31. 70. кн. 2, стр. 56. ч. III, кн. 1, стр. 16. 125.

ніе церкви и церковной утвари, то принято было при опредѣленіи ихъ въ должность обязывать ихъ особыми записями отъ крѣпостныхъ дѣлъ за поручительствомъ 3—6 человекъ; они обязывались при прохожденіи своей должности „не пьянствовать, не воровать, съ ворами не знатѣся и къ той церкви воровъ не подвѣсть, и самимъ ничего не покрасть“ и проч. Записи эти были уничтожены уже въ 1765 г. указомъ св. Синода, которымъ запрещено держать при церквахъ нештатныхъ пономарей подъ именемъ сторожей (¹).

Въ юго-западной Россіи причетническое служеніе окончательно обратилось въ вольнонаемное ремесло и еще менѣе зависѣло отъ вліянія епархіальной власти (²). Церковно-служитель или „дьякъ“ былъ обыкновенно одинъ для цѣлой парохіи, хотя бы при церкви было даже нѣсколько священниковъ. Онъ былъ и распорядитель клироса, собственно дьякъ, и вмѣстѣ учитель и начальникъ парохіальной школы, „панъ бакаляръ, панъ директоръ“. Очень рѣдко въ приходѣ былъ еще „паламаръ“; должность его была излишнею въ приходѣ, потому что его обязанности легко исполняли или самъ дьякъ, или ученики дьяковой школы. Послѣдніе, обучаясь у дьяка, во всемъ ему помогали по церкви, читали на клиросѣ, ходили съ священникомъ на требы; составляли пѣвческій хоръ, чистили церковь и проч. Дьякъ былъ человекъ кругомъ зависимый, зависѣлъ отъ парохіянъ, для которыхъ его школа была тѣмъ же, чѣмъ братскія школы для братствъ, ихъ созданіе и собственность, зависѣлъ и отъ пана пароха, для котораго онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ служителя, работника. Подъ вліяніемъ католическаго церковнаго строя зависимость юго-западныхъ церковно-служителей отъ священниковъ развилась до такой степени, до какой она никогда не доходила въ Великороссіи, хотя и здѣсь

(¹) Тамже, ч. II, кн. 1, стр. 116—117. кн. 2, прим. 311.

(²) Подробности о дьякахъ см. въ Рук. для с. паст. 1861. № 39. 51: «Очерки быта малор. дух.»; также, 1864. № 42.

и въ приходскихъ выборахъ и въ новоявленныхъ памятяхъ церковно-служителямъ постоянно внушалось правило во всемъ слушаться священника. Великорусскій причетникъ былъ штатный служитель церкви, всегда имѣлъ опредѣленную долю въ церковномъ доходѣ и землѣ и чувствовалъ себя человѣкомъ самостоятельнымъ, тогда какъ юго-западный дьякъ служилъ по найму, не имѣлъ никакой части ни въ доходѣ священника, ни въ церковной землѣ, которая цѣликомъ отводилась въ пользованіе одному пароху, и жилъ на особыя средства, составлявшіяся частью изъ руги и другихъ даяній отъ парохіянъ, частью отъ произвольныхъ подачекъ священника за разныя послуги, въ родѣ напр. куска хлѣба и сала на поповой кухнѣ и т. п. Такія отношенія между священниками и дьяками сохранялись до позднѣйшаго времени. Еще въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія юго-западнымъ архіереямъ стоило большихъ усилій убѣждать священниковъ въ томъ, что дьяки суть служители церкви, а не священниковъ, и уговорить къ выдѣленію имъ обычной части земли и дохода (1). Въ такой же зависимости дьякъ былъ и у прихожанъ, особенно у сельскихъ старшинъ и помѣщиковъ. Въ одномъ ирмологѣ (издан. 1757 г.) найдены были наприм. такіе стихи, произведеніе дьяковой музы:

Хто въ NN не бувавъ,	То асаулъ Кирносъ до школы
Той и лыха не знававъ;	прихожае и глашае:
Я въ NN проживавъ	Дяче! на панщину! косить,
И много бидъ принявъ.	Або будешь брусъя носить...
Дякувавъ и паламарювавъ	Ище крипче гонить
И попа до церкви рано пробуж-	На день панскій
	давъ; Иванъ Пивторацкій...
Ище жъ до того й людямъ угодж-	Люди говорятъ:
	давъ,
И М... панщину работавъ.	Горе тоби, горе, дяче!
Бо чуть свить свитае,	

(1) См. напр. Подол. еп. вѣдом. 1863 г. № 23: Жизнеопис. преев. Кирилла подольскаго.

пѣніе на гласы, на подобны, догматики и проч., кромѣ того множество духовныхъ кантовъ, псалмъ, пѣсенъ всякихъ и веселыхъ и грустныхъ напѣвовъ, множество рѣчей, виршей, причитаній, вертепныхъ шэсъ и другихъ принадлежностей южно-русскаго колядованья, спѣваній и миркованій, отъ которыхъ дьякъ и его школа получали свой главный доходъ, претерпѣвъ многолѣтнія лишенія школьнаго житья и тяжести дьяковской педагогіи, школяръ дѣлался поддьячимъ, а потомъ и дьякомъ; паномъ бакаляромъ и директоромъ, и за тѣмъ большею частію на всю жизнь предавался дьяковскому ремеслу, потому что, съ постепеннымъ развитіемъ семинарскаго образованія и наслѣдственности священно-служительскихъ мѣстъ, подняться выше дьяковства для него было весьма трудно.

И опредѣленіе и увольненіе дьяка производилось безъ всякихъ спросовъ по начальству. Кандидатъ на дьяковское мѣсто являлся къ священнику и старостѣ и испрашивалъ у нихъ дозволенія послужить при церкви недѣли двѣ или три для испытанія и для пріобрѣтенія расположенія громады, безъ которой ни священникъ, ни ктиторъ не могли опредѣлить его ни къ церкви, ни къ школѣ. Понравился новый дьякъ громадѣ,—священникъ и ктиторъ заключали съ нимъ контрактъ; не понравился,—искали другаго. Мѣсто дьяка долго пусто не бывало. По всему краю бродило множество безмѣстныхъ или такъ называемыхъ „мандрующихъ“ дьяковъ, которыхъ можно было пригласить къ парохіи. Одни изъ нихъ бродили изъ села въ село, отъ школы къ школѣ для того, чтобы перенимать у разныхъ дьяковъ разныя хитрости и тонкости дьяковскаго ремесла, одному узнать все, что знали многіе, и достигнуть идеала дьячества, сдѣлаться „дьякомъ мандрованнымъ“, предметомъ уваженія и гордости парохіи предъ всѣми сосѣдними парохіями ⁽¹⁾; другіе

(1) Любопытныя замѣтки о мандрованныхъ дьякахъ можно видѣть въ Опис. харьк. епархіи, также въ Дух. вѣст. 1864 г. т. VIII, 572—573.

странствовали потому, что имъ просто не жилось на одномъ мѣстѣ и притомъ же странствовать было имъ такъ легко; безсемейный и бездомовный дьякъ, положивъ на плечо палку съ навѣшенной на нее нетяжелой торбой, могъ справедливо изречь, какъ древній мудрецъ: *omnia mesum porto*. Если къ парохіи не приставалъ ни мандрванный, ни мандрующій дьякъ, на дьяковскую вакансію всегда можно было найти хорошаго дьяка изъ подъячихъ своей или сосѣднихъ школъ.—Въ томъ случаѣ, когда священникъ хотѣлъ опредѣлить въ дьяки своего сына или родственника, онъ тоже сначала испрашивалъ на то согласіе громады, потомъ ставилъ кандидата передъ сходомъ, читалъ ему наставленіе: „шануй громаду, поважай хозяевъ“, и со всей громадой отводилъ его въ школу, гдѣ громада „запивала“ избраннаго, изъявляя ему свое благожеланіе скорѣе „выдряпаться на попа“. — Во всѣхъ случаяхъ опредѣленіе дьяка производилось громадой самовластно, какъ дѣло совершенно домашнее; не считали нужнымъ даже и извѣщать о немъ, не писали ни архіерею, ни намѣстнику, ни протопопу; только въ клировыхъ вѣдомостяхъ значилось потомъ, что при церкви дьякомъ служить такой-то.

Въ такомъ видѣ приходскіе выборы существовали въ теченіи всей первой половины XVIII в., а въ юго-западной Россіи еще долѣе, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ выдерживая борьбу со всѣми препятствіями, которыя скоплялись къ подрыву ихъ со стороны и наслѣдниковъ, и епархіальныхъ властей, и повсюду умножавшихся духовныхъ школъ. Въ началѣ XVIII столѣтія, какъ и естественно ожидать, борьба эта исключительно сосредоточивалась около однихъ священно-служительскихъ мѣстъ. Самые живые и выразительные факты ея мы встрѣчаемъ въ юго-западной Россіи, гдѣ сильныя приходскія общины и еще болѣе сильныя паны патроны имѣли всѣ средства противопоставлять свое старинное право не только правамъ наслѣдниковъ, но и распоряженіямъ епархіальныхъ властей.

Права наслѣдниковъ, какъ мы знаемъ, признавались всѣми и въ юго-западной Россіи; но парохіяне никакъ не хотѣли, чтобы эти права получили значеніе безусловное. Отстаивая свое право выбора, они требовали, чтобы наслѣдникъ, какъ и всякій другой искатель парохіи, для полученія ея постарался предварительно заискать ихъ благорасположеніе и согласіе; право наслѣдственности становилось такимъ образомъ въ подчиненіе праву приходскихъ выборовъ. Нѣкоторые наслѣдники такъ и старались поступать; но большая часть изъ нихъ старались напротивъ, какъ можно рѣзче, выставлать свои наслѣдныя права, давали громадѣ почувствовать, что они парохіи, такъ сказать, прирожденные и ничѣмъ ей не обязаны, гордились и предъ своимъ братомъ — другимъ парохомъ выборнымъ, называя его „мужицкимъ попомъ“ (1). Надобно вспомнить при этомъ, что борьба выборнаго порядка съ наслѣдственнымъ перешла здѣсь въ XVIII вѣкъ въ самомъ разгарѣ; поборники того и другаго дѣйствовали еще съ свѣжею страстностью и съ не уходящейся энергіей, которая не допускала никакихъ уступокъ и благоразумныхъ усилій уравнивать интересы сторонъ. Очень неудивительно, что приходскія громады непріязненно относились ко всѣмъ вообще наслѣдникамъ, хотя бы послѣдніе и не желали ихъ обижать. Снабжая своихъ избранниковъ всѣмъ нужнымъ для посвященія и первоначальнаго обзаведенія, парохіяне очень холодно относились къ наслѣдникамъ и предоставляли ихъ самимъ себѣ даже въ томъ случаѣ, когда бѣдный наслѣдникъ, не получивъ въ наслѣдство особенно цвѣтущаго хозяйства, самъ принимался заискивать въ громадѣ и звалъ къ себѣ лучшихъ ея хозяевъ на новоселье. Когда же наслѣдникъ самъ лѣзъ на обиду съ своей притязательностью или явно пренебрегалъ значеніемъ парохіянъ, особенно людей влія-

(1) Руков. для с. паст. 1861 г. № 32.

тельныхъ, негодованіе ихъ принимало иногда весьма грозные размѣры. Дѣло оканчивалось тѣмъ, что громада отбирала у наслѣдника церковные ключи и выгоняла его изъ парохіи вонъ.

Вотъ одно подобное дѣло, относящееся къ 1721 г. Въ селѣ Засульѣ лубенскаго полка, принадлежавшемъ полковнику Маркову, умеръ священникъ Савельскій, оставивъ послѣ себя молодую жену и четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей, „ни единого наслѣдника въ совершенномъ возрастѣ до презвитерства способнаго по себе не оставивъ“. Митроп. Іоасафъ Кроковскій далъ вдовѣ право на полученіе всѣхъ доходовъ съ парохіи мужа, а для служенія при церкви и для требъ дозволилъ ей держать по найму vikarіia. Вдова владѣла парохіей 7 лѣтъ, выдавая vikarіiu обычную $\frac{1}{3}$ доходовъ, пока не подросла одна изъ ея дочерей,—наслѣдница. Къ наслѣдницѣ скоро подыскался женихъ, поповичъ Евстафій Степановъ, разумѣется, съ намѣреніемъ поступить на мѣсто умершаго тестя. Но, понадѣявшись на право наслѣдства, онъ не почелъ нужнымъ испросить согласія ни у владѣльца села, ни у крестьянъ. Марковъ разсердился и прямо сказалъ ему, чтобы онъ не имѣлъ никакой надежды на парохію. „Я жени здѣсь ищю, а не парохію“, отвѣчалъ женихъ, а между тѣмъ тихонько хлопоталъ о полученіи въ приданое и парохіи. Узнавъ объ этомъ, Марковъ предупредилъ консисторію, чтобы она не назначала къ нему Степанова въ парохію, и получилъ отъ нея письменное обнадеженіе, что его желаніе будетъ исполнено. Вскорѣ послѣ этого онъ долженъ былъ отправиться изъ своего села въ походъ къ Ладогѣ; поэтому поспѣшилъ до отъѣзда выбрать на парохію своего кандидата и послалъ его съ заручною отъ себя и отъ всѣхъ парохіянъ въ консисторію. Но на этотъ разъ, воспользовавшись его отъѣздомъ, консисторія отказалась исполнить его прошеніе и представила къ посвященію Степанова, отписавъ помѣщику, что Степановъ „явился до того чина способнѣйшій и наслѣдіемъ до тестев-

ской церкви ближній“. Получивъ мѣсто, новый священникъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ наѣхалъ на парохію и явился въ церковь. Викарій служилъ въ это время повечернее правило. Отецъ новаго пароха хотѣлъ опубликовать своего сына пресвитеромъ и, когда викарій недоумѣвалъ, что дѣлать, схватилъ насильно съ него на свою шею епитрахиль и началъ читать указъ. Произошло смятеніе, въ которомъ приняли горячее участіе крестьяне и прикащикъ Маркова. Наѣзжіе священники принуждены были бѣжать въ Глуховъ къ гетману и старшинѣ, гдѣ подали отъ себя жалобу, будтобы жена Маркова, оставшаяся по отбѣдѣ мужа дома, „въ духовныя дѣла интересуется и доходы на себе собираетъ“. Узнавъ объ этихъ событіяхъ, Марковъ обратился съ прошеніемъ въ св. Синодъ и успѣлъ выхлопотать рѣшеніе, чтобы дѣло было разслѣдовано, до окончанія же его парохіей завѣдывалъ попрежнему викарій, а Степановъ чтобы удалился къ отцу для помощи въ служеніи, такъ какъ ему владѣльцу не безтягостно будетъ терпѣть у себя противъ его желанія наѣхавшаго пастыря, да и послѣднему, „такимъ насильствомъ туда втиснувшемуся, на большее его владѣльца опечаленіе и укорь, священнодѣйствовать не безгрѣшно будетъ“⁽¹⁾. Чѣмъ кончилось дѣло по слѣдствію, мы не знаемъ.

Подобныя дѣла бывали иногда очень сложны и продолжительны. Если наслѣдникъ былъ уже посвященъ и служилъ при какой-нибудь парохіи, онъ тотчасъ же по смерти отца или тестя являлся въ свою наслѣдную парохію и поселялся въ домѣ покойника, не дожидаясь ни согласія прихожанъ, ни рѣшенія епархіальной власти. Между тѣмъ приходъ выбиралъ своего кандидата и посылалъ его къ архіерею посвящаться, а послѣ посвященія селилъ его на новомъ мѣстѣ въ особо отведенной квартирѣ. Въ приходѣ являлось

(¹) Описан. дѣлъ синод. арх. т. I, стр. 379—381.

разомъ два пароха и возникала длинная тяжба, которая тѣмъ труднѣе была для рѣшенія, что епархіальная власть признавала право наслѣдника вполне самостоятельнымъ даже и безъ нея, такъ сказать, санкціи и попадала въ указанномъ случаѣ въ безвыходную дилемму — или отвергнуть это важное по ея сознанию право, или отказать отъ мѣста посвященному ею избраннику громады, т. е. сознаться въ поспѣшности своего посвященія и отвергнуть другое столь же общепризнанное право, право приходскихъ выборовъ. А между тѣмъ тяжущіяся стороны горячились, писали жалобы въ Синодъ и Севать; дѣло разрасталось и шло въ гору.—Нельзя впрочемъ не замѣтить, что во второй половинѣ XVIII столѣтія сторона парохіянъ и ихъ избранниковъ въ подобныхъ тяжбахъ все болѣе и болѣе слабѣетъ. Вотъ образчикъ такого рода тяжбы за 1768—1778 гг. Прихожане кіево-подольской Васильевской церкви, по случаю смерти одного изъ двоихъ своихъ священниковъ, Павла Лобка, который весь вѣкъ свой провелъ въ дракахъ, ябедахъ и пьянствѣ и по смерти оставилъ такого же сына наслѣдника, кончившаго курсъ философіи въ академіи, подали прошеніе (1768) митрополиту, чтобы онъ не рукополагалъ къ нимъ этого наслѣдника, какъ человѣка пьянаго, задиравшагося постоянно съ прихожанами, буяна и гуляку. Наслѣдникъ тоже подалъ митрополиту прошеніе, въ которомъ заявлялъ свои права. Завязалось дѣло, очень затруднявшее епархіальное начальство и тянувшееся цѣлыхъ 10 лѣтъ. Наслѣдникъ посвященъ не былъ, но и безъ посвященія все-таки успѣлъ крѣпко насѣсть на свою наслѣдную половину парохіи, пользуясь всѣми обычными правами, имѣлъ свою недѣлю, въ теченіе которой завѣдывалъ всѣми приходскими дѣлами, распоряжался дьяками, принималъ прихожанъ съ требамы, рядился съ ними о платѣ и получалъ ее, отдавая половину тому, кто за него совершалъ самую требу, между тѣмъ дѣлалъ новыя обиды и наглости

прихожанамъ. Послѣдніе подавали новыя жалобы и возбуждали новыя слѣдствія, но, отчаявшись побороть противника, тѣмъ только и кончили дѣло, что упросили митрополита вовсе упразднить другое священническое мѣсто при ихъ церкви ⁽¹⁾.

Въ епархіяхъ московской Россіи подобныхъ явленій не видимъ. Наслѣдственность духовнаго служенія успѣла до того сдѣлаться здѣсь сильною, что почти постоянно принималась въ расчетъ при самыхъ выборахъ; большая часть заручныхъ челобитныхъ ходатайствуетъ именно о наслѣдникахъ. Отношеніе наслѣдственныхъ правъ на церковную должность къ приходскимъ выборамъ было когда-то и здѣсь волнующимъ и безпокойнымъ вопросомъ для приходской общины, но приходская община XVIII в. уже и не помнила, когда это было. Прихожане равнодушно смотрѣли, какъ церковь переходила по наслѣдству отъ священника отца къ священнику сыну или зятю, за тѣмъ къ внуку и т. д. Это былъ заведенный порядокъ, къ которому всѣ привыкли и который уже никого не занималъ. Заручный выборъ былъ необходимъ при поступленіи на мѣсто и для наслѣдника, но это была только формальность, державшаяся по старой памяти и потерявшая всякое живое значеніе для прихожанъ; послѣдніе безспорно подписывали выборъ для всякаго наслѣдника, если только онъ не былъ человѣкомъ положительно негоднымъ и ненавистнымъ для всѣхъ. Если и приходилось ему предварительно поклоняться для полученія выбора, то развѣ передъ какими-нибудь немногими сильными людьми въ приходѣ, наприм. въ городахъ предъ богатыми купцами—благодѣтелями приходскаго храма, которые, какъ и теперь, любили выставлять свое значеніе и привыкли, чтобы ихъ во всемъ спрашивались въ приходскихъ дѣлахъ, также предъ

⁽¹⁾ Очерки быта малор. дух. въ XVIII стол. Рук. для с. паст. 1861 г. № 51.

вотчинными владѣльцами въ селеніяхъ. — Бывали еще изрѣдка случаи, когда прихожане возвышали свой голосъ въ противодѣйствіе чрезмѣрному развитію владѣльческихъ отношеній духовенства къ приходскимъ церквамъ. Наприм. въ 1720 г. одинъ изъ священниковъ двухштатнаго прихода при московской Петропавловской церкви (на Калужской улицѣ) Авксентій Филипповъ за малоприходствомъ оставилъ свою церковь и перешелъ къ другой, но при этомъ хотѣлъ удержать свои права и на прежнее мѣсто съ цѣлію продать его. Подобные случаи были нерѣдки и прихожане къ нимъ привыкли, но на этотъ разъ священникъ—продавецъ стараго мѣста превысилъ свои владѣльческія на него права, потому что оно не было ни родовою, ни купленною его собственностію; прихожане возстали противъ такой несправедливости и въ 1721 г. подали въ св. Синодъ прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ, прописавъ означенныя обстоятельства, просили: „Всемилоствѣйшій Государь! просимъ ваше величество, да повелитъ ваше державство у нашей приходской церкви оставшему священнику быть одному, а второму мѣсту въ продажѣ не быть, понеже у той нашей церкви мѣста поповскія не купленныя, церковныя, и двоихъ поповъ стрѣльцы (приходъ былъ прежде стрѣлецкій) имѣли для походовъ, а нынѣ двоимъ попамъ быть не у чего“. Св. Синодъ опредѣлилъ исполнить это прошеніе⁽¹⁾. Но рядомъ съ такими примѣрами встрѣчаемъ другіе противоположныя. Прихожане подавали въ св. Синодъ прошенія, имѣвшія цѣлію утвердить владѣльческія права ихъ священнослужителей надъ церквами, и хлопотали о зачисленіи церковныхъ мѣстъ за наслѣдниками и наслѣдницами даже послѣ такихъ священнослужителей, которые были лишены свящ. сана по суду и сосланы на каторгу, или

(¹) Собраніе постан. по вѣд. прав. испов. 1, стр. 97—98.

на Соловки; вѣроятно, въ этихъ случаяхъ церковныя мѣста священно-служителей были купленные или родовыя (').

II. Знаменскій.

(продолженіе будетъ)

(') Опис. синод. арх. 1, стр. 189. 564—565.

СЛОВО 1^о,

СКАЗАННОЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ АНТОНИЕМЪ, АРХИЕПИСКОПОМЪ КАЗАНСКИМЪ, ПРИ ОТКРЫТИИ ЧЕРЕМИССКАГО АРХАНГЕЛЬСКАГО МОНАСТЫРЯ, ВО ОСВЯЩЕНІИ ВЪ НЕМЪ ХРАМА,
5 СЕНТЯВРЯ 1871 Г.

Благословеніемъ и благопоспѣшеніемъ Божиимъ устроилась наконецъ обитель иноческая въ семъ пустынномъ мѣстѣ и увѣнчалась св. храмомъ, нынѣ благодатію Св. Духа освященнымъ въ честь архистратига небесныхъ силъ, призваннаго быть покровителемъ обители.

Дика и мрачна была еще не такъ давно сія пустыня. Это подлинно была *пустыня жаждущая*, — жаждущая не воды вещественной, которая въ обилии течетъ близъ сего мѣста (¹), но воды духовной, текущей въ животъ вѣчный. Обитавшіе въ окрестностяхъ сего вѣковаго лѣса люди (черемисы) хотя давно уже оглашены были проповѣдію Евангелія и просвѣщены св. крещеніемъ, но большею частію продолжали еще коснѣть въ суевѣріяхъ древняго своего язычества и, считаясь поклонниками единого истиннаго Бога, не переставали служить и ложнымъ божествамъ своихъ праѣдковъ, и для принесенія имъ кровавыхъ жертвъ собираться сюда—въ эти мрачныя дебри и дубравы.

(¹) Рѣка Сура.

Но слава и благодареніе Господу! Теперь и въ сей странѣ полупросвѣщенной возсіялъ ясный и полный свѣтъ Христовъ. Теперь и сію пустыню по-истинѣ можно привѣтствовать словомъ пророка Исаи, сказаннымъ нѣкогда къ пустынѣ Иордановой: *радуйся пустыня жаждущая, да веселится пустыня! Яко проторжеся вода въ пустыню, и въ жаждущей земли источникъ водный будетъ... Тамъ будетъ путь чистъ, и путь святъ наречется, и не пройдетъ тамо нечистый, тамъ же будетъ мѣсто пути нечистыхъ: разсѣланныя же поидутъ по нему и не заблудятся... Поидутъ по нему избавленныи и собранныи Господомъ... и узрятъ людие славу Господню и высоту. Важю* (Ис. 35, 1—10). *Радуйся*,—повторяю еще,— *пустыня жаждущая, да веселится пустыня!*

Радуйтесь и вы, возлюбленные братіе, строители обители и первые насельники сей пустыни, коимъ первымъ положилъ Господь на сердце,—крѣпко болѣвшее за единоплеменниковъ вашихъ, блуждающихъ, еще въ полумракѣ язычества,—для разгнанія этого, полумрака, создать, здѣсь мѣсто селенія истиннаго свѣта—храмъ Господень и при немъ жилища для всецѣло посвятившихъ себя на служеніе Богу. Возрадуйтесь наипаче тѣ изъ васъ, коимъ пришлось при этомъ не только особенно дѣйствовать, но и немало пострадать и претерпѣть скорбь, гоненіе, заключеніе.... Это, конечно, Господь попустилъ для того, дабы яснѣе было видно, что предпринятое вами—подлинно дѣло доброе, дѣло, потому, крѣпко противное врагу всякаго добра и губителю душъ нашихъ и весьма угодное Богу, благопріятствующему и споспѣшествующему наипаче тѣмъ дѣламъ, въ коихъ дѣлающіе являютъ неустанный подвигъ и трудъ, неодолимое терпѣніе, глубокое сознаніе собственной немощи, и съ болѣзненнымъ вздыханіемъ сердца взываютъ о помощи свыше. Во всемъ этомъ исполнилось съ вами слово апостольское: *скорбь терпѣніе содѣлываетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. 5, 3, 4).

Да возрадуются и все ваши единоплеменники, живущие окрестъ пустыни сей и во всей странѣ этой. Ибо, конечно, и для нихъ обитель сія будетъ весьма благотворна, и они могутъ теперь приходить сюда, да и пришли уже вынѣ во множествѣ ⁽¹⁾, по-истинѣ какъ жаждущіе на воду, для утоленія жажды душь своихъ, какъ ищущіе свѣта къ свѣтильнику, поставленному на свѣщницѣ, да свѣтитъ всемъ, какъ требующіе спасенія души къ граду спасительному, стоящему верху горы, и къ дому Бога Іаковля, гдѣ будетъ имъ возвращаться истинный путь Господень. Здѣсь въ васъ, кои теперь населите и потомъ будете населять сію обитель, посвящая себя на подвиги иноческаго богоугоднаго житія, все ваши соплеменники будутъ имѣть какъ-бы начатки, приносимые ими въ даръ Богу отъ своего племени, какъ-бы *первенцевъ, купленныхъ Богу и Агнцу* (Апок. 14, 4), какъ-бы *сымя святое*, чрезъ которое и на все ваше племя будетъ привлекаться свыше отъ Отца свѣтовъ и Бога всякія благодати благословеніе и освященіе—и для временнаго, вещественнаго благосостоянія, и для вѣчнаго спасенія душъ.

Но—чтобы было такъ, *потщитесь*, возлюбленные, скажу вамъ съ апостолами, *извѣстно ваше званіе и избраніе творити* (2 Пет. 1, 10). Потщитесь быть по-истинѣ *солю земли сей*, по слову Господа (Матѣ. 5, 13), и солю не обуялою, а здоровою, предохраняющею отъ порчи, исцѣляющею и дающею добрый вкусъ тому веществу, въ которое она влагается. Потщитесь подлинно быть *святимъ* для окрестной страны, по реченному Господомъ: *такъ да просвѣтитъ сонмъ вашъ предъ чловѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ* (Матѣ. 5, 16). Сдѣлавшись иноками, *со страхомъ и трепетомъ*

(1) По случаю освященія храма въ обители богомольцевъ стаялось туда изъ окрестныхъ селеній болѣе 3,000, наиболее перемись; впрочемъ немало было и русскихъ.

спасеніе свое содѣлываютъ (Фил. 2, 12), и не по внѣшнему только виду и одеждѣ, а и по внутреннему расположенію духа и по всему устройству житія вашего будьте *иноками*, т. е. людьми *иными*, отличными и непохожими на мірскихъ людей. *Поревнуйте*, возлюбленные, скажу отъ премудрымъ, *пчеламъ, отдавая, какъ мудрыя дѣлательницы суть, дѣлате же какъ честно творяте* (Прит. 6, 8). Старайтесь наполнять и вы обитель вашу, какъ пчелы наполняютъ улей сладкимъ медомъ,—всѣми возможными дѣлами благими и богоугодными иноческими подвигами, тщательно исполняя, отъ Божіею помощію, тѣ обѣты, кои дадите вы предъ Богомъ, когда будете принимать на себя образъ иноческій. А какіе это обѣты?

Вы дадите обѣтъ *отрѣшенія отъ міра*. Что это значитъ? Нынѣ едвали уже можно такъ отрѣшаться отъ міра, какъ древніе великіе иноки: Антоній, Онуфрій, Петръ аеонскій, Маркъ ерачскій и подоб., которые удалились въ такія пустыни, гдѣ, невѣдомо отъ міра, многіе десятки лѣтъ провели въ неизвѣрныхъ подвигахъ. Вы отрѣшитесь отъ міра такъ, какъ изъясняется это въ чинѣ постриженія иноческаго: пребывая въ сей обители не вдалекѣ отъ міра, отрѣшитесь отъ всякаго пристрастія къ нему, изгоните всякую сердечную страстную привязанность къ чему бы то ни было мірскому. Не возлюбите ничего паче Бога,—ниже отца, ниже матеръ, ниже братію, ниже кого отъ своихъ, ниже царствія міра, или упокоенія моего либо, или чести, ниже сами себе возлюбите паче Бога, который единъ да будетъ всецѣло предметомъ вашей любви, вашихъ мыслей и стремленій, вашихъ надеждъ и чаяній, вашихъ радостей и утѣшеній. Пришедши сюда и сдѣлавшись иноками, уже не оглядываетесь вслѣдъ и не возвращаетесь къ тому, что вы оставили въ мірѣ; не вносите и сюда помысловъ и пожеланій и никакихъ мірскихъ привычекъ и склонностей, но отложите рѣшительно „житейскаго обычая шатаніе“, какъ сказано въ чинѣ постриженія. Да и

въ обители своей на любите отлучаться азъ миръ, кромѣ случаевъ крайней необходимости и притомъ для потребностей не столько своихъ, сколько обители. Обитель и келья для инока тоже, что вода для рыбы, вѣтвѣи рыба и жить не можетъ. „Дажь ми, Господи, да яко мертвъ и погребенъ живу въ мирѣ“!—такъ молитесь вы постоянно словами св. Димитрія ростовскаго. „Скажи, что меня вѣтъ на свѣтѣ, что я уже умеръ“,—говорите и вы, подобно Арсевию великому, тѣмъ мирскимъ людямъ, которые захотѣли бы смущать васъ мирскими помыслами и бесѣдами суетными.

Вы дадите обѣтъ *нестяжанія* и вольной Христу ради населя, по реченному Господомъ богатому юношѣ: *аще хочещи совершити быти, иди продаждь имѣнїе твое и даждь ницїимъ, и имати имаши сокровище на небесахъ: и гряди со слѣдъ Моемъ* (Матв. 19, 21). Итакъ, приходя въ обитель, собственность свою или оставьте въ мирѣ кому хотите, или, принеши сюда, вручите обители на общую пользу, и не считайте уже своимъ отданнаго вами, а общимъ достоянїемъ. И живя адѣсь, если кто будетъ прибрѣтаетъ что трудомъ своимъ, пусть все прибрѣтаетъ на пользу общую, себѣ же не стяжевайте ничего особо отъ общаго стяжанїа,—ни вещей какихъ-либо, ни тѣмъ паче денегъ; а пользуйтесь отъ обители всѣмъ потребнымъ для жизни—пишею, одеждою и прочимъ, какъ общею принадлежностїю всѣхъ, и сїимъ довольни бывайте. Пусть такимъ образомъ будетъ у васъ столь же прекрасное арѣлїще истинной христіанской общины, какого миръ не можетъ представить въ средѣ своей, но какое представляли первенствующїе христіане при апостолахъ, когда *всѣ стравоваше бляху вкутитъ, и имаху всѣ обща* (Дѣян. 2, 44), *и ни единъ же что отъ имѣнїи своихъ заготоваше свое быти, и у всѣхъ бѣ сердце и дума одна* (Дѣян. 4, 32). Все же стяжеваемое самовольно, безъ нужды, излишне, тѣмъ паче тайно и нечестно, особенно же деньги, лично для себя, а не на общую потребу, есть углїе огненное въ рукахъ и въ

кельи монаха, есть „вразѣн часть“, какъ выражался преподобный Феодосій пещерскій, почему и выбрасывалъ онъ это вонъ, за ограду обители, когда находилъ у кого въ кельи, не позволяя даже внести въ сокровищницу монастырскую, какъ какую скверну и сразу.

Вы дадите еще обѣтъ *послушанія*, — обѣтъ принесенія въ жертву обители на пользу общую своей воли и своей дѣятельности, такъ, чтобы ничего здѣсь не предпринимать и не дѣлать по своему усмотрѣнію и разсужденію, по своему желанію и праву, лично для себя, а во всемъ подчиняться общему чину обители, дѣлать и исполнять то и такъ, что и какъ требуется начальствомъ обители, въ связи съ общимъ строемъ ея. Это необходимая жертва и для общаго блага обители и для спасенія души каждаго инока. Безъ послушанія нѣтъ иночества. Безъ него невозможно самое начало иноческаго житія. Вотъ почему начинающіе это житіе и называются „послушниками“. Но и преуспѣвшіе въ немъ и даже совершившіеся не перестаютъ быть *чадами послушанія*, по слову апостола (1 Пет. 1, 14), а напротивъ, тѣмъ болѣе смиренными послушниками бывають въ обители, тѣмъ болѣе достигаютъ совершенства; подобаеь преп. Феодосію пещерскому, который, бывъ уже именованъ своей обители, самъ и воду носилъ, и дрова рубилъ, и помогать пищу готовить въ трапезѣ, и прочія исполнялъ послушанія на общую потребу. Послушаніе св. отцы называютъ даже добрѣйшимъ и царскимъ путемъ къ иноческому совершенству и спасенію души, т. е. братчайшимъ и удобнѣйшимъ. Иизъ и дѣйствительно иноки евоки въ краткое время и безъ иныхъ особенныхъ высокихъ подвиговъ достигали этого. Такъ преподобный Досіеей, еще бывъ юношею, въ немноге годы соорѣлъ наче старцевъ для житницы небесной — тѣмъ, что вѣрно и усердно исполнялъ данное ему послушаніе — служить въ гостинницѣ монастырской и приниматьъ странниковъ. Пусть же, возлюбленные, каждый

изъ вастъ, одушевляясь здѣсь взаимною любовью братскою и смиреніемъ боголюбивымъ, по реченному апостоломъ (Рим. 15, 1, 2), не себѣ угождать тщится, а братьямъ своимъ о Господѣ, и не своихъ ей ищетъ, а дружныхъ. Пусть каждый другъ друга честно больша себе творить (Фил. 2, 3, 4), другъ друга тяготы носить (Гал. 6, 2) и большій другихъ да будетъ всемъ слуга, какъ сказалъ Господь (Мат. 20, 26, 27). Пусть каждый вѣрно и усердно, безропотно и по совѣсти исполняетъ послушаніе, на него возложенное, какое бы оно ни было, — почетное, или, повидимому, низкое, легкое, или трудное. Ибо въ обители, какъ во всякомъ благоустроенномъ домѣ, должны быть, по слову апостола, *сосуди не точию злати и сребряни, но и дрѣвяни и глиняни, и ови убо въ честь, ови же не въ честь* (2 Тим. 2, 20). Ибо и въ тѣлѣ нашемъ есть различныя члены, и каждый изъ нихъ имѣетъ свое назначеніе: око смотритъ, ухо слышитъ, руки дѣйствуютъ, ноги носятъ на себѣ все тѣло и проч., а голова одна управляетъ всемъ, и въ точномъ исполненіи каждымъ членомъ своего, такъ оказать, послушанія заключается благосостояніе и всего тѣла и каждого изъ членовъ. Пусть же и обитель ваиа будетъ какъ единое стройное тѣло, связанное крѣпко узами взаимнаго послушанія и подчиненія единому чину и единой поставленной въ ней власти.

Вы дадите объѣтъ *труженничества и терпѣнія*. Напрасно думалъ бы кто-либо, что ивокамъ въ обителяхъ жизнь привольная, безтрудная, беззаботная, безпечная. Правда, они свободны отъ трудовъ, заботъ и печалей суетныхъ, кои преисполнена жизнь мірская, кои угнетаютъ душу, оземляютъ ее, отвлекаютъ отъ единого на потребу — спасенія души и нѣрѣдко погружаютъ, какъ говоритъ апостоль, въ сѣти и напасти многи и во всегубительство (1 Тим. 6, 9). Имъ тяжкія семейныя заботы и преогорченія; имъ невѣдомы муки, терпимыя въ мірѣ сластолюбцами, честолюбцами, сребролюбцами, — муки, за которыя нѣтъ вѣнца муче-

инокаго на небесахъ. Въ этомъ отношеніи подлинно „пустынныхъ животь блаженъ есть“, — какъ поется въ одной церковной гдѣди. Но за то въ иночествѣ есть множество трудовъ, скорбей, бореній, искушеній царствія ради небеснаго. Ибо, если и всѣмъ христіанамъ, по слову апостола, не иначе можно войти въ оное, какъ *многими скорбями* (Дѣян. 14, 22); если истинно и единственно спасительный путь, по слову Господа, есть путь *тѣсный и прискорбный* (Мат. 7, 13. 14); если всѣмъ послѣдователямъ Христа Спасителя заповѣдено быть *крестоносцами* (Мате. 10, 38), всѣмъ повелѣно быть *воинами*, облеченными *во всооружіе Божіе* на брань противу козней діавола за свое спасеніе (Еф. 6, 10—18): то что сказать объ инокахъ, которые, принимая иноческій образъ, повторяютъ въ другой разъ обѣты христіанскіе, даваемые при крещеніи, и слѣдов. сугубо обязуются быть вѣрными послѣдователями Христа Господа и исполнителями святыхъ заповѣдей евангельскихъ? Нѣтъ, возлюбленные! *Приступая работати Господеви*, скажу вамъ словами премудраго, *уготовите душу вашу во искушеніе* (Сир. 2, 1); добръ станьте на всякій трудъ, на всякую скорбь, на всякую борьбу, и *въ терпѣніи вашимъ стяжите души ваша*, по реченному Господомъ (Лук. 21, 19). Вамъ, надобно будетъ, во-первыхъ, понести всякій трудъ въ нелѣнностномъ исполненіи тѣхъ послушаній, какія на каждаго изъ васъ будутъ возложены по потребностямъ обители, для всесторонняго ея благоустройства и благосостоянія—и церковнаго, и келейнаго, по чину монастырскаго, и хозяйственнаго, для удовлетворенія нуждъ общежитія. Пусть же каждый изъ васъ работаетъ Господеви со страхомъ, какъ вѣрный и нелѣновый рабъ, вѣдая, что лѣнность и праздность—сухая тля и пагуба для иноковъ, что лучше иноку „умереть въ трудѣ, чѣмъ жить въ лѣности“, — какъ сказалъ предподобный Исаакъ сиринъ. Далѣе, вамъ надобно будетъ претерпѣть и немалыя неудобства, затрудненія, можетъ быть и скудость и недостатки въ обители, вновь только-что устроенной и небезопасной каки-

ми-либо особенными готовыми или сторонними средствами. Еще: не избѣжите вы и скорбей въ различныхъ столкновѣнiяхъ взаимныхъ съ людьми и чужими и своими, и ближними и дальними; ибо люди—не ангелы, и всѣ подвержены слабостямъ, всѣ со страстями, пока благодатию Божіею препобѣдятъ ихъ въ себѣ. Особенно же предстоитъ вамъ борьба съ самими собою, съ искушенiями отъ плоти и крови приходящими, дабы препобѣдить въ себѣ страсти и похоти плотскія, воюющія на духъ, очистить себя отъ всякой скверны плоти и духа и стяжать навѣкъ въ исполненiи всѣхъ евангельскихъ заповѣдей. Наконецъ, паче всего вамъ надобно будетъ выдержать трудную борьбу съ духами злобы, которые и всюду между христіанами, яко львы рыкая, по слову апостола (1 Пет. 5, 8), ходятъ и ищутъ, кого бы поглотить, а тѣмъ паче между иноками, всюду разставляя имъ сѣти соблазновъ и искушенiй и осыпая ихъ разжженными стрѣлами своими. Эти-то безчисленныя козни дiавольскія около иноковъ увидѣвъ вѣкогда въ ясновидѣнiи препод. Антоній великій воскликнулъ въ ужасѣ: Господи, кто же можетъ избѣжать ихъ?—и получилъ въ отвѣтъ: смиреніе. Все-то сіе когда испытаете вы, возлюбленные, тогда радуйтесь, рече Господь, яко жзда ваша многа ва небесѣхъ. Тогда-то „всемощный Богъ и многомилостивый,—какъ говорится въ чинѣ постриженiя иноческаго,—всепрiиметъ и обыметъ и защититъ васъ, будетъ вамъ стѣна тверда отъ лица вражія, камень терпѣнiя, утѣшенiя вина, крѣпости податель, мужеству соподвижникъ, возлегалъ и востая съ вами, утѣшая и улаждая сердце ваше утѣшенiемъ Святаго Духа, сподобляя васъ и части св. и преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія, Евиміа, Саввы, Антонія и Феодосіа печерскихъ и всѣхъ прочихъ въ иночествѣ Христовѣ благоугодившихъ, съ нимиже и всѣ мы да сподобимся царствіе небесное наследити о Христвѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Емуже слава и держава, царство и сила со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО 2^е,

СКАЗАННОЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ АНТОНЕМЪ, АРХІЕПІ-
СКОПОМЪ КАЗАНСКИМЪ, ВЪ ЧЕРЕМИССКОМЪ АРХАНГЕЛІСКОМЪ
МОНАСТЫГЪ ВЪ ДЕНЬ ХРАМОВАГО ПРАЗДНИКА, 6 СЕНТЯБРЯ
1871 г.

Вчера, благодатию Духа Святаго, призванного мо-
литвою и особеннымъ по чину священнослужениемъ,
освященъ сей храмъ въ честь св. архангела Михаила,
а нынѣ имѣемъ мы утѣшеніе праздновать въ немъ въ
первый разъ и храмовой праздникъ. Ибо нынѣ Цер-
ковь воспоминаетъ объ одномъ изъ безчисленныхъ чу-
десъ, совершенныхъ симъ архистратигомъ горныхъ
силъ въ нашемъ дольнемъ мірѣ во благо и спасеніе
человѣковъ.

Въ Колоссахъ фригійскихъ, близъ Иерополя, былъ
иногда храмъ въ честь архистратига, осѣненный осо-
беннымъ покровительствомъ его. Туда стекалось на
молитву множество народа христіанскаго и тамъ пода-
вались многимъ чудесныя исцѣленія отъ болѣзней, ятъ
верьды и язычники, обитавшіе окрестъ, привлекались
къ верш. Христовой. Нестерпимо это было для врага
и губителя челоуѣковъ—дьявола, и—онъ подвижилъ
алобнѣйшихъ изъ язычниковъ къ намѣренію—постребить
св. храмъ архистратиговъ. Употребляемы были разные
исходи; но онѣ не удавались. Наконць рѣшено было
заговорить храмъ и изгладить самое мѣсто его водами

двухъ потоковъ, которые текли невдали — выше сего мѣста. Прорытъ былъ каналъ и воды направлены прямо на храмъ. Но и эта кознь вражія была разрушена небеснымъ покровителемъ храма. По слезнымъ молитвамъ подвизавшагося и служившаго при храмѣ препод. Архиппа, архистратигъ явился въ видимомъ человеческомъ образѣ и, ударивъ жезломъ въ великій камень, находившійся вблизи храма, произвелъ въ немъ расщелину, въ которую и устремились пущенныя на храмъ воды и поглощены были ею, а храмъ остался цѣль и невредимъ. Церковь сохранила въ своихъ лѣтописяхъ память о семъ событіи, и нынѣ празднественно воспоминаетъ оное.

Благая мысль была у васъ, братіе, строители сего храма и обители, призвать св. архангела Михаила въ покровители имъ. Когда сатана, бывшій первоначально свѣтлымъ и самымъ ближайшимъ къ Богу ангеломъ, возмущился противъ Бога вместе съ увлеченными имъ другими ангелами: то архангелъ Михаилъ, ставъ добръ во главѣ прочихъ небесныхъ силъ, пребывшихъ вѣрными Богу, одолжился противъ возмутителей, и они низвержены были съ небесъ въ преисподнюю. Съ тѣхъ поръ онъ есть главный и сильнѣйшій пособникъ, въ борьбѣ съ діаволомъ и его темными ангелами, и для васъ, жителей сего дольняго міра, на коихъ теперь устремлена вся злоба діавольская и всѣ усилія губить души ваши. Да поможетъ онъ и вамъ, возлюбленные, побѣдить силу вражію на мѣстѣ семъ, и изгнать всякую діавольскую прелесть, все остатки язычества изъ всей страны сей, населенной вашими единоплемениками. Съ другой стороны, прилично было обитель иноческую посвятить имени чиновначальника ангеловъ и призвать его въ покровители ей потому, что не безъ причины же иночество называется „ангельскимъ образомъ“. Оно есть ангельскій образъ не потому только, что иноки, при поступленіи, облачаются въ тотъ видъ, въ какомъ некогда явился ангелъ Нахومی великому, повелѣвъ ему по сему виду устроить „одежду“ ино-

ковъ,—но и потому, что иноческое житіе дѣйстви-
тельно есть и должно быть въ некоторомъ подобіи и
подражаніи житія ангельскаго; иноки же, достигшіе
совершенства въ иночествѣ, и по-истинѣ уподобились
ангеламъ, почему многіе изъ нихъ ублажаются въ цер-
ковныхъ пѣнопѣніяхъ, какъ „ангелы во плоти, равно-
ангельское житіе пожившіе, земные ангелы и небес-
ные человѣки“.

И въ самомъ дѣлѣ, братіе, между обѣтами ино-
ческими есть такіе, кои подлинно могутъ уподоблять
иноковъ ангеламъ.

Ангелы на небеси ни женятся, ни посягаютъ
(Матѣ. 22, 30), — говорится въ Евангеліи,—но, какъ
безплотные и безсмертные, пребываютъ во всецѣл-
номъ чистѣйшемъ дѣвствѣ и цѣломудріи. И иноки да-
ютъ обѣтъ именно пребыть навсегда въ брачнаго
состоянія, въ дѣвствѣ и цѣломудріи. Они обрекаютъ
себя добровольно на этотъ высокій подвигъ, указа-
нный Господомъ не какъ общая заповѣдь для всѣхъ
Его подлѣдователей, но какъ лишь совѣтъ для ревни-
телей высшаго совершенства; они стремятся поста-
вить себя превыше человѣческаго естества, въ кото-
рое отъ начала вложенъ законъ брачнаго сопряженія.
Не всѣ, потому, могутъ понести этотъ подвигъ ино-
ческаго чина, а только тѣ, кои имѣютъ особенное
Божіе призваніе къ сему и коимъ дано есть свыше,
какъ говорить Господь (Матѣ. 19, 11). Итакъ вы,
коимъ данъ этотъ великій и драгоцѣнный даръ, кои
призваны и рѣшились быть дѣвственниками, блюдите
сей даръ наче зѣницы ока и не пожалѣйте *плоти и*
крови своихъ, кои царствія Божія не наследуютъ,
по слову апостола (1 Кор. 15, 50), для того, что-
бы хранить не только тѣло свое отъ всѣхъ сквернъ
грѣха, противнаго цѣломудрію и дѣвству,—грѣха, ко-
торый наипаче есть мерзость предъ Господомъ, но и
душу и сердце, и чувства и помыслы отъ всякихъ
прираженій оного; и жить по-истинѣ въ ангелоподоб-
ной чистотѣ и нежорочности. А для сего крѣпко дре-

витесь и бодрствуйте надъ собою и тщательно убѣгайте отъ всѣхъ соблазновъ міра и искушеній плоти, со стороны коихъ обыкновенно воздвигается жестокая брань діаволомъ противъ дѣвственниковъ. Особенно вооружите себя строгимъ воздержаніемъ во всѣхъ телѣсныхъ потребностяхъ, наипаче же въ нищѣ и нищѣ. Постъ для иноковъ — крѣпчайшая охрана цѣломудрія и узда для усмирения плоти; онъ въ особенности тотъ крестъ, на коемъ заповѣдано намъ распинать плоть со страстями и похотями. А безъ него хотѣть быть цѣломудреннымъ — тоже, что хотѣть погасить огонь масломъ, какъ говорить препод. Нилъ подвижникъ. Постъ для иноковъ — одно изъ крыль для наренія къ ангельскому совершенству. Пусть же постъ соблюдается вѣрно въ обители сей, по чину, указанному въ церковномъ уставѣ. Пусть у васъ будетъ и всегдашній постъ, который, по словамъ св. отцевъ, состоятъ въ томъ, чтобы каждый день вкушать предлагаемую пищу, только не до сытости, — въ такой мѣрѣ, чтобы вставать изъ-за трапезы не только безъ пресыщенія, но и безъ полного насыщенія чрева. Пусть иногда будетъ и болѣе строгое воздержаніе: это во времена церковныхъ постовъ, наипаче же въ четырнадцатидесятницу, или во время какихъ-либо особенныхъ тяжелыхъ искушеній и сильныхъ востаній плоти на кого-либо изъ иноковъ. Что касается до вина, то оно въ особенности „не монашеское дѣло“, какъ сказалъ нѣкто изъ отцевъ; оно особенно — язва для иноковъ и для обителей. Потому хорошо бы и совсѣмъ не вѣдать его въ обители. Но такъ какъ оно благословляется въ извѣстныхъ временахъ и въ мѣру уставомъ церковнымъ, то я не дерзаю быть строже сего устава. Только пусть употребляется оно не иначе, какъ по заповѣди апостольской: *аще яствъ, аще пиетъ, вся во славу Божию творите* (1 Кор. 10, 31), — и по наставленію Феодосія пещерскаго, лишь — во-первыхъ — во здравіе и — во-вторыхъ — въ веселіе, впрочемъ духовное, а не плотское, и то по временамъ, согласно съ

указаніемъ церковнаго устава, а отнюдь не въ снотѣ, не въ безуміи, не на радость врагу, не на муку вѣчную.

1. Ангелы на небеси *всмы видятъ лице Отца небеснаго*,—говорится въ Евангеліи (Мат. 18, 10), и непрестанно возносятъ умы и сердца къ Нему съ молитвою хваления и благодаренія. И якови обрекають себя въ особенности на молитвенное житіе, на преимущественное всегдашнее служеніе Богу. Молитва—душа иноческаго чина. Безъ молитвы инокъ, какъ птица безъ крыльевъ, какъ воинъ безъ оружія на брани. Молитва—помощь иноку во всѣхъ его занятіяхъ и подвигахъ, защита и огражденіе во всѣхъ его искушеніяхъ и бореціяхъ, утѣшеніе и отрада во всѣхъ скорбяхъ и обстояніяхъ. Да будетъ же обитель сія подобна кадилу, изъ котораго бы постоянно возносился къ Господу Богу благовоный оміамъ теплой и усердной молитвы, и отъ всѣхъ насъ въ совокупности въ общей повсядневной церковной службѣ, и отъ каждаго изъ братій въ частномъ келейномъ правилѣ. Молитва церковная и богослуженіе да совершается, по внушенію апостола, *благообразно и по чину* (1 Кор. 4, 39), съ строгимъ соблюденіемъ церковнаго устава, и братія пусть вѣрностно и неуклонно собираются въ храмъ сей и съ глубокимъ безмолвіемъ и благоговѣніемъ внимають и какъ-бы отъ единого сердца и единыхъ устъ возносятъ хваления, благодаренія и прошенія свои къ престолу Господню. Пусть будетъ опредѣлено въ обители и келейное правило для частной молитвы, посильное и сообразное съ тѣмъ, какое установлено отцами и бываетъ въ другихъ благоустроенныхъ обителяхъ, и пусть не будетъ въ семъ дѣлѣ ни у кого никакого самочинія и произвола, а все творится по послушанію, согласно съ общимъ порядкомъ обители, подъ руководствомъ старѣйшихъ изъ братій. Впрочемъ кромѣ церковной молитвы и службы и келейнаго правила, для коихъ есть опредѣленное время и кои совершаются явнымъ образомъ и съ участіемъ тѣла, инокамъ по-

добъетъ стяжать навыкъ къ молитвѣ непрестанной, именуемой умною, духовною, по слову апостола: *непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 17), и еще: *всякое время духомъ* (Еф. 6, 18). Эта молитва состоитъ въ непрестанномъ мысленномъ созерцаніи предъ собою Господа Іисуса Христа и повтореніи въ умѣ и сердцѣ своемъ Его сладчайшаго имени. Почему эта молитва и называється Іисусовою. Въ сей молитвѣ наипаче упражнялись святые отцы—наставники иноческой жизни и для стяжанія въ ней навыка не жалѣли никакихъ трудовъ и подвиговъ. Съ нею неразлучны они были ни днемъ, ни ночью, ни въ минуты покоя и отдыха, ни даже среди труда тѣлеснаго и рукодѣля. Она сопровождала, можно сказать, каждое биеіе ихъ сердца и дыханіе ихъ устъ. Такъ заповѣдали они и всѣмъ ревнителямъ иноческаго совершенства: „непрестанно будь съ именемъ Господа Іисуса Христа, да вмѣститъ сердце твое Господа, и Господь сердце твое, и будутъ оба они—едино“. „Память Іисусова да соединится съ дыханіемъ твоимъ; память Іисусова да спитъ вмѣстѣ съ тобою“: вотъ ихъ богомудрыя наставленія о сей. Потщимся, возлюбленные, и мы съ вами стяжать святыи навыкъ въ сей молитвѣ, и—она научитъ насъ всему благому и богоугодному въ иноческомъ житіи; она предохранитъ отъ всего недобраго и небогугоднаго; она будетъ сильнѣйшимъ оружіемъ у насъ противъ всѣхъ козней и искушеній вражійхъ: ибо „вѣтъ ни на небѣ, ни на землѣ оружія сильнѣе имени Іисусова“,—говоритъ св. Іоаннъ лѣтствичникъ.

Наконецъ, ангелы, пребывая на небесахъ, будучи святые и безгрѣшны и наслаждаясь блаженствомъ въ созерцаніи Бога, не чуждаются однакоже и нашего дольняго міра, не гнушаются и нами грѣшными и бѣдными—меньшими своими братіями въ великомъ доумѣ Отца небеснаго. Они, полные любви къ намъ, посылаются, по слову Писанія, служить и споспѣшествовать спасенію нашему. (Евр. 1, 14); они ополчаются окрестъ

боящихся Господа (Пс. 33, 8); они во всѣхъ путяхъ блюдутъ и хранятъ вѣренныя имъ души; они скорбятъ горько о погибающихъ и радуются великою радостію даже о единомъ грѣшникѣ кающемся (Лук. 15, 10). Несправедливо думаютъ, будтобы иноки, удаляясь изъ міра и оставляя все мірское, вѣдѣтъ съ вещественною и видимою связію, прерываютъ всякій и невидимый и духовный союзъ съ братьями своими, остающимися въ мірѣ, погашаютъ въ себѣ всякую любовь къ ближнимъ и дѣлаются челоуѣконенавистниками. Нѣтъ! погашается въ инокахъ только любовь нечистая, пристрастная, корыстная, любовь плоти и крови, но тѣмъ живѣе и теплѣе, чище и безкорыстнѣе бываетъ въ нихъ любовь къ братьямъ своимъ, остающимся въ мірѣ, духовная, любовь по любви божественной, *любовь утробою Іисуса Христовою*, какъ выражается апостоль Павелъ (Фил. 1, 8). Св. Макарій великій говоритъ о достигшихъ совершенства духовнаго, что они такъ проникнуты бываютъ святою любовію къ людямъ, что хотѣли бы разомъ объять и заключить въ своемъ сердцѣ всѣхъ людей, не разбирая, кто каковъ—добрый или злой, благочестивый или нечестивый, другъ или врагъ, что видя прокаженнаго, охотно взяли бы на себя его тѣло, а ему отдали свое, готовы были бы и душу свою положить за каждаго изъ людей. И между иноками множество прижѣровъ такой самоотверженной и святой любви къ челоуѣчеству. Они не только были всегдашними неусыпными и теплыми молитвенниками за людей; они не только всегда служили самымъ дѣйственнымъ назиданіемъ для людей прижѣромъ своей строгой и богоугодной жизни, но отличались высокими подвигами и дѣятельной и самой благотворной любви къ ближнимъ. Изъ обителей исходили самые ревностные проповѣдники Евангелія Христова, самые неборимые поборники православія во времена ересей и расколовъ, самые неустрашимые обличители пороковъ и соблазновъ мірскихъ во время растлѣнія нравовъ, самые теплые и дѣятельные со-

участники при общественных бѣдствіяхъ, готовые впереди всѣхъ все приносить въ жертву и души свои полагать за братій, по заповѣди Христовой. Самые строгіе и достигшіе вышаго совершенства иноки нерѣдко, какъ послѣдніе рабы, обрекали себя на служеніе больнымъ, какъ это дѣлалъ преподобный Антоній печерскій, принимали и успокоивали странниковъ, питали бѣдныхъ и сырыхъ работою рукъ своихъ, искали и спасали погибавшихъ въ безднѣ порока, какъ на это обрекъ себя великій подвижникъ Пафнуцій, исходившій изъ своей пустыни въ міръ для того, чтобы отыскивать и обращать къ покаянію погрязшихъ въ развратѣ женщинъ. Да будетъ такъ, по возможности, и въ вашей новосозданной обители, братіе, создашіе и первые населившіе ее. Да служитъ она не только для тѣхъ, кои будутъ жить въ ней, пристанищемъ спасенія души, но да будетъ здѣсь и для всѣхъ окрестъ живущихъ ближнихъ вашихъ, наипаче же для единоплеменниковъ вашихъ по-истинѣ источникомъ воды, текущей въ животъ вѣчный, свѣтильникомъ, просвѣщающимъ ихъ души, и градомъ спасительнымъ. „Доброе то дѣло, чтобы иноки въ обителяхъ учили дѣтей грамотѣ и поучали въ законѣ Божіемъ“, — писалъ благочестивый царь Іоаннъ Васильевичъ святителю Гурію. Доброе дѣло будетъ, если и у васъ въ обители устроится со временемъ училище, для обученія дѣтей вашихъ единоплеменниковъ и приготовленія ихъ быть, съ Божіею помощію, споспѣшниками въ просвѣщеніи тѣхъ изъ вашихъ собратій, кои не только не утверждены еще въ святой вѣрѣ Христовой и нечужды еще суевѣрій языческихъ, но и вовсе доселѣ не просвѣщены св. крещеніемъ. Ибо есть, къ крайнему прискорбію, и моему и вашему, еще не одна тысяча таковыхъ тамъ — въ заволжской сторонѣ. Имъ нужна ваша помощь, ваши теплыя молитвы, ваше всевозможное содѣйствіе къ изведенію ихъ изъ тмы въ свѣтъ Христовъ!

Молю отъ всей души Господа, Отца щедротъ и Бога всякія благодати, да подасть Онъ все потребное къ окончательному благоустройству, преуспѣванію и благосостоянію сей юной обители! Да освѣтитъ и выну да освѣщаетъ ее покровъ и заступленіе пречистой Матери Божіей, св. архистратига небесныхъ силъ, святителей и чудотворцевъ казанскихъ Гурія, Варсонофія и Германа, преподобныхъ Антонія и Феодосія печерскихъ и всѣхъ святыхъ. Аминь.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ФИЛОСОФСКИХЪ НАПРАВЛЕНІЙ, ВОЗНИКШИХЪ ПО ПОВОДУ РѢШЕНІЯ ВОПРОСА О ПОЗНАНІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ⁽¹⁾.

Въ ряду вопросовъ, рѣшеніемъ которыхъ занималась философствующая мысль, важное мѣсто занимаетъ вопросъ о познаніи человѣческомъ. Правда, мы не видимъ изъ исторіи философіи, что бы вопросъ этотъ возникъ вмѣстѣ съ появленіемъ самой философіи, потому что первые мыслители, обращая исключительное вниманіе на внѣшній міръ и совершающіяся въ немъ явленія, заняты были преимущественно вопросами о

(1) Очеркъ этотъ составленъ примѣнительно къ утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ преподаванія «Обзора философскихъ ученій» въ духовныхъ семинаріяхъ. Пособіями при его составленіи служили слѣдующія сочиненія: Dictionnaire de sciences philosophiques, publié par une société de professeurs de philosophie et de savants, sous la direction de M. Ad. Frank; Geschichte und Kritik der Principien der neueren Philosophie von Hermann Ulrici. Leipzig. 1845; Исторія философіи Швеглера, въ русск. перев. Москва. 1864; Исторія философіи Бауэра, въ русск. перев. Спб. 1866; Исторія философіи Льюиса, въ русск. перев. Спб. 1865; Исторія новой философіи Куно-Фишера, въ русск. перев. Спб. 1863—1865; Философскій лексиконъ Гогоцкаго, ч. I—III. Кіевъ 1857 — 1866; Бѣконъ Веруламскій Куно-Фишера, въ русскомъ изданіи Терновскаго. Кіевъ 1866.

томъ, что составляетъ сущность міра или внутреннюю его основу. въ какомъ отношеніи находится эта сущность къ явленіямъ, откуда происходитъ разнообразіе въ явленіяхъ міра и т. под.; но по мѣрѣ того, какъ мысль отъ внѣшняго міра обращалась къ внутреннему, возникъ вопросъ и о познаніи человѣческомъ. Съ теченіемъ времени философамъ не могла не прійти мысль, что всѣ вопросы, рѣшеніемъ которыхъ они до толѣ занимались, имѣютъ тѣсную связь съ этимъ вопросомъ и могутъ быть правильно рѣшены только въ томъ случаѣ, когда достаточно будетъ выяснено, что можетъ знать человѣкъ и что недоступно его знанію, ограничено ли его знаніе одною видимостію, внѣшностію предметовъ и явленій, или же онъ можетъ проникать и въ сущность вещей, есть ли въ нашемъ знаніи элементы прочныя и постоянныя, или оно точно также измѣнчиво и непостоянно, какъ окружающія человѣка явленія. Само собою разумѣется, что на первыхъ порахъ нельзя было ожидать ни правильной постановки вопроса о познаніи, ни широкаго всесторонняго рѣшенія его. Поэтому въ первыхъ философскихъ попыткахъ рѣшить этотъ вопросъ мы видимъ только отрывочныя замѣчанія о томъ, что у насъ два источника познанія: чувственность или способность чувственнаго воспріятія и разумъ, что первая доставляетъ намъ знаніе измѣнчивое, непрочное, и что только подъ руководствомъ разума возможно пріобрѣтеніе истинныхъ, достовѣрныхъ, необходимыхъ и всеобщихъ знаній. Такъ въ греческой философіи стояло дѣло до Платона и Аристотеля. Эти мыслители занялись болѣе систематическимъ и обстоятельнымъ рѣшеніемъ вопроса о познаніи. Вопросъ этотъ поставленъ былъ ими въ связь съ вопросомъ о методѣ, какому нужно слѣдовать, чтобы достигнуть истинъ прочныхъ и безспорныхъ. Каждый изъ нихъ, съ своей точки зрѣнія, указалъ пункты, на которые должно обращать вниманіе при рѣшеніи этого вопроса. Съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ проходитъ черезъ всю исторію философіи какъ

древней, такъ и новой, видоизмѣняясь и принимая различныя формы рѣшенія, смотря по тому, какъ приступали къ рѣшенію его, что брали, при этомъ, исходнымъ пунктомъ и какому методу слѣдовали при его рѣшеніи. Мнѣнія философовъ по этому вопросу были чрезвычайно разнообразны; но среди этого разнообразія нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ общихъ направленій, къ которымъ примыкали тѣ или другіе философы въ рѣшеніи этого вопроса. Указать на эти направленія съ главными ихъ представителями и сдѣлать, по возможности, оцѣнку каждаго направленія и составлять задачу настоящаго очерка. Отыскать эти направленія и разграничить ихъ между собою не трудно. Для этого нужно только обратить вниманіе на то, какъ объясняется происхожденіе знанія, какой источникъ для него принимается и что признается основаніемъ истины или достовѣрности знанія. Съ этихъ точекъ зрѣнія философскія воззрѣнія на вопросъ о познаніи получаютъ направленіе или *эмпирическое*, когда источникомъ знанія признается исключительно опытъ; или *идеалистическое*, когда источникомъ знанія и критеріемъ его достовѣрности полагается идея или понятіе, вообще—мышленіе; или *мистическое*, когда источникомъ знанія признается внутреннее чувство и основаніемъ достовѣрности полагается непосредственное созерцаніе; или *скептическое*, когда, вслѣдствіе предполагаемой или утверждаемой недостаточности всѣхъ указанныхъ способовъ познанія, отрицается самая возможность знанія; наконецъ, они получаютъ видъ *философій здраваго смысла*, когда, отстраняя крайности эмпиризма, идеализма, равно какъ и другихъ одностороннихъ направленій, стараются утвердить прочность основаній знанія, указываемыхъ здравымъ смысломъ. Такимъ образомъ, главныхъ направленій философскихъ по отношенію къ вопросу о познаніи пять, именно: эмпиризмъ, идеализмъ, мистицизмъ, скептицизмъ и философія здраваго смысла. Въ каждомъ изъ этихъ направленій вопросъ о познаніи рѣшался своеобразно, и каждое изъ

нихъ имѣло въ исторіи философіи своихъ защитниковъ и представителей. Разсмотримъ частнѣе, въ чемъ состояла сущность каждаго изъ перечисленныхъ направлений и кто были главные представители каждаго изъ нихъ.

1. *Эмпиризмъ и сродныя ему философскія направленія.*

Сущность эмпиризма вообще состоитъ въ томъ, что онъ отрицаетъ прирожденныя идеи, какъ источникъ знанія и какъ принципы разумно-нравственной природы человѣка, и утверждаетъ, что единственный источникъ знанія есть чувственный опытъ, единственно доступные предметы знанія суть предметы опыта или эмпирическія явленія, и что единственно правильный методъ познанія есть наведеніе или индукція.

Начало этого направленія совпадаетъ съ началомъ самой философіи. Вся философія древнихъ іонійскихъ мыслителей носитъ на себѣ характеръ эмпиризма. Но эмпиризмъ является здѣсь, такъ сказать, въ своемъ зародышѣ, и философію іонійцевъ можно назвать эмпиризмомъ только въ томъ смыслѣ, что изслѣдованія ихъ сосредоточивались преимущественно на внѣшнемъ мірѣ, на томъ, что доставляетъ намъ внѣшній опытъ или эмпирія. Это не былъ эмпиризмъ сознательный, методическій и научнымъ образомъ пришедшій къ такого рода философствованію. Первые греческіе философы были эмпириками въ томъ же смыслѣ, въ какомъ каждый изъ насъ на первыхъ порахъ пробуждающагося сознанія бываетъ эмпирикомъ, т. е. обращаетъ вниманіе прежде всего на внѣшній, а не на внутренній міръ. Болѣе систематическую форму эмпиризма мы видимъ въ древности у Аристотеля. Изъ его критики Платоновой теоріи идей видно, что онъ въ дѣлѣ познанія ставитъ на первомъ планѣ не общее, а частное, не разумъ и прирожденныя ему идеи, а чувства и предметы, подлежащіе чувствамъ, иначе—наблюденіе и опытъ. Впрочемъ Аристотель отвергаетъ прирожденность идей

только въ томъ смыслѣ, какъ понималъ это Платонъ. Платонъ объяснялъ происхожденіе знанія воспоминаемъ идей или тѣхъ высшихъ представленій и понятій, на которыхъ основывается философское знаніе. Аристотель не соглашался съ этой мыслию своего учителя, говоря, что мы не сознаемъ въ себѣ присутствія идей до того времени, пока онѣ еще не образовались въ нашемъ умѣ. Для объясненія способа, какъ происходитъ въ насъ знаніе, нужно, по мнѣнію Аристотеля, различать возможность и дѣйствительность. Въ возможности наше мышленіе содержитъ въ себѣ общія понятія до начала всякаго опыта, но въ дѣйствительности оно имѣетъ ихъ только въ то время, когда успѣло сознать ихъ, когда слѣдовательно имѣло уже тѣ или другіе чувственные или духовные опыты. Иначе сказать—идеи и понятія происходятъ изъ внутренней возможности или способности души подъ влияніемъ внѣшнихъ или внутреннихъ впечатлѣній. Такимъ образомъ, не отвергая совершенно прирожденности идей или, лучше сказать, понимая эту прирожденность иначе, чѣмъ понималъ ее Платонъ, Аристотель все-таки ставитъ дѣло такъ, что познаніе возникаетъ и осуществляется только при содѣйствіи опыта и подъ влияніемъ только этого послѣдняго переходитъ изъ возможности въ дѣйствительность. Съ этой стороны философія Аристотеля и примыкаетъ собственно къ эмпиризму.

Но эмпиризмъ древней философіи былъ только подготовкой къ эмпирическому направленію философскихъ изслѣдованій новаго времени. Основателемъ этого направленія въ новой философіи былъ *Бэконъ веруламскій* (1561—1626 г.). Онъ первый въ новой философіи сознательно возвелъ на степень принципа опытъ, т. е. знаніе, основанное на наблюденіи и экспериментахъ природы. Сущность, задача и направленіе его философіи опредѣляются отношеніемъ ея къ предшествовавшему состоянію знаній и методовъ научныхъ. „Науки, говоритъ Бэконъ, находились до сихъ

цоръ въ очень жалкомъ положеніи. Потерявшись въ нутныхъ, бесплодныхъ словопреніяхъ, философія въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій не произвела ни одного творенія, ни одного опыта, который бы дѣйствительно принесть пользу для человѣческой жизни. Причина этого жалкаго положенія наукъ въ томъ, что онѣ оторвались отъ своего корня, т. е. природы и опыта, а это въ свою очередь обусловливалось многими обстоятельствами. Обстоятельства эти—во-первыхъ—старинный, глубоко укоренившійся предрасудокъ, будтобы человѣческій разумъ унижаетъ свое достоинство, если онъ много и постоянно занимается опытами и матеріальными предметами; во-вторыхъ—суевѣріе и слѣпой религіозный фанатизмъ, искони бывший самымъ непримиримымъ противникомъ философіи природы; въ третьихъ—исключительное занятіе моралью, политикой и богословіемъ; въ-четвертыхъ—огромный авторитетъ, который приобрѣли въ-которые философы, и почтеніе къ древности; въ-пятыхъ—какая-то нерѣшительность и отчаяніе въ возможности преодолѣть важныя затрудненія, представляющіяся при изслѣдованіи природы. Всѣ эти причины повели за собой упадокъ наукъ. Поэтому нужно вновь основать, возродить и преобразовать науки въ самомъ ихъ корнѣ; нужно найти новыя основы для знанія, новые принципы для науки. Эта реформа и радикальное излеченіе наукъ зависитъ отъ двухъ условій: съ одной стороны отъ возвращенія науки къ опыту, а съ другой—отъ освобожденія чувствъ и разума отъ всѣхъ отвлеченныхъ теорій и перешедшихъ по преданію предрасудковъ. Оба эти условія вмѣстѣ даютъ правильный методъ естествознанія, который есть не что иное, какъ наведеніе“. Поставивши такимъ образомъ вопросъ о познаніи, въ противоположность схоластикѣ, на эмпирическую почву, Бэконъ старается далѣе выяснитъ и опредѣлитъ, что такое опытъ, въ какихъ случаяхъ онъ даетъ знанія болѣе вѣрныя и положительныя, и что такое наведеніе, какъ методъ, необходимый для приобрѣтенія опытныхъ зна-

ній. Бэконъ различаетъ два рода опытныхъ знаній. Въ одномъ случаѣ отъ чувственныхъ воспріятій и частностей, не дѣлая анализа и критической провѣрки ихъ, прямо переходятъ къ самымъ общимъ выводамъ или аксіомамъ. Такого рода знанія свойственны каждому, даже и неразвитому умственно человѣку. Совокупность ихъ составляетъ то, что называется обыкновенно житейскою мудростію. Какъ примѣръ такого рода знанія, Бэконъ приводитъ деревенскія примѣты относительно погоды. Въ этомъ случаѣ, по его словамъ, знаніе почерпается также изъ опыта: дѣлаются наблюденія надъ фактами, данными въ опытѣ, и на основаніи этихъ наблюденій составляютъ извѣстнаго рода общія положенія, которыя и прилагаютъ въ послѣдствіи къ представляющимся вновь случаямъ. Но какъ эти положенія составлены безъ всякой повѣрки фактовъ, безъ всякаго вниманія по отношенію къ тому, что называется исключеніями, или, выражаясь словами Бэкона, отрицательными инстанціями, то и неудивительно, если встрѣчаются очень часто случаи, гдѣ принимаемая за безспорную аксіома не оправдывается на дѣлѣ, гдѣ бываетъ исключеніе изъ общаго правила. Опытъ или опытное знаніе такого рода Бэконъ называетъ простымъ, обыкновеннымъ. Къ такого рода опытному знанію природы Бэконъ причисляетъ даже Аристотелевскій опытъ, который, по его словамъ, есть простое описаніе, широкій, безформенный матеріалъ, состоящій въ изчисленіи отдѣльныхъ случаевъ и потому вовсе не ведущій къ необходимымъ, а только къ невѣрнымъ и ненадежнымъ заключеніямъ. Не таковъ опытъ собственно научный. Онъ не только наблюдаетъ, собираетъ, но и разбираетъ факты. При этомъ исключенія или отрицательныя инстанціи не только не игнорируются, но на нихъ обращается главное вниманіе наблюдателя. Въ противоположность первому опыту, гдѣ не слѣдуютъ никакому методу, не подвергають факты никакой провѣркѣ, Бэконъ называетъ опытъ послѣдняго рода опытомъ методическимъ или

критическимъ. При этомъ Законъ въ удачныхъ метафорическихъ выраженіяхъ сравниваетъ простой опытъ съ муравьемъ, который умѣетъ только собирать, а критическій опытъ уподобляетъ пчелѣ, которая вмѣстѣ и собираетъ и устрояетъ. Въ чемъ же состоитъ сущность критическаго опыта и чѣмъ отличается научный опытъ отъ ненаучнаго? На это Законъ отвѣчаетъ, что существенную черту критическаго, научнаго опыта составляетъ съ одной стороны правильная постановка данныхъ опыта, а съ другой — строгая критическая провѣрка ихъ. Обѣ же эти вещи обуславливаются правильнымъ методомъ, который при этомъ употребляется. Этотъ методъ есть наведеніе или индукція. Подъ руководствомъ его непремѣнно долженъ совершаться всякій научный опытъ, ему нужно слѣдовать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда желаютъ получить истины и положенія болѣе или менѣе прочныя и безспорныя. Научное изслѣдованіе или познаніе, сопровождаемое и управляемое методомъ наведенія, состоитъ, по мнѣнію Закона, въ слѣдующемъ: прежде всего тщательнымъ наблюденіемъ собираютъ и сличаютъ всѣ факты, предшествующіе явленію или сопровождающіе его; потомъ, оставляютъ всѣ тѣ обстоятельства, безъ которыхъ явленіе можетъ повторяться, замѣтивъ тѣ изъ нихъ, которыя постоянно сопровождаютъ его; наконецъ, между этими послѣдними замѣчаютъ тѣ, которыя видоизмѣняются съ видоизмѣненіемъ самаго явленія, т. е. возрастаютъ или умаляются по мѣрѣ усиленія или уменьшенія самаго явленія. По этимъ признакамъ, соединеннымъ въ одно, узнается внутреннее свойство или форма предмета, какъ причина явленія. Способъ, по которому постоянно дѣйствуетъ извѣстная причина, будетъ искомымъ закономъ. Потомъ, этотъ же методъ употребляется для дознанія начала отысканной причины, для изслѣдованія закона найденнаго закона, и такимъ образомъ восходятъ постепенно до самыхъ высшихъ причинъ и всеобщихъ законовъ. Таковы общія черты, которыми Законъ характеризу-

еть научный опыт, совершаемый подъ руководствомъ наведенія.—Считая индукцію единственно плодотворнымъ органомъ научныхъ знаній, Бэконъ не придавалъ поэтому никакого значенія силлогизму, какъ методу научныхъ изслѣдованій и доказательствъ. Силлогизмъ, по мнѣнью Бэкона, бесполезенъ потому, что онъ не можетъ открыть ничего новаго, и есть только простая форма мысли, предполагающая уже готовое содержаніе. Но истинная наука хочетъ найти новое содержаніе, при помощи извѣстнаго отыскиваетъ неизвѣстное. Изъ чего, спрашиваетъ Бэконъ, состоитъ силлогизмъ?—Изъ сужденій или посылокъ.—А посылки?—Изъ словъ. Но слова суть знаки понятій, а самыя понятія суть отвлеченныя представленія вещей, принимаемыя и сообщаемыя только на вѣру. Таково основаніе силлогизма, если разложить его на составныя части, т. е. неясныя и невѣрныя опредѣленія. Эти невѣрныя опредѣленія принимаются формальной логикой за чистую монету. Такимъ образомъ, эта логика служитъ не для того, чтобы отыскивать истину, но чтобы еще болѣе укоренить заблужденіе; она не только бесполезна, но даже вредна. Силлогистика живетъ только словами, она можетъ производить только слова, а не открытія, она годится не для дѣла, а только для разговора.

Своими указаніями на опытъ и методъ изслѣдованія опытныхъ явленій Бэконъ положилъ только начало эмпирическому направленію въ новой философіи. Дальнѣйшее развитіе эмпиризмъ получилъ въ философіи Локка (1632—1704 г.). Его сочиненіе: „*Essay concerning human understanding*“ посвящено исключительно рѣшенію вопроса о познаніи человѣческомъ, и вопросъ этотъ рѣшается въ немъ съ эмпирической точки зрѣнія. Локкъ начинаетъ свое изслѣдованіе объ этомъ предметѣ подробнымъ опроверженіемъ ученія о прирожденномъ духу человѣческому идеяхъ или принципахъ, при чемъ онъ ссылается частію на опытъ, частію на противорѣчія, въ которыя впадаетъ теорія

врожденныхъ идей, и за тѣмъ излагаетъ собственную теорію познанія или происхожденія идей. „Изъ того, говоритъ Локкъ, что нѣтъ ни одной нравственной истины, которая бы одинаково понималась и признавалась всѣми народами, видно, что нѣтъ нравственныхъ правилъ, врожденныхъ человѣку. Тоже можно сказать и о логическихъ истинахъ, на примѣръ законахъ тождества и противорѣчія, прирожденныхъ будтобы человѣку. Дѣти, равно какъ женщины и идиоты, мало знаютъ объ этихъ законахъ. Да притомъ мышленіе наше, при своемъ пробужденіи, направляется прежде всего на видимые предметы, а не на упомянутые законы. Человѣкъ гораздо раньше, чѣмъ онъ познакомится съ закономъ противорѣчія, уже знаетъ, что кислое—несладкое, что сладкое—негорькое. Вообще первыя наши познанія не суть общія положенія: они касаются частныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ уже послѣ, путемъ отвлеченія и соединенія, составляются общія положенія“. Такимъ образомъ, идеи или понятія, называемыя прирожденными, по мнѣнію Локка, не предшествуютъ наблюденію, а слѣдуютъ за нимъ. Врожденныхъ идей нѣтъ, и духъ человѣческой въ самомъ началѣ подобенъ бываетъ бѣлой доскѣ (*tabula rasa*), на которой не написано никакого знака, никакой идеи. Все знаніе и все содержаніе духовной жизни основывается на *опытѣ*, и отсюда въ концѣ концовъ вытекаетъ. Наше наблюденіе, обращенное или на внѣшніе, чувственныя предметы, или на дѣйствія нашего собственнаго духа, снабжаетъ нашъ умъ всѣмъ матеріаломъ мышленія. Поэтому наблюденіе или опытъ, какъ источникъ нашихъ идей, раздѣляется: 1) на *ощущеніе*, источникъ идей, находящійся въ зависимости отъ внѣшнихъ чувствъ, иначе—чувственный опытъ, основывающійся на томъ, что наши чувства, получая впечатлѣнія отъ чувственныхъ недѣлимыхъ предметовъ, доставляютъ нашему духу разнообразныя, опредѣленныя воспріятія предметовъ, соотвѣтственно различному роду и способу дѣйствія этихъ предметовъ на наши чув-

ства,—и 2) на *рефлексію* — духовный опытъ, состоящій въ воспріятіи операцій или дѣятельностей нашего духа, когда онъ бываетъ занятъ идеями, уже полученными чрезъ ощущение. Этотъ источникъ снабжаетъ нашъ умъ другимъ разрядомъ идей, которыхъ онъ не могъ воспринимать отъ внѣшнихъ предметовъ, именно: идеями мышленія, понятія, вѣры, сомнѣнія, знанія, хотѣнія и другихъ разнообразныхъ дѣятельностей духа. Хотя этотъ второй источникъ не есть собственно чувство, потому что онъ не имѣетъ никакого дѣла съ внѣшними предметами, но онъ представляетъ собою нѣчто весьма похожее на внѣшнее чувство, и можетъ быть весьма прилично названъ чувствомъ внутреннимъ. Къ идеямъ этого рода человекъ приходитъ гораздо позднѣе, чѣмъ къ идеямъ, полученнымъ чрезъ ощущение. Правда, онѣ постоянно производятъ впечатлѣніе на духъ, но первоначально, когда духъ не обращается къ самому себѣ и не дѣлаетъ своихъ состояній предметами своего наблюденія, впечатлѣнія отъ нихъ бываютъ не достаточно глубоки, чтобы оставлять въ духѣ ясныя, опредѣленные и надолго остающіяся идеи.

Эти мысли составляютъ принципы, которые Локкъ развиваетъ въ своемъ обширномъ трактатѣ о человеческомъ духѣ. Все послѣдующее въ этомъ сочиненіи вращается около этихъ главныхъ началъ. Изъ двухъ упомянутыхъ источниковъ происходятъ всѣ идеи человеческого духа. Локкъ раздѣляетъ ихъ на идеи *простыя*, происходящія непосредственно изъ ощущения, или рефлексіи, или обоихъ вмѣстѣ, и на идеи *сложныя* (каковы идеи субстанціи, отношенія, причины и т. д.), происходящія вслѣдствіе комбинаціи, отвѣченія, противопоставленія и сравненія простыхъ идей между собою или съ идеями сложными. Поэтому сложныя идеи, по мнѣнію Локка, не имѣютъ никакой объективной реальности. Реальность, т. е. соответствующее внѣшнее бытіе, можетъ быть приписана только простымъ идеямъ, изъ которыхъ сложныя образуются. Отвлеченное, напримѣръ, понятіе субстанціи мы со-

ставляемъ только потому, что воображаемъ себѣ лежащій въ основѣ извѣстнаго количества простыхъ идей субстратъ, которому онѣ принадлежать и безъ котораго онѣ не могутъ существовать, и реальность въ этомъ случаѣ можетъ принадлежать только тѣмъ частнымъ свойствамъ и признакамъ, изъ соединенія которыхъ образуется понятіе субстанціи. Тоже можно сказать объ идеяхъ причины и дѣйствія, тождества и различія и т. д. Комбинація идей между собою даетъ идею познанія. Познаніе относится къ простымъ и сложнымъ идеямъ также, какъ грамматическое предложеніе къ буквамъ, слогамъ и словамъ. Для предложенія необходимы буквы, слоги и слова: точно также и познаніе наше не можетъ быть безъ извѣстнаго рода идей простыхъ или первоначальныхъ и сложныхъ или производныхъ. Но источникомъ тѣхъ и другихъ служитъ внѣшній или внутренній опытъ, безъ котораго онѣ не могутъ возникнуть и раньше котораго онѣ въ духѣ не существуютъ.

Философія Локка, производя всю совокупность знаній и все содержаніе духовной жизни человѣка изъ опыта, не отвергаетъ однакоже прямо существованія особаго начала духовныхъ явленій. Доказательствомъ этого служитъ то, что Локкъ не ограничилъ источникъ знанія одними внѣшними ощущеніями, но наряду съ ними признавалъ рефлексію, какъ источникъ идей особаго рода, обязанныхъ происхожденіемъ своимъ исключительно самому духу и его законамъ, хотя и возбуждаемыхъ въ немъ по поводу внѣшнихъ ощущеній, а потому имѣющихъ, сравнительно съ внѣшними ощущеніями, позднѣйшее происхожденіе. Но сильная полемика Локка противъ теоріи врожденныхъ идей и постоянныя указанія его на опытъ, какъ начало всякаго знанія, были причиною того, что у слѣдовавшихъ за нимъ мыслителей тогоже направленія—особенно во Франціи—настоящій смыслъ Локкова эмпиризма утратился. Локкъ понятъ былъ одностороннимъ образомъ, и эмпиризмъ его послужилъ поводомъ къ возникновенію *сенсуализма*.

Сущность сенсуализма состоитъ въ томъ, что не только происхожденіе, но и всю достовѣрность чело-вѣческаго знанія ограничиваютъ исключительно обла-стію ощущенія, стараясь или подорвать всякое довѣ-ріе къ обобщающимъ разсудочнымъ выводамъ, или воз-вести разсудочныя сочетанія къ ощущенію, видѣтъ въ нихъ простое видоизмѣненіе ощущеній вслѣдствіе ком-бинаціи ихъ одного съ другимъ.

Начало этому направленію положилъ аббатъ *Кондильякъ* (1715—1780 г.). Кондильякъ былъ строгимъ послѣдователемъ философіи Локка; но ему казалось, что Локкъ былъ неправъ, признавая два источника познаній—ощущеніе и рефлексію или чувство внѣшнее и внутреннее. Кондильякъ думалъ, что въ этомъ слу-чаѣ можно обобщить дѣло еще больше и свести все наше знаніе къ одному источнику,—чувственнымъ ощу-щеніямъ (сенсациямъ). По ученію Кондильяка, нѣтъ никакихъ врожденныхъ знаній, ни врожденныхъ спо-собностей. Всѣ наши знанія и способности приобрѣ-таются нами путемъ опыта, и чувство внѣшнее есть единственный источникъ не только всѣхъ чело-вѣче-скихъ познаній, но и всѣхъ способностей. „Если раз-смотримъ, говоритъ Кондильякъ, что воспоминаніе, сравненіе, сужденіе, различеніе, воображеніе, отвле-ченныя идеи, идеи числа и продолженія, знаніе ис-тинъ общихъ или частныхъ суть только различныя видоизмѣненія вниманія, что страсти любовь, нена-висть, надежда, страхъ суть только различныя видо-измѣненія желанія, что вниманіе въ первомъ случаѣ и желаніе во второмъ, — въ отношеніи къ которымъ тѣ чувства суть только видоизмѣненія, — суть сами, по своему происхожденію, не больше, какъ видоизмѣне-нія внѣшняго ощущенія (sensation): то не можемъ не вывести отсюда заключенія, что внѣшнее ощущеніе обнимаетъ собою всѣ душевныя способности“. Вотъ какимъ образомъ Кондильякъ объясняетъ въ частности происхожденіе изъ внѣшнихъ ощущеній вниманія, па-мяти, мышленія, желаній и воли. Когда множество

ощущеній дѣйствуетъ одновременно и притомъ съ одинаковой или почти одинаковой силой, тогда человѣкъ есть не болѣе, какъ ощущающее животное. Опытъ свидѣтельствуетъ намъ, что при множествѣ впечатлѣній умъ совершенно бездѣйствуетъ. Но когда человѣкъ чувствуетъ одно только какое-либо ощущение, или, по крайней мѣрѣ, когда другія ощущенія сравнительно слабы, тогда умъ преимущественно занятъ ощущеніемъ наиболѣе сильнымъ. Такимъ образомъ, это ощущение становится *вниманіемъ*, и намъ вѣтъ никакой надобности предполагать при этомъ существованіе въ умѣ еще чего-либо. Если новое ощущение превзойдетъ силой первое, то оно въ свою очередь также станетъ вниманіемъ. Но чѣмъ глубже было первое ощущение, чѣмъ глубже впечатлѣніе, произведенное имъ на насъ, тѣмъ долѣе удерживаемъ мы его. Такимъ образомъ, наша способность ощущенія раздѣляется на испытанное и на испытываемое ощущение. Мы замѣчаемъ одновременно оба эти ощущенія, но замѣчаемъ ихъ различнымъ образомъ: первое представляется намъ какъ прошедшее, второе же какъ настоящее. Словомъ *ощущеніе* мы обозначаемъ испытываемое впечатлѣніе, а словомъ *память* — впечатлѣніе, которое испытали прежде. Слѣдовательно память есть только преобразованное ощущение. Двойственное вниманіе есть *сравненіе*, ибо обращать вниманіе на двѣ идеи значитъ тоже, что сравнивать ихъ. Но мы не можемъ сравнивать иначе, какъ замѣчая какое-либо различіе или сходство между тѣмъ, что сравниваемъ. Замѣчать подобныя отношенія различія и сходства значитъ *разсуждать* или *мыслить*. Слѣдовательно сравненіе и сужденіе суть не что иное, какъ вниманіе. Такимъ образомъ, ощущение превращается постепенно во вниманіе, сравненіе и сужденіе. Но не одиѣ только познавательныя дѣйствія и способности сводятся Кондильякомъ къ ощущенію: ощущение, по его мнѣнію, есть источникъ и всѣхъ другихъ способностей. Душа, по его мнѣнію, не остается безучастною ни къ одному

ощущенію, а относится къ нему съ чувствомъ удовольствія, или неудовольствія; поэтому какъ въ теоретической области основаніемъ всѣхъ духовныхъ дѣятельностей служитъ вниманіе, такъ точно въ практической это мѣсто занимаютъ удовольствіе и неудовольствіе. Эти чувства, нераздѣльныя съ каждыиъ ощущеніемъ, производятъ или возбуждаютъ вниманіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ память и сужденіе. Мы не можемъ испытывать худаго или непріятнаго состоянія, не сравнивая его съ прежнимъ состояніемъ, въ которомъ мы находились. Это сравненіе заставляетъ насъ разсуждать такъ, что хорошо было бы намъ измѣнить свое положеніе. Мы ощущаемъ нужду въ чемъ-то лучшемъ. Память тотчасъ напоминаетъ намъ о предметѣ, который, по нашему мнѣнію, можетъ способствовать нашему благополучію, и въ ту же самую минуту всѣ наши способности устремляются къ этому предмету. Въ этомъ и состоитъ главнымъ образомъ сущность того, что называютъ *желаніемъ*. Изъ желанія происходятъ въ свою очередь всѣ волненія и страсти. Страсть есть не что иное, какъ желаніе сильное, преобладающее. Любовь, ненависть, надежда, страхъ—всѣ эти чувства и страсти, по мнѣнію Кондильяка, суть тоже желаніе, являющееся только подъ различными видами. Когда желаніе, овладѣвающее душой, бываетъ такою рода, что удовлетвореніе его можетъ привести намъ большую пользу, и когда надежда внушаетъ намъ, что это желаніе могло бы быть удовлетворено, то душа не ограничивается только желаніемъ: желаніе у ней преобразуется въ это время въ волю. Воля—это есть желаніе рѣшительное или такое, о которомъ мы думаемъ, что его можно удовлетворить.

Сенсуализмъ Кондильяка, послѣдовательно развиваясь и принявъ различныя формы, перешелъ наконецъ въ такъ называемую положительную философію или *позитивизмъ*. Это направленіе философское сходно съ сенсуализмомъ въ томъ, что здѣсь, какъ и тамъ, ощущенію, наблюденію и опыту ставятся на первомъ

планѣ и дѣлѣ познанія; но особенность позитивизма составляетъ то, что въ немъ ударяется главнымъ образомъ на относительность человѣческаго знанія, по которой человѣкъ не можетъ обладать знаніемъ безусловнымъ и лишень способности проникать въ сущность вещей и знать внутреннія ихъ основы. Знаніе прочное, достовѣрное и положительное, по ученію позитивизма, ограничивается одними только фактами и явленіями, отыскиваніемъ ихъ законовъ и отношеній и распределеніемъ ихъ по извѣстнымъ классамъ. Начало этому направленію въ философіи положилъ *Огюстъ Контъ* (1798—1857 г.).

По ученію Конта, успѣхамъ научныхъ знаній много вредило и вредить то, что изслѣдователи, не ограничиваясь тѣмъ, что они видятъ и наблюдаютъ, задаются вопросами о конечныхъ причинахъ и цѣляхъ всего существующаго; поэтому, въ видахъ болѣе быстрого и успѣшнаго развитія всѣхъ наукъ (исключая впрочемъ наукъ нравственныхъ, коимъ онъ отказываетъ въ самостоятельности), Контъ рекомендуетъ устранить всѣхъ сверхъестественныхъ дѣателей, всѣ сущности, или, какъ онъ называетъ ихъ, воплощенія абстракціи, каковы: Богъ, душа и проч. и направить наше знаніе не на сущность и причины явленій, но только на факты и законы ихъ или на отношенія преимущества ихъ и сочетанія однихъ съ другими. Философія и наука, по мнѣнію Конта, тоже-степенны, составляютъ одну систему знанія, и должны быть разрабатываемы однимъ методомъ положительнымъ или индуктивнымъ. Кругъ главныхъ наукъ положительной философіи или положительнаго знанія составляютъ, начиная съ простѣйшихъ: математика, астрономія, физика, химія, общая физиологія или біологія и соціологія (наука о нравственно-общественной жизни). Явленія нравственно-общественной жизни и исторіи, составляющія предметъ соціологіи, Контъ объясняетъ, подобно явленіямъ, составляющимъ предметъ всѣхъ другихъ наукъ, изъ законовъ физическихъ,

не признавая въ этомъ случаѣ дѣйствія особыхъ духовныхъ силъ. По ученію Конта, въ историческихъ и социальныхъ явленіяхъ есть постоянныя и неизмѣнныя отношенія со внѣшними обстоятельствами, имъ предшествующими, или ихъ сопровождающими. Когда мы узнаемъ эти обстоятельства, то мы будемъ знать міръ нравственный также, какъ знаемъ и даже предсказываемъ какое-нибудь физическое явленіе, напримеръ, затмѣніе солнца. *Основной законъ*, которому подчинено развитіе какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и каждаго человѣка, равно какъ и каждой науки, слѣдующій: человѣчество въ историческомъ движеніи народовъ, индивидуумовъ и отдѣльныхъ наукъ проходитъ три послѣдовательныя ступени: теологическую, метафизическую и положительную. Въ *теологическій* періодъ умъ видитъ во всѣхъ явленіяхъ работу сверхъестественныхъ дѣятелей. Природа наполнена бываетъ сверхъестественными существами. Низшее состояніе этой ступени развитія есть состояніе дикихъ народовъ—фетишизмъ. Высшее же состояніе есть замѣна многихъ боговъ однимъ, признаніе одного существа причиной всѣхъ явленій. *Метафизическая* ступень развитія есть лишь видоизмѣненіе первой—теологической—и составляетъ необходимый переходъ къ третьей ступени. Здѣсь сверхъестественные дѣятели замѣняются абстрактными силами, которыя соприисущи различнымъ субстанціямъ, и порождаютъ всѣ явленія. Высшее состояніе этой ступени развитія есть подведеніе всѣхъ силъ подъ одну общую силу, называемую природой. На *положительной* ступени развитія умъ, убѣжденный въ бесполезности изслѣдованій о причинахъ и сущностяхъ, посвящаетъ себя наблюденію и классификаціи законовъ, управляющихъ явленіями, т. е. неизмѣнныхъ отношеній преемственности и сходства между предметами. Высшимъ состояніемъ этой ступени развитія служить подведеніе всѣхъ явленій подъ одинъ общій законъ.

Философія Конта составляет послѣднюю форму, въ которой проявился эмпиризмъ по отношенію къ вопросу о познаніи человѣческомъ. Слѣдуя высказанному нами плану, нужно было бы теперь показать, какъ рѣшался вопросъ о познаніи съ точки зрѣнія идеализма, но какъ настоящій очеркъ есть критическій очеркъ философскихъ направленій, то мы должны послѣ каждого изъ перечисленныхъ нами выше направленій сдѣлать на нихъ критическія замѣчанія. Замѣчанія эти будутъ касаться какъ общихъ началъ каждого главнаго направленія, такъ и частныхъ основоположеній тѣхъ или другихъ формъ направленія.

Основные положенія эмпиризма и сенсуализма слѣдующія: 1) чувственная природа есть исключительный предметъ знанія, 2) внѣшній опытъ есть единственный источникъ и 3) наведеніе есть единственный методъ познанія. Разберемъ каждое изъ этихъ положеній.

Утверждая, что чувственная природа есть исключительный предметъ знанія, эмпиризмъ, очевидно, обращаетъ вниманіе только на одну область нашихъ знаній. Кромѣ явленій природы внѣшней есть еще классъ явленій, которыя представляетъ намъ тотъ же опытъ, на который эмпиризмъ ссылается. Таковы явленія внутреннія, духовныя, сверхчувственныя. Наши мысли, чувства, желанія — все это такого рода предметы, которые не могутъ не входить въ область нашего знанія, потому что мы постоянно испытываемъ и сознаемъ ихъ. Выключать всѣ эти предметы изъ круга нашихъ знаній значитъ не понимать области нашихъ познаній во всей ея полнотѣ и широтѣ. Кромѣ того, внѣшнія явленія могутъ быть правильно понимаемы нами только тогда, когда мы изучимъ и узнаемъ законы нашихъ духовныхъ явленій, — особенно законы ума, при помощи котораго и понимаются только нами явленія внѣшняго міра.

Понятна отсюда несостоятельность и второго положенія эмпиризма — что внѣшній опытъ есть единственный источникъ нашего знанія. Опытъ внѣшній доставляетъ намъ матеріаль для познанія только внѣшнихъ предметовъ и явленій; при помощи этого источника мы не можемъ знать міра внутренняго: нашихъ мыслей, чувствованій и желаній. Притомъ, матеріаль, доставляемый намъ внѣшнимъ опытомъ, представляетъ собою нѣчто постоянно измѣняющееся, разрозненное и часто безсвязное, между тѣмъ какъ въ знаніи нашемъ всегда замѣчается большая или меньшая связность, стройность и единство. Такимъ образомъ, съ одной стороны является нужда въ другомъ источникѣ нашихъ знаній, который открывалъ бы намъ міръ внутренній, а съ другой—въ руководительныхъ началахъ, которыя объединяли бы и упорядочивали разнородный матеріаль, доставляемый намъ внѣшнимъ опытомъ. Источникъ этотъ и данъ намъ въ нашемъ внутреннемъ чувствѣ или самосознаніи, а начала руководительныя мы имѣемъ въ прирожденныхъ намъ идеяхъ и формахъ нашего познанія, безъ которыхъ невозможно никакое знаніе и никакая наука. Начала эти апріорны. Они принадлежатъ внутреннему существу человѣческаго духа и не даются человѣку однимъ опытомъ внѣшнимъ.

Эмпиризмъ признаетъ единственно годнымъ и плодотворнымъ методомъ нашихъ знаній наведеніе. Но этотъ одинъ методъ не можетъ быть примѣнимъ съ пользою во всѣхъ изслѣдованіяхъ и наукахъ. Наведеніе съ пользою можетъ быть употребляемо при первыхъ попыткахъ каждой науки, тамъ, гдѣ явленія малосложны и гдѣ мы можемъ видоизмѣвлять ихъ отсутствующими намъ средствами; но при послѣднихъ попыткахъ науки, въ концѣ ея развитія и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ явленія весьма сложны или недостижимы для насъ, употребляется другой методъ — дедуктивный. Кроме того, методъ наведенія и самъ по себѣ недостаточенъ. Цѣль этого метода состоитъ въ познаніи общей, неизмѣнной сущности, закона явленій, а между

тѣмъ процессъ введенія не можетъ ручаться за то, что общее, существенное, дѣйствительно, найдено, потому что въ началѣ и въ концѣ онъ утверждается единственно на произволѣ наблюдающаго лица. Въ началѣ введенія неизвѣстно, на какомъ именно ряду явленій нужно остановить вниманіе, чтобы отыскать законъ. Положимъ, что этотъ рядъ найденъ, но далѣе опять неизвѣстно, когда и гдѣ прекратить процессъ перечисленія и испытанія фактовъ. Каждый разъ, съ прекращеніемъ его, можно усумниться, точно ли мы достигли познанія внутренней сущности или закона вещи или явленія.

Взглядъ сенсуализма на ощущеніе, какъ на единственный источникъ всѣхъ нашихъ знаній и способностей, не выдерживаетъ критики. Наше знаніе не все происходитъ изъ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, но предполагаетъ участіе въ этомъ и другихъ духовныхъ дѣятельностей. Мы видимъ глазами, слышимъ ушами, имѣемъ другія разнородныя и разнообразныя ощущенія, но соединить въ одно эти ощущенія и соединить ихъ въ единствѣ самосознанія—это уже не дѣло чувственной дѣятельности. Кроме того, мы сравниваемъ различныя ощущенія, находимъ между ними сходство и различіе, составляемъ отвлеченныя понятія объ одномъ и многомъ, о бытіи и небытіи, объ истинномъ, добромъ, прекрасномъ и т. д. Все это такія познанія, которыя не могутъ быть даны чувственнымъ ощущеніемъ. Они предполагаютъ существованіе въ нашей душѣ другихъ, высшихъ способностей, каковы: память, воображеніе, разумъ, и т. д. Способности эти первоначальны въ нашей душѣ. Онѣ прирождены ея существу, и въ началѣ находятся въ ней въ формѣ возможностей къ развитію. При содѣйствіи и подъ влияніемъ чувственныхъ возбужденій онѣ развиваются, крѣпнута и получаютъ тотъ видъ умственныхъ способностей, которыя мы замѣчаемъ у каждаго взрослога чловѣка.

Положительная философія признаетъ одни только физическія явленія. Явленія духовныя, нравственныя она не считаетъ явленіями особаго порядка, и потому стараетсяъ объяснять ихъ законами физическими. Такой взглядъ на явленія нравственной жизни есть взглядъ, очевидно, неправильный. Явленій духовно-нравственныхъ и явленій физическихъ смѣшивать нельзя. Тѣ и другія производятся дѣятелями совершенно разнородными. Въ явленіяхъ нравственныхъ дѣйствуютъ силы разумныя и свободныя, а въ явленіяхъ физическихъ — силы неразумныя, механическія. Эта разнородность силъ, производящихъ тѣ и другія явленія, отпечатлѣвается и на самыхъ явленіяхъ, и сообщаетъ тѣмъ и другимъ явленіямъ совершенно особыя свойства. Явленія физическія всюду суть явленія количественныя, количественно измѣряемыя, явленія же духовныя суть явленія качественныя или интенсивныя. Они могутъ быть измѣряемы только качественно. Будучи же разнородны по причинамъ, производящимъ ихъ, и по своему характеру, явленія физическія и нравственныя должны управляться и законами различными. И дѣйствительно, законы нашей души и духовныхъ явленій вовсе не таковы, какія подчинены явленія физическія. Убѣдиться въ этомъ легко можетъ всякій человѣкъ, знакомый съ законами тѣхъ и другихъ явленій. Поэтому смѣшивать ихъ нельзя и объяснять тѣ и другія явленія одними законами физическими было бы противно правиламъ логики. Такимъ образомъ, для объясненія явленій нравственнаго порядка мы должны, подлѣ вещественныхъ и механическихъ, признать причины и законы невещественныя. — Основной законъ, которому Контъ подчиняетъ историческое развитіе человечества, не оправдывается исторически. Контъ утверждаетъ, что человечество на пути своего развитія прошло послѣдовательно три періода: теологическій, метафизическій и положительный. Обращая вниманіе на исторію, мы не видимъ въ ней полнаго осуществленія такого дѣленія ея на періоды. Если брать чело-

вѣчество во всежъ его составѣ и во всѣ времена, то нельзя не видѣть, что всегда были въ одно и тоже время люди, занимавшіеся и теологическими, и метафизическими, и положительными изслѣдованіями. Въ исторіи человѣчества не было такого времени, когда исключительно и единственно господствовалъ бы періодъ съ тѣмъ или другимъ уюмянутымъ выше характеромъ. Далѣе, Контъ утверждаетъ, что теологическое объясненіе явленій принадлежитъ только самому раннему, младенческому періоду развитія человѣчества, и что люди, по мѣрѣ увеличенія ихъ знаній, необходимо должны перестать вѣрить во всякаго рода религіозные предметы. Положеніе, нисколько неоправдываемое ни психологически, ни исторически. Потребность религіозныхъ вѣрованій глубоко лежитъ въ душѣ человѣка, и въ человѣчествѣ, сколько бы ни расширялся кругъ его знаній, всегда будутъ люди вѣрующіе и религіозные.

Отрицая все, что выходитъ за предѣлы нашихъ чувствъ, и ограничивая все знаніе человѣка одними явленіями физическими, положительная философія отрицательно относится въ частности къ идеѣ бытія Божія и религіи. Идею Бога Контъ причисляетъ къ отвлеченнымъ сущностямъ, не имѣющимъ въ себѣ ничего дѣйствительнаго, а религію считаетъ пустою мечтою воображенія. Относясь такимъ образомъ къ этимъ предметамъ, Контъ враждебно однакоже смотрѣлъ на атеистовъ, и, сознавая существенное значеніе религіи для человѣка, выдумалъ особенную религію, которую онъ называлъ *религіей человечества* (de l'humanité) и притомъ религіей *доказанной* (démontrée). Контъ видѣлъ съ одной стороны недоступность идеи Бога и религіи для положительной философіи, а съ другой—силу и неразрывность ихъ съ внутреннею жизнью человѣка, и вотъ онъ вымышляетъ небывалую дотолѣ религію человечества. Но что такое человѣчество, составляющее предметъ религіи, какъ не отвлеченность, которую самъ же онъ хотѣлъ бы устранилъ изъ об-

ласти религіи? Потому, Контъ говоритъ, что его религія есть религія доказанная. Но если подъ доказанностію разумѣть ту доказанность или доказательность, которая свойственна положительной философіи, то религія уже невозможна. Предметомъ ея въ такомъ случаѣ будетъ вѣчто относительное и условное, но условное и относительное вѣщо было бы боготворить. Такимъ образомъ, въ ученіи Конта о бытіи Божіемъ и религіи замѣтны явные противорѣчія и несообразности.

2. Идеализмъ.

Въ противоположность эмпиризму, который все знаніе, какъ по его содержанію, такъ и по формѣ, производитъ изъ чувственнаго опыта, идеализмъ утверждаетъ, что человѣческій духъ владѣетъ первоначально не только высшими принципами знанія, но и понятіями, какъ высшими опредѣленіями или предикатами бытія, изъ которыхъ, посредствомъ мышленія, развивается все послѣдующее содержаніе знанія. Такъ, на примѣръ, апріорическое понятіе субстанціи, по ученіи идеализма, приводитъ къ познанію всѣхъ отдѣльных субстанцій и ихъ измѣняющихся качествъ; понятіе причины—къ познанію дѣйствующихъ причинъ и содѣйствующихъ условій; понятіе пространства и числа—къ познанію всѣхъ количественныхъ опредѣленій пространства и числа.

Но идеалистическія системы, согласныя въ приведенномъ изглядѣ на сущность и происхожденіе знанія, различно рѣшаютъ вопросы какъ о тѣхъ непосредственныхъ принципахъ духа, изъ которыхъ посредствомъ мышленія онъ построяетъ познаніе міра, такъ и объ отношеніяхъ ихъ къ реальному бытію. Одни считаютъ этими принципами идеи, какъ зародыши знанія, предназначаемаго въ самой природѣ духа, и приписываютъ имъ полное реальное значеніе, слѣдовательно допускаютъ повсюдное согласіе или совпа-

деніе между мышленіемъ и бытіемъ. *Другіе* считаютъ этими принципами прирожденныя духу формы познанія, опредѣляющія собою дѣйствительность, недоступную для нашего познанія внѣ этихъ формъ, слѣдовательно усвояютъ имъ только формальное, подлежащее, регулятивное значеніе, ограниченное предѣлами представленія. *Третьи*, наконецъ, считаютъ мышленіе источникомъ не только знанія, но и бытія; слѣдовательно усвояютъ ему значеніе творческаго начала какъ въ отношеніи знанія, такъ и въ отношеніи бытія.

Первую форму составляетъ такимъ образомъ идеализмъ, производящій все содержаніе философскаго знанія изъ мышленія, отражающаго въ себѣ сущность реального бытія и считающій критеріемъ истинности знанія отсутствіе въ немъ противорѣчій и принудительность для мысли выводовъ, чрезъ которые до него доходятъ. Представителями этой формы идеализма служатъ философскія системы—въ древности *Платона*, а въ новой философіи *Декарта*.

По ученію *Платона* (429—347 г. до Р. Х.), душа человѣческая имѣетъ два источника познаній: ощущеніе и представленіе съ одной стороны и разумное мышленіе съ другой. Первый изъ этихъ источниковъ, иначе называемый *чувственностію*, относится къ тому, что находится въ непрерывномъ измѣненіи и движеніи, что преходяще и не имѣетъ постоянного существованія; слѣдовательно это источникъ смутнаго, нечистаго и невѣрнаго знанія. Но человѣкъ не лишенъ возможности приобрѣтать знаніе и высшее, прочное. Органъ, при помощи котораго онъ приобрѣтаетъ такое знаніе, есть *разумъ*. Это, по ученію Платона, высшая способность въ душѣ человѣка. Посредствомъ ея душа, среди измѣняющихся и непостоянныхъ явленій, отыскиваетъ нѣчто постоянное, неизмѣнное и всегда себѣ равное. Разумъ—это источникъ познаній о всегда пребывающей сущности вещей. Но такъ какъ сущность вещей, по ученію Платона, составляютъ идеи,

то онъ называетъ иначе разумъ способностію или органомъ познанія идей. За преходящими явленіями, по мнѣнію Платона, скрываются неизмѣнныя сущности ихъ или идеи, какъ нѣчто дѣйствительно (реально) существующее. Преходящія явленія не составляютъ дѣйствительныхъ существованій, они—только образы этихъ существованій. Для отысканія въ явленіяхъ ихъ первообразовъ—идей или неизмѣнныхъ сущностей и данъ человѣку разумъ. Онъ вопрошаетъ явленія, распредѣляетъ ихъ по классамъ, узнаетъ общія ихъ качества, открываетъ единое во многомъ и неизмѣнное среди измѣняющагося и случайнаго. Знаніе это, какъ знаніе высшее, и должно собственно быть цѣлію всякаго познанія. Оно только и составляетъ предметъ философіи.

У Декарта (1596—1650 г.) вопросъ о познаніи стоитъ на первомъ планѣ, и рѣшеніемъ его устанавливаются общія начала его философіи. Чтобы пріобрѣсти знаніе твердое и постоянное, для этого должно, по ученію Декарта, разрушить всѣ предположенія, съ которыми мы сжились съ дѣтства, нужно усумниться во всемъ, что только кажется намъ сколько-нибудь сомнительнымъ. Мы должны усумниться не только въ существованіи чувственныхъ вещей, — такъ какъ чувства часто насъ обманываютъ,—но и въ истинахъ математическихъ и геометрическихъ, потому что мы не можемъ знать, дано ли вообще въ удѣлъ намъ, конечнымъ существамъ, истинное познаніе, и не создалъ ли насъ Богъ только для мнѣній и для заблужденія. Но сомнѣваясь во всемъ, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что мы сами, сомнѣвающіеся, существуемъ. Напротивъ, именно изъ того, что я все считаю ложнымъ, что я во всемъ сомнѣваюсь, слѣдуетъ, что я, сомнѣвающийся, существую. Итакъ, положеніе: „я мыслю, слѣдовательно существую—*cogito, ergo sum*“—есть первое и самое достовѣрное положеніе, съ которымъ встрѣчается всякій мыслитель, начинающій анализировать свои познанія. Далѣе, ислѣдуя, что же такое

мы, считающіе ложнымъ все, что отъ насъ отлично, мы ясно видимъ, что мысленно мы можемъ уничтожить все, что есть въ насъ, не уничтожая чрезъ то нашей личности, но мы не можемъ отдѣлить отъ насъ мышленіе. Оно остается и въ то самое время, какъ отрицаетъ все остальное; слѣдовательно природѣ нашей не можетъ принадлежать ни протяженіе, ни фигура, ни вообще что-нибудь такое, что можно приписать тѣлу или матеріи, природѣ нашей принадлежитъ только мышленіе. Итакъ, мышленіе есть субстанція или сущность нашего духа. Съ другой стороны, мы ясно знаемъ, что протяженіе, фигура, движеніе принадлежатъ другой субстанции, которую мы, въ противоположность духу, называемъ тѣломъ, матеріей, веществомъ. Между мыслящей и протяженной субстанціей нѣтъ ничего общаго: онѣ совершенно противоположны одна другой. Все это такія истины и положенія, въ достовѣрности которыхъ мы сомнѣваться не можемъ. Но, спрашивается, что даетъ намъ увѣренность въ истинѣ всѣхъ этихъ положеній и утвержденій? Очевидно, не что иное, какъ ясное сознаніе невозможности иныхъ представленій объ этихъ предметахъ. Отсюда, критерій достовѣрности для всякаго дальнѣйшаго знанія такой: достовѣрно все то, что я познаю ясно и раздѣльно, какъ истинное, все то, что мой разумъ признаетъ за истинное съ принудительною ясностію. Но это правило есть только принципъ достовѣрности; оно не даетъ еще самаго познанія истины. Чтобы дойти до этого и болѣе укрѣпить начало достовѣрности и истинности нашихъ знаній, Декартъ прибѣгаетъ къ идеѣ безконечной субстанции. Ходъ его мыслей при этомъ такой. Разсматривая наши мысли, идеи, мы находимъ между ними идею о Богѣ. Спрашивается: откуда мы получили эту идею, какъ возникла она въ насъ? Эта идея не могла возникнуть изъ насъ самихъ, но могла быть дана намъ только существомъ, которое имѣетъ всѣ совершенства. На вопросъ: откуда я имѣю способность мыслить о природѣ, болѣе совершенной,

чѣмъ моя собственная, я постоянно вынуждаюсь отвѣчать, что эта способность дана мнѣ кѣмъ-то, чья природа дѣйствительно совершеннѣе моей. Чѣмъ болѣе я разсматриваю свойства Божіи, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что идея о нихъ не можетъ быть произведена мною самимъ. Хотя во мнѣ и можетъ возникнуть идея субстанции, потому что я самъ субстанція, но во мнѣ не можетъ быть идеи субстанции безконечной, потому что я самъ конеченъ. Итакъ, существуетъ Богъ. О существованіи Его мнѣ ясно свидѣтельствуетъ мое сознание. Къ этому же приводитъ меня и анализъ самой идеи Божества. Признавши же эту идею и соответствующій ей предметъ, мы можемъ на ней, по мнѣнію Декарта, окончательно утвердить и основать достовѣрность и истинность нашихъ знаній. Прежде мы должны были сомнѣваться во всемъ и отказаться отъ всякой достовѣрности, потому что мы не могли быть увѣрены въ томъ, принадлежитъ ли природѣ челоуческаго духа истина, или же свойственно ей одно заблужденіе. Но разсматривая прирожденную намъ идею Бога по ея необходимымъ атрибутамъ, мы познаемъ, что Богъ истиненъ, поэтому было бы противорѣчіемъ, если бы Онъ насъ обманывалъ или былъ причиною нашего заблужденія. Такимъ образомъ, изъ понятія о существѣ Божіемъ истекаетъ для насъ полная достовѣрность нашего знанія. Отсюда же въ чистотѣ происходитъ и наша увѣренность въ существованіи внѣшняго міра вообще—въ томъ, что предметы, воспринимаемые нашими внѣшними чувствами, дѣйствительно существуютъ, а не представляютъ собою нѣчто ложное и обманчивое.

В. Голубинскій.

(окончаніе будетъ)

СПИРИТИЗМЪ

КАКЪ ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНАЯ ДОКТРИНА.

(продолженіе)

IV.

Аланъ Кардекъ выступилъ на защиту спиритизма, послѣ продолжительнаго приготовленія, въ 1857 году съ сочиненіемъ— „Книга духовъ“ — *Le livre des esprits*. Книга эта имѣетъ свою цѣлю— „установить основы истиннаго спиритскаго ученія, свободнаго отъ заблужденій и предразсудковъ“ и привести его въ стройное систематическое цѣлое ⁽¹⁾. Въ предисловіи къ ней, украшенномъ изображеніемъ виноградной лозы, авторъ объявляетъ, что ея идея и содержаніе принадлежатъ ему, что она „написана подѣ диктовку вышнихъ духовъ и издана въ свѣтъ по ихъ распоряженію“ ⁽²⁾. Порядокъ и методическое распределеніе матеріала, внѣшняя форма нѣкоторыхъ частей редакціи,

⁽¹⁾ *Le livre des esprits*. 1857. 29—30 pp.

⁽²⁾ Полное заглавіе книги слѣдующее: *Le livre des esprits, contenant les principes de la doctrine spirite sur la nature des esprits, leur manifestation et leurs rapports avec les hommes; les lois morales, la vie présente, la vie future, et l'avenir de l'humanité, écrit sous la dictée et publié par l'ordre d'esprits supérieurs.*

вотъ все, что принадлежитъ получившему миссію (la mission) издать ее“, говоритъ Кардекъ (1). Миссія эта дана въ высокопарной и торжественно-пророческой формѣ, какъ дѣло великой важности для всего человечества. „Занимайся ревностно и неутомимо, говоритъ Кардеку духи, трудомъ, который предпринялъ ты при нашемъ содѣйствіи: трудъ этотъ есть также и нашъ трудъ. Мы потомъ пересмотримъ его вмѣстѣ, чтобы въ немъ не заключалось ничего такого, что не было бы выраженіемъ нашей мысли и истины; въ особенности не забывай того, что мы повелѣваемъ тебѣ напечатать и распространить (propager) это провозвѣденіе (l'oeuvre): оно имѣетъ всеобщую пользу. Ты хорошо понялъ свою миссію; мы довольны тобою. Продолжай, и мы не оставимъ тебя никогда. Вѣруй въ Бога и иди съ увѣренностію. Мы будемъ съ тобою всякій разъ, какъ ты призовешь насъ, потому что это только часть твоей миссіи. Между откровеніями данными тебѣ есть такія, которыя ты долженъ хранить про себя до новаго повелѣнія: мы возвѣстимъ тебѣ, когда наступитъ время обнародовать ихъ. Въ ожиданіи этого ты обдумай ихъ, чтобы быть готовымъ, когда наступитъ время. Въ началѣ книги помѣсти изображеніе виноградной лозы, которое мы начертали тебѣ, потому что лоза эта есть эмблема дѣятельности Творца (du travail du Créateur). Въ ней соединены всѣ матеріальныя начала, могущія всею лучше служить изображеніемъ тѣла и духа: сама лоза—это тѣло, ягода—душа, сокъ—это духъ. Пусть не пугаетъ тебя критика. Ты встрѣтишь ожесточенныхъ противниковъ, особенно между людьми, которые извлекаютъ выгоду изъ злоупотребленій. Ты встрѣтишь противниковъ даже между духами, которые не освободились еще вполне отъ матеріи (ne sont pas dematerialisées) и стараются часто посѣять сомнѣніе по злобѣ или по нечестивости. Но ты продолжай. Мы съ тобою, что-

(1) Le livre des esprits. 1857. 30 p.

бы поддерживать тебя, и блиако то время, когда истина возсіяетъ всюду. Суетность нѣкоторыхъ людей, которые думаютъ все знать и все хотятъ объяснять по своему, породить разногласіа; но всё тѣ, кои будутъ имѣть въ виду великое начало Иисуса, сольются въ одною чувствѣ любви къ добру, объединятся въ духѣ любви братской, которая обнимаетъ весь міръ: они оставятъ мелкія словопренія, обратятъ вниманіе на существенное и ученіе спиритское будетъ всегда одно и тоже у всѣхъ тѣхъ, кои будутъ получать сообщенія отъ духовъ высшихъ“ (1). Такимъ образомъ Кардекъ объявилъ себя избранникомъ и посланникомъ духовъ, а черезъ нихъ посланникомъ самого Бога, ловко устранилъ всякую конкуренцію и гарантировалъ себя отъ нападеній своихъ коллегъ по ремеслу. Книга духовъ произвела большое впечатлѣніе во всѣхъ людяхъ расположенныхъ къ мистикѣ, ожидавшихъ новой эры, и сразу выдвинула автора на видъ. Въ 1858 году онъ уже стоитъ во главѣ общества, имъ основаннаго съ дозволенія правительства, и носящаго названіе „парижскаго общества спиритскихъ изслѣдованій“, — *société parisienne des études spirites* — въ качествѣ президента его, пишетъ для этого общества уставъ — *règlement* и основываетъ специальный ежемѣсячный журналъ — *Revue spirite* подъ своею редакціею (2). Общество Кардека напоминаетъ собою „общество спиритуалистовъ“ Кванье, какъ и книга духовъ носить на себѣ очевидное вліяніе этого мистика, а *Revue spirite* есть очевидное факсимиле *Le magnétiseur spiritaliste* и особенно *Encyclopédie magnétique*:

(1) *Le livre des esprits*. 1857. 30 p.

(2) Autorisée par arrêté de M. le préfet de police d'après avis de S. E. M. le ministre de l'intérieur et de la sûreté générale.

(3) Полное заглавіе журнала: *Revue spirite. Journal d'études psychologiques*. До послѣдняго времени онъ преимущественно наполнялся статьями самого Кардека.

въ немъ тѣмъ отдѣлы, тоже направленіе и характеръ. Но у Кардека все устроено несравненно искуснѣе, чѣмъ у этого сумасброда. Цѣль общества выражена въ такой умѣренной и въ тоже время—въ такой иезуитски-неопредѣленной и общей формѣ, что оно могло казаться совершенно невиннымъ, чисто теоретическимъ и ученымъ. „Общество имѣетъ свою цѣлю, говорится въ первомъ параграфѣ устава, изученіе всѣхъ явленій, относящихся къ спиритскимъ манифестациямъ, и приложеніе ихъ къ наукамъ моральнымъ, физическимъ, историческимъ и психологическимъ. Политическіе вопросы, религіозныя разногласія (*de controversae religieuse*) и разсужденія, касающіяся политической экономіи, въ немъ воспрещаются“ (1). Все это очевидно допускаетъ весьма произвольныя толкованія и не мѣшаетъ развитію политическихъ и религіозныхъ идеаловъ самаго радикальнаго свойства, но не бросается въ глаза, какъ у Каанье, который цѣлю своего общества открыто и прямо поставилъ—низпроверженіе всѣхъ религій. Далѣе уставъ составленъ въ такомъ духѣ, что власть и главное руководство его дѣятельностію нечувствительно сосредоточены въ рукахъ Кардека и остальные члены превращены въ простыя орудія его плановъ и цѣлей. На сеансахъ „всѣ вопросы *духамъ* предлагаются черезъ его посредство и онъ имѣетъ право отказаться пустить ихъ въ ходъ“ (2), доступъ на эти сеансы помимо его рѣшительно невозможенъ. Наконецъ общество гарантировано отъ всякой критики своихъ опытовъ и, могущаго быть вреднымъ для него, любопытства постороннихъ. Постороннія лица допускаются только въ такомъ случаѣ, когда они извѣстны, какъ приверженцы спиритизма. „Для всякаго, кто привлекается въ общество только любопытствомъ, говорится въ уставѣ, а тѣмъ болѣе для всякаго, кто настроенъ враждебно противъ спиритиз-

(1) Le livre des médiums. 9e édit. 1866. 458 p.

(2) Ibid. Règlém. ch. 1. art. 4. ch. III, art. 13.

на, доступъ въ общество абсолютно воспрещается (1). Планъ каждаго сеанса предварительно обсуждается и редактируется президентомъ т. е. Кардекомъ и въ болѣе важныхъ случаяхъ *духи* допрашиваются въ тайныхъ засѣданіяхъ, при самомъ ограниченномъ числѣ главныхъ членовъ (2); книги о спиритизмѣ издаются послѣ одобренія общества и президента и т. п. (3). Почти въ каждомъ номерѣ журнала толкуется о неприкосновенности и неизмѣнности христіанской религіи, существующаго социальнаго строя жизни и т. п.— По образцу парижскаго спиритскаго общества скоро организовались общества въ Мецѣ, Бордо, Лионѣ, Гаврѣ, и во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Франціи, далѣе въ Алжирѣ и во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Европы, Америки и Азіи. Многіе изъ нихъ основали свои спеціальныя журналы подъ разными названіями (4). Не только французскія, но и всѣ другія общества во всѣхъ частяхъ свѣта устанавливаютъ правильныя сношенія съ парижскимъ и всѣ спириты величаютъ Кардека „учителемъ“ *maître*. Книга духовъ требуется въ огромномъ количествѣ и является въ цѣломъ рядѣ новыхъ изданій (5), при чемъ значительно перерабатывается и расширяется въ объемѣ (6). Вслѣдъ за первымъ изданіемъ Книги духовъ, Кардекъ издалъ новую книгу, содержащую практическое руководство къ спи-

(1) Le livre de médiums. 1865. 165 p. Règl. ch. III, art. 22.

(2) Ibid.

(3) Ibid. Règl. ch. IV.

(4) Намъ извѣстны — лионскій *La vérité de Lion*, бордосскій — *La ruche spirite bordelaise*.

(5) Въ 1867 она вышла уже 15-мъ изданіемъ. Мы имѣемъ первое изданіе 1857 и большое количество выписокъ изъ 12-го.

(6) Первое изданіе раздѣлено на три книги; въ дальнѣйшихъ является четыре, изъ которыхъ одна (2-я) посвящена ученію о принципахъ, котораго почти вовсе нѣтъ въ первомъ. Отвѣты духовъ на многіе вопросы совершенно измѣнены въ послѣдующихъ изданіяхъ, также поставлено много новыхъ вопросовъ.

ритскимъ изслѣдованіямъ — *Le livre des médiums* ⁽¹⁾, которая тоже выдержала девять изданій и дала всѣмъ adeptамъ спиритизма одно общее направленіе, общіе приемы, общую однообразную организацію. Книга эта есть подробное развитіе и распространеніе десятой главы первой книги перваго изданія Книги духовъ (*manifestations des esprits*), — главы, которая и выпущена въ послѣдующихъ изданіяхъ. Не смотря на то, что она издана послѣ Книги духовъ, не смотря на то, что самъ Кардекъ называетъ ее — *le complément du livre des esprits*, въ систематическомъ изложеніи спиритизма содержаніе ея должно занять первое мѣсто, потому что въ ней изложены quasi-научныя основы спиритской доктрины. Въ Книгѣ медиумовъ, какъ и въ Книгѣ духовъ Кардекъ очень остороженъ и тщательно прикрываетъ свои реформаторскія религіозныя тенденціи, выражаясь о христіанствѣ очень неопредѣленно и двусмысленно. Также самое можно видѣть и въ мелкихъ произведеніяхъ Кардека, которыя относятся къ Книгѣ духовъ и Книгѣ медиумовъ точно также, какъ катихизисъ или учебникъ догматики — къ Библии. Произведенія эти — *Le spiritisme à sa plus simple expression* и *Qu' est ce que le spiritisme*. Провозгласивши на первыхъ страницахъ Книги духовъ, что спиритизмъ открываетъ новую эру для возрожденія человѣчества — *une nouvelle ère pour la régénération de l'humanité* ⁽²⁾, Кардекъ старается увѣрить, что онъ есть просто новая совершеннѣйшая, основанная на фактахъ опыта, спиритуалистическая философія,

(1) Полное заглавіе ея: *Spiritisme expérimental. Le livre des médiums, ou guide des médiums et des évocateurs, contenant l'enseignement spécial des esprits sur la théorie de tous les genres de manifestations, les moyens de communiquer avec le monde invisible, le développement de la médiumnité, les difficultés et les écueils que l'on peut rencontrer dans la pratique du spiritisme.*

(2) *Le livre des esprits. 1857. 29 p.*

составляет сущность каждой религии, но самъ же есть религія и стоять въ полной гармоніи съ христіанствомъ. Спиритизмъ есть наука, философія—une science, une philosophie, постоянно повторяетъ онъ. „Съ религіозной точки зрѣнія, говорится въ одномъ мѣстѣ, спиритизмъ основывается на фундаментальныхъ истинахъ всѣхъ религій: на существованіи Бога, существованіи души, на безсмертіи, наградѣ и наказаніи въ будущемъ; но онъ не имѣетъ никакого особаго богослуженія. Его цѣль доказать невѣрующимъ, или сомнѣвающимся, что душа существуетъ, что она переживаетъ тѣло, что послѣ смерти она подвергается послѣдствіямъ отъ добра или зла, сдѣланнаго ею во время тѣлесной жизни. Эти истины находятся и во всѣхъ религіяхъ. Какъ вѣрованіе въ духовъ, спиритизмъ принадлежитъ равно всѣмъ религіямъ и всѣмъ народамъ.... и можно быть греческимъ, или римскимъ католикомъ, протестантомъ, іудеемъ, или мусульманиномъ и вѣрить въ проявленіе духовъ, слѣдовательно и быть спиритомъ..... Какъ нравственное ученіе, оно есть существенно христіанское..... Спиритизмъ, будучи независимъ отъ всякаго богослуженія, ни одного не предпринимая, и не занимаясь особенными догматами (?), не есть особенная религія, ибо онъ не имѣетъ ни своихъ священниковъ, ни своихъ храмовъ“ (1). Причина такой осторожности Кардека заключается въ томъ, что большинство его учениковъ были истинными католиками и никогда не стали бы слушать его, если бы онъ объявилъ прямо свои истинныя воззрѣнія на христіанство и католицизмъ (2). Но въ 1864 году, когда Кардекъ увидѣлъ около себя массу приверженцевъ,

(1) Спиритизмъ въ самомъ простомъ его выраженіи. Лейпцигъ. 1864. 14—15 стр.

(2) Въ 12 изданіи Книги духовъ Кардекъ возводитъ такую іезуитскую зачатку въ принципъ. «Желая обратить мусульманина, говоритъ онъ, никакъ не слѣдуетъ ему говорить на верныхъ порахъ, что Мухаммедъ не пророкъ».

слѣдо вѣровавшихъ въ его авторитетъ и апостольство, наученныхъ омограть на его книги, какъ на священное писаніе, привыкшихъ ожидать отъ него новаго откровенія, требовавшихъ отъ него прямого и рѣшительности⁽¹⁾, онъ издалъ новую, давно обѣщанную книгу.— „Евангеліе отъ спиритизма“—*L'évangile selon le spiritisme*⁽²⁾. Здѣсь онъ заговорилъ иначе. Замѣтивъ, что „духи въ своихъ откровеніяхъ поступаютъ съ чрезвычайною мудростію, что они постепенно приступаютъ къ рѣшенію великихъ вопросовъ, по мѣрѣ того, какъ разумъ человѣческій становится способнымъ понять истину высшаго рода, и когда обстоятельства благоприятствуютъ вразумленію новой идеи“⁽³⁾, повѣривши, что „спиритизмъ есть новая наука, которая непрерываемыми доказательствами утверждаетъ бытіе и природу міра духовнаго“,—Кардекъ прямо заявляетъ, что, въ тоже время, спиритизмъ „есть *troisième révélation* Божія закона—*la troisième révélation de la loi de Dieu*; „Моисей открылъ путь, Іисусъ продолжалъ его дѣло, спиритизмъ его закончить“⁽⁴⁾. Дѣлая своимъ девизомъ слова Спасителя: *ne veni abolire legem, но исполнимъ* (Матѣ. 5, 17)⁽⁵⁾, спиритизмъ въ своемъ „евангеліи“ хочетъ дѣйствовать точно такъ

(1) Въ *Revue spirite* за 1863 годъ помѣщено большое количество заявленій въ этомъ родѣ; особенно сильное и интересное въ № 1 (18—21 pp.). Спиритизмъ есть чистѣйшая истина, слѣд. всѣ другія религіозныя ученія ложны, потому что истина одна; всякій, кто сталъ спиритомъ, тѣмъ самымъ отрицается отъ всякаго другаго вѣроученія. — вотъ сущность этого заявленія. Кардекъ отвѣчаетъ въ высшей степени уклончиво и старается запутать вопросъ совершенно безмысленными фразами.

(2) Полное заглавіе ея: *L'évangile selon le spiritisme, contenant l'explication des maximes morales du Christ, leur concordance avec le spiritisme et leur application aux diverses positions de la vie*. Мы имѣемъ 4-е изданіе этой книги. Paris. 1866.

(3) *L'évangile etc. Introd. XIV p.*

(4) *Ibid. 4—5 pp.*

(5) *Ibid. 1 p.*

же, какъ Господь дѣйствовалъ относительно ветхозаветной религіи. Онъ отмѣняетъ все христіанское богослуженіе, все таинства, вообще всю церковность, какъ сѣнь грядущихъ благъ, какъ покровъ истины—les ténèbres и создаетъ новыя отношенія челоуѣка къ Божеству, новый культъ. Основы этого культа даны въ послѣдней XXVII главѣ „Евангелія отъ спиритизма“ (*). Съ тѣмъ вмѣстѣ спиритизмъ сказалъ свое послѣднее слово, сформировался и выяснился всесторонне. Его развитіе и сформированіе, какъ особой доктрины, у Кардека закончилось на томъ пунктѣ, съ котораго началось у американцевъ и Каанье, и оттого религіозныя тенденціи спиритизма у Кардека получили видъ необходимаго логическаго требованія, какъ-бы вынужденнаго наконецъ фактами. Съ тѣмъ вмѣстѣ и все построеніе спиритской доктрины получило видъ системы, прочно обоснованной на фактахъ, и развитой со всею научною строгостію и осторожностію. Такимъ образомъ въ системѣ Кардека выступаютъ три главные момента или стороны спиритизма. Онъ является, прежде всего, какъ *эмпирическая наука*, эмпирическая система пневматологіи, основанная на фактахъ, допустимыхъ повѣркѣ cadaque желающаго. Эта новая эмпирическая наука кладется въ основу особаго, новаго міросозерцанія и превращается въ спиритуалистическую или *спиритическую философію*. Необходимою частью этого новаго міросозерцанія естественно является особаго рода воззрѣніе на другія міросозерцанія и на прошлую религіозную жизнь челоуѣчества, является что-то въ родѣ спиритской философіи исторіи и религіи, чѣмъ выясняется его отношеніе къ

(*) Кромѣ упомянутыхъ сочиненій Кардекъ еще написалъ: *Le ciel et l'enfer, ou la justice divine selon le spiritisme; Résumé de la loi des phénomènes spirites; Voyage spirite en 1862; «Полоса изъ невидимаго міра» и «Опроверженія: разборъ критики противъ спиритизма, съ точки зрѣнія матеріализма, науки и религіи».*

прежнихъ формамъ религiи и самъ онъ превращается въ *новую религiю*, т. е. въ своеобразное пониманiе отношенiй человѣка къ Богу и наоборотъ, далѣе—въ совокупность вытекающихъ изъ этого пониманiа правилъ жизни и дѣятельности, и наконецъ—въ совокупность формъ богочитанiа—культъ. Правда у адепта спиритизма нѣтъ вполне такой стройности, систематичности и постепенности въ этихъ моментахъ, хотя онъ и стремился къ этому всѣми силами, и во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненiй высказалъ именно такое пониманiе совокупности своего построенiя; но мы не желаемъ воспользоваться этою слабостiю. Мы стараемся представить спиритизмъ, пожалуй, построить его изъ его элементовъ въ возможно лучшей и совершенной формѣ, чтобы тѣмъ съ большею ясностью и рельефностью показать его убожество и комичность его громадныхъ претензiй.

Мы видѣли, что мистическiй месмеризмъ, стараясь опираться на факты опыта и наблюденiя, страдалъ отсутствiемъ точнаго и опредѣленнаго метода обработки этихъ фактовъ, также недостаткомъ общедоступности ихъ для каждаго. Кардекъ употребилъ всѣ усилiя, чтобы восполнить этотъ недостатокъ и дать мистикѣ XIX вѣка видъ новой, естественной науки. Въ этомъ состоитъ его главная услуга спиритизму и вообще новейшей мистикѣ. Все остальное въ его произведенiяхъ есть компиляцiя, собранiе и приведенiе въ порядокъ, давно выработанныхъ и установившихся у извѣстнаго сорта людей, возрѣвнiй. Кардекъ начинаетъ издали, съ научной гипотезы и за тѣмъ старается показать, что гипотеза эта подтверждается и разъясняется неопровержимыми, точными фактами. „Астрономы, говоритъ онъ, изслѣдуя пространство, нашли въ распредѣленiи тѣлъ небесныхъ пробѣлы, ничѣмъ не оправдываемые и несогласные съ законами цѣлаго. Они предположили, что эти пробѣлы должны быть наполнены тѣлами, ускользнувшими отъ ихъ наблюденiя. Съ другой стороны они замѣтили нѣкоторыя дѣйствiя,

причина которых была неизвестна, и они сказали себѣ: тутъ долженъ быть какой-нибудь миръ, потому что этого пробѣла быть не можетъ и эти дѣйствія должны имѣть какую-нибудь причину. Тогда, судя о причинѣ по дѣйствіямъ, они опредѣляли ея элементы, и факты въ послѣдствіи оправдали ихъ предположеніе. Приложимъ это умоарбіе къ другому ряду идей. Наблюдая рядъ существъ, мы видимъ, что они образуютъ непрерывную цѣпь, начиная съ грубой матеріи и кончая разумнѣйшимъ человѣкомъ. Но какой неизмѣримый пробѣлъ между человѣкомъ и Богомъ, который есть алфа и омега всѣхъ вещей! Рационально ли думать, что человѣкомъ оканчиваются звѣнья этой цѣпи, что онъ прямо и сразу переходитъ разстояніе, отдѣляющее его отъ безконечнаго? Разумъ говоритъ намъ, что между человѣкомъ и Богомъ должны существовать другія ступени бытія, какъ онъ говоритъ астрономамъ, что между известными мірами должны существовать еще неизвѣстные. Чѣмъ же наполняется этотъ пробѣлъ? Спиритизмъ представляетъ его наполненнымъ существами міра невидимаго, стоящими на всевозможныхъ ступеняхъ, и эти существа суть души людей, достигшіе различныхъ степеней совершенства и такимъ образомъ все связуетъ въ непрерывную цѣль отъ алфы до омеги“ (1). Съ этой точки зрѣнія спиритизмъ представляетъ подтвержденіе давно отдѣланнаго и необходимаго предположенія, представляетъ то, что въ естествознаніи называется повѣркою, встрѣченнымъ опытомъ (*experimentum crucis*). Для показанія рациональности признанія міра невидимаго—совокупностью именно душъ человѣческихъ, а не особыхъ какихъ-нибудь существъ, Кардекъ строитъ другую гипотезу. „Признавая бытіе и индивидуальность души по смерти, мы должны допустить, говоритъ онъ, что она отлична отъ тѣла, что, по отдѣленіи отъ тѣла,

(1) Le livre des esprits. 12 édit. Trad. XL p.

она сохраняет самосознание. Допустивши это, мы должны принять, что душа уходит въ какое-либо мѣсто... По общему вѣрованію, она идетъ на небо, или въ адъ; но что такое небо и адъ? Нѣкогда утверждали, что небо вверху, а адъ внизу; но что такое верхъ и низъ во вселенной послѣ того, какъ открыта шарообразность земли, движеніе звѣздъ и безконечность пространства? Правда подъ низою разумѣютъ глубины земли, но что случилось съ этими глубинами послѣ того, какъ ихъ изслѣдовала геологія? Что также случилось съ концентрическими сферами, такъ называемымъ небомъ огилъ и звѣзднымъ небомъ послѣ того, какъ узнали, что земля не есть центръ вселенной, что самое солнце наше есть только одно изъ миллионнѣвъ солнць, свѣтящихся въ пространствѣ и составляющихъ каждое центръ цѣлой системы планетъ? Что случилось съ преимуществами земли, потерявшей въ этой неизмѣримости? Но какой, ничѣмъ неоправданной привиллегіи эта песчинка едва замѣтная, не отличающаяся ни величиною, ни положеніемъ, ни особенностію своей роли, одна можетъ быть населена существами разумными? Разумъ отказывается допустить такую безцѣльность безконечнаго, и все говоритъ намъ, что эти міры обитаемы. А если они обитаемы, то необходимо доставляють контингентъ для міра душъ; но опять куда же поступаютъ души, такъ какъ астрономія и геологія разрушили предначавшееся имъ прежде обиталище и число міровъ признано безконечнымъ? Ученіе о локализациі душъ не можетъ быть согласовано съ данными науки: болѣе логично потому считать мѣстопребываніемъ душъ не какое-либо определенное мѣсто, а мировое пространство (l'espace universel). Это цѣлый невидимый міръ, ореди котораго мы живемъ, который насъ окружаетъ и насъ населяетъ постоянно (nous habite). Есть ли это нечто невозможное, нечто противное разуму? Нискоимъ образомъ. Напротивъ все говоритъ намъ, что иначе и быть не можетъ. Но что становится съ будущими мученіями и

воздаяніями по уничтоженіи специальныхъ мѣстъ для нихъ? Забудьте, что невѣріе въ эти мученія и воздаянія вызвано вообще тѣмъ, что ихъ представляли въ немислимыхъ условіяхъ; но скажите вмѣсто этого, что души почерпаютъ свое блаженство и свое несчастье въ себѣ самихъ, что судьба ихъ зависитъ отъ ихъ нравственнаго состоянія, что соединеніе симпатическихъ и добрыхъ душъ есть источникъ счастья, что, по мѣрѣ очищенія, онѣ проникаютъ и совершаютъ вещи, которыя исчезаютъ отъ взоровъ душъ грубыхъ (*des âmes grossières*), и всякій пойметъ это безъ труда. Скажите еще, что души достигаютъ высшей степени только посредствомъ усилій въ самоусовершенствованіи и только послѣ цѣлаго ряда испытаній, которыя служатъ для ихъ очищенія, что ангелы суть только души, достигшія послѣдней степени совершенства, доступнаго каждому при доброй волѣ...; скажите наконецъ, что демоны суть души злыхъ людей, еще не очистившіяся, но которыя могутъ очиститься, какъ и другія, и это будетъ болѣе согласнымъ съ благостію и правдою Божіею. Вотъ предположеніе, которое допускается самымъ точнымъ разсужденіемъ, самую строгую логику и здравымъ смысломъ. Но души, населяющія пространство, суть именно то, что называется *духами*. Итакъ духи, заключаетъ Бардесъ, суть не что иное, какъ души, освободившіяся отъ своей тѣлесной оболочки“ (1). Чтобы служить подтвержденіемъ, научнымъ доказательствомъ этихъ предположеній, этихъ допускаемыхъ разумомъ теорій, спиритизмъ самъ не долженъ быть предположеніемъ, теоріею: онъ долженъ быть совокупностію фактовъ, доступныхъ непосредственно наблюденію, т. е. онъ долженъ показать намъ, открыть нашимъ внѣшнимъ чувствамъ этотъ міръ духовный съ его предполагаемыми свойствами. Но возможно ли это? Можетъ ли разумъ допустить такое откровеніе міра духовнаго? „Вообразимъ себѣ прежде

(1) Le livre des médiums. 9 édit. 2—4 pp.

всего духъ въ единеніи съ тѣломъ, отвѣчаетъ на эти вопросы Кардекъ, строя новую гипотезу. Духъ есть существо первоначальное (*l'être principal*), потому что онъ мыслить и переживаетъ тѣло. Итакъ тѣло есть не что иное, какъ акцессуаръ духа, его оболочка, одежда, которую онъ оставляетъ, когда она износится. Кромѣ этой оболочки матеріальной, духъ имѣетъ еще другую, полу-матеріальную, посредствомъ которой соединяется съ перною: въ смерти духъ отдѣляется отъ первой, но отъ второй вѣтъ. Эта полу-матеріальная оболочка, которая имѣетъ видъ человѣка (*affecte la forme humaine*), составляетъ для него тѣло, флюидическое, воздушное, которое, будучи невидимымъ въ нормальномъ состояніи, тѣмъ не менѣе обладаетъ нѣкоторыми свойствами матеріи. Такимъ образомъ духъ не есть точка, абстракція, но существо пространственное (*limité*) и опредѣленное, которому не достаетъ только видимости и осязаемости, чтобы быть похожимъ на человѣка. Отчего же ему не дѣйствовать на матерію? Оттого что тѣло его флюидическое? Но развѣ электричество, самая тончайшая изъ такъ называемыхъ невѣсомыхъ жидкостей, не служитъ самымъ могучимъ двигателемъ? Развѣ невѣсомой свѣтъ не оказываетъ химическаго дѣйствія на вѣсомую матерію“ (1) Съ этой точки зрѣнія нѣтъ ничего нераціональнаго въ признаніи дѣйствія духа на матерію и на органы чувствъ. А если такъ, думаетъ Кардекъ, то духи должны необходимо вступать въ общеніе съ людьми, потому что люди суть заключенные въ тѣла обратія ихъ, родные, знакомые друзья, чувство расположенія къ которымъ они должны сохранять востоянно. Если духи могутъ дѣйствовать на матерію, могутъ и должны входить въ сообщеніе съ живыми людьми, то нѣтъ ничего противнаго разуму въ предположеніи, что они могутъ дѣйствовать на руку человѣка

(1) Le livre des médiums. 5—6 pp.

и писать ею, следовательно могут дать точныя свѣдѣнія о себѣ и своемъ положеніи, заключаетъ наконецъ Кардекъ (*). Итанъ разумъ допускаетъ, что души существуютъ, что они суть души людей, стоящія на разныхъ степеняхъ развитія и совершенства, что они имѣютъ тонкое тѣло и могутъ дѣйствовать на материю, дѣйствовать на органы людей и открывать имъ себя, какъ фактъ, не допускающій никакого возраженія и сомнѣнія. Всѣ эти предположенія, продолжаетъ Кардекъ, въ настоящее время дѣйствительно оправданы фактами доказанными и неоспорными (*proouvés, incontestables*) и могутъ быть получены изъ этихъ фактовъ, какъ несомнѣнныя истины путемъ прямого опыта, наблюденія и научнаго наведенія. Факты эти, „факты сообщенія между міромъ духовнымъ и міромъ тѣлеснымъ—въ природѣ вещей и не суть нечто сверхъестественное“, говоритъ Кардекъ (*)... Мы находимъ слѣды ихъ въ вѣрованіяхъ всѣхъ народовъ, во всѣхъ религіяхъ, у многихъ духовныхъ и свѣтскихъ учителей,... въ особенности въ библейскихъ повѣствованіяхъ... Въ древности изученіе ихъ было привилегією избранныхъ кастъ, которыя ихъ открывали только посвященнымъ въ ихъ тайны; въ среднія вѣка на занимающихся ими отарично смотрѣли какъ на колдуновъ и жгли ихъ; но нынѣ жѣтъ тайны ни для кого, и болѣе никого не жгутъ; все дѣлается ореди блага дня, и всякій можетъ по желанію... упражняться въ этихъ послѣдованіяхъ (*). Нынѣ эти факты „всеобщы и открыты для всѣхъ“, потому что „настало время, назначенное providѣніемъ для такого всеобщаго откровенія міра духовнаго“ (*). Въ прежнее время „эти событія за недостаткомъ изслѣдованія часто были объясняемы по

(* Le livre des médiums. 9 édit. 6—8 pp.

(* Le livre des esprits, 1857. 29 p.

(* Спиритизмъ въ его самомъ простомъ выраженіи. 11—12 стр.

(* Le livre des esprits. 29 p.

свертываемъ понятія невѣжества и изъ нихъ не выведено было всѣхъ должныхъ заключеній. Новѣйшему времени принадлежитъ логическое объясненіе этихъ событій, обращеніе спиритизма... въ науку" (1). Наука эта, говоря словами Кардека, „открываетъ новый міръ невидимыхъ существъ подобно тому, какъ посредствомъ микроскопа открыть міръ безконечно малыхъ“ (2). Такимъ образомъ спиритизмъ есть прежде всего не откровеніе, а *открытие* научное и объясненіе особаго рода явленій природы, явленій естественныхъ, о которыхъ прежде только гадали (3), открытіе похожее напримѣръ на открытіе электричества, магнетизма, о которыхъ темныя и отрывочныя свѣдѣнія идутъ тоже изъ глубокой древности. Факты эти составляютъ основаніе и единственную опору спиритизма, съ ними онъ стоитъ и падаетъ. Потому въ Книгѣ медиумовъ Кардекъ прежде всего представляетъ подробное описаніе и классификацію ихъ, какъ это дѣлается во всякой эмпирической наукѣ. За тѣмъ указываются условія, при которыхъ эти факты наблюдаются и могутъ быть наблюдаемы, средства и приемы для полученія ихъ искусственно, приемы ихъ анализа, обсужденія и опредѣленія по нимъ отвѣченныхъ истинъ и законовъ относительно міра духовнаго. Все это излагается ученымъ языкомъ съ особою, новою терминологіею. Какъ всякая наука, объясняетъ при этомъ Кардекъ, спиритизмъ требуетъ постояннаго, упорнаго и сосредоточеннаго труда, мелочнаго и кропотливаго изученія, особой сноровки, проныпательности и искусства и имѣетъ свои спеціальныя орудія и средства для этого (4); какъ всякая другая наука, онъ требуетъ спеціальной терминологіи (5).

(1) Спир. въ его сам. прост. выр. стр. 12.

(2) Ibid. стр. 6.

(3) Ibid.

(4) Le livre des médiums. 14 p.

(5) Ibid. 194 p.

Классификація и описаніе спиритскихъ фактовъ вышли у Кардека очень запутанными и далеко ненаучными. Прежде всего онъ описываетъ классъ спиритскихъ фактовъ, которымъ даетъ названіе „физическихъ манифестацій“ (*manifestations physiques*), разумѣя подъ этимъ разныя механическія явленія движенія и измѣненія различныхъ тѣлъ подъ вліяніемъ особой силы. Манифестаціи эти онъ раздѣляетъ на зависящія отъ воли человѣка (*qui peuvent être provoquées*) и на самостоятельныя (*spon tanées*) (1). Къ первымъ онъ относитъ движеніе столовъ (*tables tournantes*). Этотъ фактъ Кардекъ почитаетъ основнымъ и существеннымъ для спиритизма потому что, „представляя феномены спиритскіе въ самой простой ихъ формѣ, дѣлаетъ изученіе причинъ ихъ болѣе легкимъ и даетъ ключъ къ объясненію болѣе сложныхъ дѣйствій“ (2). Онъ служитъ „исходнымъ пунктомъ спиритской доктрины“ и главною ея опорою. При этотъ объясняется, что для приведенія стола въ движеніе количество людей ему прикасающихся вообще не имѣетъ значенія: главное и абсолютно необходимое условіе только присутствіе въ числѣ ихъ хотя одного медиума. Также совершенно бесполезны равныя предосторожности, которыя употреблялись прежде, напр. известный порядокъ въ размѣщеніи мужчинъ и женщинъ, составленіе замкнутой цѣпи посредствомъ соприкосновенія пальцевъ. Присутствіе различныхъ металловъ, шелка, стекла и т. п., день, часъ дня, свѣтъ или темнота, дурная или хорошая погода тоже не могутъ имѣть вліянія на успѣшность опытовъ этого рода. Необходимое требованіе—это совершенная тишина и терпѣніе, также соразмѣрность величины и тяжести стола съ силою медиума. Феноменъ начинается небольшимъ трескомъ (*craquement*) и дрожаніемъ; столъ, по выраженію Кар-

(1) *Le livre des médiums*. 67 p.

(2) *Ibid.* 63 p.

дѣла, какъ-бы дѣлаетъ усиліе двинуться (*se dématger*); за тѣмъ начинается круговое движеніе, которое постепенно и до значительной иногда степени увеличивается въ быстротѣ. „Когда движеніе уже началось, можно отойти отъ стола, и онъ все-таки будетъ двигаться въ различныхъ направленіяхъ. Иногда столъ поднимается то на ту, то на другую ногу, поднимается даже на воздухъ, стоитъ тамъ неподвижно безъ всякой опоры и тихо за тѣмъ спускается, а иногда стремительно падаетъ и разбивается“ (1). Послѣ описанія этой фундаментальной манифестаціи, Кардекъ ставитъ классъ „манифестацій разумныхъ“ (*intelligentes*) (2). Это собственно другая сторона и дальнѣйшее развитіе тойже самой манифестаціи. „Въ томъ, что мы видѣли, говоритъ Кардекъ, при описаніи феномена вертящихся столовъ, ничѣмъ еще не обнаруживается присутствіе тайной силы (*d'une puissance occulte*) и явленія эти можно бы объяснить дѣйствіемъ магнитнаго, электрическаго, или другаго какого-либо тока. Таково и было первоначальное объясненіе... и оно одержало бы верхъ, если бы другіе факты не показали съ очевидностію его несостоятельность: факты эти состоятъ въ томъ, что явленія эти обнаруживаютъ присутствіе разумной силы... А такъ какъ всякое разумное дѣйствіе должно имѣть и разумную причину, то очевидно, допуская здѣсь даже присутствіе электричества и т. п., нужно признать еще вѣдѣтельство и другой причины“.—Для того, чтобы манифестація была разумною, не нужно въ ней обнаруженія ума, учености, краснорѣчія: достаточно, „чтобы въ ней видѣнь былъ, актъ свободной воли, выражающій цѣль и отвѣчающій на мысль“. Первое, самое разумное дѣйствіе, обнаруживаемое движущимся столомъ, есть повиновеніе его приказанію. Такъ, столъ не перемѣняя мѣста, поднимается на ту ногу, которая

(1) Le livre des médiums. 69—70 pp.

(2) Ibid.

указывается кѣмъ нибудь изъ присутствующихъ, потомъ, падая, производить известное количество ударовъ, отвѣчая на заданный вопросъ. Въ иныхъ случаяхъ столъ, безъ всякаго прикосновенія съ чьей бы то ни было стороны, двигается по комнатамъ въ разныя стороны, повинаясь указаніямъ присутствующихъ. Болѣе разумными проявленіями Кардекъ почитаетъ поаражаніе различнымъ звукамъ—бою барабана, канонадѣ, звукамъ пилы, ударамъ молота, ритму различныхъ арій и т. п., что, по его словамъ, верѣдко производятъ движущіеся столы. Далѣе Кардекъ описываетъ различныя приспособленія движущагося стола, коробки, тарелокъ къ сообщенію съ міромъ духовнымъ ⁽¹⁾. Но объ этомъ онъ трактуетъ далѣе снова и болѣе у мѣста. За манифестаціями разумными описывается классъ манифестацій физическихъ, „произвольныхъ“ ⁽²⁾. Къ нимъ Кардекъ относитъ шумъ и удары (*les bruits et les coups frappés*), беспорядочныя движенія и беспокойство (*tapage et perturbations*), поднятіе предметовъ (*objets lancés*), явленіе приноса вещей (*phénomène des apports*). Замѣтивъ относительно *bruits* и *coups frappés*, что при наблюденіи ихъ возможны иллюзии, Кардекъ указываетъ, впрочемъ весьма недостаточныя, средства отличать *les bruits spirituels* отъ тѣхъ, кои происходятъ отъ причинъ обыкновенныхъ. „Спиритскіе звуки, говоритъ онъ, имѣютъ особенный характеръ, при всемъ разнообразіи ихъ интенсивности и тибра: это—удары сухіе, то глухіе, слабыя и легкіе, то ясные, отчетливыя, иногда очень громкіе, перемѣняющіе мѣсто и не имѣющіе механической правильности въ повтореніи. Но самый дѣйствительный признакъ—это повиновеніе воли. Если удары слышатся въ назначенномъ мѣстѣ, измѣняются по требованію въ числѣ и напряженности, то нельзя сомнѣваться въ разумности ихъ причины, хотя и отсутствіе повинно-

(1) Le livre des médiums, ch. III.

(2) Ibid. ch. V, 90—117 pp.

потомъ . не всегда можетъ быть доказательствомъ: про-
тивнаго“ (1). Подъ tarage и perturbations разумется
передвѣженіе мебели, посуды, безъ всякой видимой
причины и другія подобныя манифестаціи. Подъ objets
lancés разумются случаи, когда предметы поднима-
ются на воздухъ и летаютъ безъ всякой видимой при-
чины, когда даже люди поднимаются на воздухъ не-
видимую силою, выбрасываются изъ постели и т. п.
Для всѣхъ этихъ феноменовъ необходимое условіе—
присутствіе людей способныхъ безоанательно и помим-
о своей воли привлекать къ себѣ духонъ, — людей,
которыхъ Кардекъ называетъ естественными медиумами
(médiuns naturels) (2). Феноменъ прикоса состоитъ
въ появленіи, безъ всякаго посредства людей, новыхъ
предметовъ, большею частію цвѣтовъ, иногда плодовъ,
конфектъ, драгоценностей и т. п. (3). — Четвертый
классъ манифестацій—манифестаціи зрительныя (ma-
nifestations visuelles) (4),—явленіе призраковъ (appa-
ritions) и галлюцинаціи (!). Въ первомъ разрядѣ Кар-
декъ относитъ большую часть словидннй всякаго
человѣка, за тѣмъ видѣнія наяву въ полномъ созна-
ніи. Эти послѣднія видѣнія имѣютъ различныя степе-
ни ясности и отчетливости, начиная съ неопредѣлен-
ныхъ контуровъ и кончая вполне яснымъ различені-
емъ человѣческой фигуры съ тѣми физическими при-
знаками, какими обладалъ духъ при жизни въ тѣлѣ,
и даже въ платьѣ того времени, въ какое онъ жаль
на землѣ и т. п. Высшіе духи являются въ особаго
рода униформѣ, окруженные ореоломъ, иногда съ
крыльями и т. п. Галлюцинаціи по Кардеку — тѣже
видѣнія, только болѣе смутныя и неопредѣленныя,
часто притомъ извѣдливныя и неочизвѣныя. Въ классѣ
зрительныхъ манифестацій разматривается куріозная

(1) Le livre des médiums. 91. p.

(2) Ibid. 99. p.

(3) Ibid. 103 p.

(4) Ibid. ch. VI, 118—141 pp.

теорія „духовъ шариковъ“ — *esprits globules*, по которой частицы, возмущаясь въ воздухѣ и видимыя въ лучѣ солнца, также блестя, видимыя нѣкоторыми при разстройствѣ глазъ, почитаются сонмомъ духовъ. Кардекъ серьезно съ ученою важностію опровергаетъ эту дичь, свидѣтельствующую о существованіи въ спиритскомъ обществѣ чудовишнаго легковѣрія. — Пятый классъ спиритскихъ фактовъ состоитъ изъ особаго рода зрительныхъ манифестацій и обозначается терминами „дву-тѣлесность и преображеніе“ (*bi-corporéité et transfiguration*) (1). Подъ именемъ дву-тѣлесности или двойничности (*hommes doubles*) Кардекъ разумѣетъ явленіе душъ живыхъ людей, далеко отъ мѣста ихъ жительства. Дѣйствительность такого феномена онъ подтверждаетъ нѣсколькими фактами анкдотическаго характера, между которыми находится извѣстная исторія съ Веспасіаномъ, видѣвшимъ Василида въ александрийскомъ капищѣ въ то время, когда этотъ послѣдній былъ въ 80 миляхъ отъ этого города (2). Подъ именемъ преображенія или трансфигураціи Кардекъ разумѣетъ способность нѣкоторыхъ лицъ, противъ своей воли, принимать фязіономію и всю воштуру лицъ умершихъ. Сюда же относятся явленія духовъ въ образѣ живыхъ людей. Явленія этого рода Кардекъ означаетъ терминомъ *ageneges*. Шестой классъ спиритскихъ фактовъ — постоянное явленіе духовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, называемыхъ у насъ нечистыми или страшными — *lieux hantés* (3). Седьмой классъ — манифестаціи слуховыя и осязательныя, т. е. явленія, когда духа не только ощущаются зрѣніемъ, но и осязаются и произносятъ слова. Этотъ классъ разсматривается подъ громкимъ заглавіемъ — *laboratoire du monde invisible* (4). Здѣсь объясняется

(1) Le livre des médiums. ch. VII, 142—153 pp.

(2) Tacit. annal. L. IV.

(3) Le livre des médiums. ch. IX.

(4) Ibid. ch. VIII.

то, какими образомъ духъ можетъ принять на себя любую форму, одѣться въ какое угодно платье съ какими угодно украшеніями, явиться хромымъ, слѣпымъ, кривымъ, съ табакеркою, трубкою и другими предметами. Объясненіе это совершенно тоже, какое дано еще Кернеромъ и Каавье.—Вотъ и всѣ *доказанные и неоспоримые* факты спиритской науки. Въ своемъ мѣстѣ, мы увидимъ, насколько это—дѣйствительно факты и въ какомъ смыслѣ они несомнѣнны. Теперь замѣтимъ только, что Кардекъ мало наблюдалъ умалишенныхъ и очевидно незнакомъ съ изслѣдованіями о душевныхъ болѣзняхъ. Въ противномъ случаѣ онъ значительно пополнилъ бы списокъ спиритскихъ манифестацій, фактовъ спиритской науки и представилъ бы ихъ съ большею отчетливостію, систематичностію и толкомъ.

Какъ бы то ни было, Кардекъ утверждаетъ, что въ этихъ фактахъ обнаруживается присутствіе разумной силы, мыслящей и дѣйствующей съ цѣлію. Такимъ образомъ сила эта непохожа на другія силы природы, не имѣющая воли и разума. Для изслѣдованія ея нужны потому особые средства, особые приемы, какихъ не имѣетъ ни одна естественная наука. Въ спиритской наукѣ не нужно строить гипотезъ, анализировать факты, сравнивать и обобщать ихъ: здѣсь возможенъ другой, болѣе прямой и совершенный путь, именно—здѣсь нужно спрашивать саму силу о ея природѣ, условіяхъ ея бытія и проявленія. Вся трудность здѣсь состоитъ только въ средствахъ производить допросы. Оказывается впрочемъ, что у новорожденной естественной науки спиритской средствъ для этого очень много и они значительно уже усовершенствованы и упрощены. Кардекъ строитъ изъ ученія объ этихъ средствахъ систематическое цѣлое, которое называется технически „спиритскимъ телеграфнымъ искусствомъ“—*telegraphie spirit*, и каждой группѣ средствъ даетъ ученое греческое названіе. Первая группа этихъ средствъ есть *семотология* и *типология* (*se-*

matologie et typtologie) (1). Подъ именемъ типтологіи разумѣется способъ сообщенія съ духами посредствомъ стука и ударовъ — les coups frappés. Самая простая форма типтологіи есть *типтологія посредствомъ рычага* (par bascule), состоящая въ вертикальномъ движеніи стола, который поднимается и опускается, производя напередъ условленное количество ударовъ. Это самая несовершенная и первоначальная форма сообщенія съ духами, посредствомъ которой можно получать только односложные, неопредѣленные отвѣты. Другая и болѣе совершенная форма этого рода сообщеній — *типтологія алфавитная* (typtologie alphabétique), состоящая въ указываніи стукомъ буквъ алфавита: она можетъ быть par bascule и intime. Последняя состоитъ изъ ударовъ въ самой ткани стола безъ движенія его. Для алфавитной типтологіи устроены два особые прибора — американскій и французскій. Первый устроенъ по образцу телеграфа и состоитъ изъ циферблата съ алфавитомъ, кондуктора на блокъ и штифта, указывающаго буквы. Французскій устроенъ вѣскою Эмилию Жирандэнъ (Fabre-Girardin) и имѣетъ сходство съ рулеткою. Кардекъ не отрицаетъ удобства этихъ приборовъ, но считаетъ ихъ слишкомъ подозрительными для невѣрующихъ. Подъ именемъ *сематологій* разумѣется выраженіе въ ударахъ и движеніяхъ чувствованій гнѣва, удовольствія, симпатіи и антипатіи, — un sort de mimique des esprits, какъ выражается Кардекъ. Гнѣвъ заявляется сильными ударами, иногда низверженіемъ стола на субъектъ, возбудившій гнѣвъ; симпатія, напротивъ, выражается вѣжными и ласковыми прикосновеніями стола. Благоклонный и вѣжливый (poli) духъ всегда при началѣ и въ концѣ манифестаціи дѣлаетъ столу нѣчто въ родѣ реверанса и т. п. (2). Вторая группа средствъ,

(1) Le livre des médiums. Ch. IX.

(2) По этому поводу Кардекъ рассказываетъ съ полнымъ сарказмомъ случай съ однимъ его пріятелемъ. Пріятель этотъ

болѣ совершенная, носить названіе *пневматографіи* и *пневматофоніи* (pneumatographie et pneumatophonie) ⁽¹⁾. Пневматографія или непосредственное писаніе (*écriture directe*) состоитъ въ томъ, что духи пишутъ сами—перомъ или карандашомъ, какъ въ вышеприведенныхъ опытахъ Гюльденштубба. Пневматофонія состоитъ въ произношеніи духами членораздѣльныхъ звуковъ съ большею или меньшею отчетливостію. Третья группа—обозначается терминомъ *психографія* (*psychographie*) ⁽²⁾ и есть самый лучший способъ сообщенія съ духами. Психографія бываетъ посредственная — *indirecte* и непосредственная — *directe* или ручная. Психографія посредственная совершается при посредствѣ коробки, столика, или тарелки, снабженныхъ карандашомъ. Психографія непосредственная состоитъ въ писаніи медиумомъ безъ посредства какихъ-либо приборовъ. Кардекъ восхваляетъ удобства и совершенства этого послѣдняго способа и доказываетъ его законность тѣмъ, что при всѣхъ другихъ способахъ различные матеріальные предметы дѣйствуютъ только при посредствѣ руки медиума и служатъ собственно поддержкою карандаша—*porte-crayon*, слѣд. тѣмъ-то несущественнымъ и побочнымъ. Этимъ способомъ и получено все содержаніе спиритскаго ученія.

Изъ обзора спиритскихъ фактовъ и средствъ испытанія таинственной силы, въ нихъ проявляющейся, легко видѣть, что главнымъ и единственнымъ средствомъ и источникомъ спиритскихъ откровеній, изслѣ-

получилъ письмо отъ Кардека. Въ то время, какъ онъ читалъ его, къ нему подошелъ столикъ (*gueridon*), которымъ онъ пользовался для опытовъ, и сталъ ласкаться около него. Привыкшій ко всякимъ манифестаціямъ спиритъ не обратилъ на это вниманія и ушелъ въ другую комнату. Столикъ—за нимъ. Оказалось, что это ангелъ хранитель Кардека желалъ познакомиться поближе съ его другомъ.

⁽¹⁾ Le livre des médiums. ch. XII.

⁽²⁾ Ibid. ch. XIII.

дованій и пр. является *медіумъ*. Безъ него невозможна ни одна манифестація, тѣмъ болѣе невозможно добываніе какихъ-либо свѣдѣній о мірѣ духовномъ. Что же такое медіумъ? Напрасно мы стали бы искать у Кардека прямого и опредѣленнаго отвѣта на этотъ естественный и очевидно чрезвычайно важный для репутаціи спиритизма, какъ опытной и точной науки,—вопросъ. „Всякій, говоритъ онъ, кто *чувствуетъ* въ той или другой степени какое-либо вліяніе духа, въ силу этого самаго есть медіумъ“⁽¹⁾, т. е. медіумъ есть медіумъ—и только. Эта неопредѣленность понятія медіума, или точнѣе отсутствіе всякаго понятія о немъ не есть промахъ, а дѣло разсчета. Дѣлая спиритизмъ эмпирическою наукою, Кардекъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи долженъ былъ дать средства провѣрить факты спиритскіе и на нихъ основанные выводы всякому желающему. И вотъ, пользуясь неопредѣленностію понятія медіума, онъ объявляетъ, что „медіумическая способность присуща всякому человѣку, а не есть исключительная привиллегія, и мало людей, у которыхъ не было бы зачатковъ этой способности. Можно сказать слѣдовательно, что всѣ люди, за самымъ небольшимъ исключеніемъ, суть медіумы“. Но вслѣдъ за тѣмъ Кардекъ немедленно прибавляетъ: „на практикѣ медіумомъ почитается только тотъ, у кого медіумическая способность ясно выразилась, что зависитъ отъ болѣе или менѣе чувствительной организаціи“⁽²⁾. Узнать силу этой способности можно только опытомъ и, если она находится на низкой степени, можно ее развить и усовершенствовать значительно⁽³⁾. Все ученіе Кардека о медіумствѣ состоитъ за тѣмъ въ классификаціи медіумовъ и въ опредѣленіи средствъ и условій развитія медіумической способности. — Каждый медіумъ имѣетъ специальную способность къ произведенію од-

⁽¹⁾ Le livre des médiums. 191 p.

⁽²⁾ Ibid. 195 p.

⁽³⁾ Ibid. 242 p.

ного какого-либо вида спиритскихъ манифестацій и къ сообщенію съ духами однимъ какимъ-либо способомъ. Потому Кардекъ раздѣляетъ медиумовъ прежде всего на девять классовъ. Первый классъ — медиумы *производящіе механическія дѣйствія* (à effets physiques) ⁽¹⁾. Одни изъ нихъ производятъ эти дѣйствія сознательно и силою своей воли и называются *facultatifs*, другіе безсознательно и даже противъ воли, и называются *невольными* или *естественными* (involontaires ou naturels). Медиумъ невольный можетъ посредствомъ упражненія сдѣлаться факультативнымъ, и Кардекъ совѣтуетъ это дѣлать, потому что невольное медиумство сопровождается часто назойливостію со стороны *духовъ* и разными неприятностями, въ факультативномъ же — дѣйствія ихъ регулируются и подчиняются волѣ медиума. Второй классъ — медиумы *сенситивныя* или *впечатлительныя* (sensitifs ou impressibles) ⁽²⁾. Они обладаютъ даромъ: чувствовать какъ-бы всею своимъ существомъ присутствіе духовъ. Чувство это сначала бываетъ смутно; но упражненіемъ можетъ быть развито до того, что медиумъ различаетъ добрыхъ духовъ отъ злыхъ, даже узнаетъ каждаго изъ нихъ и можетъ назвать по имени. Третій классъ — медиумы *слышащіе* (auditifs) ⁽³⁾. Они не только слышатъ голоса духовъ и различаютъ ихъ по голосу ихъ, но могутъ вести съ ними бесѣду, и постороннія лица могутъ очень удобно употреблять ихъ въ сношеніяхъ съ міромъ духовнымъ, какъ толмачей (truchement). Четвертый классъ — медиумы *говорящіе* (parlants) ⁽⁴⁾, которые не слышатъ голосъ духа, но говорятъ безсознательно подъ вліяніемъ его, при чемъ духъ пользуется ихъ языкомъ и голосовыми органами, какъ своими соб-

⁽¹⁾ Le livre des médiums. 196—200 pp.

⁽²⁾ Ibid. 201 p.

⁽³⁾ Ibid. 202 p.

⁽⁴⁾ Ibid.

отвѣнными. Пятый классъ—медіумы *видящіе* (*voyants*)⁽¹⁾, которые одарены способностію, если не постоянно, то весьма часто видѣть всякаго приближающагося къ нимъ духа. Высшая степень этой способности состоитъ въ томъ, чтобы видѣть все, что дѣлается въ окружающемъ людей мірѣ духовномъ⁽²⁾. Шестой классъ—медіумы *сомнамбулы*⁽³⁾. Сомнамбулизмъ или состояніе ясновидѣнія Кардекъ почитаетъ временнымъ отдѣленіемъ души отъ тѣла, вслѣдствіе чего душа все понимаетъ яснѣе и открываетъ такія вещи, которыя недоступны ей въ обыкновенномъ состояніи; но черезъ сомнамбулу также можетъ дѣйствовать другой духъ и тогда она становится медіумомъ въ собственномъ смыслѣ, медіумомъ видящимъ, слышащимъ, или говорящимъ. Съ этой точки зрѣнія сомнамбулы Каанье и всѣ ихъ прѣзвы становятся прямымъ достояніемъ спиритизма. Седмой классъ медіумовъ — медіумы *врачи*⁽⁴⁾ (*guérisseurs*). Это люди, одаренные способностію излѣчивать болѣзни взглядомъ, прикосновеніемъ, также всѣ магнитизеры, употребляющіе для этого манипуляціи. Всѣ они дѣйствуютъ при помощи духовъ, хотя бы и не вѣрили въ бытіе ихъ. Такимъ образомъ Месмеръ и всѣ фаланга его послѣдователей превращаются въ медіумовъ и месмеризмъ во всемъ его объемѣ входитъ въ составъ спиритизма. Восьмой классъ медіумовъ—медіумы *кесматосграфы*⁽⁵⁾, заставаляющіе духовъ пи-

(1) Le livre des médiums. 203—208 pp.

(2) Кардекъ рассказываетъ, какъ онъ былъ съ такимъ всевидящимъ медіумомъ въ оперѣ. Медіумъ увидѣлъ и сообщилъ ему, что всѣ праздыя мѣста заняты духами,—ихъ было множество въ ложахъ и въ партерѣ между зрителями, много было и на сценѣ. Около каждого пѣвца и пѣвицы былъ особый духъ, который давалъ вдохновеніе и былъ въ большихъ хлопотахъ и т. п.

(3) Le livre des médiums. 208—210 pp.

(4) Ibid. 209 p.

(5) Ibid. 213 p.

сать безъ помощи человѣческой руки. Девятый классъ, наконецъ,—самый важный и самый обширный — медиумы *писатели* или *психографы* (*écrivains ou psychographes*) ('). Кардекъ дѣлитъ этотъ классъ на пять разрядовъ. Первый — медиумы *механическіе* (*mécaniques*) или пассивные, которые пишутъ противъ своей воли и не сознаютъ того, что пишутъ, забываютъ послѣ даже самый фактъ писанія. Второй разрядъ — медиумы *интуитивныя* (*intuitifs*). У нихъ духъ дѣйствуетъ не на руку, а на самую ихъ душу, овладѣваетъ ею и вкладываетъ въ нее свои мысли. Третій разрядъ — медиумы *полу-пассивныя* (*semi-mécaniques*), рука которыхъ пишетъ невольно, но мысли проходятъ черезъ ихъ умъ и сознаются ими. Четвертый разрядъ — медиумы *вдохновенныя* (*inspirés*). Къ этому разряду Кардекъ относитъ всѣхъ людей, потому что всѣ люди большею частію своихъ мыслей обязаны духамъ, но въ особенности къ нему принадлежатъ энтузіасты, великіе поэты, ученые и артисты. Пятый разрядъ — медиумы *предчувствующія*. Это нѣчто въ родѣ пророковъ и оставляютъ разновидность медиумовъ *inspirés*. Но всѣми перечисленными классами не исчерпывается еще разнообразіе медиумическихъ дѣйствій и медиумовъ. Потому Кардекъ прибавляетъ еще группу — медиумовъ *спеціальныхъ* ('). Въ обзоръ спеціальныхъ медиумовъ опять входятъ всѣ предыдущіе классы и разряды, но прибавлено много новыхъ разновидностей. Таковы: медиумы *стучатели* (*typteurs*), медиумы *двигатели* (*moteurs*), медиумы *переносчики* и *подниматели* (*à translations et à suspensions*), медиумы *музыканты* (*à effets musicaux*), медиумы *приносители* (*à apports*), медиумы *возбудители* (*excitateurs*), которые имѣютъ способность возбуждать въ другихъ медиумическую способность; медиумы *живописцы* и *рисовальщики* (*peintres et dessinateurs*), медиумы *полиграфы*, способные воспроизво-

(') Le livre des médiums. ch. XV, 214—220 pp.

(') Ibid. ch. XV, 221—240 pp.

дять почеркъ духовъ, какой ови имѣли во время земной жизни, или только измѣнять почеркъ съ перемежною дѣйствующаго духа; медиумы *полнглотты*, способные говорить и писать на языкахъ имъ неизвѣстныхъ, медиумы *неграмотные* (*illetres*). Далѣе указываются еще медиумы *стихотворцы* (*versificateurs*), медиумы *поэты* (*poétiques*). Отличительною чертою послѣднихъ Кардекъ почитаетъ сантиментальность и необыкновенную туманность неопредѣленность мыслей. Медиумы *позитивные* (*positifs*) отличаются ясностію и отчетливостію изложенія, но встрѣчаются весьма рѣдко. Медиумы *литтераторы*, отличаются эlegantностію и правильностію изложенія: противоположность ихъ составляютъ медиумы неправильные (*incorrects*). За этимъ перечисляются: медиумы *историчи*, медиумы *научныя* (*scientifiques*), приспособленные къ сообщенію отвлеченныхъ научныхъ истинъ, медиумы *медики* (*médicaux*), приспособленные къ сообщенію медицинскихъ свѣдѣній, медиумы специальности по религіознымъ вопросамъ—*религіозныя*, медиумы *философы* и *моралисты*, наконецъ медиумы специалисты по части пошлостей, сальностей и неприличной брани (*à communications frivoles et ordurieres*). По качествамъ физическимъ медиумы раздѣляются на спокойныхъ (*calmes*), быстрыхъ (*véloces*) и подверженныхъ конвульсіямъ (*convulsifs*). Относительно качествъ нравственныхъ медиумы бывають: *одержимые злымъ духомъ* (*obsédés*), *ослапленные* (*fascinés*), подверженные слабостямъ (*subjés*), легкомысленные (*legers*) и пр. Добрыя медиумы раздѣляются на серьезныхъ, скромныхъ, самоотверженныхъ и надежныхъ (*sûrs*).

Подробная классификація медиумовъ, кромѣ желанія придать спиритизму видъ науки, имѣетъ еще шарлатанско-практическую цѣль. Она даетъ богатые средства объяснять всѣ неудачи въ опытахъ, несообразности и нелѣпости въ спиритскихъ сообщеніяхъ. Спирита, вооруженнаго этой классификаціею, поймать трудно: овъ всегда найдетъ возможность увертнуться

и объяснить неудачу, потому что всякій медиумъ хороше только въ своей специальности. За классификаціею медиумовъ Кардекъ излагаетъ средства и условія образованія и развитія медиумовъ (*formation des médiums*) (1). При этомъ онъ ограничивается только медиумами психографами,—главнымъ орудіемъ спиритизма.—Кто хочетъ быть медиумомъ, тотъ прежде всего долженъ произвести опытъ надъ собою, наставляетъ Кардекъ. Проникнувшись пламеннымъ желаніемъ войти въ общеніе съ духами, призвавши на помощь добрыхъ духовъ именемъ Божиимъ, онъ долженъ, среди тишины и спокойствія, сосредоточиться въ себѣ, положить передъ собою бумагу, взять въ руку карандашъ, коснуться концемъ его бумаги и оставить руку въ такомъ положеніи, стараясь всѣми силами держать ее неподвижно. Если у дѣлающаго такой опытъ есть сильная медиумическая способность, то онъ скоро почувствуетъ конвульсіи въ рукѣ и она, противъ воли его, начнетъ двигаться и писать, сначала неправильныя фигуры, но при дальнѣйшихъ опытахъ все яснѣе и отчетливѣе. Если же природная способность новичка—слаба, то онъ не дождется такого явленія съ перваго раза и долженъ повторить опытъ и повторять его каждый день, сначала въ продолженіе десяти минутъ, потомъ четверти часа и т. д. Такъ онъ долженъ поступать въ продолженіе пятнадцати дней, по нѣскольку разъ въ сутки, въ случаѣ неудачи—въ продолженіе мѣсяца, двухъ, трехъ. Всего лучше, если онъ при этомъ возьметъ къ себѣ въ руководители уже опытнаго медиума, что особенно важно въ томъ случаѣ, когда опыты его будутъ имѣть успѣхъ, и онъ вступитъ въ сношеніе съ невидимымъ міромъ. Безъ руководителя онъ легко можетъ сдѣлаться игрушкою легкомысленныхъ или даже злыхъ духовъ. Если послѣ всѣхъ усилій желающему не удастся сдѣлаться медиумомъ, то ему остается бросить всѣ попытки: медиумическая способ-

(1) *Le livre des médiums*. ch. XVII, 242—265 pp.

ность такого лица, значить, доходить до нуля. Могущая быть приобретеною, медиумическая способность может быть постепенно и моментально потеряна, вследствие того, объясняет Кардекъ, что медиума, по какимъ-либо соображеніямъ, оставляютъ духи. Этимъ объясненіемъ онъ очевидно и прямо отрицаетъ всеобщность медиумства, ставитъ въ зависимость медиумство отъ воли духовъ, дѣлаетъ медиумовъ избранными духовъ и т. о. лишаетъ самъ спиритскіе факты и откровенія всеобщности, доступности повѣркѣ всякаго желающаго. Всѣ усилія его сдѣлать спиритизмъ естественною наукою пропадають: методъ спиритизма остается вполне субъективнымъ, какъ у Каанье.

В. Снегиревъ.

(продолженіе будетъ)

ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ВЪ РОССІИ

СО ВРЕМЕНИ РЕФОРМЫ ПЕТРА.

(продолженіе)

Ослабленіе выборнаго начала въ однихъ случаяхъ не замедлило повести къ ослабленію его и въ другихъ. Привыкнувъ безучастно смотрѣть, какъ наследники занимали приходскія мѣста на основаніи однихъ своихъ наследственныхъ правъ, великорусскіе приходцы вмѣстѣ съ этимъ начинали равнодушно относиться къ другимъ вольнымъ кандидатамъ на священно-служительскія должности. Такое равнодушіе могло развиваться тѣмъ скорѣе и удобнѣе, что при отсутствіи ясныхъ религіозныхъ интересовъ въ народѣ, напримѣрныхъ, какіе были въ воинствующей юго-западной части русской Церкви и которые требовали отъ народа особенной внимательности къ пастырскимъ достоинствамъ духовенства, при исключительно-обрядовомъ направленіи великорусской религіозности, духовенство, какъ мы уже однажды замѣтили, имѣло въ обществѣ тоже исключительно-обрядовое значеніе, не требовавшее отъ прихожанъ особенной внимательности въ выборѣ кандидатовъ на церковныя мѣста и дававшее приходамъ полную возможность опочать на дѣлю не-

вѣстномъ правилѣ народной мудрости, что „кто ни попъ, тотъ батька“. Въ самомъ началѣ XVIII в. мы видимъ уже ясные признаки того безучастнаго отношенія народа къ церковно-приходскимъ дѣламъ, результаты котораго такъ тяжело приходится испытывать нашему времени, когда духовенству снова пришлось искать опоры въ приходахъ. Видно, въ чемъ было дѣло, когда при Петрѣ великомъ для поддержанія стариннаго права приходскихъ выборовъ понадобились особые указы, въ которыхъ и духовная и гражданская власти, какъ мы видѣли, старались искусственно придать этимъ выборамъ серьезное значеніе въ ставленическомъ дѣлопроизводствѣ, когда оказалось нужнымъ, чтобы поповскій староста или членъ духовнаго правленія лично спрашивалъ прихожанъ, угоденъ ли имъ ставленикъ, и долженъ былъ ручаться за подлинность подписей на заручныхъ спискахъ, когда ставленикъ при своемъ прошеніи на мѣсто могъ представить фальшивый выборъ, старался только какъ-нибудь получить рукоположеніе на мѣсто и не думалъ много о томъ, какъ прихожане его примутъ.

Само собой разумѣется, что возстановить живое значеніе приходскихъ выборовъ правительственными указами было весьма мудро, да и самые эти указы имѣли при этомъ въ виду не столько права приходскихъ общинъ, сколько устраненіе разныхъ злоупотребленій со стороны ставлениковъ и административные интересы епархіальной власти. Не нужно забывать, что XVIII вѣкъ былъ временемъ не развитія, а упадка общественныхъ силъ во всѣхъ сферахъ народной жизни, временемъ усиленнаго развитія правительственной регламентации и опеки надъ народною жизнью всякихъ, и крупныхъ и мелкихъ начальствъ, временемъ окончательнаго водворенія и быстрого распространенія крѣпостнаго права. Общественная жизнь замирала тогда во всѣхъ своихъ функціяхъ; что было прежде свободнымъ правомъ общинъ, то теперь получало характеръ обязанности, повинности; земскія влас-

ти замѣнялись приказными начальствами; общинные выборы вытѣснялись повсюду административными назначеніями и проч. Что касается частности извѣстных намъ указовъ о выборахъ членовъ клира приходскими жанами, то эти указы очевидно давали выборными спискамъ уже не то значеніе, какое они имѣли во времена свободнаго развитія приходской жизни, значеніе не прямо выраженнаго желанія приходской общины имѣть своимъ пастыремъ такого-то, а только простаго указанія на имѣющагося въ виду кандидата и засвидѣтельствованія его добрыхъ качествъ и годности къ священно-служительской должности съ предоставленіемъ настоящаго выбора самой епархіальной власти. Тогда какъ въ прежнее время судьба кандидата на церковное мѣсто главнымъ образомъ рѣшалась среди приходской общины, теперь она стала рѣшаться главнымъ образомъ при епархіальной кафедрѣ, принимавшей предварительныя дѣйствія прихожанъ только къ свидѣнію. Въмѣсто приходскаго избранія на первомъ планѣ въ ставленическомъ производствѣ становилось „разсужденіе епископа“, которое по мѣрѣ упадка общественной силы въ приходсахъ получало все большее и большее значеніе.

Самую прочную опору для развитія своего значенія въ этомъ случаѣ епархіальная власть получила въ новыхъ требованіяхъ отъ поступающихъ на священно-служительскія мѣста относительно извѣстнаго спеціальнаго образованія и подготовки къ священно-служительской должности. Мы уже видѣли, какую услугу епархіальной власти должны были оказать въ этомъ отношеніи вновь заводимыя повсюду архіерейскія школы. Законъ положительно опредѣлялъ не возводить на священно-служительскія степени неученыхъ поминъ ученыхъ, хотя бы и прихожане о нихъ были челомъ, а обучавшихся въ школахъ ставить на мѣста и безъ выбора прихожанъ. Правда, число учениковъ въ архіерейскихъ школахъ въ теченіе всей первой половины XVIII столѣтія было еще далеко недостаточно для

замѣненія ими всѣхъ священно-служительскихъ мѣстъ въ имперіи ⁽¹⁾; но требованія новаго времени, усилившія въ выборѣ кандидатовъ священства „разсужденіе епископале“, простирались и на тѣхъ кандидатовъ, которые не получили школьнаго образованія. Еще до заведенія епархіальныхъ школъ архіереямъ вѣльно было быть „опасными и жестокими“ въ испытанія ставленниковъ подѣ страхомъ за поставленіе малограмотнаго кандидата лишиться архіерейской кафедры ⁽²⁾. Требованіе строгаго испытанія ставленниковъ подѣ отвѣтственностію архіереевъ повторялось потомъ неоднократно въ Регламентѣ и послѣдующихъ указахъ Петра и его преемниковъ. Въ указѣ 15 марта 1737 г. читаемъ: „во священника и дьякона выбирать тѣхъ приходоу приходжанамъ всѣмъ необходимо и подавать объ нихъ выборы за руками, въ которыхъ писать имъ приходскимъ людямъ именно, что оные выбранные люди добры и безпорочны, грамотѣ умѣющіе“ и проч. по указу 1722 г.; „и по подаваніи тѣхъ выборовъ оныхъ выбранныхъ архіереямъ по обыкновенію слушать и свидѣтельствовать по правиламъ святымъ, и ежели по свидѣтельству ихъ архіерейскому неподозрительны будутъ, тогда велѣтъ имъ изучить книжицы о вѣрѣ и законѣ христіанскомъ... безъ изустнаго же изученія о вѣрѣ и законѣ христіанскомъ никого не посвящать, да и въ причетѣ церковный отнюдь произвожденія не чинить; и оное самимъ архіереямъ имѣть во всегдашней памяти со всеконечнымъ исполненіемъ подѣ немалымъ за то самихъ архіереевъ штрафованіемъ, аще отъ кого въ томъ противнымъ тому образомъ поступлено будетъ; чего ради при достоудномъ во священника и въ дьякона и въ причетѣ церковный о каждомъ произведеніи вышепрописанное все между прочимъ вно-

(1) Въ 1767 г. число учениковъ во всѣхъ духовныхъ школахъ простиралось всего только до 6,000. См. Ист. рос. іерарх. ч. 1, стр. 448.

(2) П. С. З. т. IV, № 2352 п. 8—9.

силь въ докладныя выноски точно“ (1). Въ 1739 г. встрѣчаемъ замѣчательный указъ, который долженъ былъ понизить значеніе приходскихъ выборовъ предъ разсужденіемъ епископлимъ больше всѣхъ прежнихъ указовъ. „Имѣеть Синодъ во всѣ епархіи къ архіереямъ послать Ея Императорскаго Величества указы, дабы приходскіе люди по сущей справедливости и такъ совѣстно, какъ они имѣють суду Божию предстать, выбирали къ приходской церкви на одно порозжее священническое или діаконское мѣсто по два или по три кандидата, и если отъ одной церкви выбрать толкаго числа нельзя, то и отъ другихъ ближнихъ приходовъ въ кандидаты дополнять, которыхъ самимъ архіереямъ свидѣтельствовать о разумѣ, о наученіи закона и о прилежаніи къ св. Писанію, и притомъ и о безпорочномъ его житіи, а потомъ чрезъ нѣкоторое довольное время, а именно не меньше 3-хъ мѣсяцевъ, всѣхъ оныхъ ставлениковъ имѣють архіереи, каждый при своемъ домѣ или въ ближнихъ градскихъ монастыряхъ содержать и пищую довольствовать, а между тѣмъ учительнымъ священникамъ велѣтъ обучать ихъ... и каждую недѣлю всѣхъ оныхъ имѣють архіереи экзаменовать, а между тѣмъ велѣтъ подмѣчать состояніе житія ихъ и поступковъ, кто изъ нихъ по достовѣрному свидѣтельству обрящется достойнѣ чина священства, и такихъ имѣють и посвящать“ (2). Ниоткуда впрочемъ не видно, что бы этотъ указъ когда-нибудь приводился въ исполненіе, да едвали и возможно было требовать отъ прихожанъ, чтобы они на каждое мѣсто выбирали непременно троихъ кандидатовъ.

Все болѣе и болѣе возраставшее недоувѣріе іерархіи къ приходскимъ выборамъ усиливало надъ ними контроль епархіальной власти. Не довольствуясь повѣркой ихъ посредствомъ строгаго испытанія ставлени-

(1) П. С. З. т. X, № 7204.

(2) Тамже, X, № 7734.

ковъ, разныхъ допросовъ, справокъ и другихъ формальностей ставленическаго дѣлопроизводства, епархіальная власть стремилась къ усиленію надзора надъ самой процедурой выборовъ. Кромѣ засвидѣтельствования о подлинности рукоприкладствъ на выборныхъ спискахъ и неизбѣнныя никакихъ препятствій къ производству ставленика, относящихся къ обстоятельствамъ вакантнаго мѣста (дѣйствительно ли оно праздно, штатное ли, обезпечено ли ругой, землей и т. п.), поповскій староста или членъ правленія, присутствовавшій на выборахъ, въ своемъ доношеніи долженъ былъ свидѣтельствовать еще о грамотности и достоинствѣ избраннаго и о томъ, что все производство о ставленикѣ чинено безъ всякаго пристрастія и лакомства⁽¹⁾. Полное опредѣленіе о порядкѣ приходскихъ выборовъ, имѣвшее силу до конца XVIII в., находимъ въ благочиннической инструкціи м. Платона⁽²⁾; въ ней опредѣлено, чтобы избраніе какъ въ священно-служители, такъ и въ церковно-служители къ приходской церкви происходило въ той церкви при благочинномъ и при собраніи мѣстныхъ священно-и-церковно-служителей и лучшихъ прихожанъ, „и по молитвѣ и по призваніи Божіей благодати избрать достойнаго таковыя должности, честнаго житіемъ и постепеннаго и предпочтительно изъ ученыхъ“. Благочинный долженъ былъ наблюдать при этомъ, чтобы избираемый на мѣсто былъ человѣкъ показанныхъ качествъ, а потомъ въ засвидѣтельствованіе того, что подписи прихожанъ подлинны и что избраніе происходило настоящимъ порядкомъ, долженъ былъ самъ подписаться подъ прошеніемъ объ опредѣленіи избраннаго на мѣсто. Если бы

⁽¹⁾ Ист. моск. епарх. управл. ч. II, кн. 1, стр. 69. кн. 2, стр. 29—31.

⁽²⁾ Инстр. 1775 г. п. 39—40. Одно изданіе этой самой инструкціи цитруется въ извѣстномъ сочиненіи г. Самарина: «Приходъ» (Москв. 1867 г. № 101), подъ названіемъ инструкціи 1806 г.

совершенно достойнаго кандидата при приходской церкви не оказалось, то избирать отъ другихъ церквей, или же отдавать на благоусмотрѣніе архіерейское.

Нельзя не обратить здѣсь особеннаго вниманія между прочимъ на то, какъ ограничевъ въ этой инструкціи самый составъ избирателей на приходскихъ выборахъ. Епархіальная власть уже не находила нужнымъ, чтобы избраніе производилось всемъ приходомъ, какъ это было прежде, когда приходъ составлялъ крѣпко сплоченную общину, гдѣ все члены были связаны общими религіозными интересами, какъ это было еще и въ описываемое время въ югозападной Россіи; оказывалось достаточнымъ, чтобы на выборахъ присутствовали только „лучшіе“ прихожане. Вслѣдствіе разлюженія общественной жизни и упадка самодѣятельности народныхъ общинъ подъ влияніемъ новаго государственнаго духа и развитія крѣпостнаго права, прихожане, за исключеніемъ изъ числа ихъ развѣ немногихъ богатыхъ и вліятельныхъ лицъ, а также помѣщиковъ въ сельскихъ приходсахъ, дѣйствительно обратились уже въ безгласную и безильную массу, которая не смѣла и думать о какомъ-нибудь рѣшительномъ заявленіи своего неудовольствія на распоряженія епархіальной власти. Въ случаѣ пренебреженія архіерея къ приходскому выбору прихожане большею частію тѣмъ только и могли выразить свое неудовольствіе, что уменьшали назначенному къ нимъ священно-служителю свои обычныя даянія, преслѣдовали его ссорами, придирками и другими заявленіями нерасположенія, которыя были чувствительны вовсе не тому, кому слѣдовало. Открытый протестъ противъ самой епархіальной власти не могъ имѣть никакого успѣха, потому что послѣдняя въ подтвержденіе своихъ властныхъ распоряженій всегда имѣла возможность представить твердыя законныя основанія и даже преслѣдовать своихъ противниковъ, какъ явныхъ противниковъ высочайшихъ указовъ.

Представимъ въ образчикъ одинъ случай такого столкновѣнія прихожанъ съ епархіальною властію, бывшій въ царствованіе имп. Елизаветы въ Москвѣ. Въ 1753 г. студентъ московской академіи Алексѣй Некрасовъ подалъ прошеніе во дьяконы къ Преображенской церкви, что въ Наливкахъ. Кандидатъ былъ безспорный, нужно было только добыть ему заручный выборъ прихожанъ; но тутъ-то и случилось препятствіе. Одинъ изъ приходскихъ тузовъ, купецъ Сергѣй Васильевъ Азбукинъ, имѣвшій старательство о приходской церкви, склонилъ всѣхъ прихожанъ дать заручную церковнику горлану китайскаго сорока церкви великом. Параскевы, о чемъ мѣстный священникъ и объявилъ Некрасову еще до прихода его въ церковь на обычное испытаніе въ чтеніи и пѣніи за богослуженіемъ предъ прихожанами. Вполнѣ увѣренный въ своихъ правахъ, Некрасовъ все-таки явился въ церковь; но „когда, доносилъ онъ потомъ тогдашнему архіепископу Платону Малиновскому, по отпустѣ божественной литургіи купцу Азбукину священникъ сказалъ, что онъ Некрасовъ студентъ богословія и хочетъ къ нимъ во дьяконы, то Азбукинъ сказалъ: „я де плюю на богословію, и что намъ есть отъ богословія? Въ другой разъ, въ чтеніе часовъ, тотъ купецъ Азбукинъ, подошедши къ нему Некрасову, съ безчестіемъ и студомъ немалымъ сослалъ его съ клироса, и онъ взятъ былъ священникомъ въ алтарь; а когда по окончаніи литургіи священникъ началъ говорить Азбукину и прочимъ прихожанамъ, что онъ Некрасовъ человекъ состоянія добраго, во дьяконахъ во оной церкви быть угоденъ и св. Синодъ, по указу государя Петра I, опредѣляетъ ихъ не токмо къ приходскимъ, но и соборнымъ церквамъ на мѣста священническія и дьяконскія, тогда онъ Азбукинъ и прочіе его партизаны, всячески ноношающе, говорили, что имъ школьниковъ отнюдь не надобно, и пусть школьники идутъ въ села и учатъ тамо деревенскихъ мужиковъ, а московскіе жители до нихъ де еще переучены, да и лучше ихъ; и ежели

школьникъ впродъ придетъ въ ихъ церковь, они генеральное опредѣленіе положили — метлой изъ церкви выгнать“. Между тѣмъ архіепископъ Платонъ уже общалъ Некрасову мѣсто и посылалъ его за выборомъ единственно для соблюденія необходимыхъ формальностей. Упорство Азбукина его обидѣло. Удостоверившись въ справедливости донесенія Некрасова чрезъ допросъ священника, онъ далъ резолюцію: „Азбукина, сыскавъ въ консисторію и объявивъ ему Регламентъ Духовный о студентахъ, допросить: для чего онъ противится именному указу государеву, и для чего мужикъ простой, безстудный, въ церковное дѣло вступаетъ“? Въ виду такой опасной постановки дѣла Азбукинъ загородился было своей подвѣдомственностью магистрату; но когда и магистратъ не могъ спасти его отъ консисторіи, прибѣгнувъ, какъ къ послѣднему средству, къ заперательству. Консисторія прочитала ему указъ Петра о студентахъ, взяла съ него поднису въ слышаніи и утвердила мѣсто за Некрасовымъ ⁽¹⁾.

При такихъ неравныхъ шансахъ борьба приходъ съ епархіальною властью за выборный порядокъ въ замѣщеніи церковныхъ должностей была, разумѣется, невозможна. Предъ сановитыми и сильными владыками великорусскихъ епархій оказывались слишкомъ слабыми и мелкими не только простые члены сельскихъ и городскихъ приходъ, но даже большинство дворянъ помѣщиковъ. Не то видимъ въ югозападной Россіи. Новая централизаціонныя начала здѣсь только лишь вводились, и вводились медленно, систематически, начиная съ самыхъ верхнихъ слоевъ южно-русской вольнонародной жизни, и долго не добирались до низменныхъ народныхъ громадъ. Въ то время, какъ въ этихъ верхнихъ слояхъ послѣ измѣны Мазепы рѣшался тревожный вопросъ объ избраніи гетмана воль-

(1) Ист. моск. еп. упр. ч. II, кн. 1, прилѣч. 123.

ными голосами и существованіи самой гетманщины, а въ церковной жизни, послѣ смерти м. Іосифа Кроковскаго и перевода въ Тобольскъ черниговскаго архіепископа Антонія Стаховскаго, вошло въ обычай назначать новыхъ іерарховъ административнымъ порядкомъ изъ св. Синода и безъ вѣдома епархій,—народныя громады еще удерживали за собой воѣ свои старыя выборы и, пользуясь еще не тронутою силою стародавнихъ звычаевъ, при случаѣ имѣли возможность давать серьезный отпоръ новымъ порядкамъ, производившимъ давленіе сверху. Въ замѣщеніи священнослужительскихъ вакансій вольное избраніе парохіянъ имѣло еще такую обязательную силу, предъ которой епархіальная власть часто должна была уступать вопреки собственному своему усмотрѣнію и убѣжденію. Въ случаѣ столкновенія съ приходскими громадами епархіальная власть не могла опереться здѣсь даже на свои школы, по крайней мѣрѣ съ такимъ успѣхомъ, какъ въ Великороссіи. Несмотря на давность существованія духовныхъ школъ, несмотря на сравнительно большее распространеніе здѣсь школьнаго образованія, чѣмъ въ Великороссіи, бѣлое духовенство имѣло въ своихъ рядахъ крайне малое число школьныхъ ученыхъ, потому что и академія, и коллегіумъ, и переяславская семинарія были заведенія открытыя, принимали и выпускали большинство свѣтскихъ воспитанниковъ, поступавшихъ по окончаніи наукъ не въ духовную службу, а въ козаки, мѣщане и проч., за тѣмъ немногіе кончившіе курсъ духовные воспитанники болѣею частію шли въ монахи и расходились по учительскимъ и начальственнымъ должностямъ въ разныхъ семинаріяхъ и по многочисленнымъ доходнымъ и почетнымъ мѣстамъ при архіерейскихъ кафедрахъ, такъ что на долю бѣлаго духовенства оставались одни исключенные и недоучившіеся школяры, которые рѣдко доходили выше синтаксиса и извѣстны были подъ именемъ латынниковъ. Въ самомъ Кіевѣ и притомъ въ половинѣ уже XVIII в. священникъ считалъ себя въ

правѣ обижаться за то, что ему не давали „авангажа предъ прочими“, тогда какъ онъ „достигнулъ даже до философіи“. Въ остальной массѣ бѣлаго духовенства господствовало образованіе дьяковскихъ школъ, такъ называемое псалтирничество. Архіереи старались выдвигать напередъ своихъ латынниковъ, прилагая къ нимъ извѣстные указы о студентахъ и считая ихъ поэтому лучшими кандидатами на священно-служительскія мѣста, чѣмъ псалтирники; сами латынники презирали псалтирниковъ, называя ихъ „громадскими наймытами“ и величаясь своею собственною независимостью отъ громадскаго выбора. Но какъ ни рѣдки были эти „мужики учительные“, какъ они ни гордились своею ученостію и какъ ни стояли за нихъ епархіальныя власти, имъ весьма трудно было конкурировать съ псалтирниками. Ни духовенство, ни тѣмъ болѣе громады никакъ не могли понять, для чего будущему пароху нужно знать латынскія склоненія и синтаксисъ; да и не одни простые люди не уважали ихъ учености,—объ нихъ съ желчью и сарказмомъ отзывался наприм. даже такой знаменитый поборникъ науки, какъ Теофанъ Прокоповичъ, называя ихъ „школяриками, латинною губы помазавшими“, а ученіе ихъ „привидѣннымъ и мечтательнымъ“, отъ котораго „вкусившіи чловѣцы глупѣйшіи бываютъ неученыхъ, ибо, весьма темны суще, мнятъ себе быти совершенны“. Вся латынь ихъ не простиралась далѣе частаго употребленія словъ: *reverendissime, honestissime pater et frater, dominus, amicus, stultus, asinus, vale, salve* и проч. А между тѣмъ отъ гордости и чванства ихъ не было никому житья. На мѣстѣ они постоянно сутяжничали, заводили ссоры и тяжбы, жаловались на оскорбленіе своей чести и требовали сатисфакціи. Прихожане иногда формально просили архіерея, чтобы онъ далъ имъ въ священники чловѣка простаго, а не латынника, потому что латынники не спокойно живутъ (!).

(!) Рук. для с. паст. 1864 № 46. «Очерки быта малор. дух.».

Понятно, какъ трудно было при такихъ обстоятельствахъ архіереямъ отстаивать своихъ школяровъ передъ громадами, тѣмъ болѣе, что и указы о мужахъ учительныхъ здѣсь не были такъ сильны, какъ въ Великороссіи, да кромѣ того трудно было еще доказать, кто былъ больше подготовленъ къ священнослужительству, псалтырникъ ли, знавшій обыкновенно хорошо и чтеніе и пѣніе и церковный уставъ, или латынникъ, зазубрившій только латинскія флексіи и нѣсколько вокабулъ и большею частію вовсе незнакомый съ дьяковскою мудростію.

Между южнорусскими архіереями сдѣлался особенно извѣстенъ своей борьбой съ парохіанами Иродіонъ Жураковскій, архіепископъ черниговскій, который одинъ изъ первыхъ началъ приводить въ исполненіе новыя постановленія о посвященіи ставлениковъ. Вскорѣ же послѣ вступленія своего на кафедру (1722 г.) онъ разослалъ по своей епархіи окружную грамоту, въ которой въ качествѣ необходимаго условія для всѣхъ, ищущихъ церковныхъ должностей, выставилъ извѣстное образованіе, при чемъ обратилъ вниманіе не на однихъ только священнослужителей, но и на дьяковъ, и требовалъ отъ своихъ духовныхъ управителей, чтобы они никакъ не дозволяли опредѣлять на парохіи дьяковъ, не испытавъ ихъ предварительно сами въ чтеніи и пѣніи и не удостовѣрившись въ ихъ доброй жизни. Своими энергическими распоряженіями, которыя онъ приводилъ въ исполненіе со всей горячностію и неуступчивостію своего характера, онъ скоро возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе разныхъ вліятельныхъ людей и открытыя возстанія громадъ, такъ что въ 1729 г. долженъ былъ обратиться съ жалобой къ гетману. Въ мглинскомъ намѣстничествѣ въ стародубскомъ полку, писалъ онъ въ этой жалобѣ, священники дошли до того, что за нечастымъ въ церкви служеніемъ и читать разучились, кромѣ того отличались сутяжничествомъ, суевѣріемъ и разными злодѣяніями; для исправленія зла „такое средство

избрахомъ, да впредь отъ рода мглинскаго отъ колѣна поповскаго и общаго мырскаго не будутъ презвитеры, но учащихся въ коллегіяхъ людей удостоивати къ церквамъ мглинскимъ сана“, на основаніи Д. Регламента. Порѣшивъ такимъ образомъ, онъ рукоположилъ къ одной изъ мглинскихъ церквей философскаго ученія добре навывшаго Іоанна Якимовича и далъ ему ставленую грамоту. Явившись на мѣсто, Якимовичъ потребовалъ у парохіянъ церковныхъ ключей, чтобы явить въ церкви свою ставленую грамоту. Но парохіяне такъ разсердились на присылку къ нимъ пароха безъ ихъ выбора, что ни грамоты слушать не хотѣли, ни въ церковь его не пустили. Якимовичъ отправился читать грамоту въ другую церковь, но его парохіяне, узнавъ объ этомъ, и тамъ произвели противъ него манифестацію: „по обыкновенію ихъ мглинцанъ лисовому, аки вепри, возготоша, рекуще, яко весьма Якимовича священникомъ мати соби не хошуть, кромѣ отъ ихъ ядовитого роду ни якійсь изъ выпомынныхъ дывыхъ звирій“. Якимовичъ былъ прогнанъ. Описавъ эти обстоятельства, Иродіонъ представлялъ гетману, что такое своеволие парохіянъ, преслушаніе архипастырской власти и пренебреженіе Д. Регламента, высочайше утвержденнаго, требуютъ полнаго вниманія и его гетманской свѣтской власти, и просилъ принять его донесеніе за протестъ, грозясь въ противномъ случаѣ, „аще оныи и подобны имъ преуспѣваты муть, на побиду таковыхъ поизыскати оружіе письменно“. Дѣло было такого рода, что изъ-за него можно было раздражить все посольство, особенно пановъ старшину и разныхъ владѣльцевъ, которые крѣпко держались за право приходскихъ выборовъ,— и гетманъ не рѣшился принять въ немъ участія. Ревностный архипастырь не ослабѣвалъ въ своей настойчивости. Въ концѣ тогоже года онъ разослалъ по епархіи грамоту, въ которой объявлялъ, что не приготовленные къ священству надлежащимъ образомъ не будутъ удостоиваемы посвященія ни по какимъ прось-

бамъ. Грамата эта особенно любопытна по изображенію практики выборнаго права и ея, надобно сказать, очень крупныхъ злоупотребленій. „Въ домъ нашъ архіерейскій присылаются з презентами или рещи з свидѣтельствами отъ владѣльцевъ и парохіянъ, дающими отъ нихъ то за искупъ, то за утаенье церковныхъ доходовъ, то за удоволеніе парохіянъ, иныхъ напоемъ, а иныхъ же дачею хлѣба и прочимъ подалянемъ требуемымъ, еднакъ не изученные добре чтенія книгъ и разумѣнья; которые затѣмъ, что не удостоиваются священства, владѣльцы и парохіяне ропщуть и, щось непотребное въ умѣ своемъ вмѣшая, на насъ архіерея клеветцуть, а за иными аколитами, и священства удостоенными, показались правильныя вины, и владѣльцамъ или парохіянамъ они въ тѣхъ винахъ свѣдомы были... Зъ долгу нашего пастырского благіе между паствою устроувати порядки всеусердье желаючи, судили мы архіерей до пречестностей вашихъ симъ предварить универсаломъ, чрезъ которій виѣти хотимъ, абы хто ни есть желатель священства, а барзѣи з дѣтей священническихъ, во всякой возможности прилагали тщанія обучатися въ коллегіумѣ нашемъ знанія вѣры и всѣхъ догматовъ утвержденныхъ церковныхъ, чимъ бы возмогли удостоити себе священства и управленія паствою: ибо если, таковыя желатели въ обученіи ся занежаютъ тщательства и усерднаго радѣнія, то желанія своего отнюдь лишатся и священства удостоени не будутъ, но трудящіеся въ коллегіумѣ и ученіемъ себе изнурящіи, по силѣ Д. Регламентъ, и мимо наслѣдниковъ поставляемы будутъ во презвитеры. За яковыми аколитами впредь владѣльцы и парохіяне писаты мѣють презенты къ намъ архіерею, за подписомъ рукъ сообщали бы сказки, что тотъ, котораго они желаютъ священникомъ, жаднаго подозрѣнія, возбраняющаго священство, за собою не имѣеть, мужъ трезвень, благоговѣиъ, разсудителемъ, чтенія искусенъ и разумѣнія писанія книгъ и всякихъ церковныхъ преданій доволенъ; аще же вы и послѣ

что доведется, то мѣсто (вмѣсто) аколита, чему бы онъ подлежалъ, тое презентователи на себѣ понести будутъ повинни“. Иродіонъ не достигъ своей цѣли. Отстаивая церковные интересы противъ старыхъ обычаевъ и вмѣшательства въ церковныя дѣла мірскихъ людей, онъ вошелъ въ столкновение съ козацкой старшиной, самимъ гетманомъ и разными сильными людьми своей епархіи, и не устоялъ въ неравной борьбѣ. Въ 1734 г., по жалобамъ на него въ Петербургъ, онъ лишень кафедры и удаленъ въ Межигорскій монастырь ⁽¹⁾.

Замѣчательно, что сторону его враговъ приняло само правительство Анны Іоанновны, несмотря на то, что постоянно выставляло въ указахъ свою ревность къ просвѣщенію духовенства и нѣсколько разъ повторяло распоряженіе Петра о поставленіи ученыхъ священниковъ помимо приходскихъ выборовъ. По поводу жалобъ изъ Чернигова и изъ другихъ малороссійскихъ епархій, гдѣ примѣръ Жураковского вѣроятно нашель себѣ подражателей, 24 апрѣля 1735 г. вышелъ именно указъ: „понеже извѣстно намъ учинилось, что въ Малой Россіи архіереи въ своихъ епархіяхъ по своей волѣ и соизволенію, подъ образомъ учительныхъ людей, въ города и села владѣльческія, безъ согласія старшинъ и владѣльцевъ и прихожанъ, насильно поповъ и дьяконовъ опредѣляютъ, и тако тѣ попы и дьяконы, презирая въ городахъ старшину, а въ селахъ владѣльцевъ и не исправляя надлежащаго духовнаго дѣла, вступаютъ въ споры не токмо съ прихожанами, но и съ самими старшинами и владѣльцами, а иные многіе безъ вѣдома владѣльцевъ покупаютъ казачьи грунты и оными владѣютъ и корысчуются, отъ чего казачьей службы есть умаленіе не малое“ и проч. „Того ради указали мы нашему Синоду въ М. Россіи къ кievскому, черниговскому и переяславскому архіереямъ

(1) О дѣятельности Иродіона см. въ Труд. кievск. акад. 1860 г. ч. II: «Черниговскіе іерархи», стр. 247—251.

послать наши указы, чтобы они, по силѣ Д. Регламента, въ города и села безъ согласія прихожанъ поповъ и дьяконовъ насильно не насылали* (*). Какъ ни недобросовѣстно приведена въ указѣ справка по Регламенту, но указъ все-таки былъ высочайшій, послѣ котораго парохіи еще сильнѣе могли давать отпоръ архіереямъ, а послѣдніе должны были осторожнѣе стоять за своихъ латынниковъ и свое усмотрѣніе.

Въ царствованіе имп. Елизаветы борьба архіереевъ съ парохіями возникла съ новою силою. Въ это время особенно извѣстенъ ею сдѣлался бѣлогородскій святитель Іоасафъ Горленко (1748 — 1754), бывшій въ свое время ревностнѣйшимъ поборникомъ духовнаго образованія. Требуя, чтобы на приходы поступали только образованные кандидаты, онъ сильно преслѣдовалъ невѣжество какъ громадскихъ избранниковъ, такъ и наслѣдниковъ, уповавшихъ на одни только свои наслѣдственныя права, и отсылалъ назадъ всѣхъ ставленниковъ, которые не выдерживали его экзамена. Едвали не первый изъ милороссійскихъ архіереевъ онъ обратилъ вниманіе даже на наемныхъ дьяковъ и сталъ требовать, чтобы они опредѣлялись къ церквамъ не иначе, какъ на постоянную штатную службу, и ѣздили въ каѳедру для посвященія въ стихарь; вмѣстѣ съ этимъ онъ старался освободить ихъ, какъ служителей церкви, отъ каприза пановъ и громадъ, которые привыкли видѣть въ нихъ своихъ слугъ и какъ произвольно принимали ихъ къ церквамъ, такъ произвольно же и прогоняли ихъ. Съ однимъ управляющимъ, который избилъ и прогналъ дьяка изъ прихода, Іоасафъ началъ серьезное дѣло, требуя, чтобы обидчикъ далъ обиженному надлежащее удовлетвореніе, и грозясь въ противномъ случаѣ запечатать церковь (*).

Въ Бѣлгородѣ преосв. Іоасафъ раотвалъ за воспитанниковъ коллегіума; въ Кіевѣ знаменитый покро-

(*) П. С. З. IX, № 6724.

(*) Описан. харьк. епархіи. вып. I, стр. 14—15. 19—20.

витель академіи м. Рафаиль Заборовскій, въ честь котораго академія присоединила къ своему названію— Могилинской еще названіе Заборовской, старался передъ всѣми искателями священства выдвигать воспитанниковъ своей академіи. Но и митрополитъ имѣлъ не болѣе власти надъ парохіями, чѣмъ другіе малороссійскіе архіереи. Прихожане нерѣдко противились и его распоряженіямъ при назначеніи священниковъ къ приходамъ. Вотъ наприм. какое донесеніе написалъ м. Рафаилу одинъ посвященный имъ новый священникъ Петръ Галѣцкій. По прїѣздѣ своемъ въ парохію изъ каеэдры, писалъ онъ, я „приготовилъ себя по обычаю священническому къ священнодѣйствию и сталъ на проскомидіи, намѣстника же комищанскаго (села Комища) Іоанна Завадовскаго пресиль, дабы данную мнѣ нижайшому отъ ясне въ Богу преосвященства вашего грамоту въ слухъ парохіянѣмъ по литургіи прочель, къ какой церквѣ вышпомянутый намѣстникъ І. Завадовскій съ другимъ священникомъ соборной комищанской церкви Демянѣмъ Андреевымъ и прійшоль, и уже въ ту пору часы читались; и стали въ притворѣ олтарномъ; а вышпозначенной церкви прихожане Яковъ Махота да Стефанъ Воловикъ, прежде прибытія моего съ Кіева въ домъ, фастали меня нижайшаго въ церковь не пустить и ключи церковніе до себя отобрать, что и учинилося; пришедши въ церковь, помянутой Як. Махота, и по своему легкомыслию и запальчивости вбѣжалъ въ олтарь и сталъ шумѣть, не боясь Бога и страшнаго Его суда, въ олтарѣ божественномъ, яко не подобаетъ мірскому и входитъ въ олтарь, и другого половиннаго настоятеля іерея Романа Семенова, вѣкарія Іоанна Завадовскаго, богомерзкими словами бранить, что не объявилъ ему Махотѣ, что я буду священнодѣйствовать; и услышавши такой вопль, вышпомянутой намѣстникъ увойшоль въ олтарь и сталъ оному Махотѣ воспящать шумѣть, то онъ Махота, оставя вѣкарія, сталъ намѣстника многими непристойными и скверными словами бранить; когда

же окончилась литургія, то помянутый намѣстникъ грамоту мою ставленую въ слухъ парохіяномъ прочиталь, и всѣ парохіяне, яко довольны будучи мною, ни единого худого слова не сказали... только онъ Махота яростно, изновъ убѣжавши въ олтарь, сталъ шумѣть и бранить неподобными словами какъ намѣстника, такъ и вѣкарія за вышеизображенную причину, и ключи церковніе по выходѣ моемъ съ церкви узялъ и держаль у себя три дня... и нынѣ мнѣ вижайшому немалое озлобленіе и обиду помянутый Махота, не допуская къ священнодѣйствию, дѣлаеть“ (1). Такъ много затрудненій новому священнику могъ причинить и одинъ сильный членъ приходской громады, несогласный на его опредѣленіе. Даже во второй половинѣ XVIII столѣтія м. Арсеній Могилянскій въ 1768 г. доносилъ св. Синоду, что прихожане и владѣльцы съ крикомъ и бранью прогоняють священниковъ, которыхъ онъ назначалъ въ приходы отъ себя, минуя кандидатовъ, избранныхъ прихожанами, по ихъ негодности къ священному сану (2). При разложеніи выборнаго начала въ приходахъ, въ предчувствіи близкаго конца своей силы, прихожане какъ будто сдѣлались еще притязательнѣе и безпокойнѣе, чѣмъ прежде, во время спокойнаго обладанія своими правами. Притомъ же въ половинѣ XVIII в., когда Малороссія успѣла уже успокоиться отъ прежнихъ религіозныхъ тревогъ, когда прежнее напряженіе народныхъ силъ въ защиту православія оказывалось ненужнымъ, народныя громады естественно уже теряли тѣ высокія цѣли, которыя придавали ихъ участію въ церковныхъ дѣлахъ такое громадное значеніе. Среди спокойнаго теченія церковной жизни іерархія въ устроеніи церковныхъ дѣлъ смѣло полагадась на одни собственныя силы, не нуждаясь при этомъ въ участіи и помощи народа; прежніе высо-

(1) Рук. для сел. паст. 1862 г. № 32.

(2) Рук. для сел. паст. 1861 г. № 51.

кіе інтереси приходскихъ громадъ пропадали и смѣнялись интересами мелкими, переходившими иногда въ одно только стремленіе показать себя.

Отрипая право приходскихъ выборовъ при обычномъ порядкѣ церковной жизни, іерархія однако и теперь продолжала опираться на него въ тѣхъ мѣстностяхъ юго-западной Россіи и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ безъ народной силы и ревности къ православію нельзя было обойтись по прежнему. Вотъ одинъ эпизодъ въ этомъ родѣ изъ исторіи нашей заднѣпровской украины.

Въ 1766 г. въ заднѣпровской украинѣ, страдавшей отъ фанатизма Польши и почти цѣликомъ уже повороченной на унию, возникло сильное движеніе въ пользу православной Церкви. Іерархическая власть, представителями которой въ этомъ краѣ были переяславскій епископъ Гервасій и мотронинскій игуменъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій, съ самаго же начала предоставила весь ходъ этого движенія инициативѣ и дѣятельности самихъ приходскихъ общинъ, помогая имъ только своимъ ходатайствомъ предъ польскимъ правительствомъ о возстановленіи старинныхъ правъ православія и своими руководительными грамотами, въ которыхъ старалась устранить всякій начальственный тонъ. Въ приходяхъ началась самая оживленная дѣятельность, напоминая XVI и XVII вѣка, время самой сильной борьбы народа за православіе. Члены громадъ сходились около своихъ церквей и предъ св. иконою или крестомъ торжественно отрекались отъ униі, за тѣмъ шли въ Мотронинскій монастырь, гдѣ письменно заявляли готовность присоединиться къ православію и приписывались къ переяславской епархії. Право приходскихъ выборовъ оказывало теперь величайшую услугу Церкви; громады отказывали своимъ униатскимъ попамъ отъ мѣста, отбирали отъ нихъ церковные ключи и искали себѣ другихъ, православныхъ пароховъ. Въ виду этихъ рѣшительныхъ мѣръ униатское духовенство почти все обращалось къ православію. Изъ 50 приходовъ только въ трехъ священники

остались въ униі, — въ томъ числѣ въ мѣст. Млiевѣ двое сыновей униатскаго протопопа Аѳанасія Гдишицкаго, одного изъ злѣйшихъ враговъ православія, но и тѣ скоро изъявили желаніе обратиться въ православіе. Епископъ Гervasій всѣхъ принималъ въ свою епархію съ распростертыми объятіями и былъ необыкновенно радъ обращенію столькихъ духовныхъ лицъ почти въ одно время, но само собой понятно, что на радостяхъ онъ не могъ быть очень разборчивымъ въ раздачѣ своихъ усыновительныхъ грамотъ. Приходскія громады оказались въ этомъ отношеніи гораздо строже своего епископа. Въ мартѣ 1766 г. млiевцы двухъ приходоу, троицкаго и успенскаго, въ которыхъ настоятелями были братья Гдишицкіе, Ѳеодоръ и Андрей, подали Гervasію прошенія о томъ, чтобы на мѣсто ихъ старыхъ пароховъ онъ опредѣлилъ новыхъ, выбранныхъ еамими прихожанами, Григорія Шиленка и Григорія Хомянскаго. Гervasій исполнилъ просьбу и оставилъ присланныхъ къ нему кандидатовъ при кафедрѣ для обученія и посвященія. Очутившись безъ мѣста, братья Гдишицкіе сами обратились въ православіе и удержали приходы за собою; но парохіане не повѣрили имъ и продолжали настаивать на ихъ смѣнѣ. Троицкій приходъ подаль Гervasію новое прошеніе, въ которомъ, описавши, какъ ихъ настоятель Ѳеодоръ Гдишицкій по грамотѣ изъ Мотронинскаго монастыря почти силой удержалъ приходъ въ своей власти, объявляли: „нынѣ же мы нижайшіи вси обще его духовнымъ отцемъ имѣть не желаемъ, а мы нижайшіе доразумѣваемся, что онъ съ братомъ своимъ, не по благочестію ревнуя, но чтобы не потерять своихъ приходоу, яко съ нихъ довольное число нажали имущества, ко благочестію присоединилися, а притомъ и сего сумняися, чтобы онъ со временемъ лестію како насъ нижайшихъ не завелъ опять въ проклятое римское инославіе“. Въ успенскомъ приходѣ другаго брата Гдишицкаго парохіане вовсе не хотѣли допустить къ служенію, несмотря на то, что онъ имѣлъ на то гра-

жату изъ Мотровинскаго монастыря, и приняли его только на двѣ службы въ в. субботу и въ пасху, и то по особенному убѣжденію отъ чигиринскаго духовнаго правленія. „Болѣе же мы, нижайшіе, писали они Гервасію, чтобы онъ въ нашей церкви священнодѣйствіе имѣлъ, не желаемъ, а понеже мы подлинно вѣдаемъ, что онъ не по ревности благочестія, но чтобы не потерять своего прихода присягу учинилъ о присоединеніи себе въ благочестіе... ибо и отецъ ихъ, нынѣшній смѣлянскій протопопъ Аванасій Гдишицкій, и нынѣ на благочестіе не приставалъ, а унѣатскою релігіе ревностно придерживается, на благочестивія же церкви тамо въ заграничныхъ мѣстечкахъ, а паче предъ симъ кои надлежали до его вѣдомства, яко то и наши мѣлевскія обѣ церкви, неописанный гонитель, съ чего же надѣется можно, что и сыновья его къ тому же подражатели“. Въ заключеніе успенскіе прихожане просили архіерея непременно опредѣлить къ нимъ избраннаго ими Хоминскаго: „бо есть кротокъ и молчаливъ и склонній до всякихъ людей, а Гдишицкій есть гордый и сварливый, не такъ барзе ся сварить, якъ на битву ласій, предто мы его не хоцемо подъ клятвою нашею всѣхъ насъ“. Отзвы парохіянъ о Гдишицкихъ скоро оправдались на самомъ дѣлѣ, когда въ томъ же году въ іюнѣ снова началось до украинѣ преслѣдованіе православія съ помощію вступившихъ въ нее военныхъ отрядовъ и когда Гдишицкіе, снова явившись злѣйшими уніатами, принялись вымещать всѣ свои обиды на млевцахъ (1).

Въ 1770 г. кievскимъ митрополитомъ сдѣлался Гавріиль Кременецкій, переведенный въ Кіевъ изъ Петербурга съ оставленіемъ за нимъ званія синодальнаго члена. Это былъ первый членъ св. Синода между малоросійскими архіереями и первый началъ вводить въ Малороссіи всѣ великорусскіе порядки, доселѣ имѣв-

(1) Кіевск. еп. вѣдом. 1864 № 11: «Къ дѣлу о совѣнжнмъ Дан. Кушшира».

ше здѣсь силу только отрывочно и по частямъ. При немъ же, съ 1778 г. началось преобразование и южно-русскихъ приходоѵ; оно продолжалось неуклонно и при его преемникѣ Самуилѣ Миславскомъ до самаго 1786 г., когда завершено было введеніемъ повсюду Екатерининскихъ штатовъ ⁽¹⁾.

Въ Великороссіи къ этому времени оставались уже только едва замѣтные слѣды старинныхъ приходскихъ выборовъ. Церковныя мѣста, какъ священнослужительскія, такъ и причетническія, все находились въ распоряженіи епархіальныхъ властей. Постоянные разборы церковниковъ и духовныхъ дѣтей и все болѣе и болѣе развивавшаяся наслѣдственность духовнаго званія повели къ совершенному уничтоженію вольнонаемнаго причетничества, такъ что причетникъ не иначе могъ поступить на мѣсто къ приходской церкви, какъ по указу консисторіи и послѣ обычной процедуры ставленическаго производства, болѣею частію даже послѣ посвященія въ стихарь. Такой порядокъ замѣщенія церковно-служительскихъ мѣстъ духовное начальство старалось ввести даже въ козацкихъ приходдахъ на Дону, гдѣ церковники почти все были изъ козаковъ и опредѣлялись на должности по распоряженію козацкихъ военныхъ начальствъ. Жалобы епархіальной власти на своевольное вмѣшательство козаковъ въ церковныя дѣла раздавались оттуда еще въ 40-хъ годахъ XVIII столѣтія. Считая себя „во всемъ отъ прочихъ отлѣнными“, донскіе приходы не допускали у себя никакихъ перемѣнъ, отказывались отъ обычной отчетности предъ епархіальной администраціей, не подавали приходскихъ вѣдомостей, не позволяли у себя даже переписи духовенства. Въ двухъ доношеніяхъ св. Синоду отъ 22 іюня и 6 іюля 1762 г. воронежскій архіерей Іоанникій жаловался, что по внушенію козацкихъ начальствъ мѣстные заикаши вовсе не хотятъ слушаться его архіерея, козацкія

(1) Опис. кіевософ. соб. и П. С. З. ХХІІ, № 16175. 16375.

вольныя команды „не только въ причетъ церковный аттестуютъ, но по своему разсмотрѣнію и въ причетники сами опредѣляютъ и прямо въ церковныя дѣла вступаютъ и грамоты причетническія отъ себя даютъ за своими войсковыми печатями“, наказный атаманъ Иловайскій даже письменно и съ немалымъ нареканіемъ требовалъ, чтобы архіерейничѣвъ не касался дѣтей духовенства и церковныхъ причетниковъ, потому что всѣ они состоятъ въ козацкомъ званіи, каковыми требованіемъ означенный Иловайскій священно-и-церковно-служителей отъ команды архіерейской отлучаетъ и проч. Спустя 3 года послѣ этого св. Синодъ получилъ новое доношеніе такого же содержанія отъ преосв. Тихона воронежскаго: „оное де войско и нынѣ, самовольно властвуя, въ духовныя дѣла вступаетъ же, въ церкви въ дьячки и пономари опредѣляетъ и грамоты даетъ, съ каковыми де грамотами нынѣ по свидѣтельству въ г. Черкасскѣ, въ черкасскомъ, медвѣдцкомъ и хоперскомъ заказахъ, при церквахъ нашлось дѣйствительно: опредѣленныхъ изъ священно-служительскихъ дѣтей и козаковъ 58 человекъ, а посвященныхъ въ стихарь, съ даяными отъ архіерея грамотами, собою отрѣшаетъ и въ козаки записываетъ“. Указомъ 1765 г. св. Синодъ распорядился, чтобы всѣ церковники въ войскѣ донскомъ опредѣлялись къ мѣстамъ по указу архіерея, а не военныхъ командъ (1).

Священно-служительскія мѣста, разумѣется, еще болѣе зависѣли отъ распоряженій епархіальной власти. Съ развитіемъ духовнаго образованія единственными кандидатами на нихъ сдѣлались воспитанники семинарій—эти *свои* кандидаты архіереевъ, опиравшіеся въ своихъ прошеніяхъ на мѣста уже не на выборъ прихожанъ, а на свои школьные труды и заслуги. Въ епархіяхъ вошло въ постоянное правило при раздачѣ

(1) П. С. З. XVII, № 12451.

мѣсть сообразоваться съ школьными успѣхами кандидатовъ; наприм. въ московской епархіи священническія мѣста давались преимущественно богословамъ, дьяконскія философамъ и т. д. Рекомендаціи и аттестаты семинарскихъ начальствъ стали выше всякихъ выборовъ и просьбъ прихожанъ. Вошло въ обычай, по крайней мѣрѣ въ главныхъ центрахъ духовнаго образованія, чтобы въ случаѣ открытія вакантныхъ мѣсть при церквахъ консисторіи доставляли въ семинаріи списки этихъ мѣсть съ запросомъ, не пожелаетъ ли занять ихъ кто-нибудь изъ учениковъ. Такіе списки и запросы присылались наприм. въ московскую академію и троицкую семинарію изъ московской, переяславской, калужской и суздальской консисторій⁽¹⁾. Во всѣхъ семинаріяхъ было всегда множество учениковъ, за которыми задолго до окончанія ихъ курса были зачислены разныя мѣста, и притомъ не потому, чтобы они были наслѣдниками этихъ мѣсть, а просто потому, что хорошо учились; мѣста эти даже переменялись за ними; если ученикъ, имѣвшій за собой мѣсто несовсѣмъ хорошее, оказывалъ большіе успѣхи, старое мѣсто у него отписывали и зачисляли за нимъ лучшее, и наоборотъ⁽²⁾. Вслѣдствіе такихъ порядковъ заручныя прошенія прихожанъ при дѣйствительномъ опредѣленіи кандидата на мѣсто естественно обращались въ пустую формальность, на которую могли не обращать никакого вниманія и епархіальныя начальства и сами ставленики. Очень естественно, что съ своей стороны и прихожане все болѣе и болѣе развивались въ томъ равнодушіи къ приходскимъ дѣламъ, о которомъ мы говорили выше, и болшею частію сами не придавали своимъ заручнымъ челобитьямъ

(¹) Ист. моск. акад. стр. 373. Ист. троицк. сем. 542.

(²) Факты во всѣхъ исторіяхъ семинарій и академій; напр. Ист. тр. семин. 545—546. Ист. моск. акад. 374. См. также указъ св. Синода 1770 г. въ Ист. сиб. акад. Чистовича. стр. 51—52.

никакого серьезнаго значенія, будучи заранѣе убѣждены въ томъ, что ихъ голосъ во всякомъ случаѣ не заставитъ епархіальное начальство отступить отъ принятыхъ имъ соображеній относительно достоинства и распредѣленія имѣющихся у него кандидатовъ на церковныя мѣста.

Представимъ одинъ изъ множества примѣровъ, какъ прихожане сами отказывались отъ избранныхъ ими кандидатовъ въ пользу тѣхъ, которые назначались въ приходы по распоряженію архіереевъ. Въ іюль 1796 г. прихожане Воскресенской церкви въ г. Вѣлевѣ, послѣ смерти ихъ приходскаго священника, дали свой выборъ одному знакомому имъ сельскому священнику и подали о немъ заручное прошеніе архіерею. Но въ то же время къ архіерею поступило другое прошеніе на то же мѣсто отъ одного богослова Тихомирова, который выставилъ въ свою пользу такого рода важныя тогда резоны: „братъ мой веневской округи с. Подосинокъ свящ. Василій Ильинъ, при семействѣ, состоящемъ изъ 9 человекъ, содержитъ въ семинаріи, кромѣ меня и брата моего, двоихъ своихъ сыновей, почему въ пропитавіи многолюднаго семейства, а особливо въ содержаніи насъ четверыхъ, крайне нуждается; хотя же по резолюціи вашего преосвященства за мною предоставлено діаконское мѣсто, но оное мѣсто къ содержанію и меня одного въ семинаріи очень недостаточно, потому что я большею частію заимствовалъ нужное къ пропитавію отъ упомянутаго брата моего. А какъ въ г. Вѣлевѣ при Воскресенской церкви состоитъ праздное священническое мѣсто, которое, ежели благоволено будетъ отъ вашего преосвященства, зиступить желаю;... того ради всепокорнѣйше прошу означенное мѣсто за мною предоставить съ тѣмъ, чтобы по окончаніи наукъ мнѣ быть на ономъ дѣйствительнымъ священникомъ“. Несмотря на то, что до окончанія курса этого богослова оставался слишкомъ цѣлый годъ, архіерей все-таки предпочелъ его первому кандидату, избранному прихо-

жанами, и зачислили мѣсто за нимъ, предоставивъ ему право пользоваться церковнымъ доходомъ для содержанія въ семинаріи до конца курса. Узнавъ о такомъ рѣшеніи, прихожане постѣшили подать отъ себя другое прошеніе, въ которомъ объясняли, что они студентомъ Тихомировымъ, а колыми паче изреченіемъ и благословеніемъ его преосвященства, довольны, и просили считать свое первое прошеніе недействительнымъ. Назначенный на мѣсто кандидатъ вступилъ въ дѣйствительное служеніе уже въ ноябрѣ слѣдующаго 1797 года (1).

Къ концу XVIII в. среди іерархіи успѣло сформироваться уже твердое убѣжденіе въ томъ, что приходскіе выборы суть явленіе незаконное и вредное для Церкви, что они были однимъ изъ тѣхъ дурныхъ обычаевъ старины, которые новое время должно окончательно искоренить, предоставивъ все попеченіе о замѣщеніи церковныхъ вакансій самимъ архіереямъ. Когда крестьяне являлись къ московскому митрополиту Платону просить о посвященіи избраннаго ими кандидата на вакантное мѣсто, онъ обыкновенно говорилъ имъ, что выборъ священниковъ вовсе не ихъ дѣло: „ваше дѣло орать да пахать, а мое—вамъ поповъ давать“ (2). Ту же мысль онъ подробно высказываетъ въ своей автобіографіи. Описывая свое служеніе еще на тверской кафедрѣ (1770—1775), онъ разсказываетъ: „въ производствѣ дѣлъ не взиралъ Платонъ ни на просьбы, ни на слезы, коли то находилъ съ справедливостію законною несообразнымъ и съ разстройствомъ общаго паствы порядка. Также и выборы

(1) Тульск. еп. вѣд. 1868 г. № 8: «Церковь обновл. храма воскр. Хр. въ Вязевѣ». Тамже въ описаніяхъ разныхъ церквей можно видѣть многіе другіе примѣры опредѣленія духовныхъ лицъ на мѣста; напр. въ № 22 за 1869 г. въ описаніи Покровской церкви г. Вязева.

(2) Жизнь м. Платона. Свєгирева. издач. 1856 г. ч. II, стр. 76.

приходявъ въ священно-служители нежно уважалъ, ибо находилъ по большей части пристрастными или вынужденными просьбою другихъ, не имѣющихъ другаго достоинства, кромѣ что умѣють докучать, кланяться и плакать. Таковая Платонова посяганка многимъ была не по нраву и невыгодна за то онъ слышалъ отзывы: но вмѣсто того большая часть всякаго состоянія людей были тѣмъ довольны и должною одобряли его похвалою, видя во всемъ его прямодушіе и притомъ и на самомъ дѣлѣ усматривая лучшей по духовенству порядокъ; какъ то и былъ пастырь тѣмъ утѣшенъ, что нѣкоторые изъ дворянъ отозвались къ нему съ благодарностію за хорошихъ данныхъ имъ священниковъ. И какъ сіе архіепископа удивило, зная, что священники даны не тѣ, кои ими были выбраны и представлены, и потому имъ говорили: что онъ сему удивляется, зная, что многіе на сіе ропшутъ; на то отвѣчали, что подлинно и они роптали, что другіе вмѣсто выбранныхъ ими поставляются, думая, что дѣлается то по пристрастію какому, т. е. или по мздоимству или по ходатайству и проискалъ, какъ то прежде и бывало, что нами выбранныхъ лучшихъ не ставятъ, а даютъ другихъ худшихъ; но какъ де они усмотрѣли, что даются священники хорошіе и гораздо лучше выбранныхъ нами, то и перестали роптать, а напротивъ отзываемся съ благодарностію. И такъ пастырь, самъ бывъ ободренъ, продолжалъ свое о лучшемъ духовенствѣ попеченіе“ (1).

Тоже попеченіе продолжалъ онъ потомъ и на московской кафедрѣ. Въ запискахъ о жизни одного изъ его преемниковъ, покойнаго м. Филарета, читаемъ, что родители Василия Дроздова, — мірское имя Филарета, — были весьма любимы и уважаемы въ Коломнѣ, гдѣ они жили; но что эта любовь и уваженіе достались имъ нескоро; причиною было то, что отецъ

(1) Тамже... прилож. 29 — 30. Тамже, автобіографія въ осквитан. за 1849 г. ч. I.

его Михаилъ Федоровичъ былъ опредѣленъ къ приходу „не по желанію прихожанъ, а по выбору епархіальнаго начальника; они имѣли въ виду другаго и долго хлопотали о его назначеніи. Дѣло сдѣлалось не такъ, какъ имъ хотѣлось. Отсюда недоброжелательство прихожанъ къ ихъ смиренному пастырю. Въ намѣреніи заставить его удалиться, они умалили до крайней степени свои ему приношенія на хлѣбъ насущный при исполненіи духовныхъ требъ. Такъ, ни радостное рожденіе младенца, ни благоговѣйное напутствованіе умирающаго, ни свадьба, ни похороны, ни крестины, ни молебствія въ храмовые и семейные праздники, даже свѣтлый день воскресенія не сопровождались тѣми по силѣ каждаго приношеніями, безъ которыхъ трудъ и лишенія усугубляются въ безпомощной семьѣ. Михаилъ Федоровичъ не ропталъ; жена его Евдокія Никитишна не упала духомъ; они переносили нужду, какъ испытаніе, Богомъ имъ посланное, и истинно по Евангелію „всякій день брали свой крестъ“. Наконецъ терпѣніе побѣдило жестокосердіе. Прихожане и прихожанки образумились, очувствовались и сознались въ своей несправедливости къ о. Михаилу... И обратились гонители къ невинно гонимымъ. И удалась отъ нихъ злая нужда“ (1). Въ этомъ разсказѣ мы можемъ видѣть отчасти оправданіе приведеннаго отрывка изъ автобіографіи Платона, а съ другой стороны тотъ единственный способъ, которымъ только и могли выражать прихожане свое неудовольствіе на властныхъ и сильныхъ владыкъ за пренебреженіе къ приходскимъ выборамъ. Есть разказы, передаваемые обыкновенно въ похвалу величепріятія и непоколебимаго мужества нашихъ архимандритовъ, какъ при замѣщеніи вакантныхъ священно-служительскихъ мѣстъ они не обращали вниманія на ходатайства даже очень силь-

(1) Записки о жизни и врем. Филарета и. моск. Сушкова. 1868 г. стр. 30—31.

ныхъ и высоко поставленныхъ людей: Такъ, о петербургскомъ митрополитѣ Гавріилѣ рассказываютъ, что въ отвѣтъ на подобное ходатайство одного сѣятельнаго господина о посвященіи въ священники одного дьякона онъ сказалъ: „доложите его сѣятельству, что я никогда не вмѣшивался въ его дѣла и не назначалъ, кого въ какую должность ему опредѣлять; а потому прошу и мнѣ не мѣшать въ опредѣленіи священно-служителей на мѣста сообразно съ извѣстными мнѣ самому ихъ достоинствами“ (¹).

Съ преобразованиемъ малороссійскихъ епархій подобныя повятія укрѣпились и здѣсь. Послѣ введенія въ 1778 г. приходскихъ штатовъ, по случаю необходимаго при этомъ сокращенія причтовъ и размѣщенія лишнихъ священно-служителей, архіереямъ малороссійскихъ епархій даны были огромныя полномочія, которыя еще болѣе увеличились по поводу начавшагося вскорѣ (1784 г.) общаго разбора всего духовенства; но высочайшему и особому еще синодальному указамъ объ этомъ разборѣ епархіальнымъ начальствамъ дано право по собственному усмотрѣнію дѣлать полномочный выборъ между священно-служителями, особенно въ многолюдныхъ причтахъ, однихъ достойнѣйшихъ опредѣлять въ штатное число, другихъ оставлять за штатомъ и разжѣщать на вновь открывающіяся вакансіи, наблюдая при этомъ только то, чтобы въ штатѣ опредѣлялись преимущественно люди ученые. О желаніи или нежеланіи прихожанъ имѣть въ приходѣ тѣхъ или другихъ священно-служителей не говорилось при этомъ ни слова (²). Этотъ же разборъ духовенства, преимущественно касавшійся церковно-служителей, послужилъ къ рѣшительному подрыву вольнонаемнаго дьячества.

(¹) Сказ. о жизни м. Гавріила. Спб. 1857. стр. 121—122.

(²) И. С. З. XXI, № 15978. 15981.

Первымъ рѣшительнымъ распоряженіемъ относительно дяковъ и ихъ школы встрѣчаемъ при м. Гавриилѣ Кременецкомъ еще до разбора 84-го года. Въ 1771 г. онъ далъ киевской консисторіи указъ: „въ епархіи киевской школьники разнаго званія люди съ мѣста на мѣсто бродягъ и по имѣющимся въ церквахъ избамъ, такъ называемымъ школамъ, пристава, тунеядствомъ кормятся и не только никакой пользы обществу не приносеютъ, но наче разными своими безчестіями вредъ и соблазнъ причиняютъ, а чрезъ таковыхъ овозволенныхъ бродягъ на церковно-служителей настоящихъ и постоянныхъ напрасное наносится нареканіе“; на этомъ основаніи онъ распорядился: ввести при церквахъ только штатное число церковниковъ—по два на каждаго священника, за тѣмъ школяровъ при школахъ не держать, кромѣ приходящихъ учиться изъ домовъ родительскихъ, въ церквамъ въ приходахъ нигдѣ ихъ не принимать, на дьяковство опредѣлять обученныхъ людей духовнаго происхожденія, а отнюдь не разночинцевъ, служить этимъ дьякамъ не по найму и временно, а по указу изъ каѳедры и послѣ посвященія въ стихарь, при чемъ имъ числиться въ духовномъ званіи и мѣста своего безъ разрѣшенія епархіальной власти не покидать. Съ этого времени вольныхъ дяковъ изъ разночинцевъ дѣйствительно стали по немногу удалять отъ церковной службы въ ихъ прежнія вѣдомства. Но старый порядокъ долго еще силится удержаться, ускользая отъ распоряженій іерархіи. По словамъ автора „Очерковъ быта малороссійскаго духовенства“, указы противъ вольнаго дьячества произвели въ ономъ средѣ такое же смятеніе, какъ между казанами вѣсть объ уничтоженіи Сѣчи. Дьякъ переставалъ быть бакаляромъ и директоромъ, какъ-бы атаманомъ своего рода сѣчи, маленькаго холостаго общества, основаннаго на единодушій и отрѣшеннаго отъ ховяйственныхъ работъ, кормившагося „добычей“, остался одиночекъ, въ обществѣ одного только пономаря, также, какъ и овъ, закрѣпленнаго службой. Вольные

братья — школяры и дьяки — еще долго впрочем и послѣ этого ходили около своего старого коша. Прихожане больше любили слушать на клироузѣ ихъ хоровое, чѣмъ одинокое пѣніе причетника, охотно ихъ принимали къ церквамъ и попрежнему продолжали жертвовать на нихъ свои подачки. Въ вѣдомостяхъ церковныхъ вольное дьяковство и школярство прикрывалось разными неопредѣленными фразами, наприм. NN живетъ въ послушаніи церковномъ, или: живетъ въ должности псаломщика въ послушаніи церковномъ. По вѣдомостямъ переяславской епархіи 1783 г. при 307 церквахъ дьячковъ „духовныхъ“ числилось всего только 97 да 40 пономарей; остальные мѣста, стало быть, заняты были вольнонаемными причетниками разночинцами. Разборы духовенства въ концѣ XVIII в. нанесли послѣдніе удары вольному дьяковству; при церквахъ оставляемы были одни только штатные причетники духовнаго званія, а разночинцевъ велѣно было возвращать въ ихъ прежнія состоянія или отдавать въ солдаты. Въ полномъ своемъ видѣ институтъ дьяковства послѣ этого окончательно рушился, но обломки его остались и въ XIX в. До настоящаго времени по разнымъ мѣстамъ Малороссіи можно было встрѣчать въ селахъ подъячихъ и школяровъ, людей уже взрослыхъ и даже пожилыхъ, которые весь вѣкъ свой прожили въ услугахъ причетнику и священнику, въ то же время однако платя и подати и барщину; наряду съ причетниками они носили въ народѣ названіе церковниковъ, участвовали въ хожденіяхъ причта по приходу, нося при этомъ крестъ, кадило, кроуило и что когда нужно, участвовали въ угощеніяхъ причта, поминальныхъ обѣдахъ и проч. (1).

Въ царствованіе императора Павла I выборное значеніе духовенства упало еще болѣе. Правительство

(1) Изложенныя свѣдѣнія см. въ Отис. кievоскоф. соб. въ статьяхъ о малоросс. духов. въ Рук. для с. наст. 1864 г. № 30 и 1864, № 46.

нѣло тогда особенное возбужденіе неблагоклонно смотрѣть на приходскіе выборы, поставлявшіе духовенство въ нѣкоторую зависимость отъ прихожанъ, и усиливать въ замѣщеніи церковныхъ вакансій усмотрѣніе епархіальной власти. Въ самомъ началѣ царствованія (1796—1797 гг.) поднялись сильныя крестьянскія возстанія противъ помѣщиковъ, обнявшія собой губерніи орловскую, московскую, псковскую, новгородскую, ярославскую, вологодскую, костромскую, нижегородскую, вологодскую, пензенскую и новгородъ-сѣверскую. Въ этихъ возстаніяхъ замѣшано было и духовенство. Подполковникъ Поздѣвъ, у котораго взволновались крестьяне на стекольномъ заводѣ въ вологодской губерніи, въ одномъ своемъ письмѣ къ И. В. Лопухину приписывалъ духовенству большое участіе въ возбужденіи этого волненія. „Здѣсь въ Вологдѣ, писалъ онъ, въ новый годъ (1797) въ соборѣ и внѣ онаго великое было, какого никогда не запомнить, стеченіе простою народа и поповъ, кои, т. е. деревенскіе, тѣже мужики, только что грамотные, въ ожиданіи, что читать будутъ указъ о вольности крестьянъ и якобы соль будетъ дешевле и вино продаваться по 2 руб. ведро, — пріѣхали слушать изъ селеніевъ, вереть за 100 отъ Вологды отстоящихъ“. Во многихъ мѣстахъ духовныя лица писали крестьянамъ прошенія на помѣщиковъ, давали имъ даже фальшивые паспорта для проѣзда съ этими прошеніями въ Петербургъ. Въ псковской губерніи нѣсколько священниковъ явились предводителями крестьянъ въ вооруженномъ возстаніи на помѣщиковъ. Въ одномъ селѣ холмскаго уѣзда крестьяне собрались въ церкви, а священно-служители въ полномъ облаченіи вышли изъ алтаря и предъ крестомъ и евангеліемъ совершили для нихъ присягу въ единодушномъ стояніи до смерти. Въ медынскомъ уѣздѣ калужской губерніи главными виновниками поголовнаго возстанія крестьянъ оказались трое священниковъ, которые разглашали слухи о явившемся якобы манифестѣ на счетъ сво-

боды крестьянъ. Въ великолупцкомъ уѣздѣ с. Окенъ священникъ „простеръ до такой степени свое неистовство, что изъявилъ неуваженіе къ особѣ государя подъ предлогомъ, что онъ еще не коронованъ“ (*).

По поводу этихъ волненій въ маѣ 1797 г. св. Синодъ получилъ именной указъ, въ которомъ епархіальнымъ архіереямъ и самому Синоду вмѣнялось въ особенную обязанность наблюдать, чтобы св. санъ получали люди совершенно надежные, учительные и благонравные, а развратные въ такомъ санѣ отнюдь терпимы не были. Въ указѣ св. Синода, изданномъ на основаніи этого именного указа, архіереямъ предписывалось строго наблюдать за тѣмъ, нѣтъ ли какихъ волненій по приходамъ и не участвуетъ ли въ нихъ духовенство, подозрительныхъ священно-служителей немедленно забирать въ консисторію для слѣдствія, виновныхъ въ развращеніи прихожанъ лишать сана безъ сношенія съ св. Синодомъ, отлучать лучшихъ священно-служителей, искусныхъ въ увѣщаніи крестьянъ къ спокойствію и повиновенію властямъ, воспрещать сближеніе духовенства съ крестьянами на буйныхъ и пьяныхъ сходкахъ, усилить благочиннической надзоръ и проч. Особенное же вниманіе архіереевъ указъ обращалъ на то, чтобы, по смыслу именнаго указа, духовенство наполнялось только достойными и благонадежными людьми; для этого предписывалось строго наблюдать за успѣхами и благоповеденіемъ кандидатовъ священства еще во время обученія ихъ въ семинаріяхъ и „при произведеніи въ санъ священства тако воспитанныхъ семинаристовъ предпочитать неученымъ, хотя бы прихожане и просьбами объ нихъ настояли“, кромѣ того, „хотя бы кто былъ одобряемъ отъ прихожанъ, производить не иначе, развѣ отъ духовнаго правленія и отъ благочиннаго будетъ о чест-

(* Свѣдѣнія о крест. волненіяхъ въ стат. де Нуле. Русск. архив. за 1869 г. кн. 3, и въ П. С. З. XXIV, № 17958.

номъ поведеніи засвидѣтельствовано“ (1). Дѣло этимъ еще не ограничилось. По поводу множества жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ вышло строгое запрещеніе подавать прошенія за подписомъ многихъ лицъ. Св. Синодъ немедленно примѣнилъ это запрещеніе къ заручнымъ прошеніямъ прихожанъ о ставленникахъ. 24 июня тогоже года вышелъ синодальный указъ, въ которомъ извѣстные пункты Д. Регламентъ о заручныхъ выборахъ и челобитьяхъ прихожанъ объявлены отиѣненными; прошенія объ опредѣленіи на церковныя мѣста велѣно было подавать „за подписаніемъ однихъ только желающихъ поступить въ священно-и-церковно-служительскіе чины, съ приложеніемъ отъ прихожанъ одобреній о честномъ ихъ поведеніи“, а не прошеній о посвященіи, какъ прежде. Тогда же составлены были для этихъ одобреній особая формы и по напечатаніи разосланы при указѣ во всѣ духовныя правленія, благочинія и церкви (2).

Такъ приходскія заручныя потеряли и то слабое значеніе, какое еще оставалось за ними по Регламенту и правиламъ о выборахъ 1722 г. Въ образчикъ приходскихъ одобреній можно привести одно одобреніе 1806 г.; изданное г. Самаринымъ въ первой изъ его статей о приходѣ. „Мы, нижеподписавшіеся, симбирской губерніи сызранской округи села Васильевскаго, церкви благовернаго кн. Владимира, господина В. Н. С. управляющій вотчинами служитель NN, приказный NN и проч. свидѣтельствуемъ по чистой нашей совѣсти, что желающій быть при нашей церкви такой-то на праздное священническое мѣсто священникомъ есть человекъ добрый, не пьяница, въ домо-строительствѣ своемъ не лѣнивый, не клеветникъ, не

(1) И. С. З. XXIV, № 17958. Въ 1800 г. (XXVI, № 19479) этотъ указъ былъ подтвержденъ по случаю бунта крестьянъ гр. Румянцева въ алатырскомъ уѣздѣ, при чемъ въ возмущеніи крестьянъ воцарился три священника.

(2) И. С. З. XXIV, № 18016.

сварливъ, нѣ любодѣецъ, не убійца, въ воровствѣ и обманахъ не изобличенъ; добронравенъ, поведенія честнаго. и потому мы его желаемъ имѣть при нашемъ приходѣ священникомъ". Надобно впрочемъ замѣтить, что указъ 24 іюля несовсѣмъ точно исполнялся на практикѣ. Одобренія нерѣдко являлись попрежнему въ формѣ заручнаго прошенія прихожанъ, разумѣется, уже безъ прежней силы и безъ всякаго обязательнаго значенія для архіерейскаго усмотрѣнія⁽¹⁾. Точно также въ перепечаткахъ Платоновской инструкции благочиннымъ постоянно включались 39 и 40 пп. объ извѣстномъ намъ церемоніалѣ приходскихъ выборовъ, который, разумѣется, не исполнялся на дѣлѣ.

Съ теченіемъ времени стали все болѣе и болѣе терять свое значеніе и самыя одобренія. Отъ нихъ, какъ и отъ приходскихъ выборовъ, были свободны всѣ кандидаты священства, обучившіеся въ семинаріяхъ. Когда, послѣ преобразования духовныхъ учебныхъ заведеній, такіе кандидаты умножились и составили между ставленниками преобладающее большинство; одобренія болѣею частію перестали и требоваться къ ставленическимъ дѣламъ. Прихожане, собственно говоря, и не могли свидѣтельствовать о такихъ кандидатахъ, что знаютъ ихъ людьми добрыми, не пьяницами и проч., потому что не знали ихъ ни съ хорошей, ни съ дурной стороны; подобное свидѣтельство могло имѣть свою полную силу только въ старинѣ, когда кандидаты священства получали воспитаніе не въ епархіальныхъ школахъ, за стѣны которыхъ не проникалъ глазъ прихожанина, а среди самихъ прихожандъ при своихъ отцахъ, или въ какой-нибудь церковной школѣ у бакаляра дьяка. Въ глазахъ іерарховъ позднѣйшаго времени, при новомъ школьномъ образованіи духовенства, свидѣтельство прихожанъ потеряло всякую компетентность и вполне замѣнилось

(1) См. напр. въ Ист. моск. еп. управл. ч. III, кн. 2. Ставлен. дѣла.

аттестациями ставлениковъ отъ семинарскихъ и училищныхъ начальствъ. Вытѣсня приходскія одобренія, эти аттестации заняли ихъ мѣсто и въ ряду документовъ при ставленическомъ производствѣ. Въ позднѣйшее время за одобреніями осталось кое-какое значеніе только въ случаѣ перехода священно-служителей изъ одного прихода въ другой, или посвященія изъ низшей степени церковнаго служенія въ высшую, изъ причетниковъ во дьяконы, изъ дьяконовъ въ священники.

Между тѣмъ централизація епархіальнаго управленія продолжала уничтожать всякіе остатки старинныхъ выборныхъ порядковъ, стягивая всѣ епархіальныя дѣла къ полновластному усмотрѣнію архіереевъ. Въ царствованіе Александра I явились новыя распоряженія, имѣвшія результатомъ еще большее развитіе епископальнаго разсужденія въ ставленическихъ дѣлахъ. Сюда наприм. можно отнести указъ 1815 г. объ оставленіи безъ дѣйствія рекомендательныхъ писемъ о священно-служителяхъ разныхъ свѣтскихъ особъ, за исключеніемъ писемъ военныхъ начальствъ (*), изданныя по поводу неблагочинныхъ поступковъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ указы 5 августа 1820 и 22 декабря 1823 гг. объ усугубленіи надзора за духовенствомъ, объ особенномъ наблюденіи училищныхъ начальствъ за поведеніемъ духовныхъ воспитанниковъ и строжайшемъ выборѣ между кандидатами священства при поставленіи ихъ на мѣсто (**). Подобныя же указы повторялись потомъ и въ прошедшее царствованіе (***). Приходскія выборы впрочемъ были тогда уже совершенно забыты. Извѣстные пункты благочиннической инструкціи объ избраніи священно-и-церковно-

(*) П. С. З. XXXIII, № 26347.

(**) Тамже, XXXVII, 26373. XXXVIII, 29711.

(*) 2-е Собр. Зак. т. I, № 413. V, № 3869 (относит. причтоль въ З. В. Донскаго). VIII, № 6360 и др. Особ. замѣчат. ук. 31 янв. 1832.

служителей въ подвѣйшихъ изданіяхъ ея оказались уже ненужными и были опущены. Наконецъ Уставъ духовныхъ консисторій 1841 г. опредѣлилъ, что „рукоположеніе въ св. санъ есть дѣло, принадлежащее непосредственному разсмотрѣнію и рѣшенію епархіальнаго архіерея“ (1). Относительно желанія прихожанъ имѣть у себя въ приходѣ того или другаго священно-и-церковно-служителя не находимъ въ немъ никакихъ опредѣленій, за исключеніемъ только 202 ст., гдѣ сказано, что въ случаѣ жалобы прихожанъ на ялововъ ихъ причта, „когда эти жалобы съ законною ясностію не доказаны, но между тѣмъ большая часть прихожанъ просятъ удалить отъ ихъ церкви подвергнувшихся таковымъ жалобамъ, они переводятся на другія мѣста“.

2. РАЗВИТІЕ НАСЛѢДСТВЕННОСТИ ЦЕРКОВНЫХЪ МѢСТЪ.

Тѣже самыя причины, которыя содѣйствовали упадку выборнаго значенія членовъ приходскаго клира, имѣли почти совершенно обратное дѣйствіе въ отношеніи къ наследственности духовнаго служенія, какъ въ обширномъ, такъ и въ тѣсномъ ея значеніи; въ смыслѣ наследственныхъ правъ на духовное служеніе вообще и въ частности на служеніе при извѣстной родовой церкви и на извѣстномъ наследномъ мѣстѣ.

Что касается до наследственности духовнаго служенія въ первомъ смыслѣ, то XVIII вѣкъ являлъ се уже достаточно развитой и крѣпкой, такъ что дальнейшее ея развитіе прямо вело уже къ устраненію отъ церковнаго служенія всѣхъ постороннихъ кандидатовъ вѣду духовнаго происхожденія и къ совершенной замкнутости самого духовнаго званія. Эта замкнутость, задатки которой были и прежде, дѣйствительно начинаетъ весьма быстро развиваться съ самаго начала

(1) Уст. консист. ст. 74.

XVIII в. Прежде всего ея развитію помогала духовная власть, которая всегда видѣла въ дѣтяхъ духовенства болѣе другихъ подотѣвленныхъ и притомъ же своихъ кандидатовъ на церковныя мѣста. Новая ступень, чрезъ которую въ XVIII в. стало нужно проходить всякому кандидату на церковное мѣсто, архіерейская школа, сначала было сильно переугавшая дѣтей духовенства, съ теченіемъ времени оказалась для нихъ болѣе нестрашною, потому что была школою словоблюбною и потому естественно должна была служить интересамъ словоблюбы же, прѣбраждая путь къ духовному званію для всѣхъ, которые въ ней не учились; она въ то же время все плотнѣе замыкалась для любей недуховнаго происхожденія. И такимъ образомъ она новилась только новымъ орудіемъ къ развитію той же замкнутости духовнаго званія. Къ тому же отчасти вело также виденіе приходскихъ выборовъ. По мѣрѣ того, какъ общество теряло право выборовъ, дававшее ему возможность восполнять составъ духовенства новыми силами изъ своей собственной среды, духовенство необходимо должно было превращаться въ замкнутую корпорацію, которая могла поддерживать и увеличивать свой составъ только путемъ естественнаго народонаселенія и наследственности словоблюбы и обязанностей. Кроме епархіальной власти и вліянія со стороны общества, замкнутость духовнаго званія могла воспринять серьезную помѣху своему развитію развѣ только еще со стороны государственной власти, которая, какъ мы замѣчали, въ самомъ же началѣ реформы высказалась въ пользу замѣщенія церковныхъ мѣстъ не на основаніи наследственныхъ правъ, а на основаніи личныхъ достоинствъ человѣка. Но мы видѣли также, что болѣе или менѣе широкое и неуклонное примѣненіе этого принципа на дѣлѣ встало бы въ сильнѣе противорѣчіе съ извѣстною ревностью правительства къ интересамъ государственной службы и тягла, заставило бы его избѣгнуть другому его принципу, выражавшемуся въ требованіи, чтобы служилые

люди изъ службы, а тяглые изъ тягла не выходили. Государственная власть вышла изъ этого противорѣчя очень просто, отказавшись отъ широкаго примѣненія своего новаго принципа и ограничивъ избраніе новыхъ кандидатовъ на церковныя должности тѣмъ же кругомъ людей духовнаго происхожденія, которые и прежде поступали на эти должности.

Мысль о томъ, что право на занятіе церковной должности должно принадлежать достойнымъ лицамъ безотносительно къ ихъ происхожденію, въ началѣ XVIII в. высказывалась весьма ясно и въ законодательствѣ и въ литературѣ. Такъ, законодательство Петровскаго времени запрещало архіереямъ производить въ св. санъ людей неученныхъ, хотя бы они были и наслѣдниками отцовскихъ мѣстъ⁽¹⁾, а съ другой стороны дозволяло обучать въ духовныхъ школахъ въ надежду священства, кромѣ дѣтей духовенства, дѣтей горожанъ, приказныхъ и изъ другихъ чиновъ, кто пожелаетъ⁽²⁾. Извѣстный публицистъ Петровскаго времени Посошковъ требовалъ, чтобы въ пресвитерство къ церквамъ отсылались люди достойные, а не по отечеству, ни по заступѣ⁽³⁾. Но эта мысль постоянно оставалась только въ области общихъ предположеній; какъ скоро вопросъ объ этомъ предметѣ касался практической почвы, ставился прямо и въ частной формѣ, относительно того или другаго опредѣленнаго класса государственнаго населенія, такъ въ рѣшеніи его сейчасъ же являлись ограниченія и отрицанія. Очень понятно, что среди общей ломки и перестройки цѣлаго государства, среди непомернаго напряженія всехъ матеріальныхъ силъ бѣдной страны и громаднхъ издержекъ на дорогія нововведенія, основаніе арміи, флота, артиллеріи, крѣпостей, продолженія новыхъ путей сообщенія, заведенія новыхъ промысловъ, фабрикъ,

(1) П. С. З. №№ 2186. 2308. 2332. 4021 и др.

(2) Реглам. дѣла епископ. п. Д. П. С. З. № 3175.

(3) Сочин. Посошкова, I, 20.

заводовъ и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ среди новыхъ тяжести двадцатилѣтней войны правительство менѣе всего расположено было допустить какой-нибудь ущербъ въ массѣ своего служилаго и тяглаго класса въ пользу духовной службы, важность которой по обстоятельствамъ и нуждамъ времени уходила далеко на задній планъ предъ крайней нуждой въ службѣ матеріальной. Не даромъ же оно такъ усиленно стремилось привести въ извѣстность и собрать подъ свою руку всѣ матеріальныя силы страны, производило повсюду народныя переписи, усиливало систему всеобщаго прикрѣпленія членовъ государства къ ихъ состояніямъ, дворянъ обязывало вѣчной службой, податныхъ людей писало въ подушный окладъ и назначало грозныя наказанія за всякое уклоненіе частныхъ людей отъ участія въ общей государственной тяжести.

При множествѣ узаконеній, въ которыхъ постоянно говорится объ опредѣленіи на церковныя должности людей духовнаго происхожденія, мы находимъ очень немногo указовъ, которые даютъ дозволеніе опредѣлять на эти должности людей постороннихъ, да и эти немногіе указы такого рода, что скорѣе закрываютъ, чѣмъ открываютъ духовное званіе для постороннихъ лицъ. Такъ, въ 1714 г. вышелъ указъ касательно дворянъ, по которому все недвижимое имущество дворянской семьи должно было переходить по наследству къ одному старшему сыну, или тому, котораго назначить наследникомъ отецъ, а остальные сыновья должны были поступать для своего содержанія на службу, въ купечество, или другое художество, лишь бы никто изъ нихъ не оставался въ праздности, „которая, по святому писанію, матерію есть всѣхъ злыхъ дѣлъ“; между прочимъ по достиженіи 40 лѣтъ имъ дозволялось поступать и въ духовное званіе (1). Но такое дозволеніе очевидно закрывало доступъ къ духовному званію для всѣхъ остальныхъ дворянъ. Въ

(1) П. С. З. V, № 2789 п. 15.

1724 г. встречаемъ дозволеніе—архіереямъ посвящать въ попы и дьяконы къ церквамъ изъ крестьянъ ('). Но при этомъ нужно обратить вниманіе на то, что до 1724 г. духовное званіе было сильно опустошено строгими разборами, такъ что для замѣщенія церковныхъ вакансій оказывался ощутительный недостатокъ въ кандидатахъ духовнаго званія, особенно въ малонаселенныхъ краяхъ имперіи. Самый указъ ограничиваетъ данное имъ дозволеніе только тѣми случаями, когда на церковныя мѣста не будетъ духовныхъ кандидатовъ, а этимъ очевидно ограничиваетъ самую свободу крестьянъ опредѣляться въ духовное званіе.

При преемникахъ Петра и законодательство и практика стали еще откровеннѣе развивать замкнутость духовнаго званія. Духовная власть оказывала постоянное нерасположеніе къ кандидатамъ на церковныя мѣста изъ другихъ званій, кромѣ духовнаго, даже въ такихъ мало снабженныхъ духовенствомъ краяхъ, какъ иркутская епархія. Въ 1730-хъ годахъ въ Якутскѣ очень много духовныхъ дѣтей, яко неучей, забрали въ солдаты и въ козаки. Преосвящ. Иннокентій Неруновичъ энергично протестовалъ противъ этого предъ воеводской канцеляріей, требуя, чтобы духовныхъ дѣтей оставляли „въ званіи, приобрѣтенномъ ими чрезъ рожденіе отъ священно-и-церковно-служителей, дабы современемъ самимъ занять отцевскія мѣста“, и чрезъ то избавить Церковь отъ неблаговидной необходимости принимать въ священство изъ служилыхъ людей и изъ крестьянства. Были случаи, что на основаніи такихъ понятій онъ отказывалъ свѣтскимъ людямъ даже отъ причетническихъ мѣстъ, которыя они занимали, и опредѣлялъ вмѣсто ихъ людей духовнаго происхожденія ('). При импер. Елизаветѣ въ 1744 г. самъ св. Синодъ ходатайствовалъ предъ Сенатомъ, чтобы праздна

(') Тамже VII, 4455.

(') Иркутск. еп. вѣдом. 1866, № 15. 1863, № 40. стр. 646.

мѣста въ приходахъ вѣдно было замѣщать только духовными людьми, а для этого духовныхъ дѣтей и церковниковъ, оказывавшихся по разбору духовенства лишними въ одномъ мѣстѣ, не употреблять никуда по свѣтской командѣ, а пересылать въ другія мѣста, гдѣ въ нихъ чувствуется недостатокъ: „ибо церкви святыхъ удобнѣе и приличнѣе нынѣ наполнять таковыми чинами, нежели какъ прежде, по необходимой нуждѣ, въ разсужденіи въ причтѣ церковномъ недостатка, крѣпостныхъ и помѣщичьихъ людей и крестьянъ въ церковный причетъ опредѣлять, изъ чего бы послѣдовать могло то, что положенныхъ въ подушный окладъ выключать, а неположенныхъ и свободныхъ въ тотъ окладъ вклясть“⁽¹⁾.

Духовныя школы, чрезъ которыя свѣтскимъ людямъ было всего удобнѣе получить доступъ къ духовному званію, стали постепенно замыкаться съ самаго же начала своего существованія. По мысли Петра, онѣ должны были выпускать не однихъ только хорошихъ пастырей, но также гражданскихъ чиновниковъ, хорошихъ солдатъ, вообще людей „готовыхъ къ службѣ, до которой угодны и позваны будутъ указомъ государевымъ“; съ этою цѣлію расширена была и программа ихъ курса введеніемъ въ преподаваніе разныхъ свѣтскихъ наукъ и даже обученія „водному на регулярныхъ судахъ плаванію, геометрическимъ размѣрамъ, строенію регулярныхъ крѣпостей“ и проч.; съ этою цѣлію, кромѣ дѣтей духовенства, въ нихъ принимались ученики изъ всѣхъ званій. Но такое устраненіе въ ихъ устройствѣ принципа спеціальности и сословности было явленіемъ только временнымъ, вызвано было крайнею нуждою правительства въ образованныхъ людяхъ среди производившихся тогда реформъ и недостаткомъ другихъ учебныхъ заведеній, кромѣ духовныхъ училищъ, и должно было рано или поздно прекратиться. Въ томъ же Регламентѣ, гдѣ семинаріямъ

(1) П. С. З. XII, № 8904.

дана такая универсальная программа, весьма определенно указывалось и специальное ихъ назначеніе—воспитывать дѣтей духовенства въ надежду священства, вслѣдствіе чего и въ составѣ ихъ курса богословской наукѣ предоставленъ былъ значительный перевѣсъ предъ всѣми другими науками. Съ самаго же начала возникновенія духовныхъ школъ положено было основаніе и ихъ будущаго сословнаго значенія; все содержаніе ихъ возложено было исключительно на архіерейскіе дома, монастыри и духовенство безъ всякаго пособія со стороны государства, равнымъ образомъ весь административный надзоръ и управленіе ими предоставлены были епархіальнымъ архіереямъ и св. Синоду (1). Результаты обнаружилась очень скоро. Какъ ни очевидно законы Петра доказывали его любимую мысль, что для излишка огромныхъ архіерейскихъ и монастырскихъ доходовъ самое лучшее употребленіе будетъ, если на счетъ ихъ заводить школы для просвѣщенія народа, — финансовый интересъ оказывался сильнѣе всякихъ доказательствъ. Для духовной администраціи, какъ бы ни много оставалось у нея излишковъ отъ ея доходовъ, а тѣмъ болѣе для нищенствовавшаго блага духовенства, которое не знало, на что обучать и своихъ собственныхъ дѣтей, казалось вовсе нерасчетливымъ употреблять свои сословныя средства для воспитанія и обученія людей постароннихъ.

Такъ, въ александровскую школу въ Петербургѣ при Петрѣ поступали ученики всѣхъ званій, дѣти служителей изъ монастырскихъ вотчинъ, дьяческіе, подьяческіе, посадскіе и др.; духовныхъ дѣтей между ними было даже меньшинство; но въ перцый же годъ послѣ смерти Петра она была переименована въ семинарію съ специальнымъ назначеніемъ воспитывать достойныхъ служителей Церкви и ограничена штатомъ

(1). Ревл. дѣла еписк. п. 11, 13, 25. П. С. З. VII, № 4126, 4326 и друг.

въ 50 человекъ, въ число которыхъ поступили преимущественно дѣти священно-и-церковно-служителей и только лучшіе изъ постороннихъ, а остальныхъ предоставлена свобода избрать родъ жизни, или оставаться при семинаріи на своемъ содержаніи, а не на монастырскомъ. Послѣ этого изъ людей свѣтскаго званія семинарія обучала у себя главнымъ образомъ дѣтей служителей невскаго монастыря, которые и поступали по окончаніи своего ученія не на церковныя должности, а въ разные роды монастырской службы, требовавшіе грамотныхъ людей⁽¹⁾. Равнымъ образомъ до 1725 г. много воспитанниковъ свѣтскаго званія училось въ московской академіи; но въ этомъ году, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Петра, когда въ академію для обученія прислано было значительное число недорослей дворянъ изъ герольдмейстерской конторы, ректоръ Гедевонъ отказался принять ихъ и отвѣчалъ конторѣ, что „въ той школѣ происходить во ученіе токмо духовныхъ персонъ дѣти, которыя бы могли въ духовный чинъ происходить“⁽²⁾.

Въ слѣдующемъ 1726 г. въ верховномъ тайномъ совѣтѣ возникло любопытное дѣло по представленію адмиралтейской коллегіи о соединеніи губернскихъ и провинціальныхъ школъ для обученія приказныхъ и прочихъ чиновъ дѣтей съ школами архіерейскими. Радѣя о соблюденіи казеннаго интереса на счетъ школьныхъ средствъ духовнаго вѣдомства, коллегія представляла въ своемъ мнѣніи, что въ школахъ адмиралтейскаго вѣдомства и учились главнымъ образомъ только дѣти духовенства, а теперь, когда послѣднихъ стали заставлять учиться въ семинаріяхъ, учениковъ въ адмиралтейскихъ школахъ почти вовсе не стало и учителямъ быть не у чего, притомъ же послѣ соединенія школъ меньше будетъ и расходовъ на учителей, въ-

(1) Ист. спб. акад. Чистовича. стр. 7: 11. 13—16. 43.

(2) Ист. моск. акад. 179.

сто двойнаго числа окладовъ потребуются одни оклады. Императрица утвердила докладъ и указала соединенныя школы быть въ вѣдѣніи синодскомъ ⁽¹⁾. Но такое рѣшеніе очевидно было невыгодно для духовнаго вѣдомства, потому что ему приходилось расходовать на учениковъ, назначенныхъ къ поступленію на разные роды свѣтской службы. Не извѣстно, какинъ образомъ, но духовное вѣдомство успѣло таки освободиться отъ этой повинности и сохранить свои школы въ ихъ сословномъ и специальномъ видѣ; во всей вѣроятности, если адмиралтейскія школы и были соединены съ архіерейскими, онѣ были скоро поглощены послѣдними.

При Петрѣ II въ 1728 г. св. Синодъ издалъ важный указъ относительно московской академіи: „обрѣтающихся въ академіи въ школахъ солдатскихъ дѣтей обуча отослать въ полки въ службу и впредь для обученія принимать таковыхъ, о которыхъ тѣхъ полковъ, въ которыхъ ихъ отцы служатъ, отъ командировъ прислано будетъ письменное увѣдомленіе, что они нынѣ и впредь въ полки не надобны; а помѣщичьихъ людей и крестьянскихъ дѣтей, также непонятныхъ и злонаправныхъ, отъ помянутой школы отрѣшати и впредь таковыхъ не принимать“ ⁽²⁾. Этотъ указъ, отстранявшій отъ обученія въ академіи всѣхъ солдатскихъ и крестьянскихъ дѣтей, отъ которыхъ нельзя было ожидать поступленія на духовную службу, былъ совершенно въ духъ сословныхъ интересовъ духовной администраціи и исполнялся потому во всей точности ⁽³⁾. Но обученіе въ академіи шляхетскихъ и приказнослужительскихъ дѣтей продолжалось попрежнему, несмотря на то, что и этого рода воспитанни-

⁽¹⁾ П. С. З. VII, № 4975.

⁽²⁾ Ист. рос. іерарх. ч. I, стр. 429.

⁽³⁾ П. С. З. VIII, № 6066. Крестьянскій сынъ Ломоносовъ, во преданію, только обманомъ могъ попасть въ академію, ставшись сыномъ священника.

ка никогда не поступали на духовныя должности; но этотъ разъ сословный интересъ долженъ былъ уступить предъ нуждами государства и высшихъ классовъ, которымъ иначе негдѣ было воспитывать свое благородное юношество. Въ 1736 г. по опредѣленію Сената въ академію поступило заразъ 158 дѣтей дворянскихъ, между которыми были князья Оболенскіе, Прозоровскіе, Хилковы, Тюфякины, Хованскіе, Голицыны, Долгорукие, Мещерскіе и друг. (1). Въ то же время обучалось въ ней нѣсколько дѣтей подьячихъ, канцеляристовъ, конюховъ и разныхъ монастырскихъ служителей.

Въ 1742 г. открылась новая семинарія въ Троицкой лаврѣ и съ самаго же начала, какъ невольная, была наполнена дѣтьми монастырскихъ приказныхъ, подьячихъ, солдатъ, конюховъ, портныхъ, колесниковъ и другихъ лаврскихъ служителей, такъ что изъ 92 человекъ перваго курса дѣтей духовнаго званія училось въ ней только 12. Но всего черезъ 2 года въ 1744 г. такой составъ школьнаго курса началъ значительно сокращаться; солдатскія дѣти были отпущены къ отцамъ и впродъ такихъ принимать не велѣно, дѣти крестьянъ потребовались по производившейся тогда ревизіи въ подушный окладъ, отъ котораго лавра отставивала ихъ съ немалыми для себя издержками дѣляхъ 6 лѣтъ, до 1750 г. Послѣ этого въ семинарію принимались только духовныя, служныя, приказныя и подьяческія дѣти. Но и между ними наблюдаемо было строгое сословное различіе; въ 1746 г. управленій семинаріей лаврскій соборъ постановилъ предписать, чтобы священно-и-церковно-служительскія дѣти въ преко-латинской школѣ учились въ надеждѣ священства, а служительскія въ подѣлу Троицкя лавры. Поступленіе послѣднихъ въ священно-служители было исключеніемъ и дозволялось только тѣмъ изъ нихъ, которыя особенно отличались успѣхами въ наукахъ и

(1) Пот. Моск. акад. 107.

по своей нравственности; болѣею же частью они опредѣлялись къ письменнымъ дѣламъ при лаврѣ и въ ея вотчинахъ (').

Во всѣхъ другихъ духовныхъ училищахъ, за исключеніемъ малороссійскихъ, въ которыхъ число свѣтскихъ учениковъ было постоянно преобладающимъ, въ первой половинѣ XVIII в. учились исключительно дѣти священно-и-церковно-служителей, опредѣленные въ надежду священства. Сословная замкнутость духовныхъ школъ все болѣе и болѣе развивалась по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны уяснялось въ духовномъ вѣдомствѣ ознаніе сословныхъ интересовъ, а съ другой по мѣрѣ умноженія числа свѣтскихъ учебныхъ заведеній, которыя увлекали на свою сторону не только свѣтскихъ, но и духовныхъ учениковъ. Весьма важною эпохою въ этомъ отношеніи было время открытія въ Москвѣ перваго русскаго университета (1755 г.), который сразу отвлекъ вниманіе всего свѣтскаго общества не только отъ семинарій, но и отъ академій.

Между тѣмъ правительство одно за другимъ издавало распоряженія, которыя дѣлали духовное званіе все недоступнѣе для постороннихъ лицъ. Болѣе всего, разумѣется, оно должно было обратить при этомъ вниманіе на то, чтобы въ духовное званіе не уходили отъ него люди тяглые, податные. Его заботливость о полнотѣ разныхъ сборовъ съ податныхъ людей простиралась до того, что въ духовный чинъ запрещено было посвящать даже церковниковъ, если только они какимъ-нибудь образомъ имѣли несчастіе попасть въ подушный окладъ по прежнимъ разборамъ, дабы такимъ посвященіемъ, объяснено было въ указѣ 1725 года, „въ сборѣ оклада не чинить помѣхи“; этого мало, ++ запрещено было выписывать изъ подушнаго оклада и тѣхъ изъ записанныхъ въ него церковниковъ, которые какъ-нибудь успѣли получить священническое, или ді-

(') Ист. тровцк. семин. 26. 29.—31. 36. 101. 104.

-аронскій санъ до указа, а вѣлѣно „братъ съ нихъ подушныя деньги на ряду, а ежели у нихъ есть дѣти, которыя съ ними обще приписаны къ подушному окладу, тѣмъ быть за помѣщики, къ кому приписаны“ (1). Въ 1726 г. это опредѣленіе было подтверждено относительно азовской губерніи, несмотря на то, что въ ней чувствовался крайній недостатокъ въ духовенствѣ и въ самыхъ церквахъ. Вслѣдствіе этого недостатка тамъ съ охотой принимали всякихъ безмѣстныхъ поповъ и вмѣсто церквей назначали имъ для служенія часовни. Дѣти такого духовенства, такъ „не дѣйствительно служащаго“, при Петрѣ были все положены тамъ въ подушный окладъ, а потомъ во множествѣ были посвящаемы въ попы и дьяконы (2). Послѣ запрещенія посвящать такихъ духовныхъ дѣтей и церковниковъ, записанныхъ въ окладъ, при Петрѣ II отъ разныхъ помѣщиковъ въ Синодъ и Сенатъ стали поступать многочисленныя челобитья, въ которыхъ просители, представляя правительству о недостаткѣ кандидатовъ на священно-служительскія мѣста, просили о разрѣшеніи для нихъ ставить въ попы и дьяконы людей духовнаго званія изъ положенныхъ за ними въ подушный окладъ, при чемъ давали обязательство, „что они тѣхъ бывшихъ церковниковъ отъ себя увольняютъ и подушного оклада деньги платить будутъ (за нихъ) сами и ихъ вотчинные крестьяне вѣчно“. Сенатъ согласился на такое условіе; разумеется, дѣти такихъ податныхъ священно-служителей должны были оставаться также въ подушномъ окладѣ (3). — Означенныя опредѣленія имѣли полную силу и въ послѣдующее время до тѣхъ поръ, пока страшные разборы духовенства 1730-хъ годовъ не опустошили этого сословія до того, что кромѣ податныхъ церковниковъ во многихъ мѣстахъ рѣшительно некого было ставить въ священство.

(1) П. С. З. VII, № 4802. 4804.

(2) Тамже № 4627. 4996.

(3) Тамже № 3202. 5264.

Обездокоенное этимъ обстоятельствомъ, правительство рѣшилось наконецъ въ 1741 г. дозволить опредѣленіе достойныхъ людей къ церквамъ и изъ податныхъ церковниковъ съ выключеніемъ ихъ изъ оклада и съ переводомъ въ духовное вѣдомство (*). Но послѣ ревизіи 1744 г. вопросъ объ этихъ церковникахъ сталъ снова рѣшаться въ прежнемъ смыслѣ; какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ дѣтей не велѣно было производить не только въ священно-служители, но даже въ штатныя дьячки и пономари при церквахъ (**).

Во время почти самаго производства ревизіи 1744 г. возникло дѣло объ одномъ священническомъ сынѣ новгородской епархіи Иванѣ Никифоровѣ, который во время разбора 1738 г. поставилъ за себя рекрута и, не желая учиться въ архіерейской школѣ, согласно съ тогдашнимъ опредѣленіемъ о такого рода людяхъ, поступилъ въ податное состояніе, записался въ купечество, а теперь снова домогался попасть въ духовное званіе. Въ немъ приняла участіе новгородская консисторія и послала отъ себя въ губервскую канцелярію требованіе—выключить Никифорова изъ пеха по силѣ указа 1741 г., такъ какъ онъ достоинъ духовнаго званія да притомъ и опредѣленъ уже въ псаломщики въ Троицкую пустынь деревской пятины. Канцелярія снеслась съ ратушей; ратуша съ своей стороны не нашла въ требованіи консисторіи ничего незаконнаго и немедленно исключила Никифорова изъ своихъ списковъ. Тѣмъ бы дѣло и кончилось, но въ это время какъ разъ наѣхала ревизія; производившій ее въ Новгородѣ кн. Черкасскій пришелъ въ затрудненіе, писать Никифорова въ ревизію, или нѣтъ, „по неже въ инструкціи о ревизіи изъ прежняго подушнаго оклада положенія выключки чинить ли, о томъ не изъяснено“, и потребовалъ объ этомъ предметѣ

(*) Этотъ указъ выводится на справку въ ук. 1744 г. XII, № 9113.

(**) П. С. З. XII, № 8981. XIII № 9781.

указа изъ Сената. Вопросъ изъ частнаго сдѣлался общимъ. Сенатъ рѣшилъ оставить Никифорова въ цехъ, на томъ основаніи, что онъ самъ не пожелалъ прежде оставаться въ духовномъ званіи чрезъ поступленіе въ семинарію и самъ записался въ цехъ, и что этому минуло уже 8 лѣтъ, „того ради за такимъ не мало прошедшимъ временемъ какъ его Никифорова, такъ и другихъ такихъ же, написанныхъ въ купечество и въ цехъ церковниковъ, кои понынѣ не исключены и въ подушномъ окладѣ состоятъ, изъ того подушнаго оклада не исключать“ (1).

Послѣ ревизіи посвященіе податныхъ церковниковъ и духовныхъ дѣтей было совершенно остановлено. Въ 1756 г. правительство однако объявило, что такое безусловное запрещеніе есть мѣра временная до будущаго указа, который будетъ составленъ на общей конференціи Синода и Сената. Но конференція замедлила состояться, а между тѣмъ въ св. Синодѣ постоянно присылались докучливыя челобитныя изъ епархій, гдѣ архіереи отказывали всѣмъ просителямъ, которые приставали къ нимъ съ просьбами о посвященіи въ священно-служители изъ положенныхъ въ подушный окладъ, не смотря на то, что эти просители по прежнему порядку общались сами платить окладъ за посвященныхъ; истратившись понапрасну на хлопоты и проѣздъ въ епархіальный городъ изъ мѣстностей иногда очень отдаленныхъ отъ послѣдняго, челобитчики обращались послѣ этого съ своими докуками къ св. Синоду. Синодъ взялся наконецъ самъ рѣшить безпокойный вопросъ, не дожидаясь конференціи съ Сенатомъ, и въ 1761 г. выдалъ указъ совершенно согласный съ прежними опредѣленіями временъ Петра II и Анны Іоанновны: дозволено посвящать только такихъ церковниковъ, положенныхъ въ окладъ, за которыхъ окладъ обяжутся платить до слѣдующей

(1) Тамже XII, 9113.

ревизии или ихъ помѣщики, или общества, къ которымъ они приписаны, на основаніи указовъ 1727 и 1728 гг., потому что при соблюденіи означеннаго условія въ платежъ подушнаго оклада не будетъ казнѣ никакого ущерба (*).

Если правительство такъ неохотно дозволяло поступленіе въ духовное званіе людямъ духовнаго же происхожденія, побывшимъ въ окладѣ, тѣмъ разумеется, строже въ этомъ случаѣ оно должно было поступать въ отношеніи къ своимъ постояннымъ тяглымъ и служилымъ людямъ. Запрещеніе посвящать ихъ въ священныя санѣ имѣло полную силу даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ въ духовенствѣ чувствовался положительный недостатокъ и гдѣ подобное запрещеніе могло сопровождаться значительнымъ вредомъ для интересовъ Церкви. Въ 1727 г. изъ Тобольска жаловались, что „церкви за неимуществомъ священно-служителей и причетниковъ многія пустыютъ, а ставить некого, понеже, кромѣ причетниковъ, изъ постороннихъ не дозволено“, а причетниковъ мало, да и тѣхъ горнозаводскіе управители употребляютъ на работы, а ставить не дають (**). Въ 1729 г., по случаю смерти множества священно-и-церковно-служителей въ Астрахани отъ мороваго повѣтрія и недостатка на ихъ мѣста новыхъ кандидатовъ изъ духовнаго званія, св. Синодъ обращался къ Сенату за разрѣшеніемъ ставить на ваканныя мѣста новыхъ священно-служителей изъ астраханскихъ купцовъ и другихъ горожанъ. Въ виду такой крайности Сенатъ согласился на представленіе Синода, но съ большими ограниченіями: ставить изъ разночинцевъ, буде найдутся какіе достойные, но чтобы они не были положены въ подушный окладъ, не числились въ службѣ и не состояли подѣ дѣломъ, были люди свободные и не бѣглецы, а изъ астраханскихъ

(*) Тамже XIII, 9781. XV, 11336.

(**) Пекарск. Наука и Литт. при Петрѣ. т. I, стр. 121.

купцовъ, которые пожелають быть въ духовномъ чинѣ, поставлать только въ такомъ случаѣ, когда купечество обяжется платить за нихъ подушныя деньги (¹). Въ 1739 г. св. Синодъ снова просилъ дозволенія, ради „крайней во священствѣ нужды и неимущества у многихъ церквей священно-и-церковно-служителей“, дозволить посвященіе изъ свѣтскихъ чиновъ въ Иркутской епархіи, въ Охотскѣ и Камчаткѣ. На этотъ разъ Сенатъ согласился посвященныхъ въ означенныхъ мѣстностяхъ свѣтскихъ людей освобождать отъ всякихъ службъ, какія они несли до посвященія, но поставленіе въ церковный клиръ изъ податныхъ всѣтаки поставилъ при этомъ подъ условіе, *sine qua non*...—если прихожане сами обяжутся вносить за нихъ подушный окладъ и вести рекрутскую повинность (²). Такое постановленіе весьма любопытно и выразительно особенно въ отношеніи къ Камчаткѣ, гдѣ только лишь началось тогда обращеніе жителей въ христіанство и гдѣ духовенство было крайне нужно; на всю Камчатку былъ одинъ только священникъ, о. Ермолай, который, несмотря на свои постоянныя разъезды, въ иной мѣстности успѣвалъ побывать всего одинъ разъ въ 2—3 года и каждый разъ долженъ былъ совершать нѣсколько требъ, такъ сказать, задницъ числомъ, наприм. окрестить у козака дочь, потомъ за одинъ разъ перевѣнчать ее съ ея мужемъ да кстати уже окрестить тутъ же и ея ребенка (³). При импер. Елизаветѣ Петровнѣ св. Синодъ въ концѣ 1743 г. опять обратился къ Сенату съ представленіемъ о дозволеніи „опредѣлать въ церковный причетъ вѣрноподданныхъ помѣщичьихъ людей и крестьянъ“, потому что послѣ разборовъ духовенства въ царствованіе Анны Іоанновны въ приходахъ оставалось множе-

171.5

(¹) П. С. З. VIII, № 5432.

(²) Тамже X, № 7836.

(³) См. въ Истор.-стат. опис. камч. церквей. Тр. кievск. акад., 1861 г., т. 1.

ство священно-и-церковно-служительскихъ вакансій, но всего черезъ три мѣсяца самъ же отказался отъ своей мысли и, какъ мы уже упоминали, входилъ въ Сенатъ съ другимъ представленіемъ замѣщать церковныя мѣста лицами только духовнаго происхожденія⁽¹⁾. Послѣ ревизіи 1744 г. посвященіе податныхъ людей допускалось только въ случаяхъ особенной въ немъ нужды и подъ тѣмиже условіями, какъ посвященіе податныхъ церковниковъ; всѣ указы, относившіеся къ послѣднимъ, вмѣстѣ съ приведеннымъ рѣшеніемъ св. Синода 1761 г., въ одинаковой мѣрѣ относились и ко всѣмъ податнымъ людямъ. Подъ вліяніемъ такихъ стѣснительныхъ распоряженій и сословныхъ стремленій духовныхъ властей всѣ церковныя мѣста занимались исключительно духовными людьми, не исключая и мѣстъ причетническихъ; причетникъ, опредѣленный къ церкви изъ податныхъ людей, считался обыкновенно недѣйствительнымъ и не причислялся къ постоянному штату, потому что всегда могъ быть возвращенъ въ свое прежнее состояніе, если даже какимъ-нибудь способомъ и отдѣлялся отъ этого состоянія⁽²⁾.

Относительно опредѣленія въ духовное званіе изъ военныхъ людей мы уже знаемъ запретительныя мѣры при Петрѣ II, когда солдатскихъ дѣтей не велѣно было принимать даже въ духовныя школы для обученія. Около тогоже времени правительство въ первый разъ обратило вниманіе на невыгодные для него результаты, происходившіе отъ свободнаго поступленія въ духовное званіе малороссійскихъ козаковъ; но на этотъ разъ дѣло ограничилось только запрещеніемъ духовнымъ лицамъ владѣть козацкими землями, которыя переходили въ руки духовенства чрезъ благочестивое пожертвованіе для спасенія души, дареніе, покупку и между прочимъ чрезъ поступленіе козака-вла-

(1) П. С. З. XII, № 8904.

(2) Напр. X, № 7144.

дѣльца въ священный санъ (¹). Но такъ какъ о самомъ посвященіи козаковъ при этомъ ничего не было сказано, то владѣніе духовенства козацкими грунтами продолжалось и послѣ этого. При Аннѣ Іоанновнѣ обращено вниманіе и на посвященіе козаковъ. Въ 1734 г. вышелъ именной указъ, по которому „архіереямъ кievскому, черниговскому и переяславскому изъ мало-россійской старшины и козаковъ и старшинскихъ и козачьихъ дѣтей, безъ аттестатовъ полковничья и старшины полковой, а знатныхъ и безъ позволенія генеральной войсковой канцеляріи, въ діаконы и попы посвящать не велѣно, дабы отъ того козакамъ и службѣ нашей умаленія быть не имѣло. А которые до того нашего указа такимъ образомъ во діаконы и въ попы посвящены и имѣли за собою жалованья и козацкіе грунты и о тѣхъ будутъ челобитчики, и тѣ дѣла разсматривать и вершить по правамъ; а кто за симъ вашимъ указомъ, утаясь, посвященъ будетъ, а дѣтей ихъ мужеска пола въ службѣ нашей не будетъ, и у тѣхъ козацкіе грунты отбирать и отдавать ближнимъ ихъ родственникамъ, кои въ службѣ нашей обрѣтаются“ (²). Столкновенія между козацкой и духовной службой не прекращались и въ царствованіе имп. Елизаветы. Въ это время встрѣчаемъ любопытную переписку сумской полковой канцеляріи съ харьковской консисторіей объ одномъ священникѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и козакомъ, Герасимъ Горѣльчанинѣ. Вотъ какія свѣдѣнія сообщала объ немъ полковая канцелярія: „съ прошлаго 1732 г. написанъ въ лебединской сотнѣ лебединскій житель Романъ Горѣльчанинъ, съ котораго года и понынѣ платилъ козацкій окладъ. И оный козакъ Горѣльчанинъ, укрываясь отъ полковой службы, въ прошломъ 1738 г. сына своего Герасима послалъ въ Бѣлгородъ тайно и проискомъ

(¹) Тамже VIII, № 5324 п. 18. Пункты, данные гетману Апостолу.

(²) Ш. С. З. IX. 6614 п. 12.

его тотъ бывшимъ преосв. Петромъ въ г. Лебедянь къ Петропавловской церкви посвященъ въ попы⁴. Предъ посвященіемъ Герасимъ показалъ въ консисторіи, что онъ человекъ свободный и въ окладъ никакой не записанъ. Сумская полковая канцелярія поспѣшила было сообщить консисторіи вѣрныя свѣдѣнія о его личности, но опоздала. Несмотря на посвященіе, въ ревизію онъ все-таки записанъ былъ козакомъ и, платя полный козацій окладъ, оставилъ поэтому за собой и козацій свой грунтъ и пользовался доходами и отъ козацкой и отъ священнической службы; изъ дѣла объ немъ видно, что онъ былъ человекъ довольно зажиточный и имѣлъ торговныя лавки⁽¹⁾. Въ предотвращеніе подобныхъ случаевъ наши іерархи, въ епархіяхъ которыхъ были козацкіе приходы, давно стремились къ тому, чтобы правительство вовсе запретило опредѣлять козаковъ въ духовное званіе и чтобы дѣти священно-и-церковно-служителей числились не въ козацкомъ, а въ духовномъ званіи, и были, если не единственными, то по крайней мѣрѣ главными кандидатами на церковныя мѣста. Настаивая на этомъ, іерархія между прочимъ рассчитывала и на то, что введеніе въ козацкихъ земляхъ обычной наслѣдственности духовнаго званія будетъ самымъ лучшимъ средствомъ къ развитію надъ козацкимъ духовенствомъ епархіальной власти, потому что при существовавшихъ порядкахъ она сильно стѣснялась козацкими начальствами; такъ наприм. воронежскіе архіереи никакъ не могли заставить донское духовенство, не только отдавать дѣтей въ школы, но даже произвести имъ обычную перепись для приведенія въ извѣстность наличнаго состава приходскихъ причтовъ съ ихъ семействами; на всѣ требованія свои по этому предмету они получали одинъ отвѣтъ, что семейства донскаго духовенства состоятъ въ войсковомъ чинѣ и епархіальная власть не имѣетъ права ничѣмъ ихъ касаться. Можно

(1) Описан. харьк. епарх. вып. III, 450—452.

припомнить здѣсь также извѣстныя намъ жалобы архіереевъ по вопросу объ опредѣленіи къ козацкимъ церквямъ причетниковъ. Св. Синодъ нѣсколько разъ издавалъ указъ о томъ, чтобы козацкія начальства не привлекали духовенство подъ свою команду и оставляли дѣтей дѣйствительно служащихъ священно-и-церковно-служителей свободными отъ козацкой службы для церквей святыхъ. Правительство слабо поддерживало подобныя распоряженія, не желая обижать козаковъ и нарушать ихъ старинныя права и обычаи. Вся его заботливость сосредоточивалась только на томъ, чтобы чрезъ посвященіе козаковъ въ свящ. санъ не переходили во владѣніе духовенства козацкіе грунты къ ущербу интересамъ козацкой службы; вслѣдствіе этого оно требовало, чтобы козаки опредѣлялись въ духовное званіе не иначе, какъ съ вѣдома своего начальства, которое при этомъ должно было сдѣлать нужныя распоряженія о ихъ грунтахъ. Грунтъ былъ тоже для козака, поступающаго въ церковное служеніе, что подушный окладъ для ставленика изъ податныхъ; всѣ козацкія повинности съ грунта должны были непремѣнно выполняться и послѣ посвященія грунтоваго владѣльца, какъ долженъ былъ выплачиваться подушный окладъ послѣ посвященія обложеннаго имъ податнаго человѣка; дѣти того и другаго оставались въ прежнемъ званіи отца (1).

II. Знаменскій.

(продолженіе будетъ)

(1) См. напр. П. С. З. X, 7144. 7331. XII, 9290, 9329. XIV, 10461. XVII, 12454.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1.

ОТ ПЕЧАТАНА,

ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНІЕМЪ,

ВЪ ПОЛЬЗУ ШКОЛЪ БРАТСТВА СВЯТИТЕЛЯ ГУРІЯ,

А З Б У К А ,

по новому способу обучать дѣтей грамотѣ,

Архимандрита Викторина.

Азбука эта въ первый разъ издава была въ 1860 году.— Въ 1869 году, особымъ отдѣломъ ученаго комитета мин. нар. проsv., *опредѣлено*: рекомендовать ее тѣмъ священно-служителямъ, которые занимаются обученіемъ дѣтей.— Въ «Журналѣ мин. нар. проsv.» за апрѣль мѣсяць сего 1871 года, она включена въ каталогъ книгъ, одобренныхъ для употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

Нынѣшнее изданіе ея, между прочимъ, дополнено уроками: о пѣніи по слуху и по нотамъ, — о чтеніи рѣчи стихотворной, — о чтеніи діалоговъ или рѣчи разговорной, — о буквахъ латинскихъ и греческихъ, и извлеченіемъ изъ Устава духовныхъ училищъ, для родителей, желающихъ обучать своихъ дѣтей въ сихъ училищахъ.— Молитвы, псалмы, стихиры, пріосы и чтенія изъ Евангелія помѣщены въ Азбуку, съ объясненіемъ напечатанныхъ словъ, или съ переводомъ на русскій языкъ.

Кромѣ снорога и легкаго обученія чтенію, по граждански и по церковно-славянски, Азбука эта довольно знакомитъ дѣтей со всѣми знаками, встрѣчающимися въ книгахъ, строчными, надстрочными, арифметическими и т. под. Содержаніемъ притворомъ для чтенія, она способна напечатлѣвать въ сердцахъ дѣ-

той здравыя патриотическія и религіозныя понятія. Богѣ же всего она, приспособительно къ понятію дѣтей, знакомитъ ихъ съ ученіемъ о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ, которое необходимо всего знать христіанскимъ дѣтямъ.

Въ Азбукѣ 130 стр. Цѣна ей 15 к. безъ пересылки. При требованіи 40 экз. и богѣ, для школъ и для продажи при церквяхъ, за пересылку и упаковку ничего не прилагается.

Съ требованіемъ можно обращаться въ Казань, въ Совѣтъ Братства св. Гурія, или въ С.-Петербургъ къ священнику Спасо-бочаринской на Выборгск. сторонѣ церкви Василю Яковлевичу Михайловскому.

2.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ВЪ 1872 ГОДУ ИЗДАЧІИ:

ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА

„СТРАННИКЪ“,

ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ

ГАЗЕТЫ „СОВРЕМЕННОСТЬ“

И НАРОДНОЙ ГАЗЕТЫ

„МІРСКОЕ СЛОВО“.

Подкрѣпленные помощію Божіею, и поощряемые въ нашихъ посильныхъ трудахъ постояннымъ сочувствіемъ какъ читающаго общества такъ и пишущей братіи, мы рѣшились и въ будущемъ 1872 году продолжать изданіе духовнаго учено-литературнаго журнала «СТРАННИКЪ» въ томъ же православномъ, религіозно-нравственномъ направленіи, въ какомъ издается онъ уже 12 лѣтъ.

Газета «СОВРЕМЕННОСТЬ», также съ живымъ сочувствіемъ встрѣченная нашими читателями и бывшими подписчиками нашего «Современнаго Листка», будетъ издаваться и въ будущемъ 1872 году безъ предварительной цѣнтуры, и по прежнему будетъ выходить два раза въ недѣлю. Она, слѣдя за современ-

III

ными политическими, церковными, общественными, педагогическими и литературными вопросами, попрежнему будет всегда открыта для свободного заявления со стороны нашего духовенства о его насущных нуждах и потребностях, вызываемых современною жизнью, и не перестанет отстаивать интересы православия и русской народности.

Въ тѣхъ же интересахъ православія и русской народности будетъ продолжаться изданіе народной газеты «МІРСКОЕ СЛОВО», подъ редакціею Владиміра Васильевича Гречулевича. Она будетъ выходить, вмѣсто двухъ, три раза въ мѣсяць.

Вслѣдствіе новыхъ почтовыхъ правилъ о пересылкѣ периодическихъ изданій, мы должны будемъ платить въ почтамтъ, противъ таксы за пересылку въ текущемъ году, за каждый экземпляръ «Странника» почти на половину болѣе, за «Современность» — почти вдвое, а за «Мірское Слово» — болѣе, нежели вчетверо (вмѣсто $13\frac{3}{4}$ коп. — 60 коп. съ экземпляра). Не смотря на это, мы рѣшились возвысить годовую плату только на «Мірское Слово» (иначе намъ пришлось бы платить за пересылку этой народной газеты вполтора раза болѣе, чѣмъ получать за самое изданіе ея), и то съ увеличеніемъ числа выпусковъ. Годовая же плата за «Странникъ» и «Современность» *остается таже* и на будущій годъ, какою прежде была нами назначена на этотъ нашъ журналъ и нашу газету «Современный Листокъ».

А именно: УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ на каждое изъ повременныхъ нашихъ изданій на будущій 1872 годъ слѣдующія:

Странникъ, состоящій изъ 12 книжекъ, которыя въ теченіи года составятъ четыре тома (по двѣ части въ каждомъ, съ общимъ счетомъ страницъ), съ приложеніемъ къ біографическимъ статьямъ портретовъ, и т. п., безъ доставки и пересылки: 3 р. 50 к. с.; съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ: 4 р.; съ пересылкою иногороднымъ тоже 4 р. с.

«Современность» изъ 104 №№, безъ доставки и пересылки: 3 р. 80 к., съ доставкою въ С.-Петербургѣ: 5 р.; съ пересылкою иногороднымъ тоже 5 р. с.

Мірское Слово — изъ 36 №№, безъ доставки и пересылки — 1 р. 40 к., съ доставкою въ С.-Петербургѣ 2 р.; съ пересылкою иногороднымъ тоже 2 р. с.

Требованія на всѣ три означенныя изданія адресуются исключительно такъ: *Въ Редакцію духовнаго журнала «Странникъ», въ С.-Петербургъ.* Въ видахъ своевременнаго удовлетворенія гг. подписчиковъ, мы *покорнѣе просимъ ихъ своевременно присы-*

IV

дать свои требованія и вѣрно обозначать свои адреса, которые могли бы быть редакціею отпечатаны безъ затрудненія и задержки. Подписчики, получавшіе наши періодическія изданія въ настоящемъ году, благоволятъ для облегченія редакціи, предлагать къ своимъ требованіямъ одинъ изъ печатныхъ адресовъ (съ обозначеніемъ № тракта и мѣста), наклеиваемыхъ на бандероли нашего журнала или нашей газеты.

Жителя С.-Петербурга благоволятъ присылать свои требованія по *городской почтѣ*, въ ту же *Редакцію Странника*, въ *Смоленскій монастырь*, съ своимъ полнымъ адресомъ, по которому разсылный доставитъ имъ билетъ и вѣсть получить отъ нихъ подписныя деньги. Съ билетомъ могутъ быть также доставлены и означенныя на внутренней сторонѣ обертки журнала прежнія наши изданія, если желаніе приобрести ихъ будетъ выражено въ томъ же требованіи.

Редакторъ и издатель журнала «Странникъ» и газеты «Современность», *Протоіерей Василій Гречулевичъ*.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА И ПРОЧИХЪ БЕЗПЛОТНЫХЪ СИЛЬ.

*Величаемъ васъ, святїи архангели
и ангели, и вся воинства, херувими
и серафими, славящїя Господа.*

(Величаніе въ честь безплотныхъ силъ).

Великъ, необъятенъ и необозримъ, слушатели братіе, видимый міръ Божій. Куда ни обратите вы ваши взоры, не увидите его предѣла и конца.

Но какъ ни необъятенъ онъ, какъ ни неизчислимо количество существъ, его населяющихъ, имъ не ограничивается твореніе Божіе. Св. вѣра, просвѣщаемая свѣтомъ Божественнаго откровенія, учитъ насъ, что кромя этого, видимаго нами міра, есть міръ невидимый, міръ духовный или ангельскій. Въ дѣйствительномъ бытіи этого міра она убѣждена столько же, сколько каждый изъ насъ убѣжденъ въ дѣйствительномъ бытіи міра видимаго.

Не такъ несомнѣнно бытіе міра духовнаго для разума, не принимающаго пособія отъ вѣры; но и онъ не можетъ отрицать бытія его; по крайней мѣрѣ, не можетъ представить твердыхъ и положительныхъ основаній для этого отрицанія. Думаемъ, напротивъ, что путемъ естественнаго даже размышленія и разсмотре-

ванія видимаго міра онъ можетъ быть приведенъ скорѣе къ признанію бытія міра духовнаго, чѣмъ къ его отрицанію.

Въ самоѣ дѣлѣ, въ окружающемъ насъ видимомъ мірѣ есть уже сторона для насъ сокровенная, недоступная не только для простаго глаза, но и для глаза, вооруженнаго искусственными орудіями. Сами матеріалисты признають, что, кромѣ видимаго и осязаемаго нами вещества, есть еще присущія веществу, но не подлежащія нашимъ чувствамъ силы. Конечно, эти силы, это невидимое, таинственное начало, проявляющее себя въ веществѣ, не то, что міръ духовно-ангельскій. Но почему не думать, что это—первая, самая низшая ступень отъ міра вещественнаго къ міру духовному, отъ земли къ небу?

Обращая за тѣмъ наше вниманіе на совокупность видимыхъ существъ, мы не можемъ не усматривать между ними постепеннаго восхожденія выше и выше, къ большему и большему совершенству. И слово Божіе и наука согласно говорятъ намъ, что самую первую и низшую ступень на лѣстницѣ видимаго творенія составляетъ простое, безжизненное вещество. За тѣмъ является среди его жизнь, но не въ полномъ своемъ развитіи и разнообразіи; прежде всего является жизнь растительная, потомъ жизнь животная,—та и другая въ безчисленныхъ и разнообразнѣйшихъ, болѣе и болѣе совершенныхъ формахъ. Наконецъ является человѣкъ и въ немъ жизнь высшаго порядка, жизнь духовная. Чтѣ бы ни говорило современное намъ ученіе, уравнивающее человѣка съ простыми животными, мы видимъ въ немъ проявленіе жизни выше животной, — жизни сознательно-разумной, нравственно-религіозной, ставящей его безмѣрно выше царства животныхъ,—жизни, которую не могло сообщить ему ни одно животное, по той простой причинѣ, что ни одно изъ нихъ само ея не имѣетъ.

Не служитъ ли это указаніемъ на то, что человѣкъ, заканчивая собою рядъ видимыхъ созданій Бо-

жнихъ, въ то же время начинаетъ рядъ созданий невидимыхъ, что онъ служить звѣномъ, связующимъ мѣръ вещественный съ міромъ духовнымъ?—Въ самомъ дѣлѣ, изъ свойствъ и стремений нашей души можно примѣчать, что человѣкъ есть членъ не только міра вещественнаго, но и міра духовнаго. Душа его связана съ тѣломъ и чрезъ него ограничена предѣлами пространства и времени, въ которые заключено все вещественное. Но въ то же время она стремится за эти предѣлы и нѣкоторымъ образомъ преодолеваетъ ихъ. Такъ, ея мысль мгновенно пореносится изъ одного мѣста въ другое, изъ настоящаго времени—въ давноминувшее прошлое и въ далекое будущее. Несмотря на тѣсную связь съ тѣломъ, она живетъ и своею особенною жизнью, отличною отъ жизни тѣлесной. Такъ, при безпрерывномъ измѣненіи тѣла, она остается всегда и неизмѣнно одною и тою же; не овладѣвая жизненными управленіями своего тѣла и даже, можно сказать, не сознавая ихъ, она овладѣваетъ своими мыслями, чувствованіями и желаніями,—овладѣваетъ въ своемъ самосознаніи сама собою; живя среди видимаго міра, въ то же время стремится въ мѣръ невидимый, подтверждая, такимъ образомъ, слова апостола Христова: *не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. 13, 14). Владѣя всѣми благами земли, она не довольствуется ими, а ищетъ благъ высшихъ; живя въ настоящемъ, она въ то же время простираетъ свои мысли и надежды въ будущее, которому не видитъ конца, а вмѣстѣ съ тѣмъ не видитъ конца и своему существованію и даже не можетъ представить себѣ этотъ конецъ, хотя и видитъ, почти ежедневно, какъ прекращается существованіе жизни тѣлесной. Такимъ образомъ, свойства и стремленія самой нашей души даютъ намъ примѣтить, что она, по своей природѣ, выше видимаго міра,—что она не отъ міра сего, а отъ міра невидимаго, духовнаго, или, говоря языкомъ св. вѣры и Церкви, міра ангельскаго. Такъ, человѣкъ, *умаленный*, по слову Писанія, *малымъ чинъ отъ ан-*

гелъ (Пс. 8, 5), своюю духовною стороною связывается съ міромъ ангельскимъ и принадлежитъ ему.

Вотъ почему такъ сродно нашей душѣ вѣрованіе въ бытіе міра ангельскаго. Вотъ почему мы находимъ это вѣрованіе у всѣхъ народовъ, подобно тому, какъ у всѣхъ народовъ находимъ вѣрованіе въ бытіе Бога,—Творца міра духовнаго и вещественнаго.

Назоветъ ли кто-нибудь это всеобщее вѣрованіе въ бытіе міра духовнаго мечтою воображенія, или даже болѣе оскорбительнымъ названіемъ суевѣрія, по той единственно причинѣ, что этотъ міръ недоступенъ для нашихъ внѣшнихъ чувствъ?—Но по этой причинѣ мы, по крайней мѣрѣ весьма многіе изъ насъ, должны бы отвергнуть, или сильно усумниться въ дѣйствительномъ существованіи безчисленнаго множества существъ, принадлежащихъ къ самому видимому нами міру. Не будь у насъ искусственныхъ зрительныхъ орудій,—телескопа и микроскопа, сама наука не имѣла бы права говорить о существованіи цѣлыхъ міровъ незримыхъ простымъ глазомъ насѣкомыхъ и громадныхъ по своимъ размѣрамъ свѣтилъ, находящихся въ недосыгаемой для простаго нашего зрѣнія области небснаго пространства. Итакъ, несовершенство и недостаточность нашихъ естественныхъ органовъ не можетъ служить для насъ достаточнымъ основаніемъ для отрицанія того, что не подлежитъ воспріятію этихъ органовъ. Тѣмъ болѣе это несовершенство и недостаточность нашихъ тѣлесныхъ органовъ не можетъ служить основаніемъ для отрицанія міра духовнаго. Не дивно, если этотъ міръ не подлежитъ воспріятію нашихъ тѣлесныхъ чувствъ; духовное должно быть и постигаемо чувствами духовными: *о духовномъ*, по слову св. апостола, *надобно судить духовно* (1 Кор. 2, 14). Если бы наши духовныя чувства были изопрены духовнымъ обученіемъ, если бы мы имѣли, какъ говоритъ св. апостолъ, *просвѣщенныя очеса сердца* (Ефес. 1, 18), то, можетъ быть, еще и во время своей земной жизни, руководились бы въ отношеніи познанія міра духовнаго

не *върою* только, но и *видѣніемъ* (1 Кор. 5, 7). По крайней мѣрѣ, примѣры святыхъ людей, имѣвшихъ эти просвѣщенные очи сердца, показываютъ, что такое видѣніе не невозможно для человѣка.

Но если это видѣніе доступно въ настоящей жизни только для нѣкоторыхъ, то, безъ сомнѣнія, доступно будетъ для всѣхъ насъ въ жизни будущей, гдѣ откроются наши духовныя чувства, и мы *узримъ*, по слову апостола Христова, въ болѣе или менѣе ясномъ свѣтѣ, по мѣрѣ нашего духовнаго совершенства, самого Господа Бога (1 Иоан. 3, 2 сл. 1 Кор. 13, 12), а во свѣтѣ лица Божія узримъ, безъ сомнѣнія, и міръ свѣтлыхъ духовъ, окружающихъ престолъ Божій (Ис. 6, 3) и *выну видящихъ лице нашего Отца небеснаго* (Матѣ. 18, 10).

Рано ли, поздно ли, для каждаго изъ насъ наступитъ время, когда *земная храмينا нашего духа разорится* (2 Кор. 5, 1), и мы, если будемъ того достойны, будемъ, въ небесномъ, вѣчномъ жилищѣ, непрестанно славословить Господа, воспѣвая ему вмѣстѣ съ святыми ангелами: *святъ, святъ, святъ, Господь Вседержитель* (Апок. 4, 8),—да будетъ *исполнена вся земля славы Его* (Ис. 16, 3).

Теперь же, слуш. бр., пока не настало для насъ это время, будемъ стараться о томъ, чтобы приготовить себя къ вѣчному жилищу на небесахъ, *очищая себя отъ всякія скверны плоти и духа и совершенствуясь въ святости со страхомъ Божиимъ* (2 Кор. 7, 1). Будемъ молить Господа, да оградитъ Онъ насъ въ земномъ нашемъ странствованіи святыми своими ангелами, да защищаютъ они насъ *кровомъ криль своей невественныя славы* (тропарь архангеламъ) отъ нападеній враждебныхъ намъ и нашему спасенію духовъ злобы. Аминь.

П. А. В.

ОЧЕРКЪ

РЕЛИГИОЗНАГО СОСТОЯНІЯ КРЕЩЕННЫХЪ ТАТАРЪ, ПОДВЕРГШИХСЯ ВЛІЯНІЮ МАГОМЕТАНСТВА.

(МИССИОНЕРСКІЙ ДНЕВНИКЪ)

Преподаватель казанской духовной академіи Н. Ив. Ильминскій, въ докладѣ къ Его Пресвященству, прописаль, что „въ числѣ крещенныхъ татаръ, въ нынѣшнее время отступавшихъ отъ православія, были жители деревни Елышева, ачинскаго прихода. Мѣрами гражданской власти почти всѣ жители этой деревни возвращены къ православной Церкви, но такое ихъ возвращеніе, конечно, не можетъ быть вполнѣ искренне. Желательно, чтобы человекъ опытный въ собесѣдованіи съ татарами и знающій магометанское ученіе приложилъ попеченіе, чтобы исторгнуть, при помощи Божіей, сомнѣніе и недоумѣніе этихъ колеблющихся христіанъ, возстановляющія ихъ противъ святаго и спасительнаго ученія Христова“. Докладывая о семъ, Н. Ив. просилъ послать и благословить меня въ деревню Елышево для упомянутой цѣли, срокомъ на мѣсяць. При чемъ онъ привокупилъ, что „елышевцы съ половины октября отправляются на заработки въ разныя мѣстности и обыкновенно къ магометанамъ; и потому отправленіемъ меня было бы полезно ускорить“.

А нѣсколько прежде г. исправляющій должность начальника губерніи, въ отношеніи отъ 31 августа

1866 года, прописаль спархіальному начальству, что по случаю отпаденія крещеныхъ татаръ деревни Елышева, мамадышскаго уѣзда, отъ православія въ магометанство, онъ отправлялся въ эту деревню для убѣжденія сказанныхъ татаръ оставить ученіе Магомета и возвратиться въ нѣдра православной Церкви, и хотя, послѣ нѣсколькихъ колебаній, татары эти и изъявили желаніе и дали подписку оставаться въ православіи, но имѣя въ виду шаткость ихъ религіозныхъ вѣрованій, обусловливающуюся, кромѣ другихъ обстоятельствъ, незнаніемъ самыхъ основныхъ истинъ и правилъ христіанства, можно ожидать, что отпаденіе ихъ въ магометанство легко можетъ снова повториться, если мѣстное духовенство не изыщетъ средствъ подорвать наклонность ихъ къ исламизму и утвердить ихъ въ истинахъ и правилахъ христіанской вѣры такъ, чтобы они были христіанами не по званію только, но и по духу.

Сообщая о семъ, духовная консисторія просила академическое правленіе сдѣлать распоряженіе объ увольненіи меня на одинъ мѣсяць въ командировку для утвержденія въ православной вѣрѣ слабыхъ въ оной христіанъ деревни Елышева.

Деревня Елышево находится въ мамадышскомъ уѣздѣ по зюрейской дорогѣ въ село Абди. Она населена исключительно одними крещеными татарами, коихъ въ деревнѣ 237 муж. и 251 жен. пола, 488 душъ обоего пола (1). Приходомъ эти крещеные татары принадлежатъ къ селу Ачамъ (лаишевскаго уѣзда), отъ которыхъ Елышево отстоитъ на 18 верстѣ. Елышево, состоящее, главнымъ образомъ, изъ одной улицы, расположено при подошвѣ высокихъ горъ и представляется издали точно въ ущельи. Изъ горъ течетъ ключъ

(1) См. Статистическія свѣдѣнія о крещеныхъ татарахъ казанской и нѣкоторыхъ др. епархій въ волжскомъ бассейнѣ. Казань 1866 г. стр. 14.

чистой, холодной воды. Среди деревни находится православная часовня.

Когда были крещены татары деревни Елышева, на это мы не нашли въ настоящее время положительных данныхъ. Мы можемъ дѣлать объ этомъ времени только одни приблизительныя предположенія. Извѣстно, что еще казанскій митрополитъ Сильвестръ посѣщаль новокрещенныхъ татаръ деревни Абдей (теперь село) въ 1729 году, но въ его донесеніи свят. Синоду говорится только вообще „о новокрещенскихъ жилищахъ, новокрещенскихъ деревняхъ“, но въ частности, кромѣ Абдей, не упоминается по имени ни одна деревня ⁽¹⁾. Быть можетъ, и Елышево, какъ селеніе новокрещенское, было тогда посѣщено митрополитомъ Сильвестромъ. Если же елышевцы не были крещеными во времена Сильвестра, то, по всей вѣроятности, они крестились во время дѣятельности свѣяжской новокрещенской конторы, послѣ 1740-хъ годовъ. Въ нѣкоторыхъ письменныхъ бумагахъ и печатныхъ документахъ упоминаются крещеные татары сосѣднихъ съ Елышевомъ деревень: Малыхъ-Саврушъ въ 1768 г. (Поля. собр. зак. рос. импер. т. XVIII. № 13,126), Учъ-Наратъ и др. Такимъ образомъ крещеніе татаръ этихъ мѣстъ вообще можно относить къ XVIII вѣку. Въ приходской ачинской церкви нѣтъ никакихъ бумагъ, свидѣтельствующихъ о времени просвѣщенія елышевцевъ св. христіанскою вѣрою. Мы не знаемъ, такимъ образомъ, и самыхъ дѣятелей, вразумившихъ ихъ оставить магометанство.

Въ преданіи стариковъ деревни Елышева сохранились только нѣкоторыя свѣдѣнія о крестившемся родоначальникѣ этой деревни. Такъ намъ рассказывали, что самая деревня Елышево сначала существовала на другомъ мѣстѣ.—а правомъ берегу малой Мечи, гдѣ теперь находится пустое поле, засѣваемое коноплемъ.

(1) Православный Собесѣдникъ 1858 г. ч. 3: «Лука Камашевичъ, епископъ казанскій», стр. 234 и дал.

Старикъ по имени *Елышъ* первый оставилъ берегъ Меши и, крестившись, поселился около родника, который струится изъ горъ, окружающихъ Елышево. Въ настоящее время изъ племени Елыша остался одинъ домъ *Исааки Θεодорова*, который и до сихъ поръ живеть около родника ⁽¹⁾. Сначала деревня Елышево была небольшая, но потомъ она увеличилась пришельцами, которые пожелали креститься. Такъ сюда пришли вотяки, отъ коихъ ведутъ свое начало Татьяна Николаева, Иванъ Матвѣевъ ⁽²⁾, Логинъ и Петръ Ивановы ⁽³⁾. Еще пришелъ сюда изъ сосѣдней деревни Баландышъ магометанинъ, по имени *Токси*. Онъ крестился въ Елышевѣ ⁽⁴⁾. Неизвѣстно, откуда пришелъ въ Елышево

(1) Вотъ родословіе Исаака Θεодорова: Исаакъ *Θεοδωρος* — Θεοδωρъ *Μιχαήλωσ*, Михаилъ *Λογινοσ*, Логинъ, кажется, уже *Ελυσσεσ*. Если же и есть еще звѣно, то не больше одного.

(2) Родословіе *Τατϋανα*: Иванъ *Πηκολαεσ*, Николай *Πατρινοσ* (Татьяна Николаева), Иванъ *Πετροσ*, Петръ... этотъ Петръ, кажется, былъ уже самъ вотякъ, или его отецъ вотякъ крестившійся. Еще изъ вотяковъ Иванъ *Ματϋαεσ*, Матвѣй *Γερασιμονσ*, Герасимъ Петровъ, Иванъ Петровъ, Степанъ Петровъ, Дмитрій Петровъ и Лука Петровъ (братья). Последний ушелъ въ деревню *Сосновыи-Мыс*. Отъ Дмитрія Петрова происходятъ братья Василій и Ефремъ Кирилловы — главные подстрекатели крещеныхъ татаръ къ отступничеству въ магометанство.

(3) Логинъ и Петръ Ивановы. Отецъ ихъ Иванъ *Ματϋεσ*, Матвѣй *Γερασιμονσ*...

(4) Отъ племени баландышскаго *Τοκσ* ведутъ начало слѣдующія семьи: 1) Никифоръ *Δανιλωσ* (теперь живъ), Даниловъ отецъ *Αιτσ*. 2) Михаилъ *Πηκολαεσ* (также живъ), Николай *Δανιλωσ*, Даниль *Αιτωσ*. 3) Θεοδωρъ *Πηκολαεσ*, Николай *Δανιλωσ*... 4) Константинъ *Θεοδωροσ*. 5) Науъ *Δημητρίεσ*, Дмитрій *Μηχαήλωσ*, Михаилъ братъ *Αιτσ*. 6) Ксенофонтъ Кондратьевъ, Кондратій *Δημητρίεσ*.... 7) Герасимъ Кондратьевъ братъ Ксенофонта. 8) Макаръ *Προκοπεσ*, Промоній *Στεφανωσ*, который примыкаетъ уже къ *Τοκσ*. 9) Θεοδωρъ *Λεοντῆεσ*, Леонтій *Αρτανῆεσ*, Артемій изъ племени *Αιτσ* *Τοκσ*. 10) Автонъ и Дмитрій *Γερασιμονσ*, Герасимъ *Πατρινοσ*, Иванъ.... 11) Алексѣй *Βασιλῆεσ*, Василій *Πατρινοσ* братъ Герасиму *Πατρινοσ*.

еще одинъ магометанинъ, по имени *Бикей*, отъ коего ведетъ свое начало вмѣстѣ съ другими слѣпецъ-старикъ *Семякай*, коему мы и обязаны всѣми этими свѣдѣніями ⁽¹⁾. Недалеко отъ кельи Семякая есть болото (озеро), близъ коего находится гора, на которой въ давнее время былъ большой лѣсъ. Изъ этого лѣса вырублена была и часовня елышевская. Когда строили эту часовню, никто изъ елышевцевъ не помнитъ. Семякай сказываетъ, что часовня елышевская существуетъ уже болѣе ста лѣтъ. По словамъ его же, въ Казань отпавлялись Иванъ Петровъ (изъ вотяковъ) и Леонтій Никифоровъ (изъ татаръ) просить благословенія на построеніе часовни въ деревнѣ Елышевѣ.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о религіозномъ состояніи крещеныхъ татаръ деревни Елышева за прошлое XVIII столѣтіе. Въ первой половинѣ XIX вѣка они не отличались усердіемъ къ христіанской вѣрѣ, почему въ 1830-хъ годахъ къ нимъ пріѣзжалъ для увѣщаній не разъ миссіонеръ архимандритъ Гурій. О религіозномъ состояніи крещеныхъ татаръ этой деревни за настоящее время, думаемъ, читателю дастъ понятіе миссіонерскій дневникъ, составленный нами на основаніи представлявшихся намъ фактовъ изъ самой жизни татаръ этой деревни.

22-го сентября 1866 г. я прибылъ, съ двоими мальчиками изъ крещеныхъ татаръ, Борисомъ и Яковомъ, учениками Василья Тимоеева, въ деревню Елышево, гдѣ обнаружилось, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ то-

(¹) Вотъ его родство: 1) Семень Дмитріевъ (Семякай), Дмитрій Леонтьевъ, Леонтій Никифоровъ, Никифоръ Бикеевъ, Бикей Балтачевъ. 2) Иванъ Прокопьевъ, Прокопій Леонтьевъ, Леонтій Никифоровъ... 3) Михаилъ Θεодоровъ, Θεодоръ Прокопьевъ, Прокопій Леонтьевъ... 4) Осипъ Васильевъ, Василій Иванковъ, Иванъ Леонтьевъ... 5) Давудъ Иванковъ, Иванъ Семеновъ, Семень Никифоровъ, Никифоръ Бикеевъ.... Всѣ эти родословія показываютъ, что во времени крещенія елышевцевъ прошло 4—5 колѣнъ. А это даетъ намъ поводъ относить начало крещенія ихъ къ первой половинѣ XVIII вѣка.

гоже года, давно подготовленное отступленіе отъ православія въ магометанство крещенныхъ татаръ. Мы остановились у солдата Кондратія, единственнаго человѣка, который устоялъ въ православіи. Онъ передалъ мнѣ, что чрезъ двѣ или три недѣли по отъѣздѣ вице-губернатора Е. А. Розова изъ деревни Елышева, старики позвали его на сходъ и говорили ему: „вотъ черезъ тебя мы погибаемъ!“—Какъ черезъ меня, отвѣчалъ имъ Кондратій, развѣ я велѣлъ Николаю Иванову (крещонину тойже деревни) выдавать себя муллою, развѣ я ему велѣлъ отпѣвать помагометански четверыхъ умершихъ и ваять за это четыре овечки?—„Не то мы хотимъ сказать тебѣ, говорили мужики; зачѣмъ ты подалъ вице-губернатору прошенье, гдѣ ты выставилъ всѣхъ главныхъ нашихъ руководителей. Если бы ты не объявилъ ихъ, то насъ не „по одиночкѣ“ спрашивали бы, а всѣхъ вмѣстѣ. Тогда мы сказали бы всѣ, что не хотимъ оставаться въ христіанской вѣрѣ, а желаемъ выйти въ магометанскую. А когда онъ началъ насъ спрашивать по одиночкѣ, тогда чтѣ говорить, мы не знаемъ. Онъ посадилъ нѣкоторыхъ въ казamatъ“... Кондратій на это отвѣчалъ: какъ же вы прежде, когда еще не пріѣзжалъ вице-губернаторъ, сговаривались всѣ стоять за вѣру магометанскую, не отказываться отъ своихъ словъ, хотя бы всѣхъ васъ перестрѣляли, а когда пріѣхалъ вице-губернаторъ, ни одного изъ васъ не билъ и не трогалъ, и вы всѣ почти согласились быть православными; зачѣмъ же говорите, что погибаете черезъ меня? Напрасно говорите вы эти слова. Прежде я говорилъ вамъ: напрасно затѣваете это дѣло (отступничество); никогда Государь вамъ этого не дозволить; вы отвѣчали мнѣ: въ Сибирь пойдемъ и тамъ будемъ магометанами; я говорилъ вамъ, что и въ Сибири вамъ не дозволятъ быть магометанами. Вы не хотѣли и слушать меня. Вы и меня все подбивали согласиться съ вами; но я никогда этого не допущу. Я служилъ вѣрно Богу и Царю и отечеству; я да-

валъ присягу; измѣнять не хочу. Вы хотѣли меня выгнать изъ деревни, такъ какъ я одинъ остался въ христіанской вѣрѣ. Я въ магометанскую вѣру не пойду, потому что въ нее пригонялъ Магометъ людей насильно: не даромъ же говорятъ, — я слышалъ еще въ Петербургѣ: — „*невѣрная орда — турки*“. Такъ ничего и не сдѣлали мнѣ на сходѣ. Теперь тоже поговариваютъ, что вице-губернаторъ пріѣзжалъ отъ палаты, а не отъ Государя, и все еще надѣются выдти изъ магометанство. — Кондратій еще не пересказалъ мнѣ, кто особенно питаетъ такія несбыточныя надежды. Я не спрашивалъ, такъ какъ предположилъ прожить въ домѣ Кондратія цѣлый мѣсяцъ и исподволь разузнать религіозное настроеніе вѣкоторыхъ вліятельныхъ жителей деревни Елышева. Между тѣмъ въ настоящій вечеръ хотѣлось отдохнуть и хотя въ постели немногъ согрѣться: на половинѣ дороги насъ застигло осеннее ненастье, такъ что 45 верстъ насъ мочило дождемъ и свѣгомъ и продувало вѣтромъ.

23 ч. сентября. Яковъ сказалъ мнѣ, что онъ напелъ уже себѣ ученика, сына Кондратія Ивана, мальчика лѣтъ 9. Борисъ тоже успѣлъ повидаться съ мальчикомъ сосѣда Кондратьева, Дмитриемъ, который хочетъ учиться у Бориса. Ну, хорошо, отвѣчалъ я своимъ малымъ миссіонерамъ; мы обратимъ квартиру въ школу и если будутъ у насъ мальчики, устроимъ здѣсь школу на цѣлую зиму. Между тѣмъ началъ я перекладывать книги изъ чемодана въ шкафъ, какой напелся въ избѣ Кондратія. Въ книгахъ попался мнѣ листъ, гдѣ напечатанъ портретъ Осипа Ивановича Комиссарова и описанъ его незабвенный для Россіи добрый, христіанскій подвигъ. Я взялъ этотъ листъ и примѣривалъ къ стѣнѣ, желая прибить его. Мальчикъ Кондратія Иванъ сказалъ въ это время: „я не буду сюда ходить (т. е. въ верхнюю избу, или этажъ, гдѣ поселился я; самъ же Кондратій живетъ внизу), я боюсь“... „Чего ты боишься“, спросилъ его Яковъ. Онъ указалъ на картину. Яковъ отвѣчалъ, что боится не-

чего; потому что эта картина никого не трогает. — „Я боюсь креста, иконъ“, продолжалъ мальчикъ. — „Что ты ихъ боишься, спросилъ Яковъ. — „Такъ“, отвѣчалъ Иванъ. — Кто это говорилъ тебѣ, что надобно бояться иконъ, спросилъ я и Яковъ за мной. — Иванъ ничего не сказалъ. — Около обѣда пришелъ къ намъ крещенивъ Минглибай и спрашивалъ Кондратія. Онъ спросилъ, кто я и зачѣмъ пріѣхалъ. Я отвѣчалъ, что я учитель и пріѣхалъ учить дѣтей. Такъ какъ Яковъ, Борисъ и Иванъ читали за столомъ, то и Минглибай разсказалъ, что онъ знаетъ алфавитъ русскій, который онъ изучилъ, когда торговалъ въ челябинскомъ уездѣ. Я въ это время показалъ ему нѣкоторые склады изъ букваря и потомъ прочиталъ немного изъ изреченій священнаго Писанія, помѣщенныхъ въ букварѣ. Потомъ я просилъ Бориса показать Минглибаю, женѣ Кондратія Домя (Думя) и еще одной слѣпой почти крещонкѣ, матери мальчика Дмитрія, картинки изъ св. исторіи ветхаго завѣта и разсказать ихъ содержаніе. Во время разсказа было ясно видно, что Минглибай очень часто находился, а можетъ быть и теперь состоитъ подъ сильнымъ вліяніемъ магометанства. Такъ онъ знаетъ нѣкоторыя событія изъ исторіи ветхаго завѣта и дополнялъ разсказъ Бориса легендарными свѣдѣніями, какими вообще богато мусульманство; онъ говорилъ напр. о персти Соломона, о владычествѣ Соломона надъ чертями и т. п. Многихъ пророковъ онъ называлъ такъ, какъ они извѣстны въ Коранѣ, напр. *Нухъ* (Ной), *Юнусъ* (Иона) и др. Говорилъ, что де Авраамъ приносилъ въ жертву Иамаила и съ того времени мы приносимъ жертву (т. е. по-магометански исполняемъ курбанъ). Вообще все это показывало; что въ душѣ онъ истый мусульманинъ. Я даже предположилъ, что онъ непременно знаетъ грамоту магометанскую. Я дѣйствительно не ошибся. Минглибай довольно исправно читалъ Гафтіякъ, когда я подаль ему эту книгу, и перевелъ потатарски два арабскихъ слова: — авваль и аххаръ, т. е. первый и послѣдній (говорится о Богѣ).

Вечеромъ Кондратій передалъ мнѣ, что недавно прѣѣхала елышевская женщина изъ деревни Кибякъ-Козей (ачинскаго же прихода) отъ своихъ родственниковъ, и сказывала, что 15 домовъ согласились тамъ остаться въ христіанской вѣрѣ, а остальные не соглашаются. Слѣдователи будто хотятъ взять челоуѣкъ 15 съ собой въ Казань, чтобы представить тамъ ихъ высшему начальству и сказать объ ихъ окончательномъ упорствѣ. Эти упорные отступники собрали будто 100 руб. для того, чтобы задарить кого-то и остаться въ магометанствѣ. — Что имъ будетъ, спрашивалъ Кондратій. — Въ магометанство имъ выйти никто и никогда не дозволить. Деньги, которые они хотятъ кому-то подарить, могутъ пропасть, а главные упорные, которые соглашаются отправиться въ Казань, могутъ угодить въ Сибирь, отвѣчалъ я.

Вечеромъ Минглибай явился снова и не одинъ. Онъ передалъ обо мнѣ другому крещеному, что я знаю Коранъ. Этотъ пожелалъ видѣть наши книги. Я прочиталъ изъ книги Премудрости І. сына Сирахова пять главъ. — Нѣтъ, ты покажи ему ту татарскую книгу, которую мнѣ читалъ утромъ, сказалъ Минглибай. Я показалъ крещонину Гафтѣякъ. Онъ началъ переворачивать листы Гафтѣяка и смотрѣть въ эту книгу такъ, что я имѣлъ полнѣйшее право заключить, что этотъ Гафтѣякъ составляетъ настольную книгу этого крещонина. Онъ, не знаю почему, остановился на послѣднихъ стихахъ 78 суръ. Онъ просилъ меня перевести прочитанное. Я отвѣчалъ, что онъ самъ долженъ сказать мнѣ значеніе словъ своего закона, а я скажу значеніе словъ *своего* закона. Крещонинъ сказалъ, что безъ *тафсира* (толкованія) онъ переводить слова Корана не можетъ. Я просилъ принести тафсиръ. Крещонинъ обѣщался придти еще съ тафсиремъ и ушелъ, хотя Минглибай и просилъ его еще послушать чтенія изъ книги Премудрости І. сына Сирахова. Минглибай также скоро ушелъ. По уходѣ ихъ оказалось, что вновь приходящаго зовутъ *Бикъ-кня*, несмотря на

то, что онъ оказался Фодоромъ. Я начиналъ уже принимать силу магометанства въ дерев. Елышевѣ.

Яковъ выучилъ Ивана узнавать 22 буквы. Сестра Ивана очень бойкая дѣвочка Татый (Татьяна) не хотѣла учиться. Мать и отецъ ея сказывали, что она знаетъ наизусть магометанскія молитвы, коимъ научила ее слѣпая мать Дмитрія. Вечеромъ уже довольно поздно Кондратій сказалъ, чтобы Татый поучилась. Она согласилась и въ этотъ же вечеръ, часамъ къ 10-ти, весь русскій алфавитъ уже знала очень хорошо. Яковъ передавалъ мнѣ, что она только просить, чтобы онъ писалъ и показывалъ ей новыя и новыя буквы: такъ скоро она ихъ замѣчала.

24-е число сентября. Утромъ явились два мальчика: Дмитрій съ братомъ. Послѣдній, вошедши въ избу, сказалъ: „бабай! минь укумыймъ, т. е. дѣдушка! я учиться не стану“. Ну, ты посиди, посмотри только, ты еще малъ; будешь учиться, когда выростешь, сказалъ я ему. До обѣда всѣ читали. Татьяна повторила алфавитъ, Иванъ тоже повторилъ свой урокъ и узналъ еще двѣ буквы, Дмитрій выучилъ 12 буквъ. Въ нижней избу утромъ приходила мать Дмитрія и говорила съ Борисомъ и Яковомъ объ отпаденіи. Мальчики сказали, что выдти въ мусульманство нельзя. Если же кто хочетъ быть магометаниномъ, тотъ долженъ у себя вырѣзать тѣ части на тѣлѣ, которыя помазаны св. муромъ. Мать Дмитрія въ разговорѣ часто употребляла магометанскія слова: „истагфиру-лла, т. е. Господи прости“, но значенія этихъ словъ она не знала; такъ какъ эти слова не татарскія, а арабскія. Дмитрій, сынъ ея, рассказалъ, что въ деревнѣ Елышевѣ жилъ вѣкто *Мухи-ед-динъ*, который училъ многихъ мальчиковъ и дѣвочекъ елышевскихъ. Въ числѣ учениковъ Мухіеддина были и всѣ настоящіе ученики Бориса и Якова, т. е. Татьяна, Иванъ и Дмитрій. Поэтому-то Татьяна и читаетъ наизусть: „калимасунъ тайбатунъ, ля иляга“ и проч. изъ магометанскаго букваря. Въ настоящее время этотъ Мухіеддинъ уже не въ Елышевѣ, а гдѣ-

то въ другой деревнѣ. Въ Елышевѣ онъ жилъ у Григорія *Уракаева*. Вотъ что значитъ грамотность! Какой-нибудь Мухіеддинъ шатается по деревнямъ, живетъ гдѣ зиму, гдѣ лѣто, успѣетъ собрать около себя ребятъ и передать имъ что-либо изъ магометанскихъ книгъ, и сѣмя мусульманства заброшено.... Оно, какъ терніе, будетъ уже препятствовать христіанской истинѣ, тѣмъ болѣе, что въ татаро-крещенскихъ деревняхъ очень рѣдко являются христіанскіе сѣятели. Отъ Мухіеддина, положимъ, ребята выучились немногому (мы говоримъ о тѣхъ, которые намъ извѣстны); они безъ смысла читаютъ „калиматунъ тайбатунъ“, прибавляя иногда при этомъ: „минимъ аній, бай-катунъ; тюши-чуды танька; бурну тулы манка“. Но много значитъ то, что ребята боятся иконъ, какъ видѣли выше. Это уже, вѣроятно, устное наставленіе какихъ-либо Мухіединовъ. И много труда потребуется теперь изгнать изъ души ребенка этотъ мнимо страшный призракъ отъ св. иконъ, который заложенъ пропагандистами магометанства. Первоначальное впечатлѣніе, какъ всякому извѣстно, очень важно: оно сильно дѣйствуетъ, глубоко западаетъ и упорно противится другимъ противоположнымъ впечатлѣніямъ. Мальчикъ Ковдратія Иванъ не умѣлъ слагать крестное знаменіе, не зналъ, куда сперва положить руку съ сложеннымъ крестнымъ знаменіемъ. Его я училъ всему этому недолго. Сестра же его Татьяна не хотѣла показать, умѣетъ ли она креститься. Я вижу настоятельную необходимость учредить въ деревнѣ Елышевѣ родъ небольшой первоначальной христіанской школы.—Во время нашего объѣда пришелъ отецъ Дмитрія Иванъ и сказалъ, чтобы поучили его сына. Н. И. г. Ильминскій говорилъ мнѣ, продолжалъ Иванъ, чтобы я непременно привозилъ сына въ Казань учиться. Я читалъ для Ивана изъ букваря объясненіе заповѣдей и нравоученія изъ св. Писанія. Скоро пришелъ его сынъ Дмитрій, и отецъ слушалъ, какъ произносилъ его сынъ заученныя буквы. По уходѣ этого Ивана явилась жена его, мать Дмитрія. Ей Яковъ

читаль изъ буквара весь катихизисъ. Когда Яковъ читаль ей о почитаніи св. иконъ, она скавала: когда нима: крещены хотѣли выходить въ мухаммеданство; и смѣялись надъ нами, я тогда вымыла свои иконы и говорила: покланяйтесь вы за насъ Богу. (Этимъ мать Дмитрія выражала то, что она не почитаетъ иконы Богомъ, какъ упрекаютъ въ этомъ христіанъ мухаммедане). После Якова я читаль этой женщинѣ Евангеліе отъ Матоея съ 1-й главы. Скоро зачѣмъ-то пріиде Думный (Домна) и самъ Кондратій и, влѣшпываясь въ чтеніе, остановились и продолжали внимательно слушать. Я прочиталь 8-мь главъ. Во время чтенія никто ничего не возражалъ и не спрашивалъ. После чтенія Кондратій только сказалъ, что Христосъ всѣхъ больныхъ исцѣлялъ и Его вѣру принимали не насильно, а всякій по своей волѣ; а мухаммеданскую вѣру заставляя мухаммедъ принимать насильно; кто не хотѣлъ принимать его вѣру, тѣхъ онъ велѣлъ убивать. — Вообще это послѣднее убѣжденіе крѣпко заложилъ кто-то, слава Богу, въ душу Кондратія. Я слышалъ уже это отъ него не одинъ разъ. Уходя изъ нашей вабы, мать Дмитрія указала, что она еще придетъ при огнѣ слушать; жюнь бирденъ, т. е. ты оставилъ меня, добавила она.

Мать Дмитрія утромъ была внизу и говорила съ Боривою и Яковою объ отступникахъ. После она слушала съ вниманіемъ Евангеліе, отдала сына Дмитрія учиться къ мормъ мальчишкамъ; а между тѣмъ въ ея словахъ сквозить постоянно двоевѣріе. Она спрашиваетъ Якова; которая вѣра лучше, мухаммеданская, или христіанская, читаетъ мухаммеданскій символъ и высказываетъ Боривоу надежды, что въ деревнѣ Ельшаръ со временемъ общество выстроитъ мечеть для молитны и въ тоже время, какъ-бы шутя, прибавляетъ: чтобы мулла полетѣлъ съ минарета мечети! Говорить, также Якову; что она обращалась съ молитвою къ иконамъ и просила ихъ помолиться за нее Богу. — Все это показываетъ, что она находится въ

жалкомъ религіозномъ раздвоеніи. Позднимъ вечеромъ Яковъ и Борисъ пѣли молитву „Отче нашъ“ потатарски. Отъ многократнаго и раздѣльнаго ея повторенія, напѣвъ и самыя слова молитвы усвоила дѣвочка Татый (Татьяна) и братъ ея Иванъ. Родители ихъ слушали также и радовались, что дѣти ихъ начинаютъ немного понимать. Кондратій изъ христіанства знаетъ, конечно, не очень много, а потому хорошо будетъ для него, когда, при твердой рѣшимости оставаться въ христіанствѣ, онъ узнаетъ изъ Евангелія, которое со временемъ, быть можетъ, прочитаетъ ему рѣзвая дѣвочка Татый,—узнаетъ, говоримъ, самое душеспасительное содержаніе глаголовъ Божіихъ.

25 число сентября. Приходила мать Дмитрія и говорила Борису, что къ намъ многіе бы отдали учить-ея дѣтей, да онасаются все еще, какъ бы имъ не остаться въ русской вѣрѣ, тогда какъ другіе, быть можетъ, выйдутъ въ мухаммеданство. Борисъ отвѣчалъ, что никто и никогда изъ крещеныхъ татаръ не выйдетъ въ мухаммеданство. — Въ этомъ ясно обнаруживается колебаніе религіознаго духа даже и въ той части жителей деревни Елышева, которая, помимо постороннихъ возбужденій, очень легко могла бы отдаться вліянію христіанства. Тоже самое подтвердиль относительно боязни за дѣтей и Кондратій, явившійся поздравить меня съ добрымъ утромъ и съ праздникомъ (нынѣ у насъ день воскресенія Христова). Я прочиталъ ему изъ Евангелія Матвея двѣ главы (9—10). Конецъ 10-й главы слушала и его жена Домна. Послѣ чтенія Кондратій опять рассказывалъ, какъ елышевцы не задолго до пріѣзда въ ихъ деревню вице-губернатора думали было поставить мечеть и закупили уже для этого срубы. Пріѣздъ вице-губернатора разстроилъ всѣ планы отступниковъ. У нихъ уже былъ выбранъ на сходѣ челоувѣкъ, которому они поручили исправлять должность муллы. Выберъ этотъ палъ на Николая Иванова (лѣтъ 50-ти), потатарски *Мингобая Ибрагимова*. Онъ уже въ чалмѣ проходилъ всю

главную улицу Елизьева, чтобы всё видѣли, что въ ихъ деревнѣ вѣра мухаммеданская, имѣется мулла и т. п. За величїемъ пока мечети, отступники собирались въ избѣ Исаака Федорова для совершенїя татарскихъ намазовъ (молитвословіи). Когда всё такимъ образомъ отпали, оставался я одинъ, говорилъ Кондратїи, въ православїи. Они призывали меня на сходы, говорили, чтобы и я согласился съ ними, иначе хотѣли у меня отнять землю, выгнать изъ деревни. Я говорилъ имъ всегда одно: „останусь одинъ, а вы за что *не* идаете. За землю я служилъ государю 25 лѣтъ, да и вамъ теперь плачу, что слѣдуетъ; а если вы будете меня выгонять, то еще васъ я не послушаю. Государь если прикажетъ мнѣ оставить вашу деревню, тогда я переселюсь; а вы меня выгнать еще не смѣете“. Отступники, по словамъ Кондратїя, брели свои головы около моста, не далеко отъ кабака, опять для того, чтобы всё видѣли, что они бросаютъ христіанскую вѣру. Былъ здѣсь еще одинъ праздношатающійся крещенинъ *Петръ Ивановъ*; онъ особенно всёми приказывалъ выбрасывать изъ домовъ иконы. Здѣсь есть женщина Прасковья (мать Дмитрія), которая осталась въ православїи. Этотъ Петръ Ивановъ явился однажды къ Прасковьѣ да и говорить: „ты, вѣрно, боишься снять иконы; вотъ я виждо тебя самъ возьму ихъ. И онъ снялъ иконы изъ передняго угла.— Сколько было посрамленїя православной вѣрѣ, говоритъ Кондратїи, рассказать нельзя. Тогда всё говорили: „ну, слава Богу, оставили мы наконецъ *черную* русскую вѣру, теперь мы просвѣтились: держимъ вѣру мухаммеданскую“. И теперь, продолжалъ Кондратїи, многіе все еще надѣются сдѣлаться мухаммеданами; потому они вице-губернатору дали *малюко* подписку—держать христіанскую вѣру, а *прислать* на это не принимали. Жалкое основанїе!

Утромъ же приходила въ нашу избу дѣвочка Натонь (Наталья), дочь Григорїя Уракева. Она сказала, что Мухмедия дѣйствительно жила у ея отца въ

домъ и училъ дѣтей. У него учились и сама Наталка. Она прочитала наизусть *алхамду*, первую главу Корана, хотѣла было еще что-то показать изъ своего мухаммеданскаго вѣданія, но не могла найти въ подлинномъ ей воемъ Тафтиявъ, и отпиралась деной за отсутствіе мухаммеданскими книгами.

Приходилъ еще къ намъ содержатель кабака, русскій парень, лѣтъ 17. Я спросилъ его, есть ли расходъ водки и можно ли ему съ выгодой держать здѣсь кабаки. Онъ отвѣчалъ, что можно, такъ какъ выручаютъ ежеденно до 30 руб. сереб.—Ну, а въ какой день бываетъ больше расхода, спросилъ я.— Въ пятницу больше, чѣмъ въ другіе дни.— Больше этого разговоръ мой съ нимъ не продолжался. Я замечалъ, что елышевцы празднуютъ пятницу больше, чѣмъ воскресенье. Конечно почитать дни воскресные болыиимъ виновитіемъ никто не желаетъ изъ христіанъ, но я замѣчаю это только по повятіямъ народнымъ. Выпиваютъ больше въ пятницу, следовательно находятся въ этотъ день больше дома и въ правдо-сти, или безъ дѣлительности, а день воскресный по-тому не считаютъ днемъ, въ который они должны были бы, по заповѣди, преративши свои обиденныя дѣла, предаться христіанскому Богомилію и благочестивымъ занятіямъ.

Послѣ обѣда Яковъ и Борисъ отпразднели на высокія горы, которыя окружаютъ почти всю деревню Елышево. Я наказывалъ имъ привѣтитъ съ собою ребятъ, если встрѣятъ кого-либо изъ нихъ на улицѣ. Возвратившись, въ самомъ дѣлѣ, они привели четверыхъ мальчюковъ, которые говорили мнѣ, что сами они жалали бы учиться, да имъ не велятъ домашнюю дѣдушка, отецъ и т. п. Мальчики вѣроятно играли на улицѣ въ дубинки; потому что они пришли на дворъ Кондратія съ этими же палками и оставивши ихъ на дворѣ, вошли къ намъ. Я велѣлъ Якову показать имъ картины изъ св. исторіи и рассказывать подробно ихъ содержаніе. Но такъ какъ съ внось

принесшими мальчиками дядей было довольно, то я раздѣлилъ ихъ на двѣ группы, и для одной партіи (Татьянѣ, Дмитрію, Ивану) велѣлъ Борису показывать и объяснять картинки вѣхаго завѣта, а Якову сдѣлать тоже самое съ картинками новаго завѣта для другой партіи (Николаю, Ивану, Василию, Юсупу и Башпу; послѣдній мальчикъ русскаго имени вовсе не знаетъ даже, несмотря на то, что онъ уже лѣтъ 10-ти). Когда мальчики нѣсколько посмотрѣлись, нѣкоторыя картинки были оставлены до другаго времени, если ребята придутъ опять къ намъ. Мы отпустили ихъ по домамъ, сказавши, чтобы они просились у своихъ домашнихъ учиться, да просиди бы и самыхъ отцовъ и дѣдовъ иридти вмѣстѣ съ ними къ намъ послушать, что мы имъ почитаемъ.

Вечеромъ я взялъ съ собою Якова и Бориса и отправился пройти по улицѣ. Лишь только вышли мы, какъ встрѣтили у одного дома русскаго мужичка. Мы остановились и слушали, что этотъ русскій (онъ состоитъ церковнымъ старостой въ ачинской церкви, куда приходомъ елышевцы) передавалъ нѣкоторымъ елышевцамъ, стоявшимъ около него. Онъ разсказывалъ, что комиссія надъ кибякъ-козинцами кончилась, что 20 домовъ согласились остаться въ православіи, а остальные упорствуютъ. Изъ числа упорныхъ 30 человекъ посажены въ казачью, они будто присуждены къ переселенію въ Сибирь на каторжную работу, а имѣніе ихъ или домашнее хозяйство велѣно распродать. Узнавши это, мы отправились далѣе. Теперь, думаю я, и елышевцы, узнавши это, не будутъ надѣяться, что имъ дозвоятъ выйти въ мухаммеданскую вѣру. Проходя далѣе прямой, главной улицей, мы встрѣтились съ татаринемъ. Онъ раскланялся съ нами. Я спросилъ его, здоровъ ли, а онъ спросилъ, кто я; писарь, или кузнецъ? Да, я продаю книги иногда, кому нужно, сказалъ я. Оказалось, что это голова елышевскаго водостнаго правленія. Онъ мухаммеданинъ, изъ ссѣдней деревни, но живетъ бодышею частъ

тно въ Елышевѣ у крещенина. Неприятно было у меня на душѣ, когда этотъ мухаммеданецъ указалъ мнѣ квартиру, гдѣ онъ проживаетъ. Можетъ ли, думалъ я, такой слабый крещенинъ, какъ елышевецъ, устоять и не соблазниться, если вліятельный татаринъ—голова *камалоддинъ* и старшина тоже изъ мухаммеданъ, будутъ совершать въ домѣ подвластнаго крещенаго татарина свои мухаммеданскія намазы, подъ часъ смѣяться надъ христіанской вѣрою, ея служителями и ея исповѣданками,—можетъ ли, думалъ я, устоять противъ такихъ вліаній елышевецъ, ничему не наученный христіанскому, а напротивъ успѣвшій кое-какъ научиться кое-чему мухаммеданскому? Мнѣ думается, что русское правительство должно установить, чтобы въ крещено-татарскихъ селеніяхъ *начальство волостное* было непременно изъ добрыхъ христіанъ.

У какого-то дома стояли, у воротъ, человекъ шесть крещеныхъ елышевцевъ. Мы подошли и заговорили скоро о школѣ. Я разсказалъ, какъ у насъ учатся и содержатся мальчики. Одинъ крещенинъ спросилъ, поскольку мы беремъ за ученіе въ мѣсяць съ мальчика. Я отвѣчалъ, что мы не беремъ ни копѣйки, а учимъ *Ходай учюнь* (для Бога). Твои слова справедливы, сказалъ спрашивающій: я видѣлся съ однимъ крещенымъ изъ деревни Маплякъ. Его сынъ учится у васъ, и онъ передавалъ мнѣ, что только его пища и одежда для сына, остальное все ваше. Яковъ съ Борисомъ отправились въ избу къ знакомому имъ *Ибраю*. Я между тѣмъ продолжалъ говорить на улицѣ. Здѣсь же былъ одинъ мальчикъ, который сказалъ, что онъ сталъ бы пожалуй учиться, да завтра отправляется съ другими на сторону шить. Другой крещенинъ, указывая на двоихъ сыновей, говорилъ также: я отдалъ бы вамъ учиться вотъ старшаго сына, да онъ тоже завтра отправляется шить *въ уфимскій уздѣ*. Возьмите вотъ развѣ малаго (10 л.). Приводи, если есть охота в у тебя и у него, отвѣчалъ я. Этотъ по-

слѣдній крещенинъ сказалъ, что завтра отправится шить народу *т. е. н. т.* — Да что же они такъ далеко отправляются, развѣ нельзя найти работы гдѣ-либо по близости у русскихъ, спросилъ я. — Нѣтъ, у насъ всѣ отправляются шить въ деревни мухаммеданскія, потому что у насъ всѣ умѣютъ и учились шить одежду татарскую, а шить русской одежды не могутъ, отвѣчалъ онъ. При этомъ печальномъ извѣстїи мнѣ пришлось очень даже пожалѣть, что мы явились сюда поздно, надобно бы явиться раньше и что-либо передать изъ христіанства этимъ портнымъ, отправляющимся на заработки въ мухаммеданскія селенія. Кто не подумаетъ при этомъ, что елышевцы, въ этихъ отлучкахъ, быть можетъ, видятъ самое лучшее удобство состоять въ мухаммеданствѣ болѣе полугода; такъ какъ они проживаютъ тамъ цѣлую зиму и возвращаются къ началу весеннихъ полевыхъ работъ. Интересно бы взглянуть на этихъ крещеныхъ тамъ, гдѣ-либо въ уфимскомъ, или другомъ уѣздѣ. Они навѣрно тамъ всѣ обриваютъ свои головы и участвуютъ во всѣхъ мухаммеданскихъ намазахъ.

Когда мы вернулись домой, Домна передавала Кондратию то, что и мы узнали отъ церковнаго ачинскаго старосты: новости, подумалъ я, передаются здѣсь быстро.

26 число. Утромъ пришелъ къ намъ крещенинъ Алексѣй Васильевъ, братъ слѣпой женщины Прасковьи. Я наложилъ ему и Кондратию чаю. Послѣ мы разговорились объ отпаденїи. Алексѣй Васильевъ передавалъ, что два три тому назадъ собирались *на сходѣ* елышевскіе старики. На сходѣ былъ разговоръ о сборѣ денегъ со всѣхъ въ уплату тѣмъ крещенымъ, которые выручали не имѣющихъ при сборѣ денегъ на хлопоты при подачѣ прошенія объ отпаденїи. Я не давалъ тогда 50 коп., не далъ ничего и теперь, говорилъ Алексѣй Васильевъ. При этомъ они оба съ Кондратиемъ рассказали мнѣ нѣкоторыя подробности первоначальнаго отступничества. У насъ, говорили они, есть

крещенникъ Матвѣй Васильевъ, сынъ его давно проживаетъ въ Казани и занимается портничествомъ. Этотъ сынъ зимой наказывалъ, что въ Казани онъ узналъ о возможности крещенымъ татарамъ выдти въ мухаммеданство, и потому совѣтовалъ старикамъ елышевскимъ также выходить въ татарскую вѣру и стоять за это крѣпко. Для желающихъ перейти въ мухаммеданство онъ прислалъ много тюбетеекъ. Но услышавши эти вѣсти, елышевцы еще ничего, будто, не предпринимали. Когда же они услышали объ отпадении кибякъ-козинцевъ, то *на сходѣ* рѣшили отправить туда повѣренныхъ разузнать, какъ тамъ ведется дѣло. Человѣкъ четыре отправились и привезли извѣстіе, что кибякъ-козинцы отказали священнику въ совершеніи требъ, отвели для себя особое кладбище и начали совершать мухаммеданскія молитвы. Послѣ этого немедленно и елышевцы на сходѣ рѣшились переловчаться съ татарскими именами, написали также, что они хотятъ держать съ этого времени мухаммеданскую вѣру, а священникъ приходскій будто не совершалъ у нихъ никакихъ требъ, а только заочно записывалъ ихъ въ свои книги. Эту бумагу они заявили въ волостное правленіе. Потомъ и сами отвели особое новое кладбище, выбрали муллу и повѣреннаго *Ефрема Кириллова* для сбора денегъ на подачу прошенія. Собирали тогда по 50 коп. съ каждаго; богатые впрочемъ не ограничивались, будто, этою цифрою, а изъявили желаніе класть по рублю и по два „для спасенія души въ мухаммеданской вѣрѣ“. За бѣдныхъ многіе изъ болѣе состоятельныхъ жителей тогда положили деньги свои съ условіемъ получить съ бѣдныхъ свои деньги, по сборѣ хлѣба. Теперь же, когда дѣла приняла иной оборотъ, когда выходъ въ мухаммеданство оказывается очевидно, невозможнымъ, а всѣ хлопоты людей ому-сульманившихся напрасными, старики спѣшатъ собрать деньги съ *міру*, чтобы вознаграить тѣхъ, кои одолжили бѣдныхъ во время сладкихъ, но несбыточныхъ надеждъ, потому что бѣдные и теперь оказываются

бывшими и несостоятельными, чтобы уплатить невольные долги свои. На сходъ происходятъ теперь однѣ есоры. А когда надѣялись выдти въ мухаммеданство, всё о деньгахъ мало хлопотали; я и тогда говорилъ на сходѣ, что напрасно только деньги собираемъ; для нихъ мѣсто вездѣ найдется... Тогда на жена кричали, тогда меня бранили, говорилъ Алексѣй Васильевъ. А когда я иногда говорилъ, что незаконное дѣло замышляете, передавалъ Кондратій, то меня посылали домой, разговаривать и размышлять съ своей женой!..

Когда все это мнѣ передавали, пришелъ ко мнѣ и самъ Матвѣй Васильевъ (онъ, какъ сказывали мнѣ, былъ прежде головой и церковнымъ старостой). После привѣтствій, я спросилъ его, умѣетъ ли онъ читать порусски. Онъ отвѣчалъ, что знаетъ писать только цифры, и написалъ тутъ же карандашомъ цифры съ единицы до десятка. А татарскую грамоту знаетъ? Нѣтъ.—У меня здѣсь есть и русскія и татарскія книги. Я показалъ ему Гафтіякъ.—Онъ видимо заинтересовался. Почитай, сказалъ онъ.—Я прочиталъ *аль-мудъ*.—Зачѣмъ это ты учился читать это, спросилъ онъ.—Для того, чтобы знать, какая вѣра лучше, татарская, или русская. Потомъ, по желанію Матвѣя Васильева, я читалъ ему съ 5-й главы Евангелія Матвѣя на татарскомъ языкѣ. Кондратій и Алексѣй Васильевъ также слушали. Когда я читалъ: *а Я говорю вамъ: не противься злomu; но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую* (Матѣ. 5, 39), Матвѣй Васильевъ сказалъ: Иисусъ изъ самаго зла велѣлъ изводить добро. Когда читалъ: *взгляните на птицъ небесныхъ* и проч. (Матѣ. 6, 26), Алексѣй Васильевъ сказалъ: птицы подушныхъ денегъ не платятъ. Я сказалъ, что здѣсь рѣчь только о промыслѣ Божиемъ, что если человекъ трудится, проситъ у Бога помощи, то найдутся у него и подушныя и все прочее. Когда читалъ 33-й стихъ (6 глав. Матѣ.), Матвѣй Васильевъ сказалъ: хорошо жить въ городѣ. Тамъ, поутру встань, и все готово, тамъ можно ку-

пить, а въ деревнѣ, если во время не позаботишься, такъ безъ хлѣба будешь. — Какъ городскимъ, такъ и деревенскимъ жителямъ Богъ заповѣдалъ трудиться; кто трудится, тотъ найдетъ и пищу; а кто не трудится и не молится Богу, тотъ и въ городѣ умретъ съ голоду.—Я прочиталъ только двѣ главы (5 и 6) и мои слушатели всѣ вышли изъ нашей квартиры. Я просилъ Матвѣя Васильева опять приходить поговорить о чемъ-либо, или послушать чтеніе.

Борисъ утромъ нынѣ дѣлалъ небольшіе крестики изъ можжевельника. Одинъ изъ такихъ крестиковъ надѣлъ онъ на своего ученика Дмитрія, а другой на сына Кондратіева малаго Кондратія. Яковъ продолжалъ обучать Ивана и Татьяну.

Кондратій былъ у одного родственника елышевца и передавалъ тамъ объ насъ. Родственники его, какъ видно, плохіе христіане. На слова Кондратія, родственники его отвѣчали: „онъ *русскій*, конечно, хвалитъ свою *русскую вѣру*“. Кондратію же говорили, что онъ, будто, теперь только узналъ, что вѣра русская лучше мухаммеданской.—Нѣтъ, я еще въ Петербургѣ зналъ, что татары — „*невѣрная орда*“, и прежде не былъ согласенъ съ желающими выходить въ мухаммеданскую вѣру, говорилъ имъ Кондратій, добавляя, что „Богъ сотворилъ всѣхъ насъ парами, а у татаръ, по ихъ закону, можно брать по 4 жены, а Мухаммедъ у себя имѣлъ 9 женъ и множество наложницъ, да и въ раю обѣщаетъ по 72 дѣвки. Ну, кто скажетъ, что это хорошій законъ“?

Послѣ обѣда Кондратій съ женой отправились въ гости въ сосѣднюю мухаммеданскую деревню (версты за три) *Шитцы* къ знакомому мухаммеданину—солдату.

Къ намъ зашелъ одинъ мухаммеданинъ, старикъ Калиль изъ одной сосѣдней деревни.—Борисъ читалъ ему во многихъ мѣстахъ изъ книги Премудрости І. сына Сирахова. Онъ слушалъ и высказывалъ благодарности Борису. Онъ просидѣлъ довольно долго. Воз-

вратился и нашъ хозяинъ изъ гостей. Мы напоили Калиля чаемъ и онъ отправился. Онъ, кажется, живеть у кого-то въ работникахъ. Мы просили его приходить еще къ намъ въ гости, слушать чтеніе, когда у него будетъ свободное время.

Я читалъ Кондратію 11 и 12-ю главы изъ Евангелія Маттея. На половинѣ 13-й главы замѣтилъ я, что Кондратій слушаетъ довольно трудно, вѣроятно отъ утомленія: онъ ходилъ въ гости пѣшкомъ. Угощеніе ограничивалось вѣроятно только обѣдомъ и чаемъ; Кондратій воротился трезвый.

Е. Маловъ.

(продолженіе будетъ)

ЗНАЧЕНІЕ ИМЕНИ „ЧЕЛОВѢКЪ“ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ (¹).

(БОГОСЛОВСКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ)

(окончаніе)

Объясненіемъ названій челоѡка у тевтоновъ и римлянъ объясняется значеніе этого имени почти у всѣхъ главныхъ (²) европейскихъ народовъ, за исключеніемъ греческаго и славянскаго. У шведовъ напри- мѣръ и англичанъ названіе челоѡка есть названіе тев- тонское, а у французовъ и итальянцевъ—римское. По- этому мы и переходимъ теперь прямо къ объясненію названій челоѡка у еллиновъ и славянъ. Въ этихъ двухъ послѣднихъ названіяхъ звучитъ уже не простой арійскій (сохранившійся въ санскритѣ) корень, какъ въ названіяхъ римскомъ и тевтонскомъ; еллинское на- званіе челоѡка—слово сложное, а славянское—слово производное.

Греческое имя *ἄνθρωπος* объясняли различно; но всѣ толкователи его согласны въ томъ, что это слово— сложное. Платонъ въ своемъ „Кратилѣ“ или въ своемъ сочиненіи „Объ истинномъ значеніи названій“ между

(¹) Правосл. Собес. ноябрь 1870 и июнь 1871.

(²) По участию ихъ въ развитіи европейской жизни, цивилизаціи и политики.

прочтѣть касается и имени *ἄνθρωπος* (человѣкъ) и объясняетъ это имя такъ: *ἀναθροῦν ἄ. ὀπασε*, то есть, существо, которое воспроизводитъ (мысленно) то, что видѣло. Такое значеніе имени *ἄνθρωπος* Платонъ придаетъ на основаніи слѣдующаго соображенія „ни одно изъ животныхъ“; говоритъ онъ, „не воспроизводитъ и не обождаетъ того, что видить; а человѣкъ лишь только увидитъ что, уже и воспроизводитъ и обождаетъ то, что увидѣлъ“⁽¹⁾. Впрочемъ такое пониманіе значенія *ἄνθρωπος* въ древнемъ мірѣ раздѣляли съ Платономъ немногіе. Самое распространенное тогда пониманіе этого имени было слѣдующее: *ἄνθρωπος* — существо, у котораго лицо и взоръ обращены вверхъ; Дефрасть и этимологиистъ⁽²⁾ говорятъ, что человѣкъ названъ греками *ἄνθρωπος* влѣдствіе того, что онъ смотритъ лицомъ вверхъ⁽³⁾. Также точно объясняетъ это имя и Овидій: „Тогда какъ, говорятъ онъ, прочія животныя смотрятъ пониженою головою въ землю, человекъ (Творецъ) снабдилъ лицомъ, обращеннымъ вверхъ, и повелѣлъ ему созерцать небо и направлять свой взоръ къ звѣздамъ“⁽⁴⁾.... Филологи нашихъ временъ въ объясненіе этого имени большею частію приводятъ мнѣніе древнихъ⁽⁵⁾, но не всегда безъ критики: такъ Іоаннъ Свипула, соглашаясь съ мнѣніемъ,

(1) *Krauzl.* p. 399. c. Н *Ἐπιπένη τοῦτο τὸ δίδωμι ὁ ἄνθρωπος ὅτι τὰ μὲν ἄλλα θηρία, ἃν ἢ οὐδὲν ἐπισκοπεῖ οὐδὲ ἀναλογίζεται, οὐδὲ ἀναθροῦν ὁ δὲ ἄνθρωπος ἅμα ἔωρακε (τοῦτο δ' ἐστὶ τὸ βλέπει) καὶ ἀναθροῦν καὶ ἀναλογίζεται τοῦτο ὃ ὀπασεν ἐντερεθεῖν δι' ἄνθρωπον τῶν θηρίων ὃ ἄνθρωπος ἄνθρωπος ἀνομοίωθη, ἀναθροῦν ἄ. ὀπασε.*

(2) Неизвѣстный авторъ сочиненія «*Etymologicon Magnum*.

(3) *I. Scapulae Lexicon Graeco-Latin.* p. 64: apud Theophrastum, *παρὰ τὴ διαθροῦν τὴν ὀπασε*. Londini. 1820. *Etymolog.* col. 109. *παρὰ τὸ ἀνω ἀθροῦν.*

(4) *Ovidii Metamorphos.* I, 84:

.....
Pronaque cum spectent animalia caetera terram;
Os homini sublime dedit: caelumque tueri
Jussit, et erectos ad sidera tollere vultus.

(5) Дампій, Коссовицъ, Пассовъ и др.

что человекъ названъ греками *ἄνθρωπος* потому, что онъ смотритъ вверхъ, думаетъ однакожь, что это слово образовалось не изъ *ἄνω*—вверхъ и *ἀθροεῖν*—смотреть, но изъ *ἄνθεος* — высшій (отъ *ἄνθος*) и *ἄψ*—взглядъ, и означаетъ существо, совершающее то, что выше земнаго ⁽¹⁾; а филологъ Пассовъ, считая названіе *ἄνθρωπος* словомъ весьма древнимъ, сомнѣвается даже, что бы оно было словомъ сложнымъ ⁽²⁾. Сомнѣніе это не было бы неопровержимымъ даже въ томъ случаѣ, если бы еллинскій языкъ былъ языкомъ первобытныхъ людей; но такъ какъ языкъ еллиновъ образовался и развился изъ того древняго арійскаго языка, на которомъ когда-то въ Азій говорили общіе предки всѣхъ арійскихъ племенъ, то на какомъ же основаніи мы будемъ утверждать, что *ἄνθρωπος* непременно должно быть простымъ, несложнымъ словомъ? Согласимся, что оно образовалось во время самаго перваго зарожденія еллинскаго языка; развѣ тогда, для обозначенія человека новымъ именемъ, отличнымъ отъ того, какимъ называли его арійцы азіатскіе, европейскій аріецъ не могъ слить въ одно двухъ древне-арійскихъ понятій, а слѣдовательно и двухъ словъ изъ древне-арійскаго же языка, отъ котораго совершенно еще не освободился? Вѣдь нельзя предположить, что греческій языкъ такъ вдругъ ни съ того ни съ сего и выросъ? Напротивъ мы знаемъ, что онъ развился мало помалу изъ общаго арійскаго языка. Гораздо справедливѣе замѣчаніе I. Скапулы, что древніе невѣрно опредѣляли составныя части слова *ἄνθρωπος*; потому что изъ *ἀνά*, *ἀθροέω* и *ἄψ* вышло бы не *ἄν-*

⁽¹⁾ I. Scapulae Lexicon, p. 902: veteres recte quidem statuisse, quantum ad sensum, male vero, quantum ad compositionem: et *ἄνθρωπος* dictum quasi *ἀρθέραπον*, h. e. superiora videntem.

⁽²⁾ Passow. Handwörterbuch der Griechisch. Sprache: «Das Wahre ist wohl, dass es mit zum Stamm *ἀνά*, *ἄνω*, *ἄνθος*, *ἀντίω* gehört, aber ohne alle Zusammensetzung, die bei einem so alten und vielgebrauchten Wort durchaus undenkbar ist».

θραυλος, а *ἀν-ἀθρο-ωλος*, т. е., *ἀνάθραυλος*. Но и самъ Іованнъ Сканула невѣрно, по нашему мнѣнію, опредѣляетъ составныя части этого слова. Слова *ἀνθροος*, во-первыхъ, нѣтъ въ греческомъ языкѣ; по крайней мѣрѣ мы не встрѣчаемъ его ни у одного изъ греческихъ писателей; во-вторыхъ, это слово, какъ справедливо замѣчаетъ Пассовъ, весьма древнее и, какъ такое, не могло сложиться изъ чисто-греческихъ корней; наконецъ, всѣ слова, сложныя съ *ὄψ* — взглядъ, имѣли у грековъ удареніе на послѣднемъ слогѣ (¹), а въ *ἀνθροωλος* удареніе на первомъ слогѣ. Намъ кажется, что имя *ἀνθροωλος* образовалось изъ двухъ древне-арійскихъ корней, сохранившихся въ санскритѣ, — изъ *anjatara* — одинъ изъ двухъ (²) и *pa* (па), откуда *pat* (³) и *bhat* — говорить (⁴). Изъ *anjatara* еще въ санскритѣ образовалось нарѣчіе *anjatra* (⁵); а что *anjatra* въ сложеніи могло видоизмѣниться въ *anjtra*, видно изъ того, что само *anjatara* произошло отъ *anjā* (⁶) иной (инь), гдѣ послѣднее *a* есть суффиксъ, который въ сложеніи часто опускается безъ всякаго ущерба для значенія, если только это не противно законамъ фонетики. Но такъ какъ санскритскій знакъ *j* или *y*, сколько можно судить по филологическимъ даннымъ, соответствуетъ итальянскому *j* или *g* (⁷) и греческому густому дыханію (⁸), которое въ соедине-

(¹) *ἄφροωλος, ἀρρήενωλος, καλωπος, μελαωπος* и др.

(²) *Vorr. Glossarium Sanscrit.* p. 12. Berolini. 1847.

(³) Тамже, стр. 204.

(⁴) Тамже, стр. 243. Греч. *ἔπω, φάω* (*φημι—εφαμεν*) — говорю, *ἔπος* — басня и пѣснь; латинск. *faci* — скарывать, *fama* — молва; наше — *баю, пою, басня, пѣснь*.

(⁵) *Vorr.* 12.

(⁶) Тамже.

(⁷) *Vorr. Vergleichende Grammatik.* §§ 269 и 307.

(⁸) *Vorr. Glossar. Sanscrit.* p. 274. Изъ санскрит. *jag* — греческое *ἅγιος* — святой и *ἄζω* — благоговѣю.

ли съ звукомъ *t* образуетъ *th* или греческ. *θ* (1); то *αἴθη* у грековъ должно было видоизмѣниться въ *ἀΐθρα*. Вторая половина слова *ἀΐθραλος* есть *αλος* отъ древне-арійскаго *ra*—говорить и составляетъ одно и тоже съ греческимъ *ῥψ*; но не *ῥψ*—взоръ, а *ῥψ*—рѣчь, голосъ, гдѣ звукъ *ς* (*ο-π-ς*) есть суффиксъ именительнаго падежа (2), а начальный звукъ *ο*—прибавка уже греческая. Подобныя прибавки—явленіе нерѣдкое въ образованіи греческихъ словъ изъ древне-арійскихъ корней; такъ изъ древне-арійскаго *rac* (наше—цеку) образовалось у грековъ *ῥακ-αω* = *ῥακ-αω*—жарю (3); но изъ тогоже *rac* вышло у грековъ и *ῥακ-βω* = *ῥακ-βω* жарю (4). Такъ точно и изъ *ra*—говорить вышло у нихъ не только *ῥψ* (*ῥα-ς*), но и *ῥτος*—слово, рѣчь (*ῥτις*—говорю). Слово *ῥψ*, въ значеніи *рѣчь, голосъ*, употребляется не только у Гомера (5) и Гезіода (6), но и у Эсхила (7), Еврипида (8), Софокла (9), Пиндара (10) и у нѣкоторыхъ другихъ писателей..... А что изъ *ἀΐθρα* и *ῥα-ς* должно было образоваться *ἀΐθραλος* съ долгимъ *ο* въ слогѣ *ρα*, такъ это видно изъ того, что у грековъ *α + ο*, при сліяніи, всегда образуютъ *ο* долгое, то есть, *ω*.

Такимъ образомъ слово *ἀΐθραλος*, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ понятіе о разговорѣ между двумя, съ такимъ оттѣнкомъ мысли, что въ известный моментъ говорить одинъ изъ двухъ (*ἀΐθρα*—одинъ изъ двухъ и *ῥψ*—рѣчь), и *ἀΐθραλος* будетъ

(1) *Parr. Gloss. Sanscr.* p. 275.

(2) *B. pp. Vergleich Gramm.* § 134.

(3) *Parr. Glossar. Sanscrit.* p. 203.

(4) Тамже, p. 204.

(5) Илиад. 2, 182; 7, 53; 11, 137 и др.

(6) *Θεογον.* 532.

(7) *Suppl.* 60.

(8) *Нес.* 555.

(9) *ΕΙ.* 1068.

(10) *Thesavr. Graecae Linguae. Henric. Stephan.*

звучать существо, — собственное востри рѣчь съ другимъ такимъ образомъ, ято въ известный моментъ говорить одинъ изъ двухъ собесѣдниковъ. Въ подтвержденіе Малого мнѣнія склоняемся на то, что кромѣ *ἀνθρώπος* у грековъ было другое названіе человека — *ἄνθρωπος*. *ἄνθρωπος*, также какъ и *ἀνθρώπος*, — слово сложное, но оно уже чисто греческое; оно составилось изъ *ἄνθρωπος* — часть (*μέρος*, *μερ-ίζω* — дѣлю на части) и *ἄνθρωπος* — рѣчь. Въ послѣдней половинѣ этого слова, *ἄνθρωπος* есть, въ *ἄνθρωπος* и древніе видѣли уже *ἄνθρωπος* — зорь, *ἄνθρωπος* — рѣчь. Такъ у Гомера и Гезіода встрѣчаются выраженія: *ἄνθρωπος* *ἄνθρωπος*, *ἄνθρωπος* *ἄνθρωπος* (1) — различно говорящія смертныя, различно говорящія: *ἄνθρωπος* (2); а позднѣйшіе писатели, — Эсхиль (3), Еврипидъ (4), Абуидаръ, употребляли это слово прямо вмѣсто *ἀνθρώπος*. Гезій и схоласти (5), а въ наше время Дамий (жившій въ прошломъ вѣкѣ) (6), слово *ἄνθρωπος* считавогу слово-инимъ изъ *μέρος* — часть и *ἄνθρωπος* — рѣчь и придаютъ ему значеніе: *одаренный чмнораздѣльнымъ речью*. Такія образцы какъ въ *ἀνθρώπος*, такъ и въ *ἄνθρωπος* звучать древній корень *ra* = *ноу*, *баю*, говорю.

Греки имѣли одно сильное побужденіе оставлять свое вниманіе на словѣ человеческомъ. Побужденіе это заключалось въ слѣдующемъ историческомъ явленіи.

Членами слова первоначально были одни согласные звуки. Это видно изъ того, что гласные звуки первоначально сильно колебались и мѣнялись и безъ всякаго ущерба для пониженія смысла слова: такъ у насъ: крава — корова, носить — несъ, стражь — сторожь —

(1) Иліад. 1, 250; 2, 285. Труды и дни, 109, 142, 143.

(2) Гнѣвнчъ переводить: *ἀνθρώπος*.

(3) Suppl. 89. Choerh. 1917.

(4) Iph. T. 1263.

(5) *Menisc. Stephan. Thesaurus Graecae Linguae*, p. 802. Paris.

(6) *Lexicon Graecum. Homeric. Londini 1824.*

стерегу, стекло — стояло и множество других словъ. Мало этого: кажется, было время, когда люди совершенно не различали гласныхъ звуковъ. Это особенно замѣтно въ языкахъ семитическихъ. Но и древній арійскій языкъ первоначально, повидимому, не различалъ гласныхъ звуковъ. Даже знаменитый Боппъ и притомъ уже въ санскритѣ, — а это не первобытный арійскій языкъ, — признаетъ первоначальными гласными (Ursprache) только три: *a*, *i*, *u* ⁽¹⁾; а звуки: *e* и *o* образовались, по его мнѣнью, позже, первый — изъ слиянiя *a* съ *i*, а второй — изъ слиянiя *a* съ *u* ⁽²⁾. Намъ кажется, можно сдѣлать и болѣе далекое предположенiе, именно: ранѣе того періода, когда арийцы различали уже три гласныхъ звука, былъ періодъ, когда они отличали только одинъ гласный звукъ *a*. Это предположенiе основывается на томъ, что въ санскритѣ замѣтно сильное, очень сильное преобладанiе этого гласнаго звука. Не будемъ ссылаться на санскритскiе шлокиныи, известные подъ именами: *Guna* и *Widdhi* и основывавшіеся именно на характерѣ преобладанiя въ языкѣ звука *a*, какъ на вещь мало извѣстную; оставимъ лучше, для большей наглядности, нѣсколько словъ санскритскихъ съ русскими наиие *амъ*, *еси*, *еси* въ санскритѣ — *amī*, *asī*, *asī*, наше *беру* въ санскритѣ — *baramī*, *везу* — *vahamī*, *паку* — *pakamī*, *спылился* — *spilauase*, *славянское вѣло (очень)* — *vēla*, *звѣнто*, *звоню* — *svan* (издавать звукъ) и т. п. А если арийцы сначала отличали только одинъ гласный звукъ, потомъ — два, три и т. д.; то почему не предположить, что было время, когда они, подобно другимъ азіатскимъ народамъ, вовсе не отличали гласныхъ звуковъ. Но языкъ безъ гласныхъ ⁽³⁾ не могъ быть

(1) Vergleichend. Grammat. § 1.

(2) Ibid. § 2.

(3) Это не то значить, что бы человекъ не произносилъ ничего похожаго на гласные звуки; нѣтъ, это значить то, что онъ такъ слышалъ ихъ съ согласными, что еще не могъ ни

такъ гибокъ и послушенъ человѣку, не могъ быть такъ привлекателенъ и такъ, — употребимъ выраженіе эллиновъ, — крылатъ, какъ языкъ съ гласными; онъ болѣе или менѣе долженъ былъ задерживать крылатую мысль человѣка. Въ тотъ давнишній періодъ времени мысль своєю быстротою полетомъ сильнѣе могла поражать человѣка, чѣмъ слово; и человѣку естественно было назвать себя такъ — мыслителемъ. Но вотъ въ языкѣ стали отличать не одну, двѣ, три, — а шесть, семь, восемь и болѣе гласныхъ. Сознательное употребленіе ихъ, какъ звуковъ новыхъ, дополнительныхъ и притомъ таинныхъ, которые бывъ вставлены среди согласныхъ, не только не затрудняютъ произношенія, а еще облегчаютъ его, не могло не обогатить языка и новыми формами. И вотъ являются богатые формы и легкіе по произношенію языки, къ числу которыхъ относится и санскритскій. Слова, какъ и мысли, стали литься рѣкой; ни бѣдность словесныхъ формъ, ни трудность произношенія уже не стѣняютъ человѣка. Какъ же было не поражаться ему такимъ явленіемъ?... Все это совершилось еще въ Азій; и всѣмъ этимъ не могъ не поражаться еще азіатскій человѣкъ. Но азіатскій человѣкъ не хотѣлъ измѣнять своимъ преданіямъ и потому не мѣнялъ своего названія: *мыслитель*. Совсѣмъ иначе человѣкъ почувствовалъ себя по переселеніи своемъ въ Европу; гдѣ болѣе или менѣе сталъ свободенъ отъ азіатскихъ преданій. Одно изъ переселившихся изъ Азій въ Европу племенъ, на долю котораго выпало гораздо болѣе, чѣмъ на долю другихъ, условій къ развитію свободной жизни, свободное уже отъ азіатскихъ преданій, нашло, что человѣка гораздо естественнѣе называть существомъ словеснымъ, чѣмъ существомъ разумнымъ; такъ какъ понятіе — *умъ* не заключаетъ въ себѣ понятія — *слово* (а между тѣмъ че-

представлять, на произносить гласныхъ звуковъ отдѣльно отъ согласныхъ, или отъ придыханій.

ми чисто, раздельно. Если других они называли ко-
позычными, такъ это потому, что себя называли
„новоблагочивыми“. Не будь послѣдняго названія, —
трудно предположить, что бы было и первое. Названіе,
а слѣдовательно и понятіе — *использанный* есть при-
мѣе противоположеніе названію, а слѣдовательно и по-
нятію — *использованный*.

Итакъ въ словѣ — *άνθρωπος*, по нашему мнѣнію,
заключается мысль, что человекъ есть существо, бла-
женное способностью говорить, а въ словѣ *μιθροφ-*
имели, что это существо способно говорить раздельно,
внятво.

Сл греческимъ названіемъ человекъ почти тожде-
ственно, по значенію, названіе славяно-русское, такъ
что славяне какъ-бы переложили только на свой языкъ
греческое слово — *άνθρωπος*, отбросивъ впрочемъ пер-
вую половину его. Они назвали человекъ человекъ,
то есть, словесникомъ. Юнгманъ въ своемъ „Богем-
скомъ словникѣ“ и за нимъ Шимкевичъ въ своемъ
„Корнесловѣ русскаго языка“ высказываютъ предпо-
ложеніе, что слово *человѣкъ* есть слово сложное, и ко-
рень первой его половины ограничиваютъ первыми
двумя звуками — *че*, а второй половиной его считаютъ
слово *тъкъ*. „Слогъ *че*, говоритъ Шимкевичъ (1), мо-
жетъ относиться къ глаголу *чеду* или *чну*, прош. *челъ*,
а другая часть составляетъ особое слово *тъкъ* = беско-
нечное продолженіе времени. Выше показано въ сво-
емъ мѣстѣ, что корень *чеду* или *чну* означалъ: *дѣлать*,
слѣд. подъ словомъ *человѣкъ* можно разумѣть суще-
ство, осужденное на *тъчное дѣланіе* или на непре-
рывные труды“.... Но ниоткуда не видно, что бы сла-
вяно-язычники имѣли такое понятіе о человекѣ; да
едвали и могли имѣть. Будь у славянъ таковой взглядъ
на человекъ, — взглядъ этотъ таковой или иначе выразился
бы и въ другихъ названіяхъ. Такъ греки называли че-

(1) Корнесловъ русск. язык. стр. 123. Сиб. 1842.

ловѣка существомъ, одареннымъ даромъ слова; и у нихъ былъ синонимическій эпитетъ къ слову. *ἀνδραπῶτος, ἀνδρῆς* — благозвучный; мелодическій. Римляне называли человѣка существомъ, стремящимся къ общезжитію; и въ то же время гражданъ римскихъ, — даже тѣхъ, которые не жили въ Римѣ, называли *Romani*, то есть, римляне или люди, зачисленные въ члены римскаго общества. Нѣмцы называли человѣка *mann*, *mensch* — мыслитель; и въ то же время себя, какъ народъ, называли *deutsch*, то есть, ясный, объясняющій, толкующій. У славянъ встрѣчаются слѣдующія названія себя, какъ народу: *словакъ, словенъ, словенцы, славяникъ, славянинъ* и т. п. Всѣ эти названія произошли отъ словъ: *слово* и *слава*; но *слово* и *слава* — одного происхожденія. Оба они имѣли нѣкогда одинаковое значеніе: въ старину *словити* означало тоже, что *славить* ⁽¹⁾, и *словый* употреблялось вмѣсто *славный*, напр. „воевода Титъ, *словый* мужествомъ на ратехъ и на ловѣхъ“ ⁽²⁾. Одинаковое же значеніе оба эти слова имѣли потому, что оба происходятъ отъ одного корня. Корень этотъ есть *слу*, санскритское *sgu* ⁽³⁾. Что звукъ *г* (наше—*р*) могъ перейти въ звукъ *л* (наше—*л*), видно изъ того, что такой переходъ — не рѣдкость въ самомъ санскритѣ; такъ *собиритъ* въ одно мѣсто посанскритски *sgōp* и *slōp* ⁽⁴⁾. Санскритскій корень *sgu* значитъ и *слушать* и *дѣлать то, чтобы другіе слушали, говорить, возвыщать, повѣствовать, прославлять* ⁽⁵⁾. Отсюда у славянъ не только *слушъ, слушать*, но и *словити* и *славити* и *слу-ити* = *слити* ⁽⁶⁾. Но такъ какъ, строго говоря, и въ самомъ санскритѣ

(1) *Куралъ*. Истор. госуд. рос. III, прим. 119.

(2) Тамже, IV, пр. 175.

(3) *Шиллингъ*. Корнесл. русск. яз. стр. 59.

(4) *Воръ*. Glossar Sanscr. p. 358. 359.

(5) *Ibid.* p. 357. 358.

(6) *Некрисовъ*. О значен. формъ русск. глагола: у + и = ѣ. стр. 167. 196. Спб. 1865.

чистый корень этого слова есть *яг*, равняющийся нашему *сл*; то понятно, что наши *слава* и *слово* образовались прямо изъ этого древне-арійскаго корня съ прибавкой къ нему очень обыкновенныхъ у насъ окончаній *ава* и *ово*: *кү-ава* (корова), *заб-ава*, *мур-ава*, *тр-ава*, и: *волк-ово*, *зоб-ово*, *зайц-ово* (названія олений); прибавимъ: *зар-ово*, *огн-ово* вмѣсто *огн-ево* и т. д. Если же *слава* и *слово* произошли отъ одного корня и въ старину имѣли одно и тоже значеніе; то названія: *словакъ*, *словенъ* и тому подобныя и *славянинъ* будутъ имѣть одно и тоже значеніе: *словесный* и вмѣстѣ *славный*. — Происхожденіе этихъ названій отъ слова *слово* или *слава* очевидно до наглядности. Но какъ же изъ того же корня *сл* образовалось имя *человѣкъ*, если *человѣкъ* значитъ *словесникъ*?

Первое и самое важное условіе для опредѣленія первичнаго значенія слова состоитъ въ отысканіи его истиннаго корня. Рейфъ (¹) принимаетъ за коренные звуки слова *человѣкъ* первые пять звуковъ, Добровскій (²)—три, наконецъ Шимкевичъ (³) считаетъ это слово сложнымъ. Относительно мнѣнія Шимкевича уже было говорено. Что же касается Рейфа, такъ онъ вѣрно слово *человѣкъ* ставитъ въ связь съ словомъ *слово*, когда говоритъ: „*человѣкъ* вмѣсто *словѣкъ* отъ *слово*—*zlovek*“ (⁴). Но онъ невѣрно за окончаніе его принимаетъ слогъ *къ*. Окончанія *къ* или *жкъ*, по крайней мѣрѣ въ русскомъ языкѣ нѣтъ, а есть *екъ*, *икъ*; но это—окончанія именъ уменьшительныхъ: *домъ*—*домикъ*, *огонь*—*огонекъ*, *ножъ*—*ножикъ* и т. д. Больше соглашаемся съ мнѣніемъ Добровскаго, принимающаго за основу корня въ словѣ *человѣкъ* первые три звука, но соглашаемся не безусловно. По нашему мнѣнію, коренные звуки въ словѣ *человѣкъ*—*чл*, а звукъ *е*, какъ

(¹) Русско-франц. словарь, т. 2. стр. 1049. Спб. 1836.

(²) Entwurf zu einem allg. Etymol. 82.

(³) Корнесловъ, 123.

(⁴) Русско-франц. словарь. 1049.

въ *чръвѣ* (чръ), *стекло* (сткльо), — вставочный. Что действительно звукъ *с* здесь — вставочный, видно изъ названій чловѣка у другихъ славянскихъ народовъ: *človek* (богем.), *człowiek* (польск.), *člownik* (в. луж.), *zlówek* и *zlojek* (н. луж.), *zhlówek* (краинск. и виндск.), *človjek* и *človik* (босн.), *chlovek* (кroatск.) и др. (1). Итакъ: въ словѣ *чловѣкъ* — корень *чл*, со вставочнымъ *с* — *чсла*; значитъ *овѣкъ* — окончаніе? Да; но окончаніе это — древнее, развѣняющееся окончаніемъ *овѣкъ* (2), которое видоизмѣнилось въ *овѣкъ* (3). Вотъ это-то послѣднее сохранилось и въ русскомъ языкѣ: отъ *даль* — *домовицѣ*, отъ *лѣсъ* — *лѣсовицѣ*, отъ *пудъ* — *пудовицѣ*, а отъ *горохъ* — *горохово* (деревня) и *гороховицѣ*; точно также и отъ *сд* — *слово* и *словоицѣ* или *чловѣицѣ*, *чловѣицѣ* — чловѣкъ. Но для полнаго оправданія того предположенія, что имл — *чловѣкъ* происходитъ отъ корня *сл*, намъ остается еще показать, что звукъ *с* действительно можетъ перейти въ звукъ *ч*.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что звукъ *ч* въ словѣ *чловѣкъ* не есть основной звукъ. Это видно изъ того, что въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ онъ видоизмѣняется то въ *ц*, то въ *ш*; а звукъ *ш* такъ часто переходитъ въ звукъ *с*, что едвали можетъ кто усумниться въ этомъ явленіи въ языкахъ славянскихъ: *носѣицѣ* — *наша*, *просѣицѣ* — *прошнѣицѣ* и т. д. Но если бы мы и не имѣли въ виду другихъ славянскихъ нарѣчій, не усумнились бы утверждать, что звукъ *с* у славянъ (4) можетъ перейти въ звукъ *ч*. Выше показано, что *с* ≠ *ш*; но вотъ наше слово *шуба* — у словаковъ

(1) Шмидтъ. Корнесловъ русск. яз. стр. 122.

(2) Ошч, вышеприведен. славянск. названія.

(3) Босн. назван. *človjek* и *človik*.

(4) И не у однихъ славянъ звукъ *с* можетъ переходить въ звукъ *ч*; переходъ этотъ замѣченъ и въ турецкихъ диалектахъ: чувашск. *иш* — потатарски *иш* — рей, чувашск. *окш* — потатарски *акча* — деньги и др. Золотницкія. Замѣтки для ознакомленія съ чувашск. нарѣч. вып. 1. стр. 39. Казань. 1871.

чуба, *наше сверчокъ* — у словаковъ *чверчокъ*; а *ч* = *ч* (*чотекъ* — *откче*); наконецъ у словаковъ находимъ при-
меры безразличнаго употребленія звуковъ *с* и *ч*; такъ
чиринитъ у нихъ и *свиринити* и *чиринкати* (1);
Слѣдовательно корень *сл* безъ затрудненія могъ видо-
измѣниться въ *чл*; и наряду съ словомъ *словакъ* легко
могло образоваться слово *чловакъ*, а потомъ *чловѣкъ*
и *чловець*.

Но если такимъ образомъ имя — *чловець* происхо-
дитъ отъ того же корня, отъ котораго происходятъ и
слово и *словакъ*; то въ понятіи *чловець* должно за-
ключаться понятіе общее этимъ словамъ. Это общее
имъ понятіе есть понятіе о дарѣ слова; и названіе
чловець будетъ означать то же, что и названіе *словакъ*
и *чловець*; то есть, — *существо, одаренное даромъ слова*.
При выборѣ такихъ названій для себя, какъ народа,
и для чловека вообще предъ вами руководилны
какъ-бы тою мыслию, что *слово составляетъ славу члове-
ка*, и, производя отъ *слова* *славу*, *словака* и *чловець*
или *чловецька*, впадался какъ-бы въ такое сужденіе: *сло-
во — слава словака и чловецька* вообще. Такъ понимали
славяне слово *чловець*, повидимому; доволно долже
у насъ и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ
существуетъ поговорка: „я чловець, не нѣмецъ“, то
есть, я способенъ говорить, я не нѣмецъ. А такая по-
говорка едвали могла сложиться въ доисторическій
періодъ славянъ!

Сравнивая имя, данное чловеку славянами, съ
именемъ, даннымъ ему греками, мы находимъ между
тѣмъ и другимъ поразительное сходство. Греки назы-
ваютъ чловека существомъ, способнымъ говорить съ
другимъ и говорить ясно, раздѣльно; славяне называ-
ютъ чловека существомъ, одареннымъ даромъ слова.
Греки не-грековъ называли *варварами*, то есть, люди-

(1) К. С. Чешск. грам. съ кратк. хрестомат. и словар. Киевъ. 1852.

ми, не обладающими ясною, раздѣльною рѣчью (пепеловатыми); славяне не-славянъ называли нѣмцами, то есть, нѣмыми. Откуда такое сходство въ названіяхъ человѣку, а слѣдовательно и во взглядахъ на него у славянъ съ греками? Было ли когда-нибудь время, когда бы славяне находились въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ къ грекамъ, чѣмъ въ другимъ народамъ?

Хотя ни языкъ, ни исторія не представляютъ определенныхъ данныхъ для такого заключенія; но намъ кажется, что было время такихъ отношеній славянъ къ грекамъ. Это—періодъ времени, предшествующій переселенію славянскаго племени изъ Азіи въ Европу.

По общему признанію историковъ и филологовъ, первые выдѣлились изъ древняго сѣменища арійскаго и двинулись на западъ кельты и латинцы или италійцы⁽¹⁾; за ними шли греки и еракійцы⁽²⁾, потомъ племя германское⁽³⁾ и наконецъ племена литовское и славянское⁽⁴⁾. Итакъ славянское племя перешло въ европу непосредственно за литовскимъ или даже вмѣстѣ съ нимъ, вслѣдъ за нимъ. Если же славянское племяшло позади и литовскаго, и если такъ образъ было время, когда славянское племя находилось ближе его къ арійскому сѣменищу; то какъ объяснить то явленіе, что литовскій языкъ ближе, чѣмъ славянскій, къ языку древнихъ индусовъ? Говорятъ, что „единенность и замѣнутость литовскаго племени, которое, заблудившись въ дремучіе лѣса и болота нѣманскаго и двинскаго края, вело жизнь менѣе дѣятельную, чѣмъ славянская, и менѣе могло развиваться, были причиною неподвижности и въ языкѣ“. Это слова Гильфердинга⁽⁵⁾.

(1) *Гильбердингъ*. Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ. Вѣстникъ Европы. кн. 7, июль 1868. стр. 234 и 242.

(2) Вѣстн. Европ. июль 1868. стр. 242 и 243.

(3) Тамже, стр. 249.

(4) Тамже, стр. 250.

(5) Тамже, стр. 250.

Но самъ же Гильфердингъ черезъ десять строкъ говоритъ слѣдующее: „представимъ себѣ, сколько въ продолженіе 2500 — 3000 лѣтъ славянѣ и литовцы должны были въ своемъ языкѣ забыть стараго и заимствовать или составить у себя новаго; понятно, почему у нихъ *исчезли почти безъ слѣда* первобытные образы и мненія арійской поэзіи, и почему сгладились у нихъ тонкіе и сложные отгѣнки, которые древніе арійцы умѣли выражать особенными формами своихъ глаголовъ и своимъ словоерчиеніемъ; тогда какъ въ этихъ тонкихъ чертахъ слова и его поэтическихъ образахъ замѣчается такъ много сходнаго въ гимнахъ Веды и ближайшихъ къ нимъ по времени происхожденія памятникахъ арійской рѣчи, Зѣндавестѣ у иранцевъ и былинахъ древней Греціи. Но если мы отбросимъ тонкости грамматическихъ формъ и словосочиненія и откинемъ все то, что связано съ мненческими представленіями и преданіями, а возьмемъ голый *составъ языка* въ его звукахъ и словахъ, то рѣчь славянская и литовская окажется значительно ближе къ древней надійской, чѣмъ даже языкъ Иліады“ (1). И такъ у литовцевъ, какъ и у славянъ почти безъ слѣда *исчезли* первобытные образы и мненія арійской поэзіи и сгладились тонкіе и сложные отгѣнки глагольных формъ; тогда какъ „языкъ литовскій имѣетъ видъ болѣе старинный, чѣмъ (даже) славянскій“ (2). Если языкъ уцѣлѣлъ вслѣдствіе уединенія и замкнутости литовскаго племени; то отчего же вслѣдствіе того же уединенія не уцѣлѣли мненія и образы поэзіи и тонкіе отгѣнки глагольных формъ? Это противорѣчіе фактовъ удобно примирить, если допустить нѣсколько иное, чѣмъ то, какого держится Гильфердингъ, предположеніе о направленіяхъ, какихъ держались арійскія племена при переселеніи своемъ въ Европу. Общепринятое мнѣніе

(1) Вѣсти. Евр. іюль 1868. стр. 251.

(2) Тамже, стр. 230.

о хронологической последовательности ихъ переселения, при этомъ предположеніи нисколько не нарушается. Гильфердингъ говоритъ, что кельты пошли по северному берегу Чернаго моря (1). Кажется; правдоподобнѣе предположить, что кельты шли чрезъ малую Азію и на балканскій полуостровъ. Потому, когда слѣдъ довашио за кельтами италійское племя стало вытѣснять ихъ далѣе, они двинулись на апеннинскій или италійскій полуостровъ. А когда греки и еракійцы стали вытѣснять съ балканскаго полуострова италійцевъ; тогда эти послѣдніе въ свою очередь стали вытѣснять кельтовъ; и кельты отошли (2) только верхнюю Италію; большая же часть ихъ двинулась, по протокамъ юго-западной Франціи, на берега атлантическаго океана и завяла не только весь западъ европейскаго материка, но и берега Англій, Шотландіи и Ирландіи. Такое предположеніе основывается съ одной стороны на ускореннѣмъ стремленіи нервыхъ арійскихъ переселенцевъ селиться на берегахъ морей (3), съ другой—на томъ, что на всемъ означенномъ пути кельты оставили по себѣ слѣды, разумно небольшія общества ихъ племена. Въ малой Азіи и именно въ Троадѣ находился городъ Киммерида (4), получившій свое названіе, безъ сомнѣнія, отъ киммеріянъ—племена кельтскаго (5). У Гомера встрѣчается названіе Галатія (6)—одна изъ Нерейдъ;—названіе кельтское (7); значитъ у грековъ оставалось и кельтское имя и кельтское преданіе (такъ какъ Галатія одна изъ Нерейдъ). Одиссей попадаетъ въ страну киммеріянъ, которая по описанію Гомера около океана, на западъ (8)

(1) Вѣстн. Европ. іюль 1868. стр. 242.

(2) Тамже, стр. 266.

(3) Греки, италійцы и сами кельты.

(4) *Strab.* 7. p. 299.

(5) Вѣстн. Европ. іюль 1868. стр. 249.

(6) *Иліад.* 18, 45.

(7) Галаты—галыты—кельты.

(8) *Одисс.* 11, 14—20.

(конечно, отъ Греціи). По всѣмъ признакамъ (*) этотъ или островъ Сицилія, или южная Италия. Наконецъ кельты же населяли и верхнюю Италію. Если же кому жеріане встрѣчаются на берегахъ Чернаго моря, какъ это произошло отъ того, что при переселеніи кельтовъ изъ малой Азіи въ Европу, по всей вѣроятности, чрезъ восточнопелопонескій и дарданельскій проливы, и при заселеніи ими балканскаго полуострова, часть ихъ могла двинуться и на сѣверъ по западному берегу Чернаго моря. Итакъ кельты предшествовали италійцамъ, какъ италійцы предшествовали грекамъ. Когда такимъ образомъ кельты отодвинулись на западъ, италійцы заняли италійскій полуостровъ, а греки — полуостровъ балканскій; тогда движеніе чрезъ малую Азію должно было приостановиться: грекамъ трудно было вытѣснить; потому что берега ольбунскаго, акадунскаго полуострова были заняты италійцами, вытѣснить которыхъ было также нелегко; потому что верхняя часть этого полуострова и весь западъ были заняты кельтами. Между тѣмъ, пока кельты, италійцы и греки переселялись въ Европу, берега Чернаго и Каспійскаго морей; — болѣе, чѣмъ вѣроятно, — также были заселяемы и какъ-бы указывали другой путь переселенія въ Европу, путь сѣверный; и когда арійскіе поселенцы малой Азіи вынуждены были и сами остановиться въ своемъ движеніи и другихъ остановиться, тогда слѣдовавшее за ними племя пошло

(*) Область киммеріанъ Гомеръ представляетъ такой, гдѣ никогда не восходитъ солнце и гдѣ постоянно ночь; это или потому, что греки такимъ представляли западъ, или потому, что жители этой страны воздавали поклоненіе или Персефонѣ, жемъ Аида (аидъ — бога тьмы), похищенной недалеко отъ Этыи, въ Сициліи, или Гекатѣ, покровительницѣ ночныхъ свѣтилъ и дочери Ночи. А этимъ богинямъ воздавалось поклоненіе въ Сициліи и южной Италіи. Въ Италіи, у озера Авернисскаго, была темная роща, посвященная Гекатѣ. *Петискус*. Олимпъ. 99. 1861.

нѣсколько преломленныхъ уже новыми сѣверными широтами. Этимъ путемъ прошло племя германское и дало болѣе простора арийцамъ, остававшимся въ Азіи; движение изъ Азіи въ Европу на время приостанавливается.

Около этого времени (въ XIII—XII в. до Р. К.) начинается въ Иранѣ, въ Бактрии, релігиозный переворотъ. Переворотъ этотъ состоялъ въ томъ, что „простодушное“ обожаніе явленій природы замѣнено было нравственнымъ понатіемъ о божествахъ и представленіемъ о борьбѣ добра и зла“. „Боги, которыми поклонялось издревле арійское племя, какъ олицетвореннымъ силамъ свѣтлой и благотворной природы, признаны были за темныя существа, исполнявшія волю злаго духа, и стали почитаться божества новыя“. Самое названіе бога вообще, господствовавшее у первобытныхъ арийцевъ, названіе, выразившее ихъ вѣтхое представленіе о божествахъ, *даэас*, т. е. *небесный, голубой*, подверглось дѣйствию реформы. Оно стало означать чорта (даэва). Какъ общее наименованіе бога установилось другое слово, которое въ первоначальномъ языкѣ арийцевъ составляло, какъ кажется, только одинъ изъ эпитетовъ божества; понижася уже болѣе отвлеченно, въ смыслѣ покровителя, подавателя благъ: слово *ваэас*, *богъ* (¹). Кельтовъ, италійцевъ, грековъ и германцевъ переворотъ этотъ не коснулся (²), а славяны нѣсколько коснулся (³). Значитъ; было время, когда вышеупомянутыя племена были уже въ Европѣ, а славяне были еще въ Азіи. А такъ какъ переворотъ этотъ почти не коснулся и литов-

(¹) Вѣстн. Европ. июль 1868. стр. 254. Въ Землеведѣ и въ драме-персидскихъ надписяхъ *бага*.

(²) Основа ихъ мифологій обща, первобытная. Названіе бога одно и тоже слово *даэас* въ разныхъ звуковыхъ видоизмѣненіяхъ.

(³) Вѣстн. Европ. стр. 255.

языкъ (1); то, значить, действительно было время, когда и литовцы были дальше от иранцев, чѣмъ славяне. Но съ другой стороны, если взять во вниманіе то обстоятельство, что литовскій языкъ ближе къ языку индусовъ, чѣмъ славянскій, а этого, по нашему мнѣнію, не могло бы быть, если бы не было времени, когда литовцы были ближе къ индусамъ, чѣмъ славяне, такъ что выходитъ, что въ одно время, и болѣе продолжительное (2), ближе къ индусамъ были литовцы, а въ другое, менѣе продолжительное, славяне; то возникаетъ подозрѣніе, не въ малой ли Азій поселилось славянское племя въ то время, когда персианцы переселялись въ Европу, и не ему ли именно суждено было приостановить движеніе въ Европу славянскихъ путей? Предположеніе это подтверждаетъ и Гомеръ. Гильфердингъ доказываетъ, что древнѣйшее названіе славянъ — венеты (3). Поименовывая союзниковъ Троя, Гомеръ говоритъ, между прочимъ, что „пафлагосская земля Пилемонъ, храброе сердце, изъ *энетовъ* (4), откуда порода дивныхъ воиновъ: они же владѣли Кито-ромъ и обитали вокругъ Сесама, члѣны славные цесарно рѣкъ Партецію (5), населяли Кропну, Эталь и ван-

(1) Вотъ политовски *дынас*, полатышеки *дыас*, въ древнѣйшій прусскомъ патризикѣ *dyngal, dyngk*.

(2) Такъ какъ языкъ усваивается не такъ скоро, какъ языкъ дѣтъ и понятіа.

(3) Вѣсти. Европ. сентябрь 1868. стр. 153. 154. 155. 156. *Венеты, венеды, венды, банты, анты, вянты, вянчи* — отъ древняго *энетос* или *салантис* — *энетскантъ*, такъ что выходитъ, что названіе: *энетскантъ* и *саланта*, по значенію, почти синонимическа; первое названіе — древнее, второе — новое.

(4) Арейскій звукъ *с* греки очень часто замѣняли простымъ *д* или *т*. Матед. 2, 851—853.

(5) Рѣка Парганъ, впадающая въ Черное море въ крымскійской области. Килоръ или Калросъ, Сесамъ — восточнѣе впадающаго въ море Амазириса (нынѣ Амассера).

юскіе Эритини⁽¹⁾. Допускаеть такое предположеніе, чѣмъ охотнѣе, что при немъ всѣ противорѣчія уладываются весьма удобно. Послѣ того, какъ германскіе племена мало по малу переселились въ Европу, кто изъ нихъ заняло литовское; а мѣстомъ этимъ, при продолженіи, что славяне были уже въ малой Азии, будеть земля, лежащая около границы азіатской Турціи съ Персіей. Такимъ образомъ, по выселеніи германскаго племени славяне и литовцы были разположены такъ: славяне занимали часть малой Азии по южному берегу Чернаго моря, а литовцы занимали землю на востокъ отъ славянъ и примыкали съ одной стороны къ славянамъ, съ другой къ арійцамъ. Значить, было время, когда литовцы находились ближе къ „арійскому скандинаву“, чѣмъ славяне, и именно находились между арійцами и славянами. И это было тогда, когда зарождалось только религіозное движеніе между арійцами; потому что самый переворотъ религіозный на литовцахъ не отразился, а славянъ только коснулся. Съ этимъ періодомъ времени совпадаетъ съ одной стороны вторженіе грековъ въ малую Азію (тронновская война), съ другой нападенія ассиріянь. Вторженіе грековъ должно было оттѣснять славянъ назадъ, на востокъ; а нападенія ассиріянь⁽²⁾ съ береговъ Евфрата, съ юга, должны были отодвигать славянъ на сѣверъ. Такимъ образомъ тѣснимые съ запада и юга славяне или энецы стали подвигаться назадъ и, вытѣснивъ литовское племя на сѣверъ, на нѣсколько времени

(1) Кромна — развалины около Амассера; Эгизъ — берегъ такъ называлась и деревня близъ Анастриа; Эритины — это замѣчательное двумя вершинами скалами (Erythraia — дѣлаю краснымъ).

(2) Арріанъ говоритъ, что саветы пострадали отъ войны съ ассириянами и не оставило ихъ удавиться въ Европу». А Евстазія, упоминаетъ (въ примѣчаніяхъ къ Дионисію Перігету, стр. 378) объ этомъ сказаніи Арріана, говоритъ, что ирешанцы (Энецы теперь называемъ мы Венетіей).

заняли его мѣсто и стали такимъ образомъ ближе къ иранцамъ, чѣмъ литовцы. Въ это-то время славяне и захватили начало вышеупомянутаго религіознаго переворота въ Иранѣ. Ускоренію этого переворота, можетъ быть, много способствовали вторженія въ Бактрію ассиріяня (').

При такомъ предположеніи понятно будетъ и то, почему у литовцевъ и славянъ исчезли образы и мифы древней арійской поэзіи и сгладились тонкіе оттѣнки глагольныхъ формъ; тогда какъ по своему составу языкъ ихъ ближе къ языку древнихъ индусовъ, чѣмъ даже языкъ Илиады. Это—потому, что упомянутому религіозному перевороту должно было предшествовать скептическое отношеніе къ древнимъ мифамъ въ самомъ Иранѣ; и этотъ скептицизмъ, коснувшійся не только славянъ (которыхъ коснулся и самый переворотъ религіозный), но и литовцевъ, охладилъ какъ въ самихъ иранцахъ, такъ и въ нихъ уваженіе къ древнимъ мифамъ; тогда какъ грековъ этотъ скептицизмъ не коснулся. Что же касается состава языка и его формъ, то первый въ Иранѣ долженъ былъ измѣняться самымъ неощутительнымъ образомъ. Новый составъ языка возникаетъ вслѣдствіе столкновеній челоуѣка съ новыми предметами; чего не было въ Иранѣ. Греки, напротивъ, имѣли въ это время уже много новыхъ столкновеній: острова, заливы, мысы, растенія, новые народы—все это новые предметы, вызывавшіе необходимость новыхъ названій. Эта сторона развитія языка отвлекала вниманіе грековъ отъ развитія формальной его стороны; поэтому формы языка оставались у грековъ прежними и тогда, когда не нуждавшійся въ матеріальномъ развитіи, то есть, въ развитіи по своему составу языкъ самихъ иранцевъ постепенно развивался *формально*, и ко времени переселенія литовцевъ и славянъ былъ въ этомъ отношеніи уже болѣе далекъ

(') Вѣстн. Европ. сентябрь 1868. стр. 167.

отъ языка Веды, чѣмъ языкъ греческій; тогда какъ по своему составу былъ ближе къ нему, чѣмъ послѣдній. Эти свойства языка вынесли съ собой въ Европу и литовцы со славянами.

Итакъ есть основаніе думать, что славяне (вмѣстѣ съ другими, тогда азіатскими племенами) какъ-бы сопровождали грековъ на пути въ Европу до самой азіатской границы; въ малой Азіи они остановились, и сношенія ихъ съ греками продолжались до тѣхъ поръ, пока не вытѣснили ихъ въ Европу.

Древняя связь славянъ съ одной стороны съ литовцами, съ другой—съ греками, въ Европѣ уже, отразилась въ томъ, что европейскіе славяне по языку своему приближаются болѣе къ литовскому племени, чѣмъ ко всякому другому, а по своему основному характеру, еще не вполне впрочемъ обнаружившемуся,—по духу народности, стоятъ, кажется, ближе всего къ грекамъ. Эта основная черта характера или народности славянъ, составлявшая нѣкогда и основной характеръ греческаго народа, заключается въ стремленіи народа къ гармоническому всестороннему развитію. Подъ выраженіемъ: *гармоническое развитіе*, разумѣемъ развитіе такого рода, когда не только не отстаетъ въ пренебреженіи, но и не допускаетъ рѣзкаго перевѣса надъ собой ни одна изъ сторонъ существа человѣческаго. Это направленіе въ развитіи грековъ и славянъ, среди многихъ другихъ своихъ проявленій, отразилось и въ данномъ тѣмъ и другимъ народомъ названіи человѣку: названіе его существомъ словеснымъ обнимаетъ и духовную, разумную и плотскую природу человѣка.

Это же направленіе, какъ и всякое другое направленіе всякаго другаго народа, не могло не отразиться и на религіи. Если германцы удержали за человѣкомъ древнее арійское названіе, а божеству дали новое, свое ('); то римляне, греки и славяне, наобо-

(') Правосл. Собес. июль 1871. стр. 171. 132.

ротъ, давъ человѣку свое имя, за божествомъ оставили прежнія азіатскія названія. Греки Бога называютъ *Θεός* (а это есть видоизмѣненное *Zeus*), а римляне *Deus*. То и другое названіе есть названіе древне-арійское—*deva*—ясный, свѣтлый, и потому—Богъ ⁽¹⁾ (отъ *div*—сіять) ⁽²⁾. Славяне Бога называютъ: *Богъ*; это—видоизмѣненное арійское *bagas*, податель благъ. Несмотря однакоже на видимую противоположность германскаго племени латинскому, греческому и славянскому въ томъ, что первое удерживаетъ древнее названіе за человѣкомъ и измѣняетъ названіе Божества, а послѣднія наоборотъ удерживаютъ древнее названіе за Божествомъ и измѣняютъ названіе человѣка,—первое имѣетъ, въ этомъ отношеніи, и общую съ послѣдними сторону. Общаго у нихъ то, что какъ первое, такъ и послѣднія — всѣ отдѣлили названіе Божества отъ названія человѣка; всѣ Бога и человѣка стали называть совершенно различными именами; тогда какъ предки ихъ, арійцы, названіе Божеству и человѣку составили изъ одного и тогоже слова *man* — *мыслитель* съ прибавкою къ первому прилагательнаго: *великій*,—человѣка назвали мыслителемъ, а Бога—великимъ мыслителемъ. Ранѣе ⁽³⁾ было уже замѣчено, что явленіе это объясняется тѣмъ, что европейскіе арійцы не видѣли уже той близости отношеній Божества къ человѣку, какую усматривали еще арійцы азіатскіе. Въ такомъ невѣдѣніи близости Бога къ человѣку по самой природѣ (духовной) послѣдняго,—такъ какъ человѣкъ носитъ въ себѣ образъ Божій,—европейскіе арійцы оставались до тѣхъ поръ, пока не были озарены свѣтомъ христіанства. Христіанство просвѣтляетъ взглядъ ихъ на Божество и на отношенія Бога къ человѣку. Взгляды мѣняются, но названія остаются прежнія; потому что названія эти указываютъ на дѣй-

(1) *Vopp. Glossar. Sanscr.* p. 175.

(2) *Ibid.* p. 168.

(3) *Правосл. Собес.* июль 1871. стр. 172.

ствительно присущія Богу и человѣку свойства. Богъ дѣйствительно есть свѣтъ и податель благъ (¹); человѣкъ дѣйствительно есть и мыслитель и существо общежительное и наконецъ существо, одаренное даромъ слова. Названія, данныя европейскими аріянами человѣку, трудно было замѣнить другими также и потому, что въ каждомъ изъ нихъ высказывается основная черта народности, сгладить которой не могло и христіанство какъ по своему характеру—быть религіей свободы, такъ и по свойству природы самого человѣка, какъ существа свободнаго. И дѣйствительно, если присмотрѣться къ тому, какъ европейскія племена усвоили и усвояютъ христіанство; такъ нельзя не замѣтить, что обнаружившая себя въ названіи, данномъ тѣмъ, или другимъ племенемъ человѣку, основная племенная черта проглядываетъ и въ самомъ образѣ усвоенія каждымъ племенемъ христіанства. Такъ римляне, назвавшіе человѣка существомъ общежительнымъ и поставившіе себѣ задачей развитіе жизни государственной въ ущербъ частной, принявъ христіанство, не замедлили обратить его въ одинъ изъ рычаговъ къ развитію своего государственнаго могущества. Религія и политика объединяются: папа — и глава Церкви (вмѣсто Иисуса Христа) и мірской властелинъ; правила: „цѣль оправдываетъ средства“, католики держались одинаково какъ въ дѣлахъ политики, такъ и въ дѣлѣ распространенія вѣры; блескъ, пышность и многосложная обрядность какъ при дворѣ, такъ и при богослуженіи.—Назвавшіе человѣка мыслителемъ германцы впадаютъ въ другую крайность: вытѣсняють изъ церковной практики не только необходимые обряды и украшенія, но и нѣкоторыя изъ таинствъ, не признають авторитета преданія и ищутъ истины во внутреннемъ озареніи ума при чтеніи священнаго Писанія.—Давшіе человѣку имя по его способности говорить, какъ такой способности, въ которой оба на-

(¹) 1 Иоан. 1, 3. Іак. 1, 17. 1 Тим. 6, 17.

чала человѣческой природы сливаются въ одинъ даръ слова, и поставившіе себѣ задачей развитіе возможно-цѣлостное,—греки и славяне и христіанство усвояютъ не односторонне, а возможно-цѣлостно, *православно*; видятъ въ христіанствѣ такую религію, которая возвышается надъ всеми частными развитіями и обнимаетъ всѣ стороны жизни,—которая, давая полную свободу проявленію естественныхъ силъ человѣческихъ, не стѣсняетъ вѣрующихъ готовыми формами подобно католичеству, но и не разъединяетъ ихъ подобно протестантству, а объединяетъ единствомъ духа, союзомъ любви и вѣры въ Основателя христіанства, въ Бого-человѣка, въ Божию Премудрость и Слово.

А. Некрасовъ.

СПИРИТИЗМЪ

КАКЪ ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНАЯ ДОКТРИНА.

(продолженіе)

При изложеніи ученія о медиумствѣ, Кардекъ тщательно обходитъ вопросъ о физическихъ свойствахъ медиума, о его темпераментѣ, состояніи его здоровья и проч. Причина этого весьма понятна. Кардеку пришлось бы прямо перечислить симптомы и органическія условія умопомѣшательства: нервный темпераментъ, частныя невралгія, безсонница, неправильность пищеваренія и т. п. Медиумы тогда оказались бы несомнѣнно кандидатами на домъ умалишенныхъ; средства сдѣлаться медиумомъ привратились бы въ средства сойти съ ума, въ практическое руководство къ сумасшествію, и дано было бы для всякаго повятное и наглядное объясненіе того факта, что съ распространеніемъ спиритизма число случаевъ сумасшествия возрастаетъ съ необыкновенною силою, чего не отрицаетъ и самъ Кардекъ ⁽¹⁾. Обходя органическіе признаки медиума, Кардекъ останавливается на нравственныхъ качествахъ ⁽²⁾; но и здѣсь попадаетъ въ большое затрудненіе. Онъ долженъ признаться, что медиумомъ можетъ быть са-

⁽¹⁾ Le livre des médiums. ch. XVIII. Inconvénients et dangers de la médiumnité.

⁽²⁾ Ibid. 282.

мый безнравственный человекъ, что между медиумами вообще болѣе дурныхъ, испорченныхъ нравственно, чѣмъ добрыхъ, какъ это видно уже изъ *Tableau des médiums*, представленнаго выше. Какъ же согласить это съ высокимъ положеніемъ медиума и значеніемъ медиумства для рода человѣческаго? Кардекъ рѣшаетъ недоумѣніе просто указаніемъ на то, что спиритизмъ не откровеніе, а наука, въ которой нужно усиліе для отдѣленія истины отъ лжи. Съ безнравственными медиумами сообщаются и духи имъ подобныя, стоящіе на самой низкой ступени лѣстницы духовъ, и весьма часто злые. Отъ этихъ духовъ не застрахованъ ни одинъ медиумъ и ни одинъ спиритъ и оттого оцѣнка спиритскихъ сообщеній въ высшей степени затруднительна и встрѣчаетъ множество препятствій (*écueils*), которыя нужно умѣть устранить, чтобы имѣть въ результатѣ чистую истину. Въ этомъ главнымъ образомъ и состоитъ трудность спиритскихъ изслѣдованій; этимъ довершается *научный* характеръ и достоинство спиритизма, по мнѣнію Кардека. Потому онъ тщательно характеризуетъ всѣ затрудненія, предлагаетъ средства устранить ихъ, строитъ вообще цѣлую теорію критики спиритскихъ сообщеній.—Помимо нравственно несовершенныхъ медиумовъ, привлекающихъ этимъ самымъ только низшихъ, малосвѣдущихъ духовъ, существуютъ еще медиумы прямо одержимые злымъ или легкомысленнымъ духомъ ⁽¹⁾, который неотступно преслѣдуетъ свою жертву и старается ввести въ заблужденіе, одурачить (*faire dupe*). Опредѣлить точно степень нравственнаго совершенства медиума нѣтъ, очевидно, возможности и противъ этого зла самый проникательный и гениальный спиритскій изслѣдователь безсиленъ, потому что стоящіе на низкой степени развитія духи могутъ быть очень умными и хитрыми; но одержимость злымъ духомъ—обсессію (*obsession*) весьма легко узнать и ее часто

(1) *Le livre des médiums*. ch. XXIII.—De l'obsession. 308—326 pp.

сознаютъ сами подверженные ей; возможно также посредствомъ усилій, молитвы и заклинаній освободиться отъ обсессіи. Несравненно опаснѣе для спиритизма случай, когда обсессія переходитъ въ ослѣпленіе (*fascination*) и одержимый злымъ духомъ не сознаетъ и не можетъ сознать этого: онъ считаетъ всѣ, самыя величныя даже, сообщенія за чистую истину, сообщаемую высшими духами. Есть еще третій родъ обсессіи—*subjugation*, состоящее въ томъ, что медиумъ не можетъ удержаться отъ нѣкоторыхъ движеній. Напр. онъ постоянно чувствуетъ потребность писать и писать вездѣ, на всемъ и всѣмъ, что попадетъ подъ руку, а иногда просто пальцемъ; чувствуетъ неодолимую потребность падать на колѣна предъ всякою женщиною и производить скандалы. Этого рода медиумы представляютъ то неудобство, что компрометируютъ своими дурачествами спиритизмъ, замѣчаетъ съ грустію Кардекъ. Съ медиумами ослѣпленными случается часто то, что духъ ихъ одержавшій принимаетъ имена лицъ различныхъ, иногда высокыхъ—Иисуса Христа, Дѣвы Маріи, Моисея и т. п. и подъ этими именами старается сообщить ложныя мысли и воззрѣнія, или же просто поддѣлывается подъ ихъ характеръ и языкъ, но и всѣ другіе медиумы не гарантированы отъ подобной мистификаціи со стороны духовъ. Какъ устранить это неудобство и получить возможность въ каждомъ данномъ случаѣ узнать и доказать тожество вошедшаго во общеніе духа съ тѣмъ самымъ, за кого онъ себя выдаетъ? Это капитальный вопросъ въ спиритской наукѣ. Если существуютъ вѣрныя средства утверждать это *identité des esprits*, то спиритизмъ имѣетъ критеріумъ для оцѣнки откровеній, имѣетъ вѣрное средство отличить истинное ученіе духовъ отъ лжи; если же нѣтъ этого средства, то спиритизмъ, даже для вѣрующаго въ дѣйствительность сообщенія съ міромъ духовнымъ, не имѣетъ и не можетъ дать гарантіи, что проповѣдуемая имъ истины идутъ отъ высшихъ духовъ. Они могутъ быть всѣ обманомъ о стороны низшихъ духовъ, дурачествомъ ихъ надъ

смертными: никакое изслѣдованіе, никакое сравненіе откровеній между собою не можетъ привести ни къ чему достовѣрному, потому что всѣ они могутъ быть фальшивыми. Поставивши вопросъ объ тожествѣ духовъ, Кардекъ кажется, не выразумѣлъ и не понялъ всей его важности для своей доктрины. Иначе онъ не рѣшился бы сказать прямо и рѣшительно, какъ онъ это сдѣлалъ,—что съ точностію *identité des esprits* никогда нельзя доказать и нельзя указать вѣрныхъ средствъ для опредѣленія этого, особенно относительно духовъ давно жившихъ на землѣ (*anciens*)⁽¹⁾. Мало того, онъ увѣряетъ, что „въ большинствѣ случаевъ абсолютное тожество есть вопросъ второстепенный и не имѣющій дѣйствительнаго значенія“, тѣмъ болѣе, что можетъ предстать духъ, никогда не жившій на землѣ и не имѣющій земнаго имени, и принять на себя имя какого-либо извѣстнаго людямъ челоуѣка, во избѣжаніе разныхъ затрудненій⁽²⁾. Въ сущности не важно знать истинное имя и положеніе духа, лишь бы сообщенія его были *чисты и истинны*. Уничтоживъ всякую возможность опредѣлить вообще источникъ спиритскихъ откровеній, опору для убѣжденія, что эти откровенія идутъ изъ чистаго источника и имѣютъ дѣйствительно благую цѣль, Кардекъ окончательно подрываетъ самыя основы своей доктрины, признавши критеріумомъ хорошихъ, идущихъ отъ высшихъ духовъ сообщеній, чистоту и истинность ученія въ нихъ заключающагося. Доктрина спиритская истинна и чиста для спирита единственно потому, что она проистекаетъ отъ добрыхъ, высшихъ и совершеннѣйшихъ духовъ; духи же въ свою очередь признаются высшими и совершенными на томъ основаніи, что они проповѣдуютъ чистыя и высокія

(1) Le livre des médiums, chap. XXIV.

(2) Comme il nous faut des noms pour fixer nos idées, ils (esprits) peuvent prendre celui du personnage connu dont la nature s'identifie le mieux avec la leur. Le livre des médiums, 328—329 pp.

истины. Очевиднѣйшій для всякаго *circulus logicus*. Въ концѣ концовъ оцѣнить достоинство и духовъ и сообщеній ихъ могутъ только люди ихъ привнимающіе и оцѣнить, руководясь единственно своими субъективными воззрѣніями и симпатіями, признать чистыми и истинными такія сообщенія, которыя *имъ самимъ кажутся* такими. Прямой и неизбѣжный выводъ отсюда тотъ, что спиритское ученіе цѣликомъ принадлежитъ живымъ людямъ, даже при томъ предположеніи, что оно записано со словъ духовъ, потому что, за отсутствіемъ какого-либо внѣшняго критеріума, люди должны были выбрать изъ множества разнорѣчивыхъ и противорѣчивыхъ откровеній тѣ, какія имъ показались истинными и болѣе понравились. Поставить себя въ такое затрудненіе и дать такой ребяческой промахъ въ дѣлѣ существенной важности для своего ученія, могъ только весьма недалекій человекъ, какимъ дѣйствительно и выказываетъ себя Кардекъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ. Бѣдность мысли, при подавляющемъ обилии словъ, высокопарность, постоянное повтореніе одного и того же, часто въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, противорѣчія, путаница въ раздѣленіяхъ и классификаціи, фразы и восклицанія вмѣсто доказательствъ,— вотъ отличительныя черты этихъ произведеній: чтеніе ихъ утомительно и скучно до послѣдней степени и можетъ нравиться только очень убогимъ въ интеллектуальномъ отношеніи людямъ. Но обратимся къ *identité*. Напрасно Кардекъ приводитъ разныя оправданія невозможности доказать его въ родѣ того, что духи также могутъ оскорбляться требованіемъ отъ нихъ доказательствъ ихъ несамозванства, какъ оскорбился бы почтенный и извѣстный человекъ, если бы, отрекомендовавшись кому-нибудь, онъ долженъ былъ бы показать паспортъ и привести другія свидѣтельства. „Представьте себѣ, что Араго пришелъ въ какую-нибудь гостиную и отрекомендовался, умствуешь Кардекъ. Вдругъ у него попросили бы видъ, спросили бы, сколько у него дѣтей, заставили бы рѣшить нѣкоторыя матема-

тическія и астрономическія задачи для доказательства, что онъ дѣйствительно Араго. Развѣ онъ не обидѣлся бы и не отказался дать отвѣтъ? Тоже самое дѣлаетъ и духъ его, когда бываетъ вызванъ ⁽¹⁾. Мы думаемъ, что Араго не отказался бы все это сдѣлать и не оскорбился бы, если бы отъ этого зависѣло благо человѣчества, его развитіе и возрожденіе и т. п.,—именно то, для чего и являются *духи* и входятъ въ общеніе съ людьми по убѣжденію спиритовъ. Медіумъ конечно можетъ отказаться отвѣчать на такіе вопросы, потому что для этого нужны знанія. Напрасно также предлагаетъ Кардекъ заклинать духовъ именемъ Божиимъ—сказать по совѣсти свое имя; напрасно даетъ цѣлыхъ 26 правилъ для руководства при рѣшеніи вопроса, добрый, или злой духъ дѣлаетъ сообщеніе. Въ концѣ концовъ онъ долженъ признаться, что единственное доказательство тождества духа съ тѣмъ самымъ, за кого онъ себя выдаетъ, помимо качествъ его ученія находится въ языкѣ (*langage*) и обстоятельствахъ случайныхъ (*les circonstances fortuites*). Критеріумъ, очевидно, далеко ненаучный и не могущій привести ни къ чему несомнѣнному и неоспоримому. *Langage* весьма легко поддѣлать, а *les circonstances fortuites* объяснить по своему вкусу и произволу. Въ концѣ книги медіумовъ приложены образцы подлинныхъ и апокрифическихъ сообщеній съ указаніемъ основаній для признанія ихъ такими. Конечно эти образцы принаровлены тщателью къ той цѣли, для которой приложены, но и они могутъ служить нагляднымъ доказательствомъ произвола спиритовъ при оцѣнкѣ откровеній ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Le livre des médiums. 330—331 pp.

⁽²⁾ Между этими образцами есть одно подписанное именемъ «Jesus de Nazareth» а два—«Jesus». Первое признается подлиннымъ (?), послѣдніа два апокрифическими. Но всѣ они представляютъ безтолковый наборъ фразъ и самую бездарную болтовню, въ которой проглядываетъ стремленіе поддѣлаться подъ языкъ евангельскихъ рѣчей Господа, обличающее крайнюю без-

Не указавши вѣрнаго средства констатировать тожество духовъ и подлинность ихъ сообщеній и тѣмъ лишивши спиритизмъ всякой опоры и почвы, Кардекъ предписываетъ за тѣмъ внѣшнія средства къ предъотвращенію мистификацій со стороны духовъ. Но и эти средства не могутъ дать увѣренности мыслящему спириту, не освобождаютъ спиритскія откровенія отъ апокрифичности. Одно изъ главныхъ средствъ предотвратитъ мистификацію и имѣть дѣло всегда съ добрыми духами указывается въ вызываніи (évocation) во имя Божіе. Вызываніе можетъ относиться вообще къ добрымъ духамъ и быть въ родѣ слѣдующаго: „во имя Бога всемогущаго просимъ добрыхъ духовъ удостовѣрь насъ сообщенія черезъ такого-то или такихъ-то лицъ“ (*). Оно можетъ быть обращено и къ одному доброму духу, безъ всякаго указанія, къ какому именно, въ такомъ напр. видѣ: „молю Бога всемогущаго допустить какого-либо духа войти въ общеніе со мною, молю также моего ангела хранителя помочь мнѣ и удалить отъ меня злыхъ духовъ“ (*). Наконецъ вызываніе можетъ быть обращено къ какому-либо опредѣленному духу, который долженъ быть въ такомъ случаѣ названъ по имени. Кардекъ не даетъ строго опредѣленныхъ формулъ для вызываній, стараясь избѣжать внѣшняго сходства своей практики съ магіею. Слова, говорить онъ, ничего не значатъ: важно имя Божіе и сила чувства

дарность и дерзость автора! Вотъ напр. окончаніе *подлиннаго* сообщенія: «Спириты! любите другъ друга, вотъ—первая проповѣдь (enseignement), научайте другъ друга—вотъ вторая. Всѣ истины находятся въ христіанствѣ; заблужденія, вкоренившіяся въ него, проистекаютъ отъ людей; и вотъ изъ-за гроба, который вы почитаете уничтоженіемъ (le néant), въ вамъ вопіеть голосъ: братья! Ничто не гибнетъ. Исусъ Христосъ есть побѣдитель зла; побѣдите нечестіе». Какова—пошнимо всего—логика и связь мыслей! Le livre des médiums. 474—476, 499—501.

(*) Ibid. 247 p.

(*) Ibid. 244.

и желанія вызывающаго. Но тѣмъ не менѣе въ dissertations spirits, онъ приводитъ формулу „редактированную духами“ и потому въ сущности обязательную для вызывателей, подъ опасеніемъ не быть услышанными отъ духовъ (¹). Не говоря уже о ненаучности и магическомъ характерѣ этого средства, оно представляетъ плохую гарантію потому, что имя Божіе, какъ сознается самъ Кардекъ, можетъ дѣйствовать на духовъ добрыхъ только въ устахъ высоконравственнаго человѣка: въ устахъ человѣка невысокой нравственности оно бессильно и можетъ вызвать, даже необходимо вызоветъ мистификацію со стороны духовъ несовершенныхъ и злыхъ (²). Но какимъ же образомъ вообще съ научною точностію оцѣнить нравственность вызывателя или тѣмъ болѣе совокупности ихъ, участвующихъ въ одномъ вызваніи, и если бы это даже было возможно, то чтò принять мѣриломъ ея? Очевидно и здѣсь спиритъ не имѣетъ для себя никакой рѣшительно самой даже малѣйшей опоры и опять вездѣ можетъ считать себя игрушкою злыхъ духовъ, тѣмъ болѣе, что они весьма охотно, по словамъ Кардека, являются при всякомъ удобномъ случаѣ (³). Кромѣ высоты ученія, langage и вызыванія, для оцѣнки спиритскихъ сообщений нужно, по совѣту Кардека, брать во вниманіе форму и качество вопросовъ предлагаемыхъ духамъ: неудовлетвореніе нѣкоторыхъ условій въ этомъ отношеніи влечетъ невѣрные сообщенія. Прежде всего Кардекъ совѣтуетъ готовить вопросы заранѣе и

(¹) Le livre des médiums. 483 p.

(²) Ibid. 360.

(³) Кромѣ добрыхъ и злыхъ духовъ, можно вызывать и духовъ находящихся въ тѣлѣ—т. е. живыхъ людей, и если души эти стоятъ на высшей степени развитія, то непременно явятся. Со временемъ, когда люди достигнутъ болѣе высокой степени развитія, замѣчаетъ при этомъ Кардекъ, такой способъ сообщенія между ними будетъ всеобщимъ и обычнымъ и слѣдуетъ излѣчить лишними почты и телеграфы. Ibid. 384.

располагать ихъ въ связи. Совѣтъ этотъ равносильнъ совѣту составить на извѣстный предметъ то, или другое воззрѣніе и за тѣмъ обратиться къ духамъ за утвержденіемъ, или отрицаніемъ его. Хотя подобное веденіе дѣла при отсутствіи всякихъ средствъ для опѣнки сообщеній духовъ, прямо ведетъ къ произволу,— оно вообще законно съ научной точки зрѣнія и взято у естествоиспытателей. Но опредѣленіе того, какіе должны быть предлагаемы вопросы духамъ, очевиднѣйшимъ образомъ направлено не къ тому, чтобы гарантировать истинность сообщеній, а къ тому, чтобы устранить всѣ вопросы неудобные для спиритовъ, на которые вообще трудно отвѣчать самому искусному жонглеру. Такъ Кардекъ объявляетъ самыми антипатичными для духовъ вопросами такіе, которые имѣютъ цѣлю испытать ихъ провидательность и провѣрить ихъ знаніе, какъ это и сдѣлалъ уже онъ въ другомъ мѣстѣ. Никакого *épreuve* духи не терпятъ и тотчасъ же удаляются или начинаютъ врать, какъ только замѣтятъ что-либо подобное (¹). Мотивы этого опять приводятся самые ребяческіе и ни съ чѣмъ несообразные. Не нужно спрашивать, далѣе, духовъ о будущихъ событіяхъ: можно обращаться къ нимъ съ подобными вопросами только въ важныхъ случаяхъ и то не всегда можно рассчитывать на точный отвѣтъ (²). Не нужно задавать имъ вопросовъ о какихъ-либо еще не утвержденныхъ и не доказанныхъ наукою истинахъ и фактахъ (³). Не нужно спрашивать подробнаго описанія другихъ міровъ и планетъ, обитаемыхъ духами (⁴). Но за то можно обращаться къ духамъ за всякими совѣтами, особенно въ интересахъ нравственности; можно спрашивать ихъ о своемъ здоровьѣ и о дѣйствитель-

(¹) *Le livre des médiums*. 387, 389—390 pp.

(²) *Ibid.* 391—394 pp.

(³) *Ibid.* 402—403 pp.

(⁴) *Ibid.* 405 p.: *Questions sur les autres mondes*.

ныхъ причинахъ ихъ смерти (¹). Особенно же имъ любезны questions sur le sort des esprits (²), гдѣ очевидно они свободны отъ всякой рѣшительно повѣрки и могутъ говорить что угодно. Последнее и самое сильное средство предохраненія отъ мистификацій со стороны духовъ и отъ сообщенія съ высшими духами для спиритовъ есть соединеніе въ общества (réunions et sociétés spirites) (³), общества притомъ имѣющія серьезную цѣль—наученіе и благо челоѳчества, réunions instructives, какъ называетъ ихъ Кардекъ. Такія общества сами собою привлекаютъ къ себѣ симпатическихъ имъ т. е. серьезныхъ и учительныхъ духовъ. Но для этого нужны нѣкоторыя условія, изъ которыхъ одни невыполнимы, какъ напр. соединеніе людей чистой нравственности, около которыхъ постоянно пребываютъ чистые духи. Одушевленное любовію взаимною такое общество сильно дѣйствуетъ на духовъ и привлекаетъ ихъ, духи въ такомъ обществѣ чувствуютъ себя хорошо, какъ въ „симпатической“ родной сферѣ, дѣлаются сообщительными и даже болѣе умными (⁴); духи низшіе не могутъ себя хорошо здѣсь чувствовать, какъ простолюдинъ въ великосѣтскомъ салонѣ, и бѣгутъ изъ такихъ собраний. Все это могло бы служить пожалуй для мыслящаго спирита залогомъ истинно-духовныхъ сообщеній, если бы онъ когда-нибудь могъ съ несомнѣнностію быть увѣреннымъ, что въ извѣстномъ обществѣ нѣтъ наполовину негодяевъ, умѣющихъ носить маску благочестія. Такъ какъ за это никто поручиться не можетъ, то и это средство никуда не годится. Другія условія прямо способствуютъ шарлатанству и мистификаціи со стороны особенно живыхъ людей: требуется, именно, отъ членовъ общества слѣпая вѣра въ дѣйствительность духосооб-

(¹) Le livre des médiums. 396, 401 pp.

(²) Ibid. 399—401 pp.

(³) Ibid. 434—457 pp.

(⁴) Le livre des médiums. 440 p.

щенія, отсутствіе пытливости и наконецъ ограниченность числа: общество должно по преимуществу состоять изъ „небольшаго интимнаго кружка“. Если существуютъ дѣйствительно духи légers — шутники, то для нихъ собраніе такихъ чудаковъ должно быть истинною находкою, какъ это бываетъ обыкновенно и на землѣ, въ земной жизни, съ которою при всякомъ случаѣ такъ любитъ сравнивать жизнь духовъ Кардекъ для оправданія разныхъ несообразностей. — Такииъ образомъ человекъ, даже вѣрующій въ сообщеніе съ духами спиритовъ, у котораго есть хотя небольшое умѣнье логично мыслить, не можетъ никакъ помириться съ спиритскими сообщеніями, потому что не можетъ найти *никакихъ* средствъ узнать въ массѣ ихъ тѣ, кои проистекають отъ высшихъ духовъ, не можетъ *ничьмъ* вполнѣ, по всей строгости логическихъ законовъ убѣдиться, что всѣ они не проистекають отъ низшихъ или даже злыхъ духовъ.

Мы обозрѣли довольно подробно все то, что служить основаніемъ претензіи спиритизма на званіе опытной положительной науки. Стоя на самой выгодной для спиритизма точкѣ зрѣнія, не отрицая пока дѣйствительности спиритскихъ фактовъ и сообщенія съ духами, мы видимъ, что онъ не имѣетъ и не можетъ имѣть даже отдаленнаго сходства съ опытною наукою. Міръ разумныхъ силъ, имъ открываемый и изслѣдуемый, имѣетъ громадное преимущество предъ неразумными силами природы, составляющими предметъ естественныхъ положительныхъ наукъ: онъ самъ повѣствуетъ о томъ, что онъ такое, какимъ законамъ подчиняется его бытіе, при какихъ условіяхъ и въ какихъ формахъ совершается его жизнь и каковы отношенія его къ человеку. Но спиритизмъ лишенъ возможности повѣрить истинность, соотвѣтствіе дѣйствительности этихъ повѣствованій, неопровержимо доказать, что міръ духовный есть именно то, за что выдаютъ его спиритскіе *духи*, ему не достаетъ слѣдовательно основнoй и существенной черты положительной науки,

того, что именно дѣлаютъ положительныя науки такими. Въ самомъ дѣлѣ, кто имѣющій хотя небольшое знакомство съ естествознаніемъ новѣйшимъ, соединяющій опредѣленное представленіе съ словами— „положительная наука“ и „научность“, согласится признать естественно-положительною, точною наукою собраніе положеній, послѣднее основаніе которыхъ есть просто вѣра въ то, что *духи* открываютъ чистую истину. А такова дѣйствительно основа спиритизма. Единственнымъ разумнымъ основаніемъ этой вѣры служить, какъ мы видѣли, высота, чистота и совершенство сообщаемого *духами* ученія; но это основаніе чисто субъективное, открывающее безконечный просторъ личнымъ симпатіямъ и произволу, что немислимо въ наукѣ точной, положительной. Кардекъ дѣлаетъ попытку ограничить этотъ произволъ, дать объективный критеріумъ высоты и истинности ученія; но попытка эта также безуспѣшна, какъ и отыскиваніе объективнаго критеріума тождества духовъ и степени ихъ совершенства. Онъ указываетъ такой критеріумъ въ согласіи ученія духовъ со словами Христа Спасителя и въ проповѣдываніи ими прекращенія „царства эгоизма и замѣненія его царствомъ справедливости“ (1). Но извѣстно, какія противорѣчивыя, взаимно-исключающія другъ друга воззрѣнія возможны на ученіе и слова Спасителя для людей, ослѣпленныхъ предзанятыми идеями и неруководимыхъ высшимъ авторитетомъ истинной Церкви. Подъ вліяніемъ страстей и предзанятыхъ воззрѣній люди находили и находятъ въ Евангеліи ученіе о равенствѣ и коммунизмѣ, о рабствѣ и кастичности, объ аскетизмѣ и крайней нравственной разнузданности, а самъ Кардекъ находитъ въ немъ свое спиритское ученіе, толкуетъ Евангеліе по своему. Такимъ образомъ этотъ критеріумъ его въ концѣ концовъ есть ученіе Христа, согласное съ спиритизмомъ

(1) Le livre des esprits. 1 edit. 28 p.

понятое по-спиритски, или, что тоже, спиритское учение есть само для себя критериумъ. Спиритизмъ опять возвращается къ самому себѣ и изслѣдованія его опять безвыходно замыкаются въ кругѣ субъективности. Самъ Кардекъ понялъ это и въ „Евангеліи отъ спиритизма“, представляющемъ толкованіе *духовъ* на слова Спасителя, евангельскія заповѣди и обѣтованія, онъ представляетъ уже другой критериумъ, потому что въ противномъ случаѣ былъ бы уже слишкомъ очевидный и глупый софизмъ и выразилось бы крайне низкое воззрѣніе на мыслительныя силы адептовъ спиритизма. „Единственная серьезная гарантія ученія духовъ состоитъ въ согласіи, существующемъ между откровеніями, сдѣланными добровольно (*spontanément*), при посредствѣ большаго числа медіумовъ, незнакомыхъ другъ съ другомъ и находящихся въ разныхъ странахъ“ (*). Разумѣется, поясняетъ Кардекъ, согласіе это относится къ самымъ принципамъ ученія (*se rattache aux principes mêmes de la doctrine*). Не опредѣляя этихъ принциповъ спиритизма, Кардекъ весьма нетонко намекаетъ, что это именно принципы его сочиненій—„Книги духовъ“ и „Книги медіумовъ“. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ получается съ очевидностію такой убогій и жалкій выводъ: все, что согласно съ ученіемъ, изложеннымъ въ сочиненіяхъ Кардека, избранника духовъ и апостола новаго откровенія, то есть чистѣйшая и непререкаемая истина и духи, проповѣдующіе ученіе Кардека, — высшіе духи. Вся махинація, изложенная въ *le livre de médiums*, только прикрываетъ эту мысль, ясно выраженную въ приведенномъ нами призваніи духами Кардека на служеніе спиритизму (*) и проглядывающую всюду въ его произведеніяхъ. Кардекъ утѣшаетъ себя тою мыслию,

(*) L' Evangile selon le spiritisme. 1868. X—XI p. introduction.

(*) L' Evangile selon le spiritisme. 4 ed. XII p. introduction.

что къ нему изъ всѣхъ странъ стекаются сообщенія, подтверждающія его ученіе, и съ торжествомъ указываютъ на этотъ фактъ, какъ на доказательство истинности этого ученія, забывая, что его сочиненія составляютъ главное, почти единственное руководство для знакомства съ спиритскою теоріею во всемъ ея объемѣ, что они распространены всюду, что онъ самъ рекомендуетъ изученіе этихъ произведеній прежде всякихъ опытовъ. Что сообщенія, такъ восхищающія Кардека своимъ согласіемъ съ его ученіемъ, идутъ отъ людей знакомыхъ съ „Книгою духовъ“, „Книгою медиумовъ“ и т. п.,—отъ поклонниковъ Кардека, это непререкаемо и съ очевидностію доказывается уже самымъ фактомъ присылки ихъ къ нему. Въ сущности такимъ образомъ это только другая форма подтвержденія спиритскаго ученія имъ самимъ, форма того доказательства, которое можно формулировать такъ: спиритское ученіе проистекаетъ отъ высшихъ духовъ и есть высокое и истинное ученіе, потому что оно проистекаетъ отъ высшихъ духовъ и есть высокое и истинное ученіе. Въ немъ, какъ и во всѣхъ другихъ, мы имѣемъ замѣчательный и самый совершенный образецъ логическаго *idem per idem*. Такъ падаютъ одна за другою всѣ quasi-научныя опоры спиритизма при самомъ поверхностномъ анализѣ ихъ и мы получаемъ, послѣ ихъ обзора, полнѣйшее право предположить, что созданная при такихъ фальшивыхъ средствахъ доктрина есть собраніе чисто объективныхъ предположеній, ни на чемъ не основанныхъ, произвольныхъ, есть построеніе *a priori*, неудачно поддѣлывающееся подъ форму опытной науки, какъ было заявлено въ самомъ началѣ изслѣдованія. Но, можетъ быть, спиритское ученіе такъ высоко и величественно, такъ неизмѣримо превосходитъ всякое ученіе человѣческое, такъ связано, стройно, логично и ясно, его приложеніе на практикѣ съ очевидностію ведетъ къ такимъ благодѣтельнымъ, возвышающимъ и облагораживающимъ чловѣка послѣдствіямъ, что оно, какъ Евангеліе, само говоритъ за себя

и невольно увлекаютъ умъ серьезный, завлеченный великими вопросами человѣческаго бытія. Сами спириты въ концѣ концовъ выставляютъ такія свойства своей доктрины, какъ послѣднюю и самую лучшую я опору, поредражнивая въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ, христіанское откровеніе ⁽¹⁾. Они конечно не подозреваютъ, что допускаютъ здѣсь, какъ и всюду, чудовищное противорѣчіе себѣ самимъ. Сущность откровенія христіанскаго заключается въ непостижимости основныхъ его истинъ, каковы троичность Божества, воплощеніе Сына Божія, возрожденіе Духомъ Святымъ человѣчества. Истины эти не допускаютъ доказательства и не нуждаются въ немъ: они такъ глубоки, высоки и таинственны и въ тоже время такъ поразительны для ума правильно развитаго, такъ гармонируютъ со всѣми стремленіями и требованіями высшей природы человѣка, такъ тѣсно, глубоко и всесторонне связаны съ высокими, поразительно вѣрными самымъ основнымъ законамъ человѣческаго духа, нравственными предписаніями, что они дѣйствительно говорятъ сами за себя и въ этомъ ихъ главная и, можно сказать, единственная сила. Потому Евангеліе вполне логично говоритъ человѣку: „вѣруй и ты спасешься, получишь миръ душевный, надежду и блаженство, не повѣришь—погибнешь“. Въ устахъ спирита, вообще въ спиритской доктринѣ такое требованіе—есть напротивъ логическое самоубійство. Спиритизмъ считаетъ своею отличительною, какъ мы видѣли, чертою эмпиричность, доступность чисто объективному изслѣдованію и доказательству, общепонятность и общедоступность своихъ истинъ и въ этомъ видитъ свое превосходство надъ христіанствомъ. Но, послѣ тщетныхъ усилій утвердить эту черту на незыблемыхъ основаніяхъ, онъ вдругъ объявляетъ, что главная сила его въ превосходствѣ его ученія. Вся аргументація такимъ

(1) Le livre des esprits.

образомъ получаетъ слѣдующій видъ: „мое ученіе, говоритъ спиритизмъ, несомнѣнно, потому что понятно и основано на доказательствахъ, но убѣдиться въ его несомнѣнности можно не посредствомъ этихъ доказательствъ, а только посредствомъ созерцанія его превосходства и совершенства“. Если ужъ это не противорѣчіе, то чтѣ же называется противорѣчіемъ? Если бы Кардекъ объявилъ прямо свое ученіе откровеніемъ истинъ недоступныхъ научной повѣркѣ и прямому доказательству, то его построеніе могло бы быть формально-правильнымъ и логичнымъ, не заключало бы въ себѣ прямого внутренняго противорѣчія; но тогда спиритизмъ не нашелъ бы въ обществѣ благопріятныхъ для себя элементовъ и никакъ не могъ бы рассчитывать на успѣхъ. Его сила въ томъ, что при всей путаницѣ понятій, при всѣхъ противорѣчіяхъ, на которыя онъ опирается, онъ удовлетворяетъ, какъ мы видѣли, сильно развивавшимся въ текущемъ столѣтіи анти-откровеннымъ, анти-религіознымъ эмпирическимъ и въ тоже время мистическимъ тенденціямъ, и въ томъ, что онъ стремится объединить въ себѣ всѣ мистическія попытки новаго времени, дать имъ именно научное совершенство и санкцію.... Но посмотримъ, насколько спиритское ученіе содержитъ въ себѣ указаннаго совершенства, чтѣ въ немъ такого импозантнаго, возвышеннаго, принудительнаго для нашего ума. Изъ этого ученія слагается матеріальное содержаніе спиритской науки, какъ все изложенное доселѣ есть ея формальная сторона, обзоръ ея средствъ, источниковъ и руководствъ.

Содержаніе спиритской науки составляетъ не простое объясненіе фактовъ духосообщенія, природы и жизни разумныхъ силъ, дѣйствующихъ въ этихъ фактахъ, а цѣлая система міра. И это съ его точки зрѣнія вполне логично и естественно, хотя мотивируется главнымъ образомъ стремленіемъ прекратить всякія сомнѣнія религіозныя и философскія, объединить и возродить человѣчество, сообщивъ ему един-

ственно вѣрное, не допускающее разногласій ученіе о Богѣ и мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, спиритъ получаетъ возможность взглянуть на міръ глазами существъ, стоящихъ въ другихъ совершенно условіяхъ, смотрящихъ на него съ другой стороны, недоступной смертнымъ. Какъ же не воспользоваться такимъ счастливымъ положеніемъ, котораго съ такими усиліями искали философы, стремившіеся взглянуть на міръ безъ посредства чувствъ, посмотрѣть на ноумены, вещи въ себѣ и т. п. Спириты и воспользовались своимъ положеніемъ, добились отвѣтовъ на всѣ важнѣйшіе вопросы философско-религіозной мысли и превратили свое ученіе въ философію, т. е. извѣстнаго рода пониманіе и объясненіе всего сущаго, какъ одного цѣлаго. Въ немъ устанавливается воззрѣніе на причину міра, на его содержаніе въ цѣломъ и взаимной совокупности и на конечныя цѣли его бытія.

Начало и причина всего сущаго, учить спиритизмъ, есть Богъ, — верховный разумъ, безконечный, вѣчный, неизмѣнный, бессмертный, единый, всемогущій, верховная правда и благо (¹). Онъ есть особое существо, отличное отъ всѣхъ другихъ (*être distinct de tous les autres êtres*) (²) и вложилъ въ насъ доказательство своего бытія — инстинктивное чувство, находящееся у всѣхъ народовъ, во всѣ вѣка, на всѣхъ ступеняхъ развитія (³); во сущности и совершенствѣ его мы не можемъ постигнуть, по своей ограниченности (⁴).

Въ основѣ всего сущаго и зависящаго отъ Бога лежатъ два другія, производныя, второстепенныя *начала* или элементы (⁵), — всеобщая или элементарная

(¹) *Le livre des esprits*. 33—35 pp. ch. 1. Dieu.

(²) *Le livre des esprits*. 1 ed. ch. 1. n. 8, 34 p.

(³) *Ibid.* n. 3, p. 33.

(⁴) *Ibid.* n. 9, p. 35.

(⁵) *Éléments généraux de l'univers*. Въ первомъ изданіи *Книги духовъ* ученія объ общихъ элементахъ или принципахъ

матерія, какъ субстратъ всѣхъ матеріальныхъ явленій и существовъ вселенной и начало разумное — разумъ (*principe intelligent, intelligence*), какъ безразличіе и основа всего духовно-разумнаго—субстратъ явленій и существовъ міра духовнаго ⁽¹⁾. Эти два начала должны быть совѣчны Богу, потому что мы не можемъ Его представить и на одинъ моментъ недѣятельнымъ: вмѣстѣ съ Богомъ они составляютъ три безначальныя міровыя принципа, — *міровую Троицу* (*la trinité universelle*) ⁽²⁾. Посредствующимъ связующимъ звѣномъ между *intelligence* и матеріею элементарною служитъ особая субстанція — *le fluide universel* — міровая жидкость. По природѣ своей она есть нѣчто среднее между духомъ и матеріею, нѣчто ияъ общее и съ одной стороны, утончаясь, приближается къ природѣ *intelligence*, съ другой переходитъ въ матерію и приближается къ ней ⁽³⁾. Существованіе такой связи и постепеннаго перехода посредствомъ ея *intelligence* въ матерію и матеріи въ *intelligence* служитъ основаніемъ для вывода, что между матеріею и духомъ нѣтъ существеннаго *субстанціального различія* и мы признаемъ ихъ за два различныя начала только потому, что они представляются намъ рѣзко отдѣленными ⁽⁴⁾. Въ сущности они по всей вѣроятности составляютъ различныя формы и стороны одного начала, посредствующей жид-

нѣтъ: сказано, что Богъ запрещаетъ познавать *le principe des choses* (ch. 11. 12. п.). Въ послѣдующихъ изданіяхъ, хотя есть подобная мысль, но она выражена умѣреннѣе: *Dieu ne permet pas, que tout soit revelé a l'homme ici-bas* (12 edit. п. 17) и яслѣдъ за тѣмъ преспокойно трактуется о началахъ, какъ о чемъ-то очень понятномъ. (Ibid. п. 27).

⁽¹⁾ *Le livre des esprits. 12 edit. 79 p.*

⁽²⁾ Ibid: *les trois choses sont le principe de tout que existe—la trinité universelle.*

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ *Le livre des esprits. 12 ed. 10 — 11 pp. nn. 26, 28.*
Ср. nota p. 12.

кости — *fluide universel*, которая лежитъ въ основѣ какъ матеріи, такъ и духа—*матеріи инертной* и *матеріи мыслящей*, какъ выражается Кардекъ ⁽¹⁾. Жидкость эта электрическо - магнитно - эфирной природы и есть то, что месмеристы называютъ *животнымъ магнетизмомъ*, Рехенбахъ *одомъ*, Дэвисъ *паносею* ⁽²⁾. Цѣль и назначеніе матеріи и духа также общее, — возможно полное приближеніе къ Богу, при чемъ матерія инертная, постепенно развиваясь и совершенствуясь, должна возвыситься до духа—матеріи мыслящей, а духъ до непосредственнаго общенія съ Богомъ ⁽³⁾. Существова отъ вѣчности, два міровыя элементарныя начала начали свое развитіе во времени дѣйствіемъ воли начала верховнаго—Бога. Это дѣйствіе и есть актъ творенія ⁽⁴⁾.

Дѣйствіемъ воли Божіей матеріальное начало, разлитое въ міровомъ безконечномъ пространствѣ, начало сгущаться и съ тѣмъ вмѣстѣ началось раздѣленіе, формированіе его въ безконечное множество міровъ—планетныхъ и солнечныхъ системъ ⁽⁵⁾, также постепенное развитіе и усовершенствованіе ихъ, въ силу присутствующихъ матеріи свойствъ. Разумѣется, это развитіе началось съ низшихъ формъ и прогрессивно черезъ долгіе, милліоны лѣтъ продолжающіеся періоды, въ рядѣ переворотовъ и преобразованій, восходитъ до самыхъ высшихъ. Такимъ образомъ—въ космогоніи своей спиритизмъ утверждаетъ какъ несомнѣнную истину гипо-

⁽¹⁾ Le livre des esprits. 50 p. Cp. Des sciences occultes et du spiritisme par Tissandier. Paris 1866. 113—114 pp. Въ Книгѣ медиумовъ на вопросъ: le fluide universel... est-il la source de l'intelligence?—*духъ* отвѣчаетъ: non; ce fluide n'anime que la matière. Но что здѣсь разумѣется подъ intelligence—начало мыслящее, или явленіе мышленія—трудно рѣшить. 9 ed. 77 p.

⁽²⁾ Ibid. 76.

⁽³⁾ Le livre des esprits. 12. ed. 115 n.

⁽⁴⁾ Ibid. n. 37.

⁽⁵⁾ Ibid. nn. 38, 39, 41. ch. III, 16 p.; 115 n. 50 p.

тетическіе выводы матеріализма, даже такіе, кои у самых матеріалистовъ считаются слишкомъ смѣлыми и не опирающимися ни на какихъ данныхъ. Такъ онъ утверждаетъ категорически, что „матерія состоитъ изъ одного основнаго элемента“ (élément primitif); тѣла почитаемыя въ наукѣ простыми не суть элементы, но формы примитивной матеріи (des transformations de la matière primitive); различныя свойства матеріи суть результатъ измѣненій, которымъ элементарныя молекулы подверглись во время своего сочетанія (?), при извѣстныхъ обстоятельствахъ (1). Такъ, далѣе, онъ признаетъ несомнѣннымъ, что всѣ міры и планеты населены живыми существами въ той или другой формѣ и объясняетъ происхожденіе органической жизни во вселенной вообще и на землѣ въ частности. Объясненіе это есть соединеніе гипотезы атомистовъ съ теоріею виталистовъ, выраженное въ догматической формѣ. „Законъ притяженія дѣйствуетъ всюду, говорится въ Книгѣ духовъ, и есть та сила, которая объединяетъ элементы матеріи какъ въ неорганическія, такъ и въ органическія тѣла. Только въ тѣлахъ органическихъ матерія *анимализирована* (animalisée). Причина анимализаціи есть соединеніе матеріи съ *жизненнымъ началомъ*“ (principe vital) (2). Этотъ principe vital самъ впрочемъ не обладаетъ жизнью и жизненность (vitalité) не есть его постоянный атрибутъ. „Жизнь, говоритъ Кардекъ, есть результатъ дѣятельности нѣкотораго агента на матерію, но этотъ агентъ безъ матеріи не есть жизнь, также точно какъ и матерія безъ него не можетъ обладать жизнью. Онъ даетъ жизнь всѣмъ существамъ, которые поглощаютъ его и уподобляютъ себѣ.... По своей природѣ онъ есть начало чисто матеріальное и составляетъ одну изъ формъ первичной матеріи (la matière universelle modifiée): онъ есть fluide и именно fluide universel, fluide magnétique animal,

(1) Le livre des esprits. 30, 33, 34 nn. 12 edit.

(2) Ibid. 60, 68 nn.

посредствующее между матеріею и духомъ и основное ихъ начало (¹). Это начало и дало организмамъ способность жить сообразно съ ихъ природою, впрочемъ самую низшую формою органической жизни,—жизнію растительною (²), которая началась въ самые первые періоды мірообразования—въ видѣ первичныхъ зародышей (*germes primitives*). Зародыши эти, образовавшіеся подъ вліяніемъ жизненнаго начала или силы, иначе магнетизма животнаго, находились среди хаоса въ скрытомъ состояніи (*à l'état latent*), будучи задерживаемы въ своемъ развитіи другими силами (³). Жизнь органическая въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ на землѣ, не есть послѣдняя ступень развитія матеріи; неорганическая природа нашей планеты также не есть послѣдняя высшая форма неорганическаго бытія. Есть планеты и цѣлые міры несравненно высше земли во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Вообще— въ настоящее время міры и планеты уже составляютъ послѣдовательный рядъ различныхъ ступеней развитія матеріи, начиная съ тѣхъ, которые еще только формируются изъ первобытной матеріи и кончая совершенно развитыми, утончившимися до *intelligence*—исчезнувшими, какъ выражаются спириты (⁴). Земля въ этомъ ряду занимаетъ еще очень низкое мѣсто, но рано или поздно и она достигнетъ высшей степени совершенства, пройдя рядъ переворотовъ (⁵). Но какъ бы высоко ни развиты

(¹) *Le livre des médiums*. 77 p: ce fluide anime la matière. Ср. *Le livre des esprits*. 60, 68 nn. 12 edit.

(²) *Ibid.* 136 n.

(³) *Ibid.* 46 n. 18 p.

(⁴) Въ нашей солнечной системѣ планеты представляютъ такую градацію: на самой низкой ступени стоятъ Марсъ и многія другія малыя планеты, далѣе слѣдуютъ Земля, Меркурій и Сатурнъ, Луна и Венера, Юнона и Уранъ и наконецъ Юпитерь самая совершенная изъ всѣхъ. *Le livre des esprits*. 1 edit. not. III. 159 p. Ср. *L'Évangil selon le spiritisme*.

(⁵) *Le livre des esprits*. 173, 185 nn.

были формы матеріи органической и неорганической,— она все таки остается матеріею и служить только оболочкою духа, безъ котораго, сама по себѣ, не имѣетъ никакого значенія и смысла (¹).

Вмѣстѣ съ матеріею, или нѣсколько прежде, началось развитіе разумнаго начала—intelligence. Началомъ этого развитія было также своего рода раздѣленіе основной субстанціи, называемое у Кардека *индивидуализаціею* (individualisation), а результатомъ—явились особые существа—духи, какъ результатомъ развитія матеріальнаго начала были тѣла (²). Въ этомъ смыслѣ духи также сотворены дѣйствіемъ воли Божіей, но способъ ихъ происхожденія еще болѣе непостижимъ для людей, чѣмъ способъ происхожденія тѣлъ, и составляетъ тайну для самихъ духовъ (³). Во всякомъ случаѣ духи сотворены не всѣ вдругъ и ихъ твореніе продолжается доселѣ (⁴). Другими словами—индивидуализація, выдѣленіе духовъ изъ intelligence совершается въ силу присущихъ этому послѣднему законовъ, также постепенно и начиная съ самыхъ низшихъ формъ, какъ это совершается и въ матеріи. Прежде чѣмъ индивидуализировавшаяся, обособившаяся духовная субстанція достигнетъ сознательно-разумной жизни, станетъ личностью, духомъ въ собственномъ смыслѣ, она должна пройти много ступеней развитія, постепенно *вырабатываться*—(s'élaborer), какъ выражается Кардекъ (⁵). Этотъ процессъ первоначальнаго развитія, вырабатыва-

(¹) Le livre des esprits. 12 ed. 22 n.

(²) Ibid. 79 n.

(³) Ibid. 78, 79, 81, 608 nn.

(⁴) Ibid. 80, 34 p.

(⁵) Principe intelligente, говоритъ Кардекъ, s'élabore, s'individualise peu à peu et s'essay a la vie. C'est en quelque sorte un travail préparatoire comme celui de la germination, à la suit du-quele le principe intelligente subit une transformation et devient esprit. Le livre des esprits. 607 n. p. 260. Cp. 190 n. 82 p.; 606 и 225 p.

ніе духовная субстанція совершаетъ вполнѣ безсознательно, повинуясь только присущему ей, инстинктивному стремленію къ совершенству, и потому духи ничего не знаютъ объ этомъ періодѣ своей жизни и не могутъ изъ него ничего припомнить ⁽¹⁾. Онъ прекращаетъ вдругъ, моментально вмѣстѣ съ пробужденіемъ самосознанія. Въ этотъ моментъ духъ является вполнѣ готовымъ, становится свободною личностію и начинаетъ сознательно, собственными силами свое прогрессивное движеніе къ совершенству, начинаетъ нравственное и умственное свое усовершенствованіе посредствомъ борьбы съ собою и обогащеніе себя всесторонними познаніями о Богѣ, мірѣ и себѣ самомъ ⁽²⁾, продолжая его до тѣхъ поръ, пока достигнетъ послѣдней степени приближенія къ Богу и полнаго, безконечнаго блаженства въ общеніи съ Нимъ. Необходимымъ средствомъ для него на этомъ пути служить матерія. По плану всемогущаго, у котораго мы не имѣемъ права требовать отчета, тонко замѣчаетъ Кардекъ, духъ можетъ совершить свое прогрессивное движеніе, какъ и первоначальную безсознательную выработку, только облекшись въ матерію, которая въ свою очередь, только ставъ оболочкою духа, можетъ выполнить свое назначеніе ⁽³⁾.—Такъ какъ формы матеріи, по самой ея природѣ, скоропреходящи и могутъ служить для духа только временно мѣстопробываніемъ, такъ какъ, далѣе, духъ, совершенствуясь постепенно, необходимо нуждается для своей дѣятельности въ матеріальныхъ формахъ, сообразныхъ съ степенію своего совершенства; то развитіе его есть необходимо рядъ *воплощеній и перевоплощеній* (incarnation, reincarnation). Этимъ путемъ онъ постепенно измѣняетъ свою матеріальную оболочку до тѣхъ поръ, пока она почти отождествится съ нимъ, превратится

⁽¹⁾ Le livre des esprits. 608 n.

⁽²⁾ Ibid. 506 и 242 p. Ср. 607 n.

⁽³⁾ Le livre des esprits. 132, 133 nn. Сир. въ прост. выраж. 16 стр. 9 n.

въ духовное тѣло ⁽¹⁾. Но на низшихъ ступеняхъ своего бытія духъ такъ рѣзко отдѣляется отъ матеріи, что не можетъ дѣйствовать на нее, а слѣдовательно не можетъ и соединиться въ нею ⁽²⁾. Вслѣдствіе этого духовная субстанція, вѣроятно, въ самый моментъ своего зарожденія (germination), образуетъ себѣ особую оболочку изъ міровой, магнитно-электрической жидкости. Оболочка эта называется *периспри* (perispit). Она какъ бы срастается съ духомъ и находится въ полномъ его распоряженіи всегда. При помощи ея духъ можетъ соединяться съ матеріальными тѣлами, можетъ дѣйствовать на нихъ силою своей воли; при помощи ея также духъ сохраняетъ свою индивидуальность и особность, потому онъ сохраняетъ эту оболочку и по выходѣ изъ тѣла и безъ нея немислимъ, съ спиритской точки зрѣнія. *Периспри* имѣетъ всегда внѣшнюю форму того тѣла, въ которомъ обитаетъ духъ, и по волѣ духа можетъ принимать всевозможныя формы. Такъ какъ *міровая жидкость* имѣетъ много степеней тонкости то и *периспри* изъ нея образуемый не одинаковъ у разныхъ духовъ: у однихъ онъ тоньше, у другихъ грубѣе. Въ периоды самаго ранняго развитія духа онъ долженъ быть очень грубъ и за тѣмъ постепенно утончается по мѣрѣ нравственнаго усовершенствованія духа. Оболочка облекающая духовную субстанцію животнаго неразумнаго такъ груба, что не можетъ входить въ связь и соотношеніе съ *периспри* человѣческой души: Кардекъ не называетъ ее perispit, а просто enveloppe fluidique, потому что душа животнаго не есть совершенно сформировавшійся духъ, а духъ въ процессѣ своего развитія и выработки, духъ въ зачаточномъ состояніи ⁽³⁾.—Чтобы быть послѣдовательными, спириты должны допустить, что духъ или точнѣе духовная суб-

(1) Le livre des esprits, 186 n.

(2) Ibid. 27 n.

(3) Ibid. 9 ed. XXII ch. 298—306 pp. Cp. Ibid. 376 pp.

станція соединяется съ матерію на самыхъ низшихъ степеняхъ ея развитія, въ самыхъ несовершенныхъ ея формахъ—въ молекулахъ, неорганическихъ тѣлахъ и во всякомъ уже случаѣ—въ „примитивныхъ органическихъ зародышахъ“, потому что, по ихъ представленію, духъ безъ матеріи и матерія безъ духа не могутъ развиваться. Дѣйствительно нѣкоторые спириты прямо признаютъ всюду присутствіе души и всѣ тѣла, живыя въ томъ или другомъ смыслѣ, даже планеты почитаютъ существами одушевленными ('). Кардекъ тщательно обходитъ всюду этотъ пунктъ, говоритъ даже, что духъ соединяется только съ человѣческимъ организмомъ; старается сохранить ту пропасть, которая отдѣляетъ человѣка отъ животныхъ, не говори уже о другихъ существахъ, по господствующему представленію ('). Но въ этомъ случаѣ онъ играетъ словами—*esprit* и *principe intelligent*: онъ хочетъ только сказать, что въ животныхъ нѣтъ духа точно такого же, какъ въ человѣкѣ, на такой же ступени развитія; духовная же субстанція (*principe intelligent*) въ нихъ одно и то же по своей природѣ. Неопредѣленность, неясность, господствующія у Кардека въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи между человѣкомъ и животными, очевидно происходятъ изъ страха сойтись здѣсь съ матеріалистами и признать собакъ, слоновъ и обезьянъ прародителями людей, хотя онъ молча признаетъ это и въ разныхъ мѣстахъ своихъ произведеній повѣствуетъ исторію постепеннаго развитія духовной субстанціи, одушевляющей животныхъ до духа, или души человѣческой.

Выдѣлившись изъ *intelligence*, духъ соединяется при посредствѣ самой грубой флюидической оболочки съ самыми низшими формами животнаго царства и, развившись здѣсь до нѣкоторой степени, переходитъ постепенно въ высшіе организмы, пока наконецъ не высьется до того, что самые совершенные организмы

(') Дом. бесѣда. 1866. № 31. Христ. чт. ноябр. 1866 г. 654 стр.

(') *Le livre des médiums*. 301—303 pp.

самой низшей по развитію планеты дѣлаются слишкомъ грубыми для него. Тогда онъ переходитъ, повинаясь инстинктивному стремленію, на высшую планету, гдѣ встрѣчаетъ высшіе животныя организмы ⁽¹⁾. Такъ продолжаетъ онъ свое путешествіе изъ одного животнаго въ другое, изъ одного вида животныхъ въ другой, пока у него не пробудится сознаніе своего я ⁽²⁾. Въ этотъ моментъ, ставъ истиннымъ духомъ, онъ уже не можетъ пребывать въ организмѣ животнаго неразумнаго, даже самаго высшаго порядка: теперь, для своего дальнѣйшаго развитія, онъ можетъ соединиться только съ такимъ развитымъ организмомъ, какъ человѣческій ⁽³⁾. Онъ готовъ и способенъ стать душою человѣческою, которая и есть не что иное, какъ воплотившійся въ человѣческомъ организмѣ духъ ⁽⁴⁾. Поэтому Кардекъ называетъ этотъ періодъ развитія духа періодомъ *человѣчности* (*humanité*). Онъ начался очень давно, во всякомъ случаѣ не на нашей планетѣ, а, по всей вѣроятности, въ тѣ неизмѣримо отдаленныя времена, когда земля еще вовсе не существовала ⁽⁵⁾. Кромѣ пробужденія самосознанія духъ въ періодъ чело- вѣчности получаетъ большую независимость отъ тѣлеснаго организма и можетъ существовать безъ него, обитая въ міровомъ пространствѣ, болѣе или менѣе продолжительное время, въ промежутки между различными воплощеніями ⁽⁶⁾.—Что же такое этотъ совершенно сформировавшийся духъ по своей природѣ? Природу духовъ, увѣряетъ Кардекъ, чрезвычайно трудно опредѣлить людямъ. Это прежде всего существа разумныя, наполняющія вселенную за предѣлами мате-

(1) Le livre des esprits. 12 ed. 601 n. Ср. not. 264 p.

(2) Ibid. 607 n.

(3) Ibid.

(4) Ibid. 608 n. Ср. Спир. въ прост. выр. 18 стр. н. II.

(5) Ibid. 608 n.

(6) Le livre des médiums. 376 p.

ріальнаго міра (¹). Нельзя сказать, что они *нематеріальны*; лучше назвать их *бездѣльными*: они состоятъ изъ тончайшей матеріи, аналогичнаго которой мы ничего не знаємъ (²). Другъ для друга духи имѣють опредѣленную форму, именно форму людей (³). Далѣе, всякій духъ есть *лучеиспускающій центръ* и потому кажется, что онъ бываетъ въ одно и тоже время въ различныхъ мѣстахъ (⁴). Собственно же говоря, онъ не обладаетъ вездѣсущіемъ и для него нужно вѣкторое время, чтобы пройти пространство; но это движеніе онъ совершаетъ съ быстротою мысли (⁵). Матерія не представляетъ для его движенія викакого препятствія: онъ проникаетъ все—воздухъ, землю, воду, огонь (⁶). Въ первый моментъ пробужденія сознанія, т. е. въ самомъ началѣ періода человѣчности, духи являются самыми невиннѣйшими созданіями,—въ состояніи совершеннѣйшаго невѣдѣнія, аналогичномъ съ дѣтствомъ человѣка (⁷). Они не имѣють понятія ни о добротѣ ни о злѣ и только сознають въ себѣ требованія естественнаго нравственнаго закона, свойственнаго ихъ природѣ и назначенію, имѣють также полную возможность и средства удовлетворять этимъ требованіямъ. Но при этомъ они вполнѣ свободны и могутъ слѣдовать, или не слѣдовать естественному закону нравственности (⁸). Благодаря такой свободѣ въ мірѣ духовномъ, во время первыхъ опытовъ самостоятельной разумной жизни вновь сформировавшихся духовъ произошла „великій переворотъ“. Переворотъ этотъ есть паденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ и явленіе нравственнаго

(¹) Le livre des esprits. 12 ed. 76 n. Ср. 1 ed. 44 p.

(²) Ibid. 35 n. Спир. въ прост. вып. стр. 16.

(³) Ibid. 88 n.

(⁴) Ibid. 92, 247 nn.

(⁵) Ibid. 87, 247 nn.

(⁶) Ibid. 91 n.

(⁷) Ibid. 121, 126 nn. Спир. въ прост. вып. стр. 16, n. 5.

(⁸) Le livre des esprits. 121, 122 nn.

зла въ мірѣ. Кардекъ представляетъ этотъ переворотъ единовременнымъ дѣйствіемъ. Такое представленіе на первый взглядъ не вяжется съ его системою, по которой формированіе духовъ продолжается доселѣ. Но дѣло въ томъ, что послѣдующіе духи, являющіеся послѣ этого переворота, уклоняются ко злу уже подъ вліяніемъ падшихъ духовъ (¹). Въ первый же разъ, безъ всякаго посторонняго вліянія, одни духи съ покорностію послѣдовали закону добра, другіе стали поступать вопреки ему. Духи добрые быстро прошли всѣ степени инкарнацій и скоро достигли совершенства (²), остальные или обнаружили нѣкоторое колебаніе и потому пошли на пути къ усовершенствованію медленнѣе, или же наконецъ совершенно прилѣпились ко злу (³). Такимъ образомъ въ самомъ началѣ явленія міра духовнаго, какъ совокупности сформировавшихся до самосознанія и человѣчности субстанцій духовныхъ, въ немъ образовались различныя градаціи, тѣ, что Кардекъ называетъ *лѣстницею духовъ* — *échelle des esprits*. Вслѣдствіе безконечнаго разнообразія степеней нравственнаго совершенства, духи дѣлятся на безчисленное множество разрядовъ (⁴), постепенно переходя изъ одного въ другой; но Кардекъ для удобства обозрѣнія дѣлитъ ихъ на три класса (⁵).

Самый нижній классъ обнимаетъ духовъ несовершенныхъ (*imparfaits*). Отличительныя черты ихъ: преобладаніе матеріи надъ духомъ и грубость периспри, склонность ко злу, невѣжество, гордость, эгоизмъ и всѣ дурныя страсти, проистекающія изъ этихъ недостатковъ. Духи эти созерцаютъ Бога; но не знаютъ Его, плохо знаютъ міръ духовный и даже физическій. Не всѣ они находятся на одинаковой степени. Одни изъ

(¹) Le livre des esprits. 121, 122 nn.

(²) Ibid. 117, 123 nn.

(³) Ibid. 129 n.

(⁴) Ibid. 96, 79 nn.

(⁵) Ibid. 47—48 pp.

нихъ злы совершенно и любятъ зло: ихъ Кардекъ называетъ *нечистыми* (impurs). Это демоны смиритскіе. Другіе духи этого класса представляютъ смѣсь добра и зла въ своемъ характерѣ. Къ нимъ относятся народныя гномы, домовныя и т. п.; къ нимъ же русскіе спириты могутъ причислить лѣшихъ, водяныхъ, русалокъ, кикиморъ и т. п. Это духи *шалуны* (follets). Третьи наконецъ не дѣлаютъ ни добра ни зла и равнодушны къ тому и другому. Ихъ Кардекъ называетъ *нейтральными* (neutres). Всѣ духи этого класса постоянно обманываютъ и дурачатъ спиритовъ и тѣмъ сильно, какъ мы видѣли, затрудняютъ ихъ *наблюденія* надъ міромъ духовнымъ.

Второй классъ духовъ обозначается общимъ именемъ *добрыхъ* (bons). Отличительныя ихъ свойства: преобладаніе духа надъ матеріею и стремленіе къ добру. Они обладаютъ высокимъ знаніемъ и мудростію, хотя еще неполнѣ свободны отъ земныхъ наклонностей. Они созерцаютъ и знаютъ Бога, любятъ и стараются дѣлать добро. Къ этому классу относятся добрые гении, въ которыхъ вѣрованіе существуетъ у всѣхъ народовъ, покровители и ангелы хранители. Они подраздѣляются на духовъ милостивыхъ (bienveillants), ученыхъ, мудрыхъ и наконецъ высшихъ. Всѣ они играютъ главную роль въ спиритскихъ откровеніяхъ и сообщаютъ спиритамъ истину. Классъ *добрыхъ* духовъ составляетъ переходную ступень къ самому высшему классу духовъ *чистыхъ* или совершенныхъ, которые достигли послѣдней, возможной для существа ограниченного степени совершенства, наслаждаются неизреченнымъ блаженствомъ въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ и участвуютъ въ высшемъ міроуправленіи, въ осуществленіи самыхъ сокровеннѣйшихъ плановъ провидѣнія. Периспри этихъ духовъ до такой степени тонокъ, что не можетъ уже входить въ непосредственное общеніе съ *трубнымъ* матеріальнымъ міромъ и даже дѣйствовать на периспри низшихъ, воплощенныхъ духовъ. Духи этого класса извѣстны были доселѣ подъ именемъ архангеловъ, ангеловъ, херувимовъ, серафимовъ.

Все это раздѣленіе духовъ совершилось въ тотъ отдаленный періодъ, когда еще не существовала наша планета, не говоря уже о явленіи на ней человѣка. Когда земля въ состояніи была по своему развитію создать организмъ человѣческой,—на нее явились духи съ другихъ планетъ, прошедшіе уже много воплощеній⁽¹⁾. Съ той поры установилось постоянное невидимое сообщеніе другихъ планетъ и міровъ съ землею, которая принадлежитъ къ разряду находящихся на средней ступени развитія и, вмѣстѣ съ многими другими подобными, служитъ главнымъ образомъ мѣстомъ очищенія духовъ—чистилищемъ—monde d'expiations et d'épreuves⁽²⁾. Но среди духовъ много разъ воплощавшихся на другихъ планетахъ являлись съ самаго начала и доселѣ постоянно являются и вновь сформировавшіяся души, едва достигшія самосознанія—сдѣлать первый опытъ самостоятельной жизни. Это души нынѣшнихъ дикарей⁽³⁾. Кардекъ думаетъ, что въ первыя времена на нашу планету, преимущественно или даже исключительно, являлись духи этого рода. Къ нимъ принадлежала и душа Адама „перваго человѣка библейской легенды“, какъ выражается Кардекъ⁽⁴⁾. На самомъ дѣлѣ, на землѣ сразу явилось нѣсколько людей на различныхъ пунктахъ ея, и подѣ влияніемъ климата и другихъ условій сформировались мало помалу въ извѣстныя земныя расы. Умственныя и нравственныя качества, отличающія эти расы, даны имъ, впрочемъ, не этими условіями, а *духами*, которые воплощаются обыкновенно тамъ, гдѣ живутъ ихъ собратія, сходные съ ними по интеллектуальному развитію, вкусу и характеру⁽⁵⁾. Въ настоящее время, кромѣ ду-

(1) Le livre des esprits. 12 ed. 173 n.

(2) L'Evangile selon le spiritisme. 29—33 pp.

(3) Ibid. Cp. Le livre des esprits. 190, 191 nn.

(4) Ibid. 50, 51 nn. 12 ed.

(5) Ibid. 278 n.

ховъ-младенцевъ въ земныя человѣческія тѣла воплощаются уже духи всѣхъ разрядовъ двухъ первыхъ классовъ. Одни изъ нихъ воплощаются вслѣдствіе желанія исправить какую-либо сторону своего нравственнаго характера и сдѣлать въ новомъ воплощеніи шагъ къ совершенству и переходу въ высшую форму бытія ⁽¹⁾. Духи этого рода принадлежатъ или къ чисто-земнымъ духамъ, на землѣ начавшимъ первые опыты сознательно-разумной жизни и успѣвшіе значительно усовершенствоваться, или къ духамъ пришельцамъ съ другихъ планетъ, какъ низшихъ земли, такъ и находящихся на одной съ нею степени. Другіе воплощаются по особому повелѣнію Божію въ наказаніе за какое-нибудь преступленіе или порокъ въ предшествующемъ существованіи. Такъ душа деспота наказывается воплощеніемъ въ тѣло раба и т. п. ⁽²⁾. Духи этого рода тоже принадлежатъ или къ туземцамъ, или къ пришельцамъ съ другихъ планетъ. Наконецъ нѣкоторые воплощаются въ качествѣ посланниковъ Божіихъ для исполненія какой-либо миссіи на благо человѣчества, для того, чтобы подвинуть его впередъ или въ умственномъ, или въ нравственно-религіозномъ отношеніи ⁽³⁾. Они преимущественно принадлежатъ къ высшему порядку духовъ втораго класса и являются на землѣ геніями, пророками, религіозными и социальными реформаторами и т. п. Духи нечестые также во множествѣ воплощаются на землѣ; но самые злые изъ нихъ—демоны—только въ томъ случаѣ, когда задумаютъ исправиться ⁽⁴⁾.

Задумавъ, или получивъ повелѣніе воплотиться, духъ избираетъ себѣ организмъ имѣющаго родиться человѣка и начинаетъ постепенно соединяться съ нимъ. Соединеніе это начинается въ самый моментъ зарожде-

⁽¹⁾ Le livre des esprits. 334 n.

⁽²⁾ Ibid. 983 n.

⁽³⁾ Ibid. 12 ed. ch. X.

⁽⁴⁾ Ibid. 125 n.

нія и совершенно заканчивается только въ самый моментъ рожденія. Духъ прицѣпляется къ зародышу при помощи своего периспри и, на первыхъ порахъ, имѣетъ возможность удалиться отъ него на значительное расстояние и быть постоянно въ обществѣ другихъ духовъ (¹). Но *периспри* постепенно поглощается формирующимся тѣломъ; духъ все болѣе и болѣе стѣсняется и связывается съ организмомъ, пока наконецъ не войдетъ въ него окончательно въ тотъ моментъ, когда младенецъ увидитъ свѣтъ (²). Духъ все-таки можетъ прервать весьма легко непрочную еще связь свою съ тѣломъ и если онъ дѣлаетъ это потому, на примѣръ, что испугается въ рѣшительный моментъ тяжести испытанія и жизни въ тѣлѣ, то младенецъ немедленно умираетъ (³). Съ самаго момента соединенія съ тѣломъ, духомъ овладѣваетъ всегда безпокойство, постепенно увеличивающееся по мѣрѣ приближенія дня рожденія. Въ это время его состояніе похоже на состояніе воплощеннаго духа во снѣ,—съ одной стороны (⁴), и на состояніе челоуѣка, отправляющагося въ далекое путешествіе, исходъ котораго ему неизвѣстенъ,—съ другой (⁵). По мѣрѣ того, какъ моментъ рожденія приближается, идеи духа изглаживаются изъ его ума, воспоминаніе прошлой жизни исчезаетъ, затемняются всѣ приобрѣтенныя имъ познанія, слабѣютъ и парализуются всѣ его силы (⁶). Причина этого заключается, по объясненію Кардека, въ томъ, что духъ теперь можетъ дѣйствовать исключительно только при посредствѣ тѣлесныхъ органовъ и обнаруженіе его дѣятельности теперь вполне зависитъ отъ степени развитія и совершенства ихъ (⁷). Такимъ образомъ во время нащр-

(¹) Le livre des esprits. 343—345 ш.

(²) Ibid.

(³) Ibid. 345 н.

(⁴) Ibid. 351 н.

(⁵) Ibid. 340 н.

(⁶) Ibid. 367 н.

(⁷) Ibid. 352 н.

дѣтства, когда еще не развиты органы мысли, человѣкъ не можетъ разсуждать подобно взрослому, хотя духъ его собственно находится на одной и тойже степени развитія и въ тотъ и въ другой періодъ жизни (¹). Также точно духъ идиота иногда можетъ быть однимъ изъ умнѣйшихъ духовъ, но несовершенные, плохо устроенные органы не даютъ ему никакой возможности дѣйствовать и какъ-бы запирають, связываютъ его (²). Подобному же состоянію подвергается духъ во всѣхъ родахъ помѣшательства. Здѣсь ему мѣшаетъ надлежащимъ образомъ проявлять себя болѣзненно-ненормальное состояніе одного какого-либо, или нѣсколькихъ, или наконецъ всѣхъ органовъ (³). Изъ такого отношенія духа и тѣла во время инкарнаціи становится, по мнѣнію Кардека, понятнымъ явленіе, которое обыкновенно называется постепеннымъ развитіемъ духовныхъ силъ человѣка. Сущность этого развитія заключается не въ развитіи и усовершенствованіи самаго духа, а въ томъ, что по мѣрѣ укрѣпленія и развитія тѣлесныхъ органовъ и приобрѣтенія духомъ навыка въ управленіи и пользованіи ими, онъ постепенно получаетъ возможность лучше и свободнѣе проявлять себя (⁴). Мало помалу онъ настолько ориентированъ въ своей темницѣ, что начинаетъ смутно воспоминать свое прошлое. Изъ этого воспоминанія и состоитъ то явленіе, которое называется врожденными идеями. Посредствомъ созерцанія духъ можетъ значительно уяснить эти воспоминанія прежнихъ познаній и прежней жизни (⁵). Если духъ въ прежнемъ воплощеніи изучилъ специально какой-либо предметъ, ремесло, искусство, науку, то въ новомъ воплощеніи это знаніе является въ видѣ таланта,

(¹) Le livre des esprits. 380 n.

(²) Ibid. 161 n.

(³) Ibid. 102 n.

(⁴) Ibid. 352 n.

(⁵) Ibid. 218 n.

особой способности къ занятіямъ извѣстнаго рода (1). Всѣ воспоминанія прежней жизни возвращаются къ духу постепенно, какъ къ человѣку, который, проснувшись, находитъ себя не въ томъ положеніи и не въ той обстановкѣ, въ какихъ былъ до сна (2). Точно также постепенно обнаруживаются и нравственныя качества духа, но только съ большею опредѣленностію и силою, такъ что въ нравственномъ отношеніи—духъ всегда начинаетъ свое развитіе съ того пункта, на которомъ находился въ предшествовавшемъ существованіи (3).

Но какъ бы удобно ни устроился духъ въ новомъ жилищѣ, какъ бы ни удобны были органы тѣла для его проявленія, все-таки тѣло остается весьма стѣснительнымъ и неудобнымъ помѣщеніемъ для духа, потому онъ постоянно желаетъ освободиться отъ матеріи и тѣмъ грубѣе она, тѣмъ сильнѣе это желаніе (4). Вслѣдствіе этой тяжести и неудобства тѣлесной жизни, духу даются средства отдохнуть отъ стѣсненія. По временамъ онъ освобождается отъ оковъ тѣла и получаетъ возможность нѣсколько времени пребывать въ родной ему сферѣ, въ мірѣ духовъ, наслаждаясь свободою и всею полнотою духовной жизни. Эти *эмансипации* духа, по выраженію Кардека, бываютъ во время летаргій, въ сомнамбулизмѣ, въ магнитномъ снѣ, въ экстазѣ, въ состояніи прозрѣнія (5). Но самый обыкновенный, періодически повторяющійся отдыхъ или эмансипація духа есть простой, обыкновенный сонъ (6). Во время его связь, соединяющая духъ съ тѣломъ, значительно ослабляется, и такъ какъ послѣднее не имѣетъ для продолженія жизни абсолютной нужды въ

(1) Le livre des esprits. 185 n.

(2) Ibid. 352 n.

(3) Ibid. 218, 216 nn.

(4) Ibid. 400 n.

(5) Ibid. 422, 427 nn.

(6) Ibid. 401—412 nn.

неиъ, будучи поддерживаемо жизненною силою, то онъ во время сна носится въ пространствѣ и входитъ въ непосредственное сношеніе съ другими духами, эмансипировавшимися подобно ему, или же совершенно свободными (¹). Въ это время духъ совершенно владѣетъ своими способностями, воспоминаетъ ясно свою прошлую жизнь и отчасти прозираетъ даже будущее. И самыя странныя, необъяснимыя сновидѣнія большею частію состоятъ изъ воспоминанія духомъ, во время бодрственнаго состоянія тѣла, тѣхъ сценъ, какія онъ видѣлъ въ мірѣ духовномъ во время своего освобожденія (²). Духи чистые, добрые во время эмансипаціи входятъ въ общеніе съ подобными себѣ по характеру, разсуждаютъ и совѣтуются съ ними; духи нечистые ищутъ также общества себѣ подобныхъ и предаются здѣсь часто еще болѣе порочнымъ удовольствіямъ, чѣмъ въ бодрственномъ состояніи (³). Результатомъ этихъ свиданій и бесѣдъ во время сна бывають тѣ новыя, неожиданныя мысли и намѣренія—хорошія, или дурныя, кои часто посѣщаютъ человѣка, послѣ пробужденія отъ сна, вдругъ и безъ всякой повидимому причины (⁴).

Переходъ воплощеннаго духа во время эмансипацій въ среду своихъ свободныхъ собратій чрезвычайно легокъ, потому что безчисленное множество ихъ окружаетъ людей со всѣхъ сторонъ (⁵). Это—или духи недавно освободившіеся отъ заключенія въ тѣлѣ и отдыхающіе на свободѣ, исполняя какое-либо порученіе Божіе или миссію въ мірѣ физическомъ и моральномъ, или же духи скитающіеся безъ цѣли и смысла вслѣдствіе лѣности и нерадѣнія о своемъ развитіи и совершенствованіи, или наконецъ духи злые—демоны. Весь

(¹) Le livre des esprits. 401, 402 nn.

(²) Ibid.

(³) Ibid. 177 n.

(⁴) Ibid. 410 n.

(⁵) Ibid.

этотъ міръ свободныхъ духовъ нашей планеты, находящійся въ постоянной связи и сношеніи съ подобными же обществами свободныхъ духовъ на другихъ планетахъ и вообще въ мировомъ пространствѣ, Кардекъ называетъ духами *блуждающими* (errants) (¹). Въ міръ духовъ блуждающихъ происходитъ постоянное движеніе. Каждый зародившійся человѣческой организмы уменьшаетъ число свободныхъ духовъ, каждый умершій человѣкъ возвращаетъ имъ новаго собрата; постоянно посѣщаютъ землю души съ планетъ, находящихся на одной съ нею степени развитія, являются души съ планетъ высшаго порядка, и въ свою очередь совершаются постоянныя эмиграціи духовъ земныхъ на другія планеты и т. п. Этотъ невидимый постоянно движущійся и волнующійся міръ имѣетъ особенное социальное устройство. Такъ все наличное количество духовъ свободныхъ распадается на отдѣльныя, болѣе или менѣе обширныя группы, связанныя въ одно цѣлое сходствомъ характера своихъ членовъ, общности интересовъ, занятій и стремленій. Такихъ группъ въ земномъ духовномъ мірѣ очень много: ихъ Кардекъ называетъ народами или *націями* (nations) духовнаго міра (²). Члены каждой такой *націи* находятся въ постоянномъ общеніи взаимномъ, но многіе изъ нихъ отождествляютъ съ кружкомъ, въ которомъ вращаются, весь міръ духовный, или же дичатся и чувствуютъ себя неловко въ обществѣ духовъ другихъ націй. Болѣе способные и развитые души каждой націи имѣютъ особенный авторитетъ между своими собратіями и власть надъ ними; здѣсь также какъ и у земныхъ націй есть правительственная іерархія и господствуетъ строгая субординація (³). Группы и націи низшаго порядка находятся въ подчиненіи у духовъ высшихъ группъ, безусловно имъ повинуются и черезъ нихъ

(¹) Le livre des esprits. 244 n.

(²) Ibid. 278 n.

(³) Ibid. 274.

получаютъ Божіи повелѣнія. Духи чистые, совершенные одни находятся въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ и потому составляютъ аристократію и высшую правительственную, послѣ Бога, инстанцію міра духовнаго: имъ доступно все въ мірѣ духовномъ и все повинуются (¹). За тѣмъ, чѣмъ ниже духи стоятъ на *лѣстницѣ* совершенства, тѣмъ ограниченнѣе становится ихъ власть, а въ низшихъ разрядахъ совершенно прекращается. Духовъ этого послѣдняго рода громадное большинство и они составляютъ *plebs* міра духовнаго: они исполняютъ самыя черныя и тяжелыя работы, какихъ немало въ мірѣ духовномъ, напр. въ спиритскихъ манифестаціяхъ они, часто противъ воли, должны поднимать огромныя тяжести и т. п. (²).

Жизнь духовъ полна дѣятельности и постояннаго труда, который доставляетъ имъ только удовольствіе, не утомляя ихъ (³). Занятія ихъ до безконечности разнообразны, какъ разнообразенъ міръ Божій, который духи должны изучить въ подробности, чтобы достигнуть совершенства. Исключая духовъ лѣнивыхъ, погруженныхъ въ апатію, и злыхъ, усердно занимающихся распространеніемъ зла,—все духи имѣютъ особенное, спеціальное назначеніе, миссію въ мірѣ физическомъ, или въ мірѣ нравственномъ, гдѣ ни одно самое ничтожное даже явленіе не совершается безъ ихъ участія. Одни духи заправляютъ „явленіями геологическими, другіе явленіями метеорологическими, третьи заправляютъ водами, четвертые растительнымъ царствомъ, пятые рожденіемъ и смертію живыхъ существъ“. Иные заправляютъ явленіями семейной, общественной и т. п. жизни людей, заботятся о судьбѣ обществъ, цѣлыхъ царствъ и народовъ. При этомъ каждый духъ занимаетъ свою должность въ которое время и получаетъ обыкновенно другое назначеніе—промоцію, тамъ

(¹) Le livre des esprits. 113 n.

(²) Le livre des médiums. 78 p.

(³) Le livre des esprits. 254.

третіе и т. д. пока не сдѣлается магнатомъ и аристократомъ⁽¹⁾. Духи особенно заняты своимъ нравственнымъ самоусовершенствованіемъ постоянно приготовляются къ новымъ и новымъ воплощеніямъ, проходя съ этою цѣлю разные міры и изыскивая испытанія. Это нѣчто въ родѣ аскетовъ духовнаго міра, подвижниковъ и отшельниковъ. Есть, наконецъ, духи, которые погружены въ чисто человѣческіе интересы,—ученые занимающіеся какимъ-нибудь отдѣломъ науки, интересовавшимъ ихъ во время воплощенія, полководцы, интересующіеся походами и битвами, политики съ жаромъ слѣдящіе за ходомъ земной дипломатіи и т. п.⁽²⁾ Вообще же всѣ духи добрые принимаютъ самое живое участіе въ судьбѣ своихъ собратій, заключенныхъ въ тѣло, и имѣютъ на нихъ огромное вліяніе. Когда начинается воплощеніе, особенно близкіе воплощающемуся духи сопровождаютъ его, утѣшаютъ, даютъ совѣты⁽³⁾ и за тѣмъ во время всего жизненнаго пути стараются помогать ему, направлять его къ добру, внушать хорошія мысли, желанія и стремленія⁽⁴⁾. Это такъ называемые *симпатическіе* духи. Кромѣ невидимыхъ друзей—духовъ, постоянно окружающихъ человѣка, у каждого есть духъ—хранитель, неотступно пребывающій при немъ и руководящій его на пути къ самоусовершенствованію⁽⁵⁾. Духи злые также съ своей стороны окружаютъ и преслѣдуютъ человѣка, стараются дѣлать ему всевозможное зло, совратить его съ пути добра, слѣлать для него воплощеніе бесполезнымъ⁽⁶⁾. Дѣйствіе духовъ, такъ или иначе заинтересованныхъ человѣкомъ, чисто непосредственное и состоитъ въ непосредственномъ проникновеніи его мы-

(1) Le livre des esprits. 1 ed. 49—50 pp.

(2) Ibid. 326.

(3) Ibid. 289 n.

(4) Ibid. 495 n.

(5) Ibid. 214 p.

(6) Ibid. 466 n.

олей такъ, что чрезвычайно трудно опредѣлить, принадлежать ли извѣстныя мысли и желанія самому человеку, или онѣ суть внушеніе духовъ (¹).—Такъ окруженный заботами и попеченіями своихъ собратій—съ одной стороны и кознями, зложеланіемъ, ненавистію—съ другой, продолжаетъ духъ свое временное заключеніе, подчиняясь тому, или другому вліянію, останавливаясь въ своемъ развитіи и коснѣя во злѣ и нерадѣніи, или усовершеняясь, пока наконецъ порвется связь, совокупающая его съ тѣломъ, — или оттого, что организмъ износится и станетъ негоднымъ, или вслѣдствіе какихъ-либо внѣшнихъ причинъ. Тогда духъ снова поступаетъ въ свою родную сферу, тѣло же заключавшее его *разрушается навсегда* и поступаетъ въ общую экономію міра матеріальнаго (²). Отдѣленіе духа отъ тѣла совершается различно. Иногда онъ освобождается медленно, потому что связь разрывается постепенно. При этомъ нерѣдко случается, что духъ прикрѣпляется къ тѣлу самымъ ничтожнымъ количествомъ тонкой жидкости: тогда онъ свободно общается съ міромъ духовнымъ, видитъ и слышитъ его, во все же не можетъ окончательно оторваться отъ матеріи. Онъ невыразимо страдаетъ, силится поскорѣе освободиться и свободные духи стараются вслѣдствіе облегчить эту агонію, помогаютъ ему скорѣе покончить съ тѣломъ (³). Иногда же связь, особенно въ насильственной смерти, порывается вдругъ и неожиданно для духа.—Состояніе духовъ послѣ смерти также неодинаково. Одни чувствуютъ себя въ тоже мгновеніе, какъ дома: ясно сознаютъ, что съ ними случилось и куда они попали. Прошлая жизнь до воплощенія, сейчасъ поконченнаго, вся жизнь во время этого воплощенія—все это мгновенно и живо представляется и напоминаетъ имъ. Другіе долго не могутъ ориентировать-

(¹) Le livre des esprits. 406 n.

(²) Ibid. 153 n.

(³) Ibid. 289 n.

ся въ новомъ положеніи и понять, что́ съ ними случилось. Они обращаются къ своимъ, оставшимся въ живыхъ роднымъ, знакомымъ, друзьямъ, окружающимъ оставленное ими тѣло, хотять заговорить съ ними и не могутъ. Они видять на себѣ тѣло, по всему совершенно похожее на то, которое лежитъ передъ ними бездыханнымъ, хотять дотронуться до него и ничего не ощущають, хотять обнять кого-нибудь изъ живыхъ друзей своихъ и къ своему великому изумленію проходятъ сквозь ихъ и т. п. (¹). Многіе изъ несовершенныхъ духовъ цѣлые десятки лѣтъ остаются какъ въ потемкахъ,—въ состояніи безпокойства и непониманія своего положенія (²). Но какъ бы то ни было, рано, или поздно, духъ снова вступаетъ въ среду свободныхъ своихъ собратій и начинаетъ жить въ мірѣ духовномъ. Можетъ быть, онъ скоро снова воплотится,—воплотится за тѣмъ сотни, тысячи разъ, станетъ выше всего земнаго, за тѣмъ перейдетъ въ другой міръ и тамъ пройдетъ десятки, сотни воплощеній въ организмы высшіе человѣческаго, но во всякомъ случаѣ, — рано, или поздно, черезъ миллионы воплощеній, или незначительное число ихъ, онъ достигнетъ своего назначенія, сдѣлается чистымъ, совершеннымъ, блаженнымъ духомъ. Если онъ во время какого-либо воплощенія прилѣпится къ матеріи, вознерадѣетъ о своемъ совершенствѣ, то онъ только остановится на одномъ мѣстѣ въ своемъ развитіи, увеличитъ число своихъ перевоплощеній или инкарнацій, но никогда ни одного шага не можетъ онъ сдѣлать назадъ (³). Онъ можетъ тысячи, миллионы лѣтъ коснѣть въ одномъ положеніи, но все-таки наступитъ время, когда онъ сознаетъ свою ошибку и двинется впередъ. Даже злые духи, такъ называемые демоны, обратятся нѣкогда на путь добра,

(¹) Le livre des esprits. 68 p.

(²) Ibid. 71 p.

(³) Le livre des esprits. 12 ed. 178 p.

очистятся и одѣлаются совершенными и блаженными духами (').

Такова драма міровой жизни по ученію спиритизма. Смысль ея—всесторонній, всеобъемлющій, безостановочный прогрессъ къ совершенству—двухъ простыхъ безформенныхъ принциповъ міра—разума и матеріи, подъ всемогущимъ руководствомъ третьяго начала—Бога. Дробясь и индивидуализируясь разумъ и матерія, постепенно формируются во время этого процесса въ одинъ стройный, совершеннѣйшій міръ и тѣмъ достигаютъ конечной цѣли своего бытія. Время достиженія этой цѣли, приведенія всего къ высшему единству и совершенству, конечно, представляется сократимымъ отъ всякаго ограниченнаго существа и сокращеніе его очевидно зависитъ отъ главныхъ дѣятелей во всемъ процессѣ—свободно-разумныхъ духовъ. Въ настоящее время необъятная матеріальная вселенная представляетъ непрерывную цѣпь различныхъ ступеней совершенства и вся составляетъ одно органическое цѣлое, какъ-бы плаваешь въ одной общей, наполняющей все міровое пространство тонкой электрическо-магнитной средѣ, связующей всѣ ея части; вся она силошь населена живыми, стоящими на различнѣйшихъ ступеняхъ разумности и совершенства, существами, которыя составляютъ ея коллективную душу, ея движущую силу, которыя, то погружаясь всецѣло въ самыя грубыя формы матеріи, то облакаясь ею какъ временную одежду въ формѣ человѣческаго тѣла всѣхъ степеней тонкости, постепенно ассимилируютъ ее себѣ и уничтожаютъ ея самостоятельное бытіе. Въ этомъ необъятно-громадномъ чистилищномъ процессѣ жизнь нашей планеты, жизнь человѣчества, тѣмъ болѣе жизнь индивидуума составляетъ такой микроскопическій актъ, что онъ какъ капля въ морѣ исчезаетъ и теряется въ потокѣ общаго міроваго, вѣчнаго

(') Ibid. 49 p. Progrès des esprits:

движенія (¹). Но этотъ малый сравнительно актъ есть все-таки необходимое звѣно въ міровой цѣпи, необходимый стадій, фазисъ, или, точнѣе, часть фазиса общаго міроваго развитія. Для земнаго духа и для земнаго человѣчества чрезвычайно важно какъ можно скорѣе пройти этотъ стадій, чтобы приблизиться и приблизить вселенную къ конечной цѣли. Для этого нужно, чтобы каждое воплощеніе здѣсь духа было шагомъ впередъ въ его нравственномъ развитіи и совершенствованіи. — Передъ каждымъ воплощеніемъ духъ болѣе или менѣе ясно сознаетъ свое высшее назначеніе и имѣетъ желаніе съ успѣхомъ пройти тѣлесную жизнь, знаетъ отчасти и понимаетъ средства, какія нужно употребить для этого (²). Но, воплотившись, онъ необходимо забываетъ все это и потому легко сбивается съ истиннаго пути, усложняетъ тѣмъ свое движеніе къ совершенству, замедляетъ его, увеличивая число инкарнацій. Правда, съ каждымъ воплощеніемъ все яснѣе и опредѣленнѣе воспоминаая познанія, приобрѣтенныя во время жизни среди духовъ, пополняя свои воспоминанія воспоминаніями другихъ воплощенныхъ духовъ, облеченный плотію, духъ-человѣкъ мало помалу приближается къ истинѣ, возстановляетъ въ памяти естественный нравственный законъ, которому долженъ слѣдовать въ жизни. Но все это слабо, далеко отъ истины, недостаточно и приобрѣтается очень медленно. Вслѣдствіе этого по системѣ спиритизма становится необходимымъ божественное вмѣшательство въ человѣческую жизнь, становится необходимымъ откровеніе. И дѣйствительно, учить спиритизмъ, время отъ времени, Богъ посылалъ на землю, заставлялъ воплощаться высшихъ духовъ

(¹) Кардекъ, желая поддѣлаться къ господствующему воззрѣнію, всячески старается придать землѣ и земной жизни особенное значеніе во вселенной; но значеніе это не имѣетъ даже значенія важнаго мѣста ссылки (*lieu d'exil*). *L'Évangile etc.* 30 p.

(²) *Le livre des esprits.* 125 p. *Choix des épreuves.*

съ специальною миссією открыть людямъ истину, насколько они въ состояніи принять ее по степени своего развитія, дополнить ихъ недостаточныя воспоминанія и усилить прогрессъ развитія и совершенствованія челоуѣчества (¹). Къ такимъ миссіонерамъ изъ міра духовнаго принадлежатъ: Моисей и пророки и наконецъ Иисусъ Христосъ (²). Примѣняясь къ низкой степени развитія народа израильскаго, Моисей могъ сообщить ему только самыя скудныя свѣдѣнія о мірѣ духовномъ, объ истинномъ смыслѣ челоуѣческой жизни и назначеніи челоуѣка, также точно далъ неполный и несовершенный нравственный законъ. Несравненно болѣе сдѣлалъ другой изъ воплотившихся вышнихъ духовъ — миссіонеровъ — Иисусъ Христосъ. По увѣренію Кардека, въ словахъ Его находятся указанія на міръ духовъ въ спиритскомъ смыслѣ (³), на многочисленность обитаемыхъ міровъ (⁴), на воплощенія и перевоплощенія (⁵), но все это прикровенно, въ формѣ намековъ, притчей, аллегорій, потому что и въ Его время люди еще не были въ состояніи принять и усвоить истину во всей чистотѣ (⁶). Но Христосъ при этомъ ясно и опредѣленно указалъ истинную цѣль и назначеніе челоуѣка, — самоусовершенствованіе, уподобленіе Богу и далъ самый чистый, вполне совершенный, не требующій никакого дополненія нравственный

(¹) Le livre des esprits. 125 p. Choix des épreuves.

(²) Ibid. Conclusion. VIII p.

(³) Въ словахъ: *царство мое не отъ міра сего, и во всѣмъ мнѣствомъ отвѣтъ* Пилату. Іоан. XVIII, 33, 36, 37. L'Évangile selon le spiritisme. 4 ed. ch. II, 13—20 pp.

(⁴) Въ словахъ: *въ дому Отца моего жители многи суть... иду уготовати мѣсто вамъ*. Іоан. XIX. 1—3. L'Évangile selon le spiritisme. ch. III. 21—33 pp.

(⁵) Указаніе на это Кардекъ видитъ: Матѣ. XVI, 13—17; Марк. VIII, 27—30; VI, 14—15; Лук. IX, 7—9; Матѣ. XVII, 10—13; Марк. IX, 10—12. L'Évangile etc. ch. IV, 34—49 p.

(⁶) Le livre des esprits. Concl. VIII p.

законъ (¹), который есть полное выражение закона Во-
жия, и закона естественнаго. Нравственное учение о
составляетъ самую сущность христіанства: все осталь-
ное есть искаженіе ученія Христова (²). Но это уче-
ніе, собственно говоря, не принесено Основателемъ хри-
стіанства какъ готовое: оно открыто въ томъ только
широкомъ смыслѣ, въ какомъ открывается съ точки зрѣ-
нія спиритизма всякая истина, какъ внушеніе и со-
общеніе духовъ, постепенное, или моментальное; оно
было подготовлено преимущественно ессеями и особенно
Сократомъ и Платономъ, которыхъ Кардекъ называ-
етъ «les principes révélateurs» Иисуса Христа (³):
„Иисусъ, по словамъ Кардека, только резюмировалъ,
привелъ въ порядокъ, дополнилъ и превратилъ въ оди-
нѣвое“ уже имѣвшее, но только „разсѣянные элемен-
ты“ (⁴). Такимъ образомъ спиритизмъ смотритъ на ли-
це Христа Спасителя и на его дѣло съ точки зрѣнія
Ренана и ему подобнаго, пожалуй даже нѣсколько
ниже, потому что лишаетъ Его того человѣческаго ве-
личія и исключительности среди людей, которая умѣетъ
придать Ренанъ герою своего поэтическаго произве-
денія, названнаго „Жизнію Иисуса“. Спиритизмъ дѣла-
етъ Христа Спасителя однимъ изъ множества духовъ—
миссіонеровъ или посланниковъ Воинихъ. Съ его точки
зрѣнія посланники эти не могутъ быть даже духами
самаго высшаго порядка, потому что эти духи, вслѣд-
ствіе необыкновенной тонкости своего *периспри*, абсо-
лютно не могутъ соединиться съ земнымъ человѣче-
скимъ тѣломъ, не могутъ даже дѣйствовать на людей
непосредственно; и Христосъ долженъ во всякомъ
случаѣ принадлежать къ разряду относительно низ-
шихъ духовъ. Кардекъ этого не говоритъ прямо, ру-
ководясь известными уже нами соображеніями; онъ

(¹) Le livre de esprits.
(²) Le livre des médiums. 475 p.
(³) L'Evangile etc. introd. XXIV—XXV.
(⁴) Ibid.

называетъ Иисуса Христа даже Сыномъ Божиимъ и всюду говоритъ о Немъ съ намѣренною высокопарностію и искусственнымъ энтузіазмомъ. Но не нужно быть слишкомъ проникательнымъ, чтобъ понять, въ чемъ тутъ дѣло. Не только высота и особенность природы Христа Спасителя съ спиритской точки зрѣнія уничтожается, самое посланничество его Богомъ является въ спиритской системѣ весьма двусмысленнымъ: во всякомъ случаѣ оно должно протекать не прямо отъ Божества, которое по спиритскому ученію непосредственно не принимаетъ никакого участія въ судьбахъ низшихъ сферъ матеріальнаго и духовнаго царства, а дѣйствуетъ черезъ высшихъ духовъ. Такимъ образомъ, если Христосъ и посланъ на землю, то посланъ какими-нибудь изъ высшихъ духовъ-правителей земли, стоящихъ въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ. Послѣ этого нельзя не удивляться нахальству, съ какимъ Кардекъ всюду утверждаетъ, что спиритизмъ не разрушаетъ христіанства. Еще удивительнѣе то, что находятя до такой степени тупоумные и наивные люди, которые искренно вѣрятъ этому тождеству христіанства и спиритизма, берутся даже доказать это тождество ('). Какъ бы то ни было спиритизмъ утверждаетъ неприкосновенность христіанскаго нравственнаго закона, старается вывести его съ необходимостію изъ своихъ теоретическихъ положеній; но при этомъ онъ формулируетъ ихъ особеннымъ образомъ, не по-евангельски и въ сущности строитъ свою систему морали, которая во многомъ отличается отъ ученія Христа, и лишенная догматической опоры теряетъ всякій христіанскій характеръ. Кроме того одна изъ важнѣйшихъ христіанскихъ истинъ, именно истина равенства всѣхъ людей предъ Отцемъ небеснымъ, оставленная,

(') Особенно въ этомъ отношеніи отличился извѣстный русскій спиритъ Балтинъ, въ своемъ сочиненіи *Les dogmes d'église du Christ expliqués d'après le spiritisme*. Дом. бекѣда. 1867. №№ 31, 32.

въ своеобразной конечно формѣ, въ спиритизмѣ, стоитъ въ прямомъ противорѣчїи, какъ мы увидимъ, со всею его системою, съ самою ея сущностью и основами.

Земная жизнь человѣка есть только средство къ достиженію вѣчнаго блаженства и совершенства, учить спиритизмъ, и сама по себѣ не имѣетъ никакого значенія. Тѣло есть только временная оболочка духа, его темница, платье, смѣняемое имъ постоянно. Все земное вообще тлѣнно и скоропреходяще. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что человѣкъ долженъ презирать все земное, бѣгать отъ міра; его заботы и удовольствій, или умерщвлять плоть свою и предаваться аскетическимъ подвигамъ. Напротивъ онъ долженъ нагружаться въ жизнь со всеми ея тревоженіями, выносить борьбу житейскую, потому что въ этой тяжелой борьбѣ крѣпнеть и развивается воплощенный духъ (¹). Онъ долженъ заботиться о тѣлѣ, потому что матерія не есть что-либо злое, враждебное: она просто спутница духа въ его развитіи и духъ долженъ возвышать ее до себя, а не убивать. Отсюда вытекаютъ слѣдующіе законы. *Законъ труда* (loi du travail), въ силу котораго человѣкъ обязанъ добывать себѣ средства къ жизни и укрѣплять свои нравственныя силы; *Законъ воспроизведенія* (loi de reproduction), въ силу котораго человѣкъ долженъ заботиться о продолженіи своего рода, и въ силу котораго обѣтъ дѣвства является безнравственнымъ, если онъ не принятъ ради какого-либо подвига на благо общее (²). *Законъ сохраненія* (loi de conservation), по которому человѣкъ обязанъ устранять возможно лучше свое благосостояніе, благоразумно и умеренно пользоваться всеми благами и удовольствіями жизни и безъ крайней нужды не подвергать себя лишеніямъ (³). *Законъ разрушенія* (loi du

(¹) Le livre des esprits. 229 p.

(²) Ibid. 127 p.

(³) Ibid. 299 p.

destruction), уничтожающей человека уничтожать других твари для сохранения своего существования, но запрещающей ему дѣлать это безъ нужды, запрещающей убивать себя подобныхъ ⁽¹⁾. *Законъ общественной жизни* (loi de la vie sociale), который обязываетъ человека принимать самое живое участие въ жизни общественной во всѣхъ ея звѣлахъ, потому что вѣкъ ея нерожожив для него: разлагіе. Законъ этотъ дѣлаетъ, по словамъ Кардеа, совершенно безнравственнымъ отщепенчествомъ съ дѣломъ самоусовершенствования ⁽²⁾. Въ эти законы уславливается чисто матеріальною жизнью, зависящею отъ положенія духа заключеннаго въ дѣло. Какимъ образомъ согласить пожеланіе о свободѣ, о грубой матеріи съ ученіемъ о необходимости уничтожить ее для утратить до послѣдней степени, ученіемъ, составляющимъ основной догматъ опиритивна, про цемъ его уваженіи къ материіи вообще; какимъ образомъ ученіе о безнравственности отщепенчества съ дѣломъ самоусовершенствования согласить съ тѣмъ, что для міръ духовномъ существуетъ цѣлый рядъ духовъ, устремляющихся отъ всякой практической дѣятельности и преданныхъ исключительно заботѣ о самоусовершенствованіи? → Да этого Кардеу вѣтъ никакого дѣла. → Да изложенными законами слѣдуютъ болѣе общія, вытекающіе изъ ученія природы духа: *законъ прогресса* (loi du progrès), по которому вся земная дѣятельность, всѣ труды и заботы должны имѣть единство въ одномъ общемъ стремленіи къ постепенному движению впередъ на пути къ совершенству ⁽³⁾; *законъ равенства* (loi d'égalité), обязывающей человека принимать себя равнымъ себя вслѣдствіе равенства и общности природы ⁽⁴⁾; *законъ свободы* (loi de

(1) Le livre des esprits. 308 p.

(2) Ibid. 321 p.

(3) Ibid. 325 p.

(4) Ibid. 339 p.

liberté), обвивающей человека опухавшей обволакивающей естественную свободу; особенно свободу мысли и ублажая живыми чувствами свободу других. А эти законы: справедливости, любви и благотворительности (loi de justice d'amour et de la charité) (1). Опять, какимъ образомъ законъ равенства вяжется съ возведеннымъ въ принципъ неравенствомъ духовъ, съ невозможностію даже между нѣкоторыми изъ нихъ общенія? Какъ согласить законъ свободы съ господствомъ деспотизма въ мірѣ духовномъ, деспотизма, основаннаго на правѣ силы, которою, такъ сказать, физически обладаютъ высшіе духи и которой рабски, съ трепетомъ должны подчиняться духи низшіе, которой они не могутъ не подчиняться?

При раскрытіи всѣхъ указанныхъ законовъ Кардекъ затрогиваетъ много политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ спорныхъ и модныхъ вопросовъ и рѣшаетъ ихъ категорически. Онъ признаетъ безнравственными войны, отвергаетъ теоріи коммунистовъ, утверждаетъ равенство мужчины и женщины, расторжимость брака и т. п. Наконецъ онъ проводитъ здѣсь мысль, что результатомъ точнаго выполненія этихъ законовъ будетъ постепенное физическое усовершенствованіе земнаго человѣческаго рода. Такъ что, по его увѣренію, которое впрочемъ необходимо вытекаетъ изъ основныхъ началъ спиритизма, рано, или поздно, на землѣ явится другая порода людей, съ болѣе тонкимъ и совершеннымъ тѣломъ и самая планета изменится (2).

Для тѣхъ, кому нужны внѣшнія побужденія къ выполненію нравственнаго закона,—страхъ мученій и награды, Кардекъ предлагаетъ картину спиритскаго ада и рая. Онъ рисуетъ страданія несовершенныхъ,

(1) Le livre des esprits. 347 p.

(2) Ibid. 386 p.

(3) Ibid. 785 p.

и тѣмъ болѣе злыхъ духовъ во время инкарнацій и послѣ нихъ; ихъ томительное состояніе невѣдѣнія, безсилья, зависти, злобы, отчаянія. Въ противоположность этому самыми яркими красками изображается состояніе добрыхъ духовъ, наслаждающихся общеніемъ съ Богомъ, любовью, дружбою въ средѣ себѣ подобныхъ в т. п. (1)

В. Снегиревъ.

(окончаніе будетъ)

(1) *Le livre des esprits. 393 p.*

ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ВЪ РОССІИ

СО ВРЕМЕНИ РЕФОРМЫ ПЕТРА.

(продолженіе)

Къ числу людей, обязанныхъ службой, въ первой половинѣ XVIII в. принадлежали всѣ дворяне. Законъ 1714 г. дозволилъ изъ дворянства переходъ въ духовное званіе однимъ кадетамъ, младшимъ сыновьямъ дворянскихъ семействъ; въ 1730 г., съ отменою дворянскаго майората, потеряло силу и это дозволеніе (1); потомъ въ законодательствѣ уже ни разу не говорилось о томъ, можно, или нѣтъ поступать дворянамъ въ священнослужительскія должности, до самаго изданія знаменитой грамоты о вольности дворянства, которая даровала дворянству самую широкую свободу въ выборѣ занятій и рода общественнаго служенія; но за то всегда такъ много говорилось объ обязательной службѣ дворянъ государству на поприщѣ или военномъ, или гражданскомъ, что молчаніе закона о выборѣ духовной службы совершенно равнялось запрещенію этого выбора для всѣхъ дворянъ. Законодательству впрочемъ и незачѣмъ было ясно выражать подобнаго запрещенія, потому что духовное званіе еще въ самомъ началѣ XVIII

(1) II. С. З. VIII, 5653.

вѣка до того уже было увижено, что ни одинъ порядочный дворянинъ самъ не могъ поступить въ него изъ одного шляхетскаго гонора; самый указъ 1714 г., говоря объ опредѣленіи въ священство кадетовъ, почель нужнымъ замѣтить, чтобы этого никто не ставилъ имъ и ихъ фамиліямъ въ безчестіе. Потому и тогда, едва ли могло быть много примѣровъ, чтобы кто-нибудь изъ дворянъ вздумалъ воспользоваться этимъ закономъ для перехода въ духовное званіе (*). Между духовенствомъ и шляхетствомъ у насъ никогда не было такой родственной связи, какую видимъ на западѣ, гдѣ въ духовенствѣ во все времена встрѣчаемъ представителей разныхъ, иногда даже очень высокыхъ дворянскихъ фамилій. Разумѣется, при этомъ мы вовсе не беремъ въ расчетъ весьма частыхъ примѣровъ постриженія нашихъ бояръ и дворянъ въ монашество. Примѣры священни овъ изъ дворянъ встрѣчаемъ лишь въ западной Россіи, гдѣ въ духовное званіе часто поступали козаки, даже старшины и шляхтичи, наприм. Бугаевскій при гетманѣ Скоропадскомъ былъ опредѣленъ войсковымъ камерляномъ при резиденціи гетмана, однимъ изъ благородныхъ пановъ Бутовичей былъ священникомъ и т. д. (**). Нѣкоторые дворяне строили у себя въ деревняхъ церкви и сами же опредѣлялись къ нимъ священниками, и потомъ дѣлались родоначальниками дѣлать иногда очень длинныхъ дворянско-священническихъ родовъ, — такъ наприм. родъ Троцановичей отъ Платова мглинскаго уѣзда, служившій исключительно съ 1655 г., когда родоначальникъ его, Василій Троцановичъ, первый устроилъ у себя храмъ и одѣлся священникомъ, до 1866 г. (**). Многие дворяне поступали въ священ-

(*) Дядь Суворовъ Изв. Пы. Суворовъ поступилъ въ духов. званіе и былъ придворнымъ протоіереемъ въ Криму (Добруж. ч. II, 66). Можеть быть были и другіе примѣры, о которыхъ не упоминается.

(**) Двор. въ Россіи Ром.-Славянскаго. 149.

(**) Акты о двор. Троцановичей въ Черниг. спарх. изв. 1870 г. № 2.

ники, удриваясь отъ войсковой службы, и, по приезде
денежн. въ 1664 г. малой Россіи, къ императорскому
престолу, говорится: въ одной запискѣ о жилищной
скою дворянствъ Екатерина много времени, многіе воен-
ные малороссійскіе чиновники, убѣганъ службы и паче
въ военное время, оставили свое званіе и вступили въ
побы... Изъ сихъ-то чиновниковъ произшедше поны и
дьяконы и нынѣ считаютъ себя дворянами, получили
въ дворянскихъ комиссіяхъ на дворянство грамоты и
пользуются всѣми дворянскими протислами и правами,
не неся притомъ никакой дворянской службы... втя-
гости... Имѣютъ и особлыя земли, впрочемъ запрети-
тельныя указамъ и рѣшительныя тѣмъ же Апостолу
1728 г. даннымъ пунктамъ. (См. Фотъ по поводу Ма-
доросси черѣзъко жолно брло устрѣтанно крѣпостным
селенія, принадлежащія цвѣтеникамъ) змимже облі-
ябняючоя названія многочисленныхъ между ссылами. Но
повока и Прочоповрокъ.

Въ другихъ частяхъ имперіи „введеніе“ вѣтудокор-
ный чинъ шлнхетства“ до того было необычно, что въ
1730-хъ годахъ мы видимъ его предстать однако вольно
мечтавіи прожекторовъ въ родѣ А. Волынского, кото-
рый предлагалъ его „по примѣру европейскій госу-
дарствъ“ въ своемъ „Генеральномъ разсужденіи о по-
правленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“ (1). Но
въ то же время само шлнхетство проявило особенна омы-
нов. стремленіе къ совершенному обособленію отъ дру-
гихъ сословіи, которыя оно трактовало ссвоюа, какъ
„дюдлія“. Организи такою стремленія, котороя уже
о представителнхъ напей. выашей арисократии; или о
знаменитыхъ верховникахъ, были сснны образованн
лица изъ дворянства, а шрочо извѣстный русскій ивн-
рикъ В. Н. Татищевъ, который разсуждалъ о дворян-
ствахъ въ Россіи въ 1760 г. (2).

(1) Дворянство въ Россіи. 150. См. также братья Чвѣт-
никовъ изъ хѣбрана въ Чинс. харьк. сѣарх. чин. 1881; стр. 400.
431. 455... Р. Арх. 1871 г. стр. 1884—1885.

(2) Чтен. общ. иса. ш. Арх. 1869. т. III, кн. I стр. 155.

отъбъ своего времени такимъ образомъ: „есть разность чиновъ временная, но другая есть пребывающая и наследственная, яко шляхетство, гражданство и подлость, а нѣгдѣ четвертое счисляють—духовенство. У насъ въ Уложеніи нѣколико шляхетство отъ прочихъ отмѣнено, токмо безъ основанія, недостаточно и неясно. Для того у насъ всякъ, кто только похочеть, честь шляхетскую покищаетъ. О арестованіи сего великаго безпорядка и оскорбленія тѣмъ преимуществъ государя видится забыто“. Или еще: „У насъ между шляхтичемъ и подлымъ никакой разности, ни закона о томъ нѣтъ, а почитаются всѣ имѣющіе деревни: подьячіе, нововичи, посадскіе, холоди, имѣющіе отчины, за шляхетство, гербы себѣ берутъ, кто какой самъ вымыслитъ, и почитаются по богатству, чего нигдѣ не водится“⁽¹⁾. Повястно, что при такомъ направленіи сословныхъ понятій шляхетства нечего было и думать о сближеніи его съ духовенствомъ „по примѣру европейскихъ государствъ“.

Чѣмъ дальше, тѣмъ дворянство все болѣе возвышалось и отдѣлялось отъ другихъ сословій, въ томъ числѣ и отъ духовенства, тѣмъ болѣе, что послѣднее почти въ такой же мѣрѣ съ теченіемъ времени унижалось по своему общественному положенію и снѣживалось съ подлыми людьми. Въ вѣкъ Екатерины, вѣкъ пышнаго и гордаго аристократизма, полнаго развитія дворянскихъ понятій, французскаго образованія, условнаго дворянскаго этикета и житейской обстановки, вѣкъ порабощенія низшихъ классовъ вышнему, духовное лице до того уже сдѣлалось „подлымъ“, что среди дворянства къ нему съ презрѣніемъ относились и старшіи и малыи, падъ нимъ надѣвалась литература, надѣвалось образованное общество, въ которомъ ругнуть попа считалось даже признакомъ хорошаго тона и свободнаго отъ суевѣрій образованія; помѣщикъ трактовалъ своего священника, какъ холопа,

(1) Таганц. и его архив. Н. Погода. стр. 471

на ряду съ своими крѣпостными крестьянами, напустился на него съ своимъ барскимъ окрикомъ, оскорблялъ его даже „наказаніемъ на тѣлѣ“ ('). Духовенство да и само дворянство еще до сихъ поръ хранятъ отъ XVIII в. множество преданій и разсказовъ почти о невѣроятныхъ проявленіяхъ съ одной стороны глубочайшаго униженія духовенства предъ дворянами, а съ другой грубѣйшаго самодурства и самаго необузданнаго произвола. Духовенство составило какую-то униженную и забитую „породу“, въ которой высшее общество не предполагало уже ничего хорошаго, благороднаго и цивилизованнаго. Дворянинъ Волотовъ, разсказывая въ своихъ запискахъ о разныхъ лицахъ, происходившихъ изъ духовнаго званія и отличавшихся благородными качествами, каждый разъ считаетъ нужнымъ прибавить къ своей похвалѣ выразительное: „не взирая на его породу“. Да и само правительство, стараясь всячески возвысить дворянство и развивая въ своихъ указахъ идею благородства этого класса, только подъ конецъ XVIII в. наприм. освободило священнослужителей отъ позора публичныхъ тѣлесныхъ наказаній. Очень понятно, почему дворяне не только не вступали въ духовное званіе, напротивъ даже бѣжали изъ него, если почему-нибудь принадлежали къ нему прежде. Въ 1808 г. былъ наприм. такой случай въ петербургской академіи. Одинъ студентъ Андруцкій, протоіерейскій сынъ, дошедшій уже до философіи, совершенно неожиданно узналъ, что онъ дворянинъ кievской губерніи. Послѣ этого онъ, нисколько не медля, оставилъ и философію и школу, „чтобы избрать новый родъ жизни, соотвѣтствующій его склонностямъ, равно и правамъ, предоставленнымъ благородному дворянству“ ("). За исключеніемъ нѣсколькихъ священническо-дворянскихъ родовъ Малороссіи, другіе духовные дворянскіе роды большею частію ведутъ свое начало не

(') П. С. З. XVIII, № 13286.

(") Истор. сб. акад. 144—145.

отъ дворянъ, поступившихъ въ духовное званіе, а отъ духовныхъ же лицъ, которымъ пожалованы были или населенныя имѣнія, какъ наприм. родъ Надаршинскихъ, родоначальнику котораго царскому духовнику пожаловано было при Петрѣ 4000 душъ въ (слободо-украинской губерніи ⁽¹⁾), или потомственное дворянство, какъ наприм. духовнику императр. Елизаветы, Дубянского ⁽²⁾, или ордена, какъ наприм. протодіакону Александру Левашину (брату м. Платона) ⁽³⁾.

Относительно посвященія дѣтей изъ дворянства состояніи во второй половинѣ XVIII в. дравительство продолжало равнывать тѣже начала, какія были высказаны еще въ началѣ столѣтія. Въ 1766 г. ему наприм. слѣдалось извѣстно, что въ усрижской и волычегодской провинціяхъ, въ ущербъ подумному платежу, постриглось въ монахи и посвящено въ священныи и церковныи чинъ 139 человекъ изъ дворянскихъ государственныхъ и церковныхъ крестьянъ, что отъ того произошла даже путаница въ сѣбахъ. По этому случаю извѣстному губернатору съ архіереевъ слѣдовало произвести слѣдствіе о чинихъ выбывшихъ изъ оклада и поступить съ ними по врсѣннмъ условіямъ въ рѣхъ епархіи потребованы въ Сибирь вѣдомости о посвященыхъ изъ оклада и разосланы ко всѣмъ архіереямъ подтвердительные указы нредъ изъ, коимъ нѣкогда ерестонія никаго не постригать, ни посвящать ⁽⁴⁾. Не долге, какъ черезъ три года (въ 1769 г.) потребовалось новое подтвержденіе старыхъ указовъ по случаю диверсій о постриженіи и посвященіи оныхъ большаго числа крестьянъ въ архангельской губерніи, но доносомъ губернатора Головкинъ въ хъ такихъ оказалось по губерніи 389 человекъ, — цифра очень почтенная и пока-

⁽¹⁾ Двор. въ Россіи. Р.-Слават. 158.

⁽²⁾ Оснадат. вѣкъ, кн. III, стр. 345.

⁽³⁾ Призваніе за его дѣтьми потом. дворянства въ Н. С. З. № 26497 (указъ 1816 г.).

⁽⁴⁾ П. С. З. XVII, 12373.

выражая значительную местную нужду въ духовенствѣ; указъ, выданный по этому поводу, не обращая вниманія ни на какія местные условія, рѣшительно распорядился взыскать положенные сборы со всѣхъ посвященныхъ и постриженныхъ, не взирая на ихъ посвященіе и постриженіе (1).

Въ 1774 г. снова возникъ вопросъ о положенныхъ въ подушный окладъ церковникахъ, которые помогали возвращенію въ духовное званіе; положивъ на основаніи прежнихъ указовъ отказывать имъ въ такомъ домогательствѣ; св. Синодъ указомъ 11 іюля опредѣлилъ: церковная мѣста комплектовать только дѣтьми действительныхъ священно-и-церковно-служителей, оставшихся послѣ разбора, а потомъ, уже если ихъ не достанетъ, и сверхкомплектными, и когда оныхъ дѣйствительныхъ церковниковъ къ комплектованію будетъ достаточно, а потому: изъ положенныхъ въ подушный окладъ церковникахъ надобности не окажется, тогда всѣхъ тѣхъ церковниковъ изъ положенныхъ въ подушный окладъ съ ихъ дѣтьми, кромя священниковъ и дьяконовъ и дѣтей ихъ, рожденныхъ по венчанію ихъ въ священнослужительскіе чины, исключая изъ церковному прихода, высылать въ тѣ вотчины, гдѣ они въ подушномъ окладѣ быть должны. Такимъ образомъ на этотъ разъ св. Синодъ принялъ даже дальѣе прежнихъ указовъ, не только запретилъ принимать положенныхъ въ окладъ церковниковъ къ духовную службу вновь, но распорядился выключить изъ нея и тѣхъ, которые являлись въ нее прежде и числились теперь уже дѣйствительно служащими церковниками. На основаніи этого распоряженія выключенію изъ духовнаго званія подверглось много даже такихъ дѣтей духовенства и церковниковъ, которые написаны были въ окладъ еще въ первую и вторую ревизію, а во время третьей, какъ дѣйствительно служащіе или дѣти дѣйствительно служащихъ, были записаны уже выбывшими изъ оклада. Застигнутые

(1) Тамже, XVIII, 13310.

врасплохъ такую строгостію указа, она энергично принялась хлопотать о смягчені своей участи, доходила съ своими прошеніями до св. Синода, а 16 человекъ изъ нихъ подали прошеніе самой императрицѣ и, какъ видится, успѣли ее растрогать описаніемъ своего горькаго положенія. Въ мартѣ 1775 г. она выдала св. Синоду указъ „стараться выхъ бѣдныхъ людей помѣстити на праздныя мѣста, гдѣ буде нынѣ число церквей въ новыхъ владѣніяхъ прибыло“. Св. Синодъ исполнилъ волю императрицы. Но этотъ высочайшій указъ, бывшій результатомъ одного сердечнаго движенія государыни, разстроивалъ весь, давнымъ давно уже установленный, законный порядокъ. Въ іюнѣ тогоже года св. Синодъ уже долженъ былъ сообщить Сенату, что церковниковъ подобныхъ вышеозначеннымъ и оставшихся теперь безъ мѣстъ явилось множество и всѣ неотступно просятъ себѣ церковныхъ мѣстъ, ссылаясь на послѣдній высочайшій указъ, а Синодъ этого указа, относившагося къ однимъ 16 означеннымъ церковникамъ, распространять на всѣхъ самъ собою не можетъ, что вслѣдствіе этого теперь требуется учинить новое общіе опредѣленіе о всѣхъ такихъ людяхъ „церковнической породы“, чтобы они не остались праздными; при этомъ св. Синодъ изложилъ свое мнѣніе, чтобы, въ случаѣ дозволенія исключать ихъ изъ оклада для опредѣленія къ церковнымъ мѣстамъ, свѣтскія начальства предварительно сносились съ епархіальными архіереями и консисторіями и сообща исключали только такихъ, которые къ чтенію и пѣнію достаточны и въ церковный чинъ достойны. Сенатъ снова подтвердилъ прежнія запрещенія посвящать изъ подушнаго оклада, потому что, объяснялъ онъ, и безъ того остается много безъ мѣстъ изъ дѣтей дѣйствительныхъ священно-и-церковно-служителей, „и когда мимо ихъ комплектовать порошкія мѣста положенными въ подушный окладъ, то и болѣе таковыхъ въ одну общенародную и собственную ихъ тягость оставаться можетъ“. Послѣ этого св. Синодъ распорядился, при укомплектованіи церквей, въ

случаѣ недостатка церковниковъ въ одной епархіи, архіереямъ требовать себѣ нужныхъ кандидатовъ на мѣста изъ другихъ сосѣднихъ епархій, гдѣ окажется излишекъ духовенства (*).

Несмотря на эти распоряженія, во времени 4-ой ревизіи опять накопилось значительное число духовныхъ лицъ изъ подушнаго оклада. Въ указѣ о разборѣ духовенства 1784 г. однихъ получившихъ формальное увольненіе отъ оклада, показано 667 чело-вѣкъ церковно-служителей и 68 поповъ и дьяконовъ; число опредѣлившихся къ церквамъ безъ увольненія не показано, но вѣроятно было тоже немалое; указъ не тронулъ выписанныхъ изъ оклада, но послѣднихъ, за исключеніемъ посвященныхъ въ священно-служители, распорядился всехъ обратить въ ихъ прежнее состояніе, въ окладъ (**). По поводу этого разбора св. Синодъ въ 1784 г. издалъ общее и рѣшительное распоряженіе замѣнять церковныя мѣста дѣтьми однихъ только дѣйствительныхъ священно-служителей и церковниковъ (*). Къ концу XVIII столѣтія духовное званіе до того успѣло замкнуться для постороннихъ лицъ, что въ 1799 г. могъ серьезно возникнуть даже такого рода вопросъ: можно ли опредѣлять на священно-служительскія мѣста людей, хотя и духовнаго происхожденія, но служившихъ въ свѣтской службѣ, и притомъ даже не въ постороннемъ какомъ-нибудь вѣдомствѣ, а въ духовномъ же, наприм. въ званіи сторожей и приставовъ духовныхъ коненсторій“. Св. Синодъ издалъ по этому вопросу особый дозвонительный указъ, въ которомъ однако опредѣленіе такихъ лицъ на священно-служительскія мѣста выставилъ чѣмъ-то въ родѣ особаго пожалованія за ихъ службу и распро-странилъ это дозволеніе и на ихъ дѣтей, обучавших-

(*) П. С. З. XX, № 14475.

(**) Тамже, XXII, № 15978. м. 7—8.

(*) Тамже, № 15981. п. 3—4.

ся въ семинаріяхъ (1). Церковная служба вѣдалась исключительно дѣстоліеми людей духовнаго званія, такъ что постороннему челоуѣву въ нихъ и вѣстахъ весьма трудно было попасть даже на мѣсто церковнаго сторожа; Должность провирата сдѣланая принадлежалою однимъ духовныхъ жещинамъ, вдовамъ и дочерей умершихъ священно-и-церковно-служителей: Опредѣленіе въ провиратъ недуховной жещины въ московской напсам. епархіи было рѣдко; случалось и допускатось по особымъ обстоятельствамъ, еще со времени арх. Аларосія Зертицы Каменцоваго; въ константинополскомъ опредѣленіи при этомъ писалось: „хотя означенную вдову, въ разсужденіи того, что она не имѣла духовнаго званія, а изъ купческаго чину, на просимое мѣсто въ преобладаніе духовнаго чину, идти, опредѣлять и не слѣдовало, но какъ ея очень усердно просить опредѣлить смищенница въ приходскіе люди, а по собранномъ свидѣніи она поведеніи удовлетворительнаго, то опредѣлять ее“ (2). Въ указѣ 1799 г. о призрѣніи вдовъ и сиротъ духовнаго званія опредѣленіе первыхъ на должность провирата при церквахъ представляется уже обычною и обязательно для епархіальныхъ начальствъ формою ихъ призрѣнія (3).

Во второй половинѣ XVIII в. завершилась такъ же замкнутость духовно-учебныхъ заведеній; еще болѣе укрѣпившаяся замкнутость сего основана. Такъ, въ московской академіи въ это время учились уже одни дѣти священно-и-церковно-служителей. Исключеніе сдѣлано было только для дѣтей типографскихъ служащихъ, по особому о томъ указу 1769 года въ томъ ограниченіемъ—только для такихъ, кои въ поступаніи на типографскую службу изъ священно-служительскихъ дѣтей и не были положены въ подушный окладъ. Въ теченіи

(1) Тамже, XXV, № 18920.

(2) Истор. моск. еп. управл. ч. II, кн. 9, прил. 4, 318.

(3) П. С. З. XXV, № 18921.

всей второй половины XVIII столѣтія историкъ московской академіи знаетъ всего только одинъ случай принятія въ академію ученика недуховнаго званія;— это было въ 1787 г., когда принять былъ въ нее одинъ Можайскій купецъ Пыпинъ для слушанія философскихъ лекцій, и то только вольнымъ слушателемъ ⁽¹⁾. Въ троицкой семинаріи свѣтскихъ учениковъ было больше. Въ 1767 г. въ ней училось 8 лейб-гвардіи унтеръ-офицеровскихъ дѣтей, но подѣ особенымъ наблюденіемъ начальства семинаріи относительно ихъ успѣховъ и въ видѣ особаго изытанія, кромя того еще одинъ канцеляристъ, давшій впрочемъ обѣщаніе поступить въ монашество. Въ послѣдующіе за тѣмъ годы число такихъ учениковъ не восходило выше 4 человекъ ⁽²⁾. Исключеніе между духовно-учебными заведеніями по прежнему составляли только заведенія югозападной Россіи,—киевская академія, черниговская и переяславская семинаріи, которыя до самой реформы духовныхъ училищъ при импер. Александрѣ продолжали оставаться съ своимъ открытымъ и общеобразовательнымъ характеромъ, такъ что число свѣтскихъ учениковъ въ нихъ было даже гораздо значительнѣе числа духовныхъ. По списку пятническаго класса въ академіи за 17го г. послѣднихъ было всего 47, а первыхъ 69 ⁽³⁾. Въ переяславской семинаріи въ 1766 г. число духовныхъ воспитанниковъ (75) только немного превышало число разночинцевъ (62). Но при этомъ нужно замѣтить, что на духовную службу поступали одни воспитанники духовнаго происхожденія, а свѣтскіе расходились по разнымъ службамъ, въ козаки, по канцеляріямъ, въ мѣщане и т. д. ⁽⁴⁾. Реформа духовно-учебныхъ заведеній окончана

⁽¹⁾ Ист. моск. акад. 338—339.

⁽²⁾ Ист. троиц. семин. 231—232.

⁽³⁾ Киевъ съ его арена. училищ. Аскочевскаго, т. II, стр. 268.

⁽⁴⁾ Очерки быта малор. дум. Рук. для сельск. нач. 1864 г. № 42.

только специализировала ихъ и отблала ~~содержима~~, такъ
 кто въ текущемъ столѣтїи поступленіе въ семинаріи лю-
 дей постороннихъ совершенно прекратилось. Другія со-
 еловія впрочемъ и не нуждались уже въ духовныхъ заве-
 деніяхъ; такъ какъ имѣли свои народныя и уѣздныя
 училища, гимназіи и университеты, направленіе кото-
 рыхъ стало, какъ извѣстно, даже въ отрицательныя отно-
 шенія къ своеобразному направленію духовныхъ школъ,
 бывшему неизбежнымъ результатомъ ихъ замкнутости
 и личности. Съ другой стороны, духовныя заведенія
 съ теченіемъ времени до того переполнились ученика-
 ми духовнаго званія, что не имѣли уже ни надобности,
 ни даже средствъ принимать еще постороннихъ людей.
 1. Указами 26 іюня 1808 и 27 августа 1814 гг.
 приказано зачислять въ духовно-училищное вѣдомство
 всѣхъ духовныхъ дѣтей съ 6—8 лѣтъ; такимъ образомъ
 всѣ дѣти духовенства признамы были, если можно такъ
 выразиться, духовными кантонистами и должны были
 обязательно приготовляться къ священно-и-церковно-
 служительскимъ должностямъ; а самыя эти должности
 окончательно закрывались для всѣхъ не обучавшихся
 въ училищахъ и семинаріяхъ, потому что, заставивъ
 все духовенство отдавать сыновей съ дѣтства на при-
 готовленіе къ церковному служенію, нельзя же было
 не принять мѣръ къ размѣщенію ихъ на церковныя
 мѣста. Воспитанные и опредѣленные на мѣста такимъ
 дешевымъ и легкимъ способомъ, священно-служители
 при крайней своей бѣдности охотно пользовались
 тѣмъ же удобнымъ и выгоднымъ средствомъ для обез-
 печенія своихъ собственныхъ дѣтей. Епархіальнымъ и
 семинарскимъ начальствамъ уже не нужно было, какъ
 прежде, отыскивать себѣ школяровъ по деревнямъ
 среди дикихъ поповичей и везти ихъ въ школы въ
 кандалахъ и подъ конвоемъ. Не далѣе, какъ при вто-
 ромъ поколѣнїи духовенства послѣ училищной рефор-
 мы, семинаристовъ уже такъ было много, что для нихъ
 не доставало мѣсть ни въ семинаріяхъ, ни по выходѣ
 изъ семинарій въ приходахъ. Тяготясь накопленіемъ

этихъ людей, имѣвшихъ воѣ права на церковныя мѣста и вовсе не желавшихъ отказаться отъ этихъ правъ для поступленія въ другіе роды службы, епархіальный начальства должны были искусственно открывать для нихъ новыя мѣста при церквахъ вопреки даже штатному положенію, а св. Синодъ въ 1849 г. порѣшилъ даровать духовенству свободу отъ обязательнаго обученія дѣтей, въ родѣ той, какая дарована была прежде дворянству известной грамотой о вольности дворянства, на томъ основаніи, что обязанность, возложенная на духовенство, представлять сыновей въ духовныя училища съ 7-ми лѣтняго возраста была нужна только при первоначальномъ невѣжествѣ духовенства, но что послѣ того обстоятельства совершенно измѣнились. Въ то же время изъ училищъ и изъ семинарій ежегодно стали выпускать цѣлыя сотни исключенныхъ учениковъ, которые сѣвши занимать мѣста причетниковъ и составили огромный контингентъ для поддержанія невѣжества нашего низшаго клира на долгія времена. Можно сказать, духовныя начальства столько же теперь старались избавиться отъ учениковъ, сколько дорожили ими въ прежнее время. Въ первое время существованія духовныхъ училищъ ученика держали въ училищѣ до послѣдней возможности и исключали только какого-нибудь „дѣтину необѣдимою злобы“, по выраженію Регламента; въ послѣднее время мальчиковъ стали выгонять изъ школы цѣлыми десятками за простую дѣтскую шалость, за обыкновенную дѣтскую лѣность, за какую-нибудь школьную выходку, толкуемую какъ непочтеніе къ начальству; и даже просто за великовозрастіе.

При такихъ обстоятельствахъ ни у иерархическаго начальства, ни у св. Синода, разумѣется, не было никакихъ побужденій къ смягченію прежнихъ строгихъ постановленій относительно доступа къ духовному званію для людей постороннихъ. Въ началѣ царствованія Александра I св. Синодъ самъ поднялъ вопросъ объ уволенныхъ изъ духовнаго званія церковникахъ и, не-

смотря на предложеніе Сената размѣстить на церковныя мѣста тѣхъ изъ нихъ, которые не были приняты ни въ службу, ни въ окладъ, рѣшительно отказался снова принять ихъ въ свое вѣдомство ⁽¹⁾. Съ своей стороны правительство оказало податнымъ церковникамъ ту милость, что послѣ указа 1810 г. (30 апрѣля), запрещавшаго обращать свободныхъ людей въ крѣпостное состояніе, прекратило приписку этихъ церковниковъ къ помѣщикамъ, даже старалось освободить отъ крѣпостнаго состоянія и тѣхъ изъ нихъ, которые попали въ это состояніе по прежнимъ разбоямъ, выдавая въ вознагражденіе владѣльцамъ по одной рекрутской квитанціи за каждую освобожденную семью ⁽²⁾. Въ 1820 г. вышелъ касательно этого предмета общій указъ съ дозволеніемъ получавшимъ такимъ образомъ свободу лицамъ духовнаго происхожденія добровольно избирать себѣ родъ жизни и даже, буде окажутся достойными, снова поступать въ духовное званіе. Послѣ нѣкоторыхъ разъясненій указъ этотъ вошелъ потомъ въ Сводъ законовъ россійской имперіи ⁽³⁾. На самомъ дѣлѣ означенныя лица едвали широчемъ могли воспользоваться дарованнымъ имъ дозволеніемъ поступать въ духовное званіе, потому что духовное вѣдомство имѣло у себя слишкомъ много кандидатовъ на церковныя мѣста и безъ нихъ. Наприм. указомъ 29 ноября 1844 г. было постановлено—не иначе, какъ только съ особаго разрѣшенія св. Синода, допускать производство въ свящ. санъ даже учителей духовно-учебныхъ заведеній, если они прежде вышли въ свѣтское званіе.

Въ 1826 г. въ Сенатѣ возбужденъ былъ вопросъ о приѣмѣ въ духовное званіе людей податныхъ клас-

⁽¹⁾ П. С. З. XXVII, № 20491.

⁽²⁾ Тамже, XXXI, 24207. XXXVII, 28335. XXXVIII, 29322. Справ. XXX, 23027. XXXII, 25441.

⁽³⁾ XXXVII, 28160. 2-е Собр. зак. I, 522. Св. зак. IX, ст. 274.

совѣ и вольноотпущенныхъ дворовыхъ людей и передавъ на рѣшеніе государственнаго совѣта. По справкѣ съ прежними опредѣленіями касательно этого предмета оказалось, что въ 1821 г. по поводу того же вопроса св. Синодомъ было постановлено принимать въ духовное званіе разныхъ лицъ изъ податнаго состоянія только въ крайнемъ случаѣ, гдѣ есть ощутительный недостатокъ въ людяхъ духовнаго происхожденія, а гдѣ такого недостатка нѣтъ, тамъ „допускать сего не слѣдуетъ“. Рѣшивъ вопросъ въ томъ же смыслѣ, совѣтъ почелъ однако нужнымъ представить свое рѣшеніе на утвержденіе Государя, какъ новый законъ имперіи. Это высочайше утвержденное рѣшеніе впоследствии внесено и въ Сводъ законовъ, гдѣ оно формулировано такимъ образомъ: „люди податныхъ состояній, въ томъ числѣ и вольноотпущенные, допускаются въ бѣлое духовенство не иначе, какъ по удостовѣренію епархіальнаго начальства въ недостаткѣ по его вѣдомству лицъ духовнаго званія къ замѣщенію должностей... Проситель сверхъ того долженъ имѣть уваженное увольненіе отъ своего общества. Дѣла сего рода, не разсмотрѣнныя оныхъ казенною палатою или палатою госуд. имущества по принадлежности, восходятъ къ начальнику губерніи на окончательное разрѣшеніе“. Дѣти духовнаго лица изъ податныхъ, если родились до его вступленія въ духовное званіе, должны оставаться въ прежнемъ званіи безъ причисленія къ духовному вѣдомству (1).

Кромѣ того, по случаю разбора духовенства въ 1831 г., для замѣщенія вакантныхъ священно-и-церковно-служительскихъ мѣстъ приняты были въ руководство опредѣленія XVIII в. о томъ, чтобы въ случаѣ недостатка духовныхъ кандидатовъ на мѣста въ

(1) 2 е Собр. зак. I, 139. Сводъ зак. IX, ст. 270 и примѣч. 2 и 3. ст. 273. По указу 1826 г. дѣла этого рода восходили даже до Сената.

подотной епархіи епархіальный архіерей обращался за таковыми въ другія сосѣднія епархіи, гдѣ окажется излишекъ духовенства; эти опредѣленія, имѣнія цѣлю ограничить поступленіе на церковныя мѣста людей, не принадлежавшихъ къ духовному вѣдомству, во время разбора были добавлены еще новымъ условіемъ, чтобы священно-служительскія мѣста замѣщались преимущественно учениками семинарій, кончившими курсъ богословія, согласно имянному указу 1826 г. ⁽¹⁾. На другой же годъ послѣ указа о разборѣ вышло новое опредѣленіе, еще болѣе стѣснившее поступленіе въ духовное званіе для лицъ постороннихъ. Поводомъ къ нему послужило донесеніе въ св. Синодъ преосвященнаго пермскаго о томъ, что въ его епархіи для замѣщенія всѣхъ священно-служительскихъ вакансій однихъ кончившихъ курсъ семинаріи оказалось весьма недостаточно, что по этому случаю онъ относился съ вызовомъ потребныхъ кандидатовъ къ преосвященнымъ сосѣднихъ епархій — казанской, тобольской, вятской, вологодской и оренбургской, но что и тамъ оказался такой же недостатокъ въ ученикахъ. Св. Синодъ указалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ дѣлать вызовы потребныхъ кандидатовъ на церковныя вакансіи изъ внутреннихъ епархій, гдѣ всегда бываетъ излишекъ ихъ, и назначилъ для проѣзда ихъ въ другія епархіи прогонныя деньги, не отчисляясь разстояніемъ; не кончившихъ курсъ дозволилъ опредѣлять на священно-служительскія мѣста только съ особой осмотрительностію, за тѣмъ уже вѣдьячки дозволилъ опредѣлять и изъ податнаго состоянія ⁽²⁾. Такимъ образомъ кандидату изъ податнаго состоянія можно было опредѣлиться на церковное мѣсто только послѣ долгихъ справокъ о томъ, нѣтъ ли на это мѣсто другаго, такъ сказать, законнаго канди-

⁽¹⁾ 2 Собр. зав. VI, 4563. 4599. ук. 1826 г. № 418.

⁽²⁾ Тамже, VII, 5531.

дате изъ духовнаго званія, справки не только по одному епархіальному вѣдомству, но чуть не по всей Россіи, и послѣ окончательнаго уже удостовѣренія епархіальнаго начальства, что на вакантное мѣсто дѣйствительно нѣтъ кандидатовъ изъ духовнаго званія; т. е. почти никогда. Въ Сводѣ законовъ и Уставѣ консисторій эти суровыя условія нѣсколько смягчены; по крайней мѣрѣ соблюденіе ихъ представлено необязательнымъ, а отдано на волю архіереевъ. Въ Уставѣ консисторій читаемъ: „при недостаткѣ кандидатовъ на священно-и-церковно-служительскія мѣста, епархіальное начальство можетъ вызывать достойныхъ изъ другихъ епархій, гдѣ духовенство многочисленнѣе. Въ оныхъ случаяхъ епархіальныя начальства должны оказывать одно другому всякое содѣйствіе, и желающихъ не удерживать у себя безъ дѣйствительной въ нихъ потребности. Епархіальное начальство можетъ принимать въ духовное званіе изъ другихъ состояній, но не иначе, какъ по удостовѣренію, что поведеніе и образованіе желающихъ вступить въ оное соответствуетъ духовному чину“ (1). Если взять въ расчетъ то, что епархіальныя начальства всегда предпочитали кандидатовъ на церковныя мѣста изъ семинаристовъ и что въ этихъ кандидатахъ только въ немногихъ епархіяхъ оказывался недостатокъ, то приведенныя законовенія и въ смягченномъ ихъ видѣ окажутся не болѣе благоприятными для приема въ духовное званіе людей постороннихъ, особенно изъ низшихъ, податныхъ классовъ, гдѣ „если не поведеніе, то образованіе желающихъ вступить“ въ духовное званіе едва ли часто можетъ превышать образованіе даже исключеннаго семинариста.

Относительно перехода въ духовное званіе постороннихъ людей изъ свободныхъ состояній, въ законодательствѣ текущаго столѣтія встрѣчаемъ менѣе стѣснительныхъ опредѣленій. Но, не говоря уже о мало-

(1) Уст. консист. 1841 г. ст. 79. 80.

доступности для нихъ семинарскаго образованія и о множествѣ кандидатовъ духовнаго званія, получившихъ это образованіе, которые стали для нихъ непреодолимой преградой для достиженія церковныхъ должностей, посвященіе на эти должности само по себѣ для нихъ было мало желательно, будучи сопряжено со многими и немалыми лишеніями по причинѣ бѣдности и униженнаго положенія блага духовенства какъ въ государствахъ и обществахъ, такъ даже и среди духовнаго чина вообще. Духовное званіе не только не привлекало къ себѣ постороннихъ людей, но еще въ XVIII в. должно было почти силой удерживать у себя и своихъ природныхъ членовъ, которые такъ и рвались изъ него на сторону, на разные пути болѣе выгодной свѣтской службы. Чѣмъ далѣе, тѣмъ это бѣгство изъ духовнаго званія и притомъ болѣею частію самыхъ эвергичныхъ и талантливыхъ людей становилось опаснѣе. Въ 1804 г. м. Платонъ скорбно писалъ въ одномъ письмѣ: „много паче прежнихъ временъ охотниковъ изъ студентовъ выходитъ отъ насъ. Мірскія скорыя и лучшія выгоды льстятъ ихъ. Пресв. вятскій пишетъ, что у него въ Вяткѣ губернаторомъ тотъ, который съ нимъ въ академіи учился и курсомъ былъ ниже, поповъ сынъ (д. с. сов. Волгарскій). Не лестно ли это для другихъ? Въ деревенскихъ школахъ учителю семинаристу жалованья 200 р. да чинъ офицерскій. Попъ тутъ, гдѣ онъ будетъ, былъ, можетъ быть, въ семинаріи лучше его. Но онъ едвали на пона смотрѣть будетъ... Deus meliora“! Въ другомъ письмѣ онъ жалуется, что студенты вовсе нейдутъ въ сельскіе священники: „не хотятъ быть на пашнѣ или на ругѣ недостаточной, но и въ той да и во всемъ почти завсѣтъ отъ власти по большей части помѣщиковъ, на коихъ непрестанно выходятъ жалобы, а управы сыскать трудно... О семъ-то прежде всего подумать подобно“⁽¹⁾. Въ свѣтской службѣ были „ско-

(1) Письма Платона. По изд. Прав. обозрѣн. 1870 г. стр. 9—80. 81.

рми и лучшія выгоды“, тогда какъ, поступаая на духовную службу, свѣтскій человѣкъ могъ терять и тѣ выгоды, какія уже успѣлъ приобрести въ своемъ прежнемъ состояніи. По законамъ о духовномъ состояніи вступающій въ духовенство слагаетъ всѣ свои чины военные и гражданскіе, такъ что прежняя служба его даже не числится въ формулярѣ, вельдствие чего наприличнѣйшій дворянинъ долженъ потерять въ духовномъ званіи свое дворянство, приобретенное прежней службой, и приравнивается къ простолюдину; въ случаѣ увольненія изъ духовнаго званія онъ остается уже съ правами податнаго состоянія. Дѣти личнаго дворянина или чиновника сохраняютъ свои права во всѣхъ вѣдомствахъ, но если ихъ отецъ поступитъ въ священнослужителя, они теряютъ эти права и въ случаѣ выхода изъ духовнаго вѣдомства въ свѣтское и неприсканія въ теченіи года мѣста въ гражданской службѣ должны уже приписаться въ одно изъ податныхъ состояній, равно какъ и въ томъ случаѣ, если поступать на службу, но выйдутъ изъ нея ранѣе полученія класснаго чина ⁽¹⁾. Мы говоримъ только о тѣхъ невыгодахъ, какія сопряжены для свободнаго человѣка съ поступленіемъ его въ званіе священнослужителя, и не упоминаемъ о тѣхъ еще болѣе важныхъ потеряхъ относительно правъ, какія сопряжены для него съ опредѣленіемъ въ званіе церковнослужителя ⁽¹⁾. Повятно послѣ этого, какъ нужно смотрѣть на известную 269 ст. IX т. Свода законовъ (о состояніяхъ), которая гласитъ, что „въ бѣлое духовенство могутъ поступать лица всѣхъ вообще состояній, кромѣ крѣпостныхъ, пока не будутъ отпущены узаконеннымъ порядкомъ на волю“. О сколько известно, посторонніе люди такъ рѣдко пользовались этимъ закономъ для поступленія въ духовное званіе, что случаи этого рода нельзя причислить даже къ вид-

(1) Св. зак. IX, 275, 276, п. 4. 291, п. 3. т. III, уст. о сл. гражд. ст. 32, 33.

нимъ исключеніямъ изъ общаго порядка; просмотрѣвъ всѣ отчеты синодальныхъ прокуроровъ, какіе доселѣ изданы въ печати, мы находимъ, что число свѣтскихъ лицъ, опредѣлявшихся въ духовное званіе, ни въ одинъ годъ не восходило выше 91 (въ 1844 и 1845 гг.), за многіе годы отчеты заключаютъ въ этой статьѣ пробѣлъ, не извѣстно, что означающій, по всей вѣроятности то, что никто не поступалъ въ составъ духовенства, наконецъ ни въ одномъ отчетѣ не показаны весьма важныя обстоятельства, изъ какихъ состояній были новосвященные духовныя лица, въ какой самъ посвящены и наконецъ въ какой мѣстности.

Во время послѣднихъ реформъ въ духовенствѣ правительство снова провозгласило совершенное уничтоженіе замкнутости блага духовенства, но на этотъ разъ сочло необходимымъ не ограничиваться однимъ повтореніемъ старой статьи Свода законовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ принять дѣйствительныя мѣры къ осуществленію ея на самомъ дѣлѣ; съ этой цѣлю новыми уставами духовно-учебныхъ заведеній прежде всего открытъ для всѣхъ состояній свободный доступъ къ богословскому образованію, потомъ указомъ 22 февраля 1867 г. уничтожена старая система наслѣдственной передачи между духовными лицами ихъ церковныхъ должностей, а указомъ 11 іюля 1869 г. уничтожена наслѣдственная передача отъ отцовъ дѣтямъ самаго духовнаго званія и всѣ дѣти духовенства отчислены съ равными правами въ свѣтское званіе, наконецъ подвергнуты серьезной разработкѣ важныя вопросы объ улучшеніи быта духовенства и возвышеніи его юридическаго и общественнаго положенія. Эти вопросы еще очень далеки отъ болѣе или менѣе удовлетворительнаго рѣшенія, и потому трудно предвидѣть, разсчитается ли духовное сословіе на самомъ дѣлѣ, будетъ ли способно привлекать къ себѣ новыя свѣжія силы изъ другихъ сословія, или же попрежнему будетъ на-

(¹) Тамже, IX, 279, 293 и друг.

полнятся одними дѣтьми духовенства, а уничтоженіе его замкнутости останется только на бумагѣ, какъ 269 статья Свода. Замкнутость его продолжалась такъ долго, что во всякомъ случаѣ едвали скоро можно надѣяться на благоприятные результаты послѣднихъ реформъ. Развиваясь особнякомъ цѣлыя столѣтія, духовенство успѣло за это время отлиться въ цѣльный и законченный кастовый типъ, составить совершенно изолированное общество, особую „породу“, съ которой другія сословія не имѣютъ уже ни родственныхъ, ни общественныхъ связей, къ которой относятся даже враждебно. Обще отчужденіе отъ него успѣло развиться до того, что оно потеряло и довѣріе своихъ пасбыхъ и нравственное вліяніе на нихъ, сохранивъ за собой одно только оффиціальное обрядовое значеніе. Вмѣстѣ съ этимъ для свѣтскаго общества стало чуждымъ едвали не все, относящееся къ церковной жизни, стало чуждымъ самое изученіе религіознаго ученія, какъ дѣло поповское, дѣло касты. А это отсутствіе религіознаго образованія въ обществѣ еще болѣе способствовало замкнутости духовенства, потому что, кромѣ семинаристовъ, дѣйствительно никого нельзя было ставить на должности священнослужителей, вслѣдствіе общаго религіознаго невѣжества между свѣтскими людьми.

Сказаннаго нами достаточно, чтобы видѣть, какой широкій просторъ открытъ былъ для развитія наслѣдственности духовнаго служенія въ теченіи всего прошедшаго и болѣе, чѣмъ половины, текущаго столѣтія. Не возмущаемое ничѣмъ со стороны внѣшнихъ вліяній, свободное отъ безпокойнаго прилива новыхъ силъ, духовенство за все это время неуклонно продолжало развивать потомственный характеръ своего служенія и въ томъ частномъ смыслѣ, о которомъ мы говорили, въ смыслѣ наслѣдія извѣстныхъ церковныхъ мѣстъ.

Мы видѣли, что еще въ XVII в. приходская церковь считалась какимъ-то семейнымъ достояніемъ служившихъ при ней священно-и-церковножителейскихъ родовъ, а то даже и одного рода, члены котораго зави-

мали при ней всѣ церковныя должности, стараясь ни подъ какимъ видомъ не допускать къ нимъ людей постороннихъ, даже духовнаго же званія, но не принадлежащихъ къ ихъ роду. Подобныя отношенія духовенства къ наслѣднымъ церквамъ цѣликомъ перешли и въ XVIII вѣкъ. Въ духовенствѣ до сихъ поръ свѣжи преданія о томъ, какъ въ прежнее, даже весьма еще недавнее время члены духовнаго семейства, служа при своей родной церкви, одинъ за другимъ переходили по равнымъ степенямъ клира, точно древніе князья по своимъ столамъ. По смерти отца, служившаго священникомъ, поступалъ на его мѣсто старшій сынъ, бывшій при отцѣ дьякономъ, а на его мѣсто опредѣлялся во дьяконы слѣдующій братъ, служившій дьячкомъ, дьячковское мѣсто занималъ третій братъ, бывшій прежде пономаремъ; если не доставало на всѣ мѣста братьевъ, вакантное мѣсто замѣщалось сыномъ старшаго брата или только зачислялось за нимъ, если онъ еще не подросъ и т. д. Духовный Регламентъ, замѣтивъ, что попы и дьяконы при церквахъ старались захватить въ свое распоряженіе всѣ церковныя мѣста для того, чтобы наполнять ихъ своей родней, дѣтьми, братьями и племянниками, нашель нужнымъ осудить этотъ порядокъ, потому что онъ облегчалъ священнослужителямъ возможность не радѣть объ исполненіи своихъ обязанностей, покрывать раскольниковъ и т. п. Но всего черезъ годъ послѣ изданія Д. Регламента, по случаю разбора духовенства и приписки лишнихъ въ немъ людей къ подушному окладу, вышелъ именной указъ, въ силу котораго дѣти священнослужителей освобождались отъ оклада именно „для того, чтобы имъ быть при тѣхъ (отцовскихъ) церквахъ во дьякахъ и пономаряхъ, изъ нихъ же учить въ школахъ и производить на убылыя мѣста въ попы и во дьяконы“, и только тамъ, „при которыхъ церквахъ изъ оныхъ достойныхъ не будетъ, производить отъ другихъ церквей“ (1). Такимъ образомъ указъ снова при-

(1) П. С. З. VI, № 3932.

зналъ наследственность церковныхъ должностей въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ Д. Регламентъ ее осуждалъ, т. е. въ предѣлахъ именно мѣстнаго клира. Въ 1734 годахъ производилась перепись священно-и-церковно-служительскихъ дѣтей въ петербургской губерніи для опредѣленія ихъ въ школы; по этому случаю св. Синодъ узналъ, что представленный нами порядокъ семейной преемственности церковныхъ мѣстъ началъ водворяться даже и въ петербургской губерніи, несмотря на то, что здѣсь, казалось, всего менѣе было условій къ его развитію, потому что край былъ новый, церкви только лишь строились, духовенство тоже было новое, наѣзжее изъ другихъ епархій. Дѣлю объясняется тѣмъ, что у духовныхъ лицъ, служившихъ здѣсь съ начала открытія губерніи, подросли свои дѣти, которыми они и старались замѣщать церковныя вакансіи, тщательно устраняя чужеепархіальныхъ искателей этихъ вакансій. Въ устраненіе разныхъ злоупотребленій, бывавшихъ при этомъ, св. Синодъ нашель нужнымъ издать новое правило въ духѣ прежняго распоряженія Д. Регламента: „при многихъ церквахъ попъ не припускаетъ въ церковники чужихъ, но своими сынами или сродниками мѣста того служенія занимаетъ, иногда и вѣщше потребности, не смотря, угодна ли суть (т. е. прихожанамъ) и грамотѣ искусніи. И сіе, кромѣ иныхъ благословныхъ винъ, и для того вѣщше вредно есть, что такъ удобнѣе попу неистовствовать, о служеніи и порядкѣ не радѣть и раскольщиковъ покрывать... Того ради вѣсьма зло сіе пресѣкать епископы должны; и противное творящихъ поповъ жестоко наказывать. Развѣ по приговору прихожанъ и по благословенію имянному епископа можетъ священникъ сына своего, пѣть и читать искуснаго, да токмо одинаго имѣть во дякахъ или пономаряхъ, а прочіихъ, добрѣ изучившихся, отправитъ къ другимъ церквамъ или въ иной честнаго житія промыселъ“. По этому правилу послѣ разбирали родственниковъ священника, которые искали себѣ службы при немъ какъ въ петербургской, такъ и по

другимъ епархіямъ (1). Въ число донесовъ при ставленическомъ производствѣ входилъ между прочимъ докладъ и о томъ, не родня ли ставленикъ кому-нибудь изъ членовъ клира, въ который онъ поступалъ. Но практика жизни часто умѣла обходить приведенное правило, или вовсе его пренебрегая, или пользуясь его уступкой желанію прихожанъ и усмотрѣнію епископа.

Въ приходяхъ, гдѣ разныя должности при церкви занимали члены разныхъ семействъ, принято было держаться другаго порядка въ наследственности мѣстъ, по которому требовалось, чтобы сынъ не превышалъ степению отца, сынъ священника признавался кандидатомъ на священническое мѣсто, а дѣти причетниковъ — на причетническія, хотя бы были достойны и высшей степени (2). Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же клирѣ формировалось нѣчто въ родѣ особыхъ кастъ, изъ которыхъ трудно было выйти талантливымъ людямъ на высшую степень, тѣмъ болѣе, что, при однообразіи и быта и механическаго обрядоваго служенія, талантливому человѣку почти нечѣмъ было и выдвигнуться напередъ, счетъ мѣстами по неволѣ приходилось вести не по заслугамъ и талантамъ, а по роду и племени. Подъ вліяніемъ такихъ условій возвышеніе церковнослужителя и его рода до священнослужительскихъ степеней болшею частію имѣло мѣсто только тогда, когда онъ избирался въ священнослужители къ другой церкви или когда при его родной церкви высшія мѣста дѣлались вакантными безъ наследниковъ, выморочными. Разложеніе этихъ родовыхъ счетовъ началось въ XVIII в., съ появленіемъ архіерейской школы, которая впервые дала возможность личнымъ достоинствамъ человѣка ступить выше рода и уравнивала на своихъ

(1) Истор.-стат. опис. сиб. епархіи. вып. II, стр. 204—205.

(2) См. напр. Воронежск. еп. вѣдом. 1868 г. № 17: Опис. Рожд. церкви.

камьяхъ и дьяческихъ и священническихъ дѣтей. Въ 1721 г. св. Синодъ издалъ любопытный указъ, въ которомъ видны, съ одной стороны, признація стараго порядка: послѣдственности церковнаго служенія по степенямъ клира, а съ другой разлагающее вліяніе на этотъ порядокъ архіерейской школы; указъ предписываетъ „священническихъ и дьяковскихъ дѣтей, которыя въ школахъ наукъ не примуть, въ священники не производить, а ежели дьячковскія и пономарскія дѣти науки примуть, и таковыхъ и въ священники производить, не смотря и на священническихъ дѣтей“⁽¹⁾. Школа однако долго была не въ состояніи поколебать родовыхъ счетовъ, потому что почти до половины XVIII столѣтія большинство духовенства не доходило въ ней далѣе первыхъ двухъ, или трехъ классовъ, гдѣ, за изключеніемъ латинской грамматики, обучалось тому же псалтырничеству, что и дома, а большинство церковниковъ старалось всѣми мѣрами даже вовсе освободить своихъ дѣтей отъ школы; выростивъ сына лѣтъ до 10—12 дома, церковникъ большею частію спѣшилъ поскорѣе опредѣлить его куда-нибудь тоже въ церковники, не давая ему почти никакой возможности подняться выше его низменной доли. Старыя преданія оказывались такъ живучи, что даже въ текущемъ столѣтіи, и даже на нашей еще памяти, когда семинарское образованіе сдѣлалось уже общимъ для всего духовенства, многія дьяческія и пономарскія дѣти все еще считали пречетническую должность какимъ-то природнымъ для себя призваніемъ и сами по доброй волѣ выходили изъ учебныхъ заведеній, не окончивши курса, чтобы, такъ сказать, не терять попустому времени и поскорѣе опредѣлиться во дьячки; бывали примѣры, что они были исключаемы и противъ воли своими отцами въ тѣхъ мудрыхъ видахъ, чтобы сынъ не былъ выше отца...

(1) Собр. постан. по вѣдом. прав. испов. т. 1, стр. 189. № 168.

Впрочемъ о вліяніи школы на наслѣдственность духовнаго служенія рѣчь впереди. Будемъ пока слѣдить за разными проявленіями этой наслѣдственности самой по себѣ еще до усиленія школьнаго образованія въ духовенствѣ, когда она развивалась изолированно, сама изъ себя, безъ особенно сильныхъ помысловъ и возмущеній со стороны вѣдшихъ вліяній.

П. Знаменскій.

(продолженіе будетъ)

СТОЛѢТІЕ

О ДНЯ РОЖДЕНІЯ ГРАФА СПЕРАНСКАГО.

По случаю имѣющаго совершиться, 1 января 1872 года, столѣтія со дня рожденія графа Михаила Михайловича Сперанскаго, Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи вмѣняетъ себѣ въ обязанность почтить, въ этотъ день, память знаменитаго нашего Государственнаго дѣятеля.

Вмѣстѣ съ тѣмъ чины Второго Отдѣленія единодушно пожелали, чтобы починъ въ устройствѣ такого торжества принялъ на себя статсъ-секретарь баронъ Корфъ, по своему служебному и общественному положенію старѣйшій, въ настоящее время, изъ бывшихъ сотрудниковъ покойнаго графа.

Баронъ Корфъ, принявъ съ искреннею благодарностію такой знакъ признанія прежнихъ своихъ сотоварищей, имѣлъ счастье входить о всемъ томъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору; вслѣдствіе чего Его Императорское Величество, 9 ноября сего 1871 года, Высочайше повелѣтъ извоилъ:

1) Совершить заупокойную литургію и панихиду въ Александро-Невской лаврѣ 31 декабря (1871 г.), пригласивъ къ сему богослуженію всѣхъ желающихъ помянуть покойнаго графа Сперанскаго;

2) Открыть нынѣ же повсемѣстную подписку, начавъ ее между чинами Второго Отдѣленія,—съ тѣмъ чтобы изъ процентовъ могущаго образоваться капитала установить, сообразно съ ежегоднымъ ихъ количествомъ, премію или медаль имени графа М. М. Сперанскаго, для выдачи ея за лучшее изъ вышедшихъ, въ извѣстный періодъ времени, юридическихъ сочиненій по отечественному законодательству. Присужденіе такой награды предоставитъ юридическимъ факультетамъ всѣхъ нашихъ университетовъ, поочередно;

3) Типографія Второго Отдѣленія изготовить и издать портретъ графа Сперанскаго, съ обращеніемъ могущихъ поступить отъ продажи сего портрета денегъ также въ составъ упоминаемаго во 2 пунктѣ капитала;

и 4) Вычеканить отъ Правительства, въ память покойнаго графа, особую медаль, рисунокъ которой представить сперва на Высочайшее благоусмотрѣніе.

О чемъ и доводится до всеобщаго свѣдѣнія, съ приглашеніемъ читателей памяти покойнаго графа Михаила Михайловича принять участіе въ учрежденіи преміи его имени, по мѣрѣ средствъ и усмотрѣнію каждого, какими бы то ни было, даже и самыми малыми, приношеніями.

Пожертвованія имѣютъ быть вносимы въ состоящій при Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи Хозяйственный Комитетъ, который, по мѣрѣ взноса денегъ, будетъ отсылать оныя, для храненія, впредь до образованія необходимаго капитала, въ кредитное учрежденіе, и время отъ времени о количествѣ сихъ пожертвованій публиковать въ общее свѣдѣніе. Комитетъ помѣщается въ домѣ Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Литейной части 2-го участка, по Литейному проспекту, № 46; приношенія принимаются, отъ 1-го до 3-хъ часовъ по полудни, во всѣ присутственные дни. Въ приемѣ приношеній будутъ выдаваться особыя квитанціи.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ХРИСТИАНСКАГО ЧТЕНІЯ“

ВЪ 1872 ГОДУ.

«Христіанское Чтеніе» будетъ издаваться въ 1872 году по утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ и въ прежнихъ размѣрахъ. Пятидесятилѣтнее существованіе этого журнала, всегда служившаго лучшимъ выраженіемъ современнаго уровня у насъ духовнаго образованія, достаточно свидѣтельствуетъ о сочувствіи, которыми онъ пользовался и продолжаетъ пользоваться со стороны просвѣщеннѣйшей части нашего общества. Редакція надѣется и въ наступающемъ году оправдать заслуженное ею довѣріе, представивъ на страницахъ своего изданія лучшіе въ настоящее время омыты изслѣдованія по разнымъ отраслямъ богословскихъ наукъ. Распоряжаясь весьма большимъ запасомъ разнаго рода учебно-богословскихъ статей, она имѣетъ, впрочемъ, въ виду дать мѣсто въ журналѣ тѣмъ изъ нихъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ возникающимъ современнымъ вопросамъ и потребностямъ нашего общества. Отвлеченныя ученныя изслѣдованія, при всемъ ихъ научномъ достоинствѣ, не могутъ въ массѣ читателей возбуждать такого интереса, какъ въ слушателяхъ академическихъ аудиторій. Сознавая это, Редакція въ послѣдніе годы съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшила сообщить читателямъ тѣ свѣдѣнія о ходѣ важнѣйшихъ событій въ средѣ православной Церкви на востокѣ, равно какъ и движеніяхъ на западѣ въ пользу православія, которыя сообщались ей извѣстнѣйшими лицами нашего заграничнаго духовенства. Таковъ же взглядъ ея на эту сторону дѣла и впереди. Разнымъ образомъ живое сочувствіе развитію внутренней жизни нашей отечественной церкви и въ частности—потребностямъ епархіальнаго духовенства побудило насъ уже съ прошедшаго года открыть особый отдѣлъ въ журналѣ подъ рубрикою «Современное Обозрѣніе». Въ наступающемъ году мы надѣемся этотъ отдѣлъ по возможности расширить, какъ только позволитъ программа журнала, въ особенности по окончаніи печатанія учебника по каноническому праву покойнаго преосвященнаго Андрея Шагуны, которое уже очень близко, равно какъ и некоторыхъ другихъ обшир-

ныхъ по своему изложенію богословскихъ изслѣдованій. Вообще, не лишая журналъ ученаго характера, мы постараемся придать ему, сколько возможно, еще болѣе разнообразіа, жизни и соотвѣтствія насущнымъ запросамъ круга нашихъ читателей, чѣмъ доселѣ это журналъ въ виду, и пріидетъ къ благодарности всякое заявленіе и содѣйствіе намъ въ этомъ смыслѣ.

Подписная цѣна за годовое издаваніе въ С.-Петербургѣ, безъ доставки на домъ, 6 р., а съ укупоркою, доставкою и пересылкою во всѣ губерніи 7 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра; затѣмъ существовавшая доселѣ привилегія въ пользу коммиссіонеровъ съ 1872 г. прекращается.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЮТСЯ:

1) «Христіанское Чтеніе» за 1822, 1823, 1824, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1844, 1845, 1846 и 1847 годы. Цѣна за экземпляръ каждаго изъ этихъ годовъ, вмѣсто прежней (5 р. безъ пересылки, съ пересылкою 6 р.), назначается 3 р. безъ пересылки и 4 р. съ пересылкою. Выписывающіе журналъ за всѣ нечисленные годы (всего за 14 годовъ) одновременно пользуются уступкою 50%, т. е. платятъ по 1 р. 50 к. за годовой экземпляръ (12 книгъ), безъ пересылки, ая которую нужно прилагать на 5 фунт. для каждаго годового экземпляра.

2) «Христіанское Чтеніе» за 1848, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854, 1855, 1856, 1857, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868 и 1870 годы. Цѣна за экземпляръ каждаго года 6 р. безъ пересылки и 7 р. съ пересылкою.

3) *Бесѣды иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, въ рускомъ переводѣ, напечатанныя въ «Христіанскомъ Чтеніи» за разные годы, можно получать и отдѣльными книгами по слѣдующимъ цѣнамъ.*

Бесѣды на поалмы, два тома. Цѣна 3 р., съ пересылкою 3 р. 25 к.

Бесѣды къ антиохійскому народу, Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 25 к.

Бесѣды на разные мѣста Св. Писанія, три тома. Цѣна за всѣ 4 р. 50 к., съ пересылкою 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.

Всходы и слова на разные случаи, два тома. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Всходы на Евангеліе отъ Іоанна, два тома. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Всходы на первое посланіе св. апостола Павла къ Коринѳянамъ, два тома. Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкою 2 руб.

4) *Письма св. Іоанна Златоуста къ разнымъ лицамъ*. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

5) *Церковная исторія Евсеіа Памфила*. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 25 к.

6) *Письма преп. Осодора Студита*, два тома. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р. Отдѣльно—I-й томъ 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.; II-й томъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.

8) *Древія Формы Символа Вѣры православной Церкви, какіе были назывались Апостольскіе Символы*, соч. профессора М. В. Чельцова. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 коп.

9) *Св. подвизники восточной церкви*, соч. преев. Филарета, арх. черниговскаго. Цѣна съ пересылкою 1 р. 50 к.

10) *Систематическій указатель къ «Христіанскому Чтенію» за 1821—1870 годы*. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.

Редація проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ адресовать свои требованія прямо и исключительно—къ редакцію *Христіанскаго Чтенія*, при *С.-Петербургской Духовной Академіи*, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда, города или почтовой конторы, — въ которую съѣдуеть доставлять журналъ, — заимя имени, отчества и фамиліи подписчика.

Редакторъ Христіанскаго Чтенія,

Профессоръ Н. Чельцовъ.

5.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

ВЪ 1872 ГОДУ.

Въ виду знаменательныхъ событій, петравшихъ основы религіозной жизни на западѣ, православному обществу и его

литературнымъ органамъ предлежитъ великое и неотложное дѣло, которое — казалось бы — самыхъ ревнующихъ должно вызвать изъ обычнаго спокойствія и равнодушія къ исповѣдуемой вѣрѣ. Люди запада, запутавшись во лжи и противорѣчій римско-католичества и протестантства, ищутъ выхода къ свѣту, жаждутъ истины. *Православіе есть истина*. Но чтобы эта истина сіала помыслъ свѣтомъ для всего міра, привлекла къ себѣ умы и сердца, для сего потребно не только теоретическое разъясненіе истины православія, въ отношеніи къ которому еще существуетъ не мало предубѣждений и недоразумѣній, но и послѣдовательное осуществленіе ея къ жизни. Нужно, чтобы само православіе стало *истинною ея явленіемъ, ослѣдствіемъ для ищущихъ ее*: нужно, чтобы религіозный бытъ и церковный строй въ православномъ обществѣ были свѣтлымъ выраженіемъ истинныхъ началъ православія, — чтобы до высоты и чистоты этихъ началъ поднималась и развивалась въ немъ самая дѣятельность — повсюду, начиная отъ приходской общины до высшихъ сферъ церковной жизни. Къ раскрытію и удовлетворенію такой потребности, сознаваемой болѣе или менѣе всѣми, должны быть направлены всѣ нравственныя силы православнаго общества, — духовныхъ и мірянъ. Рѣшенію этой задачи, по мнѣнью возможности, будетъ неуклонно служить литературнымъ словомъ *Православное Обзоріе*, обсуждая современные богословскія вопросы у насъ и за границею, и обобравъ переустройство нашего духовнаго быта, начатое предпринятыми реформами въ приходскомъ духовенствѣ, духовно-учебныхъ заведеніяхъ, церковно-судебной области и др.

Въ 1872 году *Православное Обзоріе* будетъ издаваться по прежней программѣ, ежемѣсячно, книжками отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ, подъ редакцію св. Г. П. Смирнова-Платонова, при постоянномъ участіи въ трудахъ редакціи священниковъ А. М. Иванцова-Платонова и П. А. Преображенскаго.

Въ составъ журнала будутъ входить: 1) статьи *научно-богословскаго, нравственно-назидательнаго и церковно-историческаго* содержания; 2) *обзорія замѣчательныхъ событій* въ Церкви православной и западныхъ христіанскихъ обществахъ; 3) очерки и изслѣдованія *по практическимъ вопросамъ церковной жизни*; 4) *критика и бібліографія*; 5) *извѣстія и замѣтки* — о распоряженіяхъ по духовному вѣдомству, о новыхъ постановленіяхъ и учрежденіяхъ, о миссіяхъ, о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, объ устройствѣ приходствъ, о бытѣ духовенства, о новостяхъ епархіальной жизни, о народномъ образованіи, о новыхъ книгахъ и т.

п.; 6) въ приложеніи, посвященномъ наданію *памятниковъ христіанской письменности* въ русскомъ переводѣ, будетъ печататься переводъ творенія св. *Ипполита: «О философскихъ умозрѣніяхъ»*, или «Обличеніе всѣхъ ересей».

Новые подписчики получаютъ начало перевода творенія св. *Ипполита*, напечатаннаго въ 1871 году, — при непремѣнномъ заявленіи въ своихъ требованіяхъ, что они не подписывались на *Православное Обозрѣніе* въ 1871 году.

Условія подписки:

Цѣна годоватаго изданія *Православнаго Обозрѣнія* на 1872 годъ остается прежняя—6 руб. 50 коп., а съ доставкою на домъ и пересылкою въ другіе города 7 руб. сер.

Подписка принимается: въ *Москвѣ*, въ редакціи *Православнаго Обозрѣнія*, *Остоженка*, приходъ *Новаго Воскресенія*, домъ *свящ. Смирнова-Платонова*,—и у всѣхъ незнакомыхъ книгопродавцевъ въ *Москвѣ* и *Петербургѣ*.

Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями прямо и исключительно: въ редакцію *Православнаго Обозрѣнія*, въ *Москву*.

Съ подпиской на 1872 годъ можно выписывать «*Указатель къ Православному Обозрѣнію 1860.—1870 и.п.*», составленный извѣстнымъ библіографомъ *П. А. Ефремовымъ*: для подписчиковъ *Православнаго Обозрѣнія* цѣна «*Указателя*» 75 коп. за экземпляръ, съ пересылкою 1 р. с.

Редакторъ *Православнаго Обозрѣнія* съ 1869 года священникъ *Григорій Смирнов-Платоновъ*.

6.

О продолженіи изданія журнала

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1872 году.

Журналъ „*Руководство для сельскихъ пастырей*“, издаваемый, по благословенію Святѣйшаго Синода, при *Біевской духовной семинаріи*, продолжится и въ слѣдующемъ 1872 году, и начнетъ съ 1-го января свой тринадцатый годъ.

Этотъ журналъ, избравъ однажды особенную цѣль—способствовать приходскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ служе-

ни строителей тавнъ Божиихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, будетъ имѣть въ виду эту цѣль неизмѣнно; поэтому д. въ слѣдующемъ году онъ будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же направленіи, какихъ держался до сихъ поръ.

Въ составъ „Руководства для сельскихъ пастырей“, по программѣ утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, будутъ входить:

I. Поученія къ простому народу различнаго содержания: догматическаго, нравственнаго, церковно-обрядоваго и проч., а также извлечения и выписки изъ твореній св. отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части церковныхъ библиотекъ.¹

II. Исслѣдованія о разныхъ церковныхъ и духовно-нравственныхъ предметахъ, пригодныя для приходскаго пастыря какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ съ прихожанами.

III. Произведенія проповѣднической литературы прежняго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностію, простотою и общепонятностію.

IV. Оригинальныя статьи по части церковной, преимущественно отечественной исторіи, а также матеріалы, относящіяся къ ней, съ надлежащею ихъ обработкою. Изъ матеріала избираются исключительно тѣ, которые по содержанию своему могутъ имѣть какое либо отношеніе къ потребностямъ священника или его паствы.

V. Замѣчанія, совѣты и наставленія, пригодныя священнику въ разныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности. И въ 1-хъ, замѣчанія касательно отправления богослуженія, церковнаго благочинія, совершенія таинствъ, обращенія съ прихожанами, отношенія къ иновѣрцамъ и въ особенности къ раскольникамъ и т. п. Во 2-хъ, замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ, какъ пользоваться имъ для успѣшнаго дѣйствования на нравственность прихожанъ. Въ 3-хъ, свѣдѣнія о благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, а также о предрассудкахъ, суевѣдіяхъ, противныхъ духу православія вѣры и Церкви, съ указаніемъ, когда нужно, историческаго происхожденія тѣхъ или другихъ. Въ 4-хъ, педагогическія замѣтки касательно обученія въ сельскихъ школахъ дѣтей прихожанъ и матеріалы

для уроковъ въ этихъ школахъ. Въ 5-мъ, библиографическія статьи о вновь выходящихъ книгахъ, особенно пригодныхъ свѣдѣнію, и замѣтки по поводу журнальныхъ статей, касающихся духовенства въ какомъ бы то ни было отноше- нии.

Сверхъ того, иногда сообщаются 1) общія замѣчатель- ные извѣстія касающіяся русской Церкви и въ частности свѣдѣнія о достойныхъ вниманія распоряженіяхъ, учрежде- ніяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ; 2) свѣдѣнія о положеніи единовѣрцевъ нашихъ въ Австріи и Турціи, и наконецъ 3) извѣстія и сужденія о замѣчатель- ныхъ религиозныхъ явленіяхъ и перемѣнахъ въ католиче- скомъ и протестантскомъ обществахъ.

Само собою разумѣется, что невозможно дать въ одинъ годъ полный объемъ всѣмъ указаннымъ отдѣламъ въ журна- лѣ, выходящемъ еженедѣльно, безъ опредѣленныхъ рубрикъ. Развитие того или другаго отдѣла указывается современными потребностями пастырей и пасомыхъ; поэтому главное вни- маніе будетъ обращено на рѣшеніе такихъ вопросовъ, кото- рые вызываются текущими обстоятельствами; впрочемъ, для того, чтобы журналъ нашъ могъ доставить приходскимъ пастырямъ руководительное и образовательное чтеніе не для одного только года, но и на будущее время, въ немъ не бу- дутъ оставлены безъ вниманія и другія задачи его, обозна- ченныя въ программѣ.

Статьи постороннихъ сотрудниковъ, соответствующія цѣ- ли и характеру изданія, будутъ помѣщены съ благодарно- стію и приличнымъ вознагражденіемъ.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ выходитъ ежене- дѣльно отдѣльными нумерами въ 8-ю долю листа, въ объемѣ отъ полутора до 2-хъ съ половиною печатныхъ листовъ. Го- довое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 30-ти до 35 печатныхъ листовъ съ особеннымъ огла- вленіемъ и особенною нумераціею страницъ.

Подписная цѣна на мѣсть 4 руб., а съ пересылкою во все мѣста Россійской имперіи 5 руб. серебромъ. Пла- та за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ консисторій, духовныхъ правленій и благотворительныхъ обществъ можетъ быть по примѣру прежнихъ годовъ разсрочена до сентября 1872 года.

Въ редакціи продаются 1) экземпляры „Руководства для сельскихъ пастырей“ за 1861, 1864, 1865, 1870 и 1871 годы.

Цѣна экземпляру пять рублей съ пересылкою.

2) Практическіе совѣты священникамъ при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно-и церковно-служителей. Цѣна 25 коп. съ пересылкою.

3) Законныя требованія новыхъ судебныхъ установленій въ отношеніи къ лицамъ духовнаго званія. Цѣна 60 коп. съ пересылкою.

4) Указатель статей, помѣщенныхъ въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1860 г. по 1869 годъ включительно. Цѣна 35 коп. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ на журналъ, такъ и на помѣнанныя книги нужно адресоваться такъ: *Въ Редакцію „Руководства для сельскихъ пастырей“ въ Кіевъ.*

Редакторъ, ректоръ кievской семинаріи,
архимандритъ *Верапонизъ,*

7.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

ВЪ 1872 ГОДУ.

Изданіе журнала *Душеполезное Чтеніе*, при помощи Божіей, будетъ продолжаемо въ 1872 году на прежнихъ основаніяхъ. Редакція постарается остаться вѣрною своею первоначальною задачею—служить духовному нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности общезамыслительнаго и общепонятнаго духовнаго чтенія.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА БУДУТЪ ВХОДИТЬ ПОПРЕЖНЕМУ:

1) Труды, относящіяся къ изученію Св. Писанія. По этой части Редакція будетъ продолжать трудъ истолкованія церковныхъ чтеній изъ Св. Писанія, извѣстныхъ подъ именемъ *нареміи*. 2) Статьи догматическаго и правоучительнаго содержанія. Въ нихъ не будутъ опускаемы изъ виду современныя явленія въ общественной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ

и установленными православной Церкви. Иногда обсужденію этихъ статей будутъ посвящаемы особыя статьи. 3) Разсказы изъ общей церковной исторіи, и изъ исторіи русской Церкви. 4) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи относящіяся къ православному Богослуженію. 6) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 7) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ. 8) Миссіонерскія свѣдѣнія. 9) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ. 10) Разныя извѣстія и замѣтки.

Сверхъ того будетъ продолжаемо изданіе древняго патерика, въ переводѣ съ греческаго.

Душеполезное Чтеніе, по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

Цѣна годовому изданію безъ доставки и пересылки: 3 р. 50 к.; съ пересылкою иногороднымъ и съ доставкою московскимъ подписчикамъ: 4 р.

Оставшіеся неразобранными полныя экземпляры *Душеполезнаго Чтенія* за 1862, 1864, 1865 и 1866 годы отпускаются по два рубля съ пересылкою; за 1867, 1868, 1869, 1870 и 1871 годы по три р. съ пересылкою.

Подписка на *Душеполезное Чтеніе* принимается: Въ *Москву* въ домъ редактора, священника Николаевской, въ Толмачахъ, церкви Василія Нечаева; въ Университетской типографіи; у книгопродавцевъ: Соловьева, Глазунова, Ферапонтова и Салаева. Въ *С.-Петербургу*: въ книжныхъ магазинахъ Кораблева, Базунова и Глазунова.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки исключительно къ редакцію *Душеполезнаго Чтенія* въ *Москвѣ*,

Издатель и редакторъ Священникъ *Василій Нечаевъ*.

8.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ГАЗЕТУ
„ДЪЯТЕЛЬНОСТЬ“

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

СЪ 1 ЯНВАРЯ 1872 ПО 1 ЯНВАРЯ 1873 ГОДА.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО, НА ЛИСТЪ БОЛЬШАГО ФОРМАТА,
БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Подписная цена: безъ доставки: на годъ 7 р., на полгода 3 р. 50 к., на мѣсяць 60 к. Съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ: на годъ 9 р., на полгода 4 р. 50 к., на мѣсяць 75 коп. сер.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи на углу Невскаго и Малой Конюшенной ул., въ домѣ Гансина; а также во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ открыта подписка на періодическія изданія.

Желающимъ дѣлается разсрочка въ платежѣ, но только при выискѣ изъ самой Редакціи.

Новые подписчики, желающіе начать полученіе *Дѣятельности* въ истекающемъ году, приплачиваютъ за каждый мѣсяць текущаго года по 50 к. съ пересылкою.

9.

ПРИНИМАЕТСЯ, НА 1872 ГОДЪ, ПОДПИСКА

ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ МІРЪ“

Всѣхъ номеровъ въ теченіе года выйдетъ 350.

«Русскій Міръ» выходитъ подъ редакціею В. В. Комарова, ежедневно, въ форматѣ большаго газетнаго листа (одинаковой вс-

личныя съ «Московскими Ведомостями», «Голосомъ» и «Биржевыми Ведомостями»), въ напечатаніи дѣлается съ прѣдвѣдоміями, и статскими торжественными дѣлами. Газета, отличающаяся по достоинству содержанія и разнообразію программы, выходитъ безъ предварительной цензуры и посвящаетъ свою дѣятельность, главнымъ образомъ, нашимъ внутреннимъ дѣламъ.

Цѣна газетъ „Русскій Міръ“:

На годъ съ пересылкою и доставкою 12 руб., безъ пересылки и доставки 10 рублей.

	Съ пересылкою и доставкою.	Безъ пересылки и доставки.
На 11 мѣсяцевъ	11 р. 50 к.	9 р. 50 к.
» 9 »	10 » — »	8 » 50 »
» 8 »	9 » — »	8 » — »
» 7 »	8 » — »	7 » — »
» 6 »	7 » — »	6 » — »
» 5 »	6 » — »	5 » — »
» 4 »	5 » — »	4 » — »
» 3 »	4 » — »	3 » — »
» 2 »	3 » — »	2 » — »
» 1 »	1 » 50 »	1 » 25 »

Подписки на „Русскій Міръ“ принимаются:

Въ Петербургѣ: 1) въ редакціи газетъ, въ Басковомъ переулкѣ, домъ № 3 (на углу Басковой улицы); 2) въ главной конторѣ газетъ, при книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольшана, и въ книжныхъ магазинахъ.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца съ доставкою по городской почтѣ въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи, и безъ доставки, съ подученіемъ №№ въ конторѣ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ — по третямъ, черезъ нихъ назначается; для неслужащихъ — по соглашенію съ редакціей, для чего необходимо обра-

платить въ редакцію контору редакціи (Басковъ переулокъ, д. № 3).
Надписчикамъ, которымъ доставляется расписка въ платеніи за го-
довой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги въ слѣду-
ющіе сроки: при самой подпискѣ 4 руб., въ концѣ марта 4 руб.
и въ концѣ іюня 4 руб.

10.

Съ Января 1872 года начнется изданіе,
БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,
ПОЛИТИЧЕСКАГО И ЛИТЕРАТУРНАГО
ЖУРНАЛА
„ГРАЖДАНИНЪ“.

Объявляя объ изданіи журнала «Гражданинъ», мы счита-
емъ себя обязанными сказать только то, что должно установитъ
прямые наши отношенія къ читающему обществу.

Мы слѣдуемъ все возможное для того, чтобы изданіе наше
обставлено было даровитыми и надежными силами, во всѣхъ
входящихъ въ составъ его отдѣлахъ.

Предпринимая его, мы не приписываемъ ни къ какому це-
ху. Мы становимся прямо и твердо среди жизни русскаго госу-
дарства и изъ нея черпаемъ тѣ начала, которыя должны лечь
въ основу нашего журнала.

Засимъ, вотъ программа нашего изданія, по отдѣламъ:

1) Важнѣйшіе законы и правительственныя распоряженія;
періодическіе обзоры законодательной и правительственной дѣ-
тельности.

2) Внутреннее обозрѣніе. Руководяція статьи по всѣмъ
важнѣйшимъ вопросамъ государственной, общественной и эконо-
мической жизни. Хроника текущихъ событій внутренней
жизни.

3) Иностранное обозрѣніе. Руководящія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ международной жизни. Хроника текущихъ событій иностранной жизни.

4) Корреспонденція, внутренняя и иностранная.

5) Хроника: *наука* (факты и открытія по всѣмъ отраслямъ знаній), юридическая, биржевая, торговая, промышленная, театральная, художественная и музыкальная.

6) *Литература*. Беллетристика, т. е. романы, повѣсти, рассказы, записки, воспоминанія, стихотворенія, очерки и картины жизни въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, статьи историческія, политическія и экономическія, и къ каждому номеру — фельетонъ. Засимъ, особенно видное мѣсто будетъ отведено *критикѣ*, какъ литературной, такъ и театральной.

7) *Справочный листокъ*. Здѣсь будутъ помещаемы перечни всѣхъ новыхъ важнѣйшихъ сочиненій, выходящихъ въ свѣтъ на четырехъ языкахъ, — русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, а также особый библиографическій листокъ русскихъ книгъ. Здѣсь же будутъ находиться, для руководства прѣезжающихъ въ Петербургъ изъ провинціи, нѣкоторыя свѣдѣнія и объявленія.

Въ предстоящемъ 1872 году, Редакція, получивъ разрѣшеніе автора, имѣетъ въ виду издать *полное собраніе повѣстическихъ произведеній А. Н. Майкова*, въ четырехъ книжкахъ. Цѣна изданію будетъ объявлена позже; но, во всякомъ случаѣ, Редакція обязуется выслать, въ теченіе года, каждому годовому подписчику, объявившему на то, при подпискѣ до 1-го марта 1872 года, свое желаніе, экземпляръ полного собранія сочиненій А. Н. Майкова — *за два рубля*

Для лицъ, желающихъ участвовать въ нашихъ изданіяхъ. Редакція платитъ 7 коп. за печатную строку и 100 р. за печатный листъ. Всѣ расчеты будутъ производимы немедленно по напечатаніи статьи.

Редакція будетъ сохранять ненапечатанныя рукописи въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ.

Редакція проситъ лицъ, желающихъ сообщать свѣдѣнія изъ разныхъ мѣстъ Россіи, имѣть въ виду, что она всего болѣе нуждается въ собраніи по каждому вопросу *фактовъ* и *историко-статистическихъ данныхъ*, для сравненія прежняго времени съ нынѣшнимъ.

Журналъ «Гражданинъ» будетъ выходить въ теченіе 8 мѣсяцевъ, съ 1-ю кварта по 1-е мая и съ 1-ю октябля по 1-е января, — *ежедневно*, въ размѣрѣ отъ полутора до двухъ больша-

го формата листовъ (и болѣе, если матеріалы того потребуютъ).
Въ лѣтніе-же мѣсяцы: май, іюнь, іюль и августъ, еженедѣльно-изданіе прекращается и замѣняется выпускомъ большой книги отъ 30 до 32 печатныхъ листовъ, въ коей будутъ помѣщены: 1) оригинальный романъ, лучший изъ иностранныхъ романовъ въ переводѣ и другія беллетристическія произведенія; 2) критическія статьи по литературѣ отечественной и иностранной, 3) колкое замское обозрѣніе и 4) обзоры по разнымъ важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни.

Въ случаѣ какихъ-либо чрезвычайныхъ событій въ политическомъ мірѣ, кромѣ означенной книги, будетъ выходить въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ и еженедѣльное изданіе, но въ меньшемъ объемѣ.

Подписная цѣна за годъ: безъ доставки—7 р., съ доставкою и пересылкою—8 р.; вмѣстѣ съ сочиненіями *А. Н. Майкова*—9 р., съ доставкою и пересылкою—10 р.

Подписка принимается и по третью года, по 3 р. за треть года; съ доставкою и пересылкою—4 р.

Всѣмъ служащимъ, при подпискѣ на годъ, дѣлается разсрочка платежа по-мѣсячно; чрезъ *казначеевъ* мѣстъ служенія.

Подписка принимается: въ *С.-Петербургѣ*—въ главной конторѣ журнала «Гражданинъ», при книжномъ магазинѣ *Базунова*; въ *Москвѣ*—въ книжномъ магазинѣ *Соловьева*; въ *Кіевѣ*—въ книжномъ магазинѣ *Гинтера* и *Малецкаю* (на *Крещатики*, д. *Завадскаго*).

Иногородные могутъ адресоваться: въ редакцію журнала «Гражданинъ» *Николаевск. ул., д. № 9, кв. № 1*, или въ книжный магазинъ *Базунова, въ С.-Петербурѣ*.

Редакторъ *Г. К. Градовскій*.

СЛОВО,

СКАЗАННОЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ АНТОНІЕМЪ, АРХІЕПІ-
СКОПОМЪ КАЗАНСКИМЪ, ПО ОСВЯЩЕНІИ ДОМОВОЙ ЦЕРКВИ ВЪ
КАЗАНСКОЙ КРЕЩЕНО-ТАТАРСКОЙ ШКОЛѢ 12 ДЕКАБРЯ 1871
ГОДА.

*Утвержденіе на Тя надълющися,
утверди, Господи, Церковь, юже стя-
жалъ еси честною твоею кровію.*

Эта церковная пѣснь поется, между прочимъ, при освященіи храмовъ. Пѣта она была и нынѣ, какъ слышали вы, при освященіи сего храма, устроеннаго во славу Вожію и посвященнаго имени святителя Христова Гурія, въ этомъ домѣ, предназначенномъ для жительства и ученья дѣтей.

Какой смыслъ сей священной пѣсни и почему она поется при освященіи храмовъ?

Она, какъ видите, есть молитвенный вопль вѣрующихъ ко Христу Господу о томъ, дабы Онъ утвердилъ, т. е. содѣлалъ непоколебимою, неодолимою ничѣмъ, недвижимою на своемъ основаніи св. Церковь, созданную Имъ на землѣ и занечатлѣнную Его божественною кровію.

Церковь, какъ, думаю, извѣстно вамъ, братіе и чада, есть совокупность всѣхъ людей, кои истинно вѣруютъ въ Господа Іисуса Христа и право исповѣ-

дуютъ свою вѣру, послушно слѣдуютъ и повинуются заповѣдямъ и уставамъ, отъ Него преданнымъ, освящены и постоянно освящаются таинствами и священнодѣйствіями, Имъ установленными, и—подъ руководствомъ учрежденной Имъ іерархіи—пастырей и учителей, законно поставленныхъ — подвизаются здѣсь на землѣ для достиженія спасенія душъ своихъ и жизни вѣчной тамъ—на небесахъ.

Эта Церковь есть соборная, вселенская, повсюду на землѣ, у разныхъ племенъ и народовъ существующая. Создавъ ее чрезъ апостоловъ своихъ на каменіи св. вѣры, освятивъ всечествою своею кровію и снабдивъ всѣмъ потребнымъ къ ея благосостоянію, Господь Иисусъ Христосъ далъ ей обѣтованіе, что и *врата адава не одолѣютъ ей* (Матѣ. 16, 18), что Онъ самъ пребудетъ съ нею *во вся дни до скончанія вѣка* (Матѣ. 28, 20), какъ единая вѣчная Глава ея, что дастъ ей и Духа Святаго, который *будетъ съ нею во вѣкъ, наставляя ее на всякую истину* (Іоан. 14, 16. 16, 13).

Обѣтованія сіи и оправданы уже разнѣтельными и очевидными оцѣтами въ теченіи болѣе чѣмъ осьмнадцати вѣковъ отъ начала Церкви доселѣ. Врата адавы—царство сатаны во все это время, дѣйствительно, вели непрерывную брань съ Церковію Христовою и поднимали противъ нея всевозможныя козни и наслія, но не одолѣли ее. Церковь Христова пребыла твердою и непоколебимою въ кровавый, почти четырехвѣковый періодъ гоненій на нее, когда цѣлыя сонмы св. мучениковъ полагали за нее въ тяжкихъ мукахъ животъ свой, и—вышла изъ этого огненнаго искушенія своего цѣлою, побѣдоносною и господствующею въ мірѣ. Церковь Христова пребыла твердою и непоколебимою и въ періодъ ересей и расколовъ, тоже около четырехъ вѣковъ обуревавшихъ ее, и тоже вышла изъ борьбы съ ними еще болѣе окрѣпшею и пришедшею въ силу. Церковь Христова пребыла твердою и неодолимою и при всѣхъ дальнѣйшихъ разнообраз-

ныхъ переворотахъ въ мірѣ, хотя среди этихъ переворотовъ падали и разрушались цѣлыя царства и ей самой приходилось испытывать тяжкія искушенія и скорби, какъ напр. съ появленіемъ на востокъ онаго звѣря изъ бездны—одного изъ предтечей антихриста, злочестиваго Магомета и его лживаго ученія, распространяемаго огнемъ и мечемъ. Церковь Христова пребываетъ твердою и неодолимою и теперь, хотя, какъ и всегда, тоже находится подъ крестомъ различныхъ напастей и искушеній и въ непрерывной борьбѣ со вратами ада, востающаго на нее нынѣ особенно духомъ невѣрія и отрицанія, сомнѣнія и отступничества, холодности и безразличія ко всякой вѣрѣ и распространеніемъ лъстивыхъ ученій, выдаваемыхъ за послѣдніе выводы науки и ума, достигшихъ будтобы крайней степени своего развитія и совершенства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и духомъ крайняго растлѣнія нравственнаго и необузданнаго своеволія и своемыслія. Церковь Христова, наконецъ, пребудетъ и впредь до скончанія вѣка, по откровенію св. Іоанна богослова, твердою и неодолимою, несмотря на то, что въ послѣдніе дни возстанетъ на нее съ самою ужасною яростію сатана, *вѣдый, яко мало время имать* (Апок. 12; 12). Будетъ тогда *скорбь велия* для Церкви, *яковаже не бысть отъ начала міра*, какъ сказалъ Господь (Матѣ. 24, 21), и число истинныхъ чадъ Церкви крайне сократится, и она заключится въ предѣлахъ лишь меньшаго числа избранныхъ, но и тогда она не рухнетъ, а съ знаменіемъ креста Христова и подъ водительствомъ Его самого, побѣдоносно пробьется, такъ сказать, сквозь всѣ несмѣтныя полчища враговъ своихъ и преидетъ за предѣлы времени въ вѣчность съ торжествомъ и славою.

Что же?—скажетъ кто-либо; если Церковь Христова столь несомнѣнно обезпечена въ своей всегдашней непоколебимости, то не превыше ли она того, чтобы требовались чьи-либо молитвенные вопли о ея утвержденіи? Такъ, братіе! Но вотъ чтѣ надобно знать.

Полнота единой, цѣлой вселенской Церкви Христовой
 длагается изъ множества частныхъ, большихъ или
 меньшихъ по своему объему и содержанію, церквей.
 Есть церкви, заключающіяся въ предѣлахъ той или
 другой страны, того или другаго царства и народа.
 Есть церкви въ той или другой области одного и то-
 гоже царства и народа. Есть церкви въ предѣлахъ
 того или другаго города, той или другой вѣси, даже
 той или другой части города. Есть церкви и въ пре-
 дѣлахъ одного дома или семейства. Такъ создана бы-
 ла Церковь Христова на землѣ, среди всѣхъ племенъ
 и народовъ изначала премудрыми архитекторами ея—
 св. апостолами, по повелѣнію самого Господа. Посе-
 му-то въ посланіяхъ апостольскихъ говорится напр.
 о церквахъ асійскихъ, церквахъ галатійскихъ, а въ
 Апокалипсисѣ—о церкви ефесской, смирнской, лаоди-
 кійской и проч. Въ посланіяхъ же апостола Павла
 упоминается и о домашнихъ церквахъ: *цѣлуйте вы о
 Господѣ Акила и Прискилла съ домашнею ихъ цер-
 ковою* (1 Кор. 16, 19); *цѣлуйте Нимфана и домаш-
 ную его церковь* (Кол. 4, 15); *Павелъ юзникъ Иисусъ
 Христовъ Филимону возлюбленному и домашней тво-
 ей церкви* (Фил. 1, 2). Таковую-то малую, домашнюю
 церковь Христову составляете и вы, братіе и чада
 возлюбленные, собранные въ сей домъ для житель-
 ства и ученья. Здѣсь, подъ сѣнію этого храма, нынѣ
 освященнаго силою вселившейся въ него благодати
 Бога Отца, святыни Духа и кропленія крови Иисусъ
 Христовы, и сами вы—всѣ совокупно и каждый осо-
 бо—будете *созидаться яко каменіе живо*, по слову
 апостола (1 Пет. 2, 5), *въ храмъ духовенъ, въ цер-
 ковь святую о Господѣ, назданн на основаніи апо-
 столъ и пророкъ, сущу краеугольну самому Иисусу
 Христу* (Еф. 2, 20—22). Ибо—наконецъ—и каждый
 христіанинъ для того именно омывается отъ грѣха въ
 купели крещенія, знаменуется печатію мвропомазанія,
 освящается приобщеніемъ тѣла и крови Христовой,
 содѣлывается причастникомъ и всѣхъ прочихъ благо-

датныхъ даровъ Божіихъ, чтобы быть освященною церковію Христовою, по реченному въ словѣ Божіемъ: *вы есте церкви Боги живи; или не вѣсте, яко храмъ Божій есте* (2 Кор. 6, 16. 1 Кор. 3, 16).

Эти-то церкви, большія и меньшія и самыя малыя части единой цѣлой вселенской Церкви Христовой, подлинно, требуютъ, каждая за себя, крѣпкихъ молитвенныхъ воплей къ Тому, кто есть утверженіе на Него надѣющихся: *утверди, Господи. Церковь. юже стяжалъ еси честною твоею кровію*. Ибо каждая изъ сихъ церквей небезопасна и необеспечена совершенно отъ колебанія и паденія; каждая изъ нихъ почтолику твердо и неодолимо стоитъ, поколику держится крѣпко на недвижимой основѣ, краеугольномъ камени Церкви, иже есть Христосъ Господь, поколику стоитъ въ живой и неразрывной связи и единеніи съ всею полнотою вселенской Церкви, и въ союзѣ мира, любви и взаимнаго общенія съ другими подобными себѣ частными церквями. Но эта живая связь у той или другой частной церкви можетъ быть чѣмъ-либо ослаблена или совсѣмъ порвана, и какъ скоро сіе послѣдуетъ, какъ скоро какая-либо частная церковь или, напр., уклонится отъ единства св. вѣры и погрѣшитъ въ какомъ-либо догматѣ церковномъ, т. е. упадетъ въ ересь, или порветъ у себя нить апостольскаго священноначалія и отречется отъ духовнаго подчиненія законнымъ пастырямъ своимъ и строителямъ святыхъ таинствъ, съ чѣмъ вмѣстѣ прекратится въ ней токъ благодати Божіей, сообщаемой въ таинствахъ Церкви, или превознеспись духомъ гордости, нарушитъ союзъ мира и взаимнаго общенія въ духѣ любви Христовой съ другими церквями, или же, наконецъ, оскорбитъ и угаситъ въ себѣ Духа Божія преумноженіемъ неправды и беззаконій, пороковъ и всеобщаго нравственнаго растлѣнія, — тогда такая церковь неминуемо теряетъ свою твердость, колеблется и наконецъ падаетъ и умираетъ, какъ членъ оторванный отъ живаго тѣла, какъ вѣтвь, отломленная отъ древа.

И — не разъ испытывала вселенская Церковь Христовы, отъ начала своего доселѣ, тяжкую скорбь такого отпаденія отъ ея полноты нѣкоторыхъ частныхъ церквей то въ слѣдствіе ересей, то по причинѣ расколовъ, то отъ крайняго растлѣнія въ нихъ нравовъ. Гдѣ напр. теперь столь славныя нѣкогда церкви африканскія, процвѣтавшія при Кипріанѣ и Августинѣ? Гдѣ церкви Египта, особенно знаменитыя множествомъ дивныхъ подвижниковъ пустынь ливійскихъ и еиваидскихъ? Сколько и еще церквей и на востокъ и на западъ, прежде славныхъ и великихъ по множеству чадъ, теперь или совсѣмъ обезчадѣло и угасло, или крайне ослабѣло и едва живеть скудными остатками прежней жизненной силы!

Посему-то нѣкогда св. Іоанну богослову, апостолу малоазійскихъ церквей, дано было повелѣніе отъ Господа и Главы Церкви написать тѣмъ церквамъ и предостеречь каждую изъ нихъ отъ той опасности, какая угрожала ей отторженіемъ ея отъ общаго тѣла Церкви и разрушеніемъ. Такъ ефесской церкви велѣно было написать: *взмъ твоя дѣла и трудъ твой и терпѣніе твое. Но имаю на тя, яко любовь твою первую оставили еси... Покайся и первая дѣла сотвори: аще же ни, гряду тебѣ скоро, и двигну свѣтильникъ твой отъ мѣста своего, аще не покаешия* (Апок. 2, 2—5). Пергамской церкви велѣно было написать: *имаю на тя мало... яко имаша ты держащія ученіе Николаитско, егоже ненавижду. Покайся: аще ли ни, прииду тебѣ скоро, и брань сотворю съ ними мечемъ устъ моихъ* (ст. 14—16). Сардійской церкви велѣно было написать: *взмъ твоя дѣла, яко чия имаша, яко живы, а мертвы еси... не обрѣтохъ бо дѣлъ твоихъ скончанныхъ предъ Богомъ: покайся; аще убо не бѣдшии, прииду на тя яко тать* (гл. 3, 1—3). Церкви лаодикійской велѣно было написать особенно замѣчательное предостереженіе: *взмъ твоя дѣла, яко не студенъ еси, ни теплъ... изблевати тя изъ устъ моихъ имаю. Зане глаголеши, яко богатъ есмь, и обо-*

ищется; и ничтоже требую, и не вѣси, яко ты самъ окаяненъ, и нищъ, и слѣпъ и нагъ... ревнуйъ убо и покайся (ст. 15. 16. 17).

Имѣяй ухо да слышитъ, что Духъ глаголетъ церквамъ, сказано было возлюбленному апостолу Христову, въ заключеніе даннаго ему повелѣнія о наименованіи церквамъ малоазійскимъ сихъ предостереженій! (Апок. 3, 22). Это значить, что они даны не тѣмъ только церквамъ и не на одно тогдашнее время, но и другимъ, и на всѣ времена Церкви Христовой. Вотъ почему и нынѣ и всегда каждая частная церковь должна крѣпко блюсти за собою и дѣлами своими и смотрѣть, не имать ли нѣчто на нее Господь и Глава Церкви, за чтѣ можетъ постигнуть ее гнѣвъ Божій, чтѣ можетъ поколебать ея твердое на общей и единой основѣ вселенской Церкви, отъ чего можетъ угаснуть или двинуться съ мѣста своего свѣтильникъ ея.

Послѣ всего этого, я думаю, понятно вамъ, возлюбленные, какой смыслъ заключается въ оной церковной пѣсни: „Утверди, Господи, Церковь, юже стяжалъ еси честною твоею кровію“. Понятно и то, почему эта пѣсть поется особенно, между прочимъ, при освященіи храмовъ. Храмъ есть средоточіе такой или другой общины вѣрующихъ, гдѣ, сходясь во едино для общей молитвы и служенія Богу, для назиданія словомъ Божиимъ, для освященія благодатію таинствъ, наипаче святѣйшаго таинства тѣла и крови Христовыхъ, вѣрующіе именно, какъ говоритъ апостоль, *созидаются въ жилище Божіе Духомъ, счисляются во едино тѣло Христово и растутъ въ церковь саяту о Господь* (Еф. 2, 27, 22). Посему-то слова: храмъ и церковь употребляются нерѣдко какъ выраженія одной значущія. Такимъ образомъ, когда освящается гдѣ-либо новый храмъ для извѣстной общины вѣрующихъ, — это значить, что къ вселенской, великой Церкви Христовой присоиздается новая, малая, частная церковь, къ величественному древу церковному прививаетъ.

она новая живая вѣтвь. Какъ же и не молиться въ это время, чтобы Господь и Глава Церкви благодатию своею такъ укрѣпилъ эту юную отрасль на незыблемомъ, животворномъ корнѣ, такъ утвердилъ это новое зданіе на искольномъ, вѣчно неподвижномъ основаніи, чтобы всѣ обѣтованія о непоколебимости вселенской Церкви оправдались и въ сей части ея? Какъ не молиться, чтобы и эта частная церковь Христова пребыла во вѣки вѣковъ неодолимою отъ вратъ адовыхъ, въ неразрывномъ союзѣ съ цѣлымъ тѣломъ Церкви и Главою ея, чтобы не вляялась и не колебалась она и никто изъ принадлежащихъ къ ней никакимъ *внѣшнымъ* *ученіемъ во язи челоуѣчестнѣи, во коварствѣ козней лицемѣи,* какъ говоритъ апостоль (Еф. 4, 14); чтобы не было въ ней ни ересей, ни расколовъ, ни невѣрія и отступничества; чтобы она не заразилась духомъ своемыслия и егемудрія, духомъ гордыни и превозношенія, духомъ самочинія и противленія своимъ пастырямъ и учителямъ, духомъ немирлоубія и необщительности съ другими живыми членами вселенской Церкви Христовой, духомъ непокоренія древнимъ уставамъ и канонамъ церковнымъ? Какъ не молиться, чтобы не угасъ въ ней духъ ревности къ преуспѣянію въ жизни добродѣтельной, святой и непорочной, чтобы, вмѣсто того, не разгилась она пороками и беззаконіями, не одохла въ развращеннымъ духомъ міра сего, лежащаго во адѣ, не одѣлалась *илушею* *лишь образъ благочестія, силы же ея отверженюся,* какъ говоритъ апостоль (2 Тим. 3, 5), *илма илмушею, яко жива, а мертвою* на самомъ дѣлѣ и стоющею того, чтобы изbleвалъ ее Господь изъ устъ своихъ?

О семъ-то молились мы, братіе, и нынѣ, при освященіи этого храма, когда пѣли: „Утверди, Господи, Церковь, юже стяжалъ еси честною твоею кровію“. При семъ ближе всего разумѣлась здѣшняя *домашняя,* по выраженію апостола, *церковь живущихъ и учащихъ* въ семъ домѣ дѣтей, для коихъ и освященъ этотъ храмъ. Но не можетъ ли и не должна ли молитва

наша простираться и далѣе предѣловъ сей малой церкви и сего невеликаго храма? Живущія и учащія здѣсь дѣти—татарскаго племени, и служеніе Богу имѣетъ быть совершаемо въ семъ храмѣ, по возможности, на ихъ родномъ языкѣ. Итакъ, эти юныя чада Церкви не представляютъ ли въ лицѣ своемъ цѣлой церкви вѣрующихъ во Христа изъ ихъ роднаго племени въ здѣшней паствѣ, и этотъ храмъ не есть ли храмъ всѣхъ вообще крещеныхъ ихъ единоплеменниковъ? Болѣе 300 лѣтъ тому, какъ еще святителемъ Гуріемъ основана была здѣсь церковь вѣрующихъ изъ татарскаго племени; но племя сіе, и само по себѣ еще слишкомъ мало развитое умственно и нравственно, и притомъ глубоко поврежденное издревле проникшимъ въ него нечестивымъ, крайне потворствующимъ чувственности лжеученіемъ Магомета и грубымъ плотскимъ образомъ жизни,—что сильно отчуждаетъ его отъ русскаго племени и препятствуетъ сліянію съ нимъ,—далеко еще не все озарилось свѣтомъ Христовой вѣры, и онъ лишь поверхностно и отчасти коснулся его. Съ крайнимъ прискорбіемъ и болѣзнію сердца видимъ, что и тѣ, кои когда-то просвѣщены были св. крещеніемъ, до сихъ поръ не престаи еще тяготѣть къ огромному большинству некрещеныхъ своихъ единоплеменниковъ, большею частію не крѣпко еще утверждены на незыблемомъ основаніи св. Церкви, не всецѣло привились къ благодатному и животворному древу христіанства, и какъ въ прежнее время, такъ и на нашихъ глазахъ многіе изъ нихъ, подобно сухимъ и безжизненнымъ вѣтвямъ, отъ всякаго вѣтра сваливаются съ своего корня, подобно камнямъ, не укрѣпленнымъ въ зданіи добрымъ цементомъ, при всякомъ потрясеніи отпадаютъ отъ него. О, какъ посему потребна крѣпкая и усердная, всегдашняя молитва наша братіе, о сей церкви—церкви татарскаго племени: „утверди, Господи, Церковь, юже стяжалъ еси честною твоею кровію“!

Юныя питомцы сего училища, боголюбезныя чада сей домашней церкви! Вы счастливые своихъ отцовъ и

и дѣдовъ и другихъ своихъ соплеменниковъ, живущихъ въ иныхъ мѣстахъ, имѣя то, чего, кажется, не было прежде, нѣтъ еще пока и въ другомъ мѣстѣ,— свой собственный храмъ Господень, гдѣ будете вы слушать службу Божию на своемъ родномъ языкѣ, имѣя и своего роднаго вамъ пастыря, наставника и служителя таинъ Божиихъ. О! присно буду преклонять колѣна моя ко Отцу Господа нашего Иисуса Христа и отъ всей души молить Его, да исполнятся съ вами вѣрно незабвенныя и приснопамятныя слова, сказанныя здѣсь благочестивѣйшимъ Государемъ, всемилостивѣйше посѣтившимъ недавно сей смиренный приютъ вашъ,—да дастъ вамъ Господь, по богатству благодати евоея, не только самимъ крѣпко утвердиться во святой Христовой вѣрѣ и чистомъ благочестіи евангельскомъ, но и содѣлаться способными утверждать въ нихъ и вашихъ соплеменниковъ, когда возвратитесь вы отселѣ въ среду ихъ, въ нѣдра семействъ, изъ которыхъ вы взяты! Да послужите вы благимъ начаткомъ и добрымъ сѣменемъ въ средѣ всего своего племени, и хотя это сѣмя мало нынѣ, какъ зерно горчичное, но да возрастетъ оно скоро въ великое древо Христово. Да содѣлается сей малый храмъ вашъ тѣмъ же для всего вашего племени, чѣмъ содѣлалась сіонская горница, гдѣ была тайная вечеря и сошествіе Святаго Духа на апостоловъ,—для цѣлаго рода человѣческаго!

Призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей и утверди, егоже насади десница твоя! Осѣни и всегда неотступно осѣняй сей виноградъ своимъ благословеніемъ и молитвами и ты, великій угодниче Божій, Гуріе, первоначальниче и первосвятителю казанскія церкви, съ приснопамятными и блаженными сотрудниками твоими Варсофіемъ и Германомъ! Аминь.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ФИЛОСОФСКИХЪ НАПРАВЛЕНІЙ, ВОЗНИКШИХЪ ПО ПОВОДУ РѢШЕНІЯ ВОПРОСА О ПОЗНАНІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ.

(окончаніе)

Вторую форму идеалистическаго направленія составляетъ идеализмъ, усвояющій прирожденнымъ духу категоріямъ и идеямъ только формальное, подлежательное значеніе. Представителемъ этой формы идеализма служитъ критическій, трансцендентальный идеализмъ *Канта* (1724—1804 г.). По ученію Канта, чувственность и разумъ суть два фактора, изъ которыхъ образуется каждое познаніе. Чувственность есть восприимчивость, а разумъ—самодѣтельность нашей познавательной способности. Посредствомъ чувственности предметы намъ *даются*, посредствомъ же разсудка они нами мыслятся. Чувственность доставляетъ намъ возрѣнія, а разумъ—понятія. Понятія безъ возрѣній безсодержательны, возрѣнія безъ понятій бессмысленны или слѣпы. Возрѣнія и понятія суть взаимно дополняющіяся составныя части нашей познавательной дѣятельности. При этомъ, по мнѣнію Канта, въ каждомъ познаніи, наряду или совмѣстно съ элементами, данными изъ опыта, находятся начала, независящія отъ опыта. Это—априорическіе, первоначально

данные въ душѣ принципы нашего чувственнаго и разсудочнаго познанія. Они свойственны какъ нашей чувственности, такъ и разсудку. Априорическіе принципы нашего чувственнаго познанія или первоначальныя, независимыя отъ опыта формы чувственнаго воззрѣнія суть пространство и время. Пространство есть форма внѣшняго чувства, посредствомъ котораго предметы даются намъ, какъ существующіе внѣ насъ, внѣ и подлѣ другъ друга. Время есть форма внутренняго чувства, посредствомъ котораго дѣлаются для насъ предметными состоянія нашей собственной душевной жизни. Отвлекая все, что принадлежитъ матеріи нашихъ ощущеній, мы получаемъ въ остаткѣ пространство, какъ общую форму, въ которую укладываются всѣ предметы внѣшняго чувства. Отвлекая все, что принадлежитъ матеріи нашего внутренняго чувства, мы получаемъ также въ остаткѣ время, которое было исполнено нашими духовными явленіями. Пространство и время суть высшія формы внѣшняго и внутренняго чувства. Формы эти априорны: онѣ находятся въ душѣ человѣка прежде всякаго опыта. Априорность ихъ Кантъ доказываетъ: а) тѣмъ, что каждый опытъ предполагаетъ всегда пространство и время для того, чтобы онъ могъ быть совершенъ. Я замѣчаю нѣчто, какъ существующее внѣ меня: но это представленіе внѣшности предполагаетъ пространство. Я имѣю два ощущенія вмѣстѣ или одно за другимъ: это предполагаетъ время. Поэтому пространство и время не суть общія понятія, образуемая отвлеченіемъ и обобщеніемъ данныхъ опыта. Онѣ—формы чувственнаго воззрѣнія и сами суть воззрѣнія. б) Нѣкоторыя общепризнанныя науки могутъ быть понятны только изъ предположенія априорности пространства и времени. Въ основѣ чистой математики лежатъ пространство и время. Математика высказываетъ свои положенія, какъ общія и необходимыя. Но общія и необходимыя положенія не могутъ никогда вытекать изъ опыта, гдѣ представляются важъ одни случайныя, измѣнчивыя и непостоян-

ныя явленія. Положенія математики должны такимъ образомъ имѣть основанія апіорическія. Эти основанія и заключаются въ апіорическихъ формахъ пространства и времени, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ математическихъ положеній и сужденій.

Другая познавательная способность — разсудокъ, подобно чувственности, также обладаетъ нѣкоторыми независимыми отъ опыта элементами. Эти независимыя отъ опыта, апіорическія формы разсудочнаго познанія суть *категоріи* или основныя, самыя общія понятія нашего разсудка. Кантъ выводитъ эти понятія изъ различныхъ видовъ сужденій. Всѣ разнородныя сужденія Кантъ сводитъ къ четыремъ главнымъ видамъ, а именно къ сужденіямъ а) *количества*, куда относятся сужденія: всеобщее, частное и единичное, б) *качества*: сужденія—утвердительное, отрицательное и безпредѣльное или ограничивающее, в) *отношенія*: сужденія — категорическое, условное и раздѣлительное, г) *модальности*: сужденія—проблемматическое, асерторическое и аподиктическое. Изъ этихъ сужденій получаютъ столько жѣ основныхъ понятій разсудка или категорій, а именно—категорій: а) *количества*: всеобщность, множественность, единичность, б) *качества*: реальность, отрицаніе, ограниченіе, в) *отношенія*: субстанціальность, причинность, зависимость, г) *модальности*: возможность, дѣйствительность, необходимость. Эти двѣнадцать основныхъ понятій, по ученію Канта, присутствуютъ неизмѣнно во всѣхъ нашихъ сужденіяхъ. Какое бы сужденіе мы ни произносили, оно, по формѣ, непременно должно подойти подъ одинъ какой-либо изъ перечисленныхъ видовъ сужденій, и въ немъ могутъ быть отысканы извѣстнаго рода категоріи. А такъ какъ наше разсудочное познаніе слагается изъ сужденій, то, значить, во всякомъ такомъ познаніи находятся всегда одна или нѣсколько упомянутыхъ выше категорій. Неизмѣнное присутствіе ихъ во всѣхъ нашихъ сужденіяхъ и служитъ, по мнѣнію Канта, дока-

зательствомъ того, что онѣ не заимствуются изъ опыта, а предшествуютъ опыту и служатъ ему основаніемъ.

Такимъ образомъ, познавая предметы, мы облакаемъ ихъ въ прирожденныя намъ формы—съ одной стороны—пространства и времени, а съ другой—разсудочныхъ категорій. Наше знаніе, поэтому, носить на себѣ характеръ субъективный. Что такое вещи сами въ себѣ, не облеченныя въ эти прирожденныя намъ формы,—этого мы не знаемъ. Мы, по словамъ Канта, познаемъ только явленія, а не вещи сами въ себѣ.

Отъ разсудка въ болѣе тѣсномъ смыслѣ Кантъ отличаетъ разумъ. Какъ разсудокъ имѣетъ свои категоріи, такъ разумъ имѣетъ свои идеи, въ которыхъ понятія разсудка находятъ свое высшее обоснованіе. Идеи разума три: а) *идея психологическая* или идея души, какъ мыслящей субстанціи, б) *идея космологическая* или идея міра, какъ совокупности всѣхъ явленій, и с) *идея теологическая* или идея Бога, какъ высшаго условія или высшей причины всего существующаго. Эти идеи разума относятся къ понятіямъ или категоріямъ разсудка такъ же, какъ разсудокъ относится къ ощущеніямъ: разумъ, при помощи идей, дѣлаетъ только выводы, но не созерцаетъ, не стоитъ лицомъ къ лицу съ своими предметами; поэтому разумъ безсиленъ, когда его употребляютъ въ области, лежащей внѣ разсудка. Онъ въ этомъ случаѣ будетъ выводить только ложныя, обманчивыя заключенія. Разбирая идею психологическую, Кантъ находитъ, что прежняя психологія, утверждая реальность субстанціи, лежащей въ основаніи духовныхъ явленій, дѣлала паралогизмы въ своихъ заключеніяхъ. Идея космологическая, какъ ее понимала прежняя космологія, приводитъ нашъ разумъ, по мнѣнію Канта, къ различнымъ антиноміямъ или противорѣчіямъ. Попытки прежней раціональной теологіи доказать идею бытія Божія, по мнѣнію Канта, не выдерживаютъ критики. Эти попытки сводились къ тремъ родамъ доказательствъ: *онтологическому*, которое отъ атрибутовъ или свойствъ, содержащихся въ

повлѣти верховнаго бытія, заключаетъ къ его безусловному существованію,—*космологическому*, которое отъ безусловной необходимости бытія какого-нибудь предмета заключаетъ къ свойствамъ бытія верховнаго,—наконецъ—*физико-теологическому*, которое отъ порядка и цѣлесообразности, замѣчаемой въ мірѣ, заключаетъ къ разумной причинѣ этого порядка. Разбирая всѣ эти доказательства, Кантъ приходитъ къ такимъ выводамъ, что первыя два доказательства не уполномочиваютъ насъ заключать отъ идеи предмета къ бытію его, а послѣднее доказательство приводитъ насъ только къ мысли объ Устроителѣ міра, но не о Творцѣ его. Такимъ образомъ, идеи разума, по Канту, лишены всякаго предметнаго значенія. Теперь спрашивается: зачѣмъ онѣ существуютъ въ насъ? Этотъ вопросъ Кантъ не оставилъ безъ отвѣта. Назначеніе идей онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: идеи, по его мнѣнію, суть начала, не составляющія (не конститутивныя) наше знаніе, но только направляющія его (регулятивныя). Изучая наши душевныя способности, мы должны обозрѣвать ихъ и располагать такъ, какъ будто бы дѣйствительно существовала душа, которой онѣ принадлежать. Таково значеніе идеи психологической. Космологическая идея даетъ намъ указаніе разсматривать міръ такъ, какъ будто бы существовалъ безконечный рядъ причинъ, не исключая однакоже при этомъ одной высшей разумной причины. Теологическая идея даетъ намъ возможность разсматривать всю совокупность вещей, наполняющихъ міръ, подъ идеей единства и порядка. Такимъ образомъ, идеи разума хотя и не представляютъ собою принциповъ, составляющихъ наше знаніе, хотя посредствомъ ихъ и не расширяются наши познанія за предѣлы опыта, но зато они суть принципы направлятельныя. Онѣ необходимы для того, чтобы вносить въ наши опыты порядокъ и подводить ихъ подъ извѣстныя гипотетическія единицы. Вообще—эти три идеи служатъ не органомъ для открытія истины, а только правиломъ для упро-

щенія и систематизированія нашихъ опытовъ и нашихъ званій.

Такое же значеніе приписываетъ Кантъ и апріорнымъ формамъ чувственности и разсудка. Формы пространства и времени и разсудочныя категоріи, по мнѣнію Канта, сами по себѣ суть нѣчто безсодержательное. Онѣ суть только начала, объединяющія и упорядочивающія наше знаніе. Матеріаль нашихъ знаній происходитъ изъ опыта. Прирожденныя намъ формы даютъ только этому матеріалу связность и единство. Категоріи разсудка относятся только къ опыту, который есть единственное поприще нашего знанія. Чего не дано намъ въ опытѣ, что не можетъ быть подведено подъ формы пространства и времени и разсудочныя категоріи, того мы знать теоретически не можемъ. Поэтому Кантъ отвергаетъ возможность званія о сверхчувственномъ. Сверхчувственныя истины, какковы идеи: человеческой свободы, безсмертія души и бытія Божія, не могутъ быть, по мнѣнію Канта, доказаны разсудочнымъ образомъ. Мы должны допустить эти истины только потому, что безъ ихъ предположенія невозможна нравственная дѣятельность человѣка.

Третью форму идеализма составляетъ идеализмъ, признающій мышленіе началомъ не только знанія, но и бытія. Идеализмъ этого рода выразился преимущественно въ философіи *Беркли* (1684—1735 г.) и *Фихте* (1762—1814 г.).

Чувственныя вещи, по ученію Беркли, суть только наши представленія, не имѣющія реального существованія внѣ представляющаго духа. Для всякаго, говоритъ Беркли, кто обратитъ вниманіе на предметы человеческого познанія, очевидно, что они суть или идеи, полученныя нами чрезъ внѣшнія чувства, или идеи, которыя мы получаемъ, наблюдая страсти и акты духа, или, наконецъ, идеи, образуемыя памятію и воображеніемъ чрезъ сочетаніе и раздѣленіе идей первыхъ двухъ родовъ. Свѣтъ и цвѣта, тепло и холодъ, протяженіе и фигура, однимъ словомъ—все, что мы видимъ

и что чувствуемъ, есть не что иное, какъ наши ощущенія, понятія, идеи, или чувственыя впечатлѣнія. Наши внѣшнія чувства доставляютъ намъ только познаніе нашихъ ощущеній, нашихъ идей, но они не говорятъ намъ, существуютъ ли внѣ духа или независимо отъ ощущеній вещи, похожія на тѣ, какія мы ощущаемъ“. Такимъ образомъ, внѣшній міръ и матеріальные предметы, внѣ отношенія къ познающему духу, суть нѣчто не существующее. Они существуютъ только въ нашемъ представленіи, существуютъ настолько, насколько мы имѣемъ идеи о нихъ. Они не могутъ существовать внѣ духовъ, т. е. внѣ существъ, представляющихъ ихъ. Наше сознаніе непосредственно убѣждаетъ насъ только въ томъ, что существуютъ идеи и духовныя существа, имѣющія эти идеи. Но спрашивается: откуда мы получаемъ идеи? Не возникаютъ же онѣ въ насъ сами собою, безъ всякаго повода и причины? Долженъ же быть какой-нибудь источникъ ихъ? На это Беркли отвѣчаетъ, что мы получаемъ идеи отъ духа высшаго или отъ Бога. Богъ производитъ въ насъ или сообщаетъ намъ идеи. Міръ идеальный, наблюдаемый нами въ нашихъ внѣшнихъ ощущеніяхъ только по временамъ, пребываетъ постоянно въ Божествѣ; потому онъ и доступенъ всѣмъ конечнымъ духамъ, какіе составляютъ человѣчество или чувствующія существа. Идеи, существующія въ Богѣ, можно назвать первообразами, а идеи, существующія въ насъ, копіями или отобразами ихъ. При такомъ оригинальномъ взглядѣ на способъ познанія, Беркли своеобразно смотрѣлъ и на природу съ ея законами. Подъ природой онъ разумѣлъ только преемственное теченіе или связь идей, а подъ законами природы—постоянный порядокъ, въ которомъ эти идеи сопровождаютъ другъ друга или слѣдуютъ одна за другой, иначе сказать—подъ законами природы онъ разумѣлъ законы ассоціаціи идей.

Идеализмъ *Филсте* можно назвать по преимуществу субъективнымъ идеализмомъ, потому что у него

основаніемъ какъ познанія, такъ и практической дѣятельности чловѣка служить субъектъ или я. Фихте въ своей философіи принимаетъ къ Канту и выходитъ изъ его начала, но ему представлялись начала Кантовой философіи не настолько широкими и общими, чтобы на основаніи ихъ можно было создать стройную систему философіи. Фихте думалъ, что философія должна выходить изъ одного начала. Этимъ началомъ онъ и поставилъ субъектъ или я. Въ частности происхожденіе идеализма Фихте, отношеніе его къ Канту и сущность этого идеализма можно представить въ такихъ чертахъ. У Канта главнымъ факторомъ въ познаніи считается мышленіе съ его законами, формами и идеями, а сущность внѣшняго міра, воспринимаемаго чрезъ чувства мышленіемъ, остается чѣмъ-то неопредѣленнымъ и неизвѣстнымъ. Съ первымъ прикосновеніемъ къ нашимъ чувствамъ сущность вещей, такъ сказать, окрашивается прирожденными нашей душѣ формами, и получаетъ характеръ только явленія, т. е. чего-то только кажущагося намъ. Стало быть, въ дѣлѣ познанія внѣшній, предметный міръ ничего не приносятъ для опредѣленія существа вещей или истинной дѣйствительности. Строить послѣ того только отъ себя этотъ лишній членъ, ничего отъ себя не приносящій ни къ формѣ, ни къ содержанію знанія, — и идеализмъ будетъ неизбеженъ. Такъ именно и поступилъ Фихте. Если, рассуждалъ онъ, предметы, съ первымъ ихъ переходомъ въ чувственное наблюденіе, принимаютъ формы, свойственныя мышлящему и наблюдающему началу, то, стало быть, это послѣднее не можетъ быть пустымъ, страдательнымъ вѣсталищемъ по отношенію къ принятому имъ содержанію; напротивъ оно должно быть въ высшей степени дѣятельнымъ, и такъ какъ не вещи познаютъ тебя въ мысли, но мысль познаетъ вещи, то мышлящее начало или я должно быть единственнымъ дѣятелемъ познанія. Такимъ образомъ, Фихте совершенно уничтожилъ раздвоенность между духомъ — носителемъ априориче-

однихъ формъ познанія и внѣшнимъ бытіемъ или *я* самою, *изъ себя* (ap. sich), какъ называетъ это Кантъ, и доставилъ духъ, творцомъ не только формъ познанія, но и самаго бытія. Существуетъ, по мнѣнію Фихте, только *я* само себя полагающее. Но это *я* не есть самосознаніе того или другаго отдѣльнаго лица, (эмпирическое *я*), но есть всеобщее самосознаніе, всеобщій умъ, который соединяетъ въ себѣ всѣ нравственныя личности, иначе сказать, это — безусловное *я*, потому что наука, прибавляетъ Фихте, должна выходить изъ безусловнаго начала. — Но *я*, по необходимому закону самосознанія, необходимо противопоставляетъ себѣ *не-я*. *Я* не можетъ сознать себя, какъ *я*, до тѣхъ поръ, пока не противопоставитъ себѣ нѣчто, отличное отъ него, именно *не-я*. Такимъ образомъ *я* по необходимости производитъ объектъ, и есть вмѣстѣ субъектъ (*я*, живущее въ себѣ) и объектъ (*я*, выступающее изъ себя наружу и на крайнемъ выступленіи встрѣчающееся съ *не-я*, внѣшнимъ міромъ, который поэтому имѣетъ только идеальное бытіе). Внѣшніе предметы суть, произведенія, ограниченія нашего *я*, слѣдовательно имѣютъ идеальную природу. Какъ ограниченія или отрицанія *я*, они имѣютъ столько реальности, сколько уступаетъ имъ *я*. Изъ этого слѣдуетъ, что *я* частію есть *не-я*, и *не-я* частію есть *я*. *Я*, ограниченное отъ *не-я*, есть начало познающее, сралательное; *я*, отстраняющее это ограниченіе, есть начало дѣйствующее, свободное. Таковъ въ общихъ чертахъ идеализмъ Фихте.

Одѣлаемъ теперь нѣсколько критическихъ замѣчаній относительно идеализма вообще.

1) Чтобы объяснить возможность познанія, идеализмъ ставитъ предположеніе, что представленіе и предметъ тождественны. Но это предположеніе не очевидно непосредственно и не можетъ быть доказано. Свидѣтельство сознанія показываетъ совершенно противоположное этому. Во всякомъ познаніи мы отличаемъ субъектъ отъ объекта, представленіе отъ пред-

ставляемой вещи. Безъ этого различенія невозможно познание. Даже когда мы познаемъ себя самихъ, мы отличаемъ въ себѣ субъектъ отъ объекта, и дѣлаемъ свои состоянія предметомъ нашего познания. Слѣдовательно, различеніе между субъектомъ и объектомъ, нашимъ я и предметами, которые оно представляетъ, а не тожество ихъ между собою, составляетъ необходимое условіе познания.

2) Познание, какъ соединеніе субъекта съ объектомъ, возможно въ двухъ случаяхъ: или когда субъектъ выходитъ и какъ-бы выдѣляется изъ самого себя и входитъ во внѣшніе предметы, или наоборотъ, когда внѣшніе предметы какъ-бы входятъ въ субъектъ. Но первое невозможно по самому устройству человѣческаго духа, и потому съ этой стороны познание, какъ соединеніе субъекта съ объектомъ, невозможно. Но оно возможно, какъ перенесеніе предметовъ въ человѣческую душу—въ чувственныхъ ощущеніяхъ, наблюденіяхъ и представленіяхъ, въ которыхъ предметы становятся достояніемъ духа, отражающимъ въ себѣ (при извѣстныхъ условіяхъ) дѣйствительное бытіе.

3) Такимъ образомъ, мышленіе человѣческое одно не есть источникъ и творческое начало познания. Необходимые дѣтели всякаго познания суть: опытъ, дающій содержаніе, и собственная, внутренняя законосообразная дѣятельность духа, дающая форму познанию. Начала познания—внѣшнія и внутреннія. Внѣшнія начала познания суть: наблюденіе, опытъ внѣшній и внутренний, обученіе, вѣра историческая и религиозная; внутреннія начала суть формы чувственного воспріятія: пространство и время, формы разсудочнаго мышленія или категоріи и наконецъ формы идеальнаго созерцанія—идеи. Всякое познание есть вмѣстѣ *a priori* и *a posteriori*. „*Nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu, nisi intellectus ipse*“, говоритъ Лейбницъ.

4) Въ ученіи Фихте производящая или творческая дѣятельность абсолютнаго я есть чистое отвлеченіе и какъ не первоначальное въ сознаніи не можетъ быть началомъ или принципомъ знанія. И какъ можетъ она, какъ дѣятельность, полагать саму себя? Всякая дѣятельность необходимо предполагаетъ дѣятельное существо, какъ возбудителя и носителя дѣятельности. Но въ идеалистическихъ представленіяхъ и особенно въ идеализмѣ Фихте мы видимъ только дѣятельность безъ дѣятеля. Непонятно, далѣе, какъ и почему первоначальное, абсолютное я должно само себя ограничить, какъ это утверждаетъ Фихте. Если оно абсолютно, то ему чужды должны быть всякія границы, а если оно ограничивается чѣмъ-нибудь, то, значить, оно не абсолютно.

5) Если предметы суть только наши представленія, то исчезаетъ всякое различіе между такъ называемыми субъективными представленіями и представленіями, имѣющими объективную реальность. Чѣмъ, въ такомъ случаѣ, будутъ отличатся наши мечты и причудливыя построенія нашей фантазіи, которымъ нѣтъ соответствующихъ предметовъ въ дѣйствительности, отъ представленій, предметы которыхъ существовали или существуютъ дѣйствительно? Древнее и всеми признанное понятіе истины состоитъ въ томъ, что она есть согласіе представленія съ дѣйствительностію, а не съ самимъ собою; иначе всякое познаніе обратилось бы въ безцѣльную игру мышленія.

6) Идеализмъ утверждаетъ, что субъектъ и объектъ, я и не-я, мышленіе и бытіе, идеи и вещи совпадаютъ между собою. Но это можно вполне утверждать только о Божественномъ умѣ, приписывать же эти свойства уму человѣческому значить смѣшивать конечное съ безконечнымъ.

3. Скептицизмъ.

Подъ именемъ скептицизма разумѣется въ философіи такое направленіе, которое не признаетъ довер-

вѣрнѣе источникомъ знанія ни разума съ приврощенными ему идеями и формами, ни чувствъ, доставляющихъ намъ матеріаль познанія, а потому отрицаетъ и самую возможность достовѣрнаго знанія.

Такія направленія въ философіи возникали обыкновенно въ то время, когда начала философскаго знанія или не были еще установлены, или же, бывъ установлены, не были надлежащимъ образомъ выяснены, отъ чего является возможность понимать эти начала произвольно и придавать имъ то, или другое значеніе. Неопредѣленность началъ вызываетъ индифферентизмъ въ убѣжденіяхъ и сомнѣніе въ самой возможности пріобрѣтенія прочныхъ и достовѣрныхъ знаній. Но подобное скептическое отношеніе къ познанію бываетъ большею частію непродолжительно: сомнѣніе—состояніе духа тяжелое и ненормальное, и человекъ всегда жаждетъ выработать для себя тѣ, или другія положительныя убѣжденія. Поэтому системы философскія съ направленіемъ скептическимъ всегда были только переходными моментами къ системамъ съ направленіемъ положительнымъ. Значеніе ихъ въ исторіи развитія философской мысли то, что онѣ заставляли мыслителей снова и съ большею строгостію разбирать и обсуживать существовавшія дотолѣ ученія и системы, искать вѣрныхъ и непоколебимыхъ началъ, на которыхъ должна основываться наука, изощряли силу мышленія, подавали поводъ ко множеству новыхъ розысканій и побуждали точнѣе изслѣдовать первоначальныя законы человѣческаго познанія и его предѣлы.

Скептицизмъ являлся въ исторіи философіи въ двухъ видахъ, а именно: а) въ видѣ скептицизма *эмпирическаго*, сущность котораго состояла въ отрицаніи чувственно-наблюдаемаго бытія, какъ доступнаго непосредственному познанію, и б) въ видѣ скептицизма *критическаго* или *метафизическаго*, который основывается на отрицаніи объективной реальности понятій, выражающихъ необходимые отношенія между вещами. Пер-

ный видъ скептицизма выразился въ древности въ философіи *Пиррона* (современника *Александрмакедонскаго*) и его послѣдователей, а представительницею втораго вида скептицизма служитъ философія *Юма* (1711—1776 г.).

Основное направленіе философіи *Пиррона* и его послѣдователей было, главнымъ образомъ, практическое. Философія, по ихъ мнѣнію, должна вести человека къ счастью. Но тотъ, кто хочетъ вести счастливую жизнь, долженъ имѣть въ виду три условія: въ первыхъ—знать, какъ вещи существуютъ, во-вторыхъ—знать, какъ мы должны относиться къ нимъ, и въ третьихъ—знать, какія слѣдствія могутъ быть отъ того, или другаго отношенія къ вещамъ. На первый изъ этихъ вопросовъ, самый существенный въ глазахъ скептиковъ, они отвѣчаютъ, что нельзя вообще сказать, что такое вещи сами въ себѣ. Чувственные воспріятія представляютъ намъ вещи только такъ, какъ онѣ намъ кажутся, а не такъ, какъ онѣ существуютъ на самомъ дѣлѣ. Я чувствую, что известная вещь, напримеръ, сладка, но не знаю, дѣйствительно ли она сладка. Наши умственные познанія и мнѣнія обманчивы уже потому, что у однихъ людей онѣ таковы, а у другихъ—другія. Если такимъ образомъ ни въ чувственномъ мірѣ, ни въ нашемъ разумѣ нѣтъ критерія истины, то съ полнымъ основаніемъ можно всякому сужденію противопоставить другое, противоположное ему. Отсюда на вопросъ: какъ мы должны относиться къ вещамъ? и вытекаетъ отвѣтъ: мы должны удерживаться отъ всякихъ сужденій о вещахъ, а такъ какъ это невозможно, то должны по крайней мѣрѣ остерегаться давать своимъ сужденіямъ какую-нибудь опредѣленную форму и всегда быть готовыми, принять и другія мнѣнія, противоположныя первымъ. Съ достоинствомъ смѣха мелочностію скептики старались найти возможно-неопредѣленныя формулы для своей рѣчи. Мало того, что ко всякому положенію своему они прибавляли: „я не утверждаю чего-нибудь опредѣленнаго“

„для меня кажется это справедливымъ столько же, сколько и другое“; но такъ какъ и эти выраженія заключали въ себѣ что-то опредѣленное, то къ выраженію: „я не утверждаю чего-нибудь опредѣленнаго“ они прибавляли: „я не могу утверждать даже и того, что я не утверждаю“ и проч.; къ словамъ: „для меня кажется это справедливымъ столько же, сколько и другое“, они присовокупляли: „и самое это положеніе для меня кажется столько же вѣрнымъ, какъ и другое“ и т. п. Отвѣчая на третій вопросъ: что бываетъ слѣдствіемъ такого ограниченія и такого скептическаго отношенія ко всѣмъ предметамъ, скептики говорили, что отъ такого отношенія къ вещамъ происходитъ ничѣмъ невозмутимое душевное спокойствіе или счастье. Кто научился смотрѣть на вещи, какъ на нѣчто недоступное положительнымъ опредѣленіямъ и безразличное, тотъ никогда не можетъ быть, подобно большинству людей, подверженъ чувству страха, страстямъ и пожеланіямъ; онъ относится ко всему равнодушно, и въ отчужденіи отъ всѣхъ человѣческихъ интересовъ полагаетъ высшее счастье человѣка. — Въ послѣдствіи времени Эвезидемъ, одинъ изъ послѣдователей философіи Пиррона, формулировалъ основанія скептицизма въ слѣдующихъ десяти положеніяхъ, которыя онъ называлъ *тропами*. Невозможность истиннаго познанія вещей доказывается, по его мнѣнію, тѣмъ, что 1) однѣ и тѣ же вещи производятъ на различныхъ живыхъ существъ совершенно различныя впечатлѣнія; 2) даже и люди, различныя по своей организаціи, ощущаютъ впечатлѣнія неодинаковымъ образомъ; 3) различные органы чувствъ различно принимаютъ впечатлѣнія отъ предметовъ, и мы не можемъ знать, согласны ли между собою эти различныя ощущенія нашихъ органовъ и возможно ли посредствомъ ихъ дойти до полнаго познанія вещей; 4) различныя состоянія, переживаемыя нашею душою, и 5) нравственныя и религіозныя воззрѣнія различныхъ людей и народовъ имѣютъ такое вліяніе на ихъ сужденія, что эти сужденія никакъ

не могутъ быть точными и вѣрными; 6) чувственное воспріятіе всегда неопредѣленно, потому что оно совершается не непосредственно, а при помощи какой-нибудь среды, и мы не можемъ опредѣлить, какое измѣняющее вліяніе имѣла эта среда на воспріятіе, потому что 7) чувственное воспріятіе, получаемое нами отъ предмета, зависитъ отъ его разстоянія и отъ его отношенія къ другимъ предметамъ и 8) чувственные свойства предметовъ такъ легко и скоро измѣняются вслѣдствіе перемѣны температуры, движенія и т. д., что ихъ нельзя наблюдать долго въ одномъ видѣ; 9) потому, чувственное впечатлѣніе измѣняется, смотря потому, въ первый разъ оно является, или же мы привыкли къ нему, и наконецъ 10) свойство предметовъ, какъ то: величина тяжесть и проч. показываютъ только отношеніе ихъ другъ къ другу, не опредѣляя самой ихъ сущности.

Метафизическій или критическій скептицизмъ выразился, какъ мы сказали, въ философіи Юма. Общее положеніе философіи Юма то, что понятія, которыми мы обозначаемъ необходимыя отношенія между вещами, суть понятія субъективныя, основанныя не на природѣ вещей, но на ассоціаціи идей. Такъ какъ понятіями, выражающими эти необходимыя отношенія, служатъ понятія *причинности* и *субстанціальности*, то Юмъ по преимуществу и занимается анализомъ этихъ понятій. Откуда, спрашиваетъ онъ, мы знаемъ, что вещи находятся между собою въ отношеніи причинности? Мы не знаемъ этого а priori. А priori познаніе объ этомъ было бы возможно въ томъ случаѣ, если бы дѣйствіе было тоже, что и причина, но въ отношеніи причинномъ дѣйствіе всегда есть нѣчто другое, чѣмъ причина, и потому оно а priori не можетъ быть открыто въ причинѣ. Мы не знаемъ этого также изъ опыта, потому что опытъ представляетъ намъ только послѣдовательность двухъ фактовъ во времени. Поэтому всѣ заключенія, которыя мы дѣлаемъ изъ опыта, основываются на привычѣ. Такъ какъ мы привыкли видѣть,

что одна вещь слѣдуетъ за другою во времени, то мы образуемъ въ себѣ представленіе, что она *должна* слѣдовать изъ нея: изъ отношенія послѣдовательности мы дѣлаемъ отношеніе причинности. Но связь во времени безъ сомнѣнія есть нѣчто другое, чѣмъ связь причинная. Съ понятіемъ причинности мы, поэтому, выступаемъ за предѣлы того, что даю намъ въ опытѣ, и образуемъ представленіе, котораго собственно мы не имѣемъ права образовывать. Тоже можно сказать и о понятіи или идеѣ субстанціальности. Мы обыкновенно мыслимъ въ соединеніи идеи, которыя представлялись намъ соединенными въ пространствѣ и времени. Черезъ это возникаетъ понятіе субстанции. Подъ субстанціей мы разумѣемъ нѣчто такое, на что мы смотримъ, какъ на основаніе соединенія идей, какъ на субстратъ многихъ соединенныхъ качествъ. Но это основаніе или субстратъ не есть что-нибудь существующее внѣ нашего ума. Это есть произведеніе только нашей памяти и законовъ ассоціаціи идей. Уже изъ того, что понятія субстанции нельзя свести на чувственное впечатлѣніе, видно, что въ дѣйствительности ему не соответствуетъ ничего. Мы имѣемъ только ясныя идеи о нѣкоторыхъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ, о впечатлѣніяхъ, напримѣръ, цвѣта, величины, формы и проч. Эти идеи соединяются по законамъ ассоціаціи идей, и мы привыкаемъ видѣть всегда совмѣстными известныя качества и признаки предметовъ, но по этому соединенію нельзя еще заключать, будто на самомъ дѣлѣ существуетъ субстанція, которая соединяетъ тѣ идеи, какъ качества предмета. Изъ всего этого Юмъ выводитъ то заключеніе, что умъ человѣческій не можетъ знать реальной, необходимой связи между вещами.

Обращая вниманіе на сущность и главные положенія скептицизма, нельзя не видѣть, что въ основѣ этого философскаго направленія лежатъ начала невѣрія. Скептицизмъ отвергаетъ возможность пріобрѣтенія прочныхъ и достовѣрныхъ знаній, основываясь на томъ, что мы не можемъ знать, соответствуютъ ли наши

чувственнымъ ощущеніямъ предметы, существующіе въ дѣйствительности, и имѣютъ ли реальность понятія нашего разсудка, выражающія необходимыя отношенія между вещами. Дѣйствительно, духъ нашъ, имѣя дѣло съ представленіями и понятіями о вещахъ, не можетъ знать, чтѣ такое вещи сами въ себѣ, независимо отъ тѣхъ формъ, въ какихъ онѣ намъ являются. Но это не должно давать повода къ сомнѣнію въ томъ, соответствуетъ ли нашимъ познаніямъ что-нибудь реальное. Всѣ мы глубоко убѣждены въ реальномъ бытіи какъ насъ самихъ, такъ и предметовъ, окружающихъ насъ. Основую нашего убѣжденія въ этомъ случаѣ служитъ наше сознаніе, и достовѣрность здѣсь непосредственная. Эта же достовѣрность ручается намъ и за то, что познанія, приобретаемые нами, не суть какія-нибудь иллюзіи и заблужденія, но суть познанія истинныя и достовѣрныя, если при этомъ соблюдены бываютъ условія достовѣрности. Кромѣ того, наша вѣра въ Бога, какъ существо истинное, служитъ твердою опорой истинности и достовѣрности нашихъ знаній. Такимъ образомъ, послѣдними основаніями достовѣрности нашего знанія служитъ съ одной стороны непосредственная увѣренность въ истинѣ, сопровождающая всѣ наши познанія—чувственныя, разсудочныя и разумныя, а съ другой—вѣра въ Бога, давшего намъ разумъ для познанія истины, а не для заблужденій.

„Разсматривая, говоритъ Декартъ, прирожденную намъ идею Бога по ея необходимымъ признакамъ и свойствамъ, мы познаемъ, что Богъ истиненъ, слѣдовательно, было бы противорѣчіе, если бы Онъ насъ обманывалъ или былъ причиною нашего заблужденія. Поэтому нашъ разумъ никакъ не можетъ постигнуть предмета, который не былъ бы истиненъ, если только этотъ предметъ постигнуть дѣйствительно, т. е. познать ясно и опредѣленно. Иначе слѣдовало бы по справедливости назвать Бога несправедливымъ, если Онъ далъ намъ такой извращенный разумъ, который считаетъ ложное истиннымъ“. Этотъ взглядъ Декарта на основу досто-

вѣрности познанія раздѣляетъ и Якоби. Основаніемъ всякаго человѣческаго познанія служить, по его мнѣнію, чувственная или основанная на чувствахъ вѣра, состоящая въ томъ, что для насъ слишкомъ ясенъ и достовѣренъ фактъ какъ своего бытія, такъ и бытія предметовъ, внѣ насъ существующихъ. Мы непосредственно увѣрены въ этомъ, и никакой скептицизмъ не можетъ отнять или поколебать у насъ эту увѣренность.— При такомъ взглядѣ на достовѣрность человѣческаго знанія видна сама собою несправедливость основнаго положенія Юма, будто идеи субстанціальности и причинности суть произвольныя созданія нашего воображенія, которымъ не соответствуетъ ничто дѣйствительное. Что наша идея субстанціи въ приложеніи къ нашимъ духовнымъ явленіямъ имѣетъ свою реальность, въ этомъ мы убѣждены непосредственно. Наблюдая различныя дѣйствія и состоянія нашей духовной жизни, мы твердо увѣрены въ томъ, что въ основѣ ихъ лежитъ особаго рода субстанція, которую мы называемъ духомъ. По аналогіи съ нашимъ собственнымъ бытіемъ мы, наблюдая и внѣшніе предметы или явленія, предполагаемъ для нихъ нѣкоторую основу. Правда, мы не можемъ непосредственно знать эту основу, потому что мы знаемъ предметы только такими, какими они являются въ своихъ дѣйствіяхъ на насъ; но нѣтъ сомнѣнія, что различныя дѣйствія ихъ на насъ зависятъ отъ реальныхъ свойствъ, которыя лежатъ въ ихъ сущности, которая и бываетъ причиной того, что они производятъ на насъ такое, а не другое дѣйствіе. Тоже можно сказать и объ идеѣ причинности. Въ опытѣ мы замѣчаемъ, среди измѣнчивыхъ явленій и случайныхъ между ними отношеній, отношенія болѣе или менѣе неизмѣнныя и постоянныя. Это и составляетъ содержаніе нашего понятія причинности, слѣдовательно этому понятію соответствуетъ нѣчто реальное, данное въ опытѣ.

4. Мистицизмъ.

Сущность мистицизма заключается въ томъ, что онъ признаетъ какія-нибудь истины, основываясь не на отчетливомъ началѣ знанія и не на методической связи умозаключеній, но на непосредственномъ созерцаніи или чувствѣ.

Въ мистическомъ міросозерцаніи принимаютъ участіе тѣже самыя силы души, какъ и въ прочихъ направленіяхъ мыслящаго духа; оно не уклоняется отъ систематическаго развитія и построения мыслей, но особенность его та, что высшимъ критеріемъ всякой достовѣрности оно поставляетъ внутреннее, непосредственное созерцаніе или чувство. Но такъ какъ чувство или созерцаніе не заключаетъ въ себѣ реального содержанія для удовлетворительнаго отвѣта на всѣ вопросы знанія, то мѣсто разсудка и систематическаго мышленія здѣсь заступаетъ воображеніе. Наконецъ еще одна душевная сила принимаетъ участіе въ мистическихъ построеніяхъ, именно сила чувствованій. Устраняя разсудокъ, какъ силу холодную, мистикъ оцѣниваетъ всѣ впечатлѣнія и опредѣляетъ достоинство предметовъ по ихъ пріятности, или непріятности, или по тому, какъ они отражаются въ ея самочувствіи. Практическія силы, дѣйствующія въ мистикѣ, тѣже, какъ и въ другихъ направленіяхъ, но дѣятельность ихъ совершается не подъ вліяніемъ анализирующаго ума, а подъ вліяніемъ чувства, ищущаго внутренней и внѣшней гармоніи. Это неизбежно ограничиваетъ сферу практической дѣятельности мистики, и замыкаетъ и какъ-бы уединяетъ ее въ кругу внутренней области духа.

Обыкновенное сознаніе, а частію и философскія системы опираются, какъ на послѣднее основаніе достовѣрности, на непосредственную очевидность; но тамъ эта очевидность служитъ только исходною точкою для знанія, получающаго содержаніе и дальнѣйшее развитіе изъ наблюденій внутренняго и внѣшняго

міра: въ мистицизмѣ же она остается и единственнымъ источникомъ, и единственнымъ критеріемъ всякаго знанія. Это основаніе мистицизма внутреннее (субъективное). Внешнимъ (объективнымъ) основаніемъ его нерѣдко служитъ сознаніе присутствія Божества во внутренней жизни души и въ жизни міра. Историческое появленіе мистицизма означаетъ время теряющагося или потеряннаго довѣрія къ обыкновеннымъ способамъ или путямъ знанія, сознаніе бесплодности научныхъ построеній и недостаточности ихъ для жизни.

Представителями мистицизма служатъ въ древнемъ мірѣ—*неоплатоники*, въ средніе вѣка—*Яковъ Бемъ*, въ новѣйшее время—*Якоби*.

Греческая философія въ періодъ александрійскій приняла направленіе мистическое. Разнородность господствовавшихъ дотолѣ философскихъ ученій и особенно усилившіяся тогда скептицизмъ, отказывавшій человѣку въ возможности знать что-нибудь достоверное, были причиною того, что философствующая мысль стала искать выхода изъ этого тяжелаго положенія. Но выйти изъ него можно было, только оставивши чисто философскій путь изслѣдованія истины, потому что философскіе пути представлялись тогда всѣ извѣданными и не приводящими ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Въ это время восточныя религіозныя и философскія ученія обратили на себя вниманіе александрійскихъ ученыхъ. Созерцательный характеръ этихъ ученій, приписывавшихъ человѣку непосредственное общеніе съ Божествомъ, повидимому, давалъ возможность разрѣшить удовлетворительно тѣ вопросы, которые занимали тогда людей мыслящихъ. Александрійскіе философы воспользовались этими ученіями и положили ихъ въ основу своихъ философскихъ доктринъ, которыя, вслѣдствіе этого, получили особый видъ и характеръ. Такъ возникъ александрійскій мистицизмъ, называемый иначе неоплатонизмомъ. Основнымъ пунктомъ ученія александрійскихъ мистиковъ была заимствованная изъ индійской философіи: атра въ непосред-

ственное, внутреннее соприкосновение съ Божествомъ въ состояніи экстаза или восхищенія. Въ этомъ состояніи душа какъ-бы сливалась и отождествлялась съ Богомъ, вслѣдствіе чего и получала возможность знать истину непосредственно—лицомъ къ лицу. Но для того, чтобы прійти въ такое состояніе, требовалось выполненіе нѣкоторыхъ особенныхъ внѣшнихъ дѣйствій и обрядовъ. Отсюда—ученіе александрійскихъ мистиковъ о различныхъ внѣшнихъ обрядахъ, жертвахъ, очищеніяхъ и заклинаніяхъ, какъ способахъ къ сближенію и соприкосновенію съ Божествомъ. Слѣдствіемъ всего этого естественно было размноженіе и распространеніе всякаго рода суевѣрій, тайныхъ знаній, волшебства и магіи, превращеніе сверхъестественнаго и чудеснаго въ естественное и состояніи чрезвычайныхъ въ доступное каждому состояніе.—Мистицизмъ александрійскій имѣлъ вліяніе на образъ мыслей нѣкоторыхъ изъ христіанскихъ мыслителей, каковы: Климентъ александрійскій и Оригенъ. Вліянію этого мистицизма надобно, между прочимъ, приписать излишнюю склонность этихъ учителей Церкви къ таинственному и аллегорическому объясненію смысла св. Писанія и произвольность нѣкоторыхъ догматическихъ ихъ мнѣній.

Въ *средніе вѣка* мистицизмъ возникъ, какъ реакція исключительно формальному направленію схоластики. Къ концу среднихъ вѣковъ схоластическая философія, занимавшаяся рѣшеніемъ всевозможныхъ вопросовъ путемъ діалектическимъ и съ точки зрѣнія формальной логики, обратилась наконецъ въ пустую игру словами, изъ которой не выходило никакихъ плодотворныхъ результатовъ. Философствующая мысль развивалась съ ея формальной стороны, но положительнаго содержанія и запаса прочныхъ знаній у нея не прибавлялось. Это обстоятельство и вызвало въ средніе вѣка попытки къ составленію особыхъ, своеобразныхъ міровоззрѣній, при чемъ старались достигнуть истиннаго вѣдѣнія преимущественно путемъ созерца-

тельнымъ, при помощи воображенія и чувства. Такъ образовался средневѣковый мистицизмъ. Представителемъ его былъ *Яковъ Бемъ* (1575—1624 г.). Какъ вся вообще средневѣковая философія представляетъ собою смѣсь чисто философскихъ началъ и воззрѣній съ богословскими, такъ и философія Бема, наряду съ философскими, содержитъ въ себѣ элементы богословскіе, и потому носитъ характеръ теософическій. Основныя положенія теософіи Бема слѣдующія: Богъ есть высочайшее единство, въ которомъ нѣтъ ничего. Но вмѣстѣ съ единствомъ, божественной сущности свойственно самораздвоеніе. Оно необходимо съ одной стороны для того, чтобы въ Богѣ возникло созваніе, которое безъ различенія или внутренняго раздвоенія немислимо, а съ другой—для того, чтобы изъ него произошла міръ, который есть не что иное, какъ самооткровеніе Божества или тѣло Божіе. Различныя части этого тѣла тѣмъ совершеннѣе и неразрушимѣе, чѣмъ онѣ ближе къ своему общему источнику, и наоборотъ—чѣмъ онѣ дальше, тѣмъ грубѣе и кратковременнѣе. Добро въ мірѣ есть произведеніе любви Божіей, а зло—произведеніе его гнѣва. Борьба между добромъ и зломъ составляетъ высшій законъ жизни міра и каждаго отдѣльнаго существа. Конецъ этой борьбы состоитъ въ побѣдѣ добра надъ зломъ и въ соединеніи всѣхъ вещей въ Богѣ или возвращеніи ихъ въ вѣчное одно.—Человѣкъ, по ученію Бема, есть образъ и завершеніе всего міра. Въ существѣ человѣка Бемъ различаетъ три составныя части: тѣло, душу и духъ. Первые двѣ принадлежатъ человѣку, какъ существу, обитающему въ условіяхъ земнаго бытія, а духъ есть начало божественное въ человѣкѣ. Отсюда у Бема различается человѣкъ идеальный, какъ дѣйствующій подъ вліяніемъ обитающаго въ немъ божественнаго начала, и человѣкъ эмпирическій, какъ дѣйствующій по началамъ и побужденіямъ низшимъ, земнымъ.—Процессъ познанія вещей и способности, участвующія въ этомъ, Бемъ изображаетъ такъ: когда душа, побуждаемая сама

собою, выходитъ изъ глубины своего внутренняго міра во внѣшній и усваеетъ себѣ его порядокъ, факты и формы, тогда она становится разумомъ. Разумъ обнимаетъ только призракъ, а не существо вещей. Онъ даже извращаетъ все божественное, прилагая къ нему время, мѣру и вѣсь, свойственные конечному міру. Но въ немъ есть и побужденіе выйти изъ своихъ тѣсныхъ предѣловъ, и если онъ поставляетъ себя въ надлежащее отношеніе къ божественному, то бываетъ приличнымъ вспомогательнымъ орудіемъ истиннаго вѣдѣнія. Этому выходу или высвобожденію души изъ подвѣянія внѣшняго міра помогаетъ воображеніе. Оно омрачается чарами внѣшняго міра, но можетъ воспринимать и образы высшаго міра.

Мистицизмъ въ *новой философіи* вызванъ былъ критической философіей Канта. „Критика чистаго разума“ Канта имѣла своимъ слѣдствіемъ, между прочимъ, то, что высшія идеи разума, каковы: идеи Бога, свободы, безсмертія души и проч., лишились своего объективнаго или предметнаго значенія, потому что, о ученію Канта, разсудочнымъ путемъ не возможно доказать реальность предметовъ, соответствующихъ этимъ идеямъ. Правда, Кантъ придалъ этимъ идеямъ, отвергнутымъ съ точки зрѣнія теоретическаго знанія, интересъ практической, какъ требованіямъ или постулатамъ практическаго разума. Но будучи только практическими предположеніями, онѣ не доставляли никакой теоретической увѣренности, и реальность ихъ подвергалась сомнѣнію. А какъ съ этии идеями связаны самыя дорогія и священныя убѣжденія человѣчества, то и явились защитники этихъ убѣжденій: возникла философія такъ называемаго непосредственнаго убѣжденія или чувства. Высшихъ идей разума, идей вѣчнаго и божественнаго, по ученію этой философіи, дѣйствительно нельзя доказать путемъ логическимъ и средствами разсудочными, но эта недоказуемость, эта недостижимость ихъ для разума и составляетъ сущность божественнаго. Чтобы удостовѣриться въ томъ, что

лежитъ выше и за предѣлами разума,—для этого есть только одинъ органъ—чувство или вѣра. Такимъ образомъ, эта философія въ чувствѣ, въ непосредственномъ знаніи, въ вѣрѣ думала найти ту увѣренность, которой Кантъ тщетно искалъ на почвѣ разсудочнаго мышленія. Это и составляетъ главную точку зрѣнія философіи чувства, въ которой выразился мистицизмъ новаго времени. Представителемъ этой философіи былъ *Якоби* (1743—1819 г.). По ученію Якоби, разсудочная философія не можетъ понять первоначальнаго въ вещахъ—личности и свободы въ человѣкѣ, бытія личнаго и свободнаго Бога, бытія внѣшняго міра. Всѣ эти предметы суть нѣчто безусловное и первоначально данное въ нашей душѣ, а потому и не подлежатъ доказательству ума, который имѣетъ дѣло съ однимъ только условнымъ. Неудивительно поэтому, что всякая разсудочная, демонстративная философія, старающаяся понять всѣ эти вещи и доказать ихъ, приходитъ въ концѣ своихъ изслѣдованій къ фатанизму и атеизму, ставитъ на мѣсто Бога природу, т. е. механизмъ силъ природы, а на мѣсто свободы—опредѣленіе природы, т. е. механизмъ побужденій. Чтобы не прійти къ такимъ результатамъ, нужно, по ученію Якоби, принять другой источникъ для познанія міра сверхчувственнаго и другое основаніе всѣхъ человѣческихъ познаній. Этотъ источникъ и это основаніе есть вѣра, которую Якоби называетъ также иногда непосредственнымъ чувствомъ истины и разумомъ, понимая подъ этимъ послѣднимъ способность знать божественное непосредственно. Убѣжденіе въ существованіи внѣшнихъ вещей основывается, по ученію Якоби, на *вѣрѣ чувственной* или увѣренности въ томъ, что чувствамъ нашимъ открывается дѣйствительное бытіе, вѣра же чувственная необходимо ведетъ къ *вѣрѣ въ откровеніе*, и даже можетъ существовать только въ силу послѣдней. Бытіе, которое открывается намъ, предполагаетъ бытіе, которое открываетъ, или силу, которая производитъ бытіе, но этой творческой силой, причиной всякаго бытія

можетъ быть только Богъ, понимаемый въ смыслѣ высшаго духовнаго существа, отъ котораго получило начало всякое бытіе. Такимъ образомъ, послѣднимъ основаніемъ человѣческихъ познаній должна быть вѣра въ Бога и откровеніе. Эта вѣра, которую Якоби называетъ также способностію къ религіи или сверхчувственному въ человѣкѣ, есть способность первоначальная въ человѣкѣ, существенно отличающая его отъ прочихъ тварей. Если есть, говоритъ онъ, въ человѣкѣ первоначальная способность, которою онъ не по степени только, а по сущности отличается отъ другихъ тварей, то это именно способность къ сверхчувственному, обнаруживающаяся въ человѣкѣ фактомъ религіи, въ силу которой человѣкъ, чувствуя и познавая предметы, возносится къ вѣчному. Въ душѣ животныхъ нѣтъ даже легкаго ощущенія, даже темнаго инстинкта сверхчувственнаго, и потому нѣтъ ничего, чтѣ можно было бы сравнить съ религіей, между тѣмъ какъ у нихъ мы замѣчаемъ нѣчто, аналогическое человѣческому уму. Этотъ фактъ доказываетъ, что способность къ религіи или вѣра есть существенная черта, отличающая человѣка отъ животныхъ. Способность эта и должна быть исходнымъ пунктомъ, отъ котораго должна отправляться всякая наука и на которомъ, въ послѣднихъ своихъ основаніяхъ, должно опираться всякое человѣческое познаніе.

1) Мистицизмъ, какъ противодѣйствіе исключительно разсудочному, сухому, отвлеченному мышленію, имѣетъ свой смыслъ и значеніе; но если онъ не управляется здравымъ, самообладающимъ мышленіемъ, то можетъ довести до самообольщенія, игры воображенія, произвольныхъ мистическихъ созерцаній, и потому можетъ сдѣлаться болѣзненнымъ явленіемъ. 2) Признаваемое имъ за авторитетъ непосредственное созерцаніе истины отличается непредѣленностію, шаткостію и даетъ мѣсто произвольнымъ толкованіямъ. Непосредственное созерцаніе не можетъ быть единственнымъ источникомъ и критеріемъ всякаго знанія. Очевидность

непосредственная должна служить въ философскихъ изслѣдованіяхъ только исходной точкой для знанія, которое получаетъ свое содержаніе и дальнѣйшее развитіе изъ наблюденій внутренняго и внѣшняго міра. Иначе познаніе философское и научное ничѣмъ не отличалось бы отъ познанія людей простыхъ и неученыхъ, и всякія произвольныя мечты воображенія получали бы свое оправданіе въ томъ, что человѣкъ, создавшій эти мечты, непосредственно созерцаетъ ихъ истинность. Поэтому 3) мистицизмъ несправедливо поступаетъ, пренебрегая систематическимъ изученіемъ предметовъ и явленій. Это изученіе расширяетъ нашъ взглядъ на вещи, знакомитъ насъ со свойствами и отношеніями предметовъ и явленій, побуждаетъ провѣрять наши выводы и заключенія, и сообщаетъ такимъ образомъ нашимъ мыслямъ и воззрѣніямъ большую твердость, истинность и достовѣрность. 4) Мистикъ, въ крайней своей степени, имѣетъ вредное вліяніе на жизнь. Погруженный въ міръ своихъ мыслей, занятый своими субъективными созерцаніями, мистикъ обыкновенно чуждъ бываетъ живыхъ впечатлѣній окружающей его дѣйствительности. Волнующіе другихъ людей интересы, планы, надежды мало или вовсе не трогаютъ его, и онъ остается равнодушенъ ко всему этому, вслѣдствіе чего на жизни его отражается характеръ исключительности, замкнутости и отчужденности отъ всего живаго и дѣйствительнаго. 5) Мистическая настроенность духа, въ крайнихъ своихъ предѣлахъ, можетъ быть опасна въ отношеніи къ религиознымъ вѣрованіямъ и церковнымъ учрежденіямъ. У мистика, вслѣдствіе особенной настроенности его мыслей, являются своеобразныя представленія о Божествѣ и его отношеніяхъ къ міру и человѣку. Церковные догматы и вѣрованія получаютъ у него совсѣмъ другой смыслъ и значеніе. въ слѣдствіе чего опасность впасть въ ересь угрожаетъ мистика болѣе, чѣмъ кому-либо другому. Увѣренность въ непосредственномъ соприкосновеніи съ Божествомъ ведетъ почти

всегда мистиковъ къ пренебреженію внѣшними дѣйствіями, учрежденіями и обрядами, которые установила Церковь для выраженія извѣстныхъ догматовъ и возбужденія въ вѣрующихъ благочестивыхъ чувствованій, хотя въ то же время религиозное чувство самихъ мистиковъ находитъ свое выраженіе въ нѣкоторыхъ своеобразныхъ и странныхъ обрядахъ, которые ими употребляются. 6) Мистицизма не чужды были и нѣкоторые изъ людей глубоко ученыхъ, систематически занимавшихся естествознаніемъ и точными науками. Причиной этого было то, что эти люди, исключительно занимавшіеся только науками, относящимися ко внѣшней природѣ, брали на себя роль истолкователей религиозныхъ и метафизическихъ истинъ, которыя для своего объясненія требуютъ систематической подготовки и глубокаго, всесторонняго изученія явленій нравственной природы человѣка. Поэтому Ньютонъ впалъ въ мистицизмъ, когда онъ принялся за объясненіе св. Писанія, и Контъ сдѣлался мистикомъ, когда онъ вздумалъ примѣнять свой естествознательный методъ къ наукамъ нравственнымъ и къ рѣшенію вопросовъ религиозныхъ.

5. Философія здраваго смысла.

Сенсуализмъ, идеализмъ и скептицизмъ, ввѣтые въ своихъ основаніяхъ и проведенные послѣдовательно, заключаютъ въ себѣ много крайностей и односторонностей. Въ сенсуализмъ, основывающемъ все знаніе на чувственныхъ ощущеніяхъ, подрывается всякое довѣріе къ обобщающимъ разсудочнымъ выводамъ и прирожденнымъ нашему духу идеямъ, какъ началамъ разумно-чувственной жизни человѣка. Идеализмъ, утверждаясь на этихъ прирожденныхъ идеяхъ, въ послѣднихъ своихъ результатахъ, приходитъ къ отрицанію существованія внѣшняго міра. Скептицизмъ, не признавая достовѣрнаго источника знанія ни въ чувствахъ, ни въ идеяхъ, приходитъ къ сомнѣнію въ возможности

приобрѣтенія какихъ-либо прочныхъ, всеобщихъ истинъ и достовѣрныхъ знаній. Какъ противодѣйствіе крайностейъ всѣхъ этихъ направленій, возникла философія такъ называемаго *здраваго смысла*. Основателемъ ея былъ *Томасъ Ридъ* (1704—1796 г.), послѣ котораго направленіе это продолжалось и продолжается въ *шотландской школѣ*. Философія Рида явилась въ то время, когда господствовалъ съ одной стороны идеализмъ Беркли, утверждавшій, что мы познаемъ только образы, идеи вещей, а не самыя вещи, а съ другой—скептицизмъ Юма, по которому мы, познавая предметы, не можемъ быть положительно увѣрены въ томъ, что высшимъ нашимъ обобщеніемъ (каковы на примѣръ идеи субстанціальности и причинности) соответствуетъ что-нибудь существующее въ дѣйствительности. Въ томъ и другомъ случаѣ, очевидно, подрывались основы достовѣрности и истинности человѣческаго знанія. Чтобы спасти эту достовѣрность, Ридъ оставилъ путь, которому слѣдовали доголѣ философы, и обратился для рѣшенія вопроса о достовѣрности знанія къ такъ называемому здравому смыслу. По мнѣнію Рида, для того, чтобы рѣшить вопросъ о познаніи человѣческомъ и его достовѣрности, не нужно пускаться въ утонченныя изслѣдованія о томъ, можетъ ли и какъ можетъ человѣкъ познавать истину, а нужно—для оцѣнки достовѣрности и истинности извѣстныхъ положеній и фактовъ—спросить, убѣждено ли и насколько сильно убѣждено общее сознаніе людей или здравый ихъ смыслъ въ этихъ положеніяхъ и фактахъ. Всѣ мы, по словамъ Рида, убѣждены, между прочимъ, въ слѣдующихъ вещахъ: 1) что мы мыслимъ, вспоминаемъ, разсуждаемъ, умозаключаемъ—вообще имѣемъ разнаго рода духовныя дѣятельности; 2) что всѣ эти дѣятельности принадлежатъ одному и тому же мыслящему началу, которое мы называемъ нашимъ я или духомъ; 3) что существуютъ внѣшніе предметы, которые мы воспринимаемъ нашими внѣшними чувствами, хотя эти чувства и воспринимаютъ только свойства, атрибуты предме-

товъ, а не самую ихъ сущность; 4) что каждое явленіе, каждое измѣненіе въ природѣ должно имѣть свою причину; 5) что есть свобода въ человѣкѣ, правда и неправота въ человѣческихъ поступкахъ. Что служитъ основаніемъ нашего убѣжденія во всѣхъ этихъ вещахъ?—То, что онѣ присущи здоровому, непредубѣжденному предразсудками уму большинства людей. Здравый смыслъ увѣренъ во всемъ этомъ, и никакіе доводы философскіе не въ состояніи поколебать этихъ убѣжденій. Такимъ образомъ, здравый смыслъ и основанная на немъ вѣра или увѣренность должны служить, по мнѣнію Рида, основаніемъ достовѣрности нашихъ знаній. Въ частности теорія Рида относительно познанія: внѣшнихъ предметовъ и убѣжденія нашего въ бытіи внѣшняго міра состояла въ слѣдующемъ: чувства, по мнѣнію Рида, имѣютъ двойное назначеніе: они доставляютъ намъ различныя ощущенія, пріятныя, непріятныя и безразличныя, но въ то же время они порождаютъ въ насъ понятія о внѣшнихъ предметахъ и неодолимую вѣру въ ихъ существованіе. Эти понятія и эта вѣра, порождаемая въ насъ природою чрезъ посредство чувствъ, и суть то, что мы называемъ познаніемъ внѣшнихъ предметовъ. Посредствомъ ощущеній мы познаемъ въ предметахъ существованіе извѣстныхъ качествъ, способныхъ производить ихъ. Эти качества Ридъ раздѣляетъ на главныя и второстепенныя. Главныя, по его словамъ, мы познаемъ непосредственно, а второстепенныя посредственно.

Философія здраваго смысла имѣетъ значеніе, какъ попытка избѣжать въ рѣшеніи вопроса о познаніи крайностей эмпиризма, идеализма и скептицизма, но основной принципъ ея, проведенный послѣдовательно, можетъ вести къ результатамъ, неблагоприятнымъ для философіи и научнаго мышленія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое здравый смыслъ, на который эта философія ссылается, какъ на основу достовѣрности нашихъ знаній? Это—мнѣніе, непосредственное убѣжденіе въ чемъ-нибудь большинства людей. Но принять это мнѣніе и

убѣжденіе за критерій истины безусловно и всегда—
нельзя. Не говоря уже о томъ, что иногда даже боль-
шинство людей ученыхъ, специально изслѣдующихъ ка-
кую-либо отрасль званія, смотритъ на дѣло односторон-
нимъ образомъ, и слѣдовательно не достигаетъ истины,
масса людей, не посвященныхъ въ тайнства науки, рѣдко
понимаетъ смыслъ и значеніе окружающихъ ее пред-
метовъ и явленій, и потому полагаться на ея непо-
средственное чувство, какъ на основу достовѣрности
знанія, невозможно. Вообще, если поставить крите-
ріемъ истинности знанія одинъ здравый смыслъ, то
это значить предпочесть ненаучное сознаніе научному
и популярное мышленіе мышленію философскому, что
будетъ прямымъ извращеніемъ существа дѣла. Убѣжде-
нія здраваго смысла и непосредственнаго чувства мо-
гутъ быть только исходнымъ пунктомъ въ научныхъ и
философскихъ изслѣдованіяхъ. Они должны быть тща-
тельно провѣряемы философскимъ мышленіемъ, чтобы
получить научную цѣнность и истинность.

В. Голубинскій.

ОЧЕРКЪ

РЕЛИГИОЗНАГО СОСТОЯНІЯ КРЕЩЕННЫХЪ ТАТАРЪ, ПОДВЕРГШИХСЯ ВЛІЯНІЮ МАГОМЕТАНСТВА.

(МИССИОНЕРСКІЙ ДНЕВНИКЪ)

(продолженіе)

27-е число сентября. Нынѣ утромъ пришла къ намъ Прасковья (слѣпая) и принесла гостинецъ—чашку молока. Мы съ своей стороны напоили ее чаемъ. Она передавала, что сынъ ея Дмитрій нейдетъ нынѣ къ намъ, потому что боится, какъ бы его не побили, такъ какъ онъ позабылъ урокъ свой. Яковъ читалъ Прасковѣ нѣкоторыя мѣста изъ Евангелія Матѳея и очень часто примѣнялъ слова Спасителя, сказанныя къ фарисеямъ, къ отступникамъ и вообще къ магометанамъ. (Объ этомъ подробно записалъ Яковъ въ своемъ дневникѣ). Гостинецъ Прасковьи для насъ дорогъ потому особенно, что она сама его принесла, между тѣмъ какъ мы съ трудомъ находимъ молока за деньги, не потому, что бы не было у крещеныхъ молока, но потому, что вооружены всѣ противъ русскихъ. У насъ даже нѣтъ самовара и мы приготавлиемъ себѣ чай особымъ способомъ. У бѣдныхъ людей имѣются, вмѣсто самовара, такъ называемыя *уталки* (небольшія жаровни, родъ внутренней самоварной трубы). На

низу утлыка рѣшетка, вверху тоже,—что замѣняетъ канфорку. Вода кипятится въ котлѣ, а чай кладется въ чайникъ, обваривается кипяткомъ, послѣ чего чайникъ ставится на утлыкъ, въ которомъ находятся горящія уголья. Домна передавала намъ, что самовара теперь никто не дастъ на подержанію даже и за деньги. Если бы для муллы потребовался самоваръ, всякій бы поспѣшилъ съ услугами. Въ самомъ дѣлѣ это подтвердилось. Нынѣ утромъ прѣвхаль за хивлемъ къ Кондратію деревни *Баландышъ* (въ 2-хъ верстахъ отъ Елышева) *мулла—Шагій*. Не успѣла Домна выдти, какъ уже добилаась новый самоваръ, чтобы поставить для муллы, между тѣмъ прежде, для насъ, кто-то давалъ ей самовары никуда негодные, либо съ худымъ текучимъ, либо вовсе съ засореннымъ краномъ, съ течью изъ-подъ ручекъ и съ другими неудобствами. Мулла Шагій былъ у Кондратія недолго; онъ говорилъ, что къ обѣду непременно долженъ быть дома. а потому даже не пилъ и чая и новый самоваръ роспили мы. Вѣроятно мулла стѣснился моего присутствія. Кондратій передавалъ мнѣ однажды, что баландышскій мулла не разъ, при свиданіяхъ, говорилъ Кондратію: жачѣмъ онъ одинъ остается въ христіанской вѣрѣ, тогда какъ всѣ прочіе выходятъ въ магометанство, и уговаривалъ его послѣдовать примѣру прочихъ.

Утромъ еще къ намъ приходилъ помощникъ писаря, магометанинъ. Все волостное правленіе, словомъ все сельское начальство, кромѣ писаря, состоитъ здѣсь изъ магометанъ. Борисъ утромъ занимался нынѣ записываніемъ сказокъ и загадокъ со словъ крещеныхъ татаръ.

Вечеромъ приходила къ намъ какая-то женщина крещонка. Я въ это время записывалъ со словъ Якова его разговоры съ женой Давуда. Я замѣтилъ, что въ рѣчахъ Якова отразился немного характеръ евангельскихъ словъ Спасителя изъ 23-й главы Ев. Матѳея. Онъ упрекаетъ крещеныхъ за отступничество и восклицаетъ: ей жибсеэляръ, дивсиэляръ, т. е. нераа-

умные, невѣрные и т. п. Поутру онъ читалъ 23-ю главу Прасковьи. Теперь пришедшей крещонкѣ началъ читать ту же главу Борисъ. Она явилась въ шапкѣ, по магометанскому обычаю, какъ-то подозрительно по-сматривала на всѣхъ насъ, нехотя согласилась слушать предложенное ей чтеніе. Впрочемъ она слушала недолго. Похвалилась, что у ней зять умѣетъ читать порусски, но не велитъ ей знаменоваться крестнымъ знаменіемъ. Когда, по поводу этого, Яковъ и Борисъ стали ей говорить, что на иконахъ изображается ликъ воплотившагося Спасителя нашего, или лики святыхъ угодниковъ Божіихъ, кои ходатайствуютъ за насъ предъ Богомъ, женщина, съ свойственнымъ магометанкѣ фанатизмомъ, оставила нашу квартиру. По уходѣ ея Кондратій, бывший свидѣтелемъ этой сцены, указалъ, что хуже этой женщины, упорнѣе по приверженности къ магометанской вѣрѣ, нѣтъ никого изъ женщинъ. О Давудѣ (Давидъ Савельевъ) и братѣ его Захарѣ Савельевомъ Кондратій также передалъ, что они состояли въ числѣ главныхъ подстрекателей крещенныхъ къ магометанству. Давудъ будто былъ въ числѣ повѣренныхъ, на немъ лежала обязанность ходить по дворамъ крещенныхъ одноподверженцевъ и объявлять, чтобы *убирали иконы, куда знаютъ...* Изъ разговора Якова съ его женой видно, что семья эта, въ самомъ дѣлѣ далека отъ христіанства. *Аминь* они держатъ по татарски.

Я читалъ Кондратію 13 и 14 главы Евангелія Маттея. Конецъ послѣдней главы слушала и Домна. Кондратій, по окончаніи чтенія, сказалъ: вотъ вѣдь нейдутъ слушать тебя. А если бы сказать, что мулла пріѣхалъ и хочетъ читать, такъ всѣ бы сбѣжались. Мы уже и писарь смѣялся, продолжалъ онъ, чтобы сказать объ васъ крещенымъ, что мулла пріѣхалъ и хочетъ читать.

Мы отправились было всѣ трое къ Федору Степанову (Бикквя); но на дорогѣ попался его братъ и сказалъ, что Бикквя нынѣ оправился на сторону шить.

Мы пришли къ бѣдняку *Ибраю* (Ивану Гѣрентьеву), у коего Яковъ читаль 23 и 24 главы Евангелія Маттея съ примѣненіемъ словъ Спасителя, обращенныхъ къ фарисеямъ, къ татарамъ: „вотъ и татары тоже: они моются, моются и проч.“. Жена Ибрая, которой понравилось чтеніе, хотѣла придти къ намъ на квартиру слушать чтеніе. Пришелъ еще къ Ибраю шерстобить одноподеревенецъ старикъ и онъ слушалъ. Возраженій никакихъ не было.

28 числа — Борисъ отправился съ Кондратіемъ Филиповымъ на базаръ закупить кое-какихъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ: соли, которой у насъ день цѣлый вовсе не было, масла, крупы, а также бумаги и нѣсколько крестиковъ. Множество дѣтей въ Елышевѣ ходятъ безъ крестовъ.

Я отправлялся было познакомиться съ писаремъ П. Ив., но онъ отправился на базаръ же въ деревню *Учъ-наратъ*. Въ волостное правленіе пріѣхали нѣкоторые изъ сосѣднихъ деревень вложить подати, русскихъ человекъ 5 и человекъ 20, если не больше, магометанъ. Я вошелъ въ правленіе, гдѣ встрѣтилъ уже известнаго мнѣ голову магометанина Камаледина, довольно уже замужившаго горячительнаго напитка, а также здѣсь встрѣтилъ я и Матвѣя Васильева, крещенина елышевскаго. Осмотрѣвши правленіе, я спросилъ голову, знаетъ ли кто-либо изъ присутствующихъ магометанъ татарскую грамоту. Двое вызвались. Я далъ читать одному раскрывшееся мѣсто въ Коранѣ. Татаринъ началъ читать. Водворилось глубокое молчаніе. Давши магометанину прочесть стиха два-три, я остановилъ его и просилъ его рассказать то, о чемъ онъ прочесть, слушателямъ. Чтець не въ состояніи былъ понимать прочитаннаго; другой знатокъ грамоты тоже не могъ пособить читавшему. Сказавши по этому поводу нѣсколько словъ о необходимости знать содержаніе читаемаго, я наклонилъ рѣчь къ тому, какъ многіе магометане, не зная своего закона, говорятъ, когда русскій начнетъ что-либо говорить изъ

своего закона, что и у нихъ—магометанъ тоже самое, или также сказано. Въ это время Матвѣй Васильевъ сказалъ, что онъ недавно слушалъ у меня Евангеліе, и обратившись ко мнѣ, сказалъ, чтобы я почитала изъ Евангелія. Это меня даже удивило и порадовало: у меня образовалось понятіе о немъ далеко не въ его пользу. Я началъ читать 5-ю главу Евангелія отъ Матѣея на народно-татарскомъ языкѣ. (Отправляясь въ волостное правленіе къ писарю, я предполагалъ, что увижу тамъ голову магометанина и помощника писаря, тоже магометанина, а потому взялъ съ собою довольно книгъ: Евангеліе отъ Матѣея, книгу Премудрости сына Сирахова, букварь и книгу Бытія на татарскомъ языкѣ, новый завѣтъ на русскомъ и Коранъ на арабскомъ). Когда я читалъ 31 и 32 стихи „кто разведется съ женою“ и проч., Матвѣй В. говорилъ, что Гайса (онъ называетъ Иисуса Христа Гайсою, какъ вообще называютъ Его магометане и какъ Онъ называется въ Коранѣ *عيسى*) предписалъ *легкій* законъ. Моисей велѣлъ побивать камнями за прелюбодѣяніе, а Иисусъ Христосъ не велѣлъ убивать. Подвердивши слова Матвѣя В., я сказалъ, что въ этомъ мѣстѣ у насъ много разницы съ закономъ татарскимъ. У насъ разводъ не дозволяется, кромѣ вины прелюбодѣйной, иначе человекъ, пустившій жену свою, подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать и тотъ прелюбодѣйствуетъ, кто возьметъ отпущенную. У магометанъ разводъ дѣло очень обыкновенное, и не считается прелюбодѣемъ ни тотъ, кто отдѣляетъ жену отъ себя, ни тотъ, кто беретъ такую пущеницу себѣ въ жены. Противъ этого никто ничего не говорилъ. Вообще во время чтенія всей главы вниманіе было хорошее; всѣ хвалили прочитанное. Наконецъ я прочиталъ 44-й стихъ о любви ко врагамъ. Вотъ, сказалъ я, и здѣсь у насъ различіе большое съ магометанами. У насъ вѣрно всякаго человека считать ближнимъ своимъ и любить даже враговъ своихъ, а у магометанъ не такъ. — Нѣтъ и у насъ *такъ*, возразилъ

одивъ изъ знающихъ грамоту татарскую. — Напрасно ты гоноришь, что и *у васъ такъ*. Коранъ вамъ предписываетъ совсѣмъ другое. Онъ повелѣваетъ, чтобы вы причиняли своему врагу всякія несправедливости, а любить враговъ вовсе не велить. — Такъ, такъ, сказалъ какой-то молодой магометанинъ. Грамотникъ сердито посмотрѣлъ на своего собрата и повторилъ еще то же, что и у нихъ *такъ*. — Я тебѣ покажу, наконецъ, изъ твоего Корана, что не такъ. Напр. вы считаете и называете постоянно насъ — русскихъ кафирами (невѣрными), а невѣрный человекъ и есть, безъ сомнѣнія, врагъ. — Найди, найди, какъ Коранъ говоритъ, нетерпѣливо спрашивалъ Матвѣй В. — Я съ удовольствіемъ, для его же разубѣжденія въ высотѣ магометанской религіи, подыскалъ и прочиталъ поарабски два мѣста. Первое изъ сур. VIII, 40: **وَقْتُلُوهُمْ حَتَّى لَا تَكُونَ فِتْنَةٌ**

وَيَكُونَ الدِّينُ كُلُّهُ لِلَّهِ е. т. убивайте ихъ (невѣрныхъ), пока не будетъ искушенія (къ идолопоклонству или вообще невѣрью) и пока не будетъ одной религіи Аллаху и проч. Сур.

IX, 5: فَذَا أَنسَخَ الْأَشْهُرَ الْحُرْمَ فَاقْتَلُوا الْمُشْرِكِينَ حَيْثُ وَجَدْتُمُوهُمْ وَخَذُوهُمْ

وَاحْصُرُوهُمْ وَأَقْبِلُوا لَهُمْ كُلَّ مَرْصِدٍ т. е. по окончаніи священ-

ныхъ мѣсяцевъ, убивайте мяшриковъ (каковыми считаютъ магометане и русскихъ) вездѣ, гдѣ вы ихъ найдете, берите ихъ въ плѣнъ, осаждайте ихъ и караульте во всякой засадѣ и проч. — Развѣ это значить любить враговъ? Гдѣ же *у васъ также*? У васъ далеко не такъ, а много похуже. Вотъ почему въ турецкой землѣ, гдѣ исполняется законъ магометанскій и трудно жить христіанамъ, съ нихъ берутъ подушныхъ денегъ гораздо больше, нежели съ магометанъ, а у насъ въ Россіи, гдѣ держится законъ христіанскій, не такъ. Вотъ вы всѣ пріѣхали сюда взносить подушныя. Что, съ васъ — маго-

жетанъ больше русскихъ положено брать, или нѣтъ?— Все равно.—То-то же и есть. Вамъ въ Россіи никакого нѣтъ притѣсненія, земля вамъ дана, какъ и русскимъ, подушныя платите одинаковыя съ русскими. Если вы поставляете рекрута, то и русскіе не освобождены отъ этого. Видите, что нашъ законъ *и намъ и вамъ* одинаково повелѣваетъ дѣлать добро. Грамотнику я давалъ прочитатъ оба вышеприведенныя мѣста самому, чтобы онъ не подумалъ, что я говорю неправду. Грамотникъ опять хотѣлъ немного оправдать свой Коранъ.—И у насъ, продолжалъ онъ, законъ не позволяетъ насильно принуждать къ вѣрѣ.—Какъ же не велить, когда вышеприведенныя мѣста (особенно IX глава) прямо показываютъ, что того *невѣрнаго врага*, который не захочетъ принять ислама, велѣно убить или обложить трудною податью. Правда, въ другомъ мѣстѣ сказано въ Коранѣ, чтобы не принуждать никого къ вѣрѣ, потому что принятіе вѣры есть дѣло божественнаго вліянія или внушенія; но тогда я опять могу сказать вамъ: чему же вѣрить? Тѣ ли слова вашего Корана справедливы, которыя повелѣваютъ убивать невѣрныхъ, или тѣ, которыя этого не дозволяютъ? Зачѣмъ же законъ неодинаково говоритъ? Нѣтъ, скажу я опять, не говорите, когда не знаете ни своего, ни нашего закона, что и *у васъ также*, какъ у насъ. Иначе на душѣ вашей будетъ грѣхъ. Лучше молчите.—Ну, читай еще, говорилъ Матвѣй В.—Я продолжалъ чтеніе до 7-ой главы. Послѣ этого я взялъ букварь и началъ читать объясненіе заповѣдей (стр. 49 до конца). Когда я читалъ 5-ю заповѣдь, то сказалъ, что и здѣсь татарину нельзя исполнить заповѣди къ родителямъ. Напр. заповѣдуется: почитай *отца своего и мать свою*. Но если татаринъ беретъ себѣ трехъ жень, дѣти первой жены будутъ ли почитать двухъ остальныхъ, находящихся на лицо, жень *отца своего своими матерями*? Равнымъ образомъ и дѣти двухъ послѣднихъ жень *первую* и т. п.? Очень извѣстно всякому мусульманину, какое почтеніе и какое послушаніе

оказываютъ дѣти различныхъ женъ не только постороннимъ женамъ—не матерямъ своимъ, но даже и самому родителю. У насъ напротивъ не такъ. Богъ создалъ Адама и Еву и соединилъ ихъ обоихъ въ любви и единодушїи (при этомъ я прочиталъ изъ книги Бытія 7—10, 15—19, 21—25 стихи изъ 2-й главы). Богъ сотворилъ мужа и жену—пару или чету, точно также и въ животныхъ. И дѣти поэтому должны почитать *своего отца и свою мать*. Когда я продолжалъ читать о томъ, какъ слѣдуетъ чествовать св. иконы, всѣ магометане побуждали другъ друга выслушать это внимательнѣе. Когда я прочиталъ объ этомъ первую строчку, то всѣ почти заговорили, что они, не зная дѣла, упрекаютъ русскихъ. Когда я кончилъ о почитанїи иконъ, одинъ мухаммедавинъ сказалъ: „какъ же у васъ русскіе говорятъ, послѣ обѣда или послѣ ужина: молиться надобно *Богу*, и встаютъ *предъ иконами*“? Развѣ ты не слыхалъ, что я читалъ: аларга (тыриляр-га) карабъ конглибезгя Алланы жя ауліялярны тюши-рибъ башырабызъ, т. е. смотря на иконы, воспоминаемъ Бога и святыхъ Его и покланяемся имъ“. Если же и говорятъ: *Богу* молиться, то вовсе не разумѣютъ подъ иконами Бога: самыя иконы называть Богомъ не слѣдуетъ. Это говорятъ развѣ только люди неученые, простые мужички, черные или темные люди. Ты напр. какъ молишься послѣ обѣда, спросилъ я татарина.—Я Богу молюсь.—Хорошо. Какъ же ты молишься? Татаринъ молчалъ. Ну, ты поднимаешь руки, говоришь аминь.—Такъ.—А какую молитву ты читаешь? Татаринъ молчалъ. На помощь ему явился голова Камаледдинъ.—У насъ вотъ какая молитва: „я раббана! атина“... и проч.—Хорошо; что же это значитъ? Голова не перевелъ своей молитвы. Какъ же вы разыскиваете съ простыхъ русскихъ мужиковъ, когда и сами не знаете, какую молитву читаете или *какъ* молитесь *Богу*? У насъ напротивъ очень понятная молитва послѣ обѣда. И при этомъ любознательность показалъ Матвѣй В.—Прочитай-ка, какая молитва.—Я прочиталъ молитвы

предъ обѣдомъ и послѣ обѣда (букварь стр. 17). Матвѣй В. просилъ даже повторить ихъ. Что я исполнилъ. Голова возразилъ: что это такое значить *кюктяги дуалатъ*, дождь что ли? Я объяснилъ, что подъ *небесными милостями* разужбютея радости царства небеснаго, а голова назвалъ меня за это „галимъ кеше“. Послѣ я объяснялъ еще, что икона для человѣка тоже, что величественное небо, устѣанное звѣздами. Глядя на небо, человѣкъ невольнѣ вспоминаетъ и прославляетъ Бога творца и создателя: такъ возбуждаетъ сердце христіанина и св. икона. За тѣмъ я дочиталъ объясненіе заповѣдей. Конецъ объясненія татары слушали не всѣ; потому что голова началъ приемъ подушенья. Хочу замѣтить, что когда голова не очень исправно читалъ мнѣ молитву на арабскомъ языкѣ, по плохой ли памяти, или подъ вліяніемъ напитка, то Матвѣй В. подказывалъ ему слова молитвы. Ясный опять признакъ, что мусульманство гнѣздится сильно въ душѣ Матвѣя. Видя, что всѣ теперь будутъ заняты, я раскланялся и ушелъ домой. Замѣчу еще, что, кромѣ Матвѣя В., были здѣсь и другіе крещеные татары.

Пріятно было мнѣ возвратиться домой: меня утѣшаетъ теперь надежда, что Матвѣй В., быть можетъ, кому-либо скажетъ изъ крещеныхъ елышевцевъ, что въ Коранѣ есть мѣста хуже закона евангельскаго; а послѣ этого, быть можетъ, и еще кто-либо пожелаетъ выслушать что-либо о законѣ Христовомъ и неправыхъ предписаніяхъ Магомета. Я благодарилъ Господа. Вечеромъ явился Алексѣй Васильевъ и привелъ сына своего *Степана* учиться. Прежде всего онъ самъ пожелалъ послушать еще кое-чего. Яковъ читалъ ему изъ букваря (8—15 стр.). Онъ передалъ, что бывъ его немного учился потатарски. Вчера, говорилъ Алексѣй Васильевъ, у одного крещонина были поминки на обѣдѣ говорили и объ васъ. Многіе боятся отдать вамъ дѣтей учиться, говорятъ, что вы увезете и отдадите дѣтей въ царскую, казенную службу. Не разъ

уже приходилось слышать и опровергать эти рѣчи. Теперь, Алексѣю я сказала: вѣсть, кто этого боится, не отдаетъ къ намъ дѣтей своихъ. Тогда сердце будеть у такихъ людей, спокойно и дѣти дураками останутся, при нихъ же. Ужели я чиновникъ какой, и уже, если бы нужны были царю ихъ дѣти, царь не имѣлъ бы права забрать ихъ для учевья? Но мы вовсе не того желаемъ; у насъ учатся мальчики по своей, только охотѣ, и по желанію родителей.

Ковдрацій вернулся съ Борисомъ съ покупками. Улучивши свободное время, Ковдрацій желалъ послушать. Ему прочитаны были 15—17 главы Евангелія Матѣя. Вечеромъ Яковъ читалъ изъ Евангелія о кончинѣ міра Прасковья и еще какой-то дѣвицѣ, которую привела Прасковья. Читалъ имъ еще онъ же объясненіе заповѣдей. Послѣ этого Борисъ и Яковъ учили дѣтей пѣть дотатарски „Отче нашъ—Эй кюктаги Атабызъ“. Разучивали, дѣть: *Татый*, *Иванъ* (эти оба знаютъ теперь пѣть эту молитву), *Натомъ* (она пришла съ гармоникой и 5-ю мелкими магометанскими книгами), дѣвочки *Авдомъ* и *Отинджъ* (Афимья) и *Степанъ*, сынъ Алексѣя Васильева.

29-е ч. сентября. Вчера вечеромъ послѣ ужина приходила къ намъ Домна и говорила, что очень хорошо поютъ молитвы Яковъ съ Борисомъ. Я отвѣчала, что и дочь ея Татый знаетъ уже одну молитву, а также и сынъ Иванъ: „Эй кюктаги Атабызъ“. Почти послѣ каждаго ужина Яковъ съ Борисомъ спускаются на низъ и тамъ расцѣвотъ молитвы на татарскомъ языкѣ. Оттуда доносятся звуки и до меня. Они поютъ тамъ иногда довольно долго; спюютъ многое потатарски, попоютъ немного дорусски и возвращаются на верхъ, послѣ чего мы творимъ вечернюю молитву и ложимся спать.

Нынѣ приходилъ къ намъ отецъ Натальи Григорій. Я спрашивалъ его, знаетъ ли онъ татарскую грамоту; онъ отвѣчалъ отрицательно. Яковъ показывалъ ему картинки изъ ветхозавѣтной исторіи и кратенько

передавалъ ихъ содержаніе. Въ это время мнѣ пришло на мысль, со временемъ подобрать больше такихъ картинъ изъ священной исторіи ветхаго и новаго завета, которыя бы рѣзко поражали религиозно-магометанскія понятія. Послѣ я далъ Якову книгу Бытія, чтобы онъ почиталъ сначала. Прочитано было 3 главы. Григорій видимо былъ доволенъ чтеніемъ; онъ просилъ когда-либо придти къ нему напиться чаю.

Послѣ обѣда довольно долго мальчики пѣли: „Эй кюктаги Атабызъ“, Баширъ рассказывалъ Борису, что онъ самъ и желалъ бы учиться у насъ, но его бабушка называетъ русскую грамоту „чертовскою“. Я намѣренъ когда-либо послать къ этой бабушкѣ Якова, или Бориса почитать изъ книги Премудрости, или же изъ Евангелія; пусть она, услышавши, узнаетъ, что въ нашихъ книгахъ ничего дурнаго нѣтъ. — Борисъ замѣтилъ также, что Дмитрій, сынъ Прасковьи, свѣдѣлъ съ себя тотъ крестъ, который сдѣлалъ было для него Борисъ.

Предъ ужиномъ я читалъ Кондратію 18—20 главы Евангелія Маттея. Послѣднюю главу (20-ю) слушала и его жена Домна. Я сказалъ ей, что она должна, послѣ, заставить Якова прочитать для себя все Евангеліе отъ Маттея, потому что она во многихъ мѣстахъ не слушала, когда я читалъ Кондратію.

30-е число сентября. Мы нынѣ отправляемся въ трое въ деревню Никифорову, родину Якова и Бориса, къ празднику цокрова пресвятыя Богородицы. Насъ отправляетъ туда на своей лошади едышевскій же крещонинъ. За чаемъ Кондратій разговорился объ обыденныхъ предметахъ и очень недурно воспользовался вчерашнимъ евангельскимъ чтеніемъ о наймѣ виноградаремъ работниковъ для своего сада и о равной платѣ всѣмъ при расчетѣ. Я порадовался этому. Автовъ, нашъ извозчикъ, отъ кого-то (вѣроятно отъ Кондратія) слышалъ о качествахъ нашихъ книгъ и сожалѣлъ, что сынъ его не можетъ поучиться, такъ какъ онъ отправился до весны *за Каму* (т. е. за рѣ-

ку Каму шить). Такъ какъ и Кондратій съ женой отправляется также къ покрову въ Никифорову же (у него жена взята изъ деревни Никифоровой), то они пригласили домовничать довольно взрослую дочь Антона. Дѣвушка эта два года училась у жены *баландыскаго муллы Шагия* по магометанскимъ книгамъ. Къ счастью училась такъ безтолково, что ровно почти ничего не понимаетъ изъ прочитаннаго. Она читала по складамъ (а у магометанъ читать по складамъ ужасно безтолково, во сто разъ непонятнѣе того, какъ изъ русскихъ словъ *види арцы их-ру* выходитъ только *дру*). Когда она читала первую страницу о холерѣ (¹), я остановилъ ее, спросилъ, понимаетъ ли она что-либо. Она отвѣчала: не понимаю; слова *здѣсь* все равно, что въ Гафтіякѣ.—У кого ты училась, спросилъ я.— Въ деревнѣ Баландышъ, у жены муллы *Шагия*.—Сколько ты времени училась?— Два года, только хорошенько еще не выучилась.

Перваго числа октября, на праздникъ покрова пресвятыя Богородицы мы всѣ трое были въ селѣ Тавеляхъ у литургіи.

2-го октября я посѣтилъ школу Федорушки, въ деревнѣ Никифоровой. Къ Федорушкѣ обѣщалась пріѣхать учиться на зиму одна дѣвочка изъ крещеныхъ татаръ деревни *Тохтамышевъ* абдинскаго прихода. Въ Никифоровой же я видѣлся съ Яковомъ большимъ (Ефремовымъ). Онъ пріѣзжалъ въ Тавели купить на покровскую ярмарку гвоздей, дверныхъ петель и другихъ желѣзныхъ принадлежностей для своей армянской крещено-татарской школы. Онъ рассказывалъ, что въ настоящее время у него учатся 27 мальчиковъ.

(¹) Тогда была отпечатана брошура о мѣрахъ противъ холеры татарскимъ шрифтомъ. Эту маленькую брошуру я и давалъ читать.

8-го октября мы возвратились въ деревню Елышево. Здѣсь насъ встрѣтила Прасковья и передала, что въ деревню (Елышево) пріѣхалъ судья (судебный слѣдователь) по прежнему дѣлу. Вскорѣ по пріѣздѣ, насъ посѣтилъ ачинскій священникъ П. Ив. о. М. Онъ между прочимъ высказывалъ неудобства совершить чинъ присоединенія надъ возвратившимися въ православіе 64-мя отпавшими крещеными татарами въ самой деревнѣ. Въ чинѣ присоединенія, говорилъ онъ, Мухаммеда и его ученіе татары должны назвать дьявольскимъ, а это для татаръ, видимо только присоединяющихся, а внутренно, пожалуй, и на будущее время намѣреющихся остаться магометанами, послужитъ новымъ поводомъ къ внутреннему недовольству православной вѣрой, къ разнымъ возбужденіямъ и т. п. О. М. совѣтовался относительно этого съ прихожаниномъ *Матвѣемъ Васильевымъ*, котораго онъ считаетъ теперь, какъ и прежде, болѣе другихъ расположеннымъ къ православію. Матвѣй Васильевъ говоритъ, что можно совершить чинъ присоединенія и въ деревнѣ, пускай дескать знаютъ, что мухаммеданское ученіе дьявольское. Но мнѣ кажется, что это едвали убѣдитъ отступниковъ. Зная или слыша толки, что елышевцы надѣются еще „выйти въ татары“, т. е. въ магометане, потому, что ихъ не приводили къ присягѣ, я передалъ это о. П. Ив. М.—ву и совѣтовалъ, нельзя ли употребить вмѣсто чина присоединенія *присягу*, которая еще имѣетъ, къ счастью, такое важное значеніе въ глазахъ отступниковъ. О. М. хотѣлъ привести возвратившихся въ православіе къ присягѣ.

4-е октября. Нынѣ утромъ была повѣстка Кондратію, чтобы онъ шелъ рыть могилу для умершаго крещонина. Домна сказала, что рыть могилу у нихъ ходятъ почти всѣ жители (мушны) деревни. Въ этомъ, даже хорошемъ можно сказать обычаѣ, видѣнъ признакъ мусульманства; потому что магометане толпою отпращиваются рыть могилу для умершаго однодере-

венца; вырвыши могилу, разводятъ около нея различныя разговоры. Конечно можно желать, чтобы этотъ обычай сохранялся, потому что въ немъ обнаруживается нѣкоторая расположенность къ умершему, — этимъ они оказываютъ ему какъ-бы послѣднюю земную услугу. Это же между прочимъ много можетъ утѣшать и сиротъ, оставшихся послѣ умершаго. Они освобождаются отъ заботы отыскивать и даже нанимать могилокопателя. Домна сказывала, что четырехъ отступниковъ, похороненныхъ на особомъ кладбищѣ, подожгли елышевцы *безъ гробовъ*; это — тоже обычай магометанскій. Не знаю, какъ кладутъ покойниковъ крещенные, въ гробахъ, или безъ гробовъ. О. Порф. Ив. передавалъ вчера, что во время сильнаго отступническаго движенія въ деревнѣ Елышевой нѣкоторые изъ крещеныхъ татаръ, слабые и по характеру и по своему общественному влiянiю, а между тѣмъ желавшіе оставаться въ православiи, боясь своихъ сожителей — отступниковъ, тайно отъ нихъ объявляли священнику о требохъ и просили его совершить оныя также въ такое время, чтобъ жители этого не видѣли. Такъ о. М., сохраняя этихъ прихожанъ своихъ отъ насмѣшекъ и преслѣдованiй, совершалъ чинъ погребенiя надъ однимъ умершимъ часовъ въ 5-ть утра, или даже раньше. Въ другое время, когда сила надежды на выходъ въ магометанство ослабѣла нѣсколько, о. М. прiѣзжалъ въ Елышево и предлагалъ, чтобы тѣ жители, у коихъ явились новорожденные, но за отпаденiемъ до сихъ поръ еще не окрещенныя дѣти, принесли таковыхъ дѣтей для окрещенiя и не доводили себя до отвѣтственности. Родители таковыхъ дѣтей сначала все отговаривались, что имъ нѣтъ времени, что они согласны окрестить дѣтей, но только не теперь, а немного послѣ, въ другое время (конечно они при этомъ рассчитывали, что ихъ дѣлю кончится въ ихъ пользу, и тогда ихъ дѣти останутся чистыми магометанами, некрещеными). Священникъ снисходилъ имъ и, прiѣзжая въ другое время, говорилъ тоже и едва, едва

убѣждалъ принести дѣтей. Но и здѣсь не обѣщались безъ различныхъ отлагательствъ. Всѣхъ таковыхъ дѣтей было 5. Священникъ просилъ принести всѣхъ ихъ въ одну избу. Эти сборы младенцевъ продолжались до позднѣйшаго вечера, такъ что подали поводъ подозревать вообще родителей. Впрочемъ подозрѣнiе зародилось не у священника, а у Матвѣя Васильева, который говорилъ тогда о. М., чтобы онъ *одинъ* не ходилъ въ назначенную избу, и Матвѣй Васильевъ взялъ самъ сопровождать священника съ нѣкоторыми другими. Впрочемъ ничего, къ счастью, не случилось. Это все мы заносимъ сюда, чтобы лучше видѣть устройство жителей деревни Елизеовой.

Около обѣда судебный слѣдователь побвалъ Кондратія на допросъ. Во время его отсутствiя ко мнѣ пришелъ *Минглибай*. Онъ засталъ меня за чтенiемъ толкованiя на Евангелiе Маттея, св. Иоанна златоустаго. Я прочиталъ Минглибаю по переводу на татарскiй языкъ мѣсто, которое читалъ въ толкованiи (Маттея 9: 18 и 19: часть II. Москва 1859 г. изд. 4. Безъдна на Евангелiе Маттея св. Иоанна златоустаго. стр. 31). За тѣмъ я предложилъ Минглибаю послушать чтенiе изъ Евангелiя. Онъ сказалъ, чтобы я почиталъ, *гдѣ получше*. Сказавъ, что слово *Вожiе* ведѣтъ въ этой книгѣ (Евангелiи) все самое лучшее, прекраснѣйшее слово, я сказалъ, что буду читать *стичала* (амѣя въ виду прочитать и Минглибаю все Евангелiе отъ Маттея). Я прочиталъ родословiе Иисуса Христа и замѣтилъ, что Коранъ не представляетъ намъ родословiя Магомета. Минглибай сказалъ, что Магометъ происходилъ изъ земли *Румъ*. Я замѣтилъ, что онъ родился не въ землѣ Румъ, подъ коей мусульмане разумеютъ Грецію, а въ Аравiи. Минглибай, слыша озадаченное иня. Иисусъ, говорилъ: это *Гайса*.— Да, отвѣчалъ я, только татары неправильно зовутъ Иисуса Гайсой. Последнее названiе есть искаженiе имени Иисуса; слово Гайса ничего не означаетъ, тогда какъ имя Иисусъ означаетъ Спаситель, какъ ты сейчасъ слышалъ. По

тому что Отец спасетъ народъ свой отъ грѣховъ (1-глав. 21 стих.) При чтеніи 23 стиха 1 главы, 6 и 15 стиховъ 2 главы, я замѣтилъ, что объ Иисусѣ Христѣ и другихъ многихъ событіямъ изъ Его жизни Богъ еще прежде возвѣстилъ чрезъ пророковъ, тогда какъ о Магометѣ Богъ ничего прежде его рожденія не говорилъ.—Какъ я слышала, сказала Минглибай, что объ Магометѣ сказала Богъ въ Таурятѣ и въ Инджидѣ, т. е. въ законѣ Моисеевомъ и въ Евангелии.—Нѣтъ, Господь объ немъ ничего не говорилъ въ обѣихъ этихъ книгахъ. Вотъ я тебѣ покажу Таурятъ Моисея, у меня онъ есть. При этомъ я показала Минглибай законъ или Пятикнижіе Моисея въ переводѣ архимандрита Макарія. Чтобы нѣсколько ознакомить Минглибай съ книгами св. Писанія, я прочитала ему введеніе, которое помѣщено при переводѣ книги Бытія на народный татарскій языкъ. Потому что прежде этого Минглибай говорилъ, что Божіихъ книгъ четыре: Таурятъ, Зибуръ (Псалтирь), Евангеліе и Коранъ. Я сказала, что Коранъ вовсе не божественная книга; онъ не вошелъ въ составъ божественныхъ книгъ, или въ составъ Библии и прочитала вышеозначенное введеніе. Минглибай пожелалъ послушать что-либо изъ Таурятъ; я прочитала съ нимъ 9 главъ книги Бытія. Когда читала я 6 главу, пришли Кондратій и *Алексій Васильевъ* и тоже начали олуцать. Алексѣя Васильева также позвали на допросъ къ судебному слѣдователю.—Ну, сказала Минглибай, скоро и меня позовутъ. Что говорить мнѣ, спрашивалъ меня Минглибай.—Говори правду.—Я скажу, что христіанскую вѣру держу теперь, на сходкахъ мало былъ; потому что за одно дѣло лишили меня права быть на сходкахъ; въ деревню Кыбакъ-Коза узнавать о законѣ царскомъ на счетъ выхода въ магометанство не ѣздилъ.—Скажи, какъ было дѣло.—Ты что говорилъ и что спрашивалъ тебя судебный, спросилъ Минглибай Кондратія.—Спрашивалъ, кто главные подстрекатели.—Ты что на это сказала?—Скрывай ихъ, нельзя, потому что они у судебного переши-

сами; и Кондратій поименовалъ человѣка четыре, кои ѣздили въ Кибякъ-Кози. Векоръ Кондратій выполъ изъ избы. Минглибай снова спрашивалъ меня, что ему сказать судейному, такъ что я изъ этого заключилъ, что за этимъ собственно и приходилъ ко мнѣ Минглибай. Я снова сказалъ, что говорить надобно правду, иначе судья—не Богъ, можетъ признать главными подстрекателями или виновниками вовсе не тѣхъ, которые были таковыми на самомъ дѣлѣ. Тебя если спросить объ нихъ, ты и скажи, что такіе-то и такіе-то; пусть они сами за себя дадутъ отвѣтъ; иначе если ты, зная ихъ, не скажешь, то Господь можетъ наслать на тебя, или на семейство твоё какую-либо бѣду за тѣхъ невинныхъ, которые могутъ пострадать напрасно.—Такъ, такъ, сказалъ Минглибай. Одинъ мужикъ, теперь, хотя и ѣздитъ въ Кибякъ-Кози, да не самый главный зачинщикъ. Самый-то главный другой... хотя этотъ и не ѣздитъ въ Кибякъ-Кози.—Ну, ты и покажи правду. Отъ людей скрыть можно что-нибудь, а отъ Бога и отъ свой души (совѣсти) скрыть ничего нельзя.—Такъ, да послѣ какъ мнѣ жить?! Вѣдь надобно будетъ показать, что главный-то подстрекатель *Матвій Васильевъ*, онъ всёхъ возмущалъ въ деревнѣ, онъ узналъ въ Казани, что можно выдти въ татары, ему же адѣшніе-то не повѣрили и отправили повѣренныхъ въ Кибякъ-Кози. Матвій же Васильевъ ѣздитъ изъ Казань подавать прошеніе.. А кто вамъ писалъ прешеніе, Галимъ Самгуловъ, или другой-кто?—Я не знаю, да теперь мнѣ рассказывать не хочется; не знаю, какъ говорить судейному; пора идти домой, за мной скоро пришлютъ.. И Минглибай пошелъ изъ избы. Я сказалъ ему на уходѣ, чтобы онъ говорилъ правду и говорилъ то, что скажетъ ему сердце, нисколько не боялся бы судей; потому что Іисусъ Христосъ сказалъ, что если кого позовутъ за имя Его къ суду, то не боялся бы и не заботился бы, что отвѣчать; потому что самъ Богъ будетъ говорить за того.

Послѣ ухода Минглибая взошелъ възоръ ко мнѣ Кондратій и сказала: вотъ какіе люди! теперь, когда видятъ, что дѣло плохо, всякій старается говорить, что онъ не виноватъ, что онъ ничего не знаетъ, на сходкахъ не бывалъ и т. п., вотъ хоть бы этотъ Минглибай. Прежде, бывало, весной у насъ бывали гулянья, хороводы, такъ онъ спрашиваетъ: ты крещеный, или нѣтъ? Если скажетъ кто — „крещеный“, такъ онъ и въ хороводъ не пускаетъ, говоритъ: ступай прочь. А теперь говоритъ, что онъ ничего не знаетъ....

Изъ словъ Минглибая я заключилъ, что о. М. ошибается, считая Матвѣя Васильева слишкомъ приверженнымъ къ православію. Теперь если Матвѣй Васильевъ и прикидывается такимъ, то, кажется, только для того, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе. И вчера съ о. М. явился ко мнѣ Матвѣй Васильевъ. О. Порфирій говорилъ при немъ о томъ, что я записалъ выше; равнымъ образомъ и я говорилъ о. П.—рѣчь о крещеніи тоже при Матвѣѣ Васильевѣ, хотя сердце мое внушало мнѣ какое-то опасеніе, но я превозмогъ это внушеніе, потому что о. П. хорошо отзывался о Матвѣѣ Васильевѣ. А между прочимъ онъ, быть можетъ, выслушавъ наши слова, кому-либо передалъ ихъ и пожалуй изказилъ. Жаль! Нужна всегда осторожность!

Послѣ обѣда къ намъ пріѣхалъ священникъ села Танькини Ник. Ст. Ях. Онъ отправляется въ Казань просить епархіальное начальство о перенесеніи изъ своего прихода въ другое мѣсто. О. Ях. везетъ въ крещено-татарскую казанскую школу къ Василью Тимофеевичу мальчика, изъ деревни *Урась-башъ*, Григорія. По пріѣздѣ о. Ях. пришли ко мнѣ еще о. М., совершавшій нынѣ похороны умершаго крещенаго татарина; и судебный слѣдователь г. *Деккеръ*. Напились чаю. Особеннаго ничего не говорили, что бы относилось къ миссіонерской дѣли. У о. М. родилось желаніе перепроситься въ приходъ танькинскій, если перейдетъ въ другое мѣсто о. Ях. Въ танькинскомъ при-

ходѣ о. М. удобнѣе находить дѣйствовать на прихожанъ, чѣмъ адѣсь, гдѣ деревни въ далекомъ разстояніи отъ села Ачей. Въ танькинскомъ приходѣ о. М. желалъ бы завести пиколу и потрудиться. Такимъ желаніемъ можно бы пожелать содѣйствія или осуществленія. Но жаль и Елышево съ другими деревнями. Кого сюда пошлютъ на мѣсто о. М.?

Во время пребыванія у меня судебнаго слѣдователя Прасковья жаловалась чрезъ Кондратія Филиппова судебному слѣдователю, что какая-то женщина ругаетъ Прасковью, говоря, что она продала свою (т. е. магометанскую) вѣру за деньги. (Налобно сказать, что Прасковья осталась во время движенія въ православіи и ей, на бѣдность, вице-губернаторъ Е. А. Рововъ далъ пять руб. сер.).

Послѣ ужина Кондратій Фил. пришелъ ко мнѣ и разсказалъ о нѣкоторыхъ чудесахъ Іисуса Христа и Его учениковъ. „Однажды Іисусъ Христосъ съ учениками (втроемъ) съ Гавріиломъ, кажется, да еще съ кѣмъ-то отправился по разнымъ селамъ учить народъ. Зашли они въ одну деревню ночевать. На нихъ одежда была худенькая; обуви не было; они ходили босикомъ. Какой-то крестьянинъ сказалъ имъ: я васъ, ребята, ночевать-то пожалуй пушу, только вы завтра помогите молотить хлѣбъ.—Хорошо, отвѣчалъ Іисусъ Христосъ.—Они легли на полатахъ. Поутру рано хозяинъ будитъ ихъ и говоритъ, чтобы они шли на гумно.—Сейчасъ, отвѣчаетъ лежащій на краю, а между тѣмъ ни тотъ, ни другой, ни третій ни съ мѣста.—Хозяинъ начинаетъ толкать рукою крайнюю. Онъ переваливается за двоихъ другихъ. Хозяинъ обращается съ просьбою ко второму. Этотъ тоже говоритъ „сейчасъ, и ни съ мѣста. Хозяинъ толкаетъ рукою этого, но и онъ переваливается за рядомъ лежащаго. Повторяется таже исторія съ послѣднимъ, который говоритъ „сейчасъ, идемъ! И въ скоромъ времени всѣ трое собрались и отправились на гумно. Тамъ одинъ изъ нихъ влѣзъ въ обинъ и началъ выкидывать снопы, и двое

другиѣ постлали ихъ въ ряды и приготовились наконецъ всё трое молотить. Хозяева встали въ сторону. Одинъ изъ чужестранцевъ (И. Хр. съ учениками назывались странниками) всталъ съ одного конца, другой съ другого (о третьемъ не было рѣчи) и зажгли снопы. Въ одинъ мигъ все сгорѣло, и что же? Вѣето золы, хозяева видятъ, въ одной сторонѣ лежитъ ворохъ (куча) хлѣба навѣннаго, въ другой солома, въ третьей колючь и т. п. Странники распростылись и ушли. На другой день у тогоже человѣка была молотба. Дѣти сказали отцу: ты, батюшка, не ходи; мы одни (трое) управимся; вчера намъ показали примѣръ, какъ надобно скоро молотить хлѣбъ. Дѣти отправились; приготовили ряды сноповъ и зажгли. Все сгорѣло и осталась одна зола. Тутъ-то хозяинъ и его дѣти увидѣли, что въ прошлую ночь у нихъ ночевали не простые странники, а люди святые.

Въ другой деревнѣ Исусъ Христосъ съ учениками вошелъ въ одной женщинѣ, которая топчила печку.—Гдѣ мужъ твой, спросилъ Исусъ Христосъ.—Онъ въ полѣ; у насъ нынѣ дождей вовсе нѣтъ, такъ онъ уѣхалъ туда съ водой, поливать загоны.—Принеси пудовку ржи, сказалъ этой женщинѣ Исусъ Христосъ, замети въ печи и высыпь рожь туда. Когда вернетесь изъ поля мужъ, тогда посмотри въ печку.—Женщина исполнила все это, что приказалъ Исусъ. Когда возвратился мужъ, она передала ему, что къ ней заходили какіе-то странники и одинъ изъ нихъ приказалъ ей высыпать одну пудовку ржи въ печку, которую она только что топчила, а посмотреть не вежѣлъ до пріѣзда мужа. Теперь, когда мужъ и жена саглянули въ печку, то увидѣли тамъ вѣсто зеренъ, зеленую озимь. Тутъ-то они увидѣли, что къ нимъ заходили св. люди, и что если у Бога люди будутъ просить, то будетъ урожай, хотя бы не было дожда и земля была бы суша, какъ подъ въ печкѣ.

А те еще шелъ Исусъ Христосъ съ учениками своими и попросилъ ночевать у одного богатаго му-

жика. Онъ посмотрѣлъ, на нихъ одежанка плохая, обуви нѣтъ, и говоритъ имъ: весь пустить нельзя; вы только напачете въ моей горницѣ; ступайте, пожалуй, въ скотную избу.— На это Иисусъ Христосъ отвѣчалъ: мы—не скотина; и отправились они на другой конецъ деревни, къ одной вдовѣ. Попросились у ней ночевать. Она сказала, что покормить ихъ ей нечѣмъ; кромѣ хлѣба, а мѣсто переночевать будетъ. Они вошли и стали уживать. Вдова сѣла въ сторонѣ, смотрѣть, да удивляется, что всѣ трое они ѣдятъ, а хлѣбъ, который она подала имъ, не убываетъ. Иисусъ Христосъ спросилъ ее: есть ли у ней скотина? Она отвѣчала, что имѣеть одну козу. На утро они ушли. Шли.. шли... попадается имъ на встрѣчу волкъ голодный на-голодный и говоритъ: Господи! дай мнѣ чего-нибудь поѣсть! Ученики Иисуса Христа и говорятъ своему учителю: дадимъ ему скотину богатаго человѣка, который насъ не пустилъ ночевать въ свою горницу. Иисусъ Христосъ подумалъ да и говоритъ: нѣтъ, отдадимъ ему лучше ту самую козу, которая одна и есть у вдовы, которая насъ пустила ночевать. Волкъ пошелъ и сѣлъ козу. Вдова сказала: Богъ далъ, Богъ взялъ; что ее (козу) жалѣть; Богъ съ ней! Идутъ они дальше... попадается имъ рѣка. Ученики Иисуса Христа захотѣли очень пить. Припали къ рѣкѣ и стали было пить, но вода была такая нехорошая, что нельзя было никакъ пить ее. Пошли они дальше и встрѣтили другую рѣку, по берегамъ ея разные цвѣты и зеленая трава, а вода самая чистая. Стали ученики опять пить. Вода показалась самою вкусною и они спросили: Господи! отъ чего это въ первой рѣкѣ вода горька, такъ что ее нельзя было пить, а здѣсь такъ сладка „что пьешь, то хочется“?—Отъ того, отвѣчалъ Иисусъ Христосъ, что та рѣка течетъ изъ ада, куда придетъ тотъ богатый, который не пустилъ насъ ночевать, а эта течетъ изъ рая, куда придетъ вдова.— Вотъ какія чудеса творить Иисусъ Христосъ, заключилъ Кондратій. Только у насъ здѣсь народъ за-

блудящій, степенъ говорить, не слушаютъ". — Можно изъ этого заключить, что если Кондратій имѣетъ такое понятіе, или знаетъ про такіа чудеса Іисуса Христа, о которыхъ нѣтъ ни слова въ Евангелии, и удерживается въ православіи, значитъ онъ имѣетъ твердую вѣру, а съ другой стороны можно видѣть его крайнее невѣдѣніе истинъ и чудесъ евангельскихъ. Что сказать уже о прочихъ христіанахъ слышавшихъ?!

Е. Малосъ.

ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ВЪ РОССІИ

СО ВРЕМЕНИ РЕФОРМЫ ПЕТРА.

(продолженіе)

Въ первыя три, или четыре десятилѣтія XVIII в., по причинѣ недостаточнаго числа архіерейскихъ школъ и крайней ихъ бѣдности, заставлявшей епархіальныя начальства значительно ограничивать самое число школьничковъ, подготовка къ церковнымъ должностямъ, какъ и въ древней Россіи, очень часто состояла въ одномъ томъ, что домашнемъ обученіи дѣтей духовенства чтенію, и всему церковному порядку. Священно-и-церковники сами приготавливали преемниковъ на свои мѣста и, разумѣется, охотнѣе всего готовили себѣ наследники своихъ дѣтей, или близкихъ родственниковъ. Это обстоятельство служило самою естественною поддержкою наследственности церковныхъ должностей. Въ югозападной Россіи, гдѣ требованія къ дѣтямъ въ школы были не такъ строги, какъ въ остальной Россіи, священно-служители намѣренно уклонялись отъ отправки своихъ наследниковъ въ школу и держали ихъ при себѣ съ цѣлю, такъ сказать, приучить ихъ своимъ парохіанъ. Старшаго сына, конечно, обыкновенно назначали въ наследники, отецъ

рѣдко даже соглашался отпустить куда-нибудь въ чужой приходъ во дьяконы или дьяки. Дождавшись вожделѣннаго 25-ти лѣтняго возраста своего наслѣдника, священникъ посылалъ его въ каѳедру для посвященія сначала во дьяконы къ своей церкви, а потомъ въ 30 лѣтъ просилъ посвятить его уже въ викаріи „на помощь своей старости“. Если наслѣдникъ умиралъ прежде отца, отецъ назначалъ своимъ преемникомъ слѣдующаго сына, или же старшаго зятя, кто бы ни былъ послѣдній, крестьянинъ, мѣшанинъ, или человѣкъ духовнаго происхожденія. Иногда наслѣдство такого рода накрывало человѣка въ расплѣхъ, такъ что, не имѣя прежде и мысли сдѣлаться священно-служителемъ, онъ даже не учился, какъ слѣдуетъ, и грамотѣ; тогда его принимались энергически учить и, подготовивъ кое-какъ къ посвященію, отправляли въ каѳедру. По смерти отца, или тестя, наслѣдникъ безпрепятственно заступалъ его мѣсто, потому что наслѣдственная права свято наблюдались и самимъ духовнымъ начальствомъ ⁽¹⁾. Если кто-нибудь перебивалъ у наслѣдника мѣсто, онъ могъ завести изъ-за этого формальную тяжбу, жаловаться на самаго архіерея, допустившаго такое нарушеніе его правъ. Такъ, въ 1721 г. одинъ соборный дьячекъ гор. Карпова Бѣлогородской епархіи завелъ тяжбу съ священникомъ того же собора за то, что послѣдній незаконно завладѣлъ его наслѣднымъ священническимъ мѣстомъ при соборѣ вмѣстѣ съ отцовскими угодьями и доходами; показавъ его мертвымъ и утаивъ его двоюродныхъ братьевъ, и тѣмъ довелъ всѣхъ ихъ до нищеты; дѣло доходило до св. Синода, и св. Синодъ велѣлъ произвеста по нему формальное слѣдствіе ⁽²⁾. Замѣчательно здѣсь то, что перебить у наслѣдника мѣсто оказалось возможнымъ только при помощи обмана, который притомъ едвали

⁽¹⁾ Очерки быта малор. дух. Рук. для е. пастыр. 1861, № 49.

⁽²⁾ Описан. синод. арх. I, стр. 621.

бы могъ удаться, если бы наслѣдникъ успѣлъ пройти поболѣе обычныхъ степеней приближенія къ отцовскому мѣсту. Повятно, почему священники не хотѣли опредѣлять своихъ наслѣдниковъ на самостоятельную службу въ чужіе приходы, а несмотря на свою бѣдность, упорно держали ихъ при себѣ въ недоходныхъ должностяхъ дьякона, или викарія на своемъ содержаніи. Кромѣ приученія къ наслѣднику прихожанъ, это средство служило къ упроченію его наслѣдныхъ нравъ и предъ самую епархіальную властью.

Во внутреннихъ епархіяхъ Россіи духовнымъ лицамъ еще нужнѣе было подобнымъ образомъ приближать наслѣдниковъ къ наслѣднымъ мѣстамъ, потому что, при множествѣ кандидатовъ на церковныя мѣста, особенно при постепенномъ умноженіи числа школьни-ковъ, съ которыми трудно было тягаться, здѣсь еще скорѣе можно было опасаться перебивки мѣста. Кромѣ того держать наслѣдника въ какой-нибудь должности при своей церкви для великорусскаго духовнаго лица было не только неубыточно, но даже выгодно, потому что наслѣдникъ въ такомъ случаѣ не оставался на отцовскихъ харчахъ, а еще получалъ особый доходъ по должности, какую занималъ въ клирѣ. Поэтому священнослужители старались, какъ можно, раньше записать своихъ сыновей въ причетническія должности при своей церкви, иногда лѣтъ съ 12—18, нарочно исключая ихъ для этого изъ школы, а то и вовсе не отвозя въ школу; потомъ, по достиженіи ими законныхъ 25 или 30 лѣтъ, какъ и малороссійскіе священнослужители, просили опредѣлять ихъ во дьяконы, или въ священники на вторыя мѣста, тоже въ подмогу своей немощи и старости. Такое опредѣленіе во дьяконы и священники въ подмогу и съ объявленіемъ при этомъ наслѣдныхъ нравъ новоопредѣленнаго называлось въ Велико-россіи опредѣленіемъ „въ заставку“. Штатное мѣсто оставалось за прежнимъ священнослужителемъ, а опредѣленный къ нему въ заставку числился въ качествѣ его викарія. Опредѣленіе его совершалось обычнымъ порядкомъ

ставленческаго производства, какъ и опредѣленіе на самостоятельныя мѣста. Къ обыкновеннымъ справкамъ и допросамъ въ консисторіи при этомъ присоединялся еще допросъ объ условіяхъ, на которыхъ поступалъ опредѣляемый въ заставку, какъ то: объяснялся раздѣлъ доходовъ, земли, руги и проч. Всѣ эти условія получали чрезъ то формальное, юридическое значеніе. Когда опредѣляющійся въ заставку наслѣдникъ священническаго мѣста не имѣлъ еще законныхъ 30 лѣтъ для священства, его производили на мѣсто „до совершенныхъ лѣтъ въ заставку во дьякона“. Въ подтвержденіе и объясненіе этого представимъ нѣсколько примѣровъ изъ „Исторіи московскаго епархіальнаго управленія“.

Въ 1745 г. священникъ московской Воскресенской церкви (на Стоженкѣ) Дмитрій Христофоровъ съ приходскими людьми подали епархіальному начальству прошеніе, въ которомъ между прочимъ объясняли, что попъ Дмитрій старъ, 77 лѣтъ отъ роду, служилъ при церкви 52 года, и избрали они по общему согласію племянника его пономаря Трехсвятительской церкви Мирона Федорова къ оной ихъ церкви въ заставку для вспоможенія ему попу въ служеніи требъ. Пономарь Мироновъ произведенъ обычнымъ порядкомъ во священника. А въ слѣдующемъ году тѣже приходскіе люди просили консисторію „за скорбію попа Христофорова, по смерти его, у означенной церкви быть на его мѣстѣ племяннику его попу Мирону дѣйствительнымъ попомъ“. Консисторія дала Мирону въ этомъ смыслѣ указъ и такимъ образомъ формально признала его наслѣдникомъ попа Дмитрія Христофорова. Последній умеръ уже въ 1749 г. Вотъ еще другой примѣръ съ нѣкоторыми особенностями. Въ 1758 г. одинъ изъ священниковъ московскаго Покровскаго собора Алексѣй Сильвестровъ просилъ „о произведеніи сына своего дьячка (тогоже собора) Алексѣя во дьякона въ заставку въ надежду священства на его мѣсто для вспомошествованія при отпращеніи требъ съ тѣмъ, что онъ будетъ оставаться на дьяческомъ доходѣ“.

Просьба была исполнена. Въ 1761 г., вѣроятно когда сынъ достигъ 30 лѣтъ, свящ. Сильвестровъ подалъ новое прошеніе „совершить сына его діакона Алексія во священника въ помощь ему“, опять съ тѣмъ, что онъ „будетъ пользоваться дьячковскихъ положеніемъ“. Была исполнена и эта просьба. И въ священническихъ и въ дьяконовскихъ ставленныхъ граматахъ въ подобныхъ случаяхъ прямо обозначалось, что поставленный священно-служитель опредѣленъ къ церкви именно въ заставку. Заставочные попы и дьяконы благополучно существовали до 1764 г., несмотря на постоянные указы правительства о томъ, чтобы лишнихъ поповъ и дьяконовъ нигдѣ при церквахъ не было; какъ видно, подъ эти указы ихъ не подводили по уваженію къ ихъ наслѣдственнымъ правамъ и къ старому обычаю.

По причинѣ этого общаго уваженія къ наслѣдственнымъ счетамъ причты получали иногда очень оригинальный составъ. Вотъ одинъ примѣръ уже изъ времени Екатерины II, гдѣ церковь является какимъ-то фамильнымъ достояніемъ священно-служительской семьи, успѣвшей занять при ней всѣ священно-служительскія мѣста и крѣпко державшей ихъ въ своемъ родовомъ владѣніи. Въ 1764 г. у Троицкой церкви близъ Покровскихъ воротъ въ Москвѣ умеръ дьяконъ Александръ Степановъ, и вдова его Дарья Никитина подала просьбу о томъ, чтобы мѣсто было зачислено за ея сыномъ Петромъ, поступившимъ въ славяно-греко-латинскую академію, а къ служенію до возраста его опредѣленъ бы былъ избранный ею одинъ безмѣстный дьяконъ. Но кромѣ ея мѣстомъ этимъ хотѣлъ воспользоваться еще братъ ея, священникъ тойже церкви Алексѣй Никитинъ, для своей дочери и сговорилъ уже для послѣдней жениха, дьячка Панкратова. Въ это столкновеніе между братомъ и сестрой изъ-за мѣста вступилась старуха мать ихъ, вдова одного сельскаго священника Мавра Борисова, жившая у дочери, и приняла сторону послѣдней; въ прошеніи своемъ митрополиту она объяснила, что на бракъ внуки своей

съ Панкратовымъ благословенія своего она не даетъ и что поэтому бракъ долженъ быть воспрещенъ. Дѣло уладилось тѣмъ, что священникъ Алексѣй Никитинъ подалъ съ заручной отъ прихожанъ прошеніе о произведеніи Панкратова не на мѣсто покойника, а во дьяконы до совершенныхъ лѣтъ на свое собственное мѣсто въ заставку, со ваятіемъ въ замужество дочери его Никитина, самъ же объявилъ желаніе по вдовству поступить въ монастырь. Консисторія рѣшила, чтобы Панкратовъ по произведеніи во дьякона въ заставку владѣлъ поцовскимъ доходомъ и нанималъ изъ этого дохода на мѣсто себя для служенія свободнаго священника до исполненія законныхъ къ священству лѣтъ, а дьяконскій доходъ предоставилъ вдовѣ дьяконицѣ, которая взъ него должна нанимать для служенія при церкви до совершеннолѣтія ея сына свободнаго дьякона. И стало при церкви двое дьяконовъ, одинъ опредѣленный въ заставку, другой наемный за наследника, служившій вмѣстѣ съ наемнымъ же священникомъ. Обычай опредѣленія въ заставку вывелся уже послѣ штатовъ 1764 г., когда стали опредѣлять священно-служителей только въ настоящій штатный составъ церковныхъ причтовъ (*).

Въ томъ случаѣ, если у духовнаго лица не было наследниковъ мужескаго пола, его мѣсто переходило въ наследство по женской линіи, къ дочери, внукѣ и т. п. Нѣкоторые священно-служители для обезпеченія судьбы своихъ дочерей дѣлали ихъ своими наследниками даже жонимо своихъ сыновей, которые сами могли приискать себѣ новыя мѣста. Церковная должность, разумѣется, предоставлялась мужьямъ этимъ наследникамъ, такъ сказать, въ приданое. Духовная власть также признавала права наследницъ, какъ и наследниковъ. Встрѣчаемъ примѣры полнаго съ ея стороны признанія этихъ правъ даже въ такихъ случаяхъ, когда отецъ наследницы ли-

(*). Цот. мѣст. очерк. управ. ч. II, кн. 1, стр. 114, прим. 279; кн. 2, прим. 304, стр. 278.

шаемъ былъ сана за пороки; такъ въ 1721 г. св. Синодъ опредѣлилъ удовлетворить прошенію одной московской попадѣ, которая писала въ этомъ прошеніи, что послѣ своего мужа, лишеннаго священства и сосланнаго на вѣчныя времена на Соловки, она осталась съ дѣтьми безъ пропитанія, и просила о дозволеніи пріискать къ одной ея дочери жениха съ тѣмъ, чтобы посвятить его на мѣсто сосланнаго мужа (1).

Св. Синодъ, по крайней мѣрѣ въ первое время своего существованія, когда еще школьное образованіе было мало распространено, изъ снисхожденія къ наследницамъ и ихъ правамъ допускалъ даже послабленія въ исполненіи строгихъ указовъ о предпочтеніи неученымъ кандидатамъ на мѣста обучавшихся въ школахъ. Вотъ наприм. одно замѣчательное въ этомъ родѣ рѣшеніе его 1721: „попу Федору Обросимову въ Москвѣ у Воскресенья на Кадашовѣ на мѣстѣ тестя его бывшаго попа Федора Михайлова быть попрежнему, того ради: въ прошеніи приходскихъ людей объявлено, что по смерти де онаго тестя его, попа Федора, на поданной преосв. Стефану митрополиту рязанскому и мурожскому оставшейся дочери его поповы, дѣвки Параскевы, челобитной во его архіерейскому подписанію учинено такое, что кромѣ того, кто возьметъ оную дѣвку въ жену, у той церкви попомъ никому быть не вѣльно; и по тому подписанью, а по ихъ приходскихъ людей прошенью, дому крутицкаго архіерея изъ пѣвчихъ оный Федоръ Обросимовъ, взявъ помянутую дѣвку въ жену, въ попы ко оной церкви и посвященъ, и былъ у той церкви безпорочно; да и того ради: будучи онъ Федоръ у оной церкви попомъ по смерти шурина своего, который егожъ преосв. митрополита подписаніемъ исперва опредѣленъ у той церкви отцевскаго мѣста наследникомъ, по родству платилъ онъ поизъ Федоръ за него многіе долги, а именно, кромѣ недоплатныхъ, заплаченно 250 рублевъ. А что

(1) Опис. синод. арх. I. стр. 364—365.

ему попу причтено въ вину, что онъ поставленъ въ попы не изъ школьныхъ учениковъ, и того ради отъ онаго мѣста отказано, и то отставить, понеже во ономъ приходскихъ людей челобитьѣ объявлено, что изъ школьниковъ ко оному мѣсту прошенія и понятія онаго попа Обросимова жены, когда она была дѣвкою, въ жену черезъ 4 года ни отъ кого не было“ (1).

Въ примѣръ того, какъ велись ставленическія дѣла, когда на лицо были взрослые наследницы церковныхъ мѣстъ, можно привести эпизодъ изъ біографіи извѣстнаго московскаго архангельскаго протоіерея Петра Алексѣева (2). Въ 1752 г., будучи еще студентомъ богословія въ московской академіи, Алексѣевъ подалъ прошеніе тогдашнему московскому архіепископу Платону Малиновскому, въ которомъ объяснялъ, что при Архангельскомъ соборѣ дьяконъ Александръ Кириловъ волею Божию померъ и оставилъ послѣ себя жену Татьяну съ двумя дочерьми дѣвками да съ дряхлою старухою матерью и что оная вдова желаетъ принять его Алексѣева въ соборъ къ большой своей дочери на мѣсто мужа для содержанія себя и сиротъ; при этомъ приложилъ и прошеніе самой вдовы Ивановой съ объясненіемъ, что она желаетъ принять Алексѣева къ дочери и что большой ея дочери Прасковья 15 лѣтъ, а меньшей Федосья 11. Консисторія сдѣлала обычныя справки о личности просителя и приложила къ дѣлу обязательства какъ его, такъ и вдовы Ивановой,—последней, что она уступила нареченному зятю домъ свой со всякимъ строеніемъ и домовымъ заводомъ, посудю, всякими книгами, лошадьми, экипажами и сбруею и дала приданаго платья за дочерью двѣ перемѣны, а больше того не спрашивать, да на производство во діаконство 50 рублей,—Алексѣева, что онъ обязуется содержать нареченную тещу свою за мать на его пропитаніи до ея кончины, а нареченную своячину свою

(1) Собр. постан. по дух. вѣдом. I, стр. 62.

(2) Душен. чт. 1869 г. кн. 1.

до замужества ея, а какъ приспѣтъ въ замужество время, и тогда дать ей на приданое 100 рублей. Алексѣевъ былъ посвященъ. Черезъ 5 лѣтъ онъ опредѣлился во священники на мѣсто одного прѣстарѣлаго священника тогоже собора съ тѣмъ, чтобы послѣдній владѣлъ своею подѣлю (долей дохода) до смерти, а Алексѣевъ оставался на своей прежней дьяконской подѣли. Въ 1759 послѣ смерти старика онъ сдѣлался на его мѣсто самостоятельнымъ священникомъ.

Сознавая силу своихъ наслѣдственныхъ правъ на церковныя мѣста, невѣсты наслѣдницы иногда были очень разборчивы на жениховъ, такъ что при маломъ количествѣ свободныхъ, не зачисленныхъ мѣстъ замѣщеніе священно-служительскихъ вакансій весьма много зависѣло отъ вкуса этихъ дѣвицъ въ женихахъ. Вотъ наприм. какую жалобу въ 1753 г. подалъ одинъ богословъ славяно-греко-латинской академіи Ворошнинъ на свою невѣсту Авдотью Ильину, за которой состояло въ наслѣдствѣ послѣ отца священническое мѣсто при Благовѣщенской церкви у Москворѣцкихъ воротъ: означенная дѣвка, жаловался онъ, „обнадежила его низкашаго и желаніе явила быть за нимъ въ законномъ супружествѣ“ и послѣ договорныхъ условій съ ея матерью была уже благословлена съ нимъ образомъ, оканчивалось уже и консисторское дѣлопроизводство объ опредѣленіи его на мѣсто, но когда онъ наканунѣ самой свадьбы „привадежащіе къ бракосочетанію дары и столовый запасъ и прочее искупилъ и, искупя оное, пріѣхалъ къ ней, но оная дѣвка Авдотья тогда въ домъ не сказала и на дворъ не пустила“. Консисторія произвела по этой жалобѣ слѣдствіе и дѣзнала, что причиною отказа жениху было то, что до невѣсты дошли свѣдѣнія, какъ его однажды въ 1748 г. наказали нещадно въ академіи подъ звонкомъ въ собраніи всѣхъ студентовъ „за письмишко, приличествующее къ заговору, ... дабы, на то смотря, прочіе имѣли отъ того осторожность“. Письмишко состояло изъ собранія заговоровъ отъ ружья и отъ руды. Узнавъ объ

этомъ забытомъ было обстоятельствѣ, преемъ. Шлатонъ отказалъ Ворошнину отъ мѣста ⁽¹⁾.

По причинѣ бѣдности духовенства, по которой оно рѣдко могло снабжать своихъ дочерей достаточнымъ приданымъ, зачисленіе мѣстъ за духовными дѣвицами считалось всегда самымъ удобнымъ средствомъ выдать ихъ за мужъ. Это обстоятельство способствовало къ сильному умноженію наслѣдныхъ мѣстъ, зачисленныхъ именно за наслѣдницами, а не наслѣдниками. Епархіальная власть охотно утверждала такое зачисленіе мѣстъ, потому что сама проникнута была сознаніемъ всей важности семейныхъ интересовъ духовенства въ этомъ случаѣ и кромѣ того не находила съ своей стороны никакихъ другихъ средствъ къ обезпеченію духовныхъ дѣвицъ, особенно сиротъ. Мы видѣли, что св. Синодъ оставлялъ мѣста даже за неучеными священниками ради того, что они были женаты на наслѣдницахъ. Встрѣчаемъ и другаго рода примѣры уваженія духовной власти къ правамъ наслѣдницъ. Несмотря на то, что она постоянно стремилась къ замѣщенію церковныхъ мѣстъ людьми только духовнаго званія, женитьба на наслѣдницѣ пролагала путь къ священному сану иногда и людямъ свѣтскаго званія. Не говоря уже о Малороссіи, гдѣ подобныя примѣры случались сплошь и рядомъ, въ самой Москвѣ и притомъ въ такое время, когда духовное званіе было уже достаточно замкнуто, въ 1758 г. былъ наприм. такой случай. Одинъ престарѣлый священникъ вздумалъ сдать свое мѣсто зятю. О самой сдачѣ мѣста не было, разумѣется, никакого сомнѣнія, но консисторія пришла въ большое недоумѣніе на счетъ званія зятя—наслѣдника; это былъ отставной капраль лейбъ-гвардіи, по фамиліи Иванъ Терпигоревъ. Начались допросы. Терпигоревъ показалъ, что отецъ его былъ дьякомъ въ с. Сергіевскомъ и что до 1736 г. онъ самъ правиль

(1) Ист. моск. епарх. упр. ч. II, кн. 1, примѣч. 278.

въ томъ же селѣ пономарскую должность, но потомъ за небытіе въ 1730 г. у присяги вмѣстѣ съ другими такими же церковниками взять былъ въ солдаты и служилъ въ Измаиловскомъ полку, а теперь состоитъ въ отставкѣ, женатъ на дочери означеннаго священника, дѣвицѣ Аннѣ. Консисторія совершенно успокоилась на этомъ и рѣшила, что въ попы его Терпигорева произвести можно: „хотя онъ и въ службѣ былъ, но это священству не противно, потому что онъ и въ службу взять изъ церковнаго чина“ (1).

До сихъ поръ мы видѣли только такіе примѣры наслѣдственности церковныхъ мѣстъ, когда по дѣтамъ своимъ наслѣдники совсѣмъ готовы были къ занятію наслѣдныхъ мѣстъ, а наслѣдницы къ выходу за мужъ. Но права ихъ были вполнѣ уважаемы духовною властью и въ томъ случаѣ, когда они были несовершеннолѣтны и не могли тотчасъ занять своихъ мѣстъ. Въ такомъ случаѣ, для примиренія съ этими правами интересовъ церковныхъ, употреблялась искусственная мѣра предоставленія церковныхъ мѣстъ. Мѣсто предоставлялось наслѣднику, или наслѣдницѣ, а для исправленія связанныхъ съ нимъ богослужебныхъ обязанностей, опредѣлялся на него викарій, обыкновенно по выбору семейства самихъ наслѣдниковъ. Дѣло производилось такимъ образомъ. Тотчасъ по смерти священнослужителя вдова его, или кто-нибудь изъ родственниковъ, а иногда даже прихожане подавали прошеніе, въ которомъ изъясняли, что по смерти покойнаго остались такіе-то сироты, и просили зачислить мѣсто—если за мальчикомъ, то до его возраста, за дѣвочкой—до времени вступленія ея въ замужество. По этому прошенію консисторія производила допросы о составѣ всего семейства сиротъ, объ оставшемся имъ имуществѣ, о томъ, кто будетъ завѣдывать и управлять всѣмъ этимъ имуществомъ, кто и на какихъ условіяхъ принимаетъ

(1) Тамже кн. 2, примѣч. 307.

на себя обязанность исполненія требъ въ приходѣ и т. д., и потомъ обыкновенно рѣшала: прошене сиротъ исполнить, наслѣднику, или наслѣдницѣ выдать о томъ указъ на срокъ, примѣнительно къ тому, черезъ сколько лѣтъ первый можетъ быть самъ посвященъ на наслѣдное мѣсто, а послѣдняя выйти за мужъ, а къ мѣсту опредѣлить викарія, или дозволить семейству сиротъ входить для исправленія требъ въ приходѣ въ условія съ священно-служителями другихъ сосѣднихъ приходовъ ⁽¹⁾.

Свободныхъ священно-служителей для викариатства всегда было много; отслуживъ въ какомъ-нибудь приходѣ свой срокъ до возраста сиротъ, такой священно-служитель переходилъ въ другой приходъ съ сиротами, гдѣ тоже вступалъ въ условія съ послѣдними, навимаясь обыкновенно за половину, или треть всего дохода отъ мѣста. Въ великорусскихъ епархіяхъ, гдѣ епархіальная власть была сильнѣе, викарій, какъ и всякій штатный священно-служитель, опредѣлялся на мѣсто по указу отъ консисторіи, послѣ обычной процедуры ставленическаго дѣлопроизводства, при чемъ точно обозначались и срокъ, на который онъ поступалъ въ приходъ, и условія, какія заключалъ съ осиротѣвшимъ семействомъ; отъ того онъ мало зависѣлъ отъ нанявшихъ его сиротъ, былъ человѣкомъ самостоятельнымъ въ приходѣ, непосредственно подчиненнымъ епархіальной власти, какъ и всѣ священно-служители. Въ епархіяхъ малороссійскихъ, гдѣ епархіальная власть была слабѣе, наемъ викарія совершался единственно по волѣ и избранію самихъ наслѣдниковъ, къ которымъ онъ и поступалъ въ непосредственную зависимость, какъ наемный работникъ. Чувствуя слабость здоровья, а между тѣмъ не имѣя ни одного взрослого наслѣдника, священникъ иногда

⁽¹⁾ Также ч. II, кн. 1, 113—114. Примѣры см. въ примѣч. 277. 278.

еще при жизни нанималъ себѣ викарія; послѣдній получалъ отъ него $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ церковнаго дохода, служилъ за него и былъ въ полномъ его распоряженіи, не имѣя ни тѣни служебной самостоятельности въ приходѣ, дѣлая все по приказанію своего пароха и ни за что не отвѣчая предъ начальствомъ. Когда парохъ умиралъ, викарій оставался въ такихъ же отношеніяхъ къ его семейству; въ такія же отношенія вступалъ онъ къ семейству наслѣдниковъ и тогда, когда послѣднее само нанимало его на свою службу до возраста сиротъ. Въ договорѣ своемъ съ наслѣдниками онъ обязывался „быть послушнымъ государынѣ (вдовѣ) и дѣткамъ“, имѣть ихъ „за старшихъ своихъ, настоятельную честь имъ отдавать, ничего безъ нихъ не дѣлать“, а въ случаѣ нарушенія обязательства „подлежать винѣ архіерейской 100 рублей и неослабному на тѣлѣ наказанію въ консисторіи“, или „нещадному наказанію барбарами, кіями, батогами“ и т. п. (1). Бывали примѣры, что викарій, поживъ въ приходѣ лѣтъ 10, заживалъ его, т. е. не хотѣлъ въ назначенное время предоставить его наслѣднику. Въ избѣжаніе такой бѣды сироты заключали съ викаріями иногда формальные контракты, даже съ записью отъ крѣпостныхъ дѣлъ. Жалобы на викаріевъ, которые заживали мѣста, доходили до св. Синода; такъ, въ 1721 г. встрѣчаемъ двѣ такихъ жалобы въ дѣлахъ Синода, одну изъ бѣлогородской, другую изъ московской епархіи (2).

Указы о предоставленіи мѣстъ писались иногда даже безъ точнаго опредѣленія лицъ, которымъ эти мѣста

(1) Рук. для с. паст. 1861 г. № 49: Очерки быта малор. духовенства.

(2) Описан. синод. арх. I, стр. 722, 723. См. еще примѣръ договора съ викаріемъ 1743 г. въ монастырской вотчинѣ (Настольн. книга Данил. мон. въ Арх. Калачова кн. IV, 37); договоръ утвержденъ монастырскимъ начальствомъ и записанъ въ книгу «спредъ для спору».

предоставлялись, а на собирательное имя семейства сиротъ вообще; это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ наслѣдники и наслѣдницы въ семействѣ были малолѣтніе и между ними нельзя было заранѣе указать ни на одну опредѣленную личность. Самое семейство при этомъ принималось въ очень широкомъ объемѣ; мѣста могли доставаться не однимъ дѣтямъ умершаго, но также внукамъ, племянникамъ и племянницамъ, роднымъ, двоюроднымъ, и притомъ какъ по линіи покойника, такъ и по линіи его вдовы. Во всѣхъ случаяхъ наслѣдники въ своихъ прошеніяхъ о мѣстахъ самоувѣренно выставляли свои наслѣдственныя права на нихъ, какъ самый сильный аргументъ въ свою пользу, называли эти мѣста своимъ родовымъ достоинствомъ и выказывали большія владѣльческія притязанія на нихъ. Такія владѣльческія отношенія къ родовому мѣсту сохраняли за собою даже такіе члены священно-служительскаго семейства, которые уже ни въ какомъ случаѣ не могли владѣть этимъ мѣстомъ сами, наприм. бездѣтныя и безсемейныя вдовы священно-служителей. Не имѣя никого, кому бы передать свои наслѣдныя права изъ родныхъ, такая вдова продавала родовое мѣсто чужимъ. Такъ наприм. въ 1739 г. вдова московскаго священника Знаменской (на Девичьемъ полѣ) церкви Дарья Фирсова въ прошеніи въ московскую дикастерію писала: „въ прошломъ 202 (1694) г. ноября въ 26 день упомянутой церкви приходскіе люди дали мужа моего отцу попу Ивану Иванову, дядьку моему Ивану отъ крѣпостныхъ дѣлъ за руками письмо въ томъ, что взяли съ нихъ въ церковь Божию на строеніе 130 рублей; ежели онъ свекоръ мой при той церкви жить не будетъ, и ему, попу Ивану, женѣ и дѣтямъ и родственникамъ ихъ то церковное мѣсто и съ хороннымъ строеніемъ, и съ доходомъ церковнымъ продать и заложить; при которой церкви помянутый свекоръ мой служилъ по 724 г. и волею Божіею умре“. На это мѣсто поступилъ мужъ ея Дарья, Василій Ивановъ, а послѣ его смерти она прода-

ла свое мѣсто коломенскому соборному священнику Антипу Игнатьеву, котораго и просила на это мѣсто перевести ⁽¹⁾. Приведемъ еще одинъ выразительный примѣръ изъ довольно уже поздняго времени. Во время известной моровой язвы 1771 г. въ Москвѣ умеръ вмѣстѣ съ женой священникъ церкви Григорія неокесарійскаго Никифоръ Ѳоминъ; послѣ нихъ осталось духовное завѣщаніе о поповскомъ ихъ мѣстѣ; въ которомъ говорилось: „куплено поповское оное мѣсто нами, которое дано 700 руб., а въ наслѣдство оное мѣсто поповское вручаю родному племяннику діакону Ѳедору Аванасьеву... а ежели твоего желанія на мѣсто наше поповское не будетъ, то кто изъ другихъ прозведенъ будетъ, деньги за мѣсто отдать на содержаніе брата попады Александра“, который самолично не могъ занять наслѣднаго мѣста, какъ сумасшедшій ⁽²⁾.

Такимъ образомъ наслѣдственная передача церковныхъ мѣстъ получала не только семейный, но и хозяйственный, контрактный и даже коммерческій характеръ. Мѣста такъ и назывались — одни наслѣдными, другія продажными. Коммерческій характеръ ихъ передачи часто впрочемъ обнаруживался и тогда, когда они замѣщались по наслѣдному порядку. Сдавая свое мѣсто сыну, или другому родственнику, престарѣлый священно-служитель выговаривалъ при этомъ, чтобы его преемникъ покойлъ и кормилъ его до смерти. Еще обычнѣе были такія условія между вдовами и ихъ вѣтьями, принятыми къ наслѣдному мѣсту; зять обязывался при этомъ содержать какъ тещу, такъ и ея семейство, выдавать имъ опредѣленную долю своего церковнаго дохода, при выходѣ за мужъ сестеръ своей жены снабжать ихъ приданымъ и т. п. Изъ приведеннаго нами отрывка біографіи Алексѣева мы видѣли, что такія условія заключались формально и при-

(1) Ист. моск. епарх. управл. I, прилѣч. 377.

(2) Тамже ч. II, отд. I, прил. 274.

водились на справку при самомъ ставленическомъ дѣлопроизводствѣ въ консисторіи. Тѣмъ болѣе, разумѣется, ни священно-служители, ни ихъ семейства не могли уступать своихъ мѣстъ даромъ чужимъ людямъ. Продажа церковныхъ мѣстъ была самымъ обыкновеннымъ явленіемъ въ XVIII в. Нѣкоторые священно-служители продавали свои мѣста по старости и бездѣтности, какъ послѣдніе въ родѣ; другіе рѣшались на эту продажу въ хозяйственныхъ интересахъ, чтобы на полученныя деньги поправить свои запутанныя дѣла; третьи просто увлекались соблазномъ получить болѣе или менѣе значительную сумму, будучи подбиваемы къ этому самими покупателями мѣста большею частію ореди поджигательной компаніи, за чаркой вина и въ предпріимчивомъ расположеніи духа. Послѣ продажи своего мѣста болѣе предпріимчивые люди являлись къ епархіальному начальству, представляли ему разныя извиненія въ оставленіи мѣста, виды родства, стѣсненныя обстоятельства, бѣдность, разладъ съ прихожанами, съ помѣщиками и т. п., и при счастливомъ оборотѣ дѣла получали грамоты на приисканіе новаго мѣста ('). Въ началѣ XVIII вѣка продавать свои мѣста могли не только такіе священно-служители, которые выходили въ заштатъ, но и тѣ, которые должны были оставлять эти мѣста за вину; запрещеніе продажи въ такомъ случаѣ послѣдовало въ 1718 г. отъ самого правительства ('). Это была едвали не единственная прямо запретительная мѣра противъ слишкомъ широко уже захватывавшаго обычая, но мѣра очевидно частная, касавшаяся только частнаго вида этой продажи. Общаго запрещенія продажи церковныхъ мѣстъ не рѣшалась издать ни государственная, ни церковная власть, считая его явно противнымъ извѣстному намъ владѣльческому отношенію къ этимъ мѣстамъ духовныхъ семействъ. Видимо колеб-

(') Рукон. для с. паст. 1861. № 49.

(') Собран. постан. по дух. вѣд. I. стр. 97.

лясь между уваженіемъ къ давности и крѣпости этихъ владѣльческихъ правъ духовенства и вмѣстѣ сознани-емъ всего ихъ неприличія, а иногда и положительна-го вреда для церковныхъ интересовъ, администрація XVIII в. невольно должна была ограничиваться въ этомъ дѣлѣ лишь многократными повтореніями одного и тогоже распоряженія о церковныхъ мѣстахъ, какое было сдѣлано еще соборомъ 1667 г.

Главной поддержкой владѣльческихъ правъ духо-венства на церковныя мѣста въ XVIII в., какъ и прежде, служили дома духовныхъ лицъ, построенные ими на церковной землѣ. Каждый новый священно-служитель долженъ былъ покупать дворовое строеніе своего предшественника дорогою цѣною, которая даже намѣренно была возвышаема наслѣдниками, такъ что на мѣсто могли поступать только или люди достаточ-ные, или такіе, которые вступали въ особыя отноше-нія къ семейству наслѣдниковъ. Вопросъ о священно-служительскихъ домахъ поднялся въ самомъ началѣ XVIII столѣтія въ связи съ заведеніемъ духовныхъ школъ и вопросомъ объ усиленіи образованія въ ду-ховенствѣ. Правительству скоро сдѣлалось извѣстно, что новые кандидаты священства изъ школьниковъ, которымъ дано было преимущественное право посту-пать на церковныя мѣста даже обходя наслѣдниковъ, все-таки остаются безъ мѣстъ по причинѣ недоста-точности средствъ къ покупкѣ домовъ у наслѣдниковъ и часто поэтому должны уступать избранныя ими мѣс-та невѣждамъ. Вслѣдствіе этого въ 1718 одинъ за другимъ вышли 2 указа, по которымъ всѣмъ священно-служителямъ велѣно было жить въ домахъ церковныхъ, а своихъ домовъ на церковной землѣ не имѣть, цер-ковнымъ старостамъ озаботиться покупкой всѣхъ ста-рыхъ священно-служительскихъ домовъ въ собствен-ность церквей на церковныя суммы, а тамъ, гдѣ не-льзя купить готовыхъ, выстроить новые церковные до-ма, дабы впредь, объяснено въ одномъ указѣ, свя-щенно-служительскимъ домамъ и мѣстамъ продажнымъ

не быть ('). Въ 1722 г. эти распоряженія распро-
странены были и на дома церковно-служителей (').

Приведенные указы не заключали въ себѣ ниче-
го новаго; на соборѣ 1667 г. тоже было сказано, что
лужно „искупить св. церкви и церковныя мѣста про-
даваемыя“ и что „продавати церкви Христовы и цер-
ковныя мѣста, яко отчины, зѣло неправильно есть и
беззаконно“. Старые получались и результаты. На-
слѣдники не думали продавать своихъ наслѣдныхъ до-
мовъ, потому что цѣнность домовъ сама по себѣ ихъ
не удовлетворяла, имъ выгоднѣе было продавать дома
вмѣстѣ съ наслѣдными мѣстами, а съ другой стороны
на покупку домовъ для всего причта недоставало
средствъ у самихъ церквей, такъ что гдѣ старосты и
вздумали было начать эту дорогую операцію, новые
члены клира все-таки должны были къ церковнымъ
деньгамъ приплачивать еще значительныя суммы и отъ
себя ('). Съ большимъ успѣхомъ заведеніе церковныхъ
домовъ могло идти развѣ въ одномъ Петербургѣ, гдѣ
приходы открывались еще вновь и гдѣ при строеніи
новыхъ церквей св. Синодъ требовалъ, чтобы при нихъ
непрестанно строились и церковные дома ('). Св. Си-
нодъ нѣсколько разъ повторялъ указы 1718 г., но
дѣло выкупа и постройки священно-и-церковно-служи-
тельскихъ домовъ по епархіямъ не подвигалось ни на
шагъ. Въ одномъ донесеніи св. Синоду 1721 г. управ-
лявшаго тогда славяно-греко-латинскими школами въ
Москвѣ архимандрита Теофилакта Лопатинскаго чи-
таемъ: „по тому благопрмышленнѣйшему указу (1718
г.) били челомъ его державству нѣкоторые школьники
о опредѣленіи ихъ на порознія мѣста и съ великою
трудностію, волокитою и изживеніемъ достигли ихъ,
и доселѣ во всегдашнемъ опасеніи отказу и черембнѣ

(') П. С. З. V, № 3171. 3173.

(') Тамже VI, № 4120.

(') Тамже VII, № 4190.

(') Собран. послан. по дух. вѣд. 1, № 172.

своих мѣсть пребываютъ неизвѣстны. Принадлежитъ сему: обычай прежній о наслѣдїи церковей, продажей и куплею стязаемомъ, неразсмотрительне введенный, и непокорство прихожанъ, которые по сродству, знаемости и по своимъ прихожамъ избираютъ себѣ священниковъ и диаконовъ и мѣсть священническихъ и диаконскихъ нарочно не хотятъ окупати изъ церковныхъ денегъ, будто нѣтъ таковыхъ денегъ, . . . что видя, и прочіе школьники не смѣютъ бить челомъ на вышеозначенныя мѣста, чтобъ имъ не вдатъ себе въ издѣшныя трудности и бѣдства“ (1). Для того, чтобы избавить ихъ отъ трудностей и бѣдствъ, духовная власть желала, если не вовсе освободить ихъ отъ покупки церковныхъ мѣсть у наслѣдниковъ, по крайней мѣрѣ облегчить имъ эту покупку, ограничивъ злоупотребленія наслѣдниковъ въ произвольномъ возвышенїи цѣнъ на дома. Въ этихъ видахъ около 1724 г. введена была въ первый разъ въ московской епархіи оцѣнка священно-и-церковно-служительскихъ домовъ при продажѣ, производимая обыкновенно подъячими дикастерїи въ присутствїи прихожанъ и торговыхъ людей дѣснаго рада. Оцѣночный листъ, за подписомъ производившихъ оцѣнку представлялся на разсмотрѣніе и утвержденіе дикастерїи (2).

Такимъ образомъ указы 1718 г. оказались неудобисполнимыми на практикѣ, въ нѣкоторомъ смыслѣ служили даже къ утвержденію владѣльческихъ отношенїи наслѣдниковъ къ церковнымъ мѣстамъ. Какъ этими указами, такъ и введенїемъ оцѣнки домовъ было официально признано, что лишить наслѣдника мѣста, передать это мѣсто другому можно не иначе, какъ окупивъ домовое строеніе и всѣ затраты, связанныя съ мѣстомъ, т. е. чрезъ новую покупку, которая въ свою очередь порождаетъ новыя владѣльческія отношенія къ мѣсту другаго лица и другихъ наслѣдниковъ. Это было

(1) Тамже, № 118.

(2) Ист. моск. еп. упр. I, 125, примѣч. 459.

такой безвыходный кругъ, линия котораго была замкнута какъ нельзя лучше. Но какъ бы то ни было, вопросъ о наслѣдіи церковныхъ мѣстъ былъ поднятъ и такъ, или иначе началъ рѣшаться. Не имѣя возможности рѣшить его окончательно, духовная власть по крайней мѣрѣ приступила къ устраненію явныхъ злоупотребленій наслѣднаго права и введеніемъ одѣйки наслѣдныхъ домовъ сдѣлала первый и важный шагъ къ развитію своего вліянія на наслѣдныя мѣста, къ подчиненію семейныхъ расчетовъ наслѣдниковъ своему административному контролю. Отсюда въ исторію наслѣдственности духовнаго служенія мы можемъ начать обзоръ новаго ряда явленій и перемѣнъ, которымъ эта наслѣдственность подвергалась подъ вліяніемъ духовной администраціи.

Вопросъ о правахъ наслѣдниковъ возникалъ очевидно тѣмъ же порядкомъ и по тѣмъ же поводамъ, какъ вопросъ о кандидатахъ на церковныя мѣста, избранныхъ прихожанами, именно вслѣдствіе столкновенія этихъ правъ съ духовной администраціей. Въ прежнее время духовная власть не имѣла особенныхъ поводовъ тяготиться наслѣдниками, даже сама способствовала къ развитію ихъ правъ для ограниченія приходскихъ выборовъ. Наслѣдники, какъ мы видѣли, были единственными „своими“ кандидатами у епископовъ, а при одинаковомъ уровнѣ между ними одного и того же псалтырнаго образованія давать предпочтеніе одному изъ нихъ предъ другими можно было развѣ только по степени ихъ борзости въ чтеніи псалтыря и часослова. При такой, можно сказать, крайней простотѣ условій для поступленія въ клиръ владѣльческія отношенія духовенства къ церковнымъ мѣстамъ могли спокойно развиваться со всѣми своими семейными счетами, условіями, контрактами, духовными завѣщаніями и другими принадлежностями, не чувствуя никакихъ особенныхъ помѣхъ со стороны церковной администраціи. Съ реформой Петра въ жизни духовенства начались крупныя перемѣны. Отъ ставленниковъ стали тре-

бовать новаго школьнаго образованія; между учеными и неучеными кандидатами священства явилось рѣзкое различіе, послужившее основой новаго выбора между ними, предпочтенія однихъ другимъ помимо прежнихъ семейныхъ счетовъ и правъ на мѣста. Своимъ кандидатомъ священства для архіерея сдѣлался теперь школьникъ, поучившійся въ архіерейской школѣ букварю, катихизису и латыни, а наслѣдники очутились въ такихъ же отношеніяхъ къ архіерею, въ какихъ были когда-то полуграмотные мужики — избранныки приходскихъ общинъ. Сходство было тѣмъ ближе, что, опираясь на свои старыя права, наслѣдники долго не хотѣли позаботиться о приобрѣтеніи правъ новыхъ, какія теперь давала человѣку школа, и считали обученіе въ ней дѣломъ совершенно для себя лишнимъ. Призванныя въ качествѣ ближайшихъ органовъ къ осуществленію новыхъ требованій относительно образованія духовенства, епархіальныя власти попали въ самое средоточіе борьбы между старымъ и новымъ порядкомъ вещей, между учеными школярами и неучеными наслѣдниками, отстаивая первыхъ, должны были непременно ограничивать права послѣднихъ. До тѣхъ самыхъ поръ, пока сами наслѣдники не сдѣлались образованными, борьба противъ ихъ притязаній со стороны епархіальныхъ властей дѣйствительно шла во имя новаго духовнаго образованія. Архіерейская школа дала такимъ образомъ и первый поводъ епархіальной власти обратить вниманіе на чрезмѣрное усиленіе наслѣдныхъ правъ, стѣснявшее „епископле разсужденіе“, и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшую точку опоры для развитія самой епископской власти надъ приходами.

Одинъ изъ первыхъ дѣятелей по вопросу о наслѣдіи церковныхъ мѣстъ, извѣстный уже намъ черниговскій архіерей, Иродіонъ Жураковскій въ своихъ универсалахъ противъ наслѣдниковъ возставалъ именно противъ тѣхъ только изъ нихъ, которые по старому хотѣли опираться только на свои наслѣдныя права

и проживали у своихъ отцовъ на дьяковствѣ и понамарствѣ, не заботясь о своемъ образованіи и праздно дожидаясь наслѣдства помимо всякихъ латинскихъ школъ и коллегіумовъ. Универсалы эти требовали; „аби отселѣ всякъ священникъ при своей церкви не держалъ сына своего на дьяковствѣ и на понамарствѣ, но постороннихъ людей избиралъ на кондицію справныхъ и слушныхъ,... что сынамъ священническимъ не безвредительно, поневажъ лѣта свои до науки способни на деревнѣ теряютъ“, и чтобы всѣ наслѣдники отпривдѣлись скорѣе учиться въ коллегіумъ, „чимъ бы возмогли удостоити себе священства и управления пастырю, а иначе не удостоются никакого св. сана и парохій“ (1). Въ бѣлогородской епархіи такія же грамоты разсылали архіереи Досифей Богдановичъ - Любимскій и Іоасафъ Горленко (2). Въ кievской епархіи м. Рафаиль Заборонскій въ 1748 г. распорядился, чтобы парохіи зачислялись преимущественно за семействами, въ которыхъ „имѣется дитя хотя едино мужеска полу егодное къ обученію латинскаго ученія“, чтобы такое семейство по обычаю содержало при церкви викарія, а наслѣдника отпращивало въ латинскую школу и изъ церковныхъ доходовъ снабжало его всѣмъ нужнымъ для проживанія въ школѣ. Преемникъ его Тимофей Щербатскій для поощренія наслѣдниковъ къ обученію въ школѣ опредѣлилъ, чтобы семейство обучающагося наслѣдника получало не $\frac{1}{3}$ церковныхъ доходовъ отъ викарія, а цѣлую половину (3). Для того, чтобы помирить новыя требованія съ старымъ обычаемъ зачисленія мѣстъ за дѣвцами, епархіальныя начальства требовали, чтобы послѣднія выходили за мужъ непременно за людей ученыхъ. Въ 1765 г. митроп. Арсеній Могилянскій издалъ касательно этого предмета весьма

(1) Труды кiev. акад. 1860 г. кн. II, 245 — 247. 250 — 251.

(2) Опис. харк. епарх. вып. I, 8.

(3) Рук. для сельск. начк. 1861 г. № 45: Очерки быта...

любопытное распоряженіе для своей кіевской епархіи, чтобы священники и дьяконы отдавали сыновей въ академію, а желающіе сдать мѣсто зятьямъ выдавали своихъ дочерей за мужъ за людей учительныхъ, именно, имѣющіе parroхія дворовъ въ 80—100—за богослововъ, имѣющіе 60—80 дворовъ—по крайности за философовъ, а у которыхъ меньше 60 и которые учительныхъ людей въ зятя при всемъ старательствѣ сыскать не могутъ, тѣмъ представлять о томъ, куда слѣдуетъ, доношеніями, а безъ того за неучительныхъ людей дочерей не отдавать ⁽¹⁾. Со времени этого указа наследницу, не отыскавшую жениха, родственники обмѣновенно возили къ архіерею, при чемъ, объяснивъ, что къ ней „не случается ни философъ, ни богословъ“, просили преосвященнаго дать ей жениха по своему усмотрѣнію. Архіерей, поставленный въ такое оригинальное положеніе, отправлялъ дѣвицу къ училищному начальству, которое объявляло объ ней всѣмъ философамъ и богословамъ, вызывая ихъ „на оглядину“, иногда даже озабочивалось упрощеніемъ этихъ оглядинъ, поставивъ невѣту у дверей класса ⁽²⁾.

Въ великорусскихъ епархіяхъ подобныя распоряженія приводились въ исполненіе еще энергичнѣе. Епархіальнымъ начальствамъ оказывало здѣсь большое содѣйствіе само правительство, которое не переставало настаивать на томъ, чтобы ученые кандидаты священства были всегда предпочитаемы неученымъ, хотя бы и наследникамъ. Мы недавно приводили примѣръ, какъ одна наследница, дочь московскаго священника, еще при м. Стефанѣ Яворскомъ 4 года должна была ждать, не случится ли къ ней кто-нибудь изъ ученыхъ, и только послѣ такого долгаго ожиданія вышла за мужъ за неученаго Федора Обросимова, да и тотъ чуть не лишился мѣста своего тестя. И правительство и іерархія выдавали одинъ за другимъ строгіе указы, чтобы духовныя лица веали

⁽¹⁾ Кіевъ, Аскоченск. т. II, 255.

⁽²⁾ Рук. для сельск. част. 1864 г. т. III, стр. 409.

дѣтей въ школы; поповичей и дѣтей церковническихъ насильно вытаскивали изъ ихъ дѣревенскаго приволья въ науку посредствомъ особыхъ разсыльныхъ командъ изъ консисторій и семинарій; не желавшимъ учиться грозили совершеннымъ лишеніемъ правъ на церковныя должности, записью въ подушный окладъ или солдатствомъ. Мы видѣли также, что при открытіи церковныхъ вакансій консисторіи прежде всего обязаны были повѣщать объ нихъ въ духовныхъ училищахъ и дѣлать вызовы, не пожелаетъ ли кто занять эти вакантныя мѣста изъ школьниковъ. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, наприм. московской, очень рано вошло въ обычай священническія мѣста отдавать преимущественно богословамъ, дьяконскія философамъ и т. д. Мы видѣли, какъ все это стѣсняло права тѣхъ кандидатовъ священства, которые были избираемы по древнему обычаю прихожанами; не менѣе стѣсненій чувствовали отъ того и наслѣдники, остававшіеся безъ школьнаго образованія.

Тѣснимые все болѣе и болѣе умножавшеюся массою кандидатовъ, получившихъ школьное образованіе, наслѣдники однако не вдругъ уступили имъ первенство въ назначеніи на церковныя мѣста. Права образованія должны были вести еще долгую борьбу съ владѣльческими отношеніями духовенства къ церковнымъ мѣстамъ, и сама духовная власть выказывала иногда сильное колебаніе, которой сторонѣ отдать предпочтеніе. Особенно долго она не могла побороть притязаній наслѣдниковъ въ югозападной Россіи, гдѣ архіереи имѣли весьма слабое вліяніе на парохіи до самаго преобразования тамошнихъ епархій въ послѣдней четверти XVIII столѣтія. Мы уже видѣли, какъ наслѣдники югозападныхъ парохій удерживали иногда за собой всѣ наслѣдныя права и власть надъ парохіей даже безъ посвященія и при всеобщемъ возстаніи противъ нихъ самихъ парохіянъ. Замѣчательно, что наприм. въ кievской епархіи епархіальная власть по крайней мѣрѣ до половины XVIII столѣтія не

могла сама назначать даже викаріевъ къ малолѣтнимъ наслѣдникамъ и подчинялась въ этомъ отношеніи выбору самого семейства наслѣдниковъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда архіереи сами назначали кандидатовъ на священно-служительскія вакансіи помимо наслѣдниковъ, послѣдніе иногда даже силой начинали отстаивать свои права и выгоняли своихъ соперниковъ вонъ изъ парохіи точно также, какъ выгоняли такихъ кандидатовъ, архіерейскихъ избранниковъ, сами парохіяне въ пользу своихъ собственныхъ избранниковъ. Вотъ наприм. одинъ случай изъ довольно уже поздняго времени. Въ 1768 г. въ м. Хоролѣ умеръ священникъ, не оставивъ ни одного наслѣдника мужескаго пола. Наслѣдницей его осталась его внука, дочь значковаго товарища Семена Родзянки, женатаго на дочери покойнаго. Прихожане и Родзянка подали прошеніе м. Арсенію Могилянскому, чтобы онъ назначилъ на мѣсто кого-нибудь изъ студентовъ академіи, разумѣется, со взятіемъ наслѣдницы. Но митрополитъ почему-то назначилъ другаго, священника Луку Мартоса. Мартосъ прибылъ въ парохію по обычаю съ депутатомъ духовнаго правленія, который долженъ былъ ввести его въ должность. Но только лишь народъ собрался въ церковь и депутатъ началъ читать указъ митрополита, какъ бывшіе тутъ же Родзянка и его родственники,—одинъ обозный, другой подкоморій, третій бунчуковый товарищъ,—потребовали, чтобы депутатъ прекратилъ свое чтеніе и убирался вонъ изъ церкви, стали разгонять и народъ, а когда ни депутатъ, ни народъ ихъ не послушались, бросились на толпу съ палками, наконецъ избили остававшихся на клиросѣ дьяковъ и подьячихъ. Мартосъ долженъ былъ выѣхать изъ парохіи и жаловался митрополиту. Но митрополитъ самъ ничего не могъ подѣлать съ Родзянками, донесъ обо всемъ св. Синоду и просилъ даже содѣйствія гражданской власти. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась вся эта исторія (1).

(1) Рукоп. для сельск. наст. 1861 г. № 51.

Въ великорусскихъ епархіяхъ подобные случаи были невозможны, но и здѣсь наслѣдники, а равно покупщики мѣстъ, обиженные въ пользу студентовъ, могли подчасъ очень рѣшительно протестовать противъ подобной обиды, опираясь на свои владѣльческія права, открыто выставляя епархіальному начальству на видъ тѣ затраты, какихъ стоили ихъ жѣста или имъ самимъ, или ихъ отцамъ и дѣдамъ, всему роду ихъ, представляя при этомъ самые акты на владѣніе, совершенные вполнѣ законнымъ порядкомъ и утвержденные самою же епархіальною властью. Наприм. въ 1760 г. св. Синодъ получилъ жалобу отъ одного московскаго дьякона Діонисія Яковлева на м. Тимоѣя, въ которой объяснено было, что онъ, Яковлевъ, купилъ за 700 рублей жѣсто съ дворомъ и строеніемъ у преображенскаго на Пескахъ священника Богданова, переведеннаго въ Петербургъ, и для уплаты означенной суммы вошелъ въ долги, занявши 350 рублей, во когда началось уже самое дѣло объ опредѣленіи его на купленное мѣсто, подалъ на тоже мѣсто студентъ академіи Климонтовъ и былъ опредѣленъ митрополитомъ безъ всякаго съ нимъ Яковлевымъ соглашенія; консисторія обязала Климонтова уплатить только за домъ Богданова и притомъ ту самую сумму, за какую купилъ этотъ домъ самъ Богдановъ, а въ остальныхъ деньгахъ, которыхъ Богдановъ взялъ съ Яковлева больше; потому что продавалъ не одинъ домъ, а вообще жѣсто, велѣно ему, Яковлеву, вѣдаться съ самимъ Богдановымъ, который между тѣмъ успѣлъ уѣхать въ Петербургъ; и теперь за долги все его, Яковлева, жѣніе конфисковано и домашнихъ его забираютъ подъ караулъ. На запросъ о дѣлѣ изъ св. Синода митрополитъ отвѣчалъ, что студентъ Климонтовъ произведенъ на основаніи Д. Регламента, какъ ученикъ, мимо Яковлева, какъ неученаго. Св. Синодъ однако видимо затруднился совершенно обойти права Яковлева и рѣшить дѣло окончательно въ пользу студента. М. Тимоѣю было объявлено, что въ опредѣленіи студента

поступлено правильно, но въ то же время велѣно перевести его на другой приходъ, а къ Преображенской церкви опредѣлить Яковлева (1). Представленный примеръ замѣчательнъ между прочимъ и тѣмъ, что указываетъ на продолженіе, даже въ такое уже позднее время, стараго обычая продавать мѣста не только при выходѣ владѣльца въ заштатъ, но и при переходѣ на другое мѣсто.

Въ 1762 г. тотъ же митрополитъ опредѣлилъ къ московской Трехсвятительской церкви священнику ученаго дьякона, Александра Левшина (брата знаменитаго ж. Платона). Но на то же мѣсто было еще два претендента, одинъ избранный прихожанами, дьяконъ Прокоій Ивановъ, а другой—наслѣдникъ, сынъ умершаго священника, дьячокъ той же церкви Петръ Ивановъ. Опасаясь съ одной стороны недоброежелательства отъ прихожанъ, а съ другой прижимокъ изъ за дома отъ наслѣдника, Левшинъ самъ посовѣшилъ отказаться отъ назначеннаго ему мѣста. Митрополитъ опредѣлилъ послѣ этого дьякона Прокоіа, а дьячку наслѣднику отказалъ, потому что онъ не выдержалъ подлежащаго предъ опредѣленіемъ на мѣсто экзамена и кромѣ того имѣлъ всего 20 лѣтъ отъ роду, а опредѣлять до его совершеннолѣтія викарія митрополитъ нашелъ неудобнымъ. Въ отищеніе за свои права обиженный наслѣдникъ употребилъ обычную тактику, не сталъ продавать наслѣднаго дома свящ. Прокоію, отзываясь тѣмъ, что на домѣ есть долги. По жалобѣ Прокоіа консисторія произвела оцѣнку дома (въ 600 р.) и опредѣлила часть денегъ отъ его продажи употребить на уплату долговъ, а остатки выдать Иванову. Дѣло по настоящему этимъ и должно было бы кончиться, но Ивановъ успѣлъ затянуть его почти на 4 мѣсяца, не являясь въ консисторію для объясненія, кто его кредиторы, несмотря ни на какія угрозы митрополита и

(1) Прав. обозр. 1869 г. кн. VIII: «О церковныхъ домахъ въ Москвѣ», г. Розанова.

вызовы изъ консисторіи; только послѣ долгой возни съ нимъ его успѣли заставить согласиться съ рѣшеніемъ и взять деньги за домъ (').

Въ этой борьбѣ съ наслѣдниками, постоянно стоявшими поперекъ дороги архіерейскимъ кандидатамъ на мѣста, какъ и въ борьбѣ съ приходскими выборами, архіереямъ нерѣдко приходилось стѣновать, что они надъ церквами воли не имѣютъ, владѣютъ церквями другіе; но тѣмъ энергичнѣе должны были взяться они за усиленіе своего вліянія на практику этихъ владѣльческихъ отношеній духовенства къ церковнымъ мѣстамъ. Такъ наприм. послѣ описанныхъ столкновеній съ владѣльцами церковныхъ мѣстъ м. Тимошеей распорядился, чтобы консисторія сдѣлала обстоятельное разсмотрѣніе о церковныхъ домахъ и учинила опредѣленіе. Консисторія составила докладъ, въ которомъ изобразила, какъ при сдачѣ мѣсть священнослужители непоимѣрно возвышаютъ цѣну своихъ домовъ подъ предлогомъ новыхъ пристроекъ, несмотря на продолжительное иногда жителство въ этихъ домахъ, какъ плата за дома, смѣшиваясь съ бытой за самое мѣсто, увеличивается „не въ разсужденіи строеній, но количества прихожанъ и доходовъ, и какъ многіе учительные люди по скудости своей должны бывать лучшихъ мѣсть динаться“, и во вниманіе къ этимъ обстоятельствамъ опредѣлила: 1) не покупать и не продавать мѣсть безъ вѣдома консисторіи, иначе покупателейъ вовсе лишать этихъ мѣсть, предоставляя имъ въ уплаченныхъ деньгахъ вѣдаться съ продавцами судомъ; 2) прежде окончательнаго заключенія условій о мѣсть обстоятельно доносить о его прежней и новой цѣнности, а консисторіи по справкѣ о томъ производить окончательную оцѣнку дома; 3) новыя пристройки и починки въ домахъ священнослужителямъ производить на церковныя деньги, а въ случаѣ недостатка послѣднихъ—на свои, но въ томъ и другомъ случаѣ съ вѣдома при-

(') Ист. моск. епарх. упр. ч. II, кн. 2, стритч. 247 № 3.

хозяинъ и благочинныхъ, по нуждѣ, а не по прихоти; съ вѣрною обо всемъ записью. Митрополитъ утвердилъ этотъ докладъ консисторіи (1). Подобныя распоряженія должны были значительно усилить вліяніе епархіальной власти на замѣщеніе церковныхъ вакансій; очень можетъ быть, что, благодаря имъ, понизилась и самая цѣнность церковныхъ мѣстъ при продажѣ; но бѣднымъ студентамъ немного стало отъ этого легче, потому что покупка мѣстъ была имъ не подъ силу и при пониженной цѣнѣ. Они все-таки продолжали осаждать начальство своими жалобными просьбами о милосердіи и помощи въ опредѣленіи ихъ на службу, объясняя, что никакъ не въ состояніи покупать себѣ мѣстъ, а мѣста все продажныя, и принуждены отъ того скитаться года по три безъ мѣста, претерпѣвая послѣднюю бѣдность (2).

Наконецъ въ 1768 г. св. Синодъ издалъ общій указъ, въ которомъ съ замѣчательною прямою и рѣзкостью осудилъ современный ему порядокъ владѣльческихъ отношеній духовенства къ церквамъ. Еще доселѣ, рассказываетъ указъ, продолжается „вредное для ученыхъ и безчестное для церкви обыкновеніе, что подъ претекстомъ дворовъ и самая овященно-церковно-служительскія мѣста, въ противоположность св. правилъ... продаются установленною издавна отъ самыхъ бывшихъ при тѣхъ церквахъ священниковъ и церковно-служителей немалою и противъ того, что тѣ дворы стоятъ, излишнею цѣною; а вмѣсто того, чтобы сіе безчинство отвратить, не посвященъ бываетъ никто, пока требуемой за мѣсто суммы не заплатитъ, отъ чего не только ученымъ, но и неученымъ честнымъ ставленникамъ въ полученіи мѣстъ съ горестію соединенная бываетъ трудность, а покупаютъ лучшія мѣста большею частію такіе только, которые у себя довольно денегъ имѣютъ, хотя бы они и вове неученые и не

(1) См. въ указани. ст. «О церковныхъ домахъ».

(2) Истор. тропицк. семин. 589—542.

весьма въ званіи своемъ достойные были; обучающіеся же въ академіяхъ и семинаріяхъ, кои такого капитала у себя не имѣютъ, хотя они по наукамъ и состоянію своему противу означенныхъ капиталистовъ гораздо достойнѣе, принуждены бываютъ или священства или лучшихъ мѣстъ въ противность Д. Регламента и указовъ вовсе лишаться, а заступаютъ они самыя послѣднія мѣста или же на покупку оныхъ задолжаются неоплатными долгами; и такъ деньги въ произведеніи въ священство большую силу имѣютъ, чрезъ что у другихъ и охота къ наукамъ отъемлется. На какую тѣхъ мѣстъ продажу, яко на святокупство, и происходящій отъ того въ народѣ соблазнъ св. правит. Синодъ съ немалымъ сожалѣніемъ смотритъ“. Какъ скоро впрочемъ указу пришлось говорить о самыхъ мѣрахъ противъ „такогого зла“, высокій тонъ его рѣчи быстро спадаетъ. Св. Синодъ, говорится далѣе, могъ бы и разомъ уничтожить всякую плату за мѣста, но онъ отказывается отъ такой радикальной мѣры, помышляя „о сиротахъ и вдовахъ, не могущихъ себя пропитать, а наипаче о тѣхъ, которые такіа мѣста сами покупали великою цѣною и, не выплачивая заимодавцамъ долговъ, умерли, а жены и дѣти ихъ не только въ сиротствѣ, но и въ крайнемъ отъ тѣхъ заимодавцевъ остаются бѣдствіи“. Вставъ на такую точку зрѣнія, указъ законяетъ за тѣмъ не запретительныя, а только ограничительныя мѣры противъ зла, которое самъ же называетъ позоромъ для Церкви, симоніей и безчинствомъ, имѣя въ виду при опредѣленіи этихъ мѣръ главнымъ образомъ только подчиненіе владѣльческихъ правъ духовенства на мѣста надзору и вліянію епархіальной администраціи. Продажу и покупку церковныхъ мѣстъ вѣдно производить на прежнемъ основаніи по обычной оцѣнкѣ, а въ избѣжаніе разныхъ подлоговъ и злоупотребленій всѣ записи на мѣста записывать въ консисторіяхъ въ шнуrowыя книги. Но при этомъ опредѣлены важныя ограниченія владѣльческихъ правъ на мѣста: 1) чрезъ опредѣленные сроки владѣльцы мѣстъ должны сбавлять

часть ихъ цѣнности,—кто служилъ на мѣстѣ и пользовался съ него доходами 5 лѣтъ, тотъ при продажѣ долженъ получать за него $\frac{1}{2}$ первоначальной цѣны, черезъ 10 лѣтъ— $\frac{1}{3}$, черезъ 15—половину, черезъ 20— $\frac{1}{4}$, послѣ 25— $\frac{1}{5}$, а послѣ 30 не брать уже ничего; притомъ 2) такое оплачиваніе мѣстъ производить только въ пользу вдовъ и сиротъ, а если послѣ умершаго останутся братья и другіе родственники, имѣющіе собственныя мѣста, такихъ въ наслѣдство къ мѣстамъ не допускать, а платить имъ за одно строеніе; 3) если ближнихъ родственниковъ послѣ умершаго не будетъ, на его мѣсто, какъ свободное, опредѣлять студентовъ безъ платы; 4) вовсе запретить продажу мѣстъ при переходѣ владѣльцевъ на другія мѣста (1).

Начавъ такъ горячо, указъ такимъ образомъ все-таки пришелъ къ тому, что самъ же, за приведенными ограниченіями, официально призналъ владѣльческія права духовенства на мѣста, а практика, разумѣется, умѣла обходить и самыя ограниченія; но мы не можемъ не обратить при этомъ вниманія на то основаніе, на которомъ опирается указъ въ своемъ признаніи этихъ правъ; основаніе его не юридическое, на которомъ основывали прежде свои права на мѣста еами владѣльцы послѣднихъ, а моральное,—сострадаваніе къ сиротамъ и вдовамъ, сожалѣніе о ихъ крайней бѣдности, при чемъ и самое признаніе правъ получаетъ совсѣмъ другой смыслъ, является скорѣе милостью, чѣмъ воздаяніемъ долгаго. Такой взглядъ на наслѣдниковъ и владѣльцевъ церковныхъ мѣстъ вырабатывался долгое время, путемъ постепеннаго развитія епархіальной централизаціи и во второй половинѣ XVIII в., какъ видимъ, успѣлъ развиться до того, что могъ наконецъ быть сформулированъ въ положительномъ и ясномъ указѣ. Онъ явился, какъ результатъ и развязка всѣхъ этихъ усилій епархіальныхъ властей,

(1) П. С. З. XVIII, № 13067.

съ какими они заботились о развитіи своего вліянія на наслѣдныя приходы, о томъ, чтобы и зачисленіе мѣстъ, и выборъ викарія для сиротъ, и опредѣленіе условій его съ наслѣдниками, и плата за мѣста производились не иначе, какъ съ вѣдома и благословенія самого архіерея. Сбивая постепенно излишнія притязанія наслѣдниковъ, епархіальныя власти превращали послѣднихъ изъ гордыхъ владѣльцевъ церквей, полновластныхъ хозяевъ въ приходахъ и господъ своихъ викаріевъ въ скромныхъ сиротъ, зависящихъ отъ милости и состраданія архіереевъ. Къ концу XVIII в. цѣль епархіальныхъ властей въ этомъ отношеніи успѣла осуществиться вполнѣ даже въ епархіяхъ югозападной Россіи. Дальнѣйшая судьба наслѣдственности церковныхъ мѣстъ очевидно зависѣла отъ того, какъ долго будетъ признавать ее нужною сама іерархія, будетъ ли стоять за свою первоначальную мысль замѣщать церковныя должности людьми только достойнѣйшими по образованію, мысль, съ которой она въ первый разъ выступила на борьбу съ наслѣдниками и на дѣло развитія своей власти, или же, достигнувъ своей цѣли, благодушно отвесясь къ смирившимся уже наслѣдникамъ, удержитъ и на будущее время свой сострадательный характеръ, будетъ смотрѣть на церковныя мѣста, какъ на удобный для нея источникъ приарбія бѣдныхъ духовнаго званія. Мы увидимъ, что іерархія почла за лучшее идти не въ первомъ, а именно въ послѣднемъ направленіи.

Нельзя впрочемъ не замѣтить, что наша іерархія и прежде, съ самаго начала своей борьбы съ наслѣднымъ порядкомъ занятія церковныхъ мѣстъ, никогда не отрицала самаго принципа наслѣдственности духовнаго служенія, во многихъ случаяхъ старалась даже отстаивать его; особенно противъ искателей священства изъ постороннихъ сословій, и возставала только противъ наслѣдниковъ неученыхъ, не соответствовавшихъ требованіямъ новаго духовнаго образованія. Если наслѣдникъ былъ ученый или по крайней

мѣръ учился въ архіерейской школѣ, права его на наслѣдство были внѣ всякаго сомнѣнія. Указъ Петра великаго—учить поповыхъ и дьяконовыхъ дѣтей въ школахъ заранѣе, чтобы были готовы на праздныя мѣста, такъ постоянно и толковался, что школьники имѣютъ несомнѣнное право на полученіе отцовскихъ и вообще наслѣдныхъ мѣстъ⁽¹⁾. Такимъ образомъ школа могла возмутить спокойствіе наслѣдниковъ только временно, пока они были еще неученые. Когда всѣ наслѣдники стали учеными, борьба противъ нихъ очевидно должна была прекратиться и наслѣдственный порядокъ занятія церковныхъ мѣстъ, разумется, въ тѣхъ границахъ, какихъ требовала отъ него развившаяся епархіальная централизація, могъ свободно продолжать свое существованіе со всѣми своими принадлежностями и проявленіями, сдачей и предоставленіемъ мѣстъ по родству, отдачей мѣста въ приданое, куплей, продажей и т. п.

Самая обычная форма наслѣдственности церковныхъ мѣстъ чрезъ предоставленіе этихъ мѣстъ сиротамъ умершаго священно-служителя постоянно поддерживалась самою іерархією, которая видѣла въ этомъ предоставленіи даже свой священный долгъ, христіанское дѣло милосердія къ сирымъ и вдовицамъ. Замѣчательнъ одинъ указъ московскаго архіепископа Амвросія Вертисъ-Каменскаго, въ которомъ онъ горячо вооружается противъ тѣхъ искателей священно-служительскихъ мѣстъ послѣ умершихъ священно-служителей помимо сиротъ, называя это перебиваніе мѣстъ у сиротъ „предосудительною алчностью“, и предписываетъ по своей епархіи, чтобы „никто въ таковыя безвременныя (даже еще до похоронъ умершаго), челоувѣколюбію и христіанскому благочестію противныя просьбы вступать не дерзаль“⁽²⁾.

(1) Пст. моск. епарх. упр. ч. II, кн. 1, стр. 113.

(2) Тамже, кн. 2, стр. 69—70.

Самъ св. Синодъ въ одномъ указѣ 1767 г., разосланномъ по московской епархіи, узаконялъ: „если послѣ умершихъ священно-служителей останутся дочери и племянницы дѣвицы, а жены умершихъ на мѣста мужей своихъ къ тѣмъ своимъ дочерямъ и племянницамъ пожелаютъ кого принять, таковыхъ по ихъ желаніямъ, достойныхъ и ежели законоправильныхъ препятствіевъ не окажется, опредѣлять. Буде послѣ умершихъ священно-служителей останутся малолѣтніе дѣти мужеска полу такіе, кои дѣйствительно уже обучаются въ школахъ, то до обученія и возрасту ихъ на отцовское мѣсто никого не опредѣлять, а велѣть содержать изъ получаемыхъ отъ тѣхъ церквей, доходовъ акарія. Когда же оные выучатся и въ совершенія къ производству ихъ, въ священно-служительскіе чины: дѣта, вридутъ и достойны, явятся, тогда производить ихъ самихъ“⁽¹⁾. Въ слѣдующемъ году этотъ указъ распространенъ на всѣ другія епархіи; введеныя пункты его включены были въ извѣстный намъ указъ о священно-служительскихъ домахъ, при чемъ прибавлено, что если наследникъ церковнаго мѣста будетъ неученый, такового къ производству на мѣсто отцовское не допускать и за мѣсто отцовское никакой платы, кромѣ только что по оцѣнкѣ за домъ и то погодно, не давать⁽²⁾.

Зачисленіе мѣсть за учениками семинарій было самымъ распространеннымъ средствомъ къ ихъ содержанию и поощренію въ ученіи. За неизмѣнимъ наследныхъ мѣсть за ними зачислялись и нужія свободныя мѣста. Въ 1770 г. св. Синодъ издалъ народный указъ такого содержанія: „почитай за долгъ свой всякое прилагать стараніе не токмо о распространеніи полезныхъ наукъ и о содержаніи учрежденныхъ для того училищъ въ возможномъ порядкѣ, но инаиаче дабы

(¹) Тамже, стр. 276.

(²) П. С. З. № 13067, в. 5. 6., 7.

въ оныхъ училищахъ въ пользу церкви учившіеся студенты, взирая на извѣстный трудъ своихъ конецъ, больше поощряемы тѣмъ были оказывать похвалы свои въ ученіи и поведеніи усѣху, следовательно потому и не оставлены бы они были безъ достойныхъ мѣстъ и безъ пристойнаго по ихъ ученію содержанія, съ Синодъ повелѣваетъ; дабы по Регламенту и другимъ указамъ учившіеся достойные не учившіеся въ духе повиновеніи въ св. чины были предпочитаемы неотменно; и для того въ случаѣ какой-либо священнической или дьяконской вакансіи письменно справкою требовать отъ семинаріи, ... не имѣется ли достойныхъ, ученіе свое окончившихъ или оканчивающихъ, студентовъ, которые бы показанныя мѣста занять достойны были, и если таковые окажутся, таковыхъ предпочтительно и производить; а хотя бы которые совершенныхъ лѣтъ и не достигли, но они находятся въ высшихъ школахъ, а имѣютъ скоро окончить ученія своего кругъ, за таковыми и безъ производства въ св. чинъ могутъ мѣста утверждаемы быть по пастырскому епархіальныхъ архіереевъ разсмотрѣнію“ (1). Св. Синодъ узаконялъ здѣсь впрочемъ не новость, потому что въ практикѣ духовныхъ школъ такое зачисленіе мѣстъ за учениками было уже давнымъ давно.

Бѣднѣйшіе изъ учениковъ, особенно сироты, на рукахъ которыхъ по смерти ихъ отцовъ оставались семейства, имѣли за собой зачисленные мѣста иногда задолго до окончанія курса; такое зачисленіе мѣстъ отмѣчалось предъ ихъ фамиліями и въ семинарскихъ вѣдомостяхъ съ обозначеніемъ, получаетъ ли ученикъ доходъ съ своего мѣста и сколько; наприм.: „половинную часть дохода получаетъ“, „доходомъ мать владѣетъ“ и т. п. Смотря по успѣхамъ учениковъ, мѣста эти за ними мѣнялись; за лучшимъ ученикомъ зачислялось лучшее мѣсто, но если онъ ослабѣвалъ въ успѣхахъ, начальство могло у него переимѣнить это луч-

(1) Ист. общ. наукъ. 51—52.

шее мѣсто на другое похуже ('). Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ мѣста зачислялись за учениками по классамъ, причетническія за учениками низшихъ, а священно-служительскія за учениками высшихъ классовъ. Учениковъ съ зачисленными мѣстами было очень много по семинаріямъ, наприм. въ сѣвской семинаріи въ 1780-хъ годахъ ежегодно насчитывалось чело-вѣкъ по 100, въ 1790-хъ годахъ—по 200, а въ началѣ настоящаго столѣтія по 300 и болѣе ('). Зачисленіе мѣстъ сопровождалось большими неудобствами, весьма тяжкими и для епархіальныхъ начальствъ, и для прихожанъ, да и для самихъ иногда учениковъ. Викаріями на этихъ мѣстахъ служили большею частію люди негодные, лишеныя своихъ собственныхъ мѣстъ за пороки; епархіальныя начальства получали на нихъ множество жалобъ и отъ прихожанъ, и отъ учениковъ, съ которыми эти викаріи вели свои расчеты съ большою несправностью. Но зачисленіе мѣстъ все-таки продолжалось, несмотря на всѣ такія неудобства; бѣдные ученики прямо обращались къ архіереямъ съ прошеніями о томъ, чтобы ихъ приняли на казенное содержаніе, или предоставили имъ „для поощренія наукъ“ праздныя при церквахъ мѣста, и такія прошенія принимались всегда благодушно и очень рѣдко сопровождалась отказомъ. Для устраненія неудобствъ, соединенныхъ съ зачисленіемъ мѣстъ, нѣкоторые епархіальные архіереи наблюдали только то, чтобы мѣста зачислялись главнымъ образомъ при неодноклирныхъ церквахъ ('). Въ 1784 г., по поводу производившагося тогда разбора духовенства, св. Синодъ издалъ указъ, въ которомъ между прочимъ читается: „св. Синоду извѣстно, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ за обучающа-

(') Ист. вост. знад. 374. Ист. троиц. семин. 545—546. Страницы 1866 г. IX кн. «Обозрѣніе способовъ сод. дух. учил.».

(') Ист. сѣси. семин. въ Орловск. св. вѣд. 1865. стр. 376—377.

(') Русск. педагог. вѣстн. т. V, записки. стр. 24.

мисл: семинаристами для поощренія ихъ къ ученію уже зачислены мѣста и доходы съ нихъ получаютъ, то и нынѣ эти мѣста для нихъ оставить, но до окончанія курса на тѣ мѣста другихъ не опредѣлять, чтобъ излишняго притче умножаемо не было“ (1). При этомъ запрещеніи замѣщать зачисленные церковныя мѣста нужно взять во вниманіе то, что въ 1784 г. приняты были самыя энергическія мѣры для размѣщенія множества заштитныхъ священно-служителей, такъ что до размѣщенія ихъ запрещено было даже посвященіе новыхъ ставленниковъ, и нужда въ мѣстахъ была въ высшей степени настоятельна.

Къ концу XVIII столѣтія рѣдкое мѣсто не было наследственнымъ. Постороннимъ лицамъ, не только свѣтскаго, но и духовнаго происхожденія, очень трудно было найти свободное не только священно-служительское, но и причетническое мѣсто. Духовное семейство, пристроившись къ извѣстному мѣсту, держалось за него такъ крѣпко, что не упускало его изъ своихъ рукъ даже послѣ смерти своего члена, занимавшаго это мѣсто по службѣ; мѣсто умершаго, какъ единственный источникъ содержанія, единственная доходная статья семьи, обращалось въ дорогое для сиротъ наследство, изъ-за котораго они крѣпко тягались съ посторонними на него претендентами и, благодаря глубоко укоренившемуся принципу наследственности духовнаго служенія, почти всегда одерживали верхъ въ такихъ тяжбахъ. Въ 1799 г. вышелъ указъ св. Синода, включавшій въ себѣ высочайше утвержденное положеніе о призрѣніи вдовъ и сиротъ духовнаго званія. Перечисляя существовавшіе тогда способы этого призрѣнія, указъ говоритъ между прочимъ, что дѣти умершихъ духовныхъ лицъ мужескаго пола отдавались обыкновенно въ школы на казенное содержаніе съ предоставленіемъ за нѣкоторыми изъ нихъ для про-

(1) Ц. С. З. XXII, № 15981. п. 3.

питанія ихъ семействъ священно-и-церковно-служительскихъ мѣстъ, а дѣти женскаго пола, по достиженіи законныхъ лѣтъ, выдавались за мужъ за крѣпостниковъ, которымъ преимущественно продъ другія давались церковныя мѣста, могущія достигнуть содержаніе и всему семейству удержанаго. Указъ утверждалъ эти способы прирѣшніи и на будущее время (1).

Практика наследственности церковныхъ мѣстъ шла еще далѣе законныхъ опредѣленій и дозволеній и весьма долго сохраняла совершенно оубѣжѣ остатки прежнихъ владѣльческихъ отношеній духовенства къ церковнымъ мѣстамъ. Встрѣчаемъ поступившія письма духовныхъ лицъ о продажѣ мѣстъ, написанныя совершенно въ прежней формѣ съ обычными условіями: „и оныя мѣстою ему (покупщику), жень его и дѣтямъ и наследникамъ владѣть вѣчно“. Мѣста передавались также по духовнымъ завѣщаніямъ и отдавались въ приданое за дочерями. Прозаиода утконосннѹ оцѣнку священно-и-церковно-служительскихъ домовъ и наблюдая за соблюденіемъ порядка наследственности церковныхъ мѣстъ, епархіальная власть сама впутывалась во всѣ семейныя счѣты духовенства о мѣстахъ и своимъ участіемъ въ нихъ придавала имъ официальный характеръ (2). Несмотря на сильное развитіе епархіальной власти, встрѣчаемъ наслѣдниковъ синоставовъ, точно такихъ же, о которыхъ мы упоминали, говоря о старинѣ югозападной Руси, являющія возможности пошастъ на отцовское мѣсто законнымъ путемъ вслѣдствіе своего небогатства. наслѣдникъ наѣзжалъ на наслѣдныи приходъ самовольно и совершалъ явльсь требы безъ посвященія; такихъ примѣровъ мы знаемъ немного, но замѣчательно, что они относятся не къ какой-нибудь глуши нашего обширнаго отечества, а къ московской епархіи (3).

(1) Тамже, № 18921.

(2) См. упомян. ст. о церк. домахъ.

(3) Ист. моск. епарх. управл. ч. II, кн. 2, прилѣч. 298.

Вальдтеев: глубокого сенианія своихъ предъ, обод- денный, ислѣбаникъ докелитъ, еде, драйней, степени раздраженія: на обиду, кричашенуѣ ему отнятіемъ роинаѣ мѣста, леднималъ горячя, тѣжбѣ съ своимъ соперникомъ и даже съ еверхальнымъ начальствомъ, Мы приведемъ здѣсь одинъ, вырочительный, прирѣтъ изъ записокъ рязанскаго архіепископа Гавриила, при- мѣръ, хорошо показывающій съ одной стороны, го- какъ страшныя ссоры происходили иногда мѣста на слѣдствыя мѣсты между духовными семьями, а съ друг- ной и та, какковы иногда бывали сами наследники, за- являвшіе свои претензіи на нарушеніе ихъ наследничьихъ правъ. Въ этихъ запискахъ преев. Гаврииль речева- вываетъ, что его отецъ Іоаннъ былъ опредѣленъ свя- щенникомъ въ с. Пороховани рязанской епархіи на мѣсто старшешаго за: безпорядочную жизнь священ- ника Григорія Иванова. Несмотря на то, что Ива- новъ потерялъ свое мѣсто по своей собственной винѣ и по суду, семейство его все-таки читало это мѣсто своимъ наследственнымъ, и было крайне раздражено, когда врѣхалъ въ село другой священникъ — чужой человекъ. Одинъ изъ сыновей Григорія Гаврииль, бунт- ный: тогда дослушавкомъ, Солодчинскаго, монашера, долго тягался съ о. Іоанномъ и о. Іоаннъ уедѣлъ удар- жать мѣсто за собою; благодаря только сильной под- держкѣ тогдашняго рязанскаго архіерея Симона, по- слѣдній поволи однако необходимо дать Гавриилу то крайней мѣрѣ дьяконское мѣсто при его наслед- ной церкви. Это было въ 1795 г., и съ этого време- ни шѣлыхъ три года о. Іоаннъ долженъ былъ терпѣть непрерывное гоненіе отъ раздраженной семьи, которая большому его несчастью жила въ евермъ прекрас- номъ подлѣ его дома и была довольно многочисленна. Она состояла изъ дитеннаго мѣста отца, алой и же- стокой матери, пятерыхъ взрослыхъ сыновей и доче- ри; одинъ изъ братьевъ служилъ дьякономъ при церк- ви, другой былъ дьячкомъ, третій пономаремъ. Имѣя такое сповѣдство, и окруженный такимъ причтомъ, о.

Юаннъ выходилъ свое положеніе повзваснымъ и нѣсколько разъ принимался хлопотать о переходѣ на другое мѣсто. Въ довершенію всѣхъ его былъ одинъ изъ сыновей его предѣстника, Маркъ или Марукъ, угодившій во время Екатерининскихъ разборовъ духовенства въ солдаты и бѣжавшій изъ службы, занимаемая разбоемъ по р. Окѣ и вмѣстѣ съ своими товарищами имѣлъ притонъ у своего отца. Сестра о. Іоанна не могла безъ страха выходить изъ дому ни въ поле, ни въ луга для работъ. Марукъ выжигалъ у нея сѣно на лугахъ, побивалъ скотину, дѣлалъ множество другихъ неврѣтностей и кромѣ того похвалялся при первомъ удобномъ случаѣ убить самого о. Іоанна; возбуждаемый своею матерью, онъ нѣсколько разъ покушался даже привести это намѣреніе въ исполненіе, однажды дѣлался въ о. Іоанна изъ ружья черезъ окно въ домъ одного прихожанина, у котораго священникъ совершалъ такую-то требу, въ другой разъ подстерегалъ его съ ружьемъ на озерѣ, гдѣ тотъ ловилъ себѣ рыбу, въ третій вмѣстѣ съ товарищами наѣхалъ прямо на его домъ, но всякій разъ въ чужибудь да находилъ себѣ неожиданную помѣху, несмотря на то, что имѣлъ отъ своей сестры всѣ нужныя свѣдѣнія о каждомъ шагѣ о. Іоанна. Уже въ 1798 г. послѣдній получилъ наконецъ свободу отъ всѣхъ страховъ, какихъ потерпѣлся доселѣ. Въ руки правосудія попалъ одинъ изъ сподвижниковъ Марука и оговорилъ всю его семью въ пристанодержительство разбойниковъ и въ соучастіи съ ними. Священникъ Григорій былъ наказанъ кнутомъ на погостѣ своей бывшей церкви и сосланъ въ Сибирь, дьяконъ Гавріиль, виновный менѣе другихъ братьевъ, посланъ въ монастырь, жена его, трое братьевъ и сестра наказаны плетью и сосланы въ Сибирь; самъ Марукъ успѣлъ избѣжать помѣхи и скрылся, неизвестно куда (*).

(*) Эти записки над. въ Странникѣ 1864 г. апрѣль.

Въ текущемъ столѣтїи правительство нѣсколько разъ возвращалось къ вопросу о церковныхъ домахъ для приходскаго духовенства. ожидая отъ рѣшенїя этого вопроса устраниенїя многихъ неудобствъ при замѣненїи церковныхъ мѣстъ. Въ 1808 г. вопросъ этотъ поднимался въ комитетѣ объ усовершенствованїи дух. училищъ и улучшенїи быта духовенства, при чемъ положено было устроить церковные дома во всѣхъ приходахъ на точномъ основанїи указовъ 1718, 1722 и 1768 годовъ, проектировать былъ даже особый церковно-строительный капиталъ ⁽¹⁾. Предположенїя комитета не пришли въ исполненїе и, сколько извѣстно, до 1830-хъ годовъ изъ проектировавшаго имъ капитала не выстроено было ни одного церковнаго дома. За тѣмъ о церковныхъ домахъ было рѣшенїе въ 1829 г. по поводу новаго возбужденїя вопроса объ улучшенїи быта духовенства. Въ именномъ указѣ 6 декабря этого года положено было „нубуждать прихожанъ, особенно сельскихъ, чтобы отъ нихъ заводимы и поддерживаемы были по возможности дома для жительства священно-церковно-служителей, и для большей удобности производить сіе постепенно и по мѣрѣ возможности каждаго прихода; на первый же разъ приводить въ сіе положенїе дома священниковъ“ ⁽²⁾. Тоже повторено потомъ въ Сводѣ законовъ, съ тѣмъ только различїемъ, что, согласно съ Положенїемъ объ улучшенїи быта западно-русскаго духовенства 1842 г., постройка домовъ для причтовъ сдѣлана въ западно-русскихъ епархіяхъ обязательною для прихожанъ ⁽³⁾. Вопросъ о церковныхъ домахъ не рѣшенъ еще и до-

⁽¹⁾ Высоч. утвержд. докладъ комит. II. С. З. XXX, № 23122. отд. IV.

⁽²⁾ 2-е Собр. зак. № 3323, II. в. 12—13.

⁽³⁾ Св. зак. IX т. прилож. къ ст. 323, гл. II. 2-е Собр. зак. XVII, № 15872.

бель, несмотря ни на все разсужденія объ немъ и въ административной и въ общественной сферѣ (*).

Постоянно продолжалось также зачисленіе перковныкъ мѣстъ за сиротами, какъ самое главное средство къ обезпеченію бѣдныхъ духовнаго званія. Правительство не трогало заведеннаго порядка до позднѣйшаго времени, хотя и давно уже видѣло его неудобства во многихъ отношеніяхъ. Въ 1823 г., при учрежденіи попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія, подвергнуты были разсмотрѣнію все существовавшія доселѣ средства ихъ призрѣнія; къ нимъ относились: 1) опредѣленіе на мѣста престарѣлыхъ, больныхъ и умершихъ священно-служителей; преимущественно предъ другими, родственниковъ ихъ; пріемлющихъ на себя обязанность доставлять пропитаніе ихъ и ихъ семействамъ, или постороннихъ, соглашающихся на доставленіе имъ нѣкоторыхъ пособій; 2) предоставленіе сиротамъ мужскаго пола, обучающимся въ духовныхъ училищахъ, части доходовъ отъ диаконскихъ и причетническихъ мѣстъ, оставляемыхъ для того на нѣкоторое время праздными, и 3) опредѣленіе вдовъ и сиротъ женскаго пола въ просвирни. Не говоря ничего о послѣдней формѣ призрѣнія, докладъ св. Синода, разсматривавшаго дѣло о призрѣніи, неодобрительно отзываясь о первой и второй формѣ, — о первой потому, что она стѣсняла свободу духовнаго начальства въ выборѣ достойныхъ кандидатовъ на мѣста и давала наслѣдникамъ поводъ пренебрегать надлежащимъ приготовленіемъ къ ихъ будущему служенію, а о второй — потому, что она заставляла долгое время держать церковныя мѣста незамѣщенными, а это во многихъ случаяхъ не могло обойтись безъ существен-

(*) Важнѣйшіе указы послѣдняго времени: 21 іюня 1863 г. объ обязательной постройкѣ домовъ для приходовъ при открытіи новыхъ приходовъ, и 11 февр. 1870 г. объ облегчительныхъ мѣрахъ къ пріобрѣтенію въ церковную собственность домовъ для помѣщенія причтовъ и др. недвижимыхъ имуществъ.

наго вреда. Учредивъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, правительство указало нѣкоторыя новыя средства призрѣнія духовныхъ вдовъ и сиротъ; но эти новыя средства были не настолькоъ надежны и достаточны, чтобы можно было совершенно замѣнить ими старыя средства; поэтому, высказавъ свое осужденіе этихъ послѣднихъ, правительство все-таки должно было оставить ихъ совершенно по старому (¹). Тѣже самыя средства призрѣнія, въ качествѣ впрочемъ „употребляемыхъ по необходимости и обычаю“, указаны за тѣмъ и въ Сводѣ законовъ (²).

Намъ нѣтъ нужды говорить много о томъ, какъ, пользуясь подобными опредѣленіями самого законодательства, развивалась въ текущемъ столѣтіи самая практика наслѣдственности духовныхъ должностей. Факты у всѣхъ въ свяжей памяти и кромѣ того съ величайшей подробностію разсмотрѣны въ современной намъ свѣтской и духовной литературѣ по поводу возбужденія вопроса объ улучшеніи быта духовенства (³). Еще доселѣ найдется довольно приходовъ, въ которыхъ одни и тѣже духовные роды служатъ наслѣдственно не одно даже столѣтіе (⁴). Едва ли потомъ не

(¹) П. С. З. XXXVIII, № 29583.

(²) Свод. зак. т. XIII. Уст. общ. призр. ст. 1617.

(³) Въ образчикъ можно указать стат. Никитинскаго въ Днѣ 1864 г. №№ 19 и 20, другую С. Ш. въ № 26 тойже газетѣ.

(⁴) Наприм. въ каширскомъ уѣздѣ с. Заглухинѣ преемственность священническаго служенія отъ отца къ сыну продолжается отъ 1650-хъ годовъ. въ чемъ, заключаетъ авторъ описанія приходской церкви, «явно виденъ перetzъ Божій, благословенный наслѣдственный священство». (Тульск. еп. вѣдом. 1870 г. № 23). Недавно изданныя воспоминанія о Сурдинѣ свящ. с. Доминія о. Алексѣя заключаютъ въ себѣ любопытную генеалогію автора, которая представляетъ непрерывную преемственность одного и того же священническаго рода, восходящую даже царя Михаила Феодоровича Романова (Р. Архивъ 1871 г. кн. 2: Правда о Сусанинѣ).

каждому изъ современныхъ намъ людей духовнаго званія приходилось писать или по крайней мѣрѣ читать эти слезныя прошенія преосвященнымъ о зачисленіи мѣстъ за сиротами, въ которыхъ постоянно указывалось на то, что просимое мѣсто родовое, находилось столько-то десятковъ лѣтъ во владѣніи отца, дѣда, прадѣда, дяди, тестя и т. п. Тѣ изъ архипастырей, которые наиболѣе отличались практикой зачисленія и предоставленія мѣстъ, пользовались громкой репутаціей милостивыхъ, отцовъ и утѣшителей вдовъ и сиротъ и сами считали свои дѣйствія исполнѣ богоугодными и законными предъ судомъ нравственнымъ. Въ жизнеописаніи преосв. Кирилла каменецъ-подольскаго, особенно прославившагося милосердіемъ къ сиротамъ, находимъ наприм. извѣстіе такого рода: „для сиротъ онъ верѣдко измѣнялъ принятому имъ правилу—не рукополагать на священническія мѣста изъ неокончившихъ курсъ семинаріи. Усильныя просьбы и слезы осиротѣвшаго семейства дѣлали то, что преосвященный позволялъ желающему занять сиротскій приходъ оставлять курсъ богословскаго ученія и посвящать его въ священника“. Въ одно время св. Синодъ нашель вужнымъ послать къ нему особый указъ, чтобы, сообразно съ высочайше утвержденными правилами, онъ предоставлялъ сиротамъ только причетническія и дьяконскія мѣста, а священническія не болѣе, какъ на годъ, потому что долѣ этого они не могутъ оставаться праздными (1). Не приводя другихъ примѣровъ, укажемъ еще на недавно почившаго представителя нашихъ іерарховъ, знаменитаго московскаго архипастыря Филарета, который, по отаву почтеннаго секретаря московской консисторіи г. Розанова, употреблялъ означенныя средства вспомошествованія бѣдному духовенству въ обширныхъ размѣрахъ. „При пель и бывшіе въ силахъ, но недостаточные священнослужители находили средства устроить своихъ доче-

(1) Подольск. епарх. вѣдом. 1864 г. № 1 и 22.

рей въ замужество посредствомъ слачи своего мѣста, а сами переходили на другія мѣста или выходили въ заштатъ; за сиротами не только мужескаго пола, но и женскаго до возраста ихъ предоставляемы были священно-и-церковно-служительскія мѣста, а къ взрослымъ дочерямъ умершихъ членовъ причта обычно было опредѣлять только тѣхъ, которые соглашались вступить съ ними въ супружество“ (1).

Безъ преувеличенія можно сказать, что изъ всѣхъ лицъ бѣлаго духовенства, поступившихъ на должности за послѣдніе 20—25 лѣтъ, едвали найдется $\frac{1}{10}$ такихъ, которые бы поступили на совершенно свободныя мѣста, т. е. безъ всякихъ обязательствъ семейству предшественника, или безъ взятія за мужъ дѣвицы, за которой было предоставлено мѣсто. Такъ какъ для нашего бѣднаго духовенства тяжело устройство участи не столько его сыновей, сколько дочерей, то церковныя должности постоянно зачислялись и предоставлялись именно за дѣвицами духовнаго званія; для выхода за мужъ духовной дѣвицы нужно было не столько приданое, сколько зачисленное за нею мѣсто; „новѣста безъ мѣста“ на языкѣ духовенства означаетъ что-то очень плохое, даже презрительное. Въ послѣднее время, по милости этой системы пристроенія духовныхъ дѣвицъ, во многихъ епархіяхъ совершенно невозможно было найти церковное мѣсто „безъ взятія“ какой-нибудь дѣвицы не только воспитаннику семинарии, но и почтенному профессору; если послѣдній имѣлъ несчастіе жениться по своему избранію, особенно на дѣвицѣ свѣтскаго званія, онъ долженъ былъ навсегда отказаться отъ надежды посвятить себя когда-нибудь священному служенію, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, и даже долженъ былъ оставлять иногда самое духовное званіе. Не было ни одного закона, ни гражданскаго, ни церковнаго, о томъ, что-

(1) См. въ указ. стат. «О церк. домохъ въ Москвѣ».

Они духовныя лица не вступали въ супружество съ свѣтскими дѣвицами, а между тѣмъ во многихъ епархіяхъ давно утвердилось подобное требованіе и поддерживалось очень настойчиво самими епархіальными властями, даже официально прописывалось въ консисторскихъ билетахъ ставленикамъ на женитьбу. Въ подмосковныхъ епархіяхъ требовалось даже, чтобы духовныя лица брали себѣ невѣсть непременно въ предѣлахъ своей епархіи;—этого мало,—требовалось, чтобы ищущіе священства женились на дочеряхъ священническихъ, будущіе дьяконы—на дьяконскихъ и т. д.; каста, не допускавшая браковъ съ посторонними, дробилась такимъ образомъ на другія мельчайшія касты по степенямъ іерархіи. Въ последнее время, когда по поводу предпринимаемыхъ реформъ въ духовенствѣ причты приглашены были излагать свои мнѣнія о способахъ улучшенія ихъ быта, нѣкоторые изъ нихъ (напр. въ тверской епархіи) въ числѣ этихъ способовъ прямо поставили уничтоженіе приведенныхъ стѣсненій касательно браковъ духовенства. Со времени распространенія училищъ для дѣвицъ духовнаго званія явились еще ученые, привилегированныя наслѣдницы и претендентки на церковныя мѣста, значеніе которыхъ можно отчасти сравнить съ прежнимъ значеніемъ ученыхъ наслѣдниковъ; за ними еще охотнѣе предоставлялись мѣста, чѣмъ за неучеными невѣстами.

Въ литературѣ не разъ была заявляема рѣзкая мысль, что церковныя должности давались въ приданое за духовными невѣстами. На самомъ дѣлѣ трудно было разобрать, что тутъ имѣло значеніе приданого, мѣсто, или самая невѣста. Въ одномъ изъ мнѣній, присланныхъ архіереями по поводу замышлявшихся преобразованій въ духовенствѣ, читаемъ: „множественно случалось, что на предложеніе взять въ замужество какую-нибудь сиротку, иной изъ посвящаемыхъ отвѣчалъ, что онъ согласенъ взять, какую угодно, только бы дано было мѣсто получше, и висколько не помышляетъ ни о предлагающихъ обязанностяхъ, ни о каче-

отцах своей будущей жены. Такие отцы не подтверждають воспринятой привязанности къ св. Синоду. Кто и говорилъ о своей привязанности къ родному авантю, и тогда не ступилъ на мѣсто, какъ будто совсѣмъ забываетъ о ней и своею судьбою тяготится, отъ окружающихъ и домашними начинаетъ ссориться и проч. (2) Въ результатъ такого способа замѣщенія церковныхъ мѣстъ и пристроенія сиротъ нѣрѣдко выходило, что не удовлетворялись ни церковные интересы, такъ какъ заботились не столько объ нихъ, сколько о пристроеніи такой-то или такого-то сироты, ни интересы семейные, вслѣдствіе отсутствія согласія и любви между супругами и тяжелыхъ обязательствъ молодого священно-служителя семейству своей жены. Въ отчетѣ синодальнаго оберъ-прокурора за 1867 г. замѣнено, что „на священно-служительскія мѣста поступали весьма часто лица только на основаніи родства или обязательства содержать смѣщенныхъ или осиротѣвшихъ, а не по достоинству“, что изъ за обязательствъ семейныхъ „возникали нестроенія въ семейной жизни духовенства, во множествѣ случаевъ переходившія въ тяжобныя дѣла. Подобныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ просьбами о предоставленіи мѣстъ за сиротами или родственниками, въ послѣдніе три года восходило въ св. Синодъ около 300; еще болѣе рассматривалось и рѣшалось въ епархіальномъ управленіи“.

Какъ ни вооружался св. Синодъ противъ купли и продажи церковныхъ мѣстъ въ извѣстномъ указѣ 1768 г., но эта купля и продажа уцѣлѣла даже и въ XIX вѣкѣ. Въ болѣе благовидной формѣ семейныхъ обязательствъ она сохранилась цѣликомъ и была официально признана самою духовною администраціей, которая утверждала эти обязательства своею властію и сама разбирала всѣ возникавшія отъ ихъ нарушенія тяжбы. Въ неофициальной сферѣ она сохранялась и въ чис-

(2) Русск. вѣстн. 1869 г. кн. IX: «Цѣловоду послѣди. зак. о духовенствѣ», стр. 369.

томъ своимъ видѣ. У сердобольныхъ отцовъ въ духовенствѣ, желавшихъ пристроить своего сына или дочь къ мѣсту, и между тѣмъ не желавшихъ сдавать соборвеннаго мѣста, всегда были на приѣздѣ ранние престарѣлые и бездѣтные священно-служители, которыхъ уже пора было выходить въ заштатъ и хотѣлось при этомъ не даромъ расстаться съ своимъ мѣстомъ. Много отцовъ ухаживало за такими старцами, уговаривая ихъ уступить мѣсто и предлагая за него вознагражденіе. Начинались торги, переторжки; соперники надбавляли цѣну, съѣзжались, разъѣзжались по нѣскольку разъ, и дѣло оканчивалось въ пользу болѣе ловкаго и богатаго покупателя. Заключался письменный договоръ, который, въ случаѣ спускодательности архіерея къ подобнымъ сдѣлкамъ, вносился иногда въ самое прошеніе о предоставленіи мѣста такому-то или такой-то подлѣ условіемъ успокоенія старости прежняго его владѣльца. Въ случаѣ же неблагорасположенія начальства къ такимъ сдѣлкамъ, онѣ прикрывались родствомъ просящаго мѣста съ сдающимъ, и въ прошеніи писалось, чтобы дозволено было сдать мѣсто подлѣ такими-то условіями такой-то родствѣ, хотя бы никакого родства тутъ и не было, или и было какое-нибудь, но самое отдаленное (*). Повѣрять вѣрность подобныхъ ссылокъ на родство не было почти никакой возможности, потому что, при многосемейности и частыхъ бракахъ духовенства исключительно внутри своего сословія в своей епархіи, каждое духовное лице обыкновенно имѣетъ у себя такую обширную родню, что и само не въ состояніи пересчитать всѣхъ ея членовъ.

Въ такомъ положеніи засталъ духовенство указъ 22 мая 1867 г. Приведа извѣстное положеніе 1823 г. о мѣрахъ призрѣнія вдовъ и сиротъ духовенства,

(*) См. стат. г. Императорскаго въ Дѣлѣ 1864 г. № 19
и 20.

указъ продолжаетъ: „мѣры эти“ были допущены по необходимости и обычаю; впрочемъ и тогда онѣ признавались неудобными, почему и употребленіе ихъ разрешено только въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ сего не произойдетъ разстройства въ епархіальномъ управленіи. Несмотря впрочемъ на такое ограниченіе, на практикѣ оказывалось, въ теченіе 43-хъ лѣтъ, много весьма важныхъ неудобствъ и существенныхъ затрудненій отъ употребленія означенныхъ мѣръ. Самое главное неудобство, служившее въ ущербъ и достоинству Церкви, состояло въ томъ, что на священно-служительскія мѣста назначались лица во многихъ случаяхъ потому только, что они съ полученіемъ мѣста обязывались содержать осиротѣвшее семейство; съ обязательствомъ же этимъ не всегда соединялось призваніе къ священству и тѣ качества, которыя необходимы къ достойному прохожденію сего служенія. Самыя церкви и приходы нерѣдко приходили въ разстройство и упадокъ, когда вакантныя мѣста, бывъ зачислены за малолѣтними сиротами, оставались нѣкоторое время праздными. Что же касается до назначенія части изъ церковныхъ доходовъ и земли въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго званія, то выдѣлъ этотъ при скудныхъ средствахъ причтовъ, составляя для нихъ значительное обремененіе, не обезпечивалъ и пользовавшихся имъ. Къ взаимнымъ неудовольствіямъ и ропоту обѣихъ сторонъ присоединялось нерѣдко невольное несоблюденіе обязательствъ членами причтовъ, принимавшихъ на себя призрѣніе вдовъ и сиротъ, а вмѣстѣ съ этимъ возникало такое множество дѣлъ, которое составляло положительное бремя для духовныхъ учреждений, должностствующихъ разсматривать эти дѣла. Св. Синодъ постоянно имѣлъ въ виду эти затрудненія и неудобства, но по необходимости снисходилъ, такъ какъ обстоятельства, при которыхъ издано было положеніе 1823 года, не измѣнились. Въ послѣднее же время открылись другіе способы къ возможному обезпеченію православною духовенства, таковы—назначеніе духовен-

ству пенсій и пособій изъ опредѣленнаго на этотъ предметъ особаго кредита и установленіе для тогоже ежегодныхъ съ церковныхъ причтовъ взносов". На этомъ основаніи св. Синодъ ходатайствовалъ объ отмене помянутыхъ мѣръ 1823 г. Государственный совѣтъ по его ходатайству написалъ свое мнѣніе, по утверженіи Государемъ Императоромъ получившее силу закона. Положено было: 1) при опредѣленіи на вакансныя мѣста послѣ умершихъ или уволенныхъ въ заштатъ духовныхъ лицъ между кандидатами не считать родства съ умершими или уволенными обстоятельствомъ, дающимъ преимущественное предъ другими кандидатами право на занятіе вакансій; 2) зачисленія церковныхъ мѣстъ за дочерью или родственниками занимавшихъ сіи мѣста лицъ, съ правомъ опредѣленія на эти вакансіи тѣхъ кандидатовъ, которые вступаютъ въ бракъ съ такими дѣвицами, на дальнѣйшее время болѣе не допускать; 3) обязательства со стороны поступающихъ на мѣста касательно выдачи своимъ предмѣстникамъ или ихъ семействамъ части доходовъ или пособія въ содержаніи не признавать дѣйствительными и никакой переписки по духовному вѣдомству о принятіи повелительныхъ мѣръ къ исполненію такихъ обязательствъ не производить, держась сего правила и относительно выдѣла причтами изъ церковныхъ доходовъ и земли въ пользу состоящихъ при церквахъ вдовъ и сиротъ, къ коимъ причты обязывались доселѣ по распоряженію епархіальныхъ начальствъ; 4) не допускать открытія новыхъ въ составѣ причтовъ вакансій не по вуждамъ приходовъ, а для опредѣленія на оныя извѣстныхъ лицъ или для призрѣнія осиротѣвшихъ духовныхъ семействъ; 5) за тѣмъ изъ указанныхъ общихъ средствъ призрѣнія духовенства оставить въ силѣ принятіе сиротъ на казенное содержаніе въ училищахъ и опредѣленіе вдовъ и сиротъ женскаго пола въ просвирни при церквахъ.

Приведенный указъ произвелъ сильное впечатлѣніе на духовныя семейства и привелъ духовныхъ си-

ротъ въ тѣмъ большее отчаяніе, что имъ хорошо было извѣстно, какъ неудовлетворительны тѣ другіе способы призрѣнія, о которыхъ въ немъ говорилось. Но онъ былъ уже давно необходимъ, хотя бы даже для того, чтобы наконецъ духовенство само подумало о другихъ средствахъ къ обезпеченію своихъ семействъ и постаралось освободиться отъ неприличныхъ и вредныхъ для Церкви проявленій прежняго хозяйственнаго отношенія къ церковному служенію. Отъ того, когда сироты, не удовлетворяемые больше епархіальными начальниками, не перестали домогаться возстановленія прежнихъ порядковъ и стали обременять своими жалобными просьбами о родовыхъ мѣстахъ св. Синодъ, въ январѣ слѣдующаго 1868 г. вышель новый указъ съ настойчивымъ подтвержденіемъ прежняго, чтобы епархіальные архіереи поставили въ непремѣнную обязанность благочиннымъ внушать лицамъ духовнаго званія, дабы они не утруждали св. Синодъ прошеніями съ ходатайствомъ, явно противнымъ Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта, и тѣмъ самымъ не обременяли св. Синодъ излишнею перепискою, и что если будутъ поступать въ св. Синодъ просьбы отъ духовныхъ лицъ о предоставленіи ихъ дѣтямъ или родственникамъ священно-служительскихъ мѣстъ, то оныя будутъ оставлены безъ разсмотрѣнія и отвѣта.— Наконецъ указомъ 11 іюля 1869 г., отчислившимъ отъ духовнаго званія всѣхъ дѣтей духовенства, кастовое устройство духовенства окончательно было расторгнуто, если еще не *de facto*, по крайней мѣрѣ *de jure*; вмѣстѣ съ тѣмъ церковная администрація окончательно освободилась отъ неблагоприятнаго и неприличнаго ей труда пещись о громадной массѣ людей тысячь въ 500 или 600 обоего пола, устроить ихъ браки и наслѣдства, приискивать женихамъ невѣсты, невѣстамъ жениховъ, пристраивать ихъ къ мѣстамъ, обращающа священное служеніе въ средство ихъ прокормленія, разбирать ихъ семейныя распри и счеы и т. п.

II. Знаменскій.

(продолженіе будетъ)

ОГЛАВЛЕНИЕ

третьей части

ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА

НА 1871 ГОДЪ.

	<i>страницъ.</i>
Слово, сказанное высокопреосвященнымъ <i>Антоніемъ</i> , архіепископомъ казанскимъ, при посѣщеніи паствы въ селѣ Алексѣевскомъ, лаишевскаго уѣзда, 13 іюня 1871 года . . .	3.
Спиритизмъ какъ философско-религіозная доктрина. <i>В. Снегирева. (продолженіе)</i> . . .	9, 142 и 282.
Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра. <i>П. Знаменскаго.</i> 52, 173, 331 и 419.	
Слово 1-е, сказанное высокопреосвященнымъ <i>Антоніемъ</i> , архіепископомъ казанскимъ, при отергтіи черемисскаго Архангельскаго монастыря, по освященіи въ немъ храма, 5 сентября 1871 года	97.
Слово 2-е, сказанное высокопреосвященнымъ <i>Антоніемъ</i> , архіепископомъ казанскимъ, въ черемисскомъ Архангельскомъ монастырѣ въ день храмоваго праздника, 6 сентября 1871 года	106.

II

страниц.

Историко-критическій очеркъ философскихъ направлений, возникшихъ по поводу рѣшенія вопроса о познаніи человѣческомъ.
В. Голубинскаго 115 и 367.

Слово въ день архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ *П. А. В.* 229.

Очеркъ религіознаго состоянія крещеныхъ татаръ, подвергшихся вліянію магометанства. (Миссіонерскій дневникъ). *Е. Малова.* 234 и 397.

Значеніе имени „человѣкъ“ у разныхъ народовъ. *А. Некрасова. (окончаніе).* 256.

Слово, сказанное высокопреосвященнымъ *Антоніемъ*, архіепископомъ казанскимъ, по освященіи дождовой церкви въ казанской крещено-татарской школѣ, 12 декабря 1871 года 357.

